Антон Первушин

ИНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Сборник
научно-фантастических повестей

Союз писателей
Санкт-Петербурга

2014

УДК _____

ББК _____
____

Издание осуществлено при поддержке
Комитета по печати
и взаимодействию со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга

Первушин А.
Иные пространства. Сборник фантастических повестей.
СПб.: 2014. – 560 с.

ББК _____

ISBN_____

© А. Первушин, текст, 2014
© _____, 2014

ПРОСТРАНСТВО ПРОШЛОГО

«НЕБО ДОЛЖНО БЫТЬ НАШИМ!»

Рукопись, найденная в межпланетном пространстве

ФРАГМЕНТ ПЕРВЫЙ

27 сутки полета

...Алексей убедил меня, что нужно вести дневник.

Я отказывался, говорил, что бортового журнала командира вполне достаточно. Но Алексей сказал так:

— Видишь ли, в бортовом журнале люди пишут о том, что происходит на корабле. А не о том, что думает экипаж. Наш полет — это самое необычайное приключение в истории человечества. Его будут изучать потомки. В институтах, в школах даже. Каждая написанная тобой страница, станет откровением для будущих поколений. И что ты хочешь оставить им? Сухие записи? Провели коррекцию? Посидели на велотренажере? Починили сливной бачок? Скучно, девушки! А вот если ты запишешь, что мы тут думали, о чем мы говорили, — это будет интересно, это будет представлять ценность...

Я спросил Алексея:

— Ты предлагаешь рассказывать всё как есть?

— Конечно же, — ответил он. — Ничего не скрывай. Допустим, твой дневник засекретят. Но лет через пятьдесят гриф снимут. И вот тогда наши мысли станут документом эпохи.

Я подумал над его предложением.

Наверное, он прав. В любом случае первый этап полета завершен, системы налажены, и теперь мы прибегаем только к

мелкому ремонту да изучаем медицинские показатели друг друга. Свободного времени стало очень много. Хватает и на то, чтобы спокойно пообщаться, вспомнить прошлое, подумать о будущем...

Меня беспокоило только одно. И об этом я без обиняков сказал Алексею.

— Слушай, — сказал я. — Мы ведь с тобой живем здесь и сейчас. Мы ведь не знаем, что будут думать потомки о нашем полете. Вдруг они сочтут его величайшей глупостью человечества? А наши с тобой разговоры станут подтверждением этой глупости?

Алексей нахмурился, но потом снова повеселел.

— Разве кто-нибудь считает глупостью экспедицию Колумба? — возразил он. — Кто-нибудь считает дураками Магеллана или Крузенштерна? Нет, ими восхищаются. Будут восхищаться и нами. Даже когда межпланетные корабли долетят до края Солнечной системы, когда на Луне, Марсе и Венере появятся гостиницы для туристов, — даже тогда наш полет будет вызывать уважение. Ведь мы были первыми. Не забывай об этом. Мы первые!

Не могу не согласиться. Мы первые! И за это нам многое простится...

28 сутки полета

...Алексей подал дельную идею. Чтобы как-то увязать одно с другим внутри дневника, нужно писать не только о том, что мы обсуждаем и о чем думаем сегодня, но и о том пути, который мы прошли, прежде чем оказаться здесь. Проще говоря, Алексей предложил написать мемуары. Я отшутился: «Молод еще, а ранняя смерть от алкоголизма мне не грозит». А потом решил, что он, похоже, снова прав.

После первого полета, после всей шумихи, пресс-конференций, банкетов, издательство «Правда» заказало мне

книгу воспоминаний. Вроде бы все пишут, и я должен. Пошел к Каманину за советом. А он говорит: «Не беспокойся, при любом издательстве толпа голодных писателей прикармливается. Накропает какой-нибудь борзописец, а ты подпишешься». И ведь знал, о чем говорил. Так оно всё и получилось.

Свели меня с таким ушлым мальчиком — Валькой Сафоновым. Молодое дарование. За него сам Голованов похлопотал. Он со мной и туда, и сюда, разве что в сортир не пролез. И всё выспрашивал, особенно за рюмкой. Потом пропал на полгода. А через полгода звонят из «Правды»: «Приезжайте за гонораром и авторскими экземплярами».

Почитал я ту книгу. Большой выдумщик оказался этот Сафонов. Изобразил меня чуть ли не вторым Циолковским. Будто я с детства астрономией увлекался, космическими полетами грезил и даже какие-то модельки под плотницким столом мастерил. И всех своих односельчан подбивал построить ракету и лететь на Луну. Откуда он это взял, ума не приложу. Но книжка многим нравится. Вот и Алексей ее одобряет. Говорит, что в ней описан не человек, а легенда. А легенда всегда привлекательнее живого человека.

Я к чему вспомнил об этом? К тому, что пора писать, как оно было на самом деле. Без ссылок на требования издательства «Правда». И без прикрас. Хоть и кажется, что биография у меня заурядная в сравнении с тем, какие грандиозные события произошли в Советском Союзе за последние двадцать лет, но и в ней есть яркие страницы, которые способны поразить воображение даже искушенных людей. В этом смысле не жалуюсь...

29 сутки полета

...Если быть до конца честным перед собой и перед потомками, то могу заявить: астронавтикой я в молодости не увлекался. И в астронавты не собирался. Потому что ничего не знал ни об астронавтике, ни о ракетах, ни о Циолковском.

А вот военным стать, офицером — это да, было. Например, танкистом.

Родился-то я в селе, на Смоленщине. Жили бедно, хоть и вкалывали. Образования толкового получить я не мог и на институты не рассчитывал. Так что теперь понимаешь, один путь был вырваться — уйти в армию. А тогда еще накладывалось предчувствие войны. Оно буквально висело в воздухе. Тревожность, словно перед грозой.

Помню, соберет отец приятелей за столом, выпьют самогона и давай рассуждать, какая у нас будет тактика и стратегия, если немцы нападут. В том, что немцы нападут, никто не сомневался. И в том, что мы дадим им решительный отпор и погоним до самого Берлина, тоже никто не сомневался. А нам, мальчишкам, только того и надо. Потому что романтика. Сидим на лавке, уши развесим. Нам хотелось быть офицерами, стрелять из всамделишного оружия, получать ордена. Нам хотелось на войну. А о том, что на войне убивают, мы не думали. Кто же верит в смерть, когда тебе нет еще и десяти? А тут и песня о трех танкистах. И фильмы соответствующие...

Позже мой старший брат стал танкистом, а меня судьба миловала. Война всё-таки началась, а сокрушительного разгрома немецких захватчиков не получилось. Помню, как немцы входили в наше село. Сначала самокатчики проскочили на велосипедах. А потом въехал на улицу и остановился напротив нашего дома танк. С белой свастикой на броне. Сверху сидел танкист в черном пропыленном комбинезоне, в кожаной фуражке и очках-консервах, какие любят мотоциклисты. Огляделся немец вокруг и заметил меня, жмущегося к веранде. Снял очки и улыбнулся. Но такой у него при этом был волчий оскал, такой холодный стальной взгляд, что я навсегда зарекся даже думать о том, чтобы пойти в танковые войска...

Немцы, кстати, остались надолго. Мой юный биограф Сафонов написал в книжке, будто бы всю нашу семью выселили из дома и заставили жить в землянке. Это он так мое

прошлое обеляет. Ерундистика, конечно. Никого немцы не выселяли — партизан боялись, да и вообще. Но потесниться пришлось: прислали нам на постой механика Альберта. Баварец с будкой, как у бульдога. И сволочь редкая. По-русски он ни бельмеса не понимал и учиться не хотел. Потому что считал себя нашим хозяином. Пришлось отцу как-то находить с ним общий язык. Но всё равно мы не знали, чего от баварца ждать. Бывало, сидит-сидит, а потом такое выкинет — только держись. Как-то Борьку, моего младшего брата, схватил, затянул шарф на шее и к яблоне привесил. Насилу откачали. Фашист, короче. Очень надеюсь, что этого Альберта наши войска потом взяли в плен и повесили...

С другой стороны, теперь-то я понимаю, что без войны не было бы советской астронавтики. Да и нашего полета не было бы. Немцы создали первые тяжелые ракеты «Фау-2» и первыми запустили их — этого из истории не выкинешь. Хоть и предназначались их ракеты для того, чтобы обстреливать Лондон, а главный конструктор Вернер фон Браун был нацистом и эсэсовцем в больших чинах, — всё же роль свою они сыграли. Наши и американцы к тому времени только о ракетных ускорителях для самолетов задумывались, а тут такая дура — выше ста километров поднимается. Королёв рассказывал однажды, что наши инженеры были потрясены, когда увидели эти ракеты. Говорили: «Такого не может быть, потому что не может быть никогда». Но потом опыт изучили и быстро привыкли. И гораздо лучше ракеты научились делать.

Кстати, до сих пор ходят слухи, будто бы в начале 1945 года немцы посадили в «Фау-2» пилота, и он улетел в космос. Обсудил эту тему с Алексеем. Он считает, что это полная ерунда. Даже если бы у «Фау-2» хватило тяги вытащить герметичную кабину с пилотом на орбиту, смысла в этом полете никакого. Русские танки к Берлину рвутся — какие могут быть космические полеты?.. А я считаю, что не ерунда, а пропаган-

да. Многие хотели бы историю пересмотреть и наши космические достижения принизить. Чтобы, значит, в представлениях обывателей мысль о превосходстве западной техники укрепить. Мол, еще в сорок пятом году немецкий пилот в космос вышел, а Советский Союз этот опыт только воспроизвел. Если так рассуждать, можно вообще всё что угодно придумать. Например, писали же в двадцатые годы, будто Циолковский строит ракету для полета на Луну. Давайте предположим, что он ее построил и даже слетал. Чем плоха версия?..

30 сутки полета

...Алексей нарисовал в своей тетради характерный профиль Циолковского и эскизы ракет. Получилась гармоничная и осмысленная картинка. Лишний раз убедился, что Алексей — чертовски хороший художник, рисует уже на вполне профессиональном уровне. Я вот этого дара лишен совершенно, а у него всё получается легко и красиво.

Вспомнили и поговорили о Константине Эдуардовиче. Я рассказал Алексею, что слышал от одного из наших академиков, который работал над лунным проектом, будто бы Циолковский ничего не сделал для астронавтики. Ни одна из идей калужского учителя не была реализована, потому что они являются «ненаучной фантастикой». Формула Циолковского на самом деле была выведена Мещерским. А сам Циолковский в своих философских работах пропагандировал фашизм и геноцид.

— И ты с этим мнением согласился? — удивился Алексей.

— Нет конечно, — отвечал я. — Ты же знаешь, как я чту Константина Эдуардовича. Ну а что тут возразишь? Идеи его действительно не были реализованы. Потому что после войны стало ясно: нерационально строить все эти связки ракетопланов и космические поезда — дорого, громоздко, ненадежно. Формула Циолковского и вправду — частный случай от формулы Мещерского движения тела переменной массы. Так нам

на теоретических курсах рассказывали. А что касается пропаганды фашизма, так для этого я с собой новое переиздание трудов и взял, чтобы разобраться.

— Разобрался?

— Нет, пока еще. Но разберусь.

— Разберись обязательно. А пока послушай меня. Циолковский творил, когда мы с тобой еще и в родительских планах не числились. А страна наша называлась не Советским Союзом, а императорской Россией. И астронавтика в той стране была не в чести, считалась занятием для чудаков и сумасшедших изобретателей. В лучшем случае — темой для фантастов. Непонятно было, кому она нужна и зачем. Перед Циолковским стояла почти непосильная задача. Он должен был не просто описать проект космического корабля, не только доказать, что выбранная им схема лучше всех остальных, но и объяснить простым людям, почему они должны строить космические корабли. Он был обыкновенным школьным учителем из Калуги, но сумел стать Учителем с большой буквы — он создал не теорию, но мировоззрение. И создал его из того, что было. Многие его идеи кажутся нам сегодня странными. Или даже антигуманными. Но никогда не следует забывать, что он был сыном своего времени. И говорил на языке своего времени. И на фоне многих других Циолковский выглядит исключительным гуманистом. Вспомни, чем кончил Вернер фон Браун. Тоже ведь считается пионером астронавтики...

— А как же формула?

— А что формула? Мещерский создал научную теорию, которая и тогда и теперь не понятна для дилетантов. Так бы она и осталась теорией. А Константин Эдуардович сделал шаг вперед — он вдохнул в эту теорию жизнь. Кто еще в России до Революции был способен на это?..

Такой вот у нас с Алексеем разговор получился. И можно сказать, он мне открыл глаза. Ведь раньше я незатейливо вос-

хищался гением Константина Эдуардовича, а теперь начал понимать, какую мыслительную работу учителю из Калуги пришлось проделать, чтобы вырваться за пределы обыденности, подняться над провинциальным мировоззрением и разглядеть будущее. А сколько нужно иметь терпения, воли, чтобы достучаться до других людей, зажечь их своей мечтой, убедить и повести за собой?..

И меня он тоже убедил. И зажег. И повел. Я вообще-то впервые задумался о космических полетах после того, как в Саратовском техникуме наш преподаватель физики Николай Иванович поручил мне сделать двадцатиминутный доклад о Циолковском. Пришлось отправиться в библиотеку и взять всё, что там было, за авторством Циолковского. Помню, отыскал книгу «Труды по ракетной технике» 47-го года издания и потрепанную довоенную брошюрку с повестью «Вне Земли». Начал читать — и увлекся. Потрясал размах воображения. Картины глобального заселения космоса завораживали. И вся наша жизнь как-то сразу обрела смысл. Я ведь вошел в тот возраст, когда нужно уже решать, какой путь в жизни выбрать, и вопрос осмысленности этого выбора был для меня вовсе не праздным.

В самом деле, думал я, ведь когда-нибудь коммунизм победит. Голод, разруха, болезни уйдут в прошлое. Каждый будет жить в красивом дворце посреди цветущего сада. Изучать науки, творить искусство, развивать себя спортом. Всю грязную нетворческую работу будут делать умные машины. Но что дальше? Неужели наступит конец истории? Это, конечно, хорошо, когда все проблемы решены, думал я, но какая сила будет двигать коммунаров вперед, не давая им успокоиться, почить на лаврах? И Циолковский отвечал на мои вопросы. Тех, кто будет жить при коммунизме, увлечет идея освоения и заселения космических далей. Сначала нужно построить ракеты, затем совершить пробные полеты в околоземное пространство, еще позже — высадиться на Луну и планеты Солнечной

системы. Потом нужно начать строительство «эфирных островов» — огромных обитаемых станций, способных десятилетиями носиться в космосе. А еще позже потомки жителей этих станций отправятся к звездам. Человечество расселится по Млечному Пути и станет самой могущественной цивилизацией во Вселенной.

Я, конечно, не надеялся стать одним из тех, кто полетит в космос, — ведь Циолковский писал, что произойдет это еще очень нескоро. Но одна мысль в его трудах меня зацепила. В малоизвестной работе «Основы построения газовых машин, моторов и летательных приборов» Константин Эдуардович утверждал, что путем достижения космоса может стать поэтапное совершенствование аэропланов с ракетными двигателями. Сначала простые и дешевые летательные аппараты докажут преимущества новых двигателей при достижении больших высот и скоростей. А когда население к ним привыкнет, когда появятся подготовленные кадры, способные работать с этой техникой, — тогда можно будет говорить о построении сложных авиакосмических комплексов. Понадобятся летчики, понял я, много летчиков. Я решил стать одним из таких летчиков...

31 сутки полета

...Алексей читает мои записи и посмеивается. Не верит, что студент техникума, приехавший из глубинки в Саратов, мог так связно излагать самому себе столь сложные идеи.

— Придумываешь, — говорит Алексей. — Ты это потом для себя упорядочил. Уже когда в Отряде был. И про движущие силы коммунизма. И про конец истории. И про ракетопланы.

— Ничего подобного! — отвечаю резко, потому что сомнения Алексея в моей искренности задевают. — Я сформулировал уже тогда. Мне доклад поручили, ты забыл? А когда пишешь доклад, то нужно делать выводы на основе изученного материала. Вот я и сделал.

— И какую оценку тебе поставили за доклад?

— «Хорошо».

— Ха-ха, — смеется Алексей. — А почему не «отлично»?

У меня готов ответ:

— Потому что не надо было коммунизм пристегивать. Времена-то были еще те. Ошибиться в понимании политического курса было опасно. Тогда, если помнишь, очень популярна была теория о возрастании сопротивления врагов по мере приближения к коммунизму.

— Во-во, и я про это. С чего бы вдруг студенту техникума о таких вещах думать?

— А с чего бы я тогда из литейщиков в летчики подался?

Алексей посмотрел с непонятной искринкой в глазах, но спорить больше не стал. И правильно. Нечего тут спорить.

А я точно помню, что после того доклада стал за темой следить. Если встречалась заметка или статья о ракетной технике и астронавтике, то внимательно изучал ее. Узнал тогда о Цандере и Кондратюке. Узнал о запусках советских геофизических ракет и о теории марсианской растительности. Прочитал книжки Чернышева, Космодемьянского и Ляпунова. Так что, с тех пор астронавтика для меня стала предметов увлечения — хобби, как говорят англичане.

Это знание мне сильно помогало: и в аэроклубе, и потом, в Оренбургском училище. Летчики — люди заводные. Их завораживают разговоры о полетах еще выше, еще быстрее. А я как бы не только языком трепал, но мог на авторитеты ссылаться. И цитировал к месту. За это в училище меня выделяли, и закончил я его истребителем первого разряда.

В гарнизоне — та же история. Потом Веня Киселев, сослуживец, рассказывал, что за глаза офицеры меня Лунатиком прозвали. Прозвище на самом деле не обидное, скорее — уважительное. А главное — как в воду глядели.

Или вот другой случай, но из той же оперы. Был у нас один прохиндей в гарнизоне — разрисовывал ради шутки фуражки младшим офицерам. Уж и били его, и на «губу» сажали,

и фуражки прятали, а он всё равно сопрет фуражку и кота на внутренней стороне нарисует. А потом со смехом вернет. И у меня, конечно, спер. Только нарисовал не кота пушистого, а какое-то чудо-юдо со щупальцами. Я прохиндея поймал, но не для того, чтобы побить, а ради интереса: почему у всех коты, а у меня — чудо-юдо? «Так это кот, — отвечает. — Только марсианский!»

В общем, они шутки шутили, а я знал: скоро уже что-то случится, накопленного опыта вполне достаточно для начала освоения космоса. А значит, нужно ждать потрясающих новостей. И прямо скажем, я верил, что первыми будем мы — Советский Союз. Ведь для этого имелись все предпосылки: самое образованное общество, самый прогрессивный строй, задел пионеров ракетостроения...

1 сентября 1956 года мне пришлось пересмотреть свои взгляды.

Потому что американцы запустили свой сателлит. И это был первый искусственный объект, стартовавший с Земли в космос. До них никто ничего подобного не делал. Только в романах у писателей...

ФРАГМЕНТ ВТОРОЙ

35 сутки полета

...У писателя О'Генри есть замечательный рассказ «Справочник Гименея». Я вспоминаю его всё чаще и чаще. Он очень актуален для нас с Алексеем. Помните, как там было сказано? «Если вы хотите поощрять ремесло человекоубийства, заприте на месяц двух человек в маленькой хижине. Человеческая натура этого не выдержит!» Преувеличивал, конечно же, О'Генри. Наверное, он прав, когда речь идет о малознакомых людях. Но мы-то с Алексеем знаем друг друга давно и не в первый раз путешествуем в тесном обитаемом объеме межпланетного корабля, нас подбирали на совместимость, а потом еще учили терпимости. В общем, мы двое — хоро-

шо подготовленный экипаж, внутри которого практически не бывает конфликтов. К тому же я помню, что Алексей однажды спас мне жизнь. Если у нас случится размолвка, я снова вспомню это и прогоню обиду, какой бы сильной она ни была. Поэтому рассказ О'Генри я вспоминаю в другой связи. В рассказе описано, как два золотоискателя, отрезанные бурей от цивилизации, пытаются сохранить душевное здоровье чтением книг, но книг у них всего две: один берет «Справочник необходимых познаний», а другой — сборник стихов Омара Хайяма. Эти книги поменяли всю жизнь золотоискателей, одного сделав прагматиком, а другого — романтиком. Такая вот история.

У нас на корабле тоже есть книги. Но нам повезло больше, чем золотоискателям, — нам предоставили выбор. Из-за ограничений по весам было разрешено взять только по две личные книги. Всё остальное — справочники и таблицы для работы. Я долго думал, что выбрать, а потом понял: пока есть возможность, нужно мне разобраться с теми вопросами, которые еще остались. Поэтому я взял с собой книгу Циолковского, сборник его малоизвестных работ. А к ней «Краткую историю мировой философии». И поставил перед собой задачу выяснить, насколько изменились взгляды человечества после того, как появился космизм. Это очень важный вопрос. Может быть, самый важный из всех, которые я себе когда-либо задавал.

Алексей, узнав о моем выборе, долго ехидничал, утверждал, что я так перед начальством выслуживаюсь. Но я ему на это сказал: «Мне больше не надо выслуживаться. Я был первым на Луне. Что-нибудь да значит!» Пришлось Алексею заткнуть свое ретивое.

Сам он взял в полет два сборника фантастики: советской и американской. И гордо в заявке написал, что хотел бы с помощью этих книг определить перспективы дальнейшего развития астронавтики. Демагог! Дешевых развлечений он хотел!

И вот что интересно. На нас эти книги тоже влияют заметным образом. Как на тех золотоискателей.

Вчера Алексей в десятый раз листал американский сборник, а утром заявил, что ему приснился страшный сон. Будто бы он вице-президент какого-то частного банка, сидит в огромном кресле, секретарша там у него и так далее. А потом подходит к окну, а за окном — горящая Москва и трупы на улицах. Стали думать, к чему такой сон. Решили, что таким образом подсознание Алексея протестует против того видения будущего, которое заложено в американских рассказах. Обсудили. Получается, что американские писатели экстраполируют свое настоящее в галактическое будущее. По мнению американцев, даже когда межзвездные корабли будут бороздить Млечный Путь, всё сохранится: деньги, банки, суд Линча, продажные политики и полицейские. А на кораблях будут летать эдакие ковбои с лассо и в сапогах со шпорами. Но мы-то знаем, не для того человек проник в космос, чтобы мерзость всякую туда нести. Да и невыгодно это: сохранять устаревшие товарно-денежные отношения там, где речь идет о ежеминутном выживании, космос — не курорт. Капиталисты в космосе обречены на вымирание. Возьмем гипотетическую ситуацию. Летят в корабле десять человек и все пользуются одинаковым количеством запасов воды-еды-кислорода. И вот среди них появляется «деловой», который оказывает услуги и за это требует себе большую долю, чем полагается по регламенту. Если не найдется в команде сильный лидер, который поставит хитрована на место, тот всех остальных в кабалу скоро возьмет и распоряжаться будет. И еще одно немаловажное обстоятельство, говорит Алексей. В мире капитала главным мерилом является прибыльность. Любое дело, хорошее или плохое, капиталисты только с позиций прибыльности оценивают. Но не будет никогда астронавтика прибыльной. Чтобы продвигаться вперед, во Вселенную, нужны большие расходы ресурсов,

а результат трудно прогнозируем. Скорее всего, вообще не будет очевидного результата. Да, наука шагнет вперед, мы узнаем, как устроены планеты Солнечной системы, узнаем, как формировались их ландшафты и так далее, но это знание в карман не положишь. А потому раньше или позже капиталисты свернут астронавтику. Не нужна она им. А нам — нужна. Потому что это часть нашего будущего. Для этого и Революцию делали...

36 сутки полета

...Алексей высказал интересную мысль. Долго ее обдумывал и высказал. Американцы сами понимают шаткость своих построений, перенося капитализм на просторы Галактики. Поэтому умнейшие из них описывают всё же коммунизм, но на религиозной основе. Взять хотя бы повесть из сборника. «Сироты небесные». Автор — Роберт Хайнлайн. Там к звездам летит огромный корабль. Летит он много столетий, потомки первого экипажа уже забыли, что существует внешняя Вселенная, весь их мир ограничен обитаемым объемом звездолета. И естественно, у них царит некое подобие коммунизма. Но это не наш советский коммунизм. Это общество с патриархальным укладом и развитой религиозной системой. И очень жестокое, почти тираническое, общество. Только таким западные писатели готовы видеть коммунистическое будущее. И в этом даже есть своя, хотя и извращенная, логика. Ведь первые коммуны, напомнил мне Алексей, создавались именно как религиозные общины. Например, в таких коммунах жили первые христиане, гонимые враждебным окружением. Равенство равных по рождению людей заменялось там на равенство перед богом. Однако религиозные культы всегда ведут к бесконтрольному росту фанатизма и к гибели общины. Коммунизм, основанный на слепой вере, а не на знании, не сможет долго существовать. У такого коммунизма нет будущего.

Тут я сказал Алексею, что его построения верны, конечно, но он упускает из виду немаловажное обстоятельство. Если американцы исторически обречены на поражение, потому что капиталисты не тратятся на убыточные проекты, а религиозные коммуны не имеют перспектив, то они должны до сих пор прозябать на Земле, завистливо глядя на улетающие в космос советские ракеты. Однако у американцев есть свой хороший космический флот. Да и сателлит они запустили как-никак первыми. Из истории этот факт не вычеркнешь. Отныне и навсегда США будут считаться первой космической державой, и все наши последующие достижения, как ни горько это звучит, будут восприниматься только продолжением дел американцев. Значит, не только в коммунизме, но и в капитализме есть некая движущая сила, которая позволила США еще в 1956 году выйти в космос, раздвинув горизонты доступного нам пространства.

— Разумеется, есть, — легко согласился Алексей. — Они тоже люди. А человек устроен таким образом, что стремится расширить горизонты, проникнуть в новую среду обитания. Если человек перестанет это делать, он вымрет. Всё довольно банально. Но есть нюанс. Если для коммунистов расширение границ обитаемого мира — это естественное состояние, то для капиталистов это имеет смысл до определенного предела. Раньше или позже они подсчитают расходы и доходы и придут к выводу, что космические запуски избыточны, без них можно обойтись. Тогда они свернут свою космическую программу. Я скажу больше: современная американская космическая программа развивается благодаря нам и в противовес нам. Исчезни завтра Советский Союз, и капиталисты перестанут летать в космос.

— И всё же они были первыми, — отметил я. — Хорошо помню, как на нас это подействовало...

Я и в самом деле очень хорошо это помню. Сначала прошла информация ТАСС. Мол, в США был осуществлен запуск сверхвысотного аппарата военного назначения. В этом не было

ничего удивительного. Такие сообщения можно было встретить довольно часто: и у нас, и в Америке запускались ракеты и высотные лаборатории, некоторые — с подопытными животными. К этому все привыкли. И я пропустил заметку мимо внимания. Ожидал, что подробности появятся позднее — в «Новостях ракетной техники», которые я выписывал для нашей библиотеки. А потом, буквально уже 3-го сентября, все как с цепи сорвались. Пошли публикации в «Правде», «Комсомолке», даже в «Красной звезде». Сателлит! Надо же! Первый искусственный объект на орбите! Новая луна! Конечно, вспомнили сразу, что и у нас разработки велись соответствующие. Вспомнили и Циолковского, и геофизические ракеты. Но в публикациях чувствовалась и какая-то растерянность. Почему американцы первые? Ведь Циолковский был у нас. И он указал путь к звездам, он вывел формулу, которая позволяла рассчитать ракету для космического полета. Те из журналистов, кто более-менее разбирался в вопросе, предположили, что успех США определили немецкие трофеи и специалисты, вывезенные в конце войны из Германии. В предположении было здравое зерно, ведь ракету для запуска сателлита делал Вернер фон Браун — конструктор «Фау-2». Он в Америке тогда был в большом авторитете, хотя, по сути, недобитый эсэсовец. Позднее тон публикаций изменился. Стали писать о военном значении сателлита. О том, что американская военщина претендует на господство в космосе, чтобы диктовать свои условия Земле. Вновь всплыл и активно муссировался подзабытый уже термин «форрестолотворение» — емкое словечко, означающее разработку планов по активному завоеванию космического пространства с целью достижения военного превосходства. Сейчас уже никто не помнит, кто был такой этот Форрестол и чем знаменит, но словечко пришлось ко двору, и его употребляли к месту и даже не к месту.

Поскольку за мной закрепилась репутация «лунатика», то все, от рядового срочной службы до комполка, стали обращаться ко мне за разъяснениями. Что за сателлит такой? И в

чем его военная функция? Пришлось поднапрячься и заказать литературу. Изучил тему в подробностях и доложил: так, мол, и так, ничего военного в американском сателлите нет. Глупый десятикилограммовый шарик. Называется «Орбитер». Всё оборудование — ртутная батарея и радиопередатчик. Летает по низкой орбите и передает простой сигнал: «пип-пип-пип».

— Получается, что наши журналисты преувеличивают? — спросил меня замполит.

— А вот и нет, — ответил я.

И объяснил, что сателлит — это, так сказать, первая ласточка. И не такая бессмысленная, как может кому-то показаться. По траектории движения сателлита можно сделать выводы о характеристиках околоземного пространства и о гравитационном поле Земли. Со временем американцы научатся запускать более массивные сателлиты. И в них, помимо батареи и радиопередатчика, можно будет размещать фотокамеры и снимать земную поверхность, выявляя советские военные базы. А еще через некоторое время в сателлит можно будет поместить ядерную боеголовку, чтобы свести ее с орбиты в нужное время, нацелив на один из наших городов. Сбить такую космическую боеголовку невозможно, и эта гроза будет постоянно висеть у нас над головой.

— Неужели у нас ничего подобного нет? — спрашивали сослуживцы.

Тут, помнится, я пришел в замешательство. Что мне было ответить? Я знал, что у нас ведутся разработки по ракетной тематике. В космическое пространство, но без выхода на орбиту запускали уже и собак, и других подопытных животных. Обещали, что и сателлит скоро запустим, и космическую обсерваторию. А там — и на Луну полетим. Десятки книг выходили. Тот же Ляпунов неоднократно писал. Но конкретики в те времена публиковалось очень мало. Кто сателлит делает? Где? Откуда он в космос полетит? И на какой ракете? Только смутные слухи ходили. Событие, дескать, готовится, но до получения первых результатов оно за-

секречено. Что тут скажешь?.. Отбрехался, конечно. Сказал, что по имеющимся у меня сведениям наш ответ заокеанскому агрессору будет неожиданным и превосходящим. И ведь, что интересно, не ошибся. Так оно в конце концов и получилось...

37 сутки полета

...Был двадцатиминутный сеанс связи с Землей. Сначала передавали данные по навигации и СЖО, потом обменивались приветствиями. Говорил с семьей, с Валей. У них всё нормально. Я и не сомневался.

С каждым месяцем сеансы будут реже и реже. Мы экономим энергию. И так тащимся на самом пределе. Любой перерасход обойдется нам очень дорого. Но мы это знаем, а значит, вполне потянем на того верблюда, который пролез в угольное ушко.

Потом снова отдыхали и вспоминали первый сателлит. Разговор плавно перешел на запуск нашего «Спутника-1», который состоялся только через год после американского триумфа — в день Сорокалетия Великого Октября, 7 ноября 1957 года. Это был ответ, которого ждали. И это был поразительный ответ.

«Спутник-1» ничем не напоминал глупый шарик «Орбитер». Нет, это был настоящий космический самолет — крылатый красавец массой полторы тонны, напичканный хитроумными приборами с радиоуправлением. На его борту находился «биологический груз»: собака Лайка, две черепахи и десяток мышей. Система жизнеобеспечения проработала пять полных суток, и всё это время животные чувствовали себя нормально. Еще через неделю «Спутник-1» вошел в атмосферу и сгорел.

Даже бегло ознакомившись с характеристиками советского сателлита, можно было сделать вывод, что это еще не полноценный космический корабль, а прототип. В объекте такой массы невозможно разместить человека с соответствующей СЖО. Да и система спуска с орбиты в компоновке

«Спутника-1» не предусматривалась. С другой стороны, наличие крыльев, вытянутого обтекаемого фюзеляжа с теплозащитой говорило о том, что на орбиту выведен если и не серийный образец, то прототип космического корабля, а значит, скоро будут новые запуски, и в космос отправится человек. Советский человек.

Так я ситуацию своим сослуживцам и обрисовал. Мое выступлении произвело фурор в гарнизоне. Оно и понятно. Раньше они меня называли «лунатиком» в шутку. Никто не верил, конечно, что я смогу слетать на Луну или на Марс. У всякого есть хобби, но редко когда хобби превращается в профессию. А тут вдруг получается, что я могу и на самом деле полететь. И не только я.

Астронавтика сразу вошла в моду. Газеты доставлялись в гарнизон с опозданием, но шли нарасхват. Спецвыпуск «Правды», почти целиком занятый описанием «Спутника-1», затрепали и зачитали до дыр. У гарнизонного «лунатика» появился ревнивый соперник — инженер полка объявил о том, что выступит с популярной лекцией о достижениях наших ученых, которые проложили дорогу в космос. На лекцию пришли почти все офицеры, многие с женами и детьми. Я наблюдал, как загорались глаза подростков, когда инженер говорил, что в скором времени люди полетят к ближайшим планетам. Пацанов больше не интересовали самолеты и летчики, они их видели каждый день. Теперь сердца молодежи были отданы новой любви — космическим кораблям. Наши «МиГи» на этом фоне выглядели бледно. Меня, конечно, подначивали, и я высказался, когда лекция закончилась. Врубил инженеру по полной программе. Сказал, что запуск сателлита и полет к другим планетам — это разные вещи. Для того чтобы слетать хотя бы к Луне, нужно строить большую орбитальную станцию как промежуточную базу. На это уйдут десятки лет, а американцы спать не будут. И они могут помешать нам

выполнить задуманное. Однако, чтобы не разочаровывать пацанов, которых только что зажгла новая ослепительная идея, я сказал, что если «Спутник-1» полетел, значит, правительство не жалеет средств на астронавтику, тысячи или даже десятки тысяч специалистов трудятся сейчас по всей стране, чтобы решить эту грандиозную задачу: будут у нас и новые сателлиты, и орбитальная станция, и межпланетные корабли. Полетим ли мы в космос, неизвестно, а вот сегодняшних пацанов ждет великое будущее.

Были, конечно, и сомневающиеся. Как-то за рюмкой один из сослуживцев (уж не помню кто) сказал, что ерунда всё это: спутники, сателлиты, орбитальные станции. Что они дают народу? Жили без спутников, и ничего. Надо, мол, оборону укреплять, а запуски сателлитов — сплошное баловство, деньги на ветер. Глупость, конечно. Я этому сомневающемуся просто сказал: мы живем в развитой социалистической стране, пользуемся электричеством, медициной, радио слушаем, ездим в автомобилях и поездах, летаем на самолетах — и только потому, что не считаем развитие глупостью. Такой, как ты, в каменном веке тоже, небось, думал, зачем мне огонь, без огня жили и еще сто лет проживем. Так вот, вымер он — тот, который от огня отказался. А наши предки выжили и теперь готовы дальше двинуться, к звездам. А такие, как ты, вымрут!..

Рассказал эту историю Алексею. Он, разумеется, со мной солидарен. Ему тоже приходилось сомневающихся переубеждать. До первого полета на Луну много их было. А потом всё стало ясно, и разговорчики эти прекратились.

— Что и говорить, — сказал Алексей, — американский сателлит изменил историю.

— Это в каком смысле? — удивился я.

— В прямом. Ты же помнишь, Сергей Павлович рассказывал. Если бы не «Орбитер», он бы до конца пятидесятых межконтинентальные ракеты клепал. А этот их запуск так

весь мир всколыхнул, что нашим кремлевским руководителям стало ясно: космос поважнее будет. Какой толк делать ракеты, если весь мир за Америку. Ведь американцы в космос летают, а мы нет. Против целого мира не устоишь. Брожения даже у нас начались. Веру в будущее люди утрачивать стали. А это опаснее всего. Так что Политбюро правильно поступило, когда бросило все авиационные и ракетные бюро на разработку спутника и доводку ракеты. А потом темп только нарастал. Остановиться в таком деле трудно. — Алексей смеется с довольной миной. — Спасибо «Орбитеру»! Благодаря ему мы сейчас и летим с тобой на Марс...

ФРАГМЕНТ ТРЕТИЙ

52 сутки полета

...Марс еще не виден. На корабле нет иллюминаторов. Поэтому Марс можно будет наблюдать через перископы системы навигации и кабину ракетоплана. Но до первой коррекции девять дней, а потому корабль ориентирован так, что в перископы видны только звезды. А в ракетоплан до ареоцентрической орбиты нам ходу нет, он законсервирован. Так что мы не знаем, как выглядит Марс после трети пройденного пути. Астрономы утверждают, что ничего особенного. С такого расстояния Марс должен выглядеть красной горошиной без четких элементов поверхности. Как в средний телескоп в период Великого противостояния. Открытий мы никаких сделать не сможем. Разве что разглядим знаменитые каналы...

Алексей читает через плечо. Да, я вижу, что ты читаешь...

Обсудили тему каналов. В американском и советском сборниках есть несколько рассказов, в которых фигурирует Марс с каналами. Фантасты, вслед за учеными начала века, считают, что каналы — сооружение, созданное высокоразвитой цивилизацией. Однако современные астрономы скептически

смотрят на эту гипотезу. На Марсе очень холодно, редко где температура поднимается выше нуля. Там очень разряженная и сухая атмосфера. Если бы по каналам текла вода, то она испарилась или просто замерзла бы. Вряд ли на Марсе имеются открытые водоемы. Наверное, каналы — это всё-таки огромные трещины в коре Марса, глубочайшие каньоны, каких нет больше ни на одной из планет Солнечной системы.

— Марсиан мы не встретим, — согласился Алексей. — Но Марс намного древнее Земли. Жизнь и разум могли появиться на нем раньше, а потом погибнуть, не пережив глобального катаклизма. А может быть, марсиане предвидели гибель своей планеты и переселились на Землю. И все мы — потомки марсиан. Я читал такую повесть в детстве.

— Она есть в сборнике?

— Нет, я даже не помню автора и названия. Но помню, что там советский корабль летит на Марс. И астронавты находят руины древней цивилизации. Марсиане готовились к переселению, но погибли от внезапной эпидемии.

— Избыточная гипотеза, — сказал я. — Слишком много допущений.

— Почему избыточная? — Алексей стоит на своем. — Законы развития одинаковы для всей Вселенной. Марс очень похож на Землю. Значит, теоретически мог стать очагом возникновения жизни. Таким же, как Земля. Между прочим, Циолковский не отрицал существования цивилизации на Марсе.

Тут мне представилась возможность блеснуть новоприобретенными знаниями:

— Да, не отрицал. Но никогда и не строил свои выводы на основе этой гипотезы. Он верил, что космос обитаем. Он верил и доказывал, что в космосе живут высокоразвитые существа, которые научились путешествовать между звезд. Он верил, что эти фантастические существа самодостаточны и могут обходиться без привязки к планетам. Он верил, что со временем мы сами

станем такими существами. Но если бы Циолковский признал существование жизни на Марсе, ему пришлось бы указать, что одним из неизбежных этапов в освоении космического пространства является контакт с марсианами. А этого у него нигде нет. Он вообще утверждал, что высаживаться на другие планеты необязательно. Человечество должно жить среди звезд — в пространстве чистой энергии. Только такие существа способны перейти на новый уровень бытия, избавиться от болезней и смерти.

— А ты сам как считаешь? — спросил вдруг Алексей. — У тебя мнение по этому вопросу есть? Или ты во всем согласен с Циолковским?

Как мне ему ответить? Циолковского я уважаю как мыслителя, как человека, первым указавшего людям путь к звездам. КЭЦ очень сильно повлиял на меня. И не только на меня. На Королёва, например. Но в его философских трудах есть какая-то такая интонация... упадническая, что ли? Хоть я и не люблю этого слова, но, наверное, оно самое точное. Его инопланетяне жестоки, они уничтожают целые миры и цивилизации, если те не соответствуют их «стандартам качества». Мне не хотелось бы, чтобы земляне превратились в таких ублюдков. Вечная молодость и способность путешествовать между звезд того не стоят. Я думаю, в этой части Циолковский ошибся. Ему простительно, ведь он человек другой эпохи, Революция случилась, когда он уже был стар и немощен. Он даже коммунистом никогда не был...

Если уж говорить о том, какими мне хотелось бы видеть инопланетян, то тут я полностью разделяю взгляды Ивана Антоновича Ефремова. Его книга «Туманность Андромеды» добралась до нашей гарнизонной библиотеки как раз в 57-ом, после запуска «Спутника-1». Мы читали ее по очереди. Книга нам сразу понравилась. Она была значительней научно-фантастических повестей и романов, которые попадались в детстве. Мне нравились красочные картины будущего, нарисованные в романе, нравились описания межзвездных путешествий... Я сразу понял и оценил главную идею писателя. Если венцом

развития жизни является человек разумный, а самым совершенным социальным строем является коммунизм, тогда вырисовывается вполне логичная картина. Любые источники жизни в Галактике порождают человекоподобных существ. Эти существа в процессе развития приходят к коммунизму. А затем уже пытаются установить связи друг с другом, чтобы обмениваться культурными достижениями. Жестокость, равнодушие к чужой боли — это признак варварства. Почему Циолковский этого не понимал? В будущем между народами и цивилизациями не будет войн. И мы, коммунисты, сделаем всё для этого...

53 сутки полета

...Алексей читает мой дневник и утверждает, что я слишком разбрасываюсь и пишу всё скучнее и скучнее. Он говорит, что мне пора рассказать о том пути, который мы проделали, прежде чем оказаться на первом марсианском корабле.

Удивительно! Мы действительно летим на Марс. А ведь пятнадцать лет назад это казалось форменной фантастикой. И дело, конечно, не в сателлите, дело в ракетах.

Запуск сателлита обозначил цель, но ракеты предоставили возможность. Читая газеты и роман Ефремова, я уже тогда видел, что на смену самолету придет ракета. И ракеты очень интересовали меня. Любопытство удалось удовлетворить быстро. В издательстве «Советская энциклопедия» вышел огромный том, посвященный «Спутнику-1», его привез из Ленинграда инженер полка. Была там и глава о многоступенчатой ракете «Победа», которая вывела наш сателлит на орбиту. Из нее я узнал, что ракету разработали сразу несколько главных конструкторов: Сергей Королёв, Михаил Тихонравов и Валентин Глушко. В опубликованных интервью они утверждали, что ракета вполне способна выводить на орбиту до пяти тонн груза, что позволит в ближайшее время запустить настоящий космический корабль с пилотом-астронавтом на борту. Пока обещали запускать беспилотные сателлиты. И действительно выпол-

нили обещание. За первым запуском в космос отправились «Спутник-2» и «Спутник-3» массой две с половиной тонны. Это уже были большие научно-исследовательские лаборатории. Каждая из них дала научному миру массу данных о том, как устроено околоземное пространство. Например, были открыты радиационные пояса вокруг Земли. Но самое интересное, что «Победа» оказалась далеко не единственной ракетой, которая становилась на вооружение в Советском Союзе.

В январе 58-го пришло сообщение о запуске новейшей межконтинентальной ракеты «Буря». В отличие от космической «Победы», «Буря» летала в стратосфере и была снабжена крыльями, как самолет, чтобы маневрировать. Ее конструктор Семен Лавочкин утверждал, что такая ракета в качестве носителя выгоднее, поскольку позволяет отказаться от жесткой географической привязки стартовых комплексов. Она сама по себе стартовый комплекс, и с нее может взлететь небольшой аппарат, выводимый на произвольную траекторию или орбиту.

Из статей в «Правде» следовало, что другой конструктор Владимир Мясищев готовится поразить воображение народа запуском пилотируемой крылатой ракеты «Буран». Если «Бурю» можно было использовать один раз, то «Буран» — многоразовая система. Опытный пилот в кабине вернет крылатую ракету на базу и совершит посадку, выпустив шасси. Утверждалось, что с помощью одного «Бурана» можно будет запустить до ста сателлитов.

У любознательных сослуживцев сразу возник вопрос: а зачем столько разных ракет? Неужели одной «Победы» для освоения космического пространства недостаточно? Но на это у меня был готовый ответ. А зачем нужен «Ту», если есть «МиГ»? Затем, что они выполняют разные задачи. Один — тяжелый бомбардировщик, другой — истребитель. Так и в астронавтике. «Победа» предназначается для запуска тяжелых сателлитов и кораблей. А «Буря» и «Буран» нужны для обеспечения вывода на орбиту более простых, легких и

дешевых аппаратов. Если мы всерьез взялись за космос, то должны иметь целую серию ракет разного класса и грузоподъемности. Причем не только для решения научно-исследовательских, но и военных задач. Представьте, говорил я, стартует «Буран». Он летит в отдаленнейший район Тихого океана. Он летит так быстро и низко, что его не могут отследить вражеские радары. Затем с него в сторону Америки стартует орбитальный самолет типа «Спутника-1». На космической скорости он проходит над США и может выполнить любую боевую задачу: заснять интересующие нас объекты или даже сбросить атомную боеголовку. Это не значит, что мы уже завтра начнем бомбить США с орбиты, но заокеанские империалисты должны знать, что мы на это способны. Они ведь долго упивались своей безнаказанностью. У них была атомная бомба, у нас не было. У них были бомбардировщики дальнего действия, у нас не было. У них был сателлит, у нас не было. Вот они и считали, что могут уничтожить СССР, когда захотят. Но теперь десять раз подумают, прежде чем объявлять нам войну...

54 сутки полета

...Алексей считает, что две мои предыдущие записи противоречат друг другу. Сначала я ратую за мирное сосуществование космических цивилизаций. Затем пишу о военном применении космических аппаратов.

— Тут нет противоречия, — доказываю я. — Мы уже говорили с тобой на эту тему. Когда цивилизации выходят в космос, они становятся коммунистическими. И только коммунистическое общество способно осваивать Вселенную. Одно поддерживает другое. Следовательно, к началу межзвездной навигации военные космические аппараты уйдут в прошлое. Отправятся в музеи вместе с нашим «МиГами» и автоматами Калашникова.

— Ты не веришь в космические войны?

— Нет, не верю.

— Но одна такая война уже случилась.

— Случилась. Но она первая и последняя. Для этого мы и летим на Марс, чтобы не было больше таких войн.

— А если, допустим, мы полетим к звездам? А там обнаружим другие инопланетные США? Или вообще фашистов?

Всё-таки Алексей — мастак на каверзные вопросы. Он от чтения американского сборника, что ли, такой борзый? Я его, кстати, тоже прочитал. Ерунда всякая.

Подумав, отвечаю тебе, Алексей. У меня однажды тоже такой разговор был. Пошли мы как-то с сослуживцами в воскресенье на сопки. Отмечали чей-то день рождения. Выпивки, конечно, взяли, закуски, баян. Идем, наигрываем, веселимся. Приняли по дороге для разогрева. И вдруг — раз! — смотрим: самолет разбитый лежит. Я и не знал, что у нас в окрестностях гарнизона такие реликты еще остались. «Мессершмитт». Обгорелый. Прогнивший насквозь. Притихли все. Опять войну вспомнили. Сколько жертв... Сколько боли... Вот Борис Вдовин, мой ведущий в паре, и спрашивает: «Что ж, и в космосе, значит, войны будут? Опять будем убивать друг друга? Что по этому поводу говорит современная наука?» — «Ты же знаешь, — отвечаю. — Мы за мир во всем мире. И никогда первыми не нападем. Но если как фашисты сделали, то мы всегда свою землю отстоим. Умрем, но ни пяди врагу не отдадим. А лучше вообще войн не допускать. И для этого еще до начала войны надо показать, что мы к ней готовы. Чтобы знал агрессор, что его ждет». — «Но Гитлера это не остановило. Вдруг и в космосе есть свои гитлеры...» — «Я думаю, если где такие гитлеры и были, то их тоже раздавили, как гадин. Потому что там, где они уцелели, только руины наверняка остались. Не способны гитлеры к мирному сосуществованию. И кончают одинаково».

Алексей удовлетворен моим ответом. Он говорит, что в этом есть рациональное зерно.

Тут наш разговор плавно сворачивает к первому пилотируемому полету. Алексей интересуется, как я впервые о нем услышал. Он считает, что это будет интересно будущим читателям дневника. Что ж, я не прочь рассказать эту историю, хотя в ней, на мой взгляд, ничего особенного нет. Таких историй миллионы. Сколько советских граждан, столько и этих историй.

В 1959 году я стал кандидатом в члены Партии. И мне сразу в качестве общественной нагрузки поручили редактировать «боевой листок» эскадрильи. Дело, между прочим, не самое простое. Хорошо, если что-то важное в стране происходит или праздник какой, а так и писать особо не о чем. Замполит требовал, чтобы я давал как позитивную информацию о наших летчиках, так и негативную: о пьянстве, нарушении дисциплины, о злостных картежниках. Но как тут дашь, если я и сам не прочь «пулю» расписать да и застолий не избегал? Обычное явление. А как прикажете расслабляться в дальнем гарнизоне? Но приходилось соответствовать.

И вот пребывал я в раздумьях, о чем писать в очередном «боевом листке», а тут вдруг дежурный офицер связи прибегает с выпученными глазами.

— В космосе летчик! — кричит.

— Ты сдурел, что ли? — говорим ему.

— Только что шифровка пришла!

— А ты уверен, что нам знать положено?

— Да через час весь мир будет знать!

И что характерно, связист оказался прав. Шифрограмма была отправлена по всем гарнизонам на случай, если первый пилот-астронавт высадится где-нибудь в нерасчетном месте. Чтобы мы были готовы его искать и спасать. А когда стало ясно, что запуск успешен и наш первый человек вышел на орбиту, об этом заговорили все и сразу. А у меня уже был готов «боевой листок», в котором я помимо официальной инфор-

мации изложил и свою точку зрения. Пообещал, что с такими темпами мы действительно очень скоро сможем отправить пилотируемые корабли на Луну, Венеру и Марс.

Всё-таки это были удивительные дни! Тогда всё было внове, необычно, радостно. Мне потом рассказывали, что в разных городах, в Москве и Ленинграде воодушевленный народ просто вывалил на улицы и пошел праздничной демонстрацией с самодельными плакатами, изрядно напугав постовых милиционеров. В Москве сто тысяч дошли до Красной площади, а там, словно на футбольном матче, как начали скандировать: «Ильюшин! Ильюшин! Ильюшин!» А Ильюшин в это время пролетал над ними на высоте двухсот километров.

С посадкой, кстати, не задалось. Владимир Ильюшин приземлился с большим отклонением от намеченной посадочной площадки — чуть не залетев в Китай. Самолет-сателлит «Красная звезда», легкий прототип наших будущих истребителей, разрушился на высоте двадцати километров, тоже выше расчетной. Катапультирование из кабины, таким образом, прошло нештатно, и парашют раскрылся чуть ли не над самой землей. Эту информацию предпочли замолчать, но нам-то, слушателям Отряда, позднее рассказали. Хотя внимательный наблюдатель, наверное, мог бы заметить, что первый астронавт планеты выглядит неважно: прихрамывает, мало улыбается, говорит медленно. Ильюшин сильно повредил позвоночник при этих кульбитах и проходил курс реабилитации. Но его хотели видеть и поздравить: руководство страны, журналисты, всякие послы и депутаты — как можно отказать? Вот и крепился наш герой, приезжал прямо с процедур на пресс-конференции, встречи, награждения. Даже на митингах праздничных выступал. И пару книг выпустил. И ведь сам их написал, никому не доверил. Его, конечно, за рубеж звали, в поездку по странам и континентам, но Ильюшин тогда твердо отказал. Сослался, что занят

подготовкой к новому полету. Это неправда была, конечно. Не полетел он больше. Даже на обычный самолет его врачи не допустили. Сказали, что изломанный организм не выдержит перегрузок. Я вот иногда думаю, каково ему было жить на Земле после блистательного триумфа, самым известным советским человеком, готовить новых астронавтов, провожать их в первый полет, потом следить за информацией, поступающей из КИПов, за переговорами по космической связи, и знать, точно знать, что никогда сам уже не полетишь, никогда больше не испытаешь этого сладостного ощущения, когда машина ревет, планета уходит вниз, а впереди — только чистое бескрайнее небо?..

Три витка. Всего три витка на низкой орбите. Они стоили Ильюшину дорого. Они стоили ему неба. Но, в конце концов, кто-то должен был стать первым. И мы вечно будем благодарны Ильюшину за его подвиг, ведь он открыл людям путь к звездам. Циолковский сказал, что так должно быть и так будет сделано, а Ильюшин сделал.

Я еще успел застать Ильюшина в Отряде. Он всегда был немногословен, с кандидатами в астронавты держался подчеркнуто дружелюбно, но на дистанции. Он был живой легендой для нас. Мы старались ему как-то услужить, выделиться перед ним. Это не было связано с карьерными соображениями, нет! Просто он был первым пилотом-астронавтом, живым символом новой эпохи, которая наступила в ту минуту, когда «Красная звезда» вышла на орбиту. Жить в одно время с таким человеком, иметь возможность поговорить с ним, задать вопрос и получить ответ — о чем еще можно мечтать?

Когда-нибудь наши дети поведут к другим солнцам огромные звездолеты. До этой фантастической эры мы всё-таки не дотянем. Они увидят чужие планеты и другие цивилизации. Но я совсем не завидую им. Ведь я, как и они, тоже летаю в космос, но еще я жил в одно время с

такими людьми, как Ильюшин и Королёв, — в эпоху, которую потомки, без сомнения, будут считать временем великих героев. Да, Алексей, мы — Великие Герои. Именно так нас будут называть. А мой дневник, если его когда-нибудь найдут, покажет, что великие герои тоже могут испытывать простые человеческие чувства: любить, страдать, ненавидеть, сомневаться... Ты прав, это будет полезный урок...

Но это еще не все мои воспоминания, связанные с первым пилотируемым полетом. Помню, что нас, летчиков дальнего гарнизона, поразил не только выход «Красной звезды» на орбиту, но и приказ министра обороны, который пришел сразу вслед за сообщением о полете Ильюшина. Речь в приказе шла о создании нового вида вооруженных сил — Военно-космических. Им переподчинялись ракетные войска и авиация. Стало ясно, что жизнь наша армейская вскоре претерпит самые решительные изменения...

Алексей задал новый каверзный вопрос.

— А как ты думаешь, — спрашивает он, — могла ли реорганизация пройти успешно, если бы наши танковые маршалы уцелели в пятьдесят третьем? Ведь тот взрыв...

ФРАГМЕНТ ЧЕТВЕРТЫЙ

59 сутки полета

...взрыв и пожар.

К счастью, внутри отсека, а не снаружи. Выходить мы по понятной причине не можем. На ликвидацию последствий ушел весь рабочий день. Потом еще чистили третий отсек. Работали в масках. Алексей взял на себя объяснения с Землей. Нам поставили «отлично». Еще бы не «отлично». Будь «хорошо», мы оба уже остывали бы.

Отчет о ликвидации аварии написал в бортовом журнале. Здесь ничего писать не буду. Устал чертовски. Пойду спать. Хорошо, что всё закончилось хорошо...

60 сутки полета

...Обсуждали весь день последствия взрыва. Вроде бы отделались легко.

Придется поэкономить кислород. Решили, что сократим физическую нагрузку. За это придется расплачиваться костями и мышцами, но, если серьезно, выбора у нас нет. Мы знали, на что шли, когда согласились на это путешествие. Потерь всё равно не избежать. Главное — мы живы и продолжаем полет. А значит, доберемся и туда, и обратно...

61 сутки полета

...Алексей заметил, что я совсем ничего не пишу о наших заклятых друзьях из Штатов. Смеется. Говорит, что если мой дневник прочтут отдаленные потомки, то не поймут, о чем идет речь. Ведь Штатов к тому времени наверняка уже не будет.

Так вот, товарищи отдаленные потомки, если вы читаете мой дневник, то сообщаю вам, что когда-то на планете Земля, в северной части западного континента, существовала большая страна под названием Соединенные Штаты Америки. На этой территории когда-то жили индейцы, но колонисты из Европы вытеснили и истребили их, после чего основали собственное государство. Если такие люди основывают государство, то ничего хорошего из этого получиться не может по определению. Государство хищников из этого может получиться. Вот и получилось.

Соединенные Штаты Америки, называемые для краткости США, с момента обретения независимости только и занимались тем, что лезли во внутренние дела других государств. Американцы всегда презирали границы, никогда не стремились к познанию других культур, навязывали свой образ жизни и свои представления другим народам. Не понимали они, что, кроме денег, существуют еще идеалы — то есть идеи, ради которых хочется жить и работать, а то и умирать нестрашно.

Не хотели никогда американцы умирать, зато хотели наслаждаться жизнью, жрать, сколько влезет, купаться в роскоши за счет других. Словно собирались жить вечно! Наплевать им было, что ради их благополучия вырубаются леса, травятся реки, что дети в Африке и Азии умирают от голода. Они наживались на всём. Когда фашистская Германия напала на СССР, американцы объявили себя нашими союзниками, присылали нам грузовики и самолеты, но не просто так, а за золото. И при этом продолжали торговать с Германией. Мир чистогана! Американцы считали себя самыми свободными людьми на планете, но они не были свободны от самих себя, а точнее — от своей неуемной жажды наживы. Если бы на планете не было СССР, Гитлер съел бы их с потрохами: одних купил бы, других уничтожил бы.

Американцев всегда пугало, что кто-то может думать иначе, чем они. Американцы не понимали, как можно отказаться от роскоши и благосостояния ради будущего, ради еще не рожденных поколений, ради шанса, что мир когда-нибудь станет совсем другим, красивым и осмысленным. Они не могли этого понять, боялись и в страхе своем совершали разные преступления. Например, они всерьез собирались напасть на Советский Союз и разрушить наши города атомной бомбардировкой. Вы думаете, это была пустая угроза? Вовсе нет. Однажды американцы использовали атомное оружие, разрушив до основания два японских города: Хиросиму и Нагасаки. Вы думаете, это было вызвано военной необходимостью? Вовсе нет. Япония лишилась флота, потеряла армию на континенте и находилась на пороге капитуляции. В Хиросиме и Нагасаки не было военных баз — эти города и выбрали-то потому, что они практически не были прикрыты средствами ПВО, а значит, вероятность сбития самолета с атомной бомбой была минимальной. Никто и представить себе не мог, что американцы возьмут и уничтожат два города с гражданским населением. Но что еще можно ожидать

от людей, истребивших при основании своего государства целые народы? Если бы они не знали точно, что в случае новой войны наши войска захватят всю Европу, то давно советские города лежали бы в руинах, а советские люди поумирали бы от радиации.

Долгое время американцев успокаивало то, что они лидируют по ракетным вооружениям и стали первыми в космосе. Они прямо заявляли, что тот, кто контролирует космос, контролирует Землю. Однако полет Ильюшина испортил им праздник. Они вдруг осознали, что жили в плену иллюзий. Космос не принадлежит им. Наоборот, они столь же далеки от него, как и до момента старта первого сателлита.

Они всполошились. Они испугались. И в самоуверенности своей заявили, что скоро запустят свой корабль с астронавтом.

Когда я проходил подготовку в Отряде, то изучал их проекты по переводам. Нам выдавали толстенные фолианты — пронумерованные и с грифом «Для служебного пользования». Много интересного я там прочитал. У американцев, оказывается, было несколько вариантов космической системы. Они рассматривали их как равноценные. Например, Вернер фон Браун предлагал в качестве носителя свою межконтинентальную ракету, а пилотируемый сателлит в его проекте выглядел как шарообразная капсула с тормозным двигателем — полная ерунда! В конце концов американцы остановились на проекте орбитального самолета. Тут, очевидно, на них повлияло наше решение. Ведь весь мир видел, как крылатый серебристый красавец доставил Ильюшина на орбиту. Остроносый профиль «Красной звезды» печатали в газетах, журналах, на марках. Короче, все к нему привыкли, и мы можем предположить, что когда американские генералы увидели нечто похожее на чертежах своих инженеров, они понадеялись, что у них тоже получится. Американцы вообще не привыкли долго бояться. Если возникает страх, они пытаются избавиться от него, заменив одну иллюзию на другую. Они и правда считали, что,

создав такой же орбитальный самолет, как у нас, сумеют переломить ситуацию в свою пользу.

Тут можно позлорадствовать. Американцы недооценивали нас и не понимали, как важна в деле освоения космоса фора по времени. Когда они только начали прикидывать, какую систему использовать для вывода своего человека в космос, ракета «Восход», созданная советскими научными гениями, выводила на орбиту одну «Звезду» за другой. За год, если считать от полета Ильюшина, в космосе побывали шесть наших астронавтов.

Двое из них не вернулись назад...

Это, пожалуй, самая трагичная страница в истории советской астронавтики.

Алексей Ледовский погиб при входе в атмосферу. Угол входа оказался слишком отвесным, и пилот не смог вывести аппарат из пике.

Сергей Шиборин погиб из-за неисправности в тормозном двигателе. При попытке осуществить орбитальное маневрирование двигатель вдруг вышел на полную тягу, в несколько секунд исчерпал весь запас топлива и забросил самолет-сателлит на высокую орбиту. В то время еще не существовало системы спасения экипажей терпящих бедствие космический кораблей, и через трое суток, после отказа системы жизнеобеспечения, пилот умер. Всё это время он держался героем и до последнего вздоха поддерживал связь с Землей.

Американцы, конечно же, по своей привычке подняли дикий вой. Мол, в СССР не ценят человеческую жизнь, Сталина вспомнили и ГУЛАГ. Так и писали: «ГУЛАГ в космосе». Можно подумать, у них летчики, испытывающие новую технику, никогда не разбивались! Да, мы очень рано вышли в космос. Не всё можно предусмотреть, когда начинаешь осваивать чуждое пространство. Но если уж начали, то нет смысла останавливаться. В конце концов, летчики гибнут и на Земле. А уж сколько гибнет водителей на дорогах! Я опытный автолюби-

тель и насмотрелся всякого... Или вот в гарнизоне был случай. Юрий Дергунов, мой приятель еще по училищу, на мотоцикле врезался в грузовик. Так и не полетал всласть. Это, наверное, глупо, но я убежден, если бы Юре предложили выбор: погибнуть вот так, на крутой дороге, или в космосе, — он выбрал бы второе. Гибель в автотранспортном происшествии бессмысленна, а гибель в космосе — нет. Как и на фронте, где любые жертвы оправданы. А ведь, в сущности, космос и есть наш фронт. Как высокопарно это ни звучало бы...

62 сутки полета

...Перечитал написанное вчера. Нет, это не высокопарно. Истина не может быть высокопарной. Мы занимаемся большим сложным делом. В любом большом деле не обходится без жертв. Мы подписались на это, когда стали летчиками. И подписались во второй раз, когда вступили в Отряд советских астронавтов.

Остановился я на том, что американцы очень переполошились после запуска Ильюшина и стали делать свой орбитальный самолет. Они, наивные, рассчитывали не только догнать, но и обогнать нас. Но задачка оказалась посложнее, чем думали. Только летом 1960 года у них получилось запустить на низкую орбиту макет орбитального самолета «Дайна-Сор». Шум вокруг этого был поднят такой, будто бы они уже на Луну слетали. Что американцы умели и умеют, так это шум на пустом месте создавать...

Алексей говорит, что это обязательная часть американской культуры. Ведь они все индивидуалисты и думают исключительно о личном благосостоянии. Поэтому, чтобы продавить масштабный проект, им приходится поддерживать вокруг него шумиху. Народ ведется на громкие призывы и еще более громкие посулы. Их лидеры знают, что разговорами о светлом будущем никого не завлечешь, все хотят иметь свой гешефт прямо сейчас, а потому обращаются к самым низменным

инстинктам и примитивным желаниям. Например. «Русские хотят отобрать у нас космос. Какое у них на это право? Мы запустили первый сателлит, значит, космос принадлежит нам!» И так далее.

Вы думаете, это смешно? Ничего смешного. Когда американцы по-настоящему осознали, насколько они отстали от СССР, они решили брать с нас ренту!

3 мая 1961 года, в День астронавтики, начала работу Международная конференция по подготовке «Большого договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства». Будто бы в мире существовала хоть одна держава, кроме Советского Союза, которая реально использовала его! Но наше правительство отнеслось к этой конференции великодушно, и поначалу советская делегация активно включилась в разработку договора. Однако быстро выяснилось, что никто и ничего обсуждать не хочет. Всё уже обговорили и решили без нас. Американцы ссылались на какой-то закон столетней давности, согласно которому право на владение новой территорией остается за тем, кто первым добрался до нее и публично объявил своей собственностью. По этой причине они прямо требовали, чтобы в договор был включен пункт, запрещающий другим государствам осуществлять космические запуски и полеты в околоземном пространстве без согласования с США. Дескать, только американцы по праву первенства могут определять, кто может «вторгаться на космическую территорию», а кто нет. И соответственно, взимать за это «справедливую плату». Самое интересное, что большинство представителей других держав поддержали американцев. Еще бы! Ведь они в космос не летали и даже не собирались в обозримом будущем летать, отдав всю инициативу США. А кроме того, какой удачный повод навредить этим коммунистам, которые, страшно подумать, презирают право на частную собственность! Советские делегаты

убедились, что здравый смысл здесь отсутствует, и покинули конференцию. А на следующий день наших заклятых друзей ожидал сюрприз. Генсек выступил с резким заявлением, которое растиражировали все газеты мира. Он сказал, что коммунисты считают космос принадлежащим всему человечеству, а потому не собираются делить его в соответствии с какими-то невнятными договорами. Однако если США сочли возможным заявлять свои права на околоземное пространство, СССР оставляет за собой право на присоединение к территории Советского Союза любого небесного тела, на котором будет установлен красный флаг. И первым таким телом станет Луна!

Не знаю, есть ли в английском языке аналог пословицы про яму, которую не следует рыть другому, но американцы именно так и сделали: вырыли и сами в нее свалились...

63 сутки полета

...Снова был сеанс связи с Землей. Они там просчитывают варианты нашего возвращения с учетом потери кислорода. Есть интересные предложения по доработке СЖО. Химики придумали новую схему восстановления, но для ее монтажа надо иметь доступ к затененной части хозяйственного отсека, а у нас там сосредоточены контейнеры с пищевыми запасами. Решили, что займемся доработкой схемы на обратном пути, после того как разгрузим отсек и избавимся от мусора. Опять же у химиков будет время получше всё обдумать — надеюсь, предложат что-нибудь менее трудоемкое.

Алексей снова с ухмылкой изучает мой дневник. Фантасты ему, очевидно, наскучили. И Циолковский тоже. Он его прочитал быстрее меня. Теперь мается и лезет в дневник. Мои записи у него, похоже, вместо ежедневной газеты. Что нового он рассчитывает в них найти? Все события, которые я описываю в дневнике, происходили и происходят на его глазах. Можно

сказать, что он — один из центральных персонажей этой истории. Ага, Алексей, это так!

Собственно, дальнейшую историю вы, потомки, скорее всего, знаете. Но я перескажу ее вкратце, чтобы соблюсти порядок изложения.

После запуска первого сателлита и полета Ильюшина мир медленно, но верно стал меняться. Менялась и наша Родина. Правительство решило использовать очевидное преимущество, которое давали Военно-космические силы перед другими родами войск для укрепления безопасности страны с одновременным снижением расходов на старую армию. Было в очередной раз объявлено, что СССР придерживается принципа мирного сосуществования государств с различным политическим строем, что мы не собираемся ни на кого нападать, а потому полностью переходим к оборонительной доктрине, сокращаем наземные войска в два с половиной раза. При этом, однако, мы должны быть уверены, что империалисты не покусятся на наш суверенитет, не уничтожат наши военные базы и ракетные установки, призванные нанести в случае нападения на СССР удар возмездия по агрессору. Поэтому часть ударных средств стратегического сдерживания предполагается вывести в космос, где их чрезвычайно трудно будет нейтрализовать.

Возможности нашей обновленной армии были продемонстрированы в апреле 1961 года, когда полторы тысячи «контрас» при поддержке американского авианосца «Энтерпрайз» попытались высадиться на Кубе, свергнуть правительство Кастро и вернуть Остров Свободы под контроль США. Советское правительство неоднократно предупреждало правительство США, что любая военная агрессия против Кубы встретит надлежащий отпор. Однако президент Никсон не счел эти предупреждения серьезными. Военная операция в Заливе Свиней началась и могла бы закончиться кровавой бойней. Однако в тот момент, когда части мор-

ской пехоты США и отряды «контрас» вступили в сражение с частями народной армии Кастро, авианосец «Энтерпрайз», поддерживавший их высадку налетами палубной авиации, был дерзко атакован. Неопознанный летательный аппарат, свалившийся буквально из зенита, выпустил противокорабельную крылатую ракету и столь же стремительно исчез из поля зрения. Ракета разорвалась на полетной палубе авианосца, вызвав пожар, в котором сгорели многие истребители и штурмовики авиакрыла. Без поддержки с воздуха десант захлебнулся, и американцы ретировались из Залива, трусливо поджав хвосты.

По этому поводу собрался Совет Безопасности ООН. Но какое решение он должен был вынести? Против военной операции на Кубе выступали не только советские представители, но и многие другие. В самой Америке не существовало единства по этому вопросу. К тому же неясно было, кто нанес удар по авианосцу и с использованием каких средств: улик не осталось, а наше правительство не спешило признать свое участие в инциденте. Так что резолюция с осуждением действий СССР, которую администрация Никсона пыталась протащить через ООН, так и не была подписана. Ограничились формальным призывом к государствам, имеющим свою космическую программу, прекратить милитаризацию космоса, не выводить в околоземное пространство ударные средства и так далее. Однако никто ООН уже не слушал. Американцы твердо решили прибрать к рукам низкие орбиты, чтобы гарантировать: кубинский разгром больше не повторится.

Кстати, этот инцидент до сих пор остается государственной тайной. Всех подробностей не знаю даже я, но могу сказать, что орбитальный самолет, сбросивший крылатую ракету на «Энтерпрайз», запускался с нового сверхтяжелого бомбардировщика «Су-100». Так прогремели первые выстрелы новой войны...

ФРАГМЕНТ ПЯТЫЙ

79 сутки полета

...Войны сопровождают всю историю человечества.

Можно сказать, что история человечества состоит из непрерывных войн.

Поводов для начала войны придумано множество. Гитлер, например, считал германскую расу наиболее культурной и прогрессивной, а остальные народы — варварами, которые понапрасну расходуют невосполнимые ресурсы. Дескать, несправедливо. Гитлер начал войну, что устранить эту, как ему казалось, «несправедливость». Интересно, что он сказал бы, если бы узнал, что первым человеком, высадившимся на Луну, буду я — простой русский парень из маленького села? Наверное, не поверил бы. Ведь в его представления о мире такой итог не укладывался, находился за гранью воображения. Ведь он считал русских рабами, которые не способны даже отстоять землю, на которой живут. И был бит, расплатившись за свои иллюзии. Как были биты американцы.

Причин для начала войны в космосе было не так уж много. Космос огромен, он способен вместить всех желающих. Астронавтика — одно из сложнейших и дорогих занятий в истории человечества, всем найдется работа на этом поприще. Мы могли бы вместе с американцами проектировать космические корабли, строить орбитальные заводы, летать на Луну. Вроде бы ничто не мешало нам заключить стратегическое партнерство вместо того, чтобы развешивать платформы с боеголовками над головой друг у друга. Проблема была только одна — американцы упорно не хотели видеть в нас союзников. Алексей прав, в их будущем нет места коммунистам. И для них мы — злодеи, кровавые чудовища, которые угрожают безопасности мира и только мечтают, чтобы поубивать всех мужчин, изнасиловать всех женщин и съесть всех детей. Но они проигрывали нам на информационном

поле. Они сколько угодно могли твердить про ГУЛАГ, про тупых русских и кровожадных коммунистов, что все в СССР живут в нищете и стонут под игом кремлевских вождей. Но им верили всё меньше и меньше. Именно «тупые» русские летали в космос, именно «кровожадные» коммунисты открыли перед человечеством новые фантастические горизонты. Хуже того, о первом сателлите стали забывать — этот триумфальный прорыв США померк на фоне сообщений ТАСС о новых запусках советских пилотируемых кораблей. Атмосфера в Штатах, которые никак не могли избавиться от растущего страха, накалилась до предела, до градуса массовой паники, и Никсон выступил с обращением к нации, в котором назвал задачу освоения космического пространства приоритетной. Новый план американцев выглядел так. Они собирались создать Военно-космические силы на манер наших, запустить несколько пилотируемых сателлитов и высадить десант на Луне, сделав ее своей опорной базой.

Это выглядело разумным. Высадка на Луне затмила бы полет Ильюшина точно так же, как полет Ильюшина затмил запуск «Орбитера». Но наши конструкторы, политики и военные это тоже отлично понимали. Луну мы не собирались отдавать американцам ни при каких обстоятельствах. Потому что сдать Луну означало отказаться от собственного будущего — от будущего, где есть коммунизм...

80 сутки полета

— ...Как ты пришел в Отряд? — спросил меня Алексей. — Можешь написать про это?

Он отлично знает, чертяка, как я пришел в Отряд советских астронавтов. Мы обсуждали много раз, вспоминали славные денечки. Тем не менее я согласился написать. В конце концов это был самый увлекательный период в моей жизни.

Скажу сразу, что после учреждения Военно-космических сил мы, летающие офицеры, ждали, что нас начнут вербовать

в астронавты. Но миновал почти год, прежде чем в гарнизон прибыла специальная комиссия, состоящая из военных врачей, и начала придирчивый отбор кандидатов. Из летающих офицеров в Отряд захотели попасть почти все — реклама космических полетов сделала свое дело, и для молодых пилотов астронавтика стала выглядеть привлекательнее службы в авиации. Командование остерегало особо ретивых, предупреждало, что неизвестно, какое будет жалованье, как будет определен наш статус на период подготовки, сможем ли мы взять с собой семьи. Но разве неопределенность может напугать молодых?

Из нашего авиаполка отобрали семерых, в том числе и меня. В моей кандидатуре никто не сомневался. Сумел прослыть. Спецкомиссия сразу узнала о моем существовании и отнеслась заинтересованно. Врачи отбирали в основном по медицинским показателям, но смотрели еще, нет ли дисциплинарных взысканий, всё ли в порядке с биографией.

Потом мы поехали в Москву — на обследование в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь. Как сейчас помню, в столицу вся наша веселая компания прибыла 24 октября 1960 года. До того я в Москве ни разу не был, но походить-посмотреть не дали — сразу отправили на комплексное обследование.

Врачей там было много, и каждый строг, как прокурор. Приговоры обжалованию не подлежали — кандидаты вылетали с комиссии со страшной силой. Браковали терапевты и невропатологи, хирурги и ларингологи. Нас обмеряли, выстукивали всё тело, крутили на стендах, проверяя вестибулярный аппарат...

Руководил процессом самый опытный из космических врачей — Владимир Иванович Яздовский. Именно он придумал систему проверок и тренировок для будущих астронавтов. Над этим космические врачи трудились еще во времена запусков геофизических ракет, когда на высоту порядка двухсот километров выводились контейнеры с научным оборудованием или собаками.

Я прошел медицинский осмотр последовательно у окулиста, терапевта, невропатолога, ЛОРа и хирурга. Успешно выдержал испытания на стендах. И получил заключение о годности к полетам.

Нас, новоиспеченных слушателей Отряда советских астронавтов, сразу же из палат госпиталя направили в пригород — в Центр подготовки астронавтов, созданном на базе старого военного полигона. Там, к нашему удивлению, пришлось пройти медицинскую комиссию еще раз. Теперь врачи искали пониженную устойчивость организма к факторам космического полета, оценивали полученные реакции при действии этих факторов. Нас выдерживали в барокамере при различных степенях разреженности воздуха, исследовали при дыхании кислородом в условиях повышенного давления, крутили на центрифуге, похожей на карусель. Врачи выявляли, какая у нас память, сообразительность, сколь легко переключается внимание, какова способность к быстрым и точным движениям.

Через несколько недель всю нашу группу принял главнокомандующий Военно-космических сил Дмитрий Федорович Устинов, бывший нарком вооружения. Впервые в жизни мне, младшему офицеру, довелось побеседовать с Главным маршалом ВКС. Он встретил нас по-отцовски, как своих сыновей. Интересовался прохождением службы, семейными делами, расспрашивал о женах и детях, а в заключение сказал, что Родина надеется на нас, что предстоят «горячие деньки».

Потом мне дали возможность съездить в гарнизон, забрать Валю и личные вещи. Разумеется, все наши собрались на отвальную. За столом много говорили о перспективах астронавтики. Вспомнили Ильюшина и других. Тут ко мне повернулся Анатолий Росляков, секретарь нашей партийной организации.

— Теперь очередь за тобой, — говорит.

Он почему-то был уверен, что я сделаю что-то необыкновенное.

Под конец вечера, когда все уже заметно набрались, заговорили о законе, предусматривающем сокращение вооруженных сил. Закон этот волновал офицеров полка, и все разговоры обязательно сводились к нему.

— Ты вот теперь астронавтом станешь, — говорили мне, — а нас наверняка на гражданку отправят... Всё начинать сызнова...

Я как мог успокаивал сослуживцев. Доказывал, что сокращение коснется танкистов и артиллеристов, а ВВС и ПВО будут только укрепляться. Ведь астронавтика развивается не отдельно от ракетных и военно-воздушных сил, а, наоборот, на их основе и с использованием всех существующих средств, в том числе и личного состава. Мне поверили и даже выпили за укрепление и расширение. Понимаю ребят, тяжело было признавать, что твое время уходит. Перемены всегда пугают людей...

Вернулись в Москву, и я сразу включился в процесс подготовки. Меня приписали к группе военных астронавтов, которых готовили для службы в ВКС. Еще была группа испытателей, группа от Академии наук, группа от Министерства авиации и астронавтики, которое возглавлял Сергей Павлович Королёв.

Нас ознакомили с планом подготовки к космическим полетам. Это была обширная программа, включающая сведения по основным теоретическим вопросам, необходимым пилоту-астронавту, а также обеспечивающая приобретение навыков, умения пользоваться оборудованием и аппаратурой космического корабля. Мы должны были изучить основы ракетной и космической техники, астрономию, геофизику, космическую медицину. Предстояли полеты на самолетах, способных в пике имитировать состояние невесомости, много тренировок в макете кабины космического корабля, в специально оборудованных звукоизолированной и термической камерах, на центрифуге и вибростенде.

Наш рабочий день начинался с часовой утренней зарядки. Занимались на открытом воздухе, в любую погоду. Были

и специальные уроки по физкультуре: гимнастика, игры с мячом, прыжки в воду с трамплина и вышки, упражнения на перекладине и брусьях, на батуте, с гантелями. Много плавали и ныряли.

Много прыгали с парашютом. Тут нами руководил парашютист-виртуоз, заслуженный мастер спорта Николай Константинович Никитин — человек совершенно замечательный, много повидавший и любивший рассказывать всякие истории из своей богатой биографии.

Много раз встречались с разработчиками космической техники. Однажды нас навестил министр Королёв. Сразу расположил к себе теплой беседой. Вообще выглядел таким большим, крепким, надежным. Оказалось, он тоже бывший летчик и прекрасно понимает нашу службу. Пообещал, что скоро полетим в космос.

В городке при Центре подготовки достроили общежитие, и мы наконец перебрались в него. Вале нравилось там жить. Все люди интеллигентные. Жили весело. Без скандалов.

Вот так я и стал астронавтом...

81 сутки полета

...Алексей завел интересный разговор. Он считает, что на самом деле мы вышли в космос не слишком рано, как пишу я, а как раз вовремя.

Он говорит: если даже отбросить фактор появления тяжелых межконтинентальных ракет и сателлитов, то срабатывает другое, а именно — изменение наших представлений о том, как должна протекать правильная человеческая жизнь. Раньше правильный человек должен был помогать своему роду, держаться корней, он был зависим от старейшин, от их мнения. Он должен был обязательно родить наследника, построить дом и так далее. Но такой добропорядочный образ жизни только мешает астронавтике. Мы — пионеры межпланетных трасс, и мы отказываемся от традиций во имя нового,

неизведанного. Патриархальные условности не могут иметь для нас значения. И не имеют. В сущности, мы — перекати-поле, но отныне это не ругательство. Наоборот, нам надо гордиться этим. Ведь что такое «перекати-поле» было раньше? Кто были эти люди, открывавшие новые земли, осваивавшие Америку? Голодранцы, изгнанные со своей земли, умирающие от голода, парии в своей стране. А современный астронавт — это летчик или ученый, вполне состоявшийся человек. Казалось бы, ему всего хватает здесь. И в старые времена его тяга к новому была бы расценена как авантюризм, как бессмысленное расходование человеческого материала. Но не теперь. Никого сегодня не удивляет, что состоявшийся в чем-то человек продолжает искать себе новое применение, расширяет свои возможности. Не сидит как рантье на проценты от уже сделанного, накопленного, а снова рискует, снова ставит на карту жизнь и благополучие. Это больше не авантюризм, а подвиг. И оценивается он соответствующе.

Кто мы были без подвига? Еще один животный вид, топчущийся под черным небом. Планктон. Биомасса. Мы даже придумали себе бога, чтобы оправдать бессмысленность своего существования. Мол, он создал нас, а значит, что-то хотел этим сказать. Но бог не нужен, если есть Вселенная. Она наделяет нашу жизнь смыслом. И делает авантюру подвигом...

82 сутки полета

...За американцами мы наблюдали всегда.

Врага надо знать в лицо. Разведка и специалисты из Академии наук постоянно снабжали нас материалами по американской астронавтике.

После долгого топтания на месте у США стало получаться. Кроме исследовательских и разведывательных сателлитов, они начали запускать пилотируемые корабли. Серийным кораблем сделали одноместный «Дайна-Сор» — легкий орбитальный самолет для решения военных задач на низких

орбитах. Чтобы контролировать большие высоты, разрабатывался двухместный корабль «Сайнт» с грузовым отсеком и двигателями маневрирования. Еще ни шатко ни валко продвигался проект «Джемини» — бескрылого тяжелого корабля, который, согласно опубликованным данным, был необходим для реализации первого этапа в подготовке лунной экспедиции. Наши аналитики, впрочем, полагали, что «Джемини» может использоваться в качестве корабля-инспектора, который будет способен приближаться к нашим сателлитам или ударным платформам, чтобы изучить или даже заминировать их.

Что мы могли противопоставить американцам? Легкий орбитальный самолет «Красная звезда». Беспилотные крылатые ракеты, запускаемые с «Бурана» и «Су-100». Орбитальную станцию «Союз», работы над которой начались в 1960 году и которая должна была стать форпостом на пути к Луне. Росла сеть контрольно-измерительных пунктов, обеспечивающих наблюдение за сателлитами и связь с ними. В спешном порядке переоборудовались аэродромы по всей стране — теперь они могли принимать орбитальные самолеты и их носители.

Запуски осуществлялись каждую неделю. В небе становилось тесно. И хотя американцы придерживались экваториальных орбит, всем было ясно, что раньше или позже дойдет до стычек. Если они преследуют по всему океану наши корабли и подводные лодки, провоцируя иногда столкновения, то что их могло остановить в околоземном пространстве, которое они считали своим?..

83 сутки полета

...Пожаловался Алексею. Сказал, что приближаюсь к самому неприятному месту в своих мемуарах.

— Что такое? — удивился он.

— «Звезда» Шиборина, — ответил я.

Алексей задумался. Потом спросил:

— Но ты ведь вроде никого там не сбил? Или я чего-то не знаю?

— Повезло, — сказал я. — Никого не сбил. Иначе ты полетел бы на Луну с кем-нибудь другим.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что.

Если вы заметили, я не из пацифистов. Я считаю, что в ситуациях, когда речь идет о жизни и о будущем, человек вправе применить оружие и уничтожить врага. Но одно дело, когда на тебя прет черная фашистская машина, а другое — когда приходится наказывать за дерзость.

Никто не осудил и никогда не осудит пилотов-астронавтов, которые защищали наше право на освоение космоса и, выполняя приказ, были вынуждены стрелять по чужим кораблям. Ведь это тоже подвиг. Но не тот подвиг, которым можно гордиться. И ребята никогда не выпячивали свои военные заслуги. Они всё понимали. Титов и Николаев ушли из Отряда. Другие продолжали летать, но просились на транспортные рейсы. Каманин в этом вопросе всегда шел навстречу и переводил в другие группы, переукомплектовывал экипажи.

Я думаю, если бы мне удалось сбить один из американских орбитальных самолетов, то в первую экспедицию на Луну меня вряд ли послали бы. Королёв настаивал, чтобы первым человеком на другой планете был «чистый» человек, без крови на руках. Он был прав, конечно. Такой человек должен был встать в один ряд с Ильюшиным, остаться в памяти человечества на веки вечные. Такой человек должен был ездить по миру, демонстрируя преимущества нашего социалистического строя, и так, чтобы ни одна западная зараза не могла смутить его вопросом, когда и скольких астронавтов он убил. Мне, кстати, задавали подобные вопросы, и я честно спокойно отвечал: «За свою жизнь я не убил ни одного человека».

— Пиши, как было, — посоветовал Алексей. — Зря страдаешь. В конце концов потомки нас рассудят.

Итак, пишу, как было.

6 июля 1966 года с мыса Канаверал стартовал тяжелый корабль «Джемини-2». Он вышел на высокую орбиту с тем же наклонением, что и орбита, на которой находилась «Красная звезда-5». В этой «Звезде» уже семь лет покоилось тело Сергея Шиборина. Сначала на «Джемини» не обратили внимания. Мало ли с какими целями американцы могли запустить свой новый корабль. Однако после того, как «Джемини» накрутил шесть витков, стартовало два орбитальных самолета «Дайна-Сор». Сначала они вышли на низкую орбиту, затем сделали два маневра — увеличения высоты и увеличения наклонения орбиты. Стало ясно, что американцы сводят пилотируемые сателлиты в группу. Мы сами часто прибегаем к такому трюку: эскадрилья орбитальных самолетов выглядит внушительнее, да и вооруженность у нее заметно выше, чем у отдельного аппарата. Аналитики Генштаба прикинули, и по всему выходило, что целью американской группы является «Звезда» Шиборина. Это казалось невероятным, ведь Советский Союз давным-давно объявил корабль Шиборина мемориалом — памятником всем героям космоса. Статус был закреплен в документах ЮНЕСКО. Таким образом, американцы покушались на самое святое — на память о погибших во имя прорыва к звездам.

Мнения по поводу ответных действий разделились. Одни считали, что это провокация и нужно проигнорировать маневры группы. Другие были настроены более решительно и доказывали, что это не простая провокация, американцы явно испытывают нас на прочность, стараясь продемонстрировать всему миру, кто в космосе хозяин, поэтому следует перехватить группу, пока она не подошла слишком близко к мемориальному кораблю. Реальность, как мы все узнали позже, оказалась прозаичнее. Американцы действовали так нагло, потому что полагали, будто могут сделать всё быстро, поставив нас перед фактом. Они знали наверняка, что корабль Шиборина не заминирован. Они знали наверняка, что суме-

ют вскрыть его, как консервную банку, извлечь тело мертвого пилота и шифровальное устройство. Они знали наверняка, что на орбитах нет сейчас маневренных советских кораблей, а значит, мы вряд ли сумеем перехватить их в момент проведения инспекции. Но они недооценили наши возможности. Как всегда, они недооценили нас.

К 1966 году в воздухе над территорией СССР и нейтральными водами Мирового океана постоянно барражировали от восьми до двенадцати самолетов-носителей «Су-100». На подвеске они несли по одному орбитальному самолету класса «Красная звезда». Когда из ЦУПа пришел приказ за подписями министра обороны и командующего ВКС, пять носителей сменили курс, поднялись в стратосферу и сбросили «звезды». Те работали по принципу ракетоплана — сразу после сброса включался жидкостный ракетный двигатель, самолет начинал набирать скорость и высоту, пока не выходил на орбиту. Там он совершал маневры в зависимости от поставленной задачи. Поскольку стандартная «Красная звезда» в своей поздней модификации несла в себе только одного пилота-астронавта и простейшую пушку Нудельмана, она могла подниматься до пятисот километров — до орбит, на которых размещались наши ударные платформы с ядерными ракетами. Собственно, круглосуточное патрулирование и должно было обеспечить защиту этих платформ от внезапной атаки. Но корабль Шиборина ходил ниже — на высоте трехсот семидесяти километров в апогее, и запущенные перехватчики без каких-либо проблем добрались до него.

«Звезды» атаковали «Джемини» сразу, без предупреждения. Космический бой отличается от воздушного боя. Там не до сантиментов, не до благородных виражей. Если цель попала в перекрестие прицела, надо нажимать на гашетку — следующего шанса может и не представиться. Так нас учили.

«Джемини» вошел в запретную зону, приблизившись к кораблю Шиборина на расстояние трех километров. По нему

дали залп сразу две «звезды». Одна попала. Снаряды прошили американский корабль насквозь. Астронавты, их там было двое, погибли. И лучше не знать, как они погибли. Лучше оставить это...

Корабли «Дайна-Сор» могли принять бой. Но численный перевес был на нашей стороне, и они не решились. Они сбежали.

Я не участвовал в том рейде. Я участвовал в отражении атаки на «Союз-3». Но эта атака последовала как ответ на разгром у «Звезды» Шиборина. Тут Алексей...

ФРАГМЕНТ ШЕСТОЙ

89 сутки полета

...Алексей опять весь день просидел за перископом, наблюдал Марс. Уверяет, что уже сумел различить отдельные детали поверхности.

— Каналы видел? — спрашиваю я.

Алексею очень хочется сказать, что он их видит. Но вранье я опознаю сразу же, а потому он пожимает плечами и говорит, что нет, не видел.

— Жаль, — говорю я. — Пора бы.

Продолжаем бездельничать. На велотренажер садимся редко. Сокращаем таким образом расход кислорода. Если бы не костюм «Пингвин», который создает нагрузку на опорно-двигательный аппарат, мы давно превратились бы в длинных бескостных червяков. Циолковский, несмотря на всю свою мудрость, ошибался, доказывая, что в невесомом мире люди будут испытывать только комфорт. На самом деле невесомость превращает людей в уродов. Если не изнурять себя ежедневно на тренажере по пять-шесть часов, то очень скоро кости станут тонкими, как у птиц, мышцы атрофируются, меняются даже внутренние органы. Мы с этим столкнулись, когда стали летать на орбитальные станции, и, к счастью, Яздовский быстро придумал решение. Он и сам летал на «Союз-2», чтобы

всё попробовать. Провел там больше года, но добился своего — выработал программу восстановления и на себе испытал: когда вылезал из спускаемой капсулы, то встал и пошел. Отругивался еще от коллег, которые пытались его под руку вести...

Но нам теперь не до рекомендаций Яздовского. Главное — долететь. А еще главнее — вернуться живыми. В крайнем случае выбросимся на подлете, ребята подберут и доставят на «Союз», система спасения и эвакуации давно отработана. А там уже наверстаем и вернемся на Землю вполне здоровыми...

90 сутки полета

...Проснулся сегодня от качки.

Да-да, мне реально показалось, будто бы корабль раскачивается, словно лодка на волне.

Думал, что это после сна. Но оказалось серьезнее. Продрал глаза, умылся, позавтракал, а ощущение качки не проходило.

Рассказал Алексею. Он забеспокоился. Засуетился. Извлек диагностическую укладку. Ощупал меня, прослушал. Допросил, сверяясь с инструкцией.

Потом затребовал связь с Землей.

Это не так-то просто в наших условиях.

Я, конечно, отшучивался. Говорил, что его страдания излишни. Но он — ни в какую.

Короче, вышел на связь по коду 321. Объяснил ситуацию. И только после этого разговора успокоился.

Теперь утверждает, будто бы с самого начала знал, что у меня ничего серьезного нет. Типичное и неопасное расстройство вестибулярного аппарата в отсутствии нагрузки. Пара часов на велотренажере, и всё пройдет.

Земные врачи, как всегда, на высоте. Действительно — стоило подтянуть форму, и всё прошло.

На самом деле тут есть серьезная проблема. Мы не можем следовать схеме Яздовского, потому что экономим кис-

лород. Но не следовать ей означает получить всевозможные расстройства. Это сейчас время тянется медленно, а когда прилетим к Марсу, каждая секунда будет на счету, работать придется на износ. Там, у чужой планеты, нам качка совсем не нужна...

91 сутки полета

...Говорили о «Союзах».

Всё-таки Королёв — гений. Идея обитаемой орбитальной станции стара, конечно, как мир, но он довел ее до воплощения. Ведь многие сомневались. Говорили, что нет нужды в станциях, если можно сделать большую ракету и запустить корабль сразу на Луну. Но он что-то такое подозревал о свойствах невесомости и настоял. Кроме того, разработка большой ракеты требовала времени, а Сергей Павлович всегда опасался, что если мы потеряем фору, то не сможем удержать лидерство и вынуждены будем, как в 57-ом, догонять США. Поэтому он придумал хитрее: вывести на орбиту множество блоков, сцепить их и сделать большой межпланетный корабль уже на орбите. Но для организации сборки корабля требовались космические монтажники, а значит, научно-исследовательская станция должна была со временем превратиться в настоящий завод. Королёв решил техническую проблему, Яздовский — медико-биологическую. А мы, военные астронавты, должны были решить проблему безопасности. Каждый решал свою часть задачи, и оказалось, что это самый верный путь...

Алексей говорит, что я зря забросил рассказ о войне на орбитах. Из песни слов не выкинешь. Замалчивание не украшает рассказ и рассказчика.

Я в общем-то согласен с ним. И вовсе не собирался обходить эту страницу своей биографии стороной. Просто очень трудно даются слова, когда приходится рассказывать о кровавых событиях. Наверное, это совесть. Я знал многих ветеранов Великой Отечественной. И давно заметил, что те, кто

по-настоящему воевал на передовой, кто пришел с фронта не с грудью, полной орденов, а с медалькой «За взятие», не любят рассказывать о войне, избегают разговоров о фронте, никогда не хвастаются, сколько убили немцев, а сколько взяли в плен. Наверное, это потому, что, несмотря на пережитое, несмотря на ожесточенность, которая до сих пор в сердцах, они сохранили совесть. А совесть говорит: да, мы убивали врага, но враг — тоже человек. Нельзя радоваться смерти человека, нельзя гордиться убийством, даже если оно совершено во имя высокой цели.

Наши старшие офицеры, командование, замполиты всегда говорят, чтобы мы не думали на эти темы. В конце концов, они отдают нам приказы, а мы должны эти приказы беспрекословно выполнять. Таким образом они принимают на себя ответственность за содеянное, и если мы всё сделаем правильно, по приказу, но окажется, что мы совершили преступление, то они, а не мы, предстанут перед судом. В этом есть и логика, и справедливость, но кому от этого легче?

Когда-то я не понимал ветеранов. Теперь отлично понимаю. Я участник войны. Надеюсь, последней войны на нашей планете. Я никого не убил, но был на передовой. Видел, как убивали и умирали. Мне не хочется рассказывать об этом. Но я расскажу. Ведь для понимания нашей эпохи вам, потомки, следует знать не только ее светлые стороны, но и темные, тайные...

После стычки у «Звезды» Шиборина мы жили в ожидании войны. Ведь уничтожить чужой космический корабль — это всё равно что уничтожить вражескую морскую флотилию. Вой в западной прессе стоял страшный. Особо безответственные журналисты призывали немедленно напасть на СССР, разбомбить, стереть в порошок. Но если смотреть в суть инцидента, то реально повода для начала крупномасштабной войны у США не было. Им сказали: в эту зону заходить нельзя ни при каких обстоятельствах, а они не только вошли, но и попытались там работать. Не спишешь на ошибку навигации.

Советский посол в США, выступая на чрезвычайной сессии ООН, напомнил о похожих инцидентах: с конца 40-х годов американские разведывательные самолеты заходили в наше воздушное пространство, хотя мы просили этого не делать. Полеты прекратились только тогда, когда мы научились сбивать разведчиков. Крыть американцам было нечем. Конечно, они опять заговорили о том, что околоземное пространство принадлежит им по праву первооткрывателей, а потому они могут устанавливать границы, а мы не можем. Но эта демагогия уже изрядно надоела. Наши представители предложили собрать новую конференцию и подписать-таки договор, который устроил бы всех, но американцы, как всегда, не захотели пойти на компромисс.

Большая война, я думаю, не началась еще по одной причине. У США уже был полный арсенал ракет, две с лишним тысячи атомных боеголовок и космические истребители, способные атаковать наши орбитальные платформы. Они вполне могли нанести внезапный обезоруживающий удар, уничтожить наши стартовые сооружения, ракетные заводы, космодромы. Но могли ли они быть уверены, что уничтожат всё и сразу? Ведь они видели, что мы умеем постоять за себя и свои интересы. Они видели, сколь эффективна советская техника. Могли ли они быть уверены, что уничтожат все наши ракеты, все наши бомбардировщики, все «Бураны» и «Су-100»? Могли ли они быть уверены, что мы не нанесем удар возмездия такой разрушительной силы, от которого треснет сама планета? Нет, не могли. А потому предпочли воздержаться от нападения.

Однако от ответного хода удержаться не смогли. В октябре 66-го Госдепартамент потребовал от советского правительства убрать станцию «Союз» с экваториальной орбиты. Мол, она мешает космической навигации. Ерунда, конечно. Повод. Знали, что «Союз-3» — разведывательная станция. Потому и висела на экваториальной орбите, чтобы мы могли с нее все

американские космические запуски отслеживать и оперативно на Землю докладывать обстановку. А как иначе паритет обеспечишь? Нет еще пока таких сателлитов, которые могли бы сразу информацию о ракетных запусках передавать.

Короче, предъявили нам американцы ультиматум. Либо станцию топите, либо мы ее уничтожим. Так и сказали: объявляем низкие экваториальные орбиты зоной наших национальных интересов!

Разумеется, советское правительство проигнорировало этот ультиматум. Генсек только высказался в том смысле, что американская военщина снова хочет устроить провокацию, но у нее ничего не получится. Однако я-то видел ситуацию изнутри и отчетливо помню, в каком диком мандраже все были. Ввели состояние повышенной боевой готовности, отменили увольнительные и отпуска. Подняли в воздух бомбардировщики и авианосители. Экипаж «Союза-3» начали готовить к эвакуации.

Тут мы столкнулись с серьезной проблемой. Хотя в Отряде советских астронавтов уже числились свыше трехсот человек, опытные пилоты были нарасхват. На дежурство начали ставить дублеров — тех, кто еще в космос не летал. Среди них был и я.

После общей подготовки я переходил из группы в группу. Сначала меня направили в космические истребители, потом готовили в экспедицию посещения станции «Союз-3», а потом снова перекинули в истребители. Я уже совершил несколько вылетов на «Красной звезде» под брюхом «Су-100», но в космос мне подняться не дали. Нельзя сказать, что я боялся. Нервничал немного, было. Наконец-то сбудется мечта. Был при этом уверен, что всё получится. Нас ведь натаскивали до автоматизма. Мы знали, что и как будем делать на орбите. Нет, не боялся.

Хотя случались казусы. Люди не железные. Один наш товарищ, кстати, бывалый пилот, дважды летавший в космос, вдруг перед стартом подхватил «медвежью» болезнь.

Скрючило его так, что шагу не мог ступить. Ему на ВВП бежать, а он сидит в скафандре и за живот держится. Так и не полетел. А мы полетели.

Американцы решились атаковать в ноябре. Начали запускать орбитальные самолеты и сводить их в группы. Стало ясно, наш час пробил. Пора!

Стартовали по нормативам. Я — в первой пятерке. На расчетную высоту поднялся без проблем. Поначалу даже не оглядывался вокруг. В кабине «Красной звезды» тесно, теснее, чем в кабине «МиГа», штатные процедуры идут одна за другой. ЦУП всё время на связи. КИПы ведут и отпрашивают. Потом — маневр, я на новой орбите и могу наконец посмотреть на звезды...

Черт возьми! Красота какая! Я шел с наклоном на правый борт. Слева — черное небо с яркими немигающими звездами. Справа и внизу — Земля. Большая. Голубая. Потрясающе красивая. Впереди — горизонт Земли. Очень красивый ореол у нее. Сначала радуга от самой поверхности Земли, и вниз такая радуга переходит. Это, наверное, оптика так играет...

Извините, путаюсь. Нет у меня слов и образования литературного, чтобы описать эту красоту. А может, и нельзя ее описать. Тот, кто на орбите не был, вряд ли сможет представить, что это такое — Земля из космоса. Непередаваемо. И непредставимо. Ради этого стоит жить и работать. А иногда приходится убивать и умирать...

Наконец вышел в район станции. Там нас эшелонировали. По командам из ЦУПа сбросил скорость и занял позицию на радиусе оборонительной сферы. Сверился с навигационными приборами. Вроде всё верно. Станция была совсем далеко и в солнечном свете выглядела маленьким золотистым цилиндром — как гильза от патрона. Справа, слева, снизу и ближе к станции находились мои друзья по Отряду астронавтов. На орбиту для создания оборонительной сферы вывели девятнадцать машин.

От «Союза» отделилась спускаемая капсула. Ушла вниз.

Казалось, всё замерло, и только Земля величаво крутится под нами, но это была иллюзия — на самом деле мы с орбитальной станцией падали на нее с сумасшедшей скоростью, но не могли упасть. Эффект, описанный еще Ньютоном.

Невесомость я всегда переносил хорошо. Многие из астронавтов жалуются на тошноту, головокружение, а у меня никаких проблем никогда не было. Но интересно. Вытащил из зажима карандаш. Пустил его в полет по кабине. Полюбовался. Почувствовал себя ребенком — простым и наивным.

Тут забормотал в наушниках оператор из КИПа, и пришлось вернуться в реальность, отработать процедуру ориентации и доложить показания приборов.

Мы могли находиться в оборонительной сфере долго — до пяти-шести суток, пока не начали бы отказывать системы жизнеобеспечения и не пришлось бы сходить с орбиты. Кому-то может показаться, что скучнейшее времяпровождение, но это не так. Если вокруг тебя космос, нет повода для скуки. Вы в звукоизолированной камере посидите — вот там настоящая тоска! А ведь месяцами высиживали! Кроме того, ЦУП ведет нас, постоянно проверяет работу систем, сравнивает показания бортовых приборов с данными радиолокационного наблюдения и так далее. Дело всегда найдется. А в промежутках между делами можно перекусить и полюбоваться красотищей...

Однако американцы долго любоваться не дали. Не для того они подняли в космос двадцать истребителей, чтобы мы могли любоваться. Они хотели продемонстрировать превосходство, но так, чтобы их потом не обвиняли в необоснованном нападении на мирную станцию. Потому американцы избрали совсем другую тактику. Они появились на радарах внезапно — потому что двигались по пересекающейся орбите с более высоким наклонением, чем наша. На открытой аварийной частоте по-русски потребовали у нас покинуть район станции «Союз-3». Мы, разумеется, проигнорировали это без-

умное требование. Вся армада прошла мимо и ниже, чтобы вернуться через восемьдесят минут.

На самом деле это была их ошибка. Если бы они с первого захода вступили в бой, то имели бы шанс на победу. Однако возобладали соображения большой политики, и американцы потеряли козырь внезапности. Когда они вернулись, в систему целеуказания уже были введены параметры их движения, каждый из нас получил конкретную задачу на уничтожение противника и только ожидал приказа, чтобы нажать на гашетку. Но приказа пока не поступало. Хорошо помню, что код на открытие огня был 125...

Сейчас много снимают фантастических фильмов о космосе и астронавтике. Есть даже про космическую войну. Только кинодеятели — не знаю, специально, что ли? — постоянно демонстрируют всякие глупости. Кто-то из них вообразил, будто бы война в космосе ведется с помощью лазеров. Истребители обстреливают друг друга лучами, взрываются с грохотом, разваливаются на куски. Ерунда, конечно. Лазерное оружие требует мощной энергетической накачки. Такую энергию может дать только взрыв, но при этом будет разрушен и сам лазер. Проблема решаема инженерными способами, но слишком затратно выводить лазеры в космос, обслуживать их, а толку получить чуть.

Поэтому лучше кинетического оружия для космоса ничего не существует. При тех огромных скоростях, с которыми мы летаем, в условиях пустоты, обыкновенная пуля, даже обыкновенный гвоздь имеют колоссальную разрушительную силу. А ведь чтобы уничтожить космический корабль, много гвоздей не надо — сам по себе он слабо защищен, ведь не потянешь же танковую броню в космос. А у нас не гвозди, у нас — снаряды калибром двадцать три миллиметра. Страшная вещь!

И еще. Никто в космосе не взрывается. Тем более с грохотом. Снаряды прошивают вражеский корабль в полной тишине, а всё остальное делает вакуум.

Понятно, что такая война плохо выглядит на экране. Незрелищно. Настоящая война, в отличие от показухи, всегда незрелищна...

На втором заходе американцы попытались атаковать станцию. Снаряды попали в стыковочный узел. Но приказа на открытие огня всё не было, и армада ушла на второй круг.

И только после третьего появления американских истребителей, я услышал в наушниках: «Код один-два-пять». Управляя малыми двигателями системы ориентации, я подогнал назначенную цель к перекрестию на экране радиолокационного пеленгатора и нажал на гашетку. И сразу выругался матерно. Потому что у меня отказала пушка. А бой уже начался. Наши и вражеские снаряды крушили тонкую обшивку аппаратов, люди умирали в полной тишине, и только Центры управления полетами слышали их хрипы и проклятия.

Армада ушла на третий круг. Я обнаружил, что еще жив и всё еще давлю на гашетку. Но пушка не работала. Доложил в ЦУП. Через несколько минут пришел приказ: тормозить и сходить с орбиты с посадкой на полосу под Саратовом. Приказы не обсуждаются, но я все губы искусал себе от отчаяния. Ведь ребята оставались в ожидании новой атаки, а я возвращался на Землю.

Мы победили в той битве. Ценой неимоверных потерь.

Станция «Союз-3» была разрушена. Погиб Комаров. Погиб Добровольский. Погиб Волков. Погиб Пацаев. Аппарат Лазарева получил серьезные повреждения, но Василий чудом сумел ввести его в атмосферу и, снизившись до приемлемой высоты, катапультировался из кабины. Лазареву повезло.

А мне? Повезло ли мне? Не знаю до сих пор. Я не предал друзей. И не бежал трусливо с поля боя. Пушка отказала. Такое могло случиться с каждым, но случилось со мной. И это тоже не вычеркнешь из памяти окружающих. И может быть, кто-нибудь из них думает, что на самом деле я дезертир. Как ты думаешь, Алексей? Я дезертир? Только скажи честно...

92 сутки полета

...Алексей, прочитав мои записи, размышляет, а была ли реальная возможность избежать войны на орбитах.

Я ответил, что, наверное, была. Можно посмотреть различные гипотетические ситуации. Допустим, мы запустили бы сателлит первыми. А у американцев первым слетал бы астронавт. А мы высадились бы на Луне. А американцы — на Марсе. Если бы шло такое соревнование, то нужды в войне не было бы. Каждый получал бы свою долю приоритетов и славы, а астронавтика развивалась бы.

— Но тогда в чем было бы наше преимущество? — сомневается Алексей. — Не люблю я это «было бы», но скажи: в чем?

— В том же, в чем оно и сейчас. Наш строй более правильный, более нацеленный в будущее. Американцы всё равно надорвались бы. И оставили бы космос нам. Но зато не полезли бы в заваруху. Не было бы войны. Ведь сами сколько человек потеряли. И нас чуть не угробили. Другого места будто бы в Солнечной системе...

ФРАГМЕНТ СЕДЬМОЙ

108 сутки полета

...В Солнечной системе всё устроено разумно.

Чем больше я на эту тему думаю, тем больше в этом убеждаюсь.

Я атеист и материалист. Коммунист. Я не верю в бога, который создал Вселенную и нашу маленькую Солнечную систему в ней. Гипотеза бога избыточна. Это я и раньше понимал, а теперь точно знаю. Однако и у меня захватывает дух, когда думаю, как здорово получилось, что наш разумный вид развился именно на Земле, а не в другом каком-нибудь месте.

Смотрите сами.

Рядом с Землей есть Луна. Самая ближайшая цель для астронавтики. Она достижима даже с использованием обыч-

ных ракет на керосине и кислороде. Она нужна для того, чтобы мы могли испытать себя, убедиться в практической возможности достижения соседнего небесного тела.

Следующей целью, без сомнения, является Марс. В периоды противостояний он близок, но всё равно требует углубленного развития космических транспортных средств. Чтобы добраться до него, необходимо создать атомные реакторы и электроракетные двигатели. Марс научит нас совершать длительные межпланетные перелеты, высаживаться на чужие планеты и взлетать с них. Если на Марсе существует какая-то жизнь, ее изучение позволит нам получить опыт работы с инопланетной биосферой.

Затем планеты-гиганты с системами спутников. Это чужая планетная система в миниатюре. У гигантов мы сумеем отработать навигацию в системах других звезд, опять же освоим высадку и старт, используя спутники в качестве моделей планет.

Еще и очень удобно — между Марсом и Юпитером существует пояс астероидов. Астрономы считают, что в поясе можно найти самые разные тела: железные или из водного льда. Такой астероид мы легко освоим, установим там атомный реактор, а вещество астероида станет топливом. Электроракетные двигатели разгонят эту глыбу, и она превратится в звездолет. Так мы доберемся до звезд.

Я сказал бы, что Солнечная система — идеальный полигон для совершенствования космических технологий.

И возможно, в этом есть некая закономерность. Возможно, разумная жизнь зарождается именно в мирах, подобных нашему. Ведь, по мнению астрономов, Луна — не только ближайшая цель для астронавтики, но и защитница Земли от сокрушительных бомбардировок. Если бы не она, жизнь на Земле могла бы вообще не зародиться, погибла бы под кометным и метеоритным обстрелом. Планеты-гиганты тоже стягивают на себя часть космического мусора, не давая ему

добраться до внутренних орбит. Венера, Земля и Марс находятся словно бы в оранжерее, защищенной от глобальных катаклизмов. У нас было достаточно времени, чтобы выбраться из океана на сушу, отрастить лапы, влезть на деревья, потом спуститься с них. И стать людьми. А потом мы почти сразу, по меркам эволюции, научились летать в космос.

Следует простой вывод. Если Вселенная устроена таким образом, что создает идеальные условия для появления разумного существа и для выхода этого существа в космос, получается, человек ей для чего-то нужен. Он важен. Он очень важен. Обязательный элемент мироздания.

Как вам такая гипотеза?..

109 сутки полета

...Отмечали день рождения Константина Эдуардовича Циолковского. Оказалось, даже есть чем. Алексей при бритье и медицинских процедурах экономил спирт, и набралось сто граммов сверх расчетного расхода. Пили прямо из медицинской груши. Делали по маленькому глоточку, чтобы просто ощутить на языке подзабытый привкус алкоголя. Говорят, старому пьянице много не надо. Мы, конечно, не старые пьяницы, но настроение было такое, что хотелось захмелеть. И захмелели.

Языки развязались, и Алексей со смехом спросил, понял ли я хоть что-нибудь из прочитанного в книге по истории философии. Я без колебаний ответил, что понял главное. Наш мир складывается из образов и символов, которые сознанию навязывает культура. Еще недавно человек считался единственным и неповторимым центром мироздания, а человеческая логика — единственным способом познания мира. Этот образ так довлел над античностью и средневековьем, что не давал развиваться подлинной науке. Ведь подлинная наука опирается на факты, которые часто противоречат логике. Например, мы видим, что каждое утро Солнце встает на востоке, а садится на

западе. Следуя логике, нужно признать, что Солнце вращается вокруг Земли. Только многолетние наблюдения и расчеты астрономов доказали, что логика в данном случае ошибочна. Наука, в свою очередь, создала образы, которые в большей степени соответствуют объективной картине мира. Но завтра может оказаться, что и этот образ — лишь одно из приближений к истине. Ленин говорил, что всю объективную картину мира человек вряд ли может себе представить. Что-то всегда ускользнет от самого пытливого взгляда. Но при этом объективный мир существует вне зависимости от того, как мы его себе представляем. Образы имеют значение только для нас.

В то же время, продолжал я, образы оказывают влияние на людей, на мотивы, на принятие решений. Вот почему так важна идеология. Она генерирует образы. Циолковский в начале XX века создал очень привлекательный образ космического будущего. И нам так повезло, что идеология коммунистов совпала в этой части с представлениями Циолковского. И мы стали космической державой.

У нашего поколения новая задача. Нельзя дать образу измениться. Мир должен верить нам и в нас. Все люди планеты должны стремиться в космос, вслед за нами. И тогда коммунизм победит не только в космосе, но и на Земле. Вот почему так важно было высадиться первыми на Луну.

— Силен, — одобрил Алексей. — Быстро нахватался. Будешь первым замполитом на Марсе...

110 сутки полета

...Впрочем, до Луны оказалось добраться не так-то просто.

После битвы за «Союз-3», когда мир висел буквально на волоске от глобальной войны на уничтожение, наступил спад напряженности. И мы, и американцы выдохлись. Всё-таки очень тяжко и дорого воевать на орбитах.

Тем не менее наша лунная программа продолжала набирать обороты. Мы начали запускать в космос танкеры

«Прогресс» — массивные блоки с горючим и окислителем, которые должны были обеспечить заправку лунных кораблей. Американцам эти танкеры показались очень соблазнительной целью. Но они отказались от тактики прямого нападения. В ход пошли партизанские методы.

ВВС США разработали миниатюрный маневрирующий аппарат-камикадзе «Тор». Орбитальный самолет «Дайна-Сор» был способен вывести на заданные орбиты до десяти таких мелких перехватчиков, после чего возвращался в атмосферу, избегая встреч с нашими истребителями. «Торы» отыскивали танкеры и взрывались рядом с ними, превращая наши блоки в металлолом. Так мы потеряли шесть танкеров и бессчетное количество сателлитов связи и фоторазведки.

На официальном уровне правительство США отрицало причастность американцев к гибели космических объектов. В качестве объяснения участившимся катастрофам они предлагали версию для идиотов. Дескать, советская техника не слишком-то надежна, а кроме того, после схваток космических истребителей на орбитах образовалось множество обломков, которые повреждают танкеры. Дескать, сами виноваты.

Средств защиты против «Торов» не существовало. Им мог противостоять только такой же мобильный аппарат. А вот с беспилотными космическими аппаратами у нас всегда были проблемы. Сказывалось общее отставание в электронике. Блоки автономного управления на программной основе получались очень большими, занимали много места, вытесняя другие важные системы. Оставалось в бессильной ярости сжимать кулаки, наблюдая, как американцы «зачищают» космос.

Решение отыскалось быстро, но потребовалось некоторое время на доведение проекта до серийного изделия. Конструкторы научились окружать наши платформы и танкеры сворой ложных целей, что позволило резко снизить эффективность перехватчиков «Тор».

Тогда в недрах Пентагона созрел секретный план «Стальное небо». Ястребы предложили навсегда «закрыть» околоземное пространство, выбросив в космос сотни тонн металлического мусора. Однако и этот план не был реализован. Наша разведка вытащила его на всеобщее обозрение. Разумеется, люди во всём мире возмутились и потребовали отчета от американской администрации. Пришлось Никсону извиняться перед мировой общественностью.

А еще, чтобы закрепить успех, ВКС запустили с территории Еврейской Крымской Республики новую крылатую ракету «Буря-МН». Следуя рельефу местности, на предельно малой высоте она прошла над Южным полюсом и взорвалась в пустынном районе над Мексикой. Таким образом, «Стальное небо» обесценилось, ведь мы могли запускать межконтинентальные ракеты не только через космос, но и в пределах атмосферы, в зоне, недоступной для радаров, а у американцев подобной технологии еще не было. Вопрос сняли с повестки дня.

Потом у американцев начались уже политические проблемы. Администрация Никсона облажалась по полной. Война во Вьетнаме исчерпала ресурсы Пентагона, а космическая программа пробуксовывала из-за отсутствия новых решений. На выборах победил Линдон Джонсон, который был известен своими резкими высказываниями в адрес агрессивной внешней политики республиканцев и имел репутацию человека, который разбирается в «космических делах».

Наше руководство ожидало, что с Джонсоном будет проще договориться. Ожидания оправдались лишь отчасти. Действительно новый американский президент постарался снизить напряженность в международных отношениях. Отменил несколько дискриминационных законов, принятых против американских коммунистов, подписал несколько ранее подготовленных договоров по сокращению наступательных вооружений. Однако от планов доказать превосходство США в космической сфере не отказался. Но дело при нем при-

няло интересный оборот. Джонсон решил, что в многочисленных провалах виноваты военные и учредил гражданское агентство по космическим вопросам — НАСА.

Возможно, из этого и вышел бы какой-нибудь толк, но Джонсон опоздал: 20 июля 1969 года я ступил на Луну...

111 сутки полета

...Нельзя сказать, что в Америке все без исключения были настроены против нас.

Был у них такой влиятельный политик — Джон Кеннеди. Призывал прекратить конфронтацию, пригласить СССР за стол переговоров, предложить совместные проекты по освоению космоса и так далее. Он считал и справедливо считал, что с нами всегда можно договориться и дружить.

Но Кеннеди убили — застрелил какой-то маньяк в Далласе, когда тот выступал на митинге перед рабочими. Такие дела...

112 сутки полета

...— А ты помнишь, как мы познакомились? — спросил Алексей.

— Ты знаешь, смутно, — признался я.

— Зазнался, — упрекнул меня Алексей. — Забронзовел. А я, между прочим, ничуть не менее известен, чем ты. И ты мог бы иногда для разнообразия пару книжек про меня прочитать, а не только про себя. Там всё подробно расписано.

— Небось, про то, как мы с тобой купались в одной ванночке?

— Ага. Тарапунька и Штепсель.

— Ну ладно, — сказал я примирительно. — И как мы познакомились?

— Мы сели рядом в автобусе, который из Госпиталя ВВС шел в Центр подготовки астронавтов.

— И что ты подумал, когда увидел меня впервые? Неужели и это помнишь?

— Помню. Даже зарисовал, чтобы не забыть. Но извини, набросок остался дома. Может, когда-нибудь его опубликуют.

— Могу себе представить...

— Я вошел в автобус и вижу: сидит такой маленький, плюгавенький. Валенок валенком.

— Спасибо за комплимент.

— Не обижайся. Ты именно такой и есть. Но знаешь, что в тебе подкупает сразу, с первой минуты знакомства?

— Что?

— Твоя улыбка!

— Ха-ха!

— Именно так и есть. Ты можешь улыбнуться хмуро. Можешь улыбнуться жизнерадостно. Можешь просто скривиться, изобразить улыбку. Разницы нет. Твоя самая кривая улыбка пленяет любого. Подозреваю, что Валя тебя за нее и полюбила.

— А в морду?.. — предложил я.

— Ну извини, — сказал Алексей. — Я не хотел тебя обидеть.

Я, конечно, извинил, ведь знал, что он просто треплется.

Но вообще Алексей в чем-то прав. Я прекрасно помню тот яркий солнечный июньский день, когда меня в очередной раз вызвали к Каманину, но вместо него в кабинете обнаружился министр Королёв.

— Здравствуй, — сказал Сергей Павлович. — Как твои дела?

— Отлично, товарищ министр! — сказал я. — Готов лететь когда угодно и куда угодно.

— Молодец, — похвалил Королёв и сразу ошарашил: — На Луну полетишь первым номером?

— Я? Почему я?

Это был резонный вопрос. Ведь в группе «лунатиков» Отряда советских астронавтов проходили подготовку десять кандидатов.

— Давно наблюдаю за тобой, — сказал Королёв. — Ты мне нравишься. Открытый. Добродушный. Дружелюбный. Всегда жизнерадостный. Биография твоя тоже вполне соответствует. Пойми, первый полет на Луну — это не просто исследовательская экспедиция... — Тут он запнулся и посуровел. — К черту! Какая там экспедиция? За четыре часа ничего вы там не сумеете сделать. Только флаг воткнуть. Это политическая акция, понимаешь? Мы должны быть первыми. И мы будем первыми. Ты будешь первым. С Ильюшиным неувязка вышла. Он героический, но не то, не то. А ты — самое то! Улыбнись-ка, будущий покоритель Луны! Вот, самое то. Не стыдно показать!

Так что улыбка моя тоже имела значение.

Алексея, получается, мне в пару назначили, потому что знали: у нас с ним близкие дружеские отношения. Да и в лунной программе он был на ведущих ролях. Совершил больше всех полетов на имитаторе экспедиционного корабля. Принимал участие в разработке программируемого посадочного устройства. Имел большой опыт по части космической медицины. По справедливости, ему полагалось быть первым, но я оказался фотогеничнее...

Когда мы беседовали в июне, корабль «Луна-1» уже висел на орбите. Королёв выбрал громоздкую схему перелета, но зато самую быструю с учетом нашего отставания в электронных делах. Большой корабль собирался как орбитальная станция из трех «Союзов». Затем к нему пристыковывались разгонные блоки и танкеры. Идея была в том, чтобы поднимать эту громадину всё выше и выше — в апогее до орбиты Луны. После опустошения танкеров они сбрасывались и пристыковывались другие. Вся эта довольно сложная процедура проходила под контролем астронавтов-монтажников, действующих с обитаемых станций «Союз». Всего в сборке корабля принимали участие больше пятидесяти человек. Но мы сделали это! Когда партизанщина прекратилась, «Луна-1» была собрана в рекордные сроки — за два года!

В конечном виде связка из трех «Союзов» выводилась на окололунную орбиту и должна была стать сателлитом Луны. И уже с нее мы вдвоем с Алексеем должны были скакнуть на Луну в экспедиционном корабле «Циолковский».

Поразительно, но наш перелет прошел почти без проблем. Это, между прочим, говорит о том, что к 1969 году культура производства и технологическая оснащенность в Советском Союзе возросли настолько, что мы научились делать совершенно уникальные и безотказные вещи — такие, каких нет больше ни у кого в мире. Не помогли странам Запада ни экономические санкции, ни изнуряющая гонка вооружений. Мы устояли. И стали сильнее...

До Луны мы добирались две недели, совершая хитрые маневры в пространстве, то удаляясь от Земли, то снова приближаясь к ней. Наконец сбросили последний танкер и плавно, красиво, словно в медленном танце, вышли на почти круговую селеноцентрическую орбиту с высотой триста пятьдесят километров от поверхности Луны. До нас здесь побывали только четыре американских аппарата «Лунар орбитер», впервые заснявшие обратную сторону Луны и составившие новую и достаточно подробную карту лунной поверхности. Мы, кстати, пользовались ею при подготовке и выучили наизусть. Иногда она мне снится. Королёв планировал отправить к Луне несколько картографических сателлитов и даже спустить на ее поверхность самоходку с управлением из ЦУПа, но у него элементарно не хватило ракет. Поэтому мы пошли вперед без разведки, рассчитывая на свой опыт. И на удачу, конечно.

Две недели мы висели на окололунной орбите, производя съемку и согласовывая с Землей место и время высадки. Потом перебрались в экспедиционный корабль, отстыковались и пошли на траекторию снижения.

Над самой поверхностью, на высоте четырнадцать километров, когда «Циолковский» вышел в буквальном смысле на

финишную прямую, отказало программируемое посадочное устройство. Его экранчик погас, а на пульте загорелась красная лампочка. «Беру управление на себя!» — заявил Алексей и, стиснув зубы, схватился за рукоятку. Внизу, совсем близко, скользила серая лунная поверхность. С орбиты она не казалась такой изрытой, как была на самом деле, и я в тот момент подумал, что мы вполне можем здесь гробануться. Впрочем, это не имело уже никакого значения.

Алексей справился. Не зря он совершил пять тысяч посадок на имитаторе. Ты действительно лучший, Алексей!

Важно было отыскать ровную площадку. Без кратеров. Если бы корабль встал на склон, то потом мы не смогли бы взлететь. Алексей напряженно смотрел вниз, через окно бокового иллюминатора. Я не мешал ему, потому что знал: он медлит не из-за недостатка решительности, а потому что не видит достаточно чистого от камней и мелких кратеров участка. Миновала минута, другая. В ЦУПе уже забеспокоились, ведь у нас заканчивалось топливо, предназначенное для посадки. Но вот наконец Алексей удовлетворенно кивнул и бросил машину вниз, дав боковой импульс против направления движения. Выдвинутая штанга коснулась грунта, сработал тормозной двигатель. Нас тряхнуло, и «Циолковский» встал на Луну.

— Ура! — сказал я.

— Ура! — сказал Алексей.

Мы посмотрели друг на друга. А потом заторопились. На всё про всё у нас было четыре часа. Почему так мало? Но ведь это была первая высадка, это была первая экспедиция на Луну. Корабль готовили впервые. Фактически это был еще не корабль, а прототип корабля. Одной из важнейших наших задач было доказать, что всё сработает как надо, что мы можем садиться на Луну и взлетать с нее.

Мы открыли люк и впустили вакуум. Я взял пакет с флагом и полез вниз по лестнице. В 23 часа 23 минуты по московскому

времени я встал на лунную поверхность. Как и предсказывали астрономы, она оказалась довольно твердой — покрытой серой мелкозернистой пылью, в которой оставались глубокие четкие отпечатки. Из-за отсутствия атмосферы всё выглядело необычайно четким. Яркий свет Солнца притушил звезды, а из-за того, что на Луне очень близкий горизонт, казалось, будто мы находимся внутри огромного павильона киностудии «Мосфильм», присутствуем на съемках новой фантастической ленты. Между прочим, Алексей в этот момент снимал меня на кинокамеру, стоя в проеме люка.

Отойдя на двадцать шагов, я поставил флагшток и развернул красное полотнище. А потом произнес заученный текст:

— На правах первопроходца объявляю Луну территорией Лунной Социалистической Республики. На правах первого гражданина новой республики прошу принять ее в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Мои слова ушли в эфир, и через пару минут Земля, где ждали этого, откликнулась:

— Ваша просьба удовлетворена. Верховный Совет принимает Лунную Социалистическую Республику в состав СССР...

113 сутки полета

...До сих пор помню запах лунной пыли. Она лезет во все щели, и когда мы вернулись на корабль и сняли шлемы, то сразу почувствовали этот острый неприятный запах.

Что интересно, у каждого, кто хоть раз побывал на Луне, свои воспоминания о запахе лунной пыли. Словно бы у нее нет постоянного запаха. Мне лично кажется, Луна пахнет порохом...

114 сутки полета

...Говорят, я стал популярнее Ильюшина.

Не буду спорить, хотя мне кажется это глупым. Как можно сравнивать?! Луна — это только одно из тел Солнечной системы. Будут еще высадки на другие тела, а Ильюшин был пер-

вым, кто вообще отправился в космос. Когда мы с Алексеем летели на Луну, мы уже многое знали о свойствах космического пространства, о вредных факторах, научились бороться с ними. Ильюшин без страха и сожалений отправлялся в неизведанное. А ведь кое-кто полагал тогда, что человек не сможет жить в невесомости — умрет или сойдет с ума...

Но, к сожалению, наш мир устроен таким образом, что люди не очень-то любят вспоминать героев вчерашних дней. Им подавай новых кумиров. Я стал очень популярен. Мы с Алексеем объездили почти весь мир. Везде нас встречали восторженно, устраивали парады в нашу честь, банкеты. Я думал, столько не выпью. Ничего, выпил. И даже вроде нигде не оскандалился. Даже в Штатах, когда...

ФРАГМЕНТ ВОСЬМОЙ

166 сутки полета

...В Штатах, когда поняли, к чему всё это идет, просто с ума посходили.

У них действительно были основания для паники. Луна становилась не просто космодромом для продвижения к другим планетам, она становилась неуязвимой площадкой для развертывания советских сил стратегического сдерживания. Нет, конечно, теоретически базу на Луне можно уничтожить атомным ударом, но на то, чтобы добраться до Луны, у вражеской ракеты уйдет пара суток, ее заметят, и удар возмездия станет неизбежным.

Базу на Луне создавали по опробованной схеме. Сначала на селеноцентрическую орбиту забросили связку из трех «Союзов». Потом с помощью тормозной двигательной установки свели эти «Союзы» с орбиты и мягко положили на грунт. Монтажники на двух экспедиционных кораблях прибыли позже. Они соединили модули гибкими переходными трубами, присыпали их грунтом, разместили панели солнечных батарей, установили радиомаяки, и в августе 1970 года база

«Селена-1» приняла экспедицию посещения. Кстати, тогда же на Луне побывал и первый американец.

Я знаком с ним. Деннис Тито. Щуплый такой молодой человек. Инженер. Очень умный. Очень тихий. Очень вежливый. Мой большой поклонник. Он вступил в Коммунистическую партию Америки под впечатлением от нашего с Алексеем полета. За это его выгнали из НАСА, но он недолго переживал. Взял и сбежал из Штатов. Контрабандисты перевезли его в Мексику, оттуда он вполне легально улетел в Бразилию, а оттуда рейсом «Ту-144» — в Советский Союз. И сразу же по прибытии попросил отправить его на Луну.

Таких желающих было очень много, но нашему руководству Тито понравился, и его направили в Центр подготовки астронавтов. Там он прошел ускоренный курс и полетел вместе с первой экспедицией посещения.

В этом, конечно, была доля риска. Ведь Тито мог оказаться шпионом ЦРУ, диверсантом с задачей уничтожить лунную базу. И всё-таки мы пошли на риск ради политических дивидендов. А дивиденды получились огромные!..

167 сутки полета

...Кстати, о коммунистах в Америке. Если вы, дорогие товарищи потомки, считаете, что в такой капиталистической стране, как США, не было коммунистов, то глубоко заблуждаетесь. Были! И были они очень хорошие коммунисты.

После войны, в сороковые, им пришлось многое вынести. В Америке началась «охота на ведьм», коммунистов изгоняли из политики и бизнеса, сажали в тюрьмы и на электрический стул. Во время орбитальной войны Коммунистическую партию вообще запретили на законодательном уровне, однако Джонсон под давлением общественности разрешил ее, и оказалось, что в США очень много сочувствующих идее построения коммунистического общества. К нашему полету на Луну количество членов партии составляло полтора миллиона

человек, а после полета — превысило три миллиона. Это уже была серьезная политическая сила, с которой американскому правительству приходилось считаться.

Коммунисты США ездили по городам, рекламировали достижения Советского Союза, рассказывали о нашей космической программе. Кое-где их встречали враждебно, ведь многие американские астронавты погибли в схватке с нашими, а такое не проходит бесследно для народной памяти. Но еще они выступали за вывод войск из Вьетнама, за равные права для негров и индейцев Америки, за сокращение армии. А это уже вызывало отклик у большинства простых американцев.

Мы никак не могли помогать американским коммунистам. Против Советского Союза действовали экономические санкции, за нашими гражданами в США велось непрерывное наблюдение. А потому молодой американский коммунист Деннис Тито пришелся как нельзя кстати. Надо было показать всему миру, что мы готовы предоставить нашим друзьям доступ к космосу и космическим богатствам. Надо было показать, что мы не империалисты, которые действуют, исходя только из своих интересов, а не во имя всего человечества.

Деннис хотел поначалу принять советское гражданство, но потом передумал. Понял, что у него есть более важная миссия, и вернулся в Штаты. Там его хотели арестовать и предать суду, но общественность защитила. Его возвращение было триумфальнее, чем даже наша с Алексеем поездка по США. Тито затмил собой звезд Голливуда, ему посвящали книги и песни. Не удивительно, что скоро он стал одним из лидеров Коммунистической партии США и намеревался баллотироваться в Конгресс...

168 сутки полета

...Алексей говорит, что я рассказываю всё здорово и очень связно, но не упоминаю иногда важные детали. Например, у меня в дневнике ничего нет о программе «Аполлон».

Что ж, наверное, действительно стоит рассказать об этой программе.

Проект НАСА по быстрому достижению Луны так и не был доведен до ума. Поэтому американцы снова поменяли планы, вспомнив, что у них завалялся старый военный проект «Лунэкс». Он предусматривает запуск огромной ракеты «Нова» с верхней ступенью на атомном двигателе. Эта ступень является готовым космическим кораблем, сделанным по схеме ракетоплана, и называется почему-то «Аполлон». Корабль должен будет совершить перелет к Луне, сесть на нее, а потом вернуться обратно и спланировать в атмосфере. Всего на Луну отправятся семеро американских астронавтов.

Алексей скептически оценивает этот проект. Его аргументы таковы:

— Эта дура грохнется при старте.

Я возражаю:

— Одна уже не грохнулась. Макет «Аполлона» успешно вышел на высокую орбиту.

— Фигня, — говорит Алексей. — Нормальные ЛКИ предусматривают от пяти успешных запусков. А они сразу хотят лететь.

— Мы тоже сразу полетели.

Алексей начинает перечислять, загибая пальцы:

— Ракета «Восход» была отработана дальше некуда. Орбитальные блоки «Союз» доказали свою надежность. Танкеры «Прогресс» доказали свою надежность. «Циолковский» прошел полный цикл испытаний на Камчатке.

— И всё равно что-нибудь могло грохнуться. Американцы, думаю, учитывают возможность аварии. Но у них нет выбора. Ведь мы с тобой летим на Марс...

169 сутки полета

...После присоединения Луны к территории Советского Союза весь мир ждал, что мы собираемся делать дальше. Это

был самый популярный вопрос, который мне задавали на пресс-конференциях. Ответ напрашивался сам собой. Марс должен был стать нашей новой целью.

Королёв никогда не забывал о Марсе. Он рассказывал нам, что идеей пилотируемого полета на Марс его зажег Фридрих Цандер — талантливый двигателист, который ушел из жизни очень рано, еще в тридцатые. Цандер был одержим Марсом настолько, что верил в реальность межпланетного полета еще на довоенной технике. Он верил, что мы отыщем марсиан и установим культурный обмен с ними. Королёв, конечно же, был намного прагматичнее Цандера. Он понимал, что без большой ракеты о Марсе можно только мечтать. Но сама идея глубоко проникла в душу. Она давала Королёву романтическое обоснование астронавтики. Поэтому стоило появиться ракете, он посадил своих инженеров за проект межпланетного корабля «Аэлита».

Как и раньше, Королёв использовал существующий задел. Предполагалось запустить два корабля с интервалом в четыре года. Первый корабль, «Аэлита», был беспилотным — на нем предполагалось опробовать новые технологии. Второй, «Заря», должен был управляться экипажем из шести человек. Оба корабля собирались на низкой орбите из блоков «Союз». В качестве движителя использовался атомный реактор с литиевой электроракетной установкой. После сборки корабль по раскручивающейся спирали поднимался на высокую орбиту, за пределы радиационных поясов, и отправлялся в многомесячный межпланетный перелет. При достижении Марса он выходил на ареоцентрическую орбиту, сбрасывал на Марс зонды, изучал красную планету с дистанции, а потом возвращался назад. На первом этапе более чем достаточно.

Так было записано в проекте. Но жизнь внесла свои коррективы. Американцы готовили «Нову» и «Аполлон», и на самом верху было принято решение вбить последний гвоздь в

космические планы США. Взять такой приоритет, который закрепит превосходство СССР на десятилетия вперед.

«Аэлита» стала пилотируемым кораблем. А лететь предложили нам. Просто в мире не нашлось более опытных астронавтов...

170 сутки полета

...— Тут и не надо быть опытным, — ворчит Алексей. — Сиди себе, соси минералку, лопай паштеты. Довезут и обратно привезут. Растолстеешь только от такой жизни.

— Не скажи, — говорю я. — Мы с тобой люди бывалые, не раз смерти в глаза смотрели. Космоса не боимся. Помнишь, как ты меня из трещины тащил за десять минут до отлета? А ЦУП кричал, чтобы ты меня бросил и взлетал немедленно?

— Помню. Такое разве забудешь?

Мы посмеялись, но как-то без веселья. Не самое приятное воспоминание.

— Неизвестно, — говорю, — как повели бы себя новички, когда рванул бак с кислородом. Может, легли и померли бы. А мы с тобой сразу побежали и всё сделали. И заметь, молча. Нам для общения слова уже не нужны!.. Да и везет нам с тобой, разве не так?

— Везет. Но только не на этот раз.

— По дереву постучи! Нельзя так!

На этой похоронной ноте и закончили беседу. Не нравится мне состояние Алексея в последнее время. Что-то он больно мрачный...

171 сутки полета

...Министр Королёв напутствовал нас перед отлетом. Но странное это было напутствие.

Мы втроем сидели на скамеечке в парке Центра подготовки астронавтов. Я и Алексей чувствовали себя на подъеме, радовались малейшей ерунде: вон воробушек поскакал, вон белка пробежала, вон собачку выгуливают. Предстоящая экс-

педиция будоражила нас, гоняла кровь. Еще бы, мы снова будем первыми! А вот Королёв был хмур, сидел, насупившись, и смотрел вдаль. Наконец он заговорил, медленно роняя слова:

— Ну что, опять летите, соколы? Летите... А я ведь был против этой экспедиции.

— Почему? — удивились мы.

Королёв поморщился:

— Рано еще лететь к Марсу. Рано! Не готовы мы к дальним перелетам. Надо еще подумать, порисовать, посчитать. Ведь если ваша экспедиция провалится, следующую нескоро пошлют. А у нас даже ракетоплана посадочного нет. Видели этот «Арес»?

— Не только видели, но и тренировались. Та же «Красная звезда», только топливная загрузка больше. И для двух человек.

— Какой толк тренироваться на этой бандуре? Если она и сядет на Марс, то не взлетит. Советую забыть про «Арес». Запустите его, снимете телеметрию — и назад!

— Так и запланировано.

— Знаю, что запланировано. Но тут такое дело... Большая политика замешана. Геополитика. Помните Денниса?

— Конечно же, помним.

— У него есть реальный шанс стать президентом США.

— Не может быть!

— Может быть. Всё может быть. Представляете, президент США — коммунист! Вы только представьте, как всё изменится! В Конгресс он прошел, счет размочили, но это ерунда по сравнению с постом президента. Если мы его продавим, то американе будут у нас вот где! — Королёв показал сжатый кулак.

Мы переглянулись, не веря услышанному.

— Сильный ход нужен, — продолжал Королёв. — Очень сильный ход. Чтобы шок! Вот для этого вы и летите. Но хочу вас предупредить. Если приказ поступит или вам самим какая-нибудь блажь в голову придет, не смейте даже думать об «Аресе». Сбрасывайте его и — ходу-ходу! Вы мне живыми здесь нужны, а не мертвыми на Марсе.

— От кого такой приказ может поступить? — спросил я; настроение резко портилось.

— Есть еще шишке покруче вашего министра. Устинов. Ну и сам Генсек. У них свои доводы. Что такое жизнь или смерть двух пилотов в сравнении с победой мировой революции? В войну вон двадцать миллионов положили. И Сталин еще несколько миллионов закопал — всех и не посчитали до сих пор. Я ведь тоже там был, знаете? В ГУЛАГе. Чуть не подох. Помню, чего эта победа стоит. Да и будет ли победа?

— Разве дело в этом? — разгорячился Алексей, которого тоже проняло. — Время такое. Но ведь лучше жить становится! С каждым днем всё лучше. Значит, правильно всё делаем!

— Много вы видите из своего городка... — Королёв вздохнул. — Экономика — это вам не ракетами пулять, — он явно повторял чьи-то слова. — Астронавтика уже жрет половину бюджета. А мы не такие богатые, как американе. Нам кредиты нужны, а их не дают. Но и западный мир уже шатается. Немцы и французы только и ждут, когда санкции снимут. Готовы миллиарды вкладывать в нашу экономику и в астронавтику... А там посмотрим.

— Значит, тем более надо лететь!

Королёв посмотрел искоса.

— Ну и ладушки, — подытожил он. — Извините, ребята, но я должен был сказать. Хотя всё это мерзость...

ФРАГМЕНТ ДЕВЯТЫЙ

222 сутки полета

...Мерзость.

Марс нас обманул. Он мертвее мертвого.

Никаких каналов здесь, конечно, нет. И никогда не было. Оптическая иллюзия. Обман.

На самом деле Марс — ржавый пустынный шар, наискось пересеченный чудовищным каньоном.

Мы верили в лучшее до последней минуты. Всё-таки в перископы ничего толком не разглядишь. До первой коррекции

мы видели только звезды. После нее Марс выглядел оранжевой горошиной без деталей. Третья коррекция опять ориентировала корабль по звездам. А после четвертой Марс заслонил перископическое поле, и мы видели только красное нечеткое пятно. Но теперь расконсервирован «Арес», можно в свободное время прогуляться через отсеки в кабину посадочного ракетоплана, сесть в кресло и любоваться на красную планету до ряби в глазах.

Впрочем, удовольствие сомнительное. Выглядит Марс плохо. Очень плохо. Как планета, пережившая катастрофу. Алексей, который читал много фантастики, утверждает, что такая гипотеза тоже фигурировала. Мол, когда-то Марс был во всем подобен Земле, но потом случился глобальный катаклизм, на Марс упал астероид или комета, и жизнь на нем погибла. Или еще есть гипотеза — что на Марсе процветала высокоразвитая цивилизация, но потом, после катастрофы, она перебралась на Землю и одичала в суровых условиях первобытного мира, а мы все — потомки марсиан.

Я сказал, что обе гипотезы — полная ерунда. Белиберда. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять: Марс умер давно, возможно, еще в те времена, когда формировалась Солнечная система. Он был мертв с самого начала, а вся наша астронавтика выросла из ошибочной предпосылки. Говорил же Циолковский, что нельзя завязываться на Марс...

Честно говоря, я в отчаянии. Я прихожу в «Арес», сажусь, смотрю и хочется расколотить всё вдребезги! Как мы могли так ошибаться? Как?!

Пустышка. Мертвый проклятый шар. Ты же убиваешь нас! Кто полетит сюда, когда увидит снимки? Кому ты будешь нужен, пустыня пустыней?

Мерзость...

Проклятие...

223 сутки полета

...Работаем почти без перерывов. Выход на орбиту чужой планеты — это сложный процесс, требующий особых усилий от экипажа. Вообще-то, согласно штатному расписанию, его делают четверо, а нам нужно управиться вдвоем. Почти не спим. ЦУП помогает советом и расчетами, но уже ощущается запаздывание сигнала, а скоро мы вообще останемся без связи — Земля уйдет за Солнце. Это будет самый сложный этап в нашей экспедиции, когда придется полагаться только на собственные силы. Если допустим ошибку, на ареоцентрической орбите появится еще один спутник — мертвый корабль с мертвым экипажем...

О Марсе на Землю еще ничего в подробностях не сообщали. Алексей не хочет. То есть прямо отказался. Говорит, что это прерогатива командира корабля. А я думаю: что сказать? Марс мертв, как Луна? Цандер был сумасшедшим? А между прочим, в честь Цандера недавно новый город в Сибири назвали...

Хорошо хоть, на период маневрирования астрономов с планетологами из ЦУПа выгнали. Те уж точно достучались бы. Ведь что-то отвечать им пришлось бы, а врать... Не хочется врать...

Сегодня в ЦУП приезжал Королёв. И спросил меня прямо: что видим в «Аресе»? Я уклонился от ответа. Сказал, что наблюдаем много интересного, но анализировать времени нет. Королёв наверняка заподозрил. Его такими речами не проведешь. Догадался, что темню. Но настаивать не стал. Понял, что неуместно. Да и люди вокруг. Был бы он один на защищенной частоте, я бы не удержался. Если кто и может правильно понять наше с Алексеем состояние, так это Сергей Павлович...

Но раньше или позже придется всё рассказать. Миллионы людей по всему миру ждут нашего доклада. Тут любая фраза имеет значение. Эти фразы потом будут изучать специалисты, чтобы понять, что мы имели в виду.

Выход только один. Надо сесть с Алексеем и подумать, а может, и на бумажке набросать, что мы будем говорить, как и когда. Вопрос-то серьезный. От него, не побоюсь этой высокопарности, зависит будущее цивилизации...

224 сутки полета

...В самый разгар наших дел пришло сообщение с Земли. Американцы запустили-таки свой «Аполлон» с экипажем. Алексей, бледный от расчетов и недосыпа, пробурчал, что их надо поздравить. Продиктовал поздравительную телеграмму. Просил у ЦУПа передать сразу как только. Там обещали, что сделают. Надеюсь, американским астронавтам это будет приятно. Обнадежит. У меня нет к ним ненависти. Совсем нет...

226 сутки полета

...Вчера записей не делал. Просто падаем от усталости. Хотя в невесомости это выглядит скорее фигурально. Алексей совсем позеленел. Не спит, но что особенно вызывает опасения — не ест. Говорит, что нет желания, что потом наверстает. Круги под глазами. В «Арес» не ходит. Даже мой дневник забросил. Лишь бы не код 212...

227 сутки полета

...Не было печали...

Только что сообщили с Земли...

Никак не могу это понять и переварить.

Это просто... чудовищно!

«Аполлон» атаковал «Селену». Потом попытался прилуниться и высадить десант. Но разбился при посадке. Несколько американцев наши спасли.

Но ситуация аховая. На Земле, похоже, все опять на кнопках. Опять повышенная боевая готовность. Как в 66-ом. Опять «Су-100» в воздухе, а экипажи «Союзов» эвакуируют.

Когда ж это кончится, ребята?! И как вы могли? Мы же вас с Алексеем поздравили.

Всё-таки вы сволочи.

Американе, как называет Королёв. Давить вас надо, а не договариваться...

228 сутки полета

...Мы знали об этом. Готовились. Но всё равно как-то непривычно. Земля уходит за Солнце. Связи не будет. Мы с Алексеем остаемся вдвоем. Или втроем — с Марсом...

Нет, всё-таки вдвоем. Мы ведь живы, а Марс мертв.

Не хожу больше в «Арес». По плану сбрасываем его через девять суток. Пусть уходит.

Земля сейчас главнее. Что там на Земле?

Валя! Как ты там? Валя...

229 сутки полета

...Алексей готовился к этому разговору. Хоть и был в депрессии, но видно, что готовился.

Сказал, чтобы я всё запоминал, а потом изложил в дневнике как можно подробнее.

Сказал: «Теперь это не только твой мемуар, но и мой».

Сказал: «Пусть это будет как протокол. Дословно. По пунктам. Напишем, прочитаем, согласуем, подпишемся».

Сказал: «Ты командир, но нас всего двое, и на мой выбор ты не можешь повлиять. И остановить не можешь».

После этого я начал догадываться, о чем он будет говорить. Мы давно вместе. Нам не нужны слова...

Записываю, как есть.

— Я хочу сесть в «Арес», — сказал Алексей. — И совершить посадку на Марс. Это первое условие.

— Хорошо, — сказал я. — Есть второе?

— Есть, — сказал Алексей. — Ты вернешься назад и будешь врать всю оставшуюся жизнь. Ты будешь врать, что видел на Марсе каналы. Ты будешь врать, что видел большие белые города. Ты будешь врать, что видел готовые посадочные по-

лосы. Ты будешь врать, что я нормально сел на одну из таких полос. Ты соврешь, что я вступил в контакт и остался на Марсе. И запомни: ты будешь улыбаться во всю свою пасть, чтобы все поверили в твое вранье.

— Ты сошел с ума, — сказал я. — По инструкции я должен запереть тебя в третьем отсеке и доложить на Землю.

— Нет Земли, — сказал Алексей. — Кому будешь докладывать?

— Будет Земля, — сказал я. — Законы Кеплера еще никто не отменял.

— Нескоро, — сказал Алексей. — А я сильнее.

— Ты ведь знаешь, что это самоубийство, — сказал я. — Зачем тебе это?

— Надо, — сказал Алексей.

— Теперь я понимаю, — сказал я. — Королёв подозревал тебя с самого начала. «Блажь в голову придет». Лучше бы я с Гречко полетел...

— Дурак, — сказал Алексей. — Валенок. Всегда был валенком. Я тебе жизнь предлагаю. И всемирную славу.

— Славы мне хватает, — сказал я.

— Другую славу, — сказал Алексей. — Тито станет президентом, а ты — Генсеком.

— Ты точно псих, — сказал я. — С чего ты решил, что я хочу стать Генсеком?

— У тебя задатки есть, — сказал Алексей. — Но это ерунда, чушь. Ты отвлекаешься...

— Я тебя не брошу, — сказал я, потеряв терпение. — Ты сошел с ума, если думаешь, что я тебя брошу. Ты со мной сел в том автобусе. Ты меня из трещины вытащил. Я тебя не брошу.

— Кто-то должен вернуться, — сказал Алексей. — Кто-то должен остаться.

— Но зачем? — сказал я.

— Помнишь, ты говорил... и писал об образах? — сказал Алексей. — Об образах будущего? Ты прав! Образы влияют на

наши поступки, на наш выбор. И будущее становится таким, каким мы его себе представляем. И если боремся, то образ становится объективной реальностью. И об этом тоже говорил Королёв. Мы сейчас на распутье. Весь мир сейчас на распутье. «Аполлон» — идиоты. Они снова начали войну. Мы с тобой даже не знаем, что за Земля выйдет из-за Солнца. Может, наша Земля, а может... другая... Оплавленная. Радиацией политая. Может, мы с тобой последние земляне во Вселенной? Вот к чему пришли. Вот чего добились. Но если всё-таки Земля уцелела, у нас с тобой есть шанс всё изменить.

— Что изменится от твоей смерти?! Что изменится от вранья?! — кричал я; впервые по-настоящему кричал.

— Образ, — сказал Алексей. — Образ неба. А значит, и образ будущего. Ты же знаешь, читал у философов, что образ неба менялся. Веками люди жили на Земле, которая центр Вселенной. А потом открыли, что Земля — не центр, что существуют другие миры. Открыли, что миров много. И двинулись дальше. Но если мы с тобой скажем, объявим публично, что Марс мертв... Кому нужен такой образ? Мертвый Марс, мертвое небо. Разочарование. Астронавтики больше не будет... Нет, будет, конечно. Но другая астронавтика. Война на орбитах. Война на Луне. Война в мелкой луже. Пока не поубиваем друг друга...

Алексей задохнулся, но справился с собой и продолжил:

— Вот вы все любите склонять, — сказал Алексей, — Сталин, ГУЛАГ, массовое истребление народа, взрыв в Кремле, съезд. Что это такое? Да, это было. Но что это такое? Это тоже образ. И не только мы виноваты в том давнем. Весь мир виноват. Потому что не принял, отринул, отказался нас признать. С запада — Гитлер, с востока — японцы. По-другому раздавили бы! Ты пойми, я не защищаю Сталина, но это исторически обусловлено. Нас ненавидят, нас боятся — такой образ. Сейчас с астронавтикой мы этот образ меняем. Наши люди ездят за границу. Советские ученые, советские писатели, советские артисты — желанные гости везде. Каждый стремится прикос-

нуться к тем, кто летает в космос. Еще немного, и мы станем своими в мире. Нас признают окончательно. Деннис станет президентом... А что будет после нашего возвращения? Мы скажем: Марс мертв, все усилия и жертвы были напрасны. Мы уничтожим образ неба, который создал Циолковский. А с ним уничтожим свой образ...

— Есть еще звезды, — сказал я.

— Через сто лет, — сказал Алексей. — И без нас. Потому что нас сотрут. А если не сотрут, то будет еще хуже. Снова будет Сталин, еще страшнее, чем вы думаете. Космический. Ты хочешь, чтоб ГУЛАГ добрался до звезд?

— Нет, не хочу, — сказал я.

— Поэтому улетай, — сказал Алексей. — А я пойду в «Арес».

— Я тебя не брошу, — сказал я. — Никогда. Только вместе. Жили вместе, летали вместе. Умрем тоже вместе.

— Ну лети же ты! — закричал Алексей.

— Не люблю врать, — сказал я. — Не могу врать. Небо не велит.

— Романтик, неисправимый, улыбчивый, — сказал Алексей.

— А может, наоборот? — сказал я. — Ты полетишь врать, а я останусь?

— На-кась выкуси, — сказал Алексей.

Помолчали. Потом я сказал:

— Ты знаешь, я согласен тобой. Но нужно подумать. Это непростое решение...

ФРАГМЕНТ ДЕСЯТЫЙ

237 сутки полета

...Решение принято.

Осталось чуть больше трех часов.

Всё уложено. СЖО приостановлена. Реактор заглушен. Отсеки изолированы. Шифровальное устройство и бортовой журнал уничтожены.

Через полчаса влезаем в скафандры и переходим в «Арес». Проверим системы. Потом — сброс и вниз. Не в первый раз. Управление ракетопланом я на правах командира беру на себя. И ведь посажу эту «бандуру». Мягко, как падает лист. Пусть Сергей Павлович завидует! Если узнает когда-нибудь...

Красный флаг мы в Марс воткнем. Точно знаю, воткнем. Его в посадочный ракетоплан так положили, чтобы доставить. А мы выйдем и воткнем. И может, споем.

Чтобы Земля не переживала и не выслала от избыточного рвения спасательную экспедицию, подготовили звуковую запись. Она уйдет открытым текстом с радиопередатчика в заданное время. Говорил я. Объяснил, что высаживаемся на Марс добровольно. И просим принять красную планету в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Надеемся, что это поможет и лет двадцать никто сюда не прилетит. Пусть Марс остается целью. Пусть мечтают.

Дневник упакуем в герметичный контейнер и заложим в переходном тамбуре. Его выбросит в космос, когда мы стартуем.

Прощайте, товарищи!

(Валя, прости, если сможешь. Я тебя люблю.)

Небо должно быть нашим.

Небо будет нашим!

Подписи:

Командир межпланетного пилотируемого корабля «Аэлита», полковник ВКС Юрий Гагарин.

Второй пилот и штурман межпланетного пилотируемого корабля «Аэлита», полковник ВКС Алексей Леонов.

«ГРОЗА» В ЗЕНИТЕ

1. «Левая» тетрадка

Легко мечтать о ярком безоблачном будущем, живя в маленьком провинциальном городке, на берегу мелкой речки, которую правильнее было бы назвать сточной канавой. Легко мечтать о больших городах, интересной работе, великих свершениях и подвигах, если поблизости не наблюдается ни того, ни другого, ни третьего, ни четвертого. В мегаполисе, где пыль и грязь скрыты под мишурой столичного шика, труднее быть искренним в своих мечтах и иллюзиях. Поэтому подлинные мечтатели, которые на самом деле верят в осуществимость высоких фантазий, рождаются только в глубинке.

Таким мечтателем был и Мэл Скворешников, родившийся в Калуге и первые семнадцать лет своей жизни проживавший там же — на улице Березуевской.

Город Калуга, что под Москвой, представляет собой замысловатое переплетение деревенских улиц: маленькие однотипные домишки, жмущиеся заборами друг к другу, покатые крыши, резные наличники, глухие ставни, пыльная зелень летом, вязкое ледовое крошево зимой. Лишь ближе к Вокзальной площади улицы раздавались вширь, появлялись тротуары, кирпичная застройка вытягивалась к небу на четыре-пять этажей — изломы этого пространства были глубоко родными для Мэла, но он всё равно мечтал о другом.

Лет с семи, обзаведясь первыми школьными друзьями и получив уже некоторую степень свободы, Скворешников любил приходить с ватагой на смотровую площадку, устроенную над обрывом в Парке культуры и отдыха, и долго стоял там, маленький восторженный человечек, еще не вылезший из детсадовских колготок, — смотрел на величавую Оку, на глу-

бокое синее небо, не стиснутое здесь домами и деревьями с белой от пыли листвой. Иногда везло увидеть клин перелетных птиц: казалось, они невесомо парят там, в недостижимой и непостижимой синеве, душу тянуло к ним, и Мэлу часто снилось, что он тоже птица с хрупкими костями и огромными крыльями, в этих снах достаточно было только оттолкнуться от земли, чтобы вознестись быстро и ровно, оставив скучную Березуевскую, с ее заборами, огородами, злыми собаками, юркими курами и крикливыми петухами далеко внизу — так далеко, что она превратится в набор деревянных кубиков из детского конструктора.

Потом Скворешников подрос и узнал, что люди — не птицы и никогда ими не станут. Он что-то такое слышал и раньше, но не придавал значения многим взрослым словам — ему просто не хватало знаний, чтобы понимать их. И вдруг так случилось, что он всё разом узнал и принял как данность. Позднее Мэл даже не сумел вспомнить момент истины, когда страшная правда о небе стала частью его куцего опыта. Должно быть, он сам наивно задал вопрос: «Почему люди не летают?», а Татьяна Яковлевна, учительница начальных классов, ответила: «Потому что в небе опасно». Более взрослый и самостоятельный школьник потребовал бы разъяснений, но Скворешникову хватило и простых слов. Песок сыпучий, вода мокрая, ночь темная, зима холодная, в небе опасно, люди не летают. Мэл даже не огорчился. Разве можно пенять песку, что он сыпучий, а воде — что она мокрая?..

Первые робкие сомнения и основанные на них надежды пробудились в Скворешникове, когда он уже был пятиклассником, активистом пионерской дружины и членом кружка юных водолазов. Понятно, что калужские школьники вполне искренне увлекались водолазным делом, аквanавтикой и океанологией. Увлекался этими дисциплинами и Мэл. Он уже обзавелся ластами, маской и трубкой с козырными наклейками «ДОСААФ», сделал и поставил у себя в комнате модель

легендарного подводного крейсера «Гепард», повесил прикупленные по случаю плакаты с прекрасными портретами Жака-Ива Кусто и Юрия Сенкевича — всё как у людей. А еще он много читал, и однажды — удивительно, что не раньше! — ему в руки попала книжка французского писателя Жюля Верна «Восемьдесят тысяч километров под водой». Он взял ее в городской библиотеке, она была затрепанная, зачитанная, отдельные станицы отсутствовали, но поводом для удивления стал формуляр, который свидетельствовал, что книгу в последний раз брали еще до рождения Скворешникова — не двенадцать даже, а пятнадцать лет назад. Открытие так поразило Мэла, что он отложил дела и прочитал книгу в один присест. Уже на сотой странице он понял, почему Жюль Верн не пользуется больше спросом у калужских книголюбов: писал он интересно, но неправду. Скворешников был в этом абсолютно уверен, ведь он изучал в кружке историю подводного флота, мог уверенно рассказать о «потаенном судне» Никонова, о весельной субмарине Дреббеля и о винтовой подлодке Бауэра, о «боевой черепахе» Бушнела и о ракетоносце Шильдера — Мэл не помнил, чтобы в этом списке фигурировал огромный подводный корабль «Наутилус», таранивший суда и погружавшийся на чудовищные глубины, доступные только современным батискафам. Вообще все приключения капитана Немо и его команды производили впечатление невероятного сумбура. Понятно, что эти ребята выступали за права угнетенных во всём мире и старались оказать им интернациональную помощь в борьбе за независимость от империалистов, но метания «Наутилуса» по земному шару и довольно навязчивое желание Немо продемонстрировать своим пленникам все чудеса океана, которое ни единожды могло привести к гибели подводного корабля с экипажем, вызывали легкую оторопь. Из мемуаров Кусто и отечественных подводников Мэл знал, что освоение глубин — сложный кропотливый процесс, сопряженный со многими

трудностями, лишний риск не уместен, люди должны возвращаться домой к своим семьям, а не гибнуть в холодной соленой воде. Однако, несмотря на все несуразности, роман Мэлу понравился. Вот ведь, думал он, врет этот жулик Верн и не краснеет. Как только его напечатали?..

Возвращая книгу библиотекарше Марии Ивановне, Скворешников поинтересовался, почему французский писатель использует откровенный вымысел вместо того, чтобы описывать действительность как она есть. Добрая библиотекарша охотно объяснила, что у французов, в период до революции, так писали многие. Александр Дюма, оказывается, тоже придумал своих мушкетеров, но при этом поместил их в антураж реальной исторической эпохи, чтобы убедить читателя, будто бы так всё и происходило на самом деле. Но зачем? — вопрошал Мэл. «Затем, — спокойно отвечала Мария Ивановна, — что при капитализме литература прислуживает господствующему классу. Она создает иллюзии, которые выгодны эксплуататорам. Не всякий рабочий способен отличить, где иллюзия, а где правда. Эти романы одурманивают, скрывают истинные проблемы и зовут решать проблемы надуманные. Наша советская литература давно отказалась от описания вымышленных миров и приключений. Только реализм помогает читателю верно понимать действительность и преобразовывать ее». Объяснение Марии Ивановны показалось Скворешникову сложным, но внутреннюю правоту он почувствовал и отказался от дальнейших расспросов. Вместо этого он попросил еще какую-нибудь книгу Жюля Верна: дескать, хочет убедиться, что дореволюционные французы всё врут. Библиотекарша нахмурилась и сообщила сквозь зубы, что Жюля Верна в фонде немного, и кроме «Восьмидесяти тысяч километров...» имеется еще только один роман — «Таинственный остров». Он очень старого издания, в нем тоже не хватает половины страниц, его уже списали в макулатуру, и если Мэлу так вот приспичило, он может забрать эту

книжку себе насовсем. Скворешников с радостью согласился и стал обладателем редкой книги, копии которой, как он догадывался, нет ни у кого в Калуге.

И этот роман Мэл проглотил за один вечер, и он ему показался еще более впечатляющим, чем предыдущий. Прежде всего порадовала новая встреча с капитаном Немо и его «Наутилусом». Завораживал и образ дикого необитаемого острова, на котором группа американцев пытается наладить жизнь, сделав ее комфортной и современной. Мэл удивлялся, почему книгу не переиздают: раз один раз напечатали, то могли бы и дальше печатать. Аргументы Марии Ивановны в данном случае не действовали. Мало ли что такого острова не существует в действительности, мало ли что инженера Сайреса Смита и его друзей писатель выдумал — разве это принципиально? Наверняка есть где-то в Мировом океане и необитаемые острова, есть и умелые инженеры, способные построить гидроэлектростанцию хоть в пустыне, а значит, теоретически описываемая ситуация могла произойти в действительности. А кроме того, в романе имеется очень поучительный момент: автор доказал, что человеческий разум никогда не смирится с трудностями, обойдет любые препятствия и подчинит себе природу, поставив на службу ее законы. Это куда важнее всех приключений мушкетеров вместе взятых.

И еще одно взволновало Скворешникова. Инженер Смит и его друзья попали на остров, прилетев туда на воздушном шаре. Мэл озадачился. Либо Жюль Верн совсем заврался, либо люди могут летать. О возможности такого полета он спросил у школьного физика — Георгия Петровича, бывшего мотострелка и ветерана войны, которого ученики в обычной жизни побаивались. «Хех, — сказал Георгий Петрович. — Интересные вопросы задаешь. Ценю! Учебник открывать пробовал?» Скворешников не любил учебники, предпочитая запоминать материал по объяснениям учителей, но признаться в этом не решился. «Приложение полистай, — посоветовал

Георгий Петрович. — Там есть про твои воздушные шары. А если вкратце, если смотреть физически, то всё очень просто. Батискафы знаешь? Огюст Пикар? “Триест”? Ага, знаешь. Ну вот. Поплавок батискафа заполняют бензином, а бензин легче воды, его вода выталкивает. А чтобы погружаться, используют бункеры с чугунной дробью. Вот смотри. Чуть выпустил бензин, погрузился. Чуть высыпал дробь, подвсплыл. Физика понятна? Вижу, понятна. Так и с воздушными шарами. Горячий воздух легче холодного. Всегда поднимается вверх. Если взять шар и внутри него воздух подогреть, то он поднимется вверх, а если горелку выключить, то опустится вниз. Еще мешки с песком подвешивают. Если шар начнет быстро снижаться, их можно сбросить, как дробь на батискафе. Всё очень просто». Мэл выслушал с полным вниманием, а потом поинтересовался, почему же тогда люди не используют воздушные шары для полетов. Георгий Петрович поскучнел. «Отсталая технология, — сообщил он. — Высоко подняться нельзя, там опасно, а понизу зачем? Всё, что надо, по железной дороге доставят». Скворешникова словно кто-то подтолкнул: но почему опасно? «Хех, — сказал Георгий Петрович. — По кочану. Если смотреть физически, то смотреть надо на Солнце. Оно, знаешь, не только нас греет, но и облучает. Здесь-то мы под защитой атмосферы, а на высоте такое убийственное излучение. Кожа буквально сохнет и горит. В тридцатые пробовали в стратосферу подниматься. Настоящие герои. Пожгло всех. С тех пор и не летают. Но про это тебе на биологии расскажут. Тут физика сбоку».

Георгий Петрович почти убедил Мэла. Но согласиться с ним, что воздушные шары устарели, не мог. В глубинах океана тоже страшные условия: огромные давления, температура чуть выше нуля, да и водой человек дышать не может — но ведь научились же строить и глубоководные батискафы, и огромные подводные крейсеры, и малые субмарины для аквanавтов, и подводные танки, и подводные города. Десятки

тысяч людей живут и трудятся под водой. Ведь сумели же обойти препятствия, установленные природой! Воображение подростка, подстегнутое прямой аналогией, которую предложил школьный физик, сравнив воздушный шар с батискафом Огюста Пикара, разыгралось. Ему представлялся огромный резиновый шар с подвешенной под ним стальной гондолой. В гондоле сидели отважные покорители высот в громоздких глубоководных костюмах с баллонами — прочная сталь гондолы и костюмы должны были защитить их от ужасов высот так же, как защищают от суровых условий глубин. Десятки горелок, работающих на газе, запасенном в баллонах, начинают нагревать шар. Он поднимается вверх — всё выше и выше, выше клиньев перелетных птиц, а потом... Мэл не знал, что будет потом. И задумался. У океана имеется дно, но у атмосферы нет дна. Физик еще в прошлом году рассказывал, что атмосфера — это только тонкая оболочка, за ней находится бесконечная пустота. В этой пустоте горят звезды и плывут по установленным законами небесной механики планеты и астероиды. Возможно, на некоторых планетах есть атмосфера, вода, океаны, жизнь. Воздушный шар, оторвавшись от Земли, сможет перелетать между планетами, и тогда отважные покорители высот познакомятся с обитателями иных миров.

Последняя мысль так ошеломила Мэла, что он решил ее немедленно записать, чтобы потом не забыть по нечаянности. Не дойдя до дома, он уселся на деревянную скамейку, стоявшую в сквере на пересечении улиц Кирова и Марата, вытащил из портфеля толстую тетрадь и шариковую ручку.

Эта тетрадь на девяносто шесть листов, в клеточку, с твердой черной обложкой появилась у Скворешникова совсем недавно. И Мэл даже сказать не мог, откуда она взялась. То ли мать с работы принесла и забыла на столе, а он утащил машинально; то ли он сам ее купил с непонятными целями, когда прошлой осенью приобретал школьные принадлежности, а потом забегался и забыл. Но тетрадка всплыла, чистые листы

поманили, и Скворешников стал брать ее в школу. Иногда, слушая урок, он доставал ее, чтобы порисовать «чертиков», была такая привычка. Правда, далеко не все учителя одобрительно отнеслись к появлению «левой» тетрадки, полагая, что она отвлекает Мэла, и тетрадку приходилось прятать. Но в сквере придираться было некому, и Скворешников спокойно разложил ее, пролистав изрисованные страницы. На последней из них он обнаружил вольное изображение «Наутилуса». Длинный хищный корпус с выступающей, словно акулий плавник, рубкой. Луч прожектора, рассекающий непроницаемую темноту глубин. Ряд иллюминаторов. Турбулентный след, оставляемый винтами. Подводные гады вокруг — морские звезды, спруты, змеи. Картинка была нарисована так, что Скворешников понял: вместо океана можно изобразить космос. Вот здесь подрисовать к морским звездам лучики, здесь добавить хаотических точек, и спрут предстанет далекой туманностью, а несколько резких штрихов превратят гигантского змея в астероид. Тогда «Наутилус» мог стать гондолой, и к нему оставалось только добавить еще более огромный шар, что Мэл без особого труда и проделал.

Получилось осмысленно. Полюбовавшись на результат, Скворешников перелистнул страницу и записал: «Физика говорит, что полет в небо возможен. Он подобен подъему батискафа со дна океана. В этом случае дно океана — это наша Земля. Если построить такой небесный батискаф, он сможет летать между планетами. Земля будет выглядеть как глобус. Наверное, жители других планет видят ее такой. Вот они удивятся, когда мы прилетим к ним и скажем, что их планеты кажутся нам маленькими звездочками на небосклоне».

В те дни Мэл очень радовался, полагая, что сделал великое открытие. Однако вскоре его ждало столь же великое разочарование.

Биологию им преподавала Аква Матвеевна — молодая учительница, только что из педагогического вуза, которая ко

всему прочему вела пятый «а» Мэла в качестве классной руководительницы. Преподавала она скучно, словно по учебнику. Мэл на ее уроках либо рисовал, либо спал с открытыми глазами. Но однажды, и случилось это аккурат в апреле, почти сразу после беседы с физиком, классная биологиня решила прочитать лекцию по теории происхождения видов.

«Великий Чарлз Дарвин, — выступала она перед изнуренным высокими материями классом, — создал теорию эволюции видов за счет естественного отбора. Согласно этой теории, люди произошли от приматов, то есть от одного из подвидов обезьян, которые спустились с деревьев и пришли в саванну, где создали орудия труда. Теория Дарвина стала одним из краеугольных камней марксистско-ленинской философии. Однако у религиозных оппонентов, которые отстаивали гипотезу божественного происхождения человека, имелись серьезные возражения. Почему, спрашивали они, человек в отличие от обезьян лишен волосяного покрова и волосы у него имеются только на голове? Почему, спрашивали они, человек любит воду и стремится к воде, ведь все остальные обезьяны боятся воды как огня? Теория Дарвина нуждалась в обоснованном дополнении. И вот в двадцатом веке советские и французские ученые доказали, что человек произошел не от приматов, которые жили на деревьях, а от особого вида обезьян, которые селились на берегах африканских рек и озер. В процессе естественного отбора эти обезьяны — их называют водяными обезьянами или наяпитеками — утратили волосяной покров на теле, поскольку он мешал им глубоко нырять, добывать моллюсков или рыбу. Зато они обрели жировую прослойку, как у китов, которая позволяла наяпитекам не мерзнуть при длительных заплывах и погружениях. Те из водяных обезьян, которые получали новые качества в процессе эволюции — например, более массивный мозг, у китообразных происходит то же самое, — эти развитые обезьяны гибче воспринимали изменения окружающей среды, чем их собра-

тья по виду, ведь они жили фактически в двух мирах: на земле и в воде. Когда гигантские озера Африки высохли, наяпитеки быстро сориентировались, ушли в саванну, научились охотиться на крупных животных — через это они обрели разум. Но память о воде продолжает жить в нас. Люди инстинктивно тянутся к воде, строят города на берегах рек и озер, погружаются в глубины Мирового океана, осваивая его несметные богатства. Среди нас уже есть люди, которые могут задерживать дыхание на десятки минут, подобно дельфинам. Можно даже сказать, что мы возвращаемся в естественную для нас среду обитания...»

Мэл встрепенулся, огляделся и поднял руку. Хотя и знал, что заслужит этим смешки и подначки во время перемены.

«Да, Скворешников, слушаю тебя», — кивнула ему классная.

Мэл спросил: а зачем возвращаться в воду? Если мы из нее уже вылезли? Наверное, человеку надо двигаться дальше и выше. Стремиться к небу, осваивать новые миры.

Сзади захихикали. Аква Матвеевна нахмурилась.

«Какая дурацкая идея, — сказала она. — Кто тебя надоумил, Скворешников?»

Мэл сильно смутился и не ответил на вопрос.

«Объясняю, Скворешников, еще раз. Для особо одаренных! — Сзади засмеялись громче. — Человек эволюцией приспособлен жить в двух средах: в воде и на земле. И мы зависимы от этих сред. Если бы человек был птицей, он мог бы подниматься в небо. Но человек — не птица, и на высоте он задохнется от недостатка кислорода...»

Скворешников возразил, что человек может взять с собой баллоны, как у акванавтов.

«Так пытались делать, — строго сказала классная. — Но оказалось, что человек очень уязвим. Он не может долго находиться в отрыве от привычной среды обитания. У смельчаков, которые рискнули подняться на высоту, ссыхалась кожа. Они слепли от нестерпимого света. На высоте низкое дав-

ление, и у испытателей закипала кровь, как при кессонной болезни. Многие погибли, а те, кто уцелел, сделались инвалидами. Ведь на высоте очень высокая радиация. Вы проходили на “гражданской обороне”, что такое радиация? Так вот, на высоте имеются целые пояса естественной радиации. Преодолевая их, испытатель подхватывал лучевую болезнь. А это очень страшно, дети, лучевая болезнь. Человек покрывается язвами, теряет волосы, может сойти с ума. Во время войны десятки тысяч людей из-за облучения умерли. И сегодня еще умирают, если в зону поражения попасть. А наверху, над облаками — сплошная зона. Нет, дорогой мой Мэл, людям в небе делать нечего».

Ночью Скворешникову приснился кошмар. Он видел себя летящим высоко-высоко, внизу была Калуга, маленькие домишки, блестящая лента Оки. Для полета не требовалось взмахивать руками и как-то напрягаться — он происходил сам по себе, вот так летом ляжешь на воду, раскинешь руки и ноги, расслабишься, и река удержит, понесет. Во сне Мэл поднимался всё выше. Калуга из набора кубиков превратилась в лоскуток, размером с игральную карту, Ока предстала тончайшей проволокой, горизонт загнулся, являя шарообразность Земли. И тут Скворешникова ожгло. С ужасом он увидел, как у него начинает дымиться кожа на руках, она быстро высыхала, чернела на костяшках, от рук пошел резкий запах паленой плоти. Отвратительные волдыри на коже начали лопаться, обнажая мясо. Мэл закричал и проснулся.

Он долго лежал в постели, учащенно дыша и пытаясь унять сердцебиение. Сон испугал Мэла, он вспомнил старую легенду об Икаре, которую рассказывали им еще в детском саду. Так вот почему Икар погиб — он поднялся на самодельных крыльях слишком высоко, и его сожгла солнечная радиация. Ведь от нее не защитит самый надежный глубоководный костюм. Значит, дорога в небо действительно закрыта. Человек навечно прикован к Земле и к своей среде обитания. Это по-

казалось невыносимо обидным, ужасно несправедливым, по щекам Мэла покатились слезы, намочили наволочку. Он лежал и думал о холодных звездах, которые всегда будут светить, но никогда не согреют, всегда будут манить, но никогда не станут ближе. Он уснул, так и не сумев разобраться в своих чувствах, в своей горечи от осознания ограниченности человеческих возможностей.

Утром он записал в «левой» тетрадке: «Биология говорит, что человек не может выжить на высоте. Радиация космоса убьет его. От радиации нет защиты. Мы всегда будем жить на дне атмосферного океана. Может быть, где-то на другой планете есть человеки, которые могут летать в космос. Думаю, они подобны птицам. В процессе эволюции они научились переносить радиацию. Было бы здорово быть таким человеком».

К сожалению, Скворешников не имел возможности поделиться с кем-нибудь своими размышлениями. Школьные учителя отстаивали категорическую точку зрению, не подразумевающую двоякого истолкования. Приятели-однокашники подняли Мэла на смех, едва стоило заикнуться о проекте полета в космос на шаре с подогретым воздухом, — их больше интересовали глубоководные погружения и адмиральские кортики. Родители... С родителями было совсем плохо. Отца Мэл почти не помнил — только какой-то очень смутный образ представлялся ему: веселый круглолицый мужик с бородой. Куда он исчез из жизни семьи Скворешниковых, оставалось загадкой — мать изничтожила все совместные фотографии, а на любые вопросы по этому поводу отмалчивалась, уходя в себя. Сама она трепыхалась в парткоме на двух работах: на канцелярской и общественной. Мэл видел ее редко и, честно говоря, никогда не воспринимал в качестве живого разумного существа, обладающего волей, — с давних пор она выглядела в его глазах предметом интерьера, но своеобразным и достаточно мобильным предметом интерьера: вот он есть, вот

он исчез, чтобы появиться вечером на том же самом месте и с той же самой устало-рассеянной улыбкой на лице, односложные вопросы, односложные ответы, и весь разговор. Скворешников чувствовал, что закисает. Правильнее было бы выбросить всю эту чушь из головы, но сознание назойливо возвращалось к мечте о полете, и Мэл не находил себе места. В «левой» тетрадке появлялись короткие странные записи вроде: «Аква говорит, что человек тоже эволюционирует, что мы, современные люди, отличаемся даже от наших прямых предков кроманьонцев. А если бы направить эту эволюцию так, чтобы человек стал более устойчив к опасностям неба? Но это, конечно, дело миллионов лет».

Наверное, Скворешников со временем превратился бы в классического чудака из глубинки, которого жалеют близкие и сторонятся дальние, которого не понимают и от общества которого спешат избавиться. Однако Мэлу повезло — он нашел точку опоры, с нее началось его быстрое восхождение к небу.

2. Высокий штиль

Жизнь состоит из бесчисленного количества мелких событий, каждое из которых по отдельности не имеет особого смысла, но в совокупности они зачастую обретают ореол поучительного примера, дающего стороннему наблюдателю возможность выносить оценки пройденному человеком пути.

К тринадцати годам жизненный багаж Мэла был сравнительно невелик, но потом произошло незначительное на первый взгляд событие, которое придало его биографии новое качество, на годы вперед определив главный вектор и смыслы.

Ближе к лету классная вызвала Скворешникова на разговор. «Мэл, ты совсем не участвуешь в делах пионерской дружины, — безапелляционно заявила она. — Надо бы подтянуть показатели. Ты в лагерь со всеми едешь или дома остаешься?» Скворешников нехотя признался, что остается дома. Мать даже не пожелала обсуждать этот вопрос — похоже, с

летними пионерскими лагерями у нее были связаны не самые приятные воспоминания. «Тогда вот что, — сказала Аква Матвеевна. — Наша дружина взяла шефство над десятью ветеранами войны. Семерых девочки уже обошли, трое еще осталось. Твоя задача, Мэл, навестить их. Они живут в частных домах на Коровинской улице, вот адреса. Богданов, Тихонов, Стопарь. Сообщишь, что наша дружина взяла шефство над ними. Спросишь, не нужна ли им какая-нибудь помощь. Ну и так далее». Что именно «так далее», классная пояснить не удосужилась, и Мэлу пришлось полагаться на собственную способность к импровизации.

На следующий день, позавтракав, надев школьную форму и красный галстук, Мэл отправился по указанным в записке адресам. Начал он с Тихонова, который жил ближе всего, если идти со стороны Березуевки.

Тихонов оказался живеньким толстеньким старичком — краснощеким и с венчиком седых волос, обрамляющих куполообразную лысину. Жил он в большом трехэтажном доме, причем, похоже, весь дом принадлежал ему одному. Обихаживала ветерана некая молодка: Скворешников так и не разобрался, кем она ему приходится: дочерью, внучкой или неравной по возрасту женой. Едва заслышав о цели визита, Тихонов услал молодку варить борщ, а сам подвел Мэла к платяному шкафу, в котором, как выяснилось, хранился парадный ветеранский мундир со всеми наградами. Медалей и орденов было так много, что Скворешников усомнился, а можно ли такой мундир носить — не согнется ли носитель под тяжестью. «Эх ты, молодежь!» — сказал Тихонов, снял мундир с плечиков и легко так, звеня медалями и ничуть не смущаясь постороннего, переоделся. Мэл убедился, что мундир сидит на старике как влитой, а награды совсем не мешают при ходьбе и к полу не гнут. Внимание сразу привлек один огромный и красивый орден — с большими лучами, чьим-то портретом и стилизованным изображением шпиля крем-

левской башни. На вопрос, что это за орден, ветеран объяснил, что это орден Кутузова третьей степени, и получил он его за Париж, за захват силами подчиненной роты вокзала Аустерлиц. После этого Тихонов оживился и начал рассказывать о всяких приключениях, которые он с бойцами претерпел после захвата вокзала: о том, как без единого выстрела пленили местных полицейских; о том, как нашли цистерну с чистейшим спиртом и охраняли ее от посягательств своих же из разведроты, а те ребята отличались крутым нравом, и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не вмешательство штабных, которые, в конечном итоге, эту цистерну и прикарманили; о том, как случайно сожгли Национальную библиотеку, здание которой находилось как раз напротив вокзала, пытаясь выкурить из нее отряд легионеров, прорывавшихся из центра французской столицы к ее южным окраинам. Рассказывал Тихонов очень эмоционально, старческое лицо его раскраснелось еще больше, глаза будто светились, он резко отмахивал рукой, живописуя героизм подчиненных ему бойцов и свой личный героизм. Было видно, что делает он это не впервые и сам же получает большое удовольствие, вызывая из забытья причудливые образы прошлого.

«А пойдем, молодежь, я тебе свой архив покажу», — призвал Тихонов. Они поднялись на второй этаж, где стоял многоярусный книжный стеллаж, подобный библиотечному. Однако на нем совсем не было книг, а лежали толстые папки-скоросшиватели, адреса в хороших коленкоровых переплетах, имелись и красивые дипломы в рамках с подставками. Ветеран снял с полки ближайшую папку, и Мэл увидел, что в ней хранятся пожелтевшие вырезки из периодических изданий: от «Пионерской зорьки» до «Калужской правды». Слегка повысив голос, Тихонов начал зачитывать тексты заметок, посвященных его подвигам и награждениям. Тут Мэл заскучал — газетный слог всегда быстро надоедал ему. Но, чтобы не обижать хорошего человека, достал «левую» тетрадку и

сделал вид, будто конспектирует. За что позднее был вознагражден горячим наваристым борщом и новой порцией затейливых рассказов.

После Тихонова юноша почувствовал себя слегка утомившимся, но откладывать остальных ветеранов в долгий ящик не стал, сразу направившись к дому Стопаря, который удачно соседствовал с домом Богданова в конце улицы.

Стопарь обитал в старой, на вид чуть ли не дореволюционной, хибаре. Не обнаружив электрического звонка, Мэл долго стучался в ворота, пока наконец к нему не вышел нескладный, невеликого роста старичок, отличавшийся ухоженной бородкой и мохнатыми бровями, скрадывавшими черты лица. Стопарь выслушал объяснения Мэла, стоя на улице и подозрительно зыркая вокруг.

«Пионэр, значит? — переспросил ветеран. — Из пионэрской организации, значит? Ну-ну, заходи, пионэр!»

Мэлу сразу не понравился этот второй ветеран, но делать нечего, и он воспользовался приглашением.

«Ты как, пионэр, один ходишь? — поинтересовался Стопарь, пропуская Скворешникова вперед себя. — Никто тебя не подстраховывает?»

Мэл выразил свое недоумение; он не понимал, почему его должен кто-то подстраховывать.

«Время неспокойное, — сообщил Стопарь. — Враги кругом. Надо проявлять бдительность, пионэр».

Несмотря на свое более чем странное поведение, ветеран тем не менее усадил Скворешникова за стол на кухне и налил ему стакан чаю с цветками шиповника. После борща у Тихонова чай показался лишним, но приглашение, эта человечная деталь, убедила Мэла, что перед ним нормальный калужанин, а то, говорят, некоторые ветераны не в себе от пережитого на войне и встреч с ними следует избегать, по крайней мере если рядом нет взрослых. Не их вина, конечно, но мало ли что придет контуженому в голову.

«Говоришь, интересно тебе о подвигах послушать?» — уточнил Стопарь, с прищуром разглядывая подростка.

Мэл подтвердил и достал из портфеля свою тетрадь.

«Ты, значит, записи свои убери, пионэр, — потребовал ветеран. — Не для записей рассказываю. Не всё еще можно бумаге доверить».

Скворешников послушался — уж больно грозный вид был у старика.

«Ты вот говоришь, значит, воевал ли я на фронте? — Стопарь придвинулся к Мэлу, навис над краем столешницы, распространяя острый чесночный запах, и понизил голос до шепота. — Воевал. Но не в Европе. Здесь воевал. В Москве. Понял, пионэр? На невидимом фронте!»

«Бойцы невидимого фронта» — так называлась книга о советских разведчиках и американских шпионах, которую Скворешников взял однажды в библиотеке. Он прилежно прочитал ее, но не впечатлился: слишком уж сложными и приземленными показались ему игры разведок-контрразведок; в них не было героизма, который вырастает из искренней жертвенности, единственно возвышающей над сиюминутностью. Умом Мэл понимал, что на «незримых фронтах» героизм излишен, это кропотливая работа, которая не терпит суеты и эмоциональных выплесков, но душа жаждала иных приключений — таких, чтобы позволяли выложиться до дна, просиять над миром, как просияли когда-то матрос Железняк и мичман Колесников. Поэтому к сообщению Стопаря юноша отнесся без особого энтузиазма: вряд ли его история будет интересней рассказов Тихонова о том, как наши солдаты сцепились с французскими легионерами у вокзала Аустерлиц. Но, как ни странно, бывший «боец невидимого фронта» нашел тему, захватившую воображение Скворешникова. Всё так же шепотом ветеран поведал Мэлу занимательную историю о том, как он в составе специальной группы выслеживал английских диверсантов, доставивших в Москву атомные фугасы. Диверсанты были хи-

тры и изворотливы, расположились в подмосковных Мытищах, изображая из себя самое натуральное советское воинское подразделение с секретным регламентом: документы, обмундирование, техника — всё честь по чести. Контрразведчики долго не могли понять и поверить, что диверсантами являются все военнослужащие части, а не несколько человек из числа солдат и офицеров. А когда всё-таки поверили, то пришлось развязать в Мытищах чуть ли не уличную войну. Главная сложность заключалась в том, что если бы командиры этого «липового» подразделения узнали о готовящейся серии арестов, они могли бы привести в действие атомные заряды, которые, что интересно, хранились в курятнике на территории «липовой» части. Тогда город Мытищи превратился бы в радиоактивные руины, а все его жители погибли бы. Скворешников вдруг вспомнил уроки гражданской обороны и не удержался намекнуть старому «бойцу невидимого фронта», что Мытищи так и так превратились в зону поражения.

«Ерунда, — отмахнулся рукой Стопарь. — Это потом уже было. А этих голубчиков мы взяли. Никто и не пикнул».

Однако после замечания Мэла ветеран заметно поскучнел, и юноша хотел уже с ним распрощаться, но тут Стопарь вдруг снова завелся: «Ты думаешь, пионэр, меня в запас списали? А вот нет, значит. Те, кто в контрразведке служил, на пенсию не уходят. Только ногами вперед, значит. Я здесь по делу. Важному государственному делу. За врагом наблюдаю, значит».

Сообщение заинтересовало Мэла. Он с любопытством спросил, кто этот враг?

«В соседнем доме живет, — тихо-тихо, но со значением поведал Стопарь. — Настоящий вражина, значит. Матерый».

Скворешников чуть не сболтнул, что собирается зайти как раз в соседний дом, но вовремя прикусил язык. Вместо этого он спросил, откуда известно, что сосед Стопаря — «матерый вражина».

«Оттуда, — со значением ответствовал ветеран. — Отсидевший он, значит. А у нас просто так не сажают. Ясно тебе, пионэр?»

Мэл кивнул.

«То-то. Но ты смотри никому об этом, слышишь? — Стопарь вперил жесткий взгляд в Скворешникова. — А то сбежит этот проходимец, ищи его потом».

Мэл уточнил, считает ли бывший «боец невидимого фронта» своего соседа шпионом.

«Не... — Стопарь покачал головой. — Какой из него шпион? Он рухлядь, постарше меня будет, значит. Он внутренний враг. Ему наши социалистические успехи, как нож острый. Ты ведь и не знаешь поди, пионэр, что таких, как он, до войны много было. Если бы не товарищ Гришин, который их в ежовые рукавицы, то просрали бы всё, сдали бы страну томми и гансам. Ясно тебе, пионэр?»

Мэлу направление разговора нравилось всё меньше. От старика внезапно повеяло тяжелой скрытой угрозой, словно перед Скворешниковым сидел не обычный человек из плоти и крови, а оболочка, под которой прячется доисторический саблезубый хищник, способный одним махом перегрызть жертве горло и упиться ее живой горячей кровью. Поэтому юноша предпочел свернуть беседу, поблагодарив за чай и активно засобиравшись.

Он вышел из дома Стопаря и некоторое время раздумывал, идти ли ему прямо сейчас к третьему по списку ветерану или всё-таки наведаться в другой день. А может, вообще соврать классной, что Богданова не было дома, он в отъезде и всё такое? Хотя слова Стопаря о «матером вражине» и вызывали сомнения в правдивости, Скворешников не чувствовал себя достаточно взрослым и уверенным, чтобы с ходу отвергнуть их. Богданов сидел? Уголовник? Уголовники, вышедшие после отсидки, в Калуге водились. Один из них по имени Жора даже работал на водолазной станции Городского водного клуба —

пацанов, которые ближе к лету начинали осаждать станцию, привлекали в нем грубый, но сдержанный стиль поведения, необычно затейливая речь, переполненная блатными словечками, и масса татуировок, покрывавших мускулистые руки и торс Жоры. Бывший уголовник научил ребят игре в «ножички» и любил повечеру, сидя на пристани, рассказывать всякие лагерные небылицы. Неужели Богданов такой же? Но ведь в Жоре ничего враждебного не было, никогда он социалистические успехи не отрицал. Наоборот, говорил, что жизнь на воле стала лучше, богаче.

Колебания Скворешникова были прерваны самым неожиданным образом — налетела низкая тучка, полил холодный дождик, и Мэлу ничего другого не оставалось, как поспешно двинуться к дому Богданова, спасаясь от непогоды.

Двухэтажный приземистый дом был окружен глухим дощатым забором в полтора человеческих роста. По счастью, здесь имелся звонок, и Мэл с торопливой настойчивостью нажал на кнопку.

«Кого там принесло? — услышал он ворчливый голос. — Никого не жду!»

Дверь открылась, и Мэл увидел очередного ветерана — темного лицом и седого как лунь старика, одетого в мешковатую робу из черной ткани, вроде той, которую носят моряки на атомных подводных лодках. Приглядевшись, юноша внутренне содрогнулся: похоже, этот человек когда-то сильно обгорел — рубцы от ожогов и пигментированная кожа покрывали часть лица ветерана с нижней правой стороны. Такой же изуродованной выглядела и правая рука. Дождь усиливался, и Мэлу стало не до брезгливости. Он представился и вкратце обрисовал свои намерения. Ветеран молча выслушал и отступил в дверном проеме, сделав приглашающий жест обожженной рукой.

Вместе они пересекли небольшой двор, нырнули в приоткрытую дверь.

В отличие от предыдущих ветеранов, Богданов не стремился выглядеть гостеприимным. Он провел Мэла по коридору в большую светлую комнату, заставленную старомодной мебелью, и, предложив колченогий стул, уселся напротив.

Скворешников понял, что инициативу надо брать в свои руки, достал «левую» тетрадку, начал листать ее, чтобы найти свободную страницу. Тут Богданов, наблюдавший за ним с сонным видом, вдруг встрепенулся и спросил: «А что это там у тебя?» Он остановил Мэла как раз в ту секунду, когда тот перелистывал страницу с изображением «Наутилуса», летящего среди звезд и туманностей. Подросток слегка засмущался, но дал старику рассмотреть картинку подробнее. Тот минуты три изучал ее, а Скворешников, замерев, ждал и слушал, как тяжелые капли дождя стучат по оцинкованной крыше, а в соседней комнате громко тикают «ходики», ползет цепь с гирями.

«Очень интересно, — заявил Богданов. — И кто тебя надоумил?»

Мэл признался, что это он сам «надоумился». Ветеран помолчал, осмысливая. Потом спросил: «А зачем пришел?»

Скворешников удивился: ведь он только что описал Богданову цель своего визита. Может быть, тот не понял? Или не расслышал? Тогда зачем пустил? Юноша повторил свои объяснения, еще раз сославшись на Акву Матвеевну.

«Про подвиги послушать? — Богданов вернул тетрадку. — Да какие там подвиги... На войне, мальчик, не бывает подвигов. Есть ярость. Есть ненависть. Есть желание убить или умереть. Много чего есть. Но подвиги придумывают потом. Не знаю даже, хорошо это или плохо. Вроде и хорошо — люди могут думать, что совершили грандиозное дело, сломили врага, не поскупились на жертвы. Но и плохо — кому-то из вас, молодежи, все эти чествования могут показаться достаточным поводом, чтобы любить войну, мечтать о войне... Хотя, наверное, для тебя это слишком сложно?..»

Скворешников не знал, что на это ответить. Уж очень странным прозвучало заявление Богданова на фоне рассказов других ветеранов. Да и уголовник Жора никогда ничего подобного не говорил, а предпочитал петь под гитару: «Первая болванка попала танку в лоб...» Однако Мэл не был бы Мэлом, если бы сразу не поинтересовался, а какой подвиг, по мнению старика, имеет смыл награждать и воспевать.

«Ну как тебе сказать... — Богданов развел руками, но, заметив блеск обиды в глазах Скворешникова, тут же заторопился: — Если тебе и правда интересно, мальчик, то я думаю, что подвиг только тогда подвиг, если не идет речи о выживании рода. Выживание, оно и есть выживание. Какой-нибудь олень бросается на волков, чтобы защитить оленят. Красиво, благородно, но разве это подвиг? Лиса бросается на свору собак, чтобы защитить лисят. Это инстинкт, а не подвиг. Вот и мы бросаемся на пулеметы, потому что инстинктивно чувствуем: за нами — наши дети, за нами — наше будущее. Но если мы поддаемся инстинкту, мы перестаем быть людьми, звереем. В том-то и фокус, мальчик, перестаем быть людьми. А подвиг он должен быть осознанным действием. Вот живешь ты, допустим, хорошо. А ты ведь хорошо живешь? — Мэл утвердительно кивнул. — И тут тебе вдруг захотелось совершить что-то необыкновенное, хотя и необязательное. Например, подняться высоко в гору, взобраться на самую вершину, туда, где никто до тебя не бывал. Или нырнуть в самую глубокую океанскую впадину. Или полететь, как птица. Вот это и есть подвиг. Осознанное желание совершить странное, выйти за границы нашего быта. У тебя никогда не возникало желания летать, как птица?»

Скворешников вздрогнул и, вскинувшись, посмотрел на старика. Казалось, Богданов уловил его тайные мысли.

«Вижу, возникало. — Ветеран впервые улыбнулся, хотя на его изуродованном ожогом лице улыбка вышла кривой и некрасивой. — И картинка твоя о многом говорит. Звезды

зовут, мне ли не знать... — Он помолчал, а потом задал другой необычный вопрос: — Планёр из бумаги делать умеешь?»

Мэл с гордостью сказал, что с легкостью сделает из бумаги двухтрубный и четырехтрубный пароходы, подводную лодку и даже танк. А что такое «планёр»?

«Заморочили вас... — пробормотал себе под нос Богданов. — Совсем дети света белого не видят. С лучшим намерениями, надо полагать...»

Продолжая ворчать, он встал, подошел к книжному шкафу, плотно набитому каким-то томами с серыми корешками, порылся поверху книг, извлек старую газету, принес ее, расправил на столе, а потом в два счета, сгибая и разгибая, сложил бумажный лист в необычную треугольную фигуру, отдаленно напоминающую птицу. Поднял и пустил по воздуху. «Планёр» не упал, а плавно, почти величаво, проскользил, поддерживаемый неведомой силой, до самой двери, ткнулся острым носом в косяк. Это выглядело настоящим чудом, и Мэл не усидел на стуле — возопил и бросился за «планёром».

«Принцип тут простой, — заверил Богданов. — Вам и на физике должны были рассказывать. Крыло так устроено, что при его движении сквозь воздух давление сверху оказывается чуть меньше, чем снизу. И за счет этого планёр летит. Подъемная сила называется».

Мэл, захваченный новой идеей, тут же спросил, а нельзя ли сделать такой же планёр не из бумаги, а, например, из дерева, и посадить в него, например, человека?

«Смело мыслишь, — одобрил Богданов, но тут же помрачнел. — Только за такие мысли нынче далеко залететь можно».

Мэл пропустил последние слова старика мимо ушей. Он взял «планёр» и снова запустил его в полет по комнате. И у него получилось! Восторгам не было предела.

Когда он вернулся к столу, Богданов задал новый вопрос: «А читаешь что, мальчик?»

Скворешников сообщил, что недавно прочитал два романа французского писателя Жюля Верна: «Восемьдесят тысяч километров под водой» и «Таинственный остров».

«И как тебе? Понравилось?»

Скворешников похвалил романы, вертя в руках «планёр» и вспоминая, как старик его складывал.

«Эх, — вздохнул Богданов, потом произнес тихо и в сторону: — Совсем я, видно, с ума спятил на старости лет. Но жалко ведь, такой славный парень пропадает... Авось как-нибудь обойдется...»

Ветеран снова протянул руку к книжным полкам и извлек довольно увесистый том.

«Вот возьми, — предложил он. — Это твой любимый Жюль Верн. Здесь два романа о полете на Луну».

Мэл сразу забыл о «планёре». Странный ветеран в один момент купил его с потрохами. Неужели Жюль Верн писал не только о воздушных и подводных приключениях? Неужели он придумал, как обмануть космические угрозы?

«Почитай, — сказал Богданов. — Недели тебе хватит? Вернуть не забудь в срок. Я не библиотека, чтобы ждать до Нового года».

Мэл согласился и, спрятав книгу в портфель, торопливо распрощался со стариком. Дождь еще не закончился, хотя и не лил, а скорее накрапывал, но теперь Скворешникову было не до дождя: даже цунами случись, ничто не помешало бы ему добраться до дома, сделать себе бутерброд с сыром и водрузиться в старое кресло над новой книжкой Жюля Верна.

Романы «Из пушки на Луну» и «Вокруг Луны» были написаны куда более скучным языком и выглядели гораздо фантастичнее, чем «Таинственный остров». И всё же Мэл проглотил их залпом, пропустив мимо внимания и появление матери, и приход соседа Ваньки, который звал на речку, но утомился звать, разочаровался и ушел. Только под утро юноша угомонился, закрыл книгу и уснул счастливым сном.

Проснувшись, он записал в «левой» тетрадке: «Решение проблемы есть! Его придумал Жюль Верн. Нужно построить огромную пушку. Сделать герметичный снаряд из алюминия. Внутри обить его мягким материалом, чтоб уберечь людей от удара при выстреле. Пушка выстрелит этим снарядом, и он быстро пронесется через поля радиации. Люди просто не успеют облучиться и окажутся сразу в космосе и на Луне».

Полдня Мэл потратил на то, чтобы выписать из книги расчеты Жюля Верна и законспектировать его выкладки. Возникла даже идея переписать книгу целиком, но Скворешников отбросил ее как нелепую: если захочется перечитать, книгу всегда можно будет взять у Богданова, вряд ли этот старик часто уезжает из города. Мысли роились, и Мэл решил, не откладывая, наведаться в библиотеку и поискать книжки по дальнобойным пушкам. Библиотекарша Мария Ивановна не удивилась запросу, но сказала, что на подобную литературу большой спрос, а потому ознакомиться с ней можно только в читальном зале. Пришлось записаться в читальный зал, хотя Скворешников никогда не собирался этого делать: ведь там нельзя расслабиться с книжкой в одной руке и с бутербродом в другой, нельзя поваляться на гамаке и почесаться, когда и где приспичит. Но охота пуще неволи, Мэл вошел в светлую комнатку читального зала, предъявил ученический билет, дождался, пока заведующая заполнит карточку и принесет ему книги. Книг по интересующей теме оказалось три, но внимание сразу привлек здоровенный фолиант, озаглавленный «Уникальная и парадоксальная военная техника XX века». В фолианте обнаружился большой и богато иллюстрированный раздел, посвященный пушкам-гигантам. Скворешников быстро пролистал его. Оказалось, что большая пушка, способная стрелять на огромную высоту, были построена еще в первую войну, причем немцами, что особенно удивительно, ведь эта нация, о чем Мэл знал точно, никогда не отличалась особой

изобретательностью и трудолюбием. Пушка палила на высоту до двадцати километров, и с ее помощью агрессоры обстреливали Париж. Скворешников как-то сразу засомневался в полученной информации. Обычно оружие называют не по цели, на которую оно направлено, а по месту изготовления, тем более что цель может поменяться еще в процессе. Логичным казалось предположить, что «парижскую» пушку построили всё же изобретательные французы, а немцы либо украли идею, либо каким-то образом завладели пушкой и использовали ее против создателей.

Тут Мэл задумался. Но разве книга может врать? А ее автор может ли ошибаться? Ведь она прошла через кучу взрослых редакторов, корректоров и рецензентов — они все в выходных данных указаны — неужели и эти ошиблись или соврали?!.

Худшие подозрения Мэла подтвердились в следующей главе: оказалось, что и во второй войне малоизобретательные немцы попытались создать еще одну пушку, названную «Фау», которая по дальнобойности и высоте полета снаряда должна была превзойти пресловутую «парижскую». Но у них не получилось! Ха-ха, а как могло получиться? Ведь, судя по всему, они не создали даже первую!..

Хотя Скворешникову всё стало ясно, он тем не менее дочитал главу до конца, чтобы понять, почему вторая пушка не получилась. Оказалось, что это была довольно оригинальная пушка — у нее не было ствола в артиллерийском смысле, вместо него сконструировали своего рода трубопровод, проложенный в земле и состоящий из труб уменьшающегося к срезу ствола диаметра; при этом, интересный момент, к каждой из труб подводились каналы с пороховыми зарядами, последовательные взрывы которых в теории должны были придавать выстреливаемому снаряду дополнительное ускорение. В итоге, опять же теоретически, снаряд разгонялся до чудовищной скорости, как в пушке Жюля Верна, и мог

даже перелететь океан и попасть в Америку! Пушку начали строить и пытались испытывать меньшие по размерам прототипы. И сразу выявилась немаленькая проблема — пороховые заряды никак не удавалось синхронизировать. Снаряд пролетал через ствол так быстро, что они просто не успевали сдетонировать — в итоге никакого преимущества по скорости и дальности стрельбы немецкая пушка не давала, а наоборот, возникала серьезная угроза разрыва ствола в месте соединения его с боковыми камерами. Промучившись больше года, немцы прикрыли проект.

Скворешников закрыл книгу и призадумался. Потом достал «левую» тетрадку и записал на чистой странице: «Немецкая пушка не могла стрелять, потому что примитивная электрическая цепь не успевала за выстрелом. Но это было еще во вторую войну. Тогда техника только развивалась. Сейчас 21 век и наверняка есть цепи, которые могут обеспечить более надежное срабатывание зарядов-ускорителей».

Мэлу захотелось обсудить эту многообещающую идею с кем-нибудь более взрослым и опытным. И он сразу вспомнил о Богданове.

Ветеран встретил Скворешникова гораздо приветливее, чем в первый раз, сразу пригласил в дом, выставил на стол электрический самовар, чашки и старомодные вазочки с малиновым вареньем и колотым сахаром.

«Неужели так быстро прочитал?» — удивлялся он.

Мэл подтвердил и изложил свои соображения.

«Замечательно! — восхитился старик. — Сколько, говоришь, тебе лет? В июле тринадцать? Поразительно! Значит, Жюль Верн тебе понравился? Очень хорошо. Но ты понимаешь, что всё это выдумки? Если лунную пушку построят, она будет выглядеть совсем по-другому? Ага, понимаешь. А о перегрузках ты подумал? Нет? Объясняю. В момент выстрела развивается чудовищное ускорение, которое раздавит любое живое существо, находящееся в снаряде. Наверное, только

таракан может выдержать такое ускорение. Не смейся, тараканы — очень живучие создания. Поэтому не имеет смысла использовать пушку для запуска пассажиров, как показано в романе, в нем вообще много ошибок. Зато имеет смысл таким образом отправить в космос снаряд, напичканный научными приборами. Зачем? Ну как зачем? Изучать пространство, Вселенную, другие планеты. Например, мы до сих пор не знаем, как выглядит обратная сторона Луны. Астрономы некоторые считают, что там сплошная впадина и даже может наличествовать слабенькая атмосфера. Я же думаю, что всё это ерунда, нет там никакой атмосферы, но нужно проверить, понимаешь? Представь, как было бы здорово, если бы нам удалось увидеть невидимую сторону Луны...»

За разговорами время полетело незаметно. Мэл возвращался домой почти счастливым — впервые в Калуге он встретил человека, с которым можно было открыто, не опасаясь насмешек, поговорить на странные темы, тревожащие воображение.

Скворешников зачастил к ветерану, постепенно узнавая его ближе. Юноша быстро забыл о зловещих предупреждениях Стопоря и воспринимал Богданова как старшего товарища, учителя жизни, способного и желающего передать накопленный опыт и ничего не требующего взамен.

Богданов жил бобылем, готовил себе сам и обстирывал себя сам. В город он выбирался редко — только до почты и магазина. Он выписывал несколько центральных газет, слушал иногда радио — вот и все развлечения. Даже свой дом он обновлял сам, никого не звал в помощники, столярил и плотничал в мастерской на втором этаже. Наверное, Богданов истосковался по интересному общению не меньше, чем Мэл, а потому разрешил подростку посещать его в любое время и задавать любые вопросы. Скворешников, правда, быстро понял, что некоторые темы в разговорах со стариком лучше не затрагивать. К примеру, тот очень не любил вспоминать про-

шлое, сразу мрачнел и замыкался. Наверное, это были плохие воспоминания.

Однажды Мэл за чашкой чая и теплой беседой выразил недоумение, почему никто до сих пор не построил летающий аппарат по типу «планёра», если теоретическая возможность создать его существует. Ведь были же попытки подняться в воздух, почему они прекратились? Посмотрите, скажем, на железную дорогу. Сначала люди строили большие медлительные паровозы, потом скорости начали расти, и сегодня современный тепловоз, который пришел на смену паровозам, развивает до ста пятидесяти километров в час. А ведь когда-то люди считали подобную скорость фантастической и даже боялись представить себе столь стремительное движение. Но прогрессивная часть человечества отвергла опасения любителей старины, и теперь путешествия по железной дороге стали привычными и очень комфортными. Почему же в области создания «планёра» не нашлось своих черепановых и стефенсонов?

Вполне невинный вопрос вызвал негативную реакцию. Богданов перестал улыбаться, нахмурился так, что стали видны мельчайшие морщины, и некоторое время разглядывал Мэла с подозрительностью. Но всё-таки ответил, хотя юноша отчаялся уже услышать ответ и успел проклясть себя за то, что вообще спросил об этом.

«Были черепановы, — сообщил Богданов скучным голосом. — Всякие были. Настоящие герои. Тоже хотели летать, как птицы. Но три мировые войны, Мэл. Огромные жертвы. Атомные фугасы. Сожженные города... Дело не в опасениях, мальчик. Дело в страхе. Вам не понять. Это взрослый страх, липкий страх. Такой страх способен горы своротить, а уж отдельного человека сломать...»

Богданов замолчал и долго невидяще смотрел перед собой. Скворешников проклял себя еще раз и впоследствии избегал подобных вопросов, инстинктивно чувствуя, что вете-

ран многое знает, но о многом не может сказать открыто, тем более постороннему подростку.

Но, похоже, старик не только многое знал, но и многое умел. Как-то раз Скворешников рассказывал ему о своих успехах в нырянии и плавании с маской. Богданов с интересом выслушал, а потом, сказав: «А вот посмотрим, что ты еще умеешь», достал чистый лист бумаги и нарисовал карандашом окружность. Затем изобразил несколько радиально направленных отрезков на окружности, а в центре — еще два отрезка, соединенных в одной точке. Получилось похоже на циферблат часов. Впечатление усилилось после того, как Богданов написал несколько цифр под радиально направленными отрезками. Проделав всю эту процедуру, он с усмешкой перебросил листок Мэлу.

«Это часы, — сообщил ветеран. — Который час, можешь сказать?»

Скворешников, чувствуя робость, принял листок, окинул его взглядом, зацепил вниманием число «18» и, чуть помедлив, доложил, что по этим часам где-то около двадцати-двухпятнадцати.

Богданов сидел словно громом пораженный.

«Ты раньше так делал?» — спросил он после изрядной паузы.

Мэл покачал головой.

«Тогда ты просто феноменальный парень. Редко кто берет этот тест с первого раза. А как ты догадался, что это двадцатичетырехчасовой циферблат?.. Ах, ну да. Я же сам тебе подсказку поставил. А давай попробуем еще раз?»

Игра оказалась очень увлекательной, и они извели в тот вечер уйму бумаги: Богданов старался запутать и обмануть испытуемого, рисуя всевозможные циферблаты: перевернутые, с тремя стрелками, на двенадцать, двадцать четыре или даже шесть часов, — а Мэл старался угадывать время на циферблатах как можно быстрее. В итоге сам Богданов запутался, и Мэлу пришлось указать ему на ошибку, что вызвало непод-

дельный восторг у ветерана. Оба умаялись, но расстались чрезвычайно довольные друг другом.

На следующий день старик встретил Скворешникова во дворе и предложил новую игру-испытание. Он достал из сарая длинную деревянную лестницу и приставил ее к дому под малым углом, проверил на устойчивость. Потом сходил в дом и принес причудливый прибор, в котором Мэл не без труда опознал метроном.

«Это очень трудное испытание, — предупредил старик. — Я буду запускать метроном, а ты должен в такт ему подниматься по лестнице до третьей ступеньки сверху и спускаться с нее. Один удар метронома — одна ступенька. Я буду менять ритм произвольным образом. Внимательно слушай и постарайся не сбиться».

Мэл с удовольствием включился, но на этот раз у него не получилось с первого захода поразить Богданова. Юноша почти сразу сбился с ритма, оступился и чуть не слетел с лестницы на землю. Пришлось потренироваться, но в конце концов и с этим заданием Скворешников справился, чутко подстраиваясь под громкие щелчки метронома и вызвав похвалы старика.

Потом были и другие необычные испытания, на придумывание которых Богданов оказался большой мастак. Например, он приглашал Мэла в комнату, по которой разбрасывал разные предметы, давал юноше минуту на изучение обстановки, после чего выставлял из комнаты и менял расположение предметов произвольным образом. Мэл должен был точно сказать, какой предмет и куда «переехал». Еще один тест выглядел схожим образом: нужно было запомнить расположение предметов, а потом отыскать их в указанной последовательности, двигаясь по комнате с завязанными глазами. Вроде ничего сложного, но попробуйте проделать это за нормативную минуту и ничего не перепутать.

Еще Богданов разрешал рыться в его личной библиотеке, разместившейся на двух стеллажах. У него был довольно не-

обычный набор книг. К сожалению, других романов Жюля Верна там не обнаружилось, зато хватало книг по географии и астрономии — сразу видно, что процесс изучения Вселенной увлекает загадочного ветерана. Еще Мэл нашел множество стенограмм различных съездов и пленумов, но этого добра и в городской библиотеке было навалом, и вряд ли кто-нибудь в здравом уме будет подобную тягомотину читать. Встречал юноша и тяжеленные метрологические справочники, и монографии по военной истории, и мемуары знаменитых ученых.

В один из дождливых дней Скворешников листал книги, а Богданов мастерил скамейку у себя на втором этаже. Очередной том, взятый со стеллажа, вдруг раскрылся, и на пол выпала небольшая плотная фотокарточка. Мэл поднял ее и рассмотрел. На фотокарточке был запечатлен молодой, спортивного вида мужчина, коротко стриженный и одетый в темные трикотажные штаны и белую майку. Раскинув руки, мужчина стоял на краю странного наклонного диска и широко улыбался. У него было открытое доброе лицо, сразу вызывавшее симпатию.

Скворешников подумал, что, наверное, это Богданов в молодости, но спохватился: мужчина на фотографии совсем не походил на ветерана, даже с учетом прошедших лет. Впрочем, Богданов когда-то сильно обгорел, ему наверняка пересаживали кожу, значит, могло измениться и лицо...

Мэл в задумчивости перевернул фотокарточку. С другой стороны имелась надпись выцветшими чернилами: «Жму руку, дружище. Помни». И подпись — размашистая, в которой легко вычленялись только четыре буквы: «Г», «А», «Г», «Р».

Тут вошел Богданов. Он был в стружке, от него остро пахло деревом и мастикой. Ветеран молча шагнул к Скворешникову и отобрал фотографию. Заложил ее в книгу, а книгу вернул на полку. Мэл ждал чего угодно, любой реакции, ругани, но ветеран просто сел на табурет, низко опустив голову. Пауза затянулась. Наконец Богданов поднял глаза на юношу и сказал

так: «Это мой друг. Старинный друг. Юра. Гагаров. Мы с ним... учились вместе... Он потом в подводники пошел. Дослужился до капитана второго ранга. Он к рекордам всегда тяготел. И добился своего — в одиночку обогнул земной шар на малой субмарине класса “Минога”. Был когда-то такой очень секретный эксперимент. Наградили его, конечно. Ордена, премии. А потом он погиб... При рядовом погружении. Причина?.. Не знаю причины. Мне не докладывают...»

Богданов еще посидел, глядя в сторону, а потом вдруг застонал-зарычал и грохнул кулаком по столу.

«Суки вы ссученные, твари позорные! — выкрикнул он с невыразимой тоской в потолок. — Меня туда же тянете. И меня таким же сделали!»

Богданов багровел на глазах, и Скворешников сильно испугался за старика, решив, что того сейчас хватит удар. Но обошлось. Ветеран отдышался, осмотрелся уже осознанно вокруг, заметил Мэла и сказал хрипло: «Ты иди, парень, иди домой. Завтра заглядывай. Сегодня мне трудно очень...»

Юноша ушел. По пути он думал о прошлом Богданова, всё еще скрытом от него и притягательно таинственном. Кем же он работал до войны? Где воевал? Почему у него нет семьи? Какими путями он вообще оказался в Калуге? В том, что Богданов приехал в Калугу издалека, а не был уроженцем города, Скворешников почему-то не сомневался ни минуты — слишком уж старик контрастировал с привычным окружением, выглядел белой вороной на общем фоне. Может быть, он был инженером? И строил, например, астрономические обсерватории? Тогда всё отличным образом объясняется. Например, выбор книг в личной библиотеке. И только одно продолжало вызывать серьезные вопросы: что же такое произошло в жизни Богданова, если он до сих пор избегает ворошить прошлое?

Мэл решил, что разберется с этим как-нибудь потом. Но потом начались неприятности.

В очередной раз направляясь в гости к Богданову, Скворешников нос к носу столкнулся со Стопарем. Бывший «боец невидимого фронта» ухватил юношу за рубашку словно клешней, притянул к себе и зашипел в лицо: «Ты чего к врагу ходишь, пионэр? Ты чего у него забыл? Чего он тебе рассказывает? Ну! Говори!»

Мэл попытался вырваться, но Стопарь держал цепко. Тогда сообразительный подросток пообещал, что сейчас закричит и будет звать на помощь. Стопарь испугался и выпустил рубашку.

«Ты... это, знаешь, пионэр, — сказал он, но уже без прежней напористости, — к врагу не ходи, значит. Он тебе лапшу навешает, мозги запудрит. Тоже врагом станешь, значит! Ясно тебе, пионэр?»

Мэл гордо прошел мимо. Но вечером его ждал натуральный скандал. Мать вдруг озаботилась, где и с кем ее единственный сын проводит свободное время. Для начала, как водится, бестолково наорала. Потом потребовала отчета. Деваться было некуда (мать — это вам на Стопарь), и юноше пришлось рассказать, что бывает он у одного заслуженного ветерана войны и труда по фамилии Богданов, который проживает на Коровинской в частном доме. Почуяв неладное, Скворешников всё свалил на классную Акву: мол, именно она к Богданову послала по делам пионерской дружины. Мать выслушала, а потом села за стол и неожиданно разрыдалась.

«Ну что за горе? — причитала она. — Ну зачем? Ну за что? Ну как мне с тобой?»

Мэл растерялся. Он и вправду не понимал, почему его встречи с Богдановым так вывели мать из себя. Он стоял перед ней, опустив руки и понурившись, но совсем не ощущал чувства вины.

Наконец мать поуспокоилась, вытерла слезы подвернувшейся под руку настольной салфеткой и строго посмотрела на сына.

«Ты знаешь, что твой ветеран сидел?» — спросила она.

Мэл неопределенно пожал плечами.

«Он сидел! — заявила мать утвердительно. — А у нас просто так не сажают! Он преступник. А ты мальчик из хорошей семьи. Ты не должен общаться с преступниками».

Скворешников неуверенно отозвался в том смысле, что дядя Жора с водолазной станции тоже сидел — и ничего.

«Ты еще и с Жоркой-бандитом связался?! — Мать вновь запричитала. — Ну зачем? Весь в отца, дурака самодовольного, такой же стал. Лишь бы всё вопреки. Ты хочешь, чтобы меня с работы выгнали? С волчьим билетом? Куда мы с тобой пойдем тогда? В совхоз? Дурак самодовольный!»

Очередной приступ истерики миновал быстрее, чем первый. Мать собралась и сказала: «Теперь слушай, дорогой мой сын. Если ты не хочешь зла себе и своей матери, выкинь Богданова из головы. Навсегда! Ты у него брал что-нибудь? Книгу? Верни! Поблагодари вежливо за встречи. И всё! Чтоб ни ногой!»

Мэл понуро кивнул. Обстоятельства сильнее — что тут поделаешь? Несмотря на то, что мать он видел редко, мало с ней общался и воспринимал отстраненно, юноша всё же любил ее и ясно понимал, что, кроме этой стареющей женщины, у него никого нет. И если с ней что-то случится, куда ты пойдешь? В интернат? Вот уж спасибо! Скворешников был знаком с парой интернатовских пацанов, посещавших водолазную станцию, и наслушался от них всяческих ужасов. А больше всего подростка напугало почти спокойное обращение матери: «дорогой мой сын». Она никогда так к нему не обращалась, и, скорее всего, означало это, что боится она куда сильнее, чем он.

На следующий день Мэл бесцельно слонялся у дома, не решаясь пойти к Богданову и поставить жирную точку в их отношениях. Подумал и собрался на водолазную станцию, куда не захаживал уже больше недели.

Явился он туда слишком рано и никого из знакомых ребят не встретил. Зато у причала вовсю трудился Жора. Голый по

пояс, мускулистый и загорелый, он осматривал принадлежащие клубу лодки и плоты, сушившиеся на берегу. Одну лодку бывший уголовник собрался покрасить и разводил теперь белую краску в трехлитровой банке.

Поприветствовав, Жора уже хотел было вернуться к своим занятиям, но тут Скворешникова осенило, он подошел к бывшему уголовнику и спросил, знает ли тот Богданова с Коровинской улицы. Жора остановился, косо глянул на Мэла и ответил с презрительно-ленивой интонацией: «Знаю. Доходяга. Обиженный. Место под шконкой. Не вяжись с ним, грач. Западло».

Мэл ничего не понял из выданной характеристики, а потому поинтересовался с наигранным равнодушием, не в курсе ли Жора случайно, за что именно Богданов был «посажен».

«Анекдотчик, — еще более непонятно сообщил Жора. — А напрямки, так вольтанутый вконец. И не по пятому номеру. Натуральный. За то и чалку одел».

«Анекдотчик» и «вольтанутый» прозвучало как-то совсем уж оскорбительно, и тогда Мэл задал последний и главный вопрос: а известно ли, кем Богданов был до тюрьмы? Тут Жора озлился:

«Ты не борзей, грач. Я тебе в зуктеры не нанимался. Свистунов нигде не любят, запомни. Шагай давай».

Мэл ушел сильно озадаченный и смущенный. Стало окончательно ясно: Стопарь не врал. Если и мать, и Жора говорят, что Богданов — преступник, значит, он всё-таки преступник. Не могут два столь разных человека быть в сговоре и сознательно порочить обычного ветерана. А кем Богданов был до тюрьмы и за что в нее отправился, никто, похоже, не знает, а если и знает, то тщательно скрывает.

Скворешникову не хотелось порывать с загадочным стариком, который развлекал его необычными рассказами и играми, но сохранить отношения означало прямо напросить-

ся на серьезные неприятности. Что и вправду опасно. Мэл сдался. Пошел домой, взял книгу Жюля Верна и направился к Богданову.

На звонок ветеран не вышел, но Скворешников уже знал, что тот никогда не закрывает калитку в воротах, потянул за крючок и проник во двор. Дверь в дом тоже была приоткрыта, и стояла знойная тишина, нарушаемая лишь неумолчным звоном трудолюбивых пчел. Почуяв неладное, Мэл резко ускорился и вбежал внутрь.

Богданов сидел в светлице, уронив руки и голову на стол. Восковая кожа и кружащиеся над ветераном мухи были красноречивее любых слов. Мэл хотел закричать, но крик застрял в горле. От вброса адреналина на секунду потемнело в глазах. Кровь тяжело застучала в висках.

Под рукой Богданова белел листок бумаги. На трясущихся ногах юноша приблизился к столу. Листка оказалось даже два. На одном был отпечатан машинописный текст, начинавшийся со слова «ПОВЕСТКА», но внимание Скворешникова сразу привлек второй, чуть измятый. Мэл потянулся, задыхаясь от нахлынувшего отчаяния, вытащил листок из-под мертвой руки и прочитал:

«мальчик
прости меня нет сил
сердце разрывается
больно боль
книгу подарок
уезжай столица куру узнай
твое место
помни»

От слез всё поплыло вокруг. Мэл выпустил листок, и тот плавно скользнул по воздуху через комнату, поддерживаемый подъемной силой. Да, Скворешников теперь знал, как называется сила, удерживающая в воздухе «планёры». Кто сказал ему об этом? Богданов...

Помни... Он будет помнить...

Движимый наитием, Мэл шагнул к книжному стеллажу, быстро нашел нужный том, вытащил, встряхнул его. Фотокарточка оказалась на месте. Юноша схватил ее, перепрятал в роман Жюля Верна и, не оглядываясь, бросился вон.

Так Богданов ушел из жизни Скворешникова. В память о нем остались книга о полете в космос, старая фотография с подводником Юрием Гагаровым и новые записи в «левой» тетрадке.

3. Училка любви

Время сглаживает остроту сильных переживаний, а множество повседневных забот заслоняет неуверенный рисунок мечты.

Когда Мэл Скворешников подошел к первому значимому возрастному рубежу в шестнадцать лет, он почти не вспоминал о загадочном ветеране и своих детских фантазиях, связанных с полетами в небо и на Луну. Лишь изредка, роясь в столе, он натыкался на тетрадку в черной обложке и с теплым чувством листал ее.

Молодой человек окончательно определился с жизненным выбором, решив стать боевым акванавтом, в худшем случае — гражданским водолазом. Ведь это действительно престижно, девчонки обожают ребят в белоснежных парадных кителях, а уж сколько захватывающих экзотических приключений обещают походы в дальние страны и погружения в неизведанные глубины. Тем более что Мэл следил за новостями, почитывал журнал «Техника юным» и знал, каких успехов добились океанология и акванавтика. На верфях Союза в обилии строились батискафы и мезоскафы, батисферы и гидростаты, ныряющие блюдца и малые субмарины, атомные и дизельные подводные лодки. На воде и под водой вырастали целые города — гидрополисы, а общее число их жителей перевалило за миллион. Благодаря совершенствующимся технологиям освоения несметных богатств шельфа бурно развивались принципиально новые направ-

ления энергетики и аграрной промышленности. Появились волнорезные электростанции, а китов не только гарпунили, но пытались разводить и пасти. В больших объемах добывался сикрит — «морской» бетон, гораздо более плотный и прочный, чем обычный. Шла уже речь о промышленной добыче скопившегося на океанском дне гидрата метана, который мог бы покрыть потребности Союза в энергии на столетия вперед. Для этого необходимо было возвести десятки подводных комплексов — авторы «Техники юным» писали о грядущей комсомольской стройке, которая по масштабам должна была превзойти все подобные проекты двадцатого века. Мифический капитан Немо, узнай он о подобных планах освоения глубин, удавился бы от зависти.

Не приходилось скучать и боевым акванавтам. Если Средиземное море и проливы после третьей войны полностью контролировались советским флотом, то на Балтике сохранялась напряженная обстановка. Во главе Финляндии стояло социалистическое правительство, поддерживающее дружественный нейтралитет. Но оставались еще Швеция с ее имперскими амбициями и враждебные Норвегия с Данией, которых науськивали и вооружали англосаксы, окопавшиеся на Британских островах. На Дальнем Востоке положение тоже пока не выглядело блестящим. Япония так и не подписала мирный договор, превратившись в форпост американской агрессии. Тихий океан бороздили сотни субмарин, и постоянно сохранялась угроза высадки морского десанта. По этой причине Советскому Союзу приходилось держать огромные армии в Корее и в Китае, погруженном в хаос бесконечной гражданской войны. В Африке тоже творились интересные дела, но советское присутствие там ограничивалось базами в Эфиопии и Сомали, на остальной территории «черного» континента царило варварство, и только кое-где теплились огоньки цивилизации, поддерживаемые немецкими колонистами, бежавшими из Европы.

Потребность в молодых офицерах и специалистах была высока как никогда, а потому определившемуся Скворешникову не приходилось переживать о будущем, он демонстрировал отличные показатели по кружку юных водолазов, выбился в десятку лучших ныряльщиков Городского водного клуба, а значит, мог надеяться получить целевое направление хоть в калужское училище, хоть в столичную академию. Но тут судьба подбросила ему очередной сюрприз.

Во время первого досконального медицинского осмотра в стенах военкомата — а его нужно было пройти не только для получения приписного свидетельства, но и для допуска к обучению работе с клубными аквеонами, — выяснилась пренеприятная деталь. Давно, еще в раннем детстве, Скворешников переболел воспалением среднего уха, и на барабанной перепонке образовались рубцы. Это делало для него профессию водолаза запретной. То есть на глубины порядка десяти-пятнадцати метров он мог погружаться без всякого вреда для себя, а вот ниже могли начаться осложнения вплоть до летального исхода.

Вердикт врачей выбил Мэла из колеи. Целую неделю он не находил себя места. Самое паршивое, что новость мигом распространилась по клубу: наставники и одногруппники даже не пытались скрыть сочувственную жалость, а кто-то ведь из тех, кого Скворешников обошел по зачетам ДОСААФ, небось, еще и радовался втихаря.

Выход подсказала классная Аква Матвеевна.

«Не расстраивайся, Мэл, — посоветовала она. — Не всем же водолазами быть, в самом деле. Есть много других интересных профессий. Если тебя так к морю тянет, то заканчивай десятилетку и поступай в хороший столичный вуз. Есть, например, Институт океанологии и океанографии. Закончишь на пятерки, туда тебя без экзаменов примут».

Скворешников так и сделал, благо новый выбор одобрила мать. Забросил клуб и подналег на точные науки. Золотую ме-

даль на выпуске, правда, не получил — плохо давались литература и английский язык, — но во всём остальном превзошел ожидания учителей.

После выпускного, получив аттестат и направление, Скворешников собрался в столицу. Уезжал он туда в гордом одиночестве — друзья по школе предпочли осесть поближе к дому. Мать не стала устраивать торжественных проводов, приготовила обычный ужин, собрала необходимые в дороге вещи, дала денег, всплакнула. Сидя за столом, вяло ковыряя вареную курицу и вспоминая перипетии своей жизни в Калуге, Мэл думал о том, что ему хотелось бы захватить на память о родном городе. Память... Слово зацепилось и вызвало неожиданно бурный всплеск эмоций, потянув за собой другие слова: книга, подарок, уезжай, столица, узнай, твое место, помни.

Мэл встрепенулся, встал из-за стола и под вопросительным взглядом матери отправился к себе в комнату. К счастью, он не имел склонности к разгильдяйству, а потому нашел искомое именно там, где видел в последний раз. Романы Жюля Верна о полете вокруг Луны и таинственном острове стояли во втором ряду на полке, зажатые географическим атласом и книгой Кусто «В мире безмолвия». А «левая» тетрадка в черной обложке обнаружилась в ящике письменного стола. Из Жюля Верна снова вывалилась спрятанная в нем фотография улыбающегося подводника Гагарова. Скворешников взял ее и переложил в тетрадку — так ему почему-то показалось естественнее. Он подумал, что никогда теперь не станет таким же секретным рекордсменом, как Гагаров, но зато сможет стать таким же инженером, как Богданов. Может быть, даже удастся реализовать то, о чем они говорили когда-то. Построить лунную пушку или небесный «планёр». Правильный совет дал Богданов перед смертью. Там мое место. Ведь в столице всё по-другому: там есть самые передовые технологии и знающие люди. Они помогут обойти возникшие проблемы,

подскажут, куда копать. И книги, и тетрадку, и фотографию Скворешников захватил с собой.

В столицу пришлось ехать через Москву — прямую железную дорогу из Калуги так и не протянули. В двенадцати километрах от города имелась узловая станция Калуга-два, но через нее поезда уходили на Киев и Одессу.

Выехал Мэл рано утром в общем вагоне. Поезд тащился до Москвы почти восемь часов, и когда Скворешников ступил на перрон Киевского вокзала, было совсем светло. Он хотел остановиться, вдохнуть полной грудью московский воздух, ведь впервые за свою жизнь оказался в крупнейшем городе Союза, но тут его подтолкнули в спину, стиснули с трех сторон, и толпа пассажиров понесла молодого человека к зданию вокзала. Там ему всё-таки удалось вырваться, и он огляделся, пытаясь сориентироваться в толкучке. Помещение было непривычно огромным, но впечатление портили длинные дощатые перегородки, которые разделяли его на множество секторов. На перегородках висели агитационные плакаты со знакомыми лозунгами: «Экономика должна быть экономной!», «Миру — мир!», «Береги хлеб смолоду!» Основной поток пассажиров двигался по направлению, обозначенному на указателе как «Выход в город и к автобусной станции», но Мэл знал, что ему нужно перейти на платформу пригородных поездов. Своим беспомощным видом провинциала он привлек внимание дежурного милиционера в отутюженной синей форме — тот подошел, козырнул, представился и поинтересовался, что именно молодой человек ищет. Пришлось воспользоваться любезной подсказкой органов правопорядка, после чего Мэл ввинтился в новую разношерстую толпу, всё еще потрясенный таким количеством народа — показалось на мгновение, что здесь, на Киевском вокзале, собрался весь Советский Союз.

Наконец Скворешников нашел свою платформу и загрузился в новый поезд, который снаружи почти ничем не отличался от калужского, только внутри вместо плацкартных полукупе

стояли скамейки, похожие на те, что можно увидеть в Парке культуры и отдыха. В поезд набились так, что сидячих мест не осталось, и многим пассажирам пришлось стоять, но Мэлу повезло: он успел пристроиться у широкого окна с грязноватыми стеклами и надеялся хотя бы так посмотреть на Москву.

Однако молодого человека постигло разочарование. Сначала вдоль железнодорожного полотна тянулись какие-то невысокие сараи и хибары, потом обзор перекрыл забор из бетонных, поставленных на попа плит. Под забором росла жухлая трава, кучами валялся мусор. Только однажды Мэл заметил движение. Параллельно поезду шла группа каких-то худых нескладных оборванцев. Скворешников присмотрелся, напрягая зрение, и отпрянул с ужасом: у оборванцев была нездоровая багровая кожа, волосы на головах торчали жесткими щетками, а лица казались обезображенными какой-то чудовищной болезнью типа проказы. Мужик в рабочем комбинезоне с непонятной биркой на груди, дремавший напротив, очнулся, глянул в окно и пробормотал успокаивающе: «Мутанты. Не боись, их вокруг зоны поражения много. Живут в метро. Наружу выползают побираться». Мэл когда-то слышал о мутантах и застенчиво спросил, почему их не отправили в клинику на лечение. «Отправляли, — сообщил мужик. — Бегут. Хотят сами по себе. Как цыгане, право слово». Тут Скворешников увидел огромное черное и словно бы оплавленное сооружение, угрожающе возвышающееся над забором. Мужик прокомментировал: «Останкино. Башня здесь стояла. Только ведь отстроили. Потом томми фугас взорвали. Такое здесь было, да. Настоящий ад». Мэл не решился спросить, что это была за башня и зачем ее построили.

Через час приехали на Ленинградский вокзал. Здесь всё выглядело куда более благоустроенным, чем на Киевском. И совсем не было видно следов войны. Широкие чистые платформы, большой светлый зал, памятник Ленину, сразу напомнивший о калужских гостиных дворах, напротив кото-

рых стоял почти такой же. Скворешников не отказал себе в удовольствии выйти на Комсомольскую площадь, чтобы полюбоваться хоть немного городом. Знаменитый небоскреб гостиницы «Ленинградская», также пострадавший в результате близкого атомного взрыва, разобрали по кирпичику еще десять лет назад, но и сейчас было на что посмотреть: слева высился Ярославский вокзал, с другой стороны площадь, по которой катились желтые двухэтажные автобусы, ограничивала впечатляющая громада торгового центра вкупе с причудливым зданием Казанского вокзала. Москва хоть и пострадала в результате войны, хоть и утратила столичный статус, всё еще оставалась самым большим транспортным узлом страны, соединяя восток Союза с его западом.

Скворешников вернулся на вокзал и поискал кассы. У касс обнаружилась длинная очередь. Однако у Мэла имелось с собой официально заверенное направление, и он решил попытать счастья в кассах для военных и командировочных. Но и там была очередь, хотя и поменьше, — состояла она исключительно из рослых парней в возрасте девятнадцати-двадцати лет и одетых в одинаковые костюмы с накрахмаленными рубашками. Скворешников решил, что это спортсмены, и почти не ошибся. Быстро выяснилось, что билеты для всех этих очередников закупает моложавый офицер в черной форме с беретом, отличавшийся заметным шрамом, пересекающим наискось переносицу. Поэтому когда он закупку совершил, очередь мигом рассосалась.

Мэл подошел к кассе, и ему продали билет на дневной почтово-пассажирский, который отправлялся буквально через пятнадцать минут. Скворешников побежал на платформу и успел как раз вовремя, заскочив в вагон вслед за «спортсменами».

Парни в одинаковых костюмах оккупировали плацкарту целиком, расположившись в ней достаточно вольно: кому как понравилось. Едва поезд тронулся, они быстро переоде-

лись в такие же одинаковые спортивные треники и майки. Ехали они весело, общались бурно, поддевали проводницу, но алкоголем не баловались. Перекусывали своеобразно: на глазах изумленного Мэла достали длинные батоны, связки сосисок и баночки с майонезом, нарезали хлеб и сосиски кортиками, намазали обильно майонезом и всю эту чудовищную смесь употребили без малейших колебаний. Скворешников со своей курицей и сваренными вкрутую яйцами выглядел на их фоне не просто провинциалом, а каким-то прямо ретроградом.

Офицер со шрамом на переносице прохаживался по вагону, шутил с парнями, следил, чтобы не сильно голосили или хохотали, хотя контролировать таких пышущих здоровьем лбов было, наверное, непросто. Потом офицер подсел к Скворешникову.

«Давай знакомиться, попутчик! Тебя как зовут?»

Мэл представился.

«Странное имечко, — заметил офицер. — Но бывает. Сейчас много странных новых имен появилось, мода такая. А меня Вячеслав звать. А можно просто Слава. Ты до конечной? До столицы? Поступать? А куда? В Институт океанологии и океанографии? Знаю этот институт. Прямо на берегу Невы стоит. Рядом с мостом Александра Невского. А с другой стороны реки — Лавра. Красиво там до безумия. Обожаю я Ленинград, но бываю редко, служба».

Чтобы поддержать разговор, Скворешников спросил, в каких войсках Вячеслав служит и кто эти ребята, если, конечно, не секрет.

«Не секрет, — отозвался офицер. — Дальневосточный флот. Морская пехота. А ребята мои — сборная флота по самбо. Едем в столицу на общеармейский чемпионат отстаивать нашу спортивную честь. Матросы, покажем сухопутью кузькину мать?»

«Еще как покажем!» — отозвались морские пехотинцы.

«А что служить не пошел? — вновь обратился Вячеслав к Мэлу. — Время сейчас трудное, каждый боец на счету, а ты в институт двинулся, словно пацифист. Успел бы еще поучиться. Отслужил бы положенные четыре года, вернулся бы орлом. И в Партию было б проще вступить. Не надоело школярствовать?»

Скворешников вздохнул, но всё-таки объяснил, что его решение продиктовано выбором: он с радостью пошел бы в акванавты, однако здоровье подкачало, а свое будущее он связывает только с океаном и единственный выход в данной ситуации — стать гражданским специалистом.

«Понимаю. — Вячеслав сощурился. — С дальним прицелом, получается? Что ж, молодец. Такие люди нам тоже нужны. Которые перспективу видят».

Утратив к Скворешникову интерес, офицер отправился бдеть за своими спортсменами, а Мэл остался на месте, застенчиво прислушиваясь к разговорам. Ребята служили на Дальнем Востоке, а значит, могли порассказать о том, что там происходит. В Калуге о китайской войне ходили самые противоречивые слухи. Говорили, будто бы страна раскололась на пять регионов, из-за голода начались крестьянские восстания, вылившиеся в походы на города. Пекин пытался остановить их с помощью атомного оружия, в результате сам прекратил существование. Наши гарнизоны там — последний оплот стабильности, но и их постоянно атакуют взбесившиеся крестьяне. В газетах и по радио сообщали, что всё находится под контролем, китайский народ радостно приветствует советских освободителей от маоистской диктатуры, наши войска выполняют интернациональный долг и проводят миротворческую операцию. Мэл хотел получить подробности из первых рук, но не дождался — пехотинцы балагурили о чем угодно: о женщинах, погоде, пейзажах за окном, о Ленинграде, в который едут, но только не о службе. Видать, крепко помнили пословицу, что болтун — находка для шпиона.

Столичная по виду застройка началась сразу за городом Валдай, в котором поезд стоял больше часа, пропуская тяжелогруженые эшелоны. Вечерело, но было совсем светло, почти как днем. Ну конечно же, сообразил Скворешников, сейчас белые ночи в самом разгаре! Мэл знал, что до Ленинграда еще далеко, но столица Советского Союза была столь велика, что трудно сказать, где она начинается, а где заканчивается. Сначала пошли ухоженные рощи и боры, потом за лесополосой стали проступать высотные дома: в десятки этажей и с длиннющими фасадами. Между домами были положены аккуратные асфальтовые дороги, по ним время от времени проезжали диковинные автомобили ярких расцветок — ничего похожего в Калуге не наблюдалось даже в центре. И главное — никаких заборов! Поезд шел достаточно медленно, и Скворешников приник к окну, силясь различить подробности. Мэлу даже показалось, что он увидел цветочные клумбы и игровые площадки для детей, выглядящие как маленькие городки, состоящие из отдельных домиков, связанных друг с другом системами лестниц и канатов.

«Европа, — произнес задумчиво офицер по имени Вячеслав, незаметно подошедший сзади; его подопечные угомонились, в половину одиннадцатого все они, как по уставу, залегли на полки и моментально погрузились в крепкий здоровый сон. — Европа, — повторил офицер и присел рядом с Мэлом. — И если бы не Европа, здесь было бы совсем по-другому. Я здесь жил до войны мальчишкой, — признался он тихо. — Поселок Лычково. Жили бедно, как в любой деревне. Народ от бедности в города уезжал. Хирело всё. Разваливалось. Вот так и получается, что если б мы Европу не завоевали, то и не было бы здесь этих роскошных городов...»

Мэл осторожно спросил, при чем здесь Европа, строили-то наши люди.

«Не только наши, — ответил офицер. — Все строили. Австрийцы, итальянцы, французы, чехи. Когда Ленинград

после войны столицей Союза стал, сюда сотни тысяч людей хлынули — очень много рабочих приехали из Европы. Там тяжелее, чем у нас, было. Столицы в развалинах, зопэ, черная зима, голод, эпидемии. Побежишь от такой жизни. А нам после войны нужны были рабочие руки — хозяйство восстанавливать. Работали здесь за паек, зато построили город-сад. Так всегда случается — за победу платят побежденные. Одна культура поглощается другой, более сильной и агрессивной. Закон войны. Просто мы оказались сильнее».

Скворешников, который недавно сдал новейшую историю на «отлично», заметил, что европейцы сами виноваты — не надо было наши города атомными фугасами взрывать, социализм им, видишь ли, не нравился, вот и поплатились.

«Историю пишут победители, — непонятно отозвался офицер. — И это тоже закон войны».

Он встал и ушел курить в тамбур, а Мэл, почувствовав сильную усталость, наконец-то собрался спать.

В Ленинград прибыли в седьмом часу утра. Столица Советского Союза встретила Мэла свежим порывистым ветром с Балтики и Невским проспектом, запруженным автомобилями. Выйдя из здания Московского вокзала, молодой человек остановился в ошеломлении. На площади Восстания высился колоссальный и сложный по композиции монумент, посвященный героям третьей войны. Советский солдат с автоматом Калашникова, вещевым мешком за спиной и противогазной сумкой на боку стоял в напряженной позе и смотрел бронзовыми глазами куда-то вдаль и вверх, словно ожидая нападения с неба. За ним скульптор поместил копию парижской Триумфальной арки, а вместо постамента нагромоздил сильно искореженные фрагменты какой-то решетчатой конструкции.

С четверть часа Скворешников разглядывал, таращась, монумент, потрясенный величественностью замысла. Потом очнулся, проморгался и, решив, что успеет еще налюбоваться памятниками Ленинграда, направился к будке справоч-

ного бюро. Миловидная женщина, сидящая в будке, выдала ему бесплатную карту центральной части города, «старого Ленинграда», и объяснила, что молодому человеку при перемещениях по столице проще будет воспользоваться метро. Скворешников спохватился. Ну конечно же! В Ленинграде же есть самое настоящее и работающее метро! И, между прочим, самое протяженное метро на Евразийском континенте! Мэл смущенно поблагодарил и, ориентируясь по указателям, вошел в вестибюль метрополитена.

Метро впечатлило его даже больше, чем монумент на Восстания. Перед Мэлом предстал чудесный подземный дворец, каждая станция которого являлась законченным архитектурным ансамблем, включающим поддерживающие колонны, живописные мозаики на потолках и подобранную в тон отделку путевых стен. И здесь очарованный провинциал заблудился и чуть не уехал по дальней ветке в Выборг.

Интересно, что уже через две недели, наездившись вдоволь по подземным туннелям, Скворешников перестал обращать внимание на искусственные красоты метрополитена, однако память о первом спуске по эскалатору, о запахе горячей резины с легкой примесью машинного масла, о ярко освещенных сводах, покрытых затейливым рисунком из разноцветных камешков, о мраморной плитке под ногами он пронес через всю жизнь.

В Институт океанологии и океанографии Мэл не поступил. Оказалось, что и здесь требуются идеальные медицинские показатели, поскольку выпускникам наверняка придется погружаться на большие глубины или даже жить месяцами в подводных городах. Скворешников совсем было отчаялся, но один из абитуриентов, Ив Молчанов из Новгорода, с которым Мэл познакомился в коридоре приемной комиссии и «срезанный» по тем же соображениям, прослышал, что в Политехе, на факультете тяжелого и среднего машиностроения, есть кафедра подводной техники. Специалисты, выпускаемые кафедрой, занимаются проекти-

рованием, изготовлением и эксплуатацией всевозможных барокамер, переходных водолазных отсеков и прочих сложных комплексов систем жизнеобеспечения, используемых в аквanавтике. По распределению есть шанс попасть на какое-нибудь вспомогательное судно ВМФ и жить припеваючи.

Сговорившись, Ив и Мэл забрали документы и подали их на рассмотрение приемной комиссии Политехнического института. Экзамены оба сдали блестяще, и к концу июля уже щеголяли по Ленинграду в новеньких, с иголочки, форменных куртках студентов Политеха: тужурка черного сукна в офицерском стиле с позолоченными пуговицами, украшенными гербами СССР, с отложным дореволюционным воротником и с плечевыми знаками из темно-зеленого бархата. Впрочем, когда подступила неумолимая августовская жара, куртки захотелось снять, переодевшись в нечто более «домашнее».

Скворешников сразу влюбился в Ленинград. В него невозможно было не влюбиться. На его взгляд, столица умудрялась органично сочетать в себе объемные образы десятков городов Союза без всякого ущерба для себя. Вылезешь на «Гостинке» — вот тебе царский город Петра с мрачной рапсодией Казанского собора и вознесенной к небу путаной молитвой Спаса-на-Крови, с торжественным маршем Дворцовой площади и тихой неторопливой мелодией зажатых в гранит каналов. Вылезешь на «Балтийской» — вот тебе пролетарский квартал, вминающие серый асфальт трущобы, внутри которых всё время клокочет скрытая энергия грядущего преобразования мира; где-то там Мэл нашел подобие Калуги. Вылезешь на «Приморской» — вот тебе морской вызов, соленый ветер в лицо и многоэтажки, похожие на гигантские волноломы.

Мэл Скворешников жил на «Лесной» — по меркам разросшейся столицы, почти центр. Там был расположен студенческий городок, в котором построили общежития для двух десятков ведущих вузов Ленинграда. Компания собралась пестрая. На улицах студгородка можно было встретить и фран-

цуза, и эфиопа, и китайца. И хотя за дисциплиной следили строго: коменданты свирепствовали, дежурные сидели на каждом этаже, с обходами заявлялись комсомольские и милицейские патрули — молодая кровь брала свое. Студенты обзаводились парой, женились и разводились, устраивали спонтанно праздники и розыгрыши, периодически напивались и дрались.

Некоторое время Мэл в коловращении потаенной жизни студгородка участия не принимал — в первые же учебные дни выяснилось, что его калужского школьного образования явно не хватает, чтобы осилить институтский уровень по нескольким предметам, а потому он засел нагонять и три месяца честно вкалывал, подтягивая математику, черчение и химию. Только когда понял, что сессия у него в кармане, начал оглядываться вокруг и именно в этот период приметил Наоми Шварц.

Собственно, около месяца он не знал, что эту девушку зовут Наоми. В ходу были прозвища — к примеру, самого Мэла прозвали Марксом за немногословность и сосредоточенность на учебном процессе. А Наоми называли Нэт по причине, которая оказалась не столь романтична, сколь прозаична.

Училась девушка по прозвищу Нэт на том же курсе и потоке, что и Скворешников. Посещала те же лекции и, естественно, привлекала внимание молодых людей, поскольку традиционно на факультет тяжелого и среднего машиностроения старались зачислять юношей, и выпускнице средней школы нужно было сильно постараться, чтобы влиться в монолитные ряды «черных курток». В поток прорвались всего четыре девушки, и Нэт была, по общему мнению, хоть и малосимпатичная, но приемлемая по сравнению с тремя другими уродинами. Она и вправду не выглядела красавицей: слишком острые черты лица, слишком высоко вздернутый нос, вечно растрепанные волосы цвета ржавчины, вечно бесформенный свитер под форменным пиджаком, вечно синие штаны-клеш. И еще одно

— если ее подруги активно пользовались косметикой, благо дешевых французских парфюмов в Ленинграде хватало, то девушка по прозвищу Нэт, похоже, с рождения не подозревала о существовании всевозможных духов, притирок и примочек. Короче, смотреть не на что и незачем. Но, как говорится, на безрыбье и рак — вобла, сокурсники периодически подкатывали к Наоми и всякий раз получали отлуп, зачастую в крайне грубой форме. Из-за постоянных и бессмысленных отказов ее и прозвали девушкой Нэт — так показалось острее и обиднее. Хотя, возможно, она об этом и не подозревала, а если подруги доложили, то не придала значения.

А позднее, после одной мерзкой истории, Наоми стали избегать.

В общежитии института обитал вечный студент и редкий подонок по прозвищу Рашпиль. Как его звали на самом деле и сколько лет он учится, никто из мальков точно не знал, но о Рашпиле ходили мрачные легенды: дескать, служил он когда-то в спецподразделении, участвовал в спецоперации, там его контузило, после чего он слегка повредился в уме. Его бы лечить, сложилось общее мнение, однако Партия считала иначе и послала контуженного учиться на инженера. Толку от этого решения было мало, — Рашпиль лекции и практические занятия не посещал, но на любое студенческое застолье являлся одним из первых, быстро хмелел и начинал куражиться над молодняком. Ему давно бы пообломали рога — хоть и спецназовец, против толпы не попрешь, — но он имел статус местного авторитета и вовсю им пользовался. И вот как-то раз, во время очередной попойки, Рашпиль услышал о девушке Нэт. Может, он и раньше ее встречал в длинных коридорах общаги, но не обращал внимания: мало ли что за серая мышь пробежала, — а тут услышал о том, какая недотрога поблизости живет, и загорелся. Поспорил со старшекурсниками на бутылку довоенного французского коньяка, что без проблем пустит девицу по кругу, и следующим

же вечером развил бурную деятельность. Подговорил мальков: дескать, пора девушку Нэт проучить, хором ей вдуть, чтобы не зазнавалась. Накупил портвейна, зазвал шмар, толкущихся по вечерам у выхода из метро «Лесная» и на всё согласных, объяснил свой план и на некоторое время удалился. По плану один из мальков, соседей Наоми по этажу, должен был «давить на жалость», изображая страдающего именинника, который остался в свой самый торжественный день без девушки и теперь приятели его засмеют. Наоми могла бы отказать, как обычно, но не захотела, видимо, портить отношения с соседями, благо парень ни на что серьезное не претендовал и просил только посидеть. Девушка заглянула к соседу, убедилась, что всё чинно-мирно: мальчики-девочки, вино-закуска, никто ни жрет в три горла, матом не ругается — и зашла. Ей радостно выделили стул, наплескали в фужер портвейна, завязалась беседа. Казалось, Наоми расслабилась, даже щеки ее порозовели, и тут в комнату врывается Рашпиль. «Шмары нах», — говорит. И шмары, как одна, встают и, похихикивая, выходят. Рашпиль закрывает дверь на ключ и шагает к Наоми. И мальки тоже подобрались, перемигиваются похабно, готовятся. Но Наоми не испугалась. Или, по крайней мере, не показала, что боится. Не запричитала, не заметалась. Отставила фужер и с ленцой так говорит: «Мальчики, вам ничего не светит!» Рашпиль оскалился и хотел уже в пузо ей кулаком пробить, чтобы поняла, на каком свете живет. Наоми опередила его. Встала и как гаркнет: «Русише швайне! Шайзе! Ихь райсе дир ди айер аб!» Рашпиль аж отшатнулся. «Ты чё? — говорит. — Немка?» — «Ихь бин ин Берлин геборен, — отвечает Наоми. — На клар? Заз ду михь гуд ферштеен, стинкенд бок?!» Рашпиль посерел — так очевидцы и рассказывали: посерел. Плечи его опустились, и сам он сделался какой-то скособоченный. А потом вдруг схватился за голову, зарычал, замычал, выбил ударом ноги запертую дверь и убежал. Мальки сидели, притихшие

и потрясенные, смотрели на Наоми круглыми глазами и не знали, что сказать. Девушка Нэт смерила их презрительным взглядом, сказала: «Спасибо за компанию» — и с достоинством вышла.

Рашпиль после этого инцидента запропал — наверное, переселился в другой корпус, — а Наоми стали обходить далекой стороной, словно зону поражения.

Мэл же, вопреки общему настроению, узнав подробности инцидента, начал к Наоми приглядываться. Немка! Надо же! Из Берлина! В Ленинграде почти совсем не было германских немцев. После войны Германия прекратила свое существование, уцелевшие немцы разъехались по миру, но в Союз их за редчайшим исключением не пускали, да, говорят, и не стремились они особенно. А тут выясняется, что одна из сокурсниц — стопроцентная немка! Скворешникову хотелось узнать, кто они, эти немцы, развязавшие три мировые войны, что ими движет, что они представляют собой сегодня, когда планы на мировое господство похоронены навсегда под радиоактивными руинами. Любопытство снедало Мэла, но он никак не мог найти повода заговорить с Наоми — резонно опасался, что нарвется на очередное «нет».

Случай представился сам собой. Сдавали сессию, и Наоми неожиданно завалила высшую математику. Мальки расходились, помахивая зачетками и весело переговариваясь, а девушка стояла в коридоре у окна, понурившись и обхватив плечи руками. Скворешникову показалось даже, что она плачет, но ее совсем некому было утешить. Он приблизился, встал рядом и сказал, что ее двойка — это случайность, со всяким может произойти, дата пересдачи назначена, и со второго раза у нее обязательно получится. Он еще что-то лепетал в том же духе, но тут заметил, что Наоми смотрит на него и улыбается. Мэл растерялся, увидев, что девушка совсем не расстроена, понес уже сущую околесицу и неожиданно для самого себя пригласил ее наблюдать лунное затмение, кото-

рое должно было состояться прямо-таки ближайшей ночью. Покрытие — почти девяносто процентов! Если опять облаками не затянет, будет что-то невероятное!

«Ты ведь Мэл? — спросила Наоми. — Мэл Скворешников из Калуги?»

Молодой человек поперхнулся, заткнулся и кивнул.

«Очень приятно познакомиться, Мэл. Я пойду на затмение. Где и когда встречаемся?»

И Скворешников назначил первое в своей жизни свидание.

Всё получилось просто замечательно. Наблюдать затмение они пошли в парк Лесотехнической академии и долго бродили по утоптанным курсантами дорожкам, не обращая внимания на кусачий мороз и темень. Разговаривали обо всём на свете: о Ленинграде, о преподавателях Политеха, о том, какие предметы кажутся особенно трудными, а какие — полегче. Мэл немного рассказал о Калуге, но тактично не стал спрашивать о Берлине и выяснять, как Наоми оказалась в Союзе и как ей удалось поступить в институт на традиционно мужской факультет, будучи ко всему еще и германской немкой.

Сам собой разговор коснулся личных пристрастий и увлечений, и Скворешников, несколько робея, признался, что приглашение на лунное затмение неслучайно, что он в молодости мечтал построить летающий батискаф для путешествий в космос, но быстро убедился, насколько его фантазии противоречат законам физики. Наоми как-то странно посмотрела на него, но тему не отвергла, попросив объяснить, в чем он видит трудности: «Мы же будущие инженеры, в конце концов. Давай разберемся». Мэл повторил ей аргументы о смертельном влиянии космических лучей, о радиационных поясах, добавив к ним новые соображения, основывающиеся на багаже знаний, полученных в десятилетке: батискаф всплывает с глубины, потому что его «поплавок» легче воды, но не взлетает дальше, потому что он тяжелее воздуха, точно так же летающий батискаф остановится на той границе атмосферы, на ко-

торой горячий воздух, содержащийся в «поплавке», окажется тяжелее окружающего, а в космосе — вообще вакуум, легче которого нет ничего в природе. Поэтому разговоры о межпланетных полетах представляют чисто абстрактный интерес, человечеству суждено изучать небесные тела на расстоянии, как сегодня они изучали Луну.

«А ты не думал о силе отдачи?» — спросила Наоми.

Скворешников вскинулся. В памяти что-то зашевелилось. У Жюля Верна в романе «Вокруг Луны» описывался момент, когда отважные межпланетные путешественники используют силу отдачи пороховых ракет-фейерверков для замедления движения снаряда: сначала они хотят таким образом притормозить свое падение на Луну, но в результате приостановили падение на Землю. Можно ли с помощью фейерверков летать в космосе? Ведь они выгорают очень быстро и взлетают невысоко. Военные сигнальные и осветительные ракеты дают, правда, лучший результат, но и они не способны поднять в воздух хоть что-то кроме себя.

Пока Мэл мучительно соображал, пытаясь ухватить ускользающую мысль, Наоми пустилась в объяснения: «Ты ведь пловец? И знаешь ведь, что бывает, когда спрыгнешь с лодки в воду? Лодка сама собой отплывет в противоположную сторону. Это сила отдачи. Представь, что твой батискаф вышел на границу космоса и остановился. Тогда ты сбрасываешь, а лучше выстреливаешь тяжелый груз, и силой отдачи тебя выносит в пространство».

Гениально! В голове Мэла мгновенно сложился новый проект. Летающий батискаф — это, конечно, ерунда. А вот если сделать пушку в пушке! Гигантская пушка выстреливает в небо снаряд, который сам является пушкой. Снаряд летит по баллистической траектории, на пике этой траектории в задней части открывается жерло, и снаряд-пушка выстреливает еще один снаряд, сила отдачи придает дополнительное ускорение, и вот он — космос! Ведь так можно обойти проблемы с боковы-

ми зарядными каналами, о которые обломали зубы инженеры германской армии. В них больше нет нужды! Космический снаряд будет разгонять сам себя, причем на большой высоте, где атмосфера разрежена и меньше сопротивление, выстрел окажется намного эффективнее. Мы увидим, как выглядит обратная сторона Луны!

А если подумать чуть дальше... Чуть дальше... Можно ведь делать связки из снарядов-пушек. Допустим, один снаряд-пушка выводит в космос другой и отваливается. Второй снаряд-пушка летит к Луне и выстреливает третий, который падает уже на лунную поверхность. А если и этот третий сделать пушкой, то можно будет обеспечить выстрел с Луны и возвращение четвертого снаряда на Землю!

От полета фантазии закружилась голова. В порыве чувств Мэл подхватил Наоми, закружил, смеясь, и поцеловал в холодные от мороза губы. С минуту они стояли, обнявшись под звездным небом. Затем Наоми отстранилась с твердостью: «Ты слишком торопишься, Мэл. Тут всё следует тщательно обдумать».

Последние слова прозвучали двусмысленно, но Скворешников не придал этому значения.

С тех пор Нэт и Маркса часто видели вместе. После занятий они гуляли по городу, по Невскому, Дворцовой и площади Мира, ездили в Петергоф посмотреть на замерзшие фонтаны, в Репино — прогуляться по льду Финского залива, в Рощино — прикоснуться к твердой коре вековых лиственниц, в Пулково — побродить между зданий знаменитой обсерватории. К апрелю Мэлу уже казалось, что он всю жизнь знаком с Наоми, а прозвище Нэт прочно забылось.

Они периодически обсуждали проект Мэла, в подробности которого он почти сразу посвятил Наоми. Девушка высказалась одобрительно, но указала, что нужны подробные расчеты. Он хотел спросить, не слышала ли она что-нибудь о немецкой пушке, но остановился: кто знает, как она себя

поведет, если напомнить ей о Германии. Сама она о своем прошлом молчала, ни словом не упомянув, что родилась в Берлине.

Они, бывало, целовались — жарко, длинно и как любовники, но дальше дело почему-то не заходило. Когда Мэл, теряя голову от страсти, начинал наседать, Наоми каждый раз говорила, что она не против развития отношений, но хочет не так, не в общаге, где все про всех знают и судачат, а по-другому. Скворешников начал уже задумываться о том, что, наверное, выбрал неправильную линию поведения и не нравится на самом деле Наоми, а встречается она с ним чисто по инерции и чтобы было с кем гулять по городу и в кино на вечерние сеансы ходить.

Но вот однажды, под вечер в пятницу, Наоми пришла в комнату, которую Мэл делил с Ивом Молчановым, продемонстрировала большой ключ и сказала: «Собирайся! Едем в Выборг!» Скворешников всё сразу понял, сердце его затрепетало от ощущения близкого блаженного счастья. Он наспех собрался, побросав в рюкзак необходимые в походе вещи. А надел зачем-то казенную форму, начистил ботинки. Наоми ждала у корпуса, облаченная в армейскую куртку, штаны и сапоги. Она скептически осмотрела Скворешникова, но ничего не сказала. Вместе они спустились в метро.

До Выборга добрались без проблем, но там выяснилось, что придется еще километров пять идти по сопкам через лес. Снег за городом не стаял, громоздился белыми айсбергами под елками. На лесной тропинке, по которой Наоми вела Скворешникова, попадались глубокие лужи. Мэл быстро промочил ботинки, вымазался в грязи и старой хвое, оценив при сравнении все выгоды армейского комплекта одежды, в котором щеголяла Наоми, — но не роптал, потому что впереди ждала награда.

Наконец показался старый деревянный дом — настоящая усадьба вроде тех, которые до сих пор ставили себе на берегах Оки зажиточные калужские обыватели. Дом не произво-

дил впечатления жилого, зарос со всех сторон подступившим подлеском, но висячий замок легко открылся ключом Наоми, а внутри оказалось чисто и уютно.

Казалось, девушка была здесь не в первый раз. С веранды она сразу свернула в кладовку, откуда принесла свечи, зажгла их и провела стучащего зубами Мэла в светлицу. Выяснилось, что в доме складирован полноценный запас дров, что воодушевило Скворешникова — уж с печью-то он легко справится. И он действительно справился, и вскоре в воздухе поплыл теплый дымок, остро запахло смолой. Можно было перевести дух, снять с себя куртку, сбросить ботинки.

Наоми хлопотала у накрытого клеенкой стола, достала из своей сумки хлеб, колбасу, пузатую бутылку темного стекла. Скворешников не мог больше ждать — он подошел и обнял ее со спины, положил ладони на груди. Получилось немного грубовато, но он услышал, как Наоми прерывисто задышала, и почувствовал, как часто бьется ее сердце.

«Сейчас, сейчас, — прошептала она, в ее голосе вдруг прорезался легкий акцент, — еще чуть-чуть, мой милый».

Наоми выскользнула из его объятий и по скрипучей половице с горящей свечой в руке направилась в соседнюю комнату. Там обнаружилась огромная, застеленная ватным одеялом кровать. Наоми поставила свечку на тумбочку рядом с кроватью и начала раздеваться: куртка, брюки, свитер, белье — всё полетело на пол. Через минуту она стояла перед Мэлом совершенно обнаженная. Светящаяся кожа, маленькие груди с торчащими сосками, тонкая талия, идеальный изгиб бедер, маленькие ступни, аккуратный треугольник волос на лобке. Наоми была прекрасна.

Скворешников шагнул к ней, прямо на ходу пытаясь расстегнуть штаны, но запутался в пуговицах. Наоми потянулась и помогла ему. Ее рука нежно скользнула ему в трусы, обхватила напряженный пенис. Задыхаясь от желания, Мэл испугался, что всё может прямо сейчас закончиться конфузом. Но

девушка убрала руку и довела раздевание до конца. Со стоном они упали на кровать. Наоми обхватила Мэла ногами, направляя, и он резко вошел в нее, содрогаясь от скопившегося вожделения, и почти сразу кончил.

Скворешников тоскливо ожидал, что Наоми расстроится или рассердится, но вместо этого она начала яростно целовать его, ласкать ему спину, и вскоре он почувствовал, что снова готов к бою. И на этот раз всё получилось замечательно.

Потом они встали и, смеясь заливисто, словно дети, перебрасываясь шуточками, перешли к столу. Мэл открыл бутылку, в которой оказалась терпкая настойка, разлил по стаканам, они чокнулись, выпили, перемигнулись и быстро вернулись на кровать.

Они любили друг друга до утра, и, казалось, никогда не насытятся. Они познавали друг друга, исследуя свободные от одежды тела на ощупь, отмечая родинки и впадинки, запоминая и наслаждаясь этим запоминанием. Они меняли позы, осваивая древнейший интимный опыт человечества и радуясь, когда удавалось достигнуть еще большего удовольствия. Мэл целовал Наоми, ласкал языком грудь и живот, спускаясь ниже, к бедрам, впитывая запах женского тела и поражаясь собственной смелости. И Наоми не стала откладывать предложенную игру, изогнулась кошкой, взяла опавший пенис губами, вызвав в молодом человеке сначала сладчайшую истому, а затем — новую волну желания.

Всё же усталость взяла свое, и они уснули, обнявшись, под уютное умиротворяющее потрескивание горящих дров в печи.

Выходные дни под Выборгом пролетели незаметно. Приходилось, конечно, и хлопотать по дому, носить и греть воду, стирать и сушить постельное белье — Мэл еще с усмешкой подумал, что они впервые ведут совместное хозяйство с Наоми, как всамделишная семья. Но основное время занимала любовь.

В эти и последующие дни Скворешников совсем не думал о полетах в космос и о проекте пушки-снаряда, а «левую» калужскую тетрадку, в которую по привычке записывал свои фантастические идеи, а теперь и расчеты, забросил далеко на полку к старым конспектам. Его магнитом тянуло к Наоми, он больше не мог терпеть разлук, ему хотелось видеть ее постоянно, касаться ее рук и волос, слышать ее голос, узнавать ее мнение по поводу любых мелочей. Можно сказать, он потерял голову.

К идее космического полета он вернулся в мае, когда Наоми придумала познакомить его со своей компанией. Оказывается, у нее есть компания! И эти молодые ребята совсем не считали Наоми какой-то нелепой или чуждой. Наоборот, они всегда были рады ее видеть одну или в сопровождении кавалера.

Собиралась компания по четвергам в пристройке студенческого клуба. Читали стихи, пели песни под гитару, обменивались записями аккордов, редкими книгами и пластинками. В основном туда ходили представители элиты Политеха — слушатели факультета атомной энергетики и промышленности. Они знали себе цену, держались с новенькими подчеркнуто сдержанно и поначалу показались Мэлу хлыщами и пижонами. Но потом он присмотрелся — ведь с ними общалась Наоми, а ему теперь было интересно всё, что интересно ей, — и убедился, что на самом деле атомщики — вполне свойские парни, просто более начитанные и знающие.

Разумеется, обсуждались и планы на будущее. Атомщики очень гордились тем, что точно знают, где им предстоит работать после окончания вуза, и не скрывали этого. В Калище под Ленинградом уже пятнадцать лет работала атомная станция, снабжавшая город дешевой энергией, но столица продолжала расти, энергии ей требовалось всё больше, и правительство решило построить еще несколько блоков с

реакторами, для обслуживания которых и готовили новых специалистов.

Грандиозность замысла производила впечатление, и на этом фоне рассказы Мэла о том, как он когда-нибудь будет клепать барокамеры для реабилитации акванавтов выглядели бледно, а о своем проекте он упомянуть постеснялся. Инициативу проявила Наоми. При этом она в таких хвалебных тонах подала идею летающей пушки, что вогнала Скворешникова в краску.

Атомщики выслушали с известным скептицизмом, но тут же включились в обсуждение, засыпав Мэла вопросами. Тому пришлось признать, что проект находится на стадии проработки, но уже сейчас расчеты показывают: ствол первой наземной пушки будет очень велик — по приблизительной оценке, понадобится канал длиной больше километра, и всё это только для того, чтобы отправить в космос снаряд весом полтонны. Его сразу спросили: почему полтонны? Может, начать с килограмма? Он ответил, что это тоже прикидочное число, но ему представляется, что меньше чем в полтонны, при современном развитии технологий, летающую пушку не создать. Новый вопрос: можно ли сократить длину ствола? Ответ: можно, если разгонять снаряд не одним зарядом, а группой последовательно расположенных зарядов, находящихся в боковых каналах. Что мешает это сделать? Невозможно синхронизировать боковые заряды: они взрываются раньше или позже, чем пролетает снаряд.

Тут атомщики переглянулись и рассмеялись. Мэл воззрился на них с недоумением. Ему с небрежным видом сказали, что проблема синхронизации давно не проблема. Он потребовал разъяснений.

«Как устроен атомный фугас, знаешь? Не знаешь? Чему вас только в Калуге учили? Ну ладно, слушай. Чтобы уран или плутоний выделили содержащуюся в них энергию, надо запустить неуправляемую цепную реакцию распада. Для этого

требуется сжать делящиеся вещества в минимальном объеме. Как это сделать? Решение напрашивается само собой. Например, плутоний разделяют на блоки и помещают внутрь сегментированной сферы. Каждый из сегментов снабжен обычной взрывчаткой, при этом взрыв направлен внутрь, к центру. Важно добиться, чтобы все взрывы произошли одновременно. Если хоть один запоздает, критическая масса не будет достигнута и произойдет разрушение сферы без выделения атомной энергии. Для точнейшей синхронизации используются криотронные переключатели на сверхпроводимости. Время их срабатывания — сотые доли наносекунды. Для твоей пушки более чем достаточно».

Итак, Скворешников не обманулся в своей надежде найти в столице знающих людей, которые подсказали бы ему решение некоторых технических проблем проекта. И он снова загорелся. И еще — ему импонировало, что Наоми поддерживает идею и рассказывает о замыслах своего любовника с гордостью.

Скворешников достал «левую» тетрадку и снова засел за расчеты, а когда возникали трудности, прямо обращался к атомщикам из клуба «Четверг», которые разбирались в физике куда лучше него.

Казалось, всё складывается превосходно, но с какого-то момента Мэл начал замечать, что жизнь Наоми не ограничивается учебой, посиделками под гитару и любовью.

В середине мая Скворешникова и Молчанова, дежуривших в тот день по общежитию, подрядили помочь завхозу вывезти на свалку старые парты из чертежного класса. Управились за три часа, возвращались, сидя в открытом кузове институтского грузовика и подставляя разгоряченные лица скупому солнцу. Проезжали Обводный канал, и тут Ив вскинулся, крикнул: «Смотри, Наоми идет! Эй, Наоми, э-ге-ге!»

Мэл посмотрел и тут же пожалел об этом. По тротуару Лиговки действительно шла Наоми, но не одна, а под руку с

каким-то пожилым лысым мужиком в модном длиннополом плаще. На проезжающий мимо грузовик и машущего руками Молчанова она не обратила ни малейшего внимания, даже не повернула головы.

«С кем это она?» — спросил Ив, когда парочка скрылась из виду.

Мэл и сам хотел бы знать, с кем прогуливается Наоми по Ленинграду в его отсутствие. Он почувствовал укол ревности, которая сменилось беспокойством.

«Может, родственник? — бестактно продолжал гадать однокурсник. — Может, отец?»

Скворешников хотел бы поверить в эту гипотезу, однако хорошо помнил, как Наоми обмолвилась, что ее родители умерли несколько лет назад и теперь она сирота. Соврала? Зачем?!

Наоми появилась в общежитии поздно вечером, и к тому времени Мэл уже места себе не находил, слоняясь под подозрительным взглядом коменданта в холле первого этажа. Он бросился к ней, стремясь высказать всё, что успел насочинять, но остановился, и слова, в один момент потерявшие смысл, вылетели из головы. Наоми была совершенно спокойна и даже приподняла бровь, удивившись внезапному явлению Скворешникова. Но, наверное, его вид был красноречивее других слов — она приобняла его и повела к лестнице: «Что случилось, милый мой?» Скворешников понял, что на самом деле ему нечего сказать ей. Где ты была? С кем ты была? Что это за лысый мужик в щегольском плаще? А какие у тебя есть основания задавать подобные вопросы? Нигде не записано, что вы принадлежите друг другу безраздельно: Наоми вольна встречаться с другими людьми, а не только с тобой...

Девушка словно прочитала его мысли. «Если ты думаешь, милый мой, что я с кем-то встречаюсь, — сказала она серьезно, — то забудь эту идею. Я не могу любить двоих». Скворешников возликовал. Простых слов Наоми ему оказалось достаточно,

чтобы отбросить малейшие подозрения. И в самом деле — что с ним такое случилось? Откуда эта дикая ревность? Словно и не в 21 веке живем! И не в Советском Союзе! Что за частнособственническое отношение к женщине?

И Мэл совсем было успокоился до тех пор, пока не увидел лысого щеголя во второй раз. Это случилось, когда студенты говорливой стайкой привычно переходили из одного учебного корпуса в другой. Лысый в небрежной позе стоял на аллее Политехнического парка и курил длинную сигаретку с мундштуком. Вроде бы он не обращал внимания на проходящих мимо студентов, но Скворешников заметил, что глаза щеголя так и зыркают из стороны в сторону, словно тот высматривает кого-то в толпе. Неужели Наоми? — подумал с замиранием Мэл.

Скворешников вместе со всеми зашел в химический корпус, но лекцию проигнорировал, пристроившись у окна с видом на аллею. Лысый докурил свою сигаретку, бросил окурок на газон, извлек из пачки следующую. Мрачные предчувствия не обманули — в дальнем конце аллеи появилась Наоми, и щеголь быстро зашагал к ней навстречу. Мэл наблюдал, с трудом сдерживая волнение. Ему померещилось, что Наоми хочет обойти лысого, но тот уверенно преградил ей дорогу, и они заговорили, щеголь при этом активно жестикулировал, отмахивая правой рукой. Наоми слушала лысого, очень долго слушала, потом кивнула, и вместе они направились к выходу с территории парка. У Скворешникова возникло острое желание их догнать и поговорить с лысым по душам, но это было плохой идеей. Ведь Наоми определенно сказала, что в ее жизни может быть только один любовник, и это он — студент первого курса Мэл Скворешников из Калуги. У него есть хоть какие-то основания не доверять ей?

И всё же Мэл страдал от неопределенности. Ему хотелось спросить о лысом у самой Наоми, пусть объяснится, что за таинственный незнакомец с ней встречается, но он не мог спросить и окончательно запутался в своих чувствах.

А через три дня произошло очень странное событие. Они гуляли с Наоми по историческому центру и на «Лесную» возвращались через «Гостиный двор». Спускались вниз, и тут девушка внезапно напряглась, на ее лице отразились последовательно удивление, растерянность, страх, глаза расширились. Мэл проследил направление взгляда и увидел толстяка в неопрятной одежде, поднимавшегося по соседнему эскалатору. Толстяк сосредоточенно смотрел себе под ноги и не выглядел опасным или ужасным. Наоми, правда, сразу отвернулась, однако изобразить равнодушие у нее никак не получалось. Мэл спросил, что ее напугало. Но девушка вместо ответа вдруг сорвалась, побежала на платформу и впрыгнула в поезд — Мэл едва поспевал за ней. В вагоне он снова попытался выяснить, что случилось, а Наоми только мотала головой. Потом вдруг произнесла отчетливо: «Дурак. Какой всё-таки дурак нетерпеливый». Мэл хотел обидеться, но Наоми порывисто обняла его и поцеловала: «Это не о тебе, мой милый. Я тебя люблю». Скворешников понадеялся, что Наоми пришла в себя, однако на «Лесной» убедился, что поспешил с выводами. Девушка сразу побежала по эскалатору, потом к общежитию, ворвалась к себе в комнату и принялась лихорадочно собирать вещи. Мэл, нагнавший ее, встал, прислонившись плечом к косяку, и потребовал объяснений.

«Мне нужно уехать, — сказала Наоми. — Немедленно. Один дурак всё испортил, понимаешь? Надо уехать».

Скворешников заявил, что не понимает. И спросил, когда она вернется.

Наоми остановилась, шагнула к нему, коснулась щеки Мэла ладонью.

«Я не знаю, милый мой. Не знаю. Возможно, мы никогда больше не увидимся».

Нервы у Скворешникова сдали, он схватил Наоми за плечи, затряс, закричал. Девушка вырвалась и села на койку.

«Заткнись! — гаркнула она, резко переменив тон, и Мэл притих. — Пойми, я тебе не пара. Ты что, думал, мы вместе навсегда? Так вот, забудь об этом. У меня своя жизнь, у тебя своя... Кроме того, я старше тебя, Мэл. Намного старше. Я тебе в матери гожусь!»

Скворешников отшатнулся. Вот теперь она точно врала! Такое не могло быть правдой!

«Уходи, — сказала Наоми, глядя в сторону. — Уходи, ты мне мешаешь».

И Мэл ушел. Позднее он тысячу раз проклинал себя за то, что ушел тогда, так и не добившись правды. Но зрелище отдаляющейся Наоми было невыносимым. Он вернулся через полчаса, дверь в ее комнату была уже закрыта, а в щели торчала записка. На листочке, вырванном из блокнота, Наоми написала только одно слово: «Прости».

На следующий день студгородок гудел. Оказывается, ночью какой-то психопат, обвязавшись взрывчаткой, попытался взорвать монумент на Восстания. Его остановил заподозривший неладное милицейский патруль, в результате — памятник героям не пострадал, взорвался сам психопат, а двух милиционеров посекло осколками. Мэл почти пропустил новость мимо ушей, хотя Ив сообщил ее, снабдив десятком версий по поводу того, кому это могло понадобиться и зачем.

«Ты подумай, — говорил он, вышагивая по комнате, — это ведь наверняка наши враги. Они никак смириться не могут, что мы победили, что Европа наша. Если могли б, то не взрывчатку в Ленинград привезли бы — атомный фугас! Но теперь-то это не так просто сделать, как перед войной. Вот хорошо будет, если найдут подонков. Вряд ли этот псих один действовал. Их повесить бы надо прямо на Дворцовой. Чтоб неповадно другим!»

Мэл не слушал его, он лежал на койке, вспоминая Наоми, запах ее волос, ее кожи. Вспоминал прогулки и их первую ночь. Было тяжко, хотелось выть и одновременно плакать от

бессилия, но он продолжал накручивать себя воспоминаниями. Ее волосы. Ее кожа. Ее голос... Они смотрели на то, как тень Земли покрывает Луну, и говорили-говорили-говорили...

Потом Мэл вспомнил о «левой» тетрадке. И его осенило. На глазах изумленного приятеля Скворешников вскочил, выкопал тетрадку из груды учебников, нашел чистую страницу и сделал новую запись: «Взрыв. Мощности взрыва всегда не хватает, чтобы разогнать пушку-снаряд на пике траектории. Чем больше мощность взрыва, тем больше вес снаряда, тем длиннее наземная пушка. А если сделать заряд атомным? А за пушкой-снарядом установить отражающий щит из сверхпрочного сплава? Обязательно узнать в клубе, сколько весит самый маленький атомный фугас. Сегодня же узнать!»

4. Мера писуна

Мы все переживаем череду бессчетных превращений: на анатомическом, физиологическом и, главное, психологическом уровнях. Мальчик превращается в мужчину, девочка — в женщину. И эти четыре человека совсем не походят друг на друга. Обычно процесс превращений слабо заметен, растягиваясь у большинства на годы, а у некоторых — на десятилетия, но изредка метаморфоза происходит скачком, словно в человека попадает молния, и после ее сокрушительного удара он обнаруживает себя висящим в безвоздушном пространстве, без опор и поддержки, с оборванными связями, которые надо восстанавливать заново, чтобы как-то жить дальше, но делать это страшно и очень больно.

Молния судьбы ударила Мэла Скворешникова почти сразу после исчезновения Наоми, поменяв в одночасье не только его самого, но и всю его жизнь.

Троих атомщиков из клуба «Четверг» арестовали прямо на лекции. Вошел некто штатский в сопровождении целого отряда милиционеров, предъявил ордер и приказал: «На выход!»

Студенты первого курса еще не успели обсудить событие в курилке, как их начали вызывать по одному в деканат. Среди первых вызванных оказался и Мэл Скворешников. В просторном кабинете замдекана факультета тяжелого и среднего машиностроения его дожидался человек, которого Мэл меньше всего рассчитывал здесь увидеть.

«Здравствуй, товарищ Скворешников, — поприветствовал лысый щеголь, вставая из-за стола и протягивая руку. — Как твои дела? Как учеба? Нормально? Очень рад. Значит, достойная смена подрастает. А меня зовут Павел Григорьевич. Ты присаживайся, товарищ Скворешников, в ногах-то, как говорится, правды нет. А нам предстоит долгий разговор. Слышал ты уже, что ваших друзей с атомного факультета сегодня арестовали? Сам генеральный прокурор ордер выписывал, да! Нешуточное дело. Как думаешь, с чем связано? Не знаешь? А надо бы знать, товарищ Скворешников! Ты клубные посиделки по четвергам посещал?»

Мэл почувствовал, как у него разом пересохло во рту. Мало того, что этот щеголь, хорошо знакомый с Наоми, этот... Павел Григорьевич оказался, судя по всему, представителем власти, он еще и в курсе, что Скворешников близко знает арестованных студентов. А что если он знает, какие темы на «посиделках» обсуждались? Хотя Мэл и не понимал пока, за что повязали атомщиков, он уже догадывался, что вся эта возня неспроста, и, честно говоря, испугался. Но решил держаться твердо, не выдавая своего ужаса перед ситуацией.

«Признаешь? — Павел Григорьевич покивал дружелюбно, лысина его блестела. — Посещал. А о чем вы там говорили?»

Мэл перевел дух. Кажется, не всё так страшно. Старательно избегая пристального и словно неживого взгляда Павла Григорьевича, Мэл сообщил, что никаких особенных разговоров на «посиделках» в клубе «Четверг» не велось. Обсуждали литературные новинки, читали стихи, обменивались пластинками.

«Вот как? — Павел Григорьевич улыбнулся. — А о специальности своей твои друзья разве не рассказывали? Об атомных фугасах? О реакторе-размножителе в Калище?»

Мэл не мог припомнить, чтобы атомщики хоть раз рассказывали о реакторе в Калище. Да и словосочетания «реактор-размножитель» Скворешников до сего момента ни разу не слыхал. Врать на этот раз почти не пришлось, потому признание получилось легче.

Улыбка на лице лысого щеголя застыла. Он достал из кармана пачку турецких сигарет, вставил одну в мундштук, закурил.

«Мне кажется, товарищ Скворешников, — сказал он скучным голосом, — что ты почему-то считаешь меня своим врагом, да. А почему? За что? Ведь мы только познакомились. Может, ты считаешь, что я арестовал твоих друзей? Так нет, я их не арестовывал. Наоборот, я здесь по заданию Партии, и моей целью является выяснить, чем можно помочь твоим друзьям. Ведь они все комсомольцы, отличники учебы, всегда были на хорошем счету. А прокуратура им шьет чуть ли антисоветский заговор».

Глагол «шить», употребленный в этом контексте, был из лексикона калужского уголовника Жоры, что покоробило Мэла. Но делать нечего, и он промямлил в ответ, что рад бы помочь, но не может ничего добавить к уже сказанному.

Павел Григорьевич выслушал, пуская дым в потолок, затем подался вперед и произнес почти зловеще: «Ты, товарищ Скворешников, очевидно, не осознал всю серьезность ситуации. Речь ведь идет не о будущем твоих друзей из клуба, а о твоем собственном будущем. От твоих ответов на мои вопросы многое зависит. Может повернуться и так, и этак. Кто тебя познакомил с атомщиками?»

Он же под Наоми копает, пронеслось в голове Мэла. Черт возьми, а ведь точно! Она скрылась. Потом взрыв у монумента. Теперь — атомщики. Неужели это всё звенья одной цепи? Наоми, любимая, во что ты впуталась?..

Однако Наоми не стояла рядом, чтобы объяснить. Да и не захотела бы она, наверное, объясняться. Ведь была масса возможностей и подходящих моментов. Но она даже не намекнула, не попыталась как-то подготовить Мэла к грядущим проблемам. Не это ли означало ее «прости»?..

Впрочем, Скворешникову удалось быстро справиться с собой и подавить обиду. О своей связи с Наоми он лысому щеголю докладывать не собирался. Пусть хоть в тюрьму сажает, урод такой!

«Сам познакомился, значит? — Павел Григорьевич покачал головой. — Тогда возникает новый вопрос: зачем познакомился? У тебя разве друзей на факультете мало? Знаю, что немало. У меня тут есть кое-какие сведения о тебе. — Павел Григорьевич достал тонкую папку, развязал тесемки, разложил на столе какие-то листки, исписанные убористым почерком. — Коммуникабелен... Поддерживает ровные дружеские отношения... Помогает в учебе отстающим... Широкий круг интересов... Это всё о тебе, товарищ Скворешников. Зачем тебе атомщики? Как их деятельность входит в круг твоих интересов?»

Мэл упорно стоял на своем: литература, стихи, пластинки.

«О-хо-хо, да. — Павел Григорьевич затушил сигарету. — Не хочешь по-хорошему? Что ж, будем по-плохому. Что это такое?» — И он выложил на стол «левую» тетрадку в черной обложке.

Мэла словно ожгло. Уж насколько он был миролюбив и бесконфликтен, но этот лысый щеголь явно перегнул палку. Кто вообще позволил рыться в личных вещах? Тоже генеральный прокурор?

«Думаешь, это имеет значение, да? — удивился или искусно изобразил удивление Павел Григорьевич. — Уверяю тебя, после того, что мы нашли в этой тетради, уже не имеет. Ты очень хорошо соображаешь, товарищ Скворешников. Ты очень умен и наблюдателен. Но ты слишком далеко зашел, чтобы оставить это без последствий. Пушка. Пушка для

полета в космос и на Луну. Криотронные переключатели и атомные фугасы. Для этого тебе были нужны атомщики? Говори!»

Мэл молчал. Ему нечего было сказать — щеголь видел его насквозь. Но что страшного в любительском проекте, который еще очень далек от реализации?

Не дождавшись ответной реплики, Павел Григорьевич вновь поменял интонацию: «Всё-таки, я думаю, ты не слишком умен, да. Иначе не разбрасывал бы где ни попадя подобный компромат».

Мэл уже догадывался, что появится на столе вслед за папкой и «левой» тетрадкой. И действительно — лысый щеголь выложил фотографию Гагарова.

«Кто это? Или ты не знаешь?»

Скворешников неохотно ответил, что это Юрий Гагаров — подводник-рекордсмен, обошедший вокруг земного шара.

«Совершенно верно, — подтвердил Павел Григорьевич. — Только почему Юрий Гагаров? Он всегда был Герман. Герман Гагаров, да. Эксперимент ВС-80. Ты тогда еще не родился, товарищ Скворешников. И Гагарова знать не мог. И уж тем более не мог брать у него автограф на долгую память. Но и сегодня знать о ВС-80 не всем положено. И уж совсем не положено таким безответственным студентам, как ты. Значит, кто-то тебе эту фотокарточку передал. Подозреваю, что тот же самый человек тебя и с лунной пушкой надоумил. А кто? Назовешь?»

Мэл сидел, съежившись на стуле. Если рассказать о Богданове, тому теперь не навредишь, но этот лысый урод слишком много о себе возомнил. К тому же не совсем понятно, к чему он клонит? Если хочет арестовать, то арестовал бы. Только вот оснований для ареста кот наплакал — ничего противозаконного в хранении старой фотографии и разработки лунной пушки нет. И быть не может!

«Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, да, — заявил Павел Григорьевич и достал новую сигарету. — Думаешь, запугивает

старый вонючий козел? А предъявить ему нечего. Но на самом деле я знаю о тебе всё, товарищ Скворешников. Ну или почти всё. И знаю я, кто тебе эту фотокарточку подарил. Богданов, ведь так? Вижу, что помнишь Богданова. Но что ты можешь сказать о нем? Неужто старик не выдержал и раскололся мальчишке? Верится с трудом. Но всё возможно. Взглянем-ка на многотрудный путь нашего ветерана. — На столе появилась папка потолще. — Итак, Богданов. Родился, учился... Ого!.. Да, интересно... Небесная механика и астронавигация... Группа Гречко, это понятно... Принимал участие в проекте "Факел"... Почему уцелел?.. Не должен... Ага! Был на ИКИ, теплоход "Сибирь", потому и уцелел... А дальше?.. Плен... Япония... Штаты... Два года?.. Это срок!.. Дальнейшее предсказуемо... Фильтрационный лагерь... Реабилитация... Работа в архиве... Да, здесь он попался в первый раз. Статья за антисоветскую агитацию. Пять лет... Условно-досрочное за примерное поведение... И снова архив. Доброе у нас всё-таки государство... И ведь не исправился! Второй срок. Рецидивист. Теперь уже по полной... Ага... Больше не выступал... Учетчик в совхозе... Пенсия... Вот видишь, товарищ Скворешников, Богданов у нас — человек известный. И биографию его восстановить не представляет ни малейшего труда. А на основании этой биографии можно сделать выводы о том, что он тебе рассказывал. Проект "Факел" — это серьезно, товарищ Скворешников, очень серьезно. Это такой уровень секретности, до которого далеко не всех руководителей Партии и правительства допускают. А тут — студент, первокурсник. С Богданова-то уже не спросишь, но утечку нужно устранить. Это наш долг. Это мой долг. Понимаешь, о чем я говорю, товарищ Скворешников? Долг. Никто тебя до суда и следствия доводить не будет. Носитель информации по "Факелу", не имеющий допуска к этой информации, находится вне закона. Я могу тебя убить прямо в этом кабинете. И никто мне слова бранного не скажет. Что ты защищаешь, товарищ Скворешников? Стоит ли то, что ты защищаешь, твоей жизни?»

Всё-таки лысый урод достучался до замкнувшегося Мэла. Тот впервые столкнулся с ситуацией, когда официальный представитель власти спокойно и в будничной обстановке угрожает ему немедленной смертью. Возможно, будь на месте Скворешникова более закаленный человек, типа бывшего уголовника Жоры, он сумел бы достойно ответить щеголю, но Мэл не обладал достаточным опытом и сдался. Сбивчиво и с извиняющимися интонациями он изложил Павлу Григорьевичу историю своего непродолжительного знакомства с Богдановым.

«Ну вот видишь, это несложно, да, — сказал Павел Григорьевич после того, как молодой человек закончил. — Какие могут быть сложности между друзьями? Мы ведь друзья, товарищ Скворешников. И делаем общее дело — строим лучшее общество. Разве ты не согласен? Вижу, что согласен... Мне вот только одно непонятно, товарищ Скворешников. Ну Богданов — старый хрыч, его было не переделать. Горбатого, как говорится, могила исправит, но вас-то, молодежь, куда несет? Вам же еще жить и жить. Откуда такое нетерпение? Небо им подавай. Космос. Будет у вас всё. Сдохнет дура лет через двадцать, не вечная же она, и снова всё завертится. А сегодня — это же риск. Серьезный и совершенно неоправданный риск. Вдруг снова война? Вдруг снова атомные удары? Вы об этом не думаете, потому что не помните ни черта. Да и с чего бы вам помнить? А я очень хорошо помню, что такое атомный гриб над городом. И что такое черная зима помню. И не хочу при своей жизни увидеть это еще раз. У меня две дочери, между прочим. Одной, как и тебе, семнадцать. Красавица. А второй — всего пять, малышка еще. И мне их оберегать нужно. Заботиться о том, чтобы выросли, чтобы мужей нормальных нашли, нормальными матерями стали. А тут вы со своими фугасами... Подождите, не рвите жилы. Есть и на планете масса интересных дел. Океан у вас есть. Да и голод

с болезнями не везде побеждены. Вот ты учишься делать барокамеры. И учись, и делай. Отличная профессия! Зачем тебе эта мертвая Луна сдалась?..»

И снова Мэл не нашелся, что ответить.

«Ладно, это всё лирика, да, — произнес Павел Григорьевич. — Главное, товарищ Скворешников, мы с тобой достигли сегодня взаимопонимания. Дело твое я придержу. И в то, что о “Факеле” ничего не знаешь, пока поверю. Но ты должен пообещать здесь и сейчас, что если к тебе завтра или в другой день подойдет некто и скажет о Куру, ты немедленно позвонишь мне вот по этому телефону. — Лысый щеголь перебросил Мэлу визитную карточку. — Обещаешь?»

Скворешников подавленно пообещал, но при этом попытался уточнить, что такое «куру».

«А вот это тебе знать совершенно не обязательно, — весело заверил Павел Григорьевич. — Позвонить не забудь. А иначе, — он потряс «левой» тетрадкой, — мне придется показать эти записи нашим особым специалистам. Они церемониться не станут, поверь. У них и генералы бывало плакали, как дети».

Мэл покинул кабинет замдекана совершенно опустошенным. Почти не повышая голоса, Павел Григорьевич заставил его рассказать то, что Скворешников хранил в себе много лет как самую главную тайну. А если бы лысый щеголь продолжил разговор и точно так же вытянул из него правду о Наоми? А если он всё и так знает? Ведь он мог бы допросить Ива Молчанова, а у того нет причин скрывать известное всей общаге.

Засосало под ложечкой, и Мэл почувствовал себя полным ничтожеством. А еще — он и впрямь осознал, что его игра в космического конструктора небезобидна, она может завести далеко, включая позорную смерть на эшафоте.

Но что делать в такой ситуации? Бежать? Куда? Кто ему поможет? Кто его поддержит? Кто заступится и даст убежище?

Мать в Калуге? Вряд ли. Он хорошо помнил, как ее напугало знакомство Мэла с Богдановым. А больше и нет никого...

Мелькнула мысль о самоубийстве. Да, это был бы выход — броситься с моста в Неву головой вниз и покончить разом со всеми проблемами. Но Мэл знал, что никогда не решится на такое: ему было интересно жить и совсем не хотелось умирать.

Значит, нужно жить. Значит, нужно жить и с этим. В конце концов, Павел Григорьевич обещал некое покровительство, а он — представитель власти и посвящен во многие тайны. Он знает больше и лучше. Он говорил, что торопиться и рвать жилы не надо. Значит, не будем торопиться. Значит, подождем. И всё наладится. Ведь налаживалось же раньше. И Наоми вернется. И они снова поедут в Выборг... А «левая» тетрадка... А что «левая» тетрадка? Жил он много лет без проекта летающей пушки — проживет и еще столько же. Всё равно никто его замысел не понимает, кроме Наоми и атомщиков из клуба «Четверг». Но их-то как раз и нет больше рядом. И вообще здесь путаница какая-то, а Мэл не понимает и половины из того, что говорится. Что такое проект «Факел»? Почему он такой секретный, что за него могут убить? Что такое «ики»? Что такое «куру»? Что связывает Наоми и Павла Григорьевича? За что на самом деле арестовали атомщиков? Слишком много вопросов и ни одного внятного ответа. А если информации столь мало, то любым телодвижением можно совершить непоправимую ошибку. Надо набраться терпения, надо подождать... И надо сотрудничать с Павлом Григорьевичем. Если правильно поставить себя, то когда-нибудь лысый щеголь расскажет ему то, о чем в свое время умолчал Богданов. Мэл пока не знал, как добиться этого, но был уверен, что придумает...

Мимо проскакала толстая белка. Скворешников очнулся от горестных размышлений и осмотрелся. Выяснилось, что аффект завел его в дальний уголок Политехнического парка.

Выглядело это глупо, нужно было возвращаться, он потоптался на тропинке и собрался уже идти, но тут заметил, что за кустами кто-то стоит.

Мэла затрясло по-настоящему. Неужели Павел Григорьевич установил за ним слежку, как это часто показывают в фильмах про шпионов? Неужели он теперь всегда будет под наблюдением?..

Стараясь не выдать своего волнения, Скворешников медленно пошел по тропинке, оставляя кусты за спиной. Но далеко уйти не успел. Его окликнули: «Эй, попутчик, тебе привет от Наоми».

Мэл замер и медленно, боясь спугнуть удачу, повернулся. Перед ним стоял офицер-дальневосточник по имени Вячеслав с примечательным шрамом на переносице.

5. Крутая развлекуха

Если ясно видишь цель, к ней нужно стремиться. Но при этом отдавать себе отчет, что полученный результат будет сильно отличаться от того, о чем грезилось в минуты возвышенных дум. Реальность способна опошлить самую высокую и светлую мечту, окунув ее в мелкий сор из упущенных возможностей и потухших чувств, что чревато тяжким разочарованием, убивающем не только людей, но и целые страны.

Впрочем, Мэлу Скворешникову не грозило познать разочарование — он был еще слишком молод для этого и не успел столкнуться с серьезными трудностями на пути к достижению поставленной цели. Наоборот, всё указывало на то, что он доберется до нее даже раньше, чем рассчитывал.

«Я не буду ходить вокруг да около, — заявил Вячеслав. — Нет времени на долгие разговоры. К тому же знаю все твои обстоятельства — Наоми рассказала. Сразу предлагаю выбор: либо ты остаешься здесь, под колпаком у гнид из охранки, либо отправляешься со мной на Куру».

Мэл вздрогнул. Куру? Он уже слышал это слово. Несколько минут назад слышал. От Павла Григорьевича! И что сказал ему

лысый щеголь? Он сказал, что если кто-нибудь в присутствии Скворешникова произнесет: «Куру», нужно немедленно позвонить по телефону, указанному на визитке.

Мэл снова запаниковал. Ведь ему казалось, что решение принято, а теперь невесть откуда взявшийся офицер, о существовании которого Скворешников успел позабыть, апеллируя к имени любимой девушки, говорит, что есть еще вариант. Но Куру? Что это вообще такое — Куру?

«Остров на экваторе. Французская Гвиана. Южная Америка. Колония до сих пор независима. И там строят космическую пушку».

Мир перевернулся. Скворешников онемел. Потом подумал, что Вячеслав его, наверное, разыгрывает. Но зачем? В чем выгода? Или это опять какая-то игра с целью еще больше запутать и запугать?..

«Решайся, — поторопил офицер. — Ты из тех, кто мечтает о космосе. Значит, там твое место».

Там твое место. Простые слова прозвучали сладчайшей музыкой из прошлого. Куру! Куру, узнай, твое место. Мэл вспомнил. Не в столицу Богданов направлял его перед своей смертью. На остров Куру! Неужели он знал? Неужели он осознанно подводил юношу к выбору правильного пути?

И перед тем как броситься в омут новых приключений, Мэл задал последний вопрос. Кто такой Богданов?

«О! — офицер коротко взглянул на небо. — Великий человек. Один из тех, кто сделал космос ближе».

Всё стало проще некуда. Есть Павел Григорьевич, который считает Богданова «хрычом», а мысли о полетах в космос — преждевременными. И есть офицер Вячеслав с Дальнего Востока, который считает Богданова «великим человеком» и приглашает принять участие в строительстве космической пушки. Что тут выбирать?

Получив согласие Мэла, Вячеслав быстро вполголоса описал ему дальнейший план действий. В общежитие возвра-

щаться нельзя. Охранители наверняка уже приставили своего человека, он будет следить и доложит, если Скворешников поведет себя непривычно. Вещи? Забудь про вещи. Твои записи и книги конфисковали во время обыска, а одежда и прочее — дело наживное. Метро пользоваться нельзя, только наземный общественный транспорт. Погуляй до шести часов по городу. Перекуси. Рассчитай прогулку так, чтобы сесть в Старой Деревне на заводской автобус до Сестрорецкого района. Вылезешь у пропускного пункта на дамбу. Рядом с постом не ошивайся, дождись меня на остановке. Расходимся.

Воодушевленный Мэл отправился в прогулку по городу. Ему было непривычно ощущать себя освобожденным человеком. Теперь не надо будет ходить на лекции, не надо будет готовиться к летней сессии, выполнять поручения комсорга и дежурить по общежитию. Мэл успел привыкнуть к размеренному течению жизни студента, и казалось странным, что завтра всё окончится, словно он в один момент умер, погиб, попав, к примеру, под колеса несущегося под откос грузовика. И невыносимо жаль было расставаться с Ленинградом, который за один год подарил Скворешникову впечатлений и переживаний больше, чем вся предшествующая жизнь в Калуге. Однако плюсов было больше, чем минусов. Впереди его ждала работа над космической пушкой — над орудием, которое он считал конструкцией отдаленного будущего. Впереди его ждала встреча с любимой девушкой, ведь неслучайно же Вячеслав упомянул ее имя. Значит, они знакомы. И получается, Наоми знала о космической пушке. Как она держалась! Знала, но ни словом, ни звуком не выдала тайну. И поддерживала его проект, полет его мысли. Какая она всё-таки молодец! И скажите мне, разве можно жалеть и цепляться за прошлое, если впереди — любовь и ослепительное будущее?!

Сгорая от нетерпения и опасаясь, что в последний момент всё сорвется, Скворешников добрался до Старой Деревни за

полчаса до отправления заводских автобусов, привозивших работяг из новостроек Сестрорецкого района на местные предприятия и увозивших их по расписанию обратно. Потом смешался с толпой в спецовках и доехал до пропускного пункта.

Ленинградская дамба, протянувшаяся через цепь фортов до Кронштадта, не только служила защите столицы от наводнений, которые после войны приобрели прямо-таки катастрофический характер, но и числилась военным объектом. По слухам, на фортах находился центр гидролокационного контроля, собирающий и обрабатывающий данные, поступающие от сети пассивных акустических станций, разбросанных по дну Финского залива и Балтийского моря. Говорили, что если над банкой Коппарстенарна чихнет тюлень, его тут же услышат в Кронштадте и занесут в каталог. Понятно, что подобное сооружение нуждалось в особой охране. Въезд и проход на дамбу осуществлялся только по пропускам и после многочисленных проверок. А на фортах дислоцировался дивизион противолодочной и противокорабельной обороны, вооруженный новейшими торпедами и находящийся в постоянной боевой готовности.

Зная всё это, Мэл был озадачен решением Вячеслава встретиться рядом с дамбой. Если они должны бежать из Ленинграда, то как это сделать через наиболее охраняемый и закрытый от посторонних район? Скворешников продолжал недоумевать и на остановке, а тут еще пошел мелкий противный дождь, Мэл вымок и начал замерзать. Энтузиазм его несколько увял, офицера-дальневосточника видно не было, и Скворешников начал опасаться, что план побега потерпел крах. Торчать на остановке больше получаса под пристальным наблюдением караула было опасно, и Мэл стал периодически отходить к расположенным поблизости домам, держась, правда, в пределах видимости.

Вячеслав появился внезапно, пройдя к огромному изумлению Мэла прямо через пункт.

«Приехал вовремя, — похвалил он. — Держи. Это твой разовый пропуск на дамбу. Не волнуйся. Старайся выглядеть естественно. Если вдруг спросят, ты мой стажер».

И они пошли. Скворешникову было крайне любопытно осмотреться на дамбе, но, следуя наказу Вячеслава, он головой не вертел и вопросов лишних не задавал. Стоявшие в карауле матросы пропустили их на закрытую территорию, после чего парочка беглецов очутилась в длинном туннеле с полом, покрытом плиткой и похожем на переход между станциями метро. Туннель был пуст, слабо освещен, с потолка кое-где капало. Мэл шепотом спросил у идущего рядом Вячеслава, как могло получиться, что они легко проникли на режимный объект.

«Обычное дело, — невозмутимо отозвался офицер-дальневосточник. — Я кадровый офицер советского флота, выполняющий секретное задание. Кроме того, охранка обожает многоходовые комбинации, и если знаешь схему, можно использовать ее слабые места в личных целях».

Впереди Скворешников увидел человека в длиннополом кожаном плаще и фуражке с белой тульей. Приблизившись к нему, Вячеслав отдал честь. Потом эти двое крепко обнялись.

«Вы готовы?» — спросил Вячеслав.

«Стоим под парами», — ответил кожаный.

«Тогда в путь».

Кожаный отшагнул, наклонился, и стало видно, что он стоял на крышке круглого люка. Вместе с Вячеславом они приподняли ее. Стали слышны плеск волн и журчание воды в стоках. Из темного отверстия остро пахнуло тиной. Первым туда спустился кожаный.

«Лезь, — приказал Вячеслав Скворешникову. — Там лестница».

Мэл сунулся и действительно нащупал ногой гнутый прут скоб-трапа, сначала встал на него, а потом начал спускаться, сразу оказавшись в кромешной тьме.

«Давай сюда, — подбадривал кожаный. — Осторожно. Ступеньки кончаются. Прыгай».

Мэл спрыгнул и обнаружил, что стоит на рифленой металлической поверхности. Кожаный подсвечивал фонариком. Совсем рядом высилась какая-то плохо различимая, но природным чутьем ощутимая громада. Рубка, понял Скворешников. Его догадку подтвердил кожаный: «Добро пожаловать на борт буки-сто-один. Подводная лодка проекта шестьсот одиннадцать. Наша мама», — добавил он ласково, словно и вправду говорил о старушке-матери, которая ждет сына домой.

Ступив на борт боевого подводного корабля, Мэл очутился в совершенно новом для него мире. Конечно же, в юности он много читал о подводниках, смотрел фильмы о них же в калужских кинотеатрах, но одно дело — читать и смотреть, другое — почувствовать на своей шкуре.

Прежде всего Скворешникова поразил совершенно невозможный запах — так, наверное, пахла бы старая квашеная капуста, если бы ее изрядно сдобрили машинным маслом. И если к запаху он быстро притерпелся, то как притерпеться к вечной тесноте? «Мама» хоть и относится к классу больших дизель-электрических лодок, на что указывает «буки» в ее обозначении, всё равно невероятно тесна изнутри. Лодку разделяли семь отсеков, но каждый из них был забит оборудованием, необходимым в походе. Куда бы ни направился Мэл, везде он видел пульты и консоли, массивные штурвалы, сотни шкал и лимбов; не обладая известной ловкостью, можно было изрядно ушибиться или, спасите наши души, задеть какой-нибудь важный прибор. Посему Скворешников перемещался по лодке осторожно и без спешки. Впрочем, особенно спешить ему было и некуда — переход через Атлантику занял больше месяца, и за это время пассажиры «мамы» успели изрядно заскучать.

Пассажиров, кстати, было четверо. Офицер Вячеслав, Мэл и еще двое бывших студентов: Митя из Сталинграда и Октя из Киева. Их поселили в носу лодки — в первом торпедном отсеке. Торпеды отсюда давно убрали, и освобожденное помещение получилось чуть ли не самым просторным в «маме». Еще одно неоспоримое преимущество — рядом находился второй отсек с офицерской кают-компанией и душевой, здесь пассажиры обедали и общались с членами экипажа. Но был и серьезный недостаток — первый отсек располагался далеко от двигателей, а потому там всегда было холодно, пассажиры мерзли, теплолюбивый Октя сразу простыл, чихал и очень страдал.

Лодка чаще шла в надводном положении, и чтобы как-то развлечь пассажиров, капитан со старпомом периодически приглашали их в рубку над перископным помещением, выдавали бинокли — обозреть водную гладь, что, правда, не сильно впечатляло. Время от времени на «маме» начиналась несусветная беготня, капитан командовал «погружение», люки и переборочные двери задраивались, и лодка с дифферентом на нос падала на глубину, после чего поступала команда «тишина в отсеках», двигатели застопоривались, и лодка повисала в толще воды, между близкой беспокойной поверхностью и далеким, недоступным, словная другая планета, дном.

Сначала Мэл ревниво поглядывал на Митю с Октей, приняв их за конкурентов, но потом они подружились и целыми днями беседовали — других-то занятий не было. Рассказывали о себе и о том, какими путями каждый из них пришел к мечте о полетах в небо. Митя, которого Вячеслав вытащил с третьего курса Сталинградского механического института, например, с детства увлекался воздушными змеями и додумался присобачить к такому змею сигнальную ракету — попытка запустить ракетного змея едва не стоила ему рук и глаз, после чего юноша понял, что нужно сначала освоить теорию ракетного дела,

а уж затем браться за модели. Октя, которого на самом деле звали Октябрь, до встречи с Вячеславом учился на физическом факультете в Киевском университете и был чемпионом города по гонкам на моторных катерах, при этом он планомерно изучал небесную механику и придумывал разные гипотетические конструкции, которые могли бы разогнать металлическую болванку весом один килограмм до космической скорости. Мэл, который сталкивался с проблемой веса при своих расчетах летающей пушки, сразу поинтересовался, почему за основу принят всего один килограмм, ведь в таком весе никакого толкового прибора не разместишь. На это Октя высокомерно ответил, что, во-первых, так удобнее считать и проводить сравнительный анализ конструкций, а во-вторых, высшие слои атмосферы и околоземное пространство остаются настоящей терра инкогнита для физиков, а потому даже наблюдение за полетом обыкновенной металлической болванки может принести массу данных для осмысления. Какие же конструкции разрабатывал физик из Киевского университета? Оказывается, самые разные. Например, пушку в стиле проекта Скворешникова он обсчитал одной из первых и отверг, сочтя мощность артиллерийского заряда недостаточной для достижения нужной скорости. Наиболее перспективной идеей Октя полагал электромагнитную пращу — болванка разгоняется электромагнитным полем в кольцевом туннеле, из которого выкачан воздух (похожие туннели, называемые циклотронами, строят атомщики с целью изучения взаимодействия элементарных частиц), затем, когда она достигает нужной скорости, ее направляют в прямую ветку с выходом на вершине какой-нибудь кавказской горы — болванка вылетает и устремляется в космос.

В беседах часто принимал участие офицер Вячеслав, который не был членом экипажа «мамы» и на вахте не стоял. Он воспользовался «паузой» похода через Атлантику, чтобы ввести новобранцев в курс дела и рассказать им о Куру и кос-

мической пушке. Разумеется, Мэл и Октя, заспорив о преимуществах своих проектов, обратились к нему за подробностями — характеристики реально существующей конструкции позволили бы судить, кто из них оказался ближе к истине. Вячеслав не заставил себя упрашивать.

«Пушка Бюлля — а называется она так, потому что ее создал французский гениальный инженер Джеральд Бюлль, — это продукт совмещения сразу нескольких технологий. Иначе земное притяжение не обмануть. Пушка имеет длину ствола двести метров при калибре в один метр. Установлена в вертикальной шахте. Внутри обработана с высочайшим допуском, ни малейших шероховатостей. Имеется пятнадцать промежуточных зарядов, придающих снаряду дополнительное ускорение. Дальность выстрела при весе снаряда в полтонны — свыше тысячи километров. Космическая скорость может быть достигнута при весе снаряда двести килограммов».

«Но как?! — вскричал Октя, обиженный тем, что Мэл оказался ближе к истине. — Снаряд не может лететь быстрее скорости распространения волны газопороховой смеси, а она не превышает двух с половиной километров в секунду! Где вы здесь увидели космическую скорость?»

«А вот для того чтобы развить космическую скорость, снаряд имеет довольно необычную конструкцию».

Мэл радостно встрепенулся. Он подумал, что сейчас речь пойдет о летающей пушке. Но ошибся — Вячеслав повернулся к Мите: «Снаряд весит двести килограммов, но к нему приделана пороховая ракета весом две тонны, которая поджигается на максимально достижимой высоте и разгоняет снаряд до необходимой скорости. Испытания таких ракет мы уже проводили — горение устойчиво, характеристики отвечают расчетным».

Октя тут же задал новый вопрос, но Мэл не слушал. Его озаботило другое, и когда Вячеслав удовлетворил любопытство киевского физика, Скворешников спросил: почему всё это

делается в тайне? Почему наше государство, самое прогрессивное в мире, не поддерживает строительство космической пушки? Ведь космос гораздо просторнее и величественнее океана, прорыв в него поразил бы всё человечество и доказал бы нашим врагам, что мы могущественны и что будущее за нами.

«Это довольно сложно объяснить, — признался офицер. — Но попытаюсь. Видишь ли, Мэл, коммунистам выгодно сложившееся после войны статус-кво. Главной задачей для них всегда было создание Объединенной Европы под красным знаменем, потому что суммарный потенциал капиталистического мира всегда превосходил потенциал Советского Союза, и раньше или позже капитализм задавил бы коммунизм. Но после войны Европа принадлежит нам, англосаксы заперты на островах, американцы ушли в глухую оборону, получилось, что мы победители. Зачем что-то менять? И если менять, не получится ли так, что капиталисты возьмут реванш? Доводы вроде бы легковесные, но действенные. На наших престарелых руководителей, которые помнят атомную атаку на Москву, очень даже подействовало. А чтобы народ по домам не засиживался и молодую энергию куда-то выпускал, придумали океан осваивать. Опять же оборонные соображения: если американцы попытаются Европу или Дальний Восток отвоевать, им через океаны тащиться придется, а там у нас — стратегическое превосходство. Только и с океаном не слишком удачно получается. Вы знаете, ребята, что стоимость одного подводного города на сто человек равна или даже превышает стоимость обычного города на двадцать тысяч человек? Не знаете. То-то! Никто вам правду об этом не скажет. Если бы не дешевая рабочая сила из Европы и не французские технологии, мы всё еще у побережья ковырялись бы. Так что по сумме факторов ситуация не располагает к изменению курса. Зачем нам космос? Космос подождет».

«А вы ждать не хотите? — спросил Митя. — Почему?»

«Но ведь и ты не хочешь ждать, — заметил с усмешкой Вячеслав. — И не спрашиваешь себя почему. А я не хочу, потому что достаточно поездил по миру и видел, как загнивает наша культура. Мы все делаемся плоскими и бесцветными. Даже великолепный Париж, законодателя мод, почти сожрали. Нет ни новых книг, ни новых картин, ни новых форм, ни новых идей — всё рисуется по готовым лекалам из Ленинграда. Даже язык, на котором мы с вами говорим, становится скучным, упрощенным, примитивным, как в детском саду. И главное — лгут всё время. Всё рассказывают нам, что мы идем вперед семимильными шагами. А ведь на лжи далеко не уедешь. И ложь порождает новую ложь. Что нас ждет впереди? Конец истории? Тогда стоило ли революцию затевать и целых три войны долбать Европу?.. Вот почему я считаю, что статус-кво надо ломать. Запулить штуку в космос. Нарушить чертово равновесие. А там уж посмотрим, как оно всё перетасуется. Но хуже не будет, ребята. Хуже и так некуда».

Иногда в отсутствии Вячеслава студенты обсуждали его самого.

«Как вы думаете, — спросил однажды Октя, — как он умудряется охранку облапошивать? Ведь он меня практически из тюрьмы вытащил. Будто и сам из руководства. А по званию — всего лишь майор морской пехоты».

Мэл пожал плечами, а Митя сказал: «Он, наверное, двойной агент. Я о таких читал в книжке о военной разведке. Делает вид, что работает на охранителей, а сам работает на их противников».

Пришлось согласиться, что другого объяснения ловкости Вячеслава просто нет, но впрямую спросить офицера, насколько эта версия соответствует действительности, никто не решился.

О том, что Куру близко, бывшие студенты узнали, когда стало совсем уже невмоготу сидеть в холодном отсеке. Хотя Октя

поправился, Митю одолел фурункулез, и теперь пришла его очередь жаловаться на жизнь. Сообщение о скорой высадке на берег обрадовало ребят, однако оказалось, что придется подождать еще как минимум сутки.

«А вы как думали? — удивился Вячеслав. — Мы же нелегалы. Многие хотели бы наш проект прикрыть. Вокруг Куру минные заграждения, на входах в бухты затоплены брандеры. А еще у нас свои боевые гидропланы имеются — уникальный проект, последняя разработка французов. Так что наберитесь терпения, сейчас наш достойный капитан попытается всё это обойти и нигде не напороться».

Капитан справился раньше срока, и вскоре измученные теснотой, спертым воздухом и холодом бывшие студенты вывалились на длинный бетонный пирс. В первый момент Скворешников чуть не упал — так привык к качке, что вестибулярный аппарат ровную устойчивую поверхность воспринял как нечто чуждое. Пришлось постоять, отдышаться, оглядеться.

Посмотреть было на что. Ярко светило южное солнце. Океанская вода имела здесь непривычный изумрудный оттенок. Остров находился совсем близко от Южноамериканского континента, который в этой его части плотно порос джунглями. На берегу полукруглой бухты, в которую вошла лодка, громоздились сурово какие-то серые сооружения с плоскими крышами. Обсаженная пальмами белая дорога тянулась от пирса, убегала в глубь острова. Настоящий райский уголок. Мэл почувствовал себя героем Жюля Верна, ступившим на таинственный необитаемый остров, с той лишь разницей, что этот остров обитаем.

На пирсе новобранцев встречал дочерна загорелый мужчина в колониальном пробковом шлеме, в широких шортах и рубашке с короткими рукавами. Выглядел он уморительно, но студентам было не до смеха. Разумеется, Вячеслав и встречающий были знакомы, и офицер представил «колониста»:

«Наш глава. Руководитель проекта и стройки Эрнст Апель. Он немец, не удивляйтесь».

Митя с Октей воззрились на немца с плохо скрываемым подозрением, но Мэл, который после Наоми более спокойно относился к бывшим врагам по трем мировым войнам, подошел и представился. Немец улыбнулся и протянул руку.

«Приветствую вас на Куру», — сказал он, и Мэл отметил резкий акцент, которого совсем не было у Наоми.

У пирса новобранцев дожидалась машина с широким кузовом и открытым верхом. Эрнст Апель сел за руль, а студенты с Вячеславом разместились на свободных сиденьях.

«Добрались без проблем?» — спросил немец, заводя двигатель.

«Без проблем, — подтвердил Вячеслав. — Капитан наш — золото. Привезли тебе порох».

«Зер гут», — кивнул Апель и на приличной скорости повел автомобиль по дороге.

Между пальм появились одноэтажные дощатые домики, вполне уютного вида, с желтыми и красными крышами, с распахнутыми настежь окнами и даже с палисадниками. Однако местных жителей видно не было — похоже, все были заняты на работах.

Дорога пошла в гору, и вдруг за поворотом открылся вид на длинную белую трубу, уложенную на очищенный от растительности грунт. Трубу опутывала паутина разноцветных кабелей, а один ее конец упирался в сарай непритязательного вида. Рядом возились обнаженные по пояс люди в штанах с помочами. Пот блестел на загорелых спинах.

«Пушка, смотрю, уже готова? — небрежно поинтересовался Вячеслав. — Когда первый запуск?»

«Можно и сегодня пускать», — меланхолично отозвался Апель.

«А доброволец нашелся?»

«Пока нет. Но пускать можно без добровольца».

«Тогда жми, мне интересно. А вам, парни?» — Вячеслав повернулся к новобранцам.

Бывшие студенты вразнобой подтвердили, что им тоже интересно. Апель свернул с дороги и подъехал к трубе. Вблизи она представляла собой довольно внушительное зрелище — метров двести, не меньше. Труба состояла из трех десятков секций, соединенных фланцами друг с другом; каждая секция имела еще и приварные отводы, уходящие почему-то в землю.

Мэл почувствовал легкий укол беспокойства. Вячеслав говорил, что ствол пушки установлен вертикально. Или еще не установлен? Может, его только собираются устанавливать?

Завидев машину руководителя проекта, люди вокруг трубы бросили работу, а один из них, высокий ярко-рыжий парень, белозубо улыбаясь, пошел навстречу.

«Ассалам алейкум, шеф!» — поприветствовал он.

«Валейкум салам, Расул, — сказал Апель. — Новобранцы прибыли. Покажете запуск?»

«А добровольцы есть?» — С жадным интересом парень посмотрел на бывших студентов.

«Сам спроси».

«Ну? — Расул приблизился к автомобилю. — Кто хочет стать астролетчиком?»

Новое слово «астролетчик» показалось слегка корявым, однако Мэл сразу понял и оценил его. Астроном — тот, кто изучает звезды. Астролетчик — тот, кто летит между звезд.

«Все хотят, — откликнулся Митя. — А что для этого надо?»

«Ну как “что надо”? — Расул изобразил веселое недоумение. — Надо сесть в пушку и полететь к звездам. Доброволец найдется?»

Студенты переглянулись. Октя сложил губы в уточку. Митя принялся яростно чесаться и тут же повредил себе ногтем фурункул на шее. Скворешников встал и сказал, что хочет стать первым астролетчиком.

«Тогда прошу, товарищ!» — радостно позвал за собой Расул.

Инициатива Скворешникова вызвала всеобщее оживление. За ним с Расулом выстроилась целая процессия. Пошел посмотреть на действо и Вячеслав с новобранцами.

Расул подвел Мэла к сараю, в который упиралась труба, и открыл дверь. Внутри было довольно просторно и даже прохладно — работал большой напольный электровентилятор. По углам разместились тяжелые оцинкованные ящики, а по полу были проложены рельсы, на которых стояла металлическая тележка. Мэл сразу посмотрел в сторону трубы — с этого конца отверстие закрывал глухой стальной люк, похожий на те, которыми разделялись отсеки на подводной лодке.

«Ложись, пожалуйста». — Расул указал Скворешникову на тележку.

Тот оглянулся на друзей. Офицер Вячеслав серьезно кивнул.

Вот так просто? Вот так буднично? Лечь на тележку и отправиться к звездам? В этом скрывается какой-то подвох. Но с другой стороны, еще месяц назад Мэл считал, что космическая пушка — дело отдаленного будущего, а теперь он находится на тропическом острове, где действительно построили такую пушку.

Без колебаний Скворешников застегнул свою потрепанную, пропахшую потом и морем, форменную куртку политехника, взобрался на тележку, лег и вытянулся во весь рост. Рыжеволосый Расул ловко пристегнул Мэла к этому невообразимому агрегату парой страховочных ремней. А потом отошел к люку и завозился там. Входное отверстие трубы открылось — огромное черное жерло.

«Поехали!» — громко и торжественно сказал Расул.

Двое работников подтолкнули тележку, ввели ее в жерло.

«Давай, парень! — крикнули из толпы. — Мы верим в тебя! Дорога к звездам открыта!»

Крышка люка со скрежетом встала на место, и Скворешников очутился в полной темноте. Раздался глухой звук сильного удара, раскатом отозвавшийся в трубе, которая представлялась отсюда бесконечной, и тележка вдруг сама собой тронулась и поехала. У Мэла волосы зашевелились на голове. Как же так? Что же это такое? Вот так прямо и выстрелят в космос? Но ведь там безвоздушное пространство! Там смертоносное излучение! И перегрузки! При выстреле возникнут чудовищные перегрузки, которые превратят любое человеческое тело в кровавую кашу из раздавленного мяса и костей!

Скворешникову очень захотелось вернуться и рассказать этим недотепам, что они наделали, но пути назад не было. Тележка продолжала разгоняться, и Скворешников внутренне сжался, зажмурился, ожидая чего угодно: столкновения, смерти... Было страшно лететь в темноте, но разве не об этом он мечтал в детстве — лететь в небе и в космосе, в темноте от звезды до звезды?..

Мэл ждал, когда от чудовищного ускорения затрещат кости, но ничего подобного не произошло. Тележка резко затормозила — посыпались искры — и остановилась. Скворешников приходил в себя, всё еще лежа с закрытыми глазами. Потом распахнулся второй люк, и он услышал многоголосый жизнерадостный хохот. Тележку вывели из трубы под яркое солнце.

«Ты хорошо держался, — похвалил смеющийся Расул. — Другие орут, будто их режут. Или серят. А ты стиснул зубы и вперед. Настоящий астролетчик! И не обижайся, товарищ. Мы без зла шутим».

Скворешников сел на тележке и сказал, что не обижается. Ему зааплодировали.

Стресс быстро прошел, и Мэл с удовольствием принял участие в трапезе, которую организовал для новобранцев Эрнст Апель.

Бывшим студентам выделили новую одежду и бунгало поблизости от чистого песчаного пляжа. Дали день на отдых, который они потратили на купание и осмотр достопримечательностей.

Честно говоря, осмотром Скворешников был несколько разочарован. Как-то всё это по-другому ему представлялось. Настоящую космическую пушку увидеть было нельзя, поскольку она действительно находилась внутри вертикальной шахты, вырубленной в базальте острова, а жерло ее скрывала огромная крышка из плотной резины. К складам, физическим и химическим лабораториям, в производственные помещения проход был ограничен, а механические мастерские почти ничем не отличались от мастерских Ленинградского Политехнического института. В доки бывших студентов пустили, но и там ничего принципиально нового Мэл для себя не обнаружил: на профилактическом ремонте стояли две подводные лодки и несколько мелких посудин. Интерес вызвали только боевые гидропланы серии «Скат», для обслуживания которых возвели отдельное сооружение в северной бухте острова. Это были изящные аппараты с прямыми крыльями, рассчитанные на одного акванавта, который удобно располагался в кабине, накрытой герметичным плексигласовым колпаком. Каждый из аппаратов мог буксировать большую торпеду на глубине до ста метров и со скоростью в десять узлов. По утверждению инженера, руководившего обслуживанием, высокая маневренность и малошумность позволяли гидроплану незаметно подойти к любому надводному или подводному объекту и выпустить по нему торпеду с высокой гарантией попадания в цель.

Рабочих рук на Куру катастрофически не хватало, шел самый напряженный цикл испытаний натурной модели, а потому Эрнст Апель не стал дожидаться, пока новобранцы обвыкнутся, а погнал их на самые черные работы. Они помо-

гали поварам в общей столовой, собирали мусор, таскали тяжести на пирсе. Почти сразу начались и занятия по подготовке бывших студентов к участию в проекте. Митя прописался в химической лаборатории. Октя получил назначение в группу баллистики. А Мэлу пришлось заняться весьма необычным делом. Вячеслав объяснил ему суть задачи следующим образом: «Снаряд мы в космос отправим, но это не всё. Нужно правильно сориентировать его и нацелить. Скажем, на Луну. Для этого на снаряде установлена система навигации, включающая два перископа, которые соединены с телевизионной камерой. Коррекцию положения снаряда в пространстве можно будет осуществить только один раз — пороховые ракеты выгорят, и аут. Поэтому нам нужен хорошо подготовленный оператор. И он должен быть настолько хорошо подготовлен, чтобы сделать всё быстро, точно и с первой попытки. Мы тут посовещались и решили, что ты подходишь в качестве такого оператора».

Скворешников сталкивался с телевидением впервые в жизни, хотя и слышал, что до третьей войны эта технология была довольно распространена, а потом сошла на нет. Рассказывали даже, будто бы телевизоры стояли повсеместно в обычных квартирах и на маленьком экране можно было увидеть, что происходит, например, на сцене драматического театра, но Мэл в байки не верил. На Куру пришлось пересмотреть свои устаревшие взгляды. В тренажер, смонтированный местными умельцами в отдельной комнате административного корпуса, по соседству с реальным пунктом управления, был встроен огромный телевизор, на экране которого отображались различные подвижные картинки. Под телевизором был закреплен пульт с самым примитивным оборудованием: два небольших верньера и ряд кнопок. Верньеры управляли перископами на снаряде, а нажатиями кнопок приводились в действие пороховые ракетные двигатели. Мэл должен был выполнить всего три последова-

тельные операции: стабилизировать снаряд после выхода его в космос по продольной и поперечным осям с помощью малых двигателей стабилизации, выставить перископы так, чтобы Луна и Земля попали в перекрестия «прицелов», и дать команду на поджиг больших двигателей коррекции. Вроде бы просто, но будущий космический оператор быстро убедился, что простота эта кажущаяся. Ему понадобилась почти неделя, чтобы только привыкнуть к разделенному на две части экрану, по которому в разные стороны плыли непонятные светящиеся штрихи и пятна. Потом пошло легче — Мэл научился отыскивать Землю, вращая правый верньер, и Луну, вращая левый. Земля на экране тренажера отображалась в виде белого диска с темными пятнами знакомых с детства континентов. Луна, правда, выглядела странновато — правильный круг без рисунка лунных морей, но зато с маленьким кругом внутри, положение которого менялось от тренировки к тренировке. И если Землю можно было просто «вогнать» в перекрестие на правой половине экрана, то с Луной приходилось помучаться — требовалось нацелиться именно на малую окружность внутри большой.

Мэл работал с тренажером в строго отведенное время — с утра и по четыре часа. Мог бы, наверное, и больше, но от хозяйственных работ его никто и не думал освобождать. Жизнь на таинственном острове постепенно скатывалась в рутину, и это начинало тяготить. Некое разнообразие вносили периодически проводившиеся «большие» испытания, на которые ходили смотреть почти все обитатели острова: белая труба, внутри которой Мэлу довелось прокатиться на тележке, изрыгала длиннющий язык пламени, болванка с воем улетала за горизонт, отдача вызывала маленькое землетрясение, зрители дружно аплодировали и кричали, что «дорога к звездам открыта». Впрочем, и это быстро приелось.

Других развлечений на Куру почти не было. Несмотря на то, что здесь собрались представители самых разных стран и

национальностей, объединенные общей и весьма романтичной идеей, коллектив не складывался: праздники отмечались в узком кругу, большие торжества были редки и устраивали их по команде Апеля, специалисты отдельных лабораторий и групп держались обособленно. Не было тут вечерних клубов с посиделками — после рабочего дня народ вяло расползался по коттеджам и бунгало, мало интересуясь чем-нибудь, кроме холодного душа и сна.

Возможно, Мэл и не замечал бы негативных сторон жизни на Куру, если бы рядом находилась любимая девушка, но Наоми была далеко, и на все расспросы о том, когда же она прибудет на остров, Вячеслав отвечал, что у нее еще остались дела в Европе и что придется набраться терпения. Это удручало и нагоняло тоску. Какой смысл в освоении космоса, если нет любви? С кем поделиться успехами и радостью очередной победы?..

Из троицы бывших студентов больше всех загруженным оказался Октя — его даже не посылали на хозяйственные работы. Приходил он от своих баллистиков едва живой, плохо спал, мало ел, на глазах терял вес. Но в один из вечеров вернулся в бунгало радостным и сообщил друзьям, что работа группы завершена, оптимальные даты выстрелов рассчитаны на десять лет вперед и завтра-послезавтра состоится первый залп из большой пушки. Тем более что снаряд с ускоряющей ракетой уже заложены в ствол, смонтированы и прошли все необходимые тесты.

Мэл удивился, почему ему об этом не сказали, ведь он пока единственный оператор системы космической навигации на острове. Он решил немедленно навестить Вячеслава и выяснить, насколько информация Окти соответствует действительности. Приблизившись к дому офицера, он услышал громкие голоса — внутри разговаривали на повышенных тонах. Один голос принадлежал Вячеславу, а второй... по акценту слышно, что самому Эрнсту Апелю.

Прерывать или вмешиваться в их беседу Мэл счел невежливым и уселся на скамейку, дожидаясь своей очереди и любуясь на закатное солнце, низко висящее над джунглями. Начал невольно прислушиваться и внезапно понял, что речь идет о нем — о Мэле Скворешникове.

«Твой мальчишка — явный агент, — говорил Апель. — Ты и сам это прекрасно понимаешь, Ноговицын. Таких совпадений не бывает. Он подсел к тебе в поезде. Ха-ха! А потом всплыл рядом с берлинкой. Кроме того, он явно знает о проекте "Факел". И не я тебе это рассказываю. Это ты мне рассказывал!»

«Да, имечко у него примечательное, — отвечал Вячеслав. — Потому я и запомнил. Мэл. Маркс-Энгельс-Ленин... Возможно, он агент охранки. Что это меняет? Я умею работать с агентами охранки. Зато у него феноменальная пространственная ориентация. Даже в личном деле об этом отметка есть. Он за две недели на тренажере все наши рекорды побил! Из него отличный акванавт получился бы...»

«Пойми, Ноговицын, мы не можем посадить в навигаторское кресло человека, в котором не уверены на сто процентов. Это ведь самый ответственный момент! Промах нам дорого обойдется».

«Другого достойного оператора у нас пока нет. Затянули мы с этим, тренажер долго делали... А надо было с него начинать!.. Я всё же настаиваю на участии Мэла в завтрашних испытаниях. Мое предложение. Выстрел пробный, но мы об этом мальчишке не скажем. Пусть думает, что настоящий, и себя проявит. А я буду наблюдать. Если поведет себя неадекватно, можешь сразу его на дыбу отправить».

«А если он поймет, что это испытание? И сообщит в охранное, что мы готовим настоящий выстрел?»

«Как он сообщит? Не успеет. А даже если успеет каким-то чудом, то пока охранители раскачаются. Ты же знаешь, они не меньше нашего заинтересованы в пушке. Надеются перед

финишем американцев опередить. Потому и терпят наши шалости. Да они просто не поверят своему агенту, если тот доложит, что пушка готова!»

Мэл не стал дослушивать беседу. Он поднялся и тихо ушел. Обида глодала его всю обратную дорогу до бунгало. Оказывается, они ему не доверяют! Оказывается, они считают его агентом охранки! Может, именно с этим связано, что его не принимают в местные компании, не приглашают на вечеринки? Как их переубедить, что он свой? Как доказать, что он всей душой болеет за космическую пушку и за полеты на Луну? Жаль, здесь нет Наоми — она подтвердила бы, поручилась бы... Но и так нельзя! Незачем перекладывать ответственность на другого человека. Нужно прямо пойти к Апелю и заявить, что он, Мэл Скворешников, не приемлет подозрений в предательстве, отвергает и готов доказать их беспочвенность.

С твердым намерением сделать это завтра же Скворешников лег спать, но проворочался почти до утра, а потом его разбудил низкий выматывающий вой сирен. Бывшие студенты вскочили с коек и, пошатываясь, продирая глаза, выбежали на пляж. То, что они увидели, потрясало. К острову приближались корабли: один, два, три, четыре, пять, шесть... и еще... и еще... Эскадра. Или целый флот.

«Что это?!» — в ужасе крикнул Октя.

Но никто ему не ответил. Громыхнуло в северной бухте. С аппарелей в воду сошли боевые гидропланы. Но что могут легкие «скаты» против флота?..

Мэл бросился в бунгало, торопливо натянул шорты, зашнуровал ботинки. Теперь бегом к Вячеславу. По улице метались люди, но Скворешников не обращал на них внимания.

Офицера он застал рядом с домом. Тот был одет в черную форму морской пехоты и смотрел на корабли в большой бинокль. Завидев Мэла, он сказал: «Дерьмо! Американцы! Хуже не бывает».

Мэл, тяжело дыша после длительного бега, спросил, откуда это известно.

«Наши не стали бы стрелять по острову. Американцы станут. Им не нужна пушка. Им нужны наши жизни. Сам посмотри».

Мэл посмотрел в переданный бинокль. Никаких флагов, обозначающих государственную принадлежность флота, он различить не сумел, но зато увидел хищные обводы стальных гигантов, огромной своей массой продавливающих изумрудную волну, и чудовищные стволы корабельных орудий, нацеливаемых прямо на него. Глухо бухнуло вдалеке. Над ближайшим к берегу кораблем появилось белое облачко, после чего раздался нарастающий протяжный вой, в какой-то момент перекрывший сирены. Мощный взрыв сотряс остров. В стороне доков взметнулась пыль.

«Всё, — мрачно подытожил Вячеслав. — Вот тебе и космические полеты».

Мэл, опустив бинокль, посмотрел на него. На грубоватом лице офицера читалось отчаяние. Скворешников прекрасно понимал его. Столько усилий, столько времени, столько риска, и всё впустую. И он сказал вслух и достаточно громко, что, может, не всё еще потеряно, может, если снаряд уже в пушке, попробовать выпалить из нее.

«Не успеть, — сказал Вячеслав. — Они начнут обстрел по секторам. И самое позднее через час смешают здесь всё с грязью».

Словно в подтверждение его слов корабельные орудия дали новый залп. Сразу несколько снарядов пронеслось с воем над головами, упав куда-то в центр Куру.

Однако офицер поторопился с мрачными прогнозами. На глазах у Мэла рядом с ближайшим кораблем взметнулся столб воды, огромный корабль качнуло, и он отчетливо накренился. Кажется, один из гидропланов сумел запустить торпеду.

«Так его суку! — крикнул Вячеслав, а потом глянул с одобрением на Скворешникова. — А знаешь, Мэл, шанс у нас всё-таки есть! Призрачный, но есть. Пока они своих из воды вытаскивают, мы многое успеем сделать».

И они споро побежали к административному корпусу. Но еще издалека увидели, что даже «призрачный» шанс упущен. Корпус был почти полностью разрушен прямым попаданием и горел. Вокруг валялись разбросанные взрывом и иссеченные осколками тела специалистов, а в небо поднимались клубы жирного дыма.

Шагах в тридцати стояла машина руководителя проекта, и Эрнст Абель, обсыпанный белой пылью, сидел на корточках рядом с ней и трясся, обхватив плечи руками.

«Катастрофэ, — бормотал он. — Дас ист катастрофэ».

Вячеслав подошел к нему, наклонился и рывком поднял на ноги.

«Пускайте снаряд! Немедленно!»

«А какой в этом смысл? — понуро спросил Абель. — Без навигации?..»

«Есть смысл, — заявил офицер твердо. — Со мной Мэл. И мы идем на “Восток”!»

«Йа, йа, — закивал руководитель проекта. — “Восток”. Как я мог забыть?»

С невыносимой медлительностью он забрался в машину, но педаль газа вдавил бодро, и автомобиль умчался.

«Удачи тебе, старина Эрнст», — тихо сказал Вячеслав, провожая его глазами.

После чего кивнул Мэлу, и они, не разбирая дороги, снова побежали, на этот раз — к западному побережью острова.

Выдерживать темп, задаваемый бывалым морским пехотинцем, было непросто, но Мэл всё же попытался выяснить на бегу, что такое «Восток».

«Меньше болтай, береги дыхалку, — посоветовал Вячеслав, но ответил: — “Восток” — малая субмарина боль-

шого радиуса действия. Рассчитана на экипаж из двух человек. Хорошая лодка. На ней даже вокруг света обойти можно. У нас есть одна. Мы ее модифицировали. Смонтировали резервный пункт управления. Один в один твой тренажер. Будто предчувствовали».

Они продолжали бежать по траве, проламываясь сквозь дикорастущие кусты и огибая отдельные пальмы. Сзади вдруг раздалась серия громких частых хлопков. Земля задрожала. Вячеслав и Мэл остановились, обернулись, чтобы посмотреть на причину странного явления. И сразу грохнуло так, что заложило уши, а почва выскочила из-под ног. Черное узкое тело взлетело над островом в клубах поднятой пыли и дыма — и пошло стремительной тенью вверх, в зенит, быстро затерявшись на фоне ослепительно голубого неба.

«Дорога к звездам открыта», — произнес ритуальную фразу Вячеслав.

Снова пришлось бежать. Наконец, преодолев очередную полосу кустарника, они выскочили на берег, к небольшому причалу, рядом с которым чуть покачивалась на легкой волне миниатюрная подводная лодка без рубки и с одним верхним люком.

«Быстрее, — сказал Вячеслав. — А то гадину упустим».

Он откинул люк и приказал Мэлу лезть.

«В ней всего два отсека, — пояснил офицер. — Под нами приборно-агрегатный. Там твой пульт. Спускайся и жди. Справа будет лаз в кабину. Туда не суйся. Там мое место».

Скворешников выполнил всё в точности. Влез в темное нутро, посторонился, пропуская Вячеслава. Тот включил свет и сразу задраил люк.

«Аккумуляторы пашут, — с удовлетворением отметил офицер. — Не зря Расул свой плов ест. Здесь, обрати внимание, ящик с инструментами на случай аварии. А вот твой пульт. Узнаешь?»

Трудно было не узнать пульт, за которым просидел почти три месяца: экран телевизора, два верньера, ряд кнопок.

«Подключайся, — распорядился Вячеслав, — а я в кабину».

Офицер нырнул в лаз, оставив Мэла разбираться с оборудованием пункта управления. Мэл поискал выключатель, нашел, повернул. Сразу зажглась подсветка пульта, на экране телевизора появилась сетка из белых линий, позволяющая настроить развертку.

«Мы выходим! — крикнул Вячеслав из кабины. — Выдвигаю антенну!»

Загудели электромоторы, лодка качнулась и поплыла. И почти сразу экран начал показывать изображение, разделенное на две равные части.

«Видишь там что?» — спросил Вячеслав.

Мэл ответил, что видит, но не понимает. И действительно изображение пестрело яркими полосками, а кроме того, периодически экран слеп, словно его загораживало какое-то белое поле. Совсем не похоже на виденное в телевизоре тренажера.

«Ну что? Видишь что-нибудь? Что видишь? Не молчи! Докладывай!»

Мэл в конце концов сообразил: белое поле засветки — это Земля! Значит, снаряд всё-таки вышел в космос! Скворешников тут же начал вертеть верньеры, пытаясь ухватить Землю перископами. Это было непросто, но изнурительные тренировки сделали свое дело, и минут за пятнадцать он справился с задачей. Нажал четыре кнопки, приводя в действие два пояса малых двигателей стабилизации, которые тут же остановили беспорядочное вращение снаряда. Стало поспокойнее. Мэл еще повертел верньеры и застыл, не в силах вымолвить ни слова.

Изображение было черно-белым, но и его хватало, чтобы оценить величественность зрелища. Мэл наблюдал Землю, а

точнее — полукруглый горб Земли. Хорошо были различимы очертания береговой линии материка, которая медленно смешалась. А над Землей ярко светили гроздья звезд — таких звезд, каких никогда не увидишь, находясь на дне воздушного океана. В перископ они казались совсем близкими, словно и не отделяла их бескрайняя пустота, измеряемая световыми годами и парсеками.

«Мэл! Черт тебя побери совсем! — кричал Вячеслав из кабины. — Что умолк? Что видишь?!»

Скворешников встряхнулся, хлопнул себя раскрытой ладонью по лицу и доложил, что всё в порядке, снаряд стабилизирован, а он приступает к поиску Луны.

Еще несколько вращательных движений левой рукой, и Мэл засек Луну. Но это была не Луна. На снаряд наплывало какое-то шарообразное серое тело с четкими очертаниями. Скворешников привычно поискал глазами, напряг зрение и обнаружил идеально круглую вмятину в ровной поверхности тела — наверное, именно ее символизировал собой малый круг на тренажере.

Руки всё сделали сами, без участия мысли. Перекрестие левого перископа совместилось с центром круглой вмятины. Теперь — еще четыре кнопки на пульте, поджигающие ракеты коррекции. И...

Шарообразное тело вдруг прыгнуло на Мэла, словно футбольный мяч. Экран померк.

6. Малый утоп

Любая история когда-нибудь заканчивается. Но далеко не всякий способен разглядеть последнюю точку или место, где начинается новая история.

Не разглядел ее и Мэл Скворешников. Когда экран отключился, он лихорадочно принялся крутить верньеры, опасаясь, что проблема в технической неисправности. Но тут «Восток» сотряс чудовищный удар. Мэла оглушило так,

что он на секунду потерял сознание, потом его швырнуло на правый борт. Панель управления заискрила, свет мигнул и погас. Скворешников почувствовал, что субмарина погружается с сильным креном. Казалось, погружение будет продолжаться вечно, и Мэл даже удивился, когда под скрежет легкого корпуса о камни она легла на дно и остановилась.

Некоторое время царила полная тишина. Потом Скворешников услышал стон и проклятия. Где-то здесь был ящик с инструментами. Тяжело ворочаясь под сильную боль в боку, Мэл нащупал в темноте ящик, откинул замки, порылся и нашел фонарик в водонепроницаемом корпусе. Включил его, посветил. Приборно-агрегатный отсек в целом выглядел неплохо, но что он без аккумуляторов? Груда железа...

Согнувшись, Скворешников пополз в лаз. Голова раскалывалась, правое ухо оглохло, но жить пока еще было можно. Он просунулся в кабину и замер, не веря своим глазам. Прочный корпус понизу кабины «Востока» был смят и искорежен. Деформированный металл зажал капканом ноги и часть туловища Вячеслава. Офицер, наверное, уже умер бы, но его спасло кресло, амортизировавшее часть энергии гидродинамического удара. В трещины, образовавшиеся в прочном корпусе, поступала вода. Как уцелели иллюминаторы, оставалось загадкой.

«Даже и не знаю, что это было, — сказал Вячеслав при появлении Скворешникова. — Похоже, на одну из наших мин напоролись».

Мэл молчал, поводя фонариком. Он хоть и не стал подводником, но понимал, что дело — дрянь.

«Здесь глубина метров пятьдесят, — сказал Вячеслав. — А может, больше. Видишь, темень какая. Шансов нет. Доигрались мы с тобой, Мэл».

Он закашлялся, и на его губах выступили кровавые пузыри. Поднял свободную руку, утер губы, посмотрел на ладонь.

«Паршивое дело — умирать, — сообщил Вячеслав после паузы. — Ты веришь в бога, Мэл? А в загробную жизнь?.. И я не верю. Нет там ничего. Только тьма и холод... Как под водой... Или как в космосе... Но в космосе хотя бы есть звезды, планеты, а тут и звезд нет...»

Сердце Скворешникова сжималось от жалости, но он понимал, что ничего нельзя изменить. Единственное, чем он мог помочь сейчас Вячеславу, — это не бросать его, говорить с ним. И Мэл, повинуясь доброму намерению, сказал, что очень гордится сделанным, что они вдвоем наконец-то осуществили величайшую мечту человечества, о которой писал еще Жюль Верн, вывели рукотворный снаряд в космос и направили его на Луну.

Вячеслав кашлянул и с трудом повернул голову. В полусумраке блеснули белки глаз.

«Ты что? Ты всерьез?» — спросил он.

Мэл подтвердил, что всерьез.

«Ты думаешь, что направил снаряд на Луну? А проект “Факел”? А “Гроза”? Что ты об этом знаешь?»

Мэл молчал.

Вячеслав вдруг засмеялся, но хрипло и безнадежно. На губах снова запузырилась кровь.

«А ты ведь и вправду не знаешь ничего, — сказал он, когда приступ безумного веселья закончился. — А я думал, ты всё-таки засланец, агент. Извини тогда. Столько тебе голову морочил... Что ж, слушай правду... Ничего, кроме правды... После второй войны мы с американцами сцепились — это ты в курсе. У них были атомные фугасы. И у нас были атомные фугасы. Но ведь фугас доставить до цели нужно, американцы и придумали для этого авиацию использовать. Да ты и не знаешь, наверное, что такое “авиация”? Это такие аппараты с крыльями, но не как у птиц, а специальными, которые подъемную силу используют. Это хоть знаешь?.. И то спасибо. Самолетов до третьей войны много было, но те-

перь об этом не вспоминают. Потому что страшно вспоминать. Короче, их самолет с фугасом до нас долетал, а наш нет — отставали по технике. И тогда появился проект “Факел”. В самом деле, подробностей не знаешь?.. Надо же... Идея была сделать летающую пушку. Вроде твоей. Огромную такую дуру, набитую атомными фугасами. А летать она должна была в космосе и в случае войны бить по столицам и аэродромам противника. Но как ее в космос-то доставить? И придумали, как доставить. На тех же самых атомных фугасах. Под дурой установили титановую плиту-отражатель. Сбрасываешь под плиту фугас в особой оболочке — он взрывается, оболочка испаряется и толкает плиту вверх. Семь лет на нее потратили. Кучу средств и ресурсов извели. Но отправили-таки дуру в космос. Назвали “Грозой” и объявили всему миру, что если что, то покажем кузькину мать. И тут американцы сломались, не выдержали. Взлетела их авиация с передовых аэродромов в Германии и давай западную часть Союза фугасами утюжить. Идиоты, что еще скажешь?.. В первую очередь уничтожили центр управления в Мытищах. И “Гроза” осталась без команд с Земли... А спроектирована она была хитро. Как перестали команды поступать, она в режим автономного управления перешла. И принялась по программе долбать планомерно. Крупные города сровняла. Потом — аэродромы, телевышки. И даже когда война закончилась, всё равно продолжала долбать. Но уже экономно. На ней оптико-телевизионный комплекс стоит и целая связка радаров. Самолеты сечет в любую погоду. Если где что-то взлетает, удар по направлению движения и удар по столице. И даже Москве досталось. То ли система совсем свихнулась, то ли так и было задумано... Вот потому-то авиация везде запрещена... Не летаем мы больше... А ведь летали! Высоко летали!.. И астролетчики были, веришь ли? Когда прототипы “Грозы” испытывали на малых зарядах, двое до космоса добрались. И вернулись

живыми! Понимаешь? Живыми! Так что всё это ложь и мракобесие, что в космос летать нельзя, что там излучение какое-то смертельное. Специально придумали, чтобы и не смели больше на небо заглядываться. А тех, кто в проекте участвовал и войну пережил, тех заткнули... А ты молодец, Мэл. Если попал в направляющую, то теперь "Грозе" конец. Нет, значит, больше "Грозы" в зените... И снова люди летать будут. Выберутся из средневековья. И мир изменится. Только мы с тобой не увидим... Жаль, конечно, что не увидим. Но зато можем умереть спокойно... Спасли мир...»

Вячеслав утомился и замолчал. Вода прибывала, затапливая кабину.

«Иди к себе, — сказал он. — Не смотри. Всё равно каждый умирает в одиночку».

Мэл, пятясь, забрался в лаз. Ввалился в приборно-агрегатный отсек. И сел, прислонившись к стене.

Всё было ложью. От начала и до конца. И лгали ему не только охранители, но и близкие родные люди. Наоми... Лгал Богданов. Первый и последний настоящий учитель лгал. Знал о «Грозе», знал об астролетчиках, но предпочитал лгать, рассказывая байки о пушках и перегрузках. Всё, что знал Мэл, всё, из чего складывался его внутренний мир, оказалось вымыслом, фальшивкой, декорацией, построенной на чужой лжи.

Скворешников чувствовал опустошение. Наверное, если бы ему рассказали о «Грозе», которую он только что уничтожил, в другом месте и другое время, он нашел бы в себе силы принять правду, осознать ее, привыкнуть к ней. Но здесь и теперь сил не осталось.

«Гроза»... Надо же... Дура поганая...

Вода заливала ноги. И с какого-то момента Мэлу стало всё безразлично. Мир словно отдалился, а смерть не пугала. Скворешников пытался сохранить строй мыслей, но мысли сыпались, ускользали, словно речной песок между пальцев.

В ту минуту, когда холодная соленая вода подобралась к подбородку, Мэл вспомнил не мать, не Наоми и не Богданова — он почему-то вспомнил Юрия Гагарова, первого человека, сумевшего на малой подлодке обойти земной шар и погибшего случайно, во время рядового погружения. Наверное, рассказы о секретном подводном путешествии тоже были ложью. Может быть, на самом деле Юрий Гагаров был астролетчиком. Человеком, летевшим среди звезд. Мэл не знал этого точно. Не мог утверждать наверняка. Но он надеялся. Он молча молил. Пусть этот человек, Юрий Гагаров, такой славный, не засидится в мокрой темноте. Пусть он будет одним из тех, кто видел настоящее небо, настоящие звезды и земной шар. Потому что Мэл тоже всё это видел... Жаль, что только на экране...

ПРОСТРАНСТВО ВООБРАЖЕНИЯ

МАРСИАНКА ЛО-ЛИТА

Владимир Владимирович Набоков *родился 10 апреля 1899 года в семье известного российского политика Владимира Дмитриевича Набокова. В семье Набокова говорили на трех языках: русском, английском и французском — впоследствии это оказало влияние на творчество писателя. Первые годы жизни В.Набокова прошли в комфорте и достатке в доме на Большой Морской улице в Санкт-Петербурге и в загородном имении Рождествено (под Гатчиной). Образование В.Набокова началось в Тенишевском училище. Сразу выявились его увлечения: литература, астрономия и шахматы. В 1917 году В.Набоков издал сборник своих романтических стихов, главной темой которых стала «платоническая любовь небесных светил» (определение М.Горького).*

В 1919 году В.Набоков получил высшее образование в Кембриджском университете (Лондон), где продолжал писать стихи и заново перевел на русский язык «Войну миров» Г.Уэллса. Там он основал Литературно-астрономическое общество, впоследствии ставшее официальным — Межпланетным обществом литераторов Кембриджского университета. В 1922 году В.Набоков переехал в Берлин. Доходы семьи Набоковых, владевшей сетью мануфактур в России, позволяли ему вести жизнь рантье, однако молодой увлекающийся литератор примкнул к группе немецких ракетчиков под руководством Г.Оберта и три года занимался популяризацией достижений ракетостроения, редактируя журнал «Die Rakete». В этом журнале, а также в других берлинских периодических изданиях публиковались новые стихи и рассказы В.Набокова, в которых преобладала проблематика существования жизни на других плане-

тах. В 1923 году В.Набоков женился на С.Зиверт, которой впоследствии посвятил множество своих произведений, включая цикл о марсианке Ло-Лите.

Вскоре после женитьбы В.Набоков завершил свой первый роман «Нечто» (1926), после чего до 1937 года написал еще семь романов на русском языке, непрерывно усложняя авторский стиль и всё более смело экспериментируя с формой. Литературные эксперименты В.Набокова долгое время не находили поклонников, но ныне его ранние произведения считаются шедеврами русской прозы: «Король, дама, валет» (1928), «Атака Лужина» (1930), «Камера сгорания» (1932), «Подвиг» (1932), «Восторг» (1934), «Приглашение в космос» (1936), «Дары» (1938). Особый интерес представляет роман «Дары», являющийся автобиографическим и рассказывающий о берлинском периоде жизни В.Набокова. В нем, в частности, изложены причины, по которым писатель покинул группу Г.Оберта (вставная фантастическая глава «Космический рейх») — милитаристские устремления немецких ракетчиков претили В.Набокову, который был и всю жизнь оставался убежденным гуманистом и пацифистом (к примеру, ему принадлежит скандально известный лозунг «Х.. войне!»).

В 1938 году Набоковы переехали в США, и с тех пор писатель работал исключительно на английском языке. Он приобрел большую ферму в штате Флорида, поблизости от восточного побережья (очевидно, для того чтобы наблюдать за бурным развитием этого региона, который вскоре стал астронавтической меккой). Новые романы «Подлинная жизнь селенита Найта» (1941) и «Под звездой незаконнорожденных» (1947), несмотря на свои художественные достоинства, остались незамеченными широкой публикой.

Всемирную известность В.Набокову принес роман «Ло-Лита. Свет звезды, видимой в первый раз» (1955), который был своеобразным вызовом обществу, но при этом нес в себе

несомненный гуманистический посыл. История этого произведения довольно необычна. В 1952 году В.Набоков написал по-английски рассказ, озаглавленный «Марсианка Ло-Лита», и предложил его в ряд американских журналов, однако везде получил категорический отказ. Попытки опубликовать рассказ в Европе также не увенчались успехом — консервативные издатели сочли его «порнографическим». От забвения «Ло-Литу» спас А.Твардовский, главный редактор журнала экспериментальной прозы «Новый мир» — по его просьбе В.Набоков перевел рассказ на русский язык. В январе 1953 года «Марсианка Ло-Лита» была опубликована в «Новом мире» с незначительными сокращениями. Успех превзошел самые смелые ожидания — десятитысячный тираж журнала разошелся в считанные дни и стал библиографической редкостью; в продаже появились нелегальные репринтные копии. А.Твардовский немедленно выпустил рассказ в виде отдельной брошюры, суммарный тираж которой через год составил четыреста тысяч экземпляров. В то же время многими читателями рассказ был воспринят как заявка на более пространное произведение, и под давлением публики В.Набоков через два года выпустил в свет роман «Ло-Лита». Этот роман неоднократно переиздавался и переведен на множество языков, включая латынь и эсперанто. Хотя критики указывали, что некоторые сцены в романе являются лишними и написаны исключительно для объема (к примеру, три главы о Междупланетном шахматном конгрессе свободно изымаются, что подтверждают сокращенные издания), романный вариант «Ло-Литы» стал каноническим, а исходный рассказ по недоразумению был забыт. В настоящем издании мы впервые приводим текст исходного рассказа, восстановленный по рукописи, хранившейся в Доме-музее В.Набокова (Санкт-Петербург).

Коммерческий успех «Ло-Литы», возникновение клубов поклонников и голливудская экранизация романа привели к появлению литературных подражателей, эксплуатирую-

щих сюжеты и антураж нашумевшего романа. Чтобы остановить вал подделок, В.Набоков заключил с французским издательством «Олимпия» договор на цикл произведений, продолжающих историю марсианки Ло-Литы. В последующие годы были написаны и опубликованы романы: «Ло-Лита — королева марсиан» (1959), «Ло-Лита в Новом Свете» (1961), «Ло-Лита и амазонки Венеры» (1963), «Ло-Лита и секретный агент инквизиции Джеймс Бонд» (1966), «Ло-Лита в гневе» (1968), «Неукротимая Ло-Лита» (1969), «Искушение Ло-Литы» (1970), «Капкан для Ло-Литы» (1971), «Возвращение Ло-Литы» (1972), «Ло-Лита и ее любовь» (1974), «Победа Ло-Литы» (1976). Многие из этих романов современные критики относят к «pulp fiction»; в ходу также мнение (высказанное впервые Б.Пастернаком в монографии «Современная американская проза», 1963), что только первый роман был написан непосредственно В.Набоковым — остальные тексты принадлежат перу безымянных литературных «негров».

Всемирная известность сказалась на образе жизни В.Набокова — он почти не покидал своего «литературного поместья», крайне редко соглашался на интервью и даже знаменитые сеансы одновременной игры в шахматы давал по телефону.

Произведения В.Набокова характеризуются сложной литературной техникой, глубоким анализом рефлексии персонажей в сочетании с непредсказуемым сюжетом. При этом всегда следует помнить, что хотя большинство текстов В.Набокова посвящено коллизиям космической экспансии, сам он за пределами Земли не бывал, имея исключительно теоретические познания о быте астронавтов и обитателях соседних планет. Тем не менее проблематика близких контактов, которой В.Набоков посвятил свое творчество, остается актуальной по сей день.

В.Набоков умер 19 июня 1977 года. В его честь названы астероид и горный пик на Марсе.

Предисловие

«Ло-Лита. Исповедь Межпланетного Спутника»: таково было двойное название, под которым автор настоящей заметки получил текст, возглавляемый ею. Сам «Гумберт Гумберт» умер в марсианской тюрьме, от песчаной горячки, за несколько дней до разбирательства его дела. Помощник консула, мой родственник и добрый друг Артур Кларк, попросил меня проредактировать рукопись, основываясь на завещании своего подопечного, один пункт коего уполномочивал моего кузена принять все необходимые меры, относящиеся до подготовки «Ло-Литы» к печати. Мое задание оказалось проще, чем мы предполагали. Если не считать исправления явных описок и тщательного изъятия некоторых деталей, указывающих на места и людей, которых приличие требует обойти молчанием, а человеколюбие — пощадить, можно считать, что эти записки представлены в неприкосновенности. Меж тем марсианское имя Ло-Лита слишком тесно вплетается в сокровеннейшую ткань текста, чтобы его можно было изменить — в этом и нет особой нужды, ведь человечность марсиан пока не доказана. Любопытствующие могут найти сведения об убийстве, совершенном «Г.Г.», в газетах за сентябрь-октябрь 1952 г.; его причины и цель продолжали бы оставаться тайной, если бы эти записки не попали в световой круг моей настольной лампы.

Для читателя, который воспримет «Ло-Литу» не как мемуары, а как повесть, ситуации и эмоции, в ней описанные, остались бы раздражающе неясными, будь они обесцвечены при помощи пошлых иносказаний. Хотя во всем произведении нельзя найти ни одного непристойного выражения, блюдущие нравственность цензоры могли бы отказать «Ло-Лите» в праве на публикацию, ибо те сцены, в которых досужий ханжа мог бы разглядеть произвольную чувственность, представляют собой конструкционно необходимый элемент в развитии трагической истории, неуклонно движущейся к моральному

апогею. Циник скажет, что к тому же стремится и порнограф; эрудит скажет, что страстная исповедь «Г.Г.» есть буря в чайном блюдце, ведь, согласно статистике, не меньше 10% взрослых колонистов хотя бы однажды предавались акту бестиализма, приобретая тот особый опыт, о котором «Г.Г.» пишет с таким отчаянием, и что пойди наш мемуарист роковым летом 1947 года к компетентному психопатологу, никакой беды не случилось бы. Но ведь тогда не было бы и этой повести.

Да простится сему комментатору, если он повторит еще раз то, на чем настаивал в своих трудах и лекциях, а именно, что «неприличное» бывает равнозначаще «необычному». Великое произведение искусства всегда оригинально, оно должно потрясать и даже шокировать. У меня нет желания прославлять г-на «Г.Г.», он отвратителен, он низок, он может служить примером нравственного падения, он ненормален, он не джентльмен, его суждения о Марсе и марсианах смешны. Но с каким волшебством певучая его скрипка возбуждает в нас сострадание, заставляет нас зачитываться его повестью, несмотря на испытываемое отвращение! Как описанию клинического случая, «Ло-Лите», несомненно, суждено стать одним из классических произведений психиатрической литературы, и можно поручиться, что скоро термин «марселина» появится в словарях и энциклопедиях. Но гораздо более важным, чем научное значение, мы должны признать моральное воздействие «Ло-Литы» на серьезного читателя — эта повесть предупреждает об опасных уклонах, указывая на возможные бедствия. «Ло-Лита» должна заставить нас всех — жителей Земли, Марса, Венеры и других тел Солнечной системы — с вящей бдительностью отнестись к сумеркам разума, дабы строить более надежный и безопасный мир.

Джон Картер, д-р философии
Титусвилль, Флорида

5 августа 1955 года

Часть I

1

Ло-Лита, свет моей жизни! Грех мой, звезда моя. Душка моя. Ло-ли-та. Язык ломается, не в силах воспроизвести мелодичные оттенки твоего имени, произнесенного тысячелетие назад седым марсианским королем. Ло. Ли. Та.

Она была Ло, просто Ло — по утрам, ростом пяти вершков[1]. Она была Ли в царственном платье до полу и вечерней маске. Она была Та в списках колониальной администрации. Но в моих объятьях она была всегда: Ло-Лита.

Конечно, у нее были предшественницы. Больше того, я никогда не искал бы Ло-Литу, никогда не отправился бы на Марс, не претерпел бы приключения, если бы не полюбил в одно далекое лето одну изначальную марселину.

Заседание начинается, господа присяжные заседатели! Перед вами подсудимый, и он готов исповедаться.

2

Я родился в 1910 году, в Берне. Мой отец отличался добродушным нравом и винегретом из генов: швейцарский гражданин, полуфранцуз-полурусский с румынской прожилкой. Он владел сетью роскошных гостиниц. В тридцать лет он женился на англичанке, дочке астронома Эдуарда Маундера. Моя мать была миловидной, но погибла от удара молнии — мне тогда было всего три года, и, кроме смутного золотистого образа, у меня ничего от нее не осталось. Старшая сестра матери, Сибилла, жила у нас в доме на правах бесплатной гувернантки. Я был очень привязан к ней, несмотря на суровость ее правил. У нее были голубые глаза и словно слепленное из воска

[1] Автор использует старорусскую систему мер. Согласно этой системе, человеческий рост отсчитывается от двух аршин (142 см), то есть полный рост Ло-Литы был два аршина и пять вершков (примерно 164 см).

лицо. Она писала плохие стихи. И, как многие поэты, была суеверна. Говорила, что знает время своей смерти — когда мне исполнится шестнадцать лет. Так оно и случилось, суеверие обернулось фактом.

Я рос счастливым избалованным ребенком. Вокруг меня вращался гостиничный космос. Его большие и малые планеты, от казачка на побегушках до великого князя в летнем костюме, все любили меня. Отец брал меня на лодочные прогулки, учил меня плавать и нырять, скользить на водных лыжах, читал мне Уэллса и Бэрроуза. И я уважал его и гордо радовался, когда удавалось подслушать, как слуги обсуждают его разнообразных любовниц.

Я учился в американской школе, находившейся в нескольких километрах от дома, получал отличные отметки и прекрасно уживался с наставниками и товарищами. До тринадцати лет (т.е. до встречи с Марселиной) было у меня, насколько помнится, лишь два переживания полового свойства: разговор с одноклассником-американцем во дворе школы о некоторых интимных явлениях, которыми сопровождается взросление; и новый неожиданный отклик организма на матовые снимки в пышном альбоме «Stage Beauty», который я по случайности обнаружил в гостиничной библиотеке.

Марселина тоже была смешанного происхождения — французского и голландского. В настоящее время я плохо помню ее черты. Позвольте мне поэтому ограничиться общим замечанием, что это была хрупкая и бледная до прозрачности девочка на несколько месяцев моложе меня. С младенческих лет она страдала от Osteogenesis Imperfecta, что сделало ее кости ломкими, а жизнь — болезненно трудной. Ее всегда сопровождали родители или обученный слуга, и как же люто эгоистично я ненавидел этих сопровождающих! Сначала мы с Марселиной просто беседовали, водя разговор по кругу. Она любила просеивать тонкими пальцами мелкий пляжный песок, иногда вылавливая из него камушки и осколки раку-

шек. Мы были начитанными европейскими подростками, и я сомневаюсь, что можно было бы отыскать какую-то особую оригинальность в наших суждениях о множественности обитаемых миров, ракетных полетах, автомобильных гонках, теннисных турнирах, бесконечности, бессмертии и тому подобных вещах. Нежность молодых зверьков возбуждала в нас острое романтическое страдание. Она мечтала помогать инвалидам где-нибудь на задворках цивилизованного мира; я мечтал стать секретным агентом и предотвратить войну.

Внезапно мы влюбились друг в дружку — безумно и безнадежно, ведь даже наше стремление к близости не могло быть удовлетворено. Единственное, что нам дозволялось, — это лежать на виду у взрослых, в самой многолюдной части пляжа. Там, на горячем песке, мы валялись полдня в исступлении любовной муки и использовали малейшую возможность, чтобы обменяться прикосновениями: ее рука сквозь песок подползала ко мне; мое колено совершало встречное движение; иногда песчаный замок, сооруженный детьми помладше, давал нам укрытие для легкого поцелуя; эти неуклюжие поползновения изнуряли наши тела до такой степени, что даже прохлада воды не могла успокоить.

У нас почти получилось. В последний день лета, незадолго до отъезда ее семьи, мы удалились на пляж под каким-то крайне примитивным предлогом, нам удалось обмануть слугу, отправив его за вымышленной покупкой, и вот мы нашли уединенное место, в тени красных скал, образовавших нечто вроде пещеры, обменялись торопливыми ласками и готовились возлечь, но моя душечка оступилась, упала на камень, вскрикнула от боли в сломанных пальцах, а через полгода умерла от дизентерии на острове Корфу.

3

Снова и снова я перебираю жалкие обрывки воспоминаний и спрашиваю самого себя, не там ли моя жизнь дала тре-

щину. Наверное, мое острое детское увлечение стало первым проявлением врожденного извращения. Я уверен, что Ло-Лита началась с Марселины. И смерть этого ломкого ребенка закрепила неудовлетворенность и стала препятствием для всякой другой любви.

В студенческие годы в Лондоне и Кембридже я практично удовлетворялся платными цыпочками и еще не искал в них притягательных черт. Мои занятия науками были прилежны, но поначалу не слишком плодотворны. Я думал стать астрономом, как мой дед, но небесная механика мне быстро наскучила, я испытывал ужасное томление на лекциях. Одно время, поддавшись веяниям повальной моды, я хотел уйти в ракетные конструкторы. Но тяжелая работа в жарких цехах, резкий чуждый живому запах металлов, рев потоков извергаемого пламени, удушливый смрад топливных компонентов отпугнули меня, привыкшего к курортному комфорту. Я нашел свое призвание в межпланетной связи, она была новым делом, которое раскрывало и питало в инженерах гуманитарный талант. Сплав высоких энергий, торопливого прерывистого зова морзянки сквозь беспредельную пустоту и озарения интеллектуальной игры притягивал меня. Лучших межпланетных связистов готовили в Кембридже (штат Массачусетс), и я почти без колебаний отправился в Америку. Соединенные Штаты тридцатых годов пришлись мне впору. Кембридж собрал разносторонне образованных и уверенных в себе молодых дарований. Всё внимание тогда поглощалось Марсом. Мы смотрели русские фильмы о космических достижениях, обсуждали в открытом кафе классические труды Ловелла и Антониади, крабами ползали по расстеленной на библиотечном полу карте Слайфера и чертили на салфетках тонкие нити каналов, задорно обсуждая гипотетическую архитектуру марсианских городов.

Одна из моих студенческих работ, озаглавленная «Применение квазимонохроматического радиосигнала как

позывного при установлении межпланетной связи», вызвала одобрительные отзывы со стороны профессуры. Моя идея использования шахматной доски в качестве кодовой таблицы и известных этюдов в качестве штабных команд хоть и не нашла широкого применения, но дала мне занятие, одобренное научным сообществом. Вольно и невольно я приближался к тому, что станет смыслом моей жизни и моим же грехопадением.

4

Теперь я должен изложить важную мысль. Среди девочек в возрасте от восьми до двенадцати лет встречаются примечательные особи — физически утонченные, угловатые, с белейшей кожей, под которой хорошо различимы синие сплетения вен. Наверное, по этим девочкам можно изучать отроческую анатомию, но в них самих и в их неуклюжих, как у театральных марионеток, движениях проскальзывает нечеловеческое, — словно бы перед нами не земное дитя, а существо иной природы, заглянувшее в мир из внешних сфер бытия; и этих удивительных созданий я предлагаю именовать марселинами.

Когда я думаю о встреченных мною марселинах, то представляю себе дивное место, подобное юпитерианским кущам в иллюстрациях классического издания «A Journey in Other Worlds» by J.J.Astor — туманный край, уютная долина, окруженная высокими скалами, зеркалистые озера, фантастические растения с пышными кронами. Там, в этой вымышленной стране, водятся истинные марселины, там они резвятся, хрупкие создания, скрытые туманом; там, за деревьями, слышен их звонкий смех и еще странные звуки, похожие на бестактно шумные вздохи большого мохнатого животного, которое, как мне кажется, служит иноземным чаровницам заместо лошади. Взгляд человека не приспособлен к тому, чтобы уследить за движениями истинных марселин — в этом они подобны fée из псевдосредневековых рыцарских романов, которые нынче так популярны в Старом Свете. Но иногда марселина замира-

ет, и в этом случае сквозь белесую дымку проступают тончайшие и шелковистые члены, лицо с кошачьим очерком скул и другие детали, перечислить которые мне не позволяют слезы отчаяния и стыд. Истинные марселины не могут обитать в реальном земном мире, на дне гравитационного колодца, в нем они теряют свою завораживающую нечеловеческую пластичность и легкую стремительность. Маленькие девочки (далеко не все, иначе я сошел бы с ума) несут на себе лишь призрачный отсвет сияющей страны моих грёз.

И еще: научный работник, который возьмется изучать эту исповедь, должен обязательно принять во внимание, что я не принадлежу к числу отравленных ядом инфантилизма маньяков, которые интересуются неоформившимися прелестями младенческих тел и с ложной ностальгией поминают мифологические времена, когда близость с ребенком, девочкой ли или мальчиком, не считалась противоестественной и предосудительной. О нет! Я не таков! Меня сжигала другая страсть, которой, быть может, еще нет названия в психиатрии. С каждым годом моя жизнь становилась всё более двойственной. Я имел сношения с нормальными женщинами, которые позволяли разрядиться, но пленительная мечта обволакивала меня, делая тусклыми самые забавные из моих половых приключений. Знаю, что ощущения, извлекаемые из соития, более или менее равны тем, что испытывает большинство мужчин, но беда в том, что этим господам не довелось познать хотя бы проблеск несравненно более высокого блаженства. Любой из моих снов был в миллион раз красочнее прелюбодеяний, которые может себе вообразить современный Казанова, существующий в рутинном ритме вечного воспроизводства себе подобных. Воображаемая вселенная становилась куда значимее грубой материальной чувственности. С какого-то момента я уверовал в существование еще одного пола, проявленного в болезненных девочках. Но они не могли быть истинными марселинами, придавленные к планете беспощадными зако-

нами Ньютона. И понимание этого терзало, ведь получалось, что я до одури вожделею призрака из глубин моего извращенного подсознания. Всё это я теперь рационализирую, раскладывая по полочкам, но в возрасте двадцати пяти лет я слабо разбирался в своих страданиях. Мной овладевали то страх, то стыд, то безумное веселье. Иногда я мысленно говорил себе, что нет ничего особенного и тем более дурного в том, что любовь к воображаемому существу для меня важнее, чем плотские утехи. Но при этом всё чаще выискивал глазами во встреченной на дороге стайке школьниц самую маленькую и нескладную девочку, идущую обычно в стороне от основной группы. Я разглядывал марселин на пляжах и в других местах общественного присутствия. Наверное, в конце концов я потерял бы контроль над собой и в порыве темной страсти решился бы нарушить самый суровый из человеческих запретов — похитил бы невинного ребенка, хоть чем-то напоминающего марселину из трепетных ночных грёз, и овладел им, пока ужас перед содеянным не разорвет сердце.

К счастью, господа присяжные заседатели, до такого кошмарного проступка дело не дошло. Не сомневаюсь, что я не удержал бы гранитный камень на душе и сам незамедлительно вынес бы себе смертный приговор и сам привел бы его в исполнение. Ведь я, несмотря на извращенное воображение, был хорошим человеком и старался жить по христианским заповедям.

5

От душевной катастрофы спас меня (как написал бы автор иного криминального романа) контакт с Марсом. Разумеется, в начале сороковых это было не столько ожидаемым, сколько запланированным событием. Усилиями сотен астрономов, до боли вглядывавшихся в небо в периоды марсианских противостояний, были составлены карты великих каналов, оазисов и древних городов. Отдельные

уникумы даже сумели разглядеть огни, ошибочно приняв их за оптические сигналы. Через полвека после Скиапарелли и Лоуэлла мало кто среди образованных людей сомневался, что на соседней планете обитают существа, преобразующие природу в свою пользу. Однако далеко не каждый философ из тех, что праздно ведут велеречивые онтологические споры в «Nouvelle Athènes», готов был признать разумность жителей Марса. Я хорошо помню дни, когда популярной была чепуховая гипотеза, будто бы марсиане, наподобие муравьев или пчел, роют свои каналы, движимые животными инстинктами. Сторонники ее говорили: нет никаких признаков, что марсиане пытаются связаться с нами, а ведь стремление к общению присуще всем разумным существам (в моду тогда вошел термин «астросоциологический парадокс»). Впрочем, в Кембридже таковые сторонники встречались редко — мы были молодыми максималистами и верили, что контакт обязательно состоится. Лет в двадцать шесть, то есть в то время, когда я уже начал неосознанные поиски марселин (но еще не именовал их так), в книжной лавке мне попались подшивки иллюстрированные еженедельники «Science and Invention», выпускаемого сэром Гернсбеком. Продукция подобного рода считалась низкопробной, потакающей вкусам любознательных профанов; авторы еженедельника часто писали о жителях соседних планет и далеких туманностей, выдавая наркотические фантазии за научное предвидение. Наверное, я пролистал бы пару таких еженедельников и тем ограничился, но скучающий взгляд зацепился за великолепные иллюстрации, подписанные Paul, и меня пронзило молнией узнавания. Не могу сказать наверняка, но, возможно, загадочный Paul был заражен той же болезнью, что и я, пытаясь запечатлеть тайное место, где собираются истинные марселины. Картинки показались мне грубоватыми, но я сразу простил художественную условность, присущую даже шедеврам натурализма, ведь земной человек вряд ли

способен (повторю еще раз для лучшего понимания) запечатлеть во всей полноте облик марселины, складывающийся из ее особого тела и ее движений. Номер еженедельника был посвящен «гипотетическим» обитателям Марса, а Paul изобразил «марсианских дев» — обнаженных, танцующих под светом лун, с причудливыми масками на лицах. И я, как будто в ярчайшем прозрении новорожденного, осознал, что если где и водятся истинные марселины, то только там — в далеком угасающем мире. Неудивительно, что я сделался постоянным читателем «Science and Invention» и поклонником таланта Paul. Хотя художник нечасто баловал меня изображениями марселин, я находил в его творчестве нечто возвышающее над привычным суетным бытием, словно и впрямь он сумел пронзать взором медиума пустые бездны, разглядев недоступное самым совершенным оптическим орудиям астрономов. Сокурсники полагали мое новое увлечение пошлым, но я был достаточно независим и не придавал значения пустым оговорам. Я даже написал пару статей о межпланетной связи в еженедельник, и одна из них была опубликована с иллюстрациями любезного Paul, который, замечу, всё же не сумел должным образом ухватить идею радиопередачи с использованием ультракоротких волн, изобразив неудобоваримые концентрические окружности, очевидно обозначающие какие-то эфирные потрясения.

Вы можете представить теперь, с каким трепетом я ждал вестей от первой экспедиции на Марс, с каким вожделением хватал утреннюю газету, чтобы прочитать в постоянной колонке о новых достижениях героических звездоплавателей, преодолевающих верста за верстой межпланетное пространство. И можете представить, какой ликующий восторг наполнил мою душу, как неистово билось смущенное сердце, когда пришло известие о благополучной высадке и первой встрече с марсианами. Тогда еще не было космических фототелевизионных систем, для передачи изображений с борта ракет использова-

лась примитивная псевдографика — посему до возвращения экспедиции мне приходилось довольствоваться лишь словесными характеристиками. В тюремной библиотеке, которой я принужден ныне пользоваться, среди обязательного набора из Библии, Диккенса и Достоевского есть прекрасное массовое издание «Записок врача космического корабля» — воспоминания о первой марсианской экспедиции, написанные ее участником хирургом Зигмундом Рашером. Этот выдающийся исследователь не только описал женщин Марса, но и сделал несколько собственноручных зарисовок. Его легкие эскизы сейчас передо мной, и я вижу, сколь далеки они от совершенства, но и в них можно разглядеть неповторимые черты. О, марселины!

6

В то время мне стало окончательно ясно, что отныне моя судьба связана с красной планетой. Я должен отыскать истинных марселин, чего бы это ни стоило. Сеть гостиниц, доставшаяся в наследство от отца и управляемая опытными приказчиками, приносила неплохой доход, позволяя мне вести вольную жизнь rentier и выбирать занятие по вкусу. Я завершил обучение в Массачусетском институте и переехал в Нью-Йорк, где начал посещать в тамошнем университете лекции ведущих специалистов по звездоплаванию. К этому добавилось углубленное изучение марсианского языка и его диалектов (была уже установлена надежная связь между планетами, а на Марсе открылось земное посольство). Оглядываясь на тот период, я вижу его разделенным на просторный свет и узкую тень: свет относится к радости нового познания, тень — к самоистязанию мечтой, которая не становилась ближе от моих прилежных усилий. Знакомый со мной читатель легко себе представит, как усердно, в пыльную жару, я высматривал марселин среди девочек, играющих в Центральном Парке, и как мне были отвратительны те из них,

кто, казалось, лучше всех походил на моих инопланетных фей. Гибельный упадок душевных сил привел меня в санаторию на полтора года; потом я вернулся к работе, но вскоре опять занемог.

Выздоровление могла обещать деятельная жизнь в провинции. Любимый мой врач, очаровательный циник с гладко выбритым черепом, осведомленный о моих профессиональных интересах, посоветовал отправиться в южные штаты, где прямо сейчас разворачивалось бурное строительство: возводились ракетодромы, измерительные пункты и станции космической связи. Он познакомил меня со своим братом, который был известным астробиологом и собирался устроить исследовательскую базу в пустыне Мохаве (по его мнению, это гиблое жаркое место соответствовало марсианской равнине в летний период). Я был прикомандирован к экспедиции в качестве «специалиста по связи» и время от времени делил с двумя молодыми аспирантами и старым механиком пухлявые прелести нашей «специалистки по питанию», которую, к моей радости, вскоре услали восвояси. Полгода мы изнывали от жары и скуки, занимаясь поисками микроорганизмов, таящихся под камнями от убийственного солнца, и всё, что могу сказать об этой «марсианской каторге» (как шутливо выразился один из астробиологов): нигде и никогда мне не приходилось чувствовать себя более отчужденным от своего «я».

Читатель узнает с сожалением, что вскоре по возвращении в цивилизованный мир мне снова пришлось бороться с меланхолией и невыносимым томлением. И тогда в смутном порыве вдохновения я решился на автомобильное путешествие во Флориду, надеясь снять симпатичный домик в пригороде Орландо и наблюдать по заре, как стартуют в алеющее небо серебристые сигары ракет. Господа присяжные заседатели, вы можете подумать, что уже тогда я вынашивал план легально или нелегально проникнуть на борт космического корабля, но нет! — в то время я не был готов к межпланетному переле-

ту ни морально, ни физически. Я был наслышан, в каких невыносимых условиях приходится жить первым колонистам, как труден полет, как тяжела адаптация. Меня страшила мысль, что ежели я доберусь до Марса, то слягу от высотной болезни или песчаной горячки — находясь в шаге от цели, я так и не увижу моих чарующих марселин!

И я поехал. Не буду описывать свой нудный извилистый путь из штата в штат — этот рассказ ничего существенного не добавит к моей исповеди. Скажу только, что сотни верст, десятки мотелей и бензозаправок промелькнули мимо, как будто в полусне, а внезапным пробуждением стала вынырнувшая из-за зеленых холмов тарелка телескопической антенны, которую я совсем не ожидал увидеть у богом забытого Рамздэля. Я остановил машину, вылез и в состоянии странной завороженности сделал несколько шагов по шоссе в направлении тарелки. Мне вдруг вспомнилась картинка, с помощью которой милый непосредственный Paul проиллюстрировал мою популярную статью в «Science and Invention» — условный земной глобус, маленькая антенка, воткнутая в него где-то в районе Денвера, концентрические окружности, должные обозначать радиотрансляцию. А в верхнем левом углу он изобразил маленький диск Марса, испещренный линиями каналов. Решение всех проблем находилось у меня перед глазами, но до чего же я был слеп! Только со смехом, а не иначе, можно вспоминать, как за своими изнурительными штудиями и эмоциональными перепадами я забыл, кем стал в массачусетском Кембридже, а ведь моя профессия давала мне ключ к внешним мирам и главное — возможность обретения контакта с истинными марселинами.

Я вернулся в машину и на медленной скорости въехал в Рамздэль, ища гостиницу. Это был обычный юго-восточный городок — старые дома в колониальном стиле, стриженые газоны, ратуша с башенными часами. На повороте в гостиницу с лепным фасадом, которая называлась причудливо

«Привалом Зачарованных Охотников», я едва не раздавил навязчивую беспородную собаку (из тех, что устраивают засады автомобилям). Чертыхнулся, но осмотрелся внимательно и сразу нашел место для парковки — под удобным навесом. Меня встретил седой горбатый негр в старомодной ливрее. Он положил в тачку мои чемоданы и медленно покатил их в холл. Холл был пуст, если не считать парочки старых дам при священнике. В отельной конторе лысый помятый служащий предложил мне на выбор десяток номеров. Я выбрал одиночный с видом на площадь и тут же поинтересовался, откуда в Рамздэле антенна космической связи. Вопреки ожиданиям служащий оказался словоохотливым и поведал, что достопримечательная тарелка находится в частной собственности у местной героини по имени Долорес Гейз. Ее отец сделал состояние на патентах в радиотехнике, а мать была истовой суфражисткой и воспитала дочь в любви к точным наукам. Вместо того чтобы (как полагается правильной американской девушке на выданье) получать старосветское образование, увлекаться платьями, побрякушками, музицировать и готовиться к встрече с будущим мужем, непоседливая Долорес уехала в технический колледж, а вернулась самодовольным инженером. На деньги отца и с благословения своей вздорной матушки за два года она построила эту тарелку. Бессмысленность затеи была очевидна всем обитателям Рамздэля, и мало кто сомневался, что семейство Гейз скоро пойдет по миру. Но тут грянул «марсианский бум», и тарелка Долорес (так называли антенну в Рамздэле) оказалась необычайно востребованной: посыпались заказы из университетов и космических корпораций на сеансы связи с летящими ракетами и планетарными базами; в Рамздэль стали наезжать ученые с мировым именем, а иногда здесь можно было встретить живого звездоплавателя и взять у него автограф! «Привал Зачарованных Охотников» тоже не остался внакладе, и теперь к Долорес относятся с большим

почтением. Признаюсь, читатель, что и меня несколько шокировал такой простой уверенный подход неведомой Гейз (хотя имя ее отца я вроде бы слышал ранее): привычным казалось, что дальняя космическая связь — это государственное дело, находящееся под строгим надзором военного ведомства; здесь нет места озорству и самопалу. Но тарелка Долорес существовала, и уже этим разрушала прочные стереотипы.

Оставив вещи в номере, я пешим ходом отправился к антенне. Был теплый весенний денек, живое жужжание насекомых наполняло воздух, пахло цветущими каштанами. Я не осведомился о возрасте Долорес Гейз, и по дороге мне представлялось, что я встречу дородную старую деву с суровым мужеподобным лицом, на котором навеки застыла презрительная гримаса, характерная для профессуры технических университетов. Поэтому, завидев молодую загорелую рыжеватую женщину в просторной клетчатой рубахе и в синих ковбойских панталонах, возившуюся с ведром и шваброй на пороге аппаратной пристройки, я вообразил, что передо мной рядовая домохозяйка (нанявшаяся на сезон в надежде встретить заезжего очкастого рыцаря науки). Но тут женщина остановилась, выпрямилась, сняла с рук и небрежно отбросила желтые резиновые перчатки, после чего ленивым движением опытного курильщика извлекла из нагрудного кармана папиросу «Дромадер» и требовательно посмотрела на меня, явно выжидая, что я помогу ей с огнем. Я развел руками, показывая, что не имею дурной привычки. Она поморщилась уголком тонкогубого рта и сказала: «Долорес Гейз. А вы, позвольте, кто?» Так состоялось наше знакомство, которое через два месяца вылилось в мою первую и последнюю женитьбу.

Здесь надобно сообщить моему благосклонному читателю: я был и еще остался, невзирая на все бедствия и болезнь, исключительным красавцем, со сдержанными движениями,

с мягкими темными волосами и с привлекательной осанкой большого тела. Я отлично знал, что мне стоит только щелкнуть пальцами, чтобы получить любую взрослую особу, избранную мной; я даже привык не оказывать женщинам слишком много внимания, опасаясь того, что та или другая плюхнется, как перезрелый плод, ко мне на сдвинутые колени. Не могу сказать уверенно (время крадет необязательные воспоминания), что я сразу решил воспользоваться моей поразительной, хотя и несколько брутальной, мужской красотой, чтобы вовлечь Долорес в паутину моего нового плана; однако уже в те первые минуты я по чистому наитию попытался произвести на нее самое выгодное впечатление. Мы разговорились, и я, выдавая ей строго дозированную полуправду, представился частным исследователем, который ищет свободный и неподцензурный канал связи с планетами для сбора материала для монографии. Долорес посетовала на занятость, но тут же с удовольствием согласилась показать мне свою тарелку, аппаратную пристройку и генераторы. При беглом осмотре я убедился, что дела Гейз идут вовсе не так хорошо, как полагал восторженный гостиничный служащий — оборудование было далеко не новым (сказал бы, что купленным на распродаже, но купить на этих ярмарках мещанства радиоаппаратуру, работающую в УКВ-диапазоне, пока еще затруднительно); сама антенна (стандартный «Saturn», диаметр зеркала — дюжина сажен) была изготовлена для экономии средств в Чехии; электрогенераторов по мощности было впритык (два из четырех находились в полуразобранном состоянии), и Долорес приходилось покупать электричество у города. Однако я никак не выказал пренебрежения к технической оснащенности — наоборот, всячески расхваливал достижения Гейз и пару раз как бы в порыве восхищения коснулся ее локтя. Тогда же я дал ей несколько советов по аппаратной модернизации и предложил софинансирование. Разумеется, Долорес не могла устоять перед напором обеспеченного красавца с массачусетским дипломом и почти

сразу в качестве ответной любезности пригласила переехать из отеля в ее дом, в гостевую комнату, которая (поразительная удача!) как раз пустовала.

7

Моя болезнь развивается, я задыхаюсь в пыльном воздухе этой склепоподобной темницы, но я не сдамся. Написал уже два десятка страниц, а ни до чего внятного не договорился. Воспоминания начинают путаться. Долорес. Я познакомился с тобой в конце мая 1947-го года. Или 48-го? Нет, больше не могу сегодня. Легкие жжет, холодный пот струится из пор, голова раскалывается от боли — словом, всё плохо. Ло-Лита, Ло-Лита, Ло-Лита, Ло-Лита, Ло-Лита, Ло-Лита... Повторяй это имя, оператор, пока страница не кончится.

8

Заседание продолжается, господа присяжные заседатели! Как бы то ни было, я решил жениться. Самые разные соображения двигали мной. Мы были близки с Долорес по устремлениям, имели равное образование (по официальной версии, ведь я не стал посвящать ее в подробности своих нью-йоркских изысканий) и достаточно зрелый возраст, чтобы соединить если не сердца, то доходы и члены. Мои старосветские манеры и сдержанный лоск импонировали ей; я же полагал, что ровная жизнь, домашний стол, неспешная работа по специальности и профилактическая однообразность постельной деятельности могли бы помочь мне если не отделаться от порочных позывов, то, по крайней мере, с ними справляться. Нашему сближению еще способствовали длинные вечера, когда мы сидели tête-a-tête у динамиков приемника, вслушиваясь в шорохи внешнего космоса, выискивая среди хаоса затейливый писк морзянки или бравые голоса межпланетных капитанов, рапортующих о пройденном пути. Бдения завершались глубокой ночью, а поутру на веранде родового гнезда

семейства Гейз я вновь встречал Долорес, расположившуюся в садовом кресле, по-домашнему всклокоченную и в мохнатом халате, изучающую свежий выпуск «Radio Engineering». Можно сказать, мы сроднились, но время от времени (не судите за это строго!) меня охватывало глубокое отвращение, приправленное желанием немедленно смыться из Рамздэля, ведь спелые прелести милой Долорес были столь же далеки от завораживающего идеала истинной марселины, как тусклый мертвый Плутон далек от живого ослепительного Солнца. И только эти периоды, повторявшиеся регулярно, удерживали мою тянущуюся руку или останавливали в гортани слова лживого любовного признания.

Теперь послушайте, что произошло по истечении шести недель нашего знакомства, сопровождаемых незримой, но от того более мучительной пыткой обостренными чувствами. Не могу поклясться, что, медля с предложением, я не подталкивал Долорес к тому, чтобы она сама проявила известную инициативу. В пространстве между нами уже проскакивали игривые искры. Но и она не торопилась перешагнуть границу, отделяющую необременительный флирт от строгих амурных обязательств. Полагаю, миссис Гейз всё-таки не сумела привить дочери должной раскрепощенности идейной американской суфражистки. И вот однажды, в субботний день, Долорес собралась в университет Шарлотта, на конференцию по космической связи. По пути она планировала заехать в мастерскую Митчеллов и заказать ремонт шестерни угломестного механизма. Таким образом, почти на двое суток я оставался полновластным хозяином тарелки. Меня вдохновил этот отъезд. Уже дважды, прощупывая эфир в направлении Марса, я различил несколько тихих, нарушенных помехами слов, из которых разобрал: «Тума... Соацр... Талцетл...» Мне стоило невероятного усилия, чтобы не вскрикнуть, когда я осознал, что это не случайное порождение радиовихрей, а именно слова на языке песчаных королей. Марс, Солнце, Земля. С них начиналось мое обучение марсианским

языкам и диалектам, они же стали позывными мечты. Я не поделился с Долорес своим открытием (к счастью, она совсем не интересовалась языками, с высокомерием истинной американки полагая, что даже Бог говорит по-английски), но сгорая ждал возможности, когда смогу прийти в аппаратную в одиночестве и настроиться на таинственную волну. Отчетливо помню поспешные сборы, хлопки дверей, длинные тени каштанов, кожаный чемодан с трогательными багамскими наклейками, тарахтение двигателя, легкий чисто дружеский поцелуй в щеку. Оставшись на дороге, я поймал себя на том, что слабо, но ритмично помахиваю поднятой рукой. Тут же я выкинул Долорес из головы и чуть ли не бегом отправился в аппаратную, чтобы успеть настроить оборудование и развернуть зеркало антенны перед восходом Марса, который тогда был в оппозиции, давая мне надежду на устойчивую связь. За работой я не заметил, как наступила ночь, пришлось включить подсветку. Я медленно поворачивал верньер приемника, изо всех сил напрягая слух. В какой-то момент я испугался, что не смогу найти нужную волну, что на самом деле три марсианских слова — это галлюцинация, вызванная последними переживаниями. Огненный хаос отчаяния уже поднимался во мне до края, как вдруг черная космическая пустота сказала: «Эллио утара гео Талцетл». Здравствуй и славься, сын Земли!

Прости меня, читатель, но необыкновенно трудно мне выразить с требуемой в исповеди силой этот взрыв, эту дрожь, этот толчок страстного узнавания. В один пронзительный миг тьма моей души наполнилась теплым сиянием, в ней расцвела нежная волшебная nova. А из наушников продолжал литься певучий голос истинной марселины — слово за словом, фраза за фразой. Трясущимися руками я схватил чистые листы, приготовленные для заметок, и начал покрывать их корявыми буквами, как будто заново учился писать. Тут же пытался переводить услышанное. И по сей день я до мельчайших подробностей помню это первое послание от моей неугасимой звезды.

Здравствуй и славься, сын Земли!

Да будет крепок твой дом. Да будет свеж твой воздух. Да будет прозрачна твоя вода.

Мое имя Ло-Лита, я дочь Марса.

Мой мир умирает. Но я верю, что жизнь сильнее смерти.

Я ищу тебя, сын Земли. Я прошу тебя о помощи.

Ты великан, сын Земли. У тебя прекрасное лицо, оно подобно Солнцу. Ты сильный, мужественный и добрый. Твои руки — из железа, колени — из камня. От твоего взгляда женщины чувствуют тяжесть под сердцем.

Приди ко мне, сын Земли, наполни водой высохшее русло. И я буду твоей навеки.

Где ты, где ты, где ты, сын Земли?

Мое имя Ло-Лита, я дочь Марса.

Наступила длинная мучительная пауза, потом мелодия голоса истинной марселины зазвучала вновь. Далекая Ло-Лита («Ло» — впервые, «Лита» — свет звезды, Свет-Звезды-Видимой-В-Первый-Раз) повторяла свой призыв, свою отчаянную мольбу, и трепет моего пронзенного сердца был ей ответом.

Внезапно мне сильнейшим образом захотелось курить. Я никогда не понимал удовольствия, которое испытывают любители никотинового угара, но в тот момент приземленный и банальный до тошноты ритуал показался необходимым для символического завершения значительного, но не самого главного этапа в жизни — как членовредительская инициация дикаря-подростка на каких-нибудь варварских Каймановых островах. Долорес держала папиросы в доме, и я покинул станцию, пройдя по усыпанной кирпичной крошкой аллее, в жемчужном тумане воплощенного торжества. Я поднялся на веранду, открыл дверь и шагнул в холл первого этажа, совершая эти действия механически, не чувствуя ног и рук. Я не стал включать свет, чтобы не нарушить яркой вольфрамовой вспышкой волшебную грёзу

ночи. В осторожном движении я нашел письменный стол Долорес (она любила работать, сидя лицом к окнам веранды), пошарил ладонью в поисках пачки «Дромадер» и наткнулся кончиками пальцев на бумажный лист, оставленный посередине стола явно в расчете на то, чтобы я его заметил. Я замер, подозревая худшее, а потом всё-таки зажег настольную лампу. «Это — признание: я люблю вас», — так начиналось письмо Долорес Гейз. Я прочитал его всего один раз, и во мне вновь всколыхнулось отвращение. Глупая-глупая Долорес своими сентиментальными каракулями сумела-таки испортить мой праздничный вечер и грозилась испортить мне жизнь, поставив условие: или я отвечаю ей взаимностью, или убираюсь к чертовой матери из Рамздэля до ее возвращения. Или-или — никак иначе. В порыве безотчетного гнева я изорвал письмо на мелкие клочки, усыпав ими столешницу. Эта нелепая женщина встала на моем пути к мечте, и, наверное, я убил бы ее, окажись она поблизости в тот роковой час. Я рычал сквозь стиснутые зубы, стонал, закидывая голову. Но потом словно ангел коснулся моего плеча спокойной дружеской рукой, призывая не спешить. И я послушался. Я прогнал гнев и увидел, что всё еще нахожусь у письменного стола. Господа присяжные заседатели, я почуял, что лицу моему блуждает дьявольская усмешечка. Если я соглашусь на женитьбу, то смогу всласть использовать тарелку Долорес для связи с Ло-Литой, я работал бы в эфире безнадзорно и в самые подходящие часы. Затем, двигаясь как бы на мысленных цыпочках, я вообразил мисс Гейз подругой жизни. Неужели я не смог бы подать ей в постель чашечку кофе? Неужели не смог бы удовлетворить ее плотские желания? Не смог бы стать галантным и даже нежным кавалером? Не смог бы создать иллюзию присутствия второй надежной половины? Зато в награду я получал бы песнь Ло-Литы, несущуюся сквозь ледяную бездну — для меня, только для меня.

Внутренний выворотень грезил, и алое солнце решимости поднималось всё выше, разгоняя мрак отчаяния.

Желая избавить бедную Долорес от мук сердечного замирания (и, возможно, предотвратить дорожную катастрофу), я дозвонился до отеля в Шарлотте, где остановились участники конференции, и целый утренний час мы проворковали голубками, обмениваясь пустейшими фразами, почерпнутыми из французских романов. Я даже ощутил некий победный подъем, трепеща и упиваясь властью над роком. А закончив, отправился в город и набрал пряных жирных продуктов. Купил, кроме того, спиртных напитков высокого качества и фруктовый набор. Солнце совершило привычный обход дома. День стал клониться к вечеру. И я, взбодрив себя изрядной порцией джина с тоником, решил сделать доброе дело — подстричь запущенный лужок перед верандой. Я работал прилежно, в облаке сочного травяного аромата, срезая головы опушившимся одуванчикам. Джин и истинные марселины играли у меня в крови, и однажды я чуть не свалился, запнувшись о старый корень. Наконец синий «седан» Долорес выскочил из лиственной тени дорожного поворота, а рядом мчалась вредная приставучая собака. Наступила нежная пауза, а потом скрипнули тормоза, мотор заглох, и Гейз побежала ко мне по скошенной желтеющей на глазах траве.

9

Будем продолжать сию повесть. Когда в брак вступают взрослые и самостоятельные люди, пренебрежительно относящиеся к устаревшим обрядам, тогда свадьба обходится без глупой канители и бывает довольно «скромной». Моя Долорес была практичной и общительной дамой. При этом, хотя она не могла сдержать ни сентиментальных порывов, ни криков на брачном ложе, она была с принципами. Сразу после свадьбы она учинила мне допрос с пристрастием насчет моих религиозных воззрений. Я мог бы ответить правдиво, что сво-

боден от предрассудков, но, отдавая дань моде, сказал, что являюсь сторонником космизма и верю в одухотворенность Вселенной. Разглядывая свои коротко подстриженные ногти, она спросила еще, нет ли у меня каких-нибудь порочных наклонностей, о которых ей следовало бы знать. Я ответил встречным вопросом: можно ли считать ее непритязательность в выборе одежды и парфюмерии, ее тягу к инженерной деятельности «порочной наклонностью»? Она сказала с торжественностью, присущей больше политическим ораторам, что признает мое право быть свободным от общественных условностей, но не хотела бы в один прекрасный день узнать, что взаимность моя была вымученной. Потому что в этом случае ей придется покончить с собой. Меня продрал мороз от этих слов, произнесенных с глубоким убеждением, и я поспешил утешить и утешиться самым простым способом, который может предложить муж жене.

Семейная жизнь вошла в колею, инстинктивно копируемую нами по идеализированному шаблону, который некогда обточили родители. Мы занимались любовными играми (порой весьма бурными), слушали межпланетный эфир, в солнечные дни ездили на велосипедах к Очковому Озеру для купальных удовольствий, наносили визиты многочисленным подругам моей жены, отмечали все эти дни независимости, дни матери, дни благодарения и прочие североамериканские праздники, придуманные рекламными компаниями для продвижения залежавшегося товара. Долорес наслаждалась благообразным мещанским бытом и казалась вполне умиротворенной. Я же приступил к осуществлению своего тайного плана, для чего прежде всего завел дневник — записную книжечку в черном кожаном переплете с золотым тиснением. В нем я самым экономным (и самым бесовским) из своих почерков делал записи о тех ночных часах, когда оставался наедине с небом и Ло-Литой. Дневник не сохранился — я уничтожил его сразу после инцидента с Долорес. Теперь жалею об этом, ведь книжечка

могла бы стать хорошим дополнением к исследованию, отражающим душевную прецессию автора этой исповеди.

Времени у меня остается всё меньше, господа присяжные заседатели, поэтому я не стану в подробностях пересказывать содержимое дневника, но кое-что отметить обязан. Я вышел на связь с Ло-Литой через два дня после сумбурного ужина с Долорес, который послужил своеобразным эрзацем помолвки и завершился первой, пока безуспешной, попыткой совокупления с будущей женой (Долорес отнеслась к этому казусу с пониманием, за что была вознаграждена прихотливейшим ассортиментом старосветских ласк). Послание моей далекой марселине созрело еще во время исторической стрижки запущенного лужка. Затем я долго, перебирая слова и комбинируя словосочетания, отбрасывал избыточное, шлифовал короткий текст, добиваясь ясности и выразительности. Когда же он удовлетворил меня, я перевел его на язык песчаных королей. «Здравствуй и славься, Ло-Лита. Да будет крепок твой дом. Да будет свеж твой воздух. Да будет прозрачна твоя вода. Тебя вызывает сын Земли. Мое имя Гумберт. Я принял твое послание. Я могу помочь тебе, Ло-Лита. Оставайся на связи, Ло-Лита. Расскажи о себе, Ло-Лита. Мое имя Гумберт, я сын Земли». Ответ я получил на заре — уставшая от ночных бдений Долорес ушла в дом сварить кофе, и я сразу перенастроил приемник на нужную волну. В тот момент мне удалось различить всего несколько слов, но волна восхитительной дрожи прокатилась по телу, задев самую тайную и чувствительную струну моей низменной плоти. Голос Ло-Литы произнес: «Гумберт, сын Земли, я нашла тебя», и этого оказалось достаточно, чтобы четверть века, прожитые с тех пор, как я со звериным вожделением тянулся к маленькой хрупкой Марселине в тени красноватых скал, сузились до мелкой трещинки на дне воображаемого пересохшего озера, а затем — исчезли. Моя nova (о, далекий-близкий Herr Doktor, которому суждено вылечить меня от запущенной хронической бо-

лезни!) сама налаживала незримый мост между планетами, чтобы пустить страждущего Гумберта Гумберта в волшебный мир истинных марселин. Вернувшаяся Долорес застала меня в возбуждении, близком к безумию, — напевая что-то бессмысленное о кипарисах, платанах, гитарах и бутылке старого коньяка, я подхватил свою невесту за талию, расплескал кофе, расстегнул податливую молнию на ковбойских штанах и прямо там, в аппаратной, на столе рядом с блоком-преобразователем, через тугое напряжение вскрыл ее горячее лоно — благо предрассветные сумерки были еще густы, и я волен был представить, что подо мной не приземленная Долорес, а высшее существо из пронзительно цветистых снов.

В последующие месяцы я неоднократно прибегал к этому фокусу: после очередного сеанса радиосвязи с Ло-Литой брал Долорес, неустанно фиксируя внутренним оком маньяка свою далекую огненную цель. Время от времени я даже пытался разглядеть в миссис Гумберт какие-то черты марселины — особенно по вечерам, на веранде, когда тени ложились так удачно, что придавали лицу жены пьянящий меня неземной изыск. Я заставил жену извлечь из-под кучи старых папок, сваленных в гараже, альбом с выцветшими семейными фотографиями, дабы я мог посмотреть, как она выглядела в отрочестве; и там мне удалось отыскать один снимок, на котором Долорес (правда, повернутая в профиль и наклонившаяся подтянуть сползший чулочек) походила на неясный черновик истинной марселины.

Но нет, нет, читатель, всё же я не мог полюбить свою жену так, как она любила меня. За традиционным полуденным кофе (после ночного эфира мы вставали поздно), в угнетающем уюте кухни, она сидела в красном халате, облокотясь на пластиковую столешницу, подперев щеку кулаком и уставившись на меня с невыносимой нежностью, пока я перелистывал свежие газеты. Хотя лицо Гумберта Гумберта было в такие минуты мрачнее тучи, в ее глазах оно соперничало

с солнечным светом. Мою хандру она принимала за безмолвие любви. Мои европейские доходы в совокупности с ее скромными средствами производил на миссис Гумберт впечатление блистательного состояния, и это не потому, что оно позволило ей поправить дела, расплатившись по критическим долгам, а потому что даже моя чековая книжка обретала для нее ореол волшебства, словно бы извлеченная из сокровищницы Али-Бабы. Моя бедная супруга! Два года она не знала ничего о тайной изнанке мой жизни и, конечно, не догадывалась, что в дни, когда Марс уходил за Солнце и утрачивалась даже слабая связь с Ло-Литой, я впадал в исступление и, страдая от мысли, что, может быть, мне больше не удастся услышать чудесный зовущий голос, обдумывал планы изощренного убийства своей приставучей женушки и, допустим, случайно оказавшись в лавке садового инвентаря, разглядывал режущие и секущие инструменты с пристальным интересом прирожденного садиста.

Любознательный читатель тут должен спросить: чем же были наполнены мои сеансы связи с Ло-Литой? Я отвечу просто: мы с ней учились. Чтобы лучше понимать друг друга, чтобы вывести наш надмирный диалог из области сухого обмена позывными в сферу упоительной чувственности, мы учили друг друга языкам (Ло-Лита учила меня языку песчаных королей, я учил ее английскому), истории своих планет и основам культуры (от Ло-Литы я, между прочим, узнал о культе Мэнни, объединившем пеструю марсианскую цивилизацию). Я рассказывал ей старые сказки, переиначивая иногда весьма вольно Андерсена и Перро, — моя душенька в ответ пела древние марсианские песни, знакомя с чуждыми ритмами неземной жизни и смерти. Это были упоительные часы, но всегда после них оставался горький привкус, ведь они, даря надежду на встречу с мечтой, превращали всё остальное в пресное и бессмысленное коловращение. Но что могло вырвать меня из тесной беличьей клетки, определенной мне с рождения?

От катастрофы было не уйти. О, моя бедная Долорес! Не смотри на меня с ненавистью из твоего вечного рая посреди алхимической смеси из металла, резины, стекла и гептила — даже когда я позволял себе фантазировать на тему жестоких пыток с отрубанием членов, я никогда (никогда! никогда!) не желал тебе такого страшного испытания.

10

Как писали многие авторы опытнее меня: «Читатель легко может вообразить...» Впрочем, я лучше отброшу это хваленое воображение, словно мусорную бумажку, и расскажу моему преданному читателю, как на третьем году брака добропорядочный семейный радиоинженер Гумберт Гумберт превратился во вдовца, целящегося быстрее покинуть гравитационный колодец под названием Земля.

Господа присяжные заседатели, в этой печальной истории мне только одно можно поставить в вину — я стал слишком небрежен в сохранении своих секретов. Не скажу, что моя благоверная обожала совать нос куда не следует, но ее (как, наверное, и всякую любящую женщину) интересовали мельчайшие подробности, касающиеся избранного спутника жизни. Долорес ненасытно требовала, чтобы я поэпизодно и детально изложил ей хронику своего прошлого (часто мне приходилось эти эпизоды и детали выдумывать, ведь память вытворяет престранные штуки, вычеркивая целые года), чтобы я делился впечатлениями о прочитанном (тут я ее разочаровывал, поскольку давно не слежу за популярными новинками беллетристики), чтобы я обсуждал с ней свои планы и рабочие идеи (это было особенно трудно, ведь Долорес обладала тонким чутьем на фальшь — как музыкант, который может быть ужасным пошляком, лишенным вкуса, но при этом обладать абсолютным слухом, способным различить одну фальшивую ноту в оркестре). Мне так долго удавалось обходить все рогатки ее внима-

тельности только потому, что я старался не лгать — даже мои биографические выдумки вырастали из подсмотренного в детские и студенческие годы. Не скрывал я и своего увлечения Марсом — это было бы невозможно, ведь я выписывал массу литературы по этой тематике: словари, альбомы, ареографические и этнографические справочники, ежемесячный бюллетень «Martian Chronicles». Но, слава богу, Долорес считала мои марсианские предпочтения модным hobby, коим в конце сороковых были заражены миллионы, и никогда не пыталась выяснить, есть ли у меня планы относительно красной планеты. Своими истинными чувствами и мыслями, без прикрас и цензуры, я делился только с дневником. Туда я записывал и расшифровки своих сеансов с Ло-Литой, и горестные соображения по поводу исчезновения связи, а еще — самая непростительная ошибка — злые эпитеты в адрес ни в чем не повинной женушки, которую я особенно горячо ненавидел в те унылые дни. Разумеется, я держал дневник под замком в нижнем ящике письменного стола, который заказал для себя у местного мебельщика по фамилии Фарло; причем ключ всегда держал на брелоке с остальными и уверил себя в том, что миссис Гумберт никогда не захочет разыгрывать из себя жену La Barbe bleue. Но когда живешь в одном доме с любящей и внимательной супругой, нельзя полагаться на веру — моей изобретательной Долорес не понадобился ключ.

Помню, читатель, был дождливый день с сильным ветром; сорванные листья летели в окно. Я работал в своем кабинете, но настроение было тягостным: погода, мигрень, отсутствие устойчивой связи с Марсом. В голове крутились беспорядочным хороводом обрывки мыслей, среди них проскакивали искры банальных рифм («путь-уснуть», «ожиданий-исканий», «грозы-прозы», «вновь-любовь»), но стихотворение не складывалось (всё-таки я не поэт, господа, а радиоинженер). Щемящее чувство покинутости заставило меня открыть нижний ящик и достать дневник, чтобы запечатлеть в нем хоть

что-то из умственного сумбура. В этот момент в кабинет вошла Долорес, одетая по-домашнему в красный халат, и мне ничего не оставалось делать, как судорожным движением сбросить черную книжечку обратно в ящик и задвинуть его с поспешностью застигнутого врасплох преступника. Долорес приблизилась к столу, положила на него руку.

«Я давно хотела тебя спросить, — сказала она деловито, — почему он у тебя всегда заперт?»

«Оставь его в покое», — процедил я, не сдержав естественное раздражение.

«Где ключ?» — «Спрятан...» — «От кого?» — «От тебя». — «Зачем?»

«Там заперты письма от марсианской любовницы», — немедленно придумал я «шутку», подходящую случаю, и, как видите, господа присяжные заседатели, снова сумел обойтись без прямой лжи.

Она бросила на меня изумленный взгляд, который всегда означал, что я сделал нечто, выходящее за пределы ее понимания; и затем, не зная, как поддержать разговор, простояла в продолжение нескольких минут, глядя, скорее, на умываемое дождем оконное стекло, чем сквозь него. Потом она подошла к моему креслу и без всякого изящества опустилась на ручку, обдав меня запахом земляничного мыла.

«Сегодня у нас будут Джон и Джоана, — сказала она, назвав имена наших давних знакомцев, проживающих в Рамздэле и занимающихся всяческой гуманитарной чепухой. — Я хочу приготовить торт. Но мне не хватает компонентов. Милый, пожалуйста, съезди за ними в город. Список необходимого я составлю».

Наверное, я мог бы отказаться (погода не располагала даже к небольшим путешествиям), но это означало спровоцировать ненужный конфликт. Я примирительно хмыкнул. Она поцеловала меня в нижнюю губу и, заметно повеселевшая, направилась на кухню за своим списком. Я проверил,

в сохранности ли ключ от ящика, быстро переоделся и, получив от Долорес листок с кулинарным перечнем, сел в ее «седан» (мой старый «форд» был в ремонте) и покатил в Рамздэль.

Природа улыбнулась мне — ветер разнес тучи, дождь прекратился, лужи засверкали солнечной позолотой. Высокая голубизна и насыщенная зелень. Как обычно, истеричная собака атаковала машину на повороте и гналась за мной почти до самой кондитерской. Я закончил покупки и в приподнятом настроении (внутренняя буря улеглась следом за внешней), насвистывая, поехал назад. Рядом с домом я даже позволил себе издать пронзительный гудок, радостно возвещая о своем прибытии. Подхватил пакеты, отворил дверь. Повернутая ко мне спиной Долорес была одета в темно-синюю блузку и такую же длиннополую юбку, словно собралась в гости. Она сидела за своим письменным столом и лихорадочно строчила письмо. Еще не выпустив ручку двери, я приветственно окликнул ее. Рука Долорес перестала писать. С секунду моя жена сидела неподвижно; затем она медленно повернулась на стуле. Ее лицо, искаженное тем, что она испытывала, было не слишком приятным зрелищем. Упершись взглядом в мои ноги, она сказала:

«Глупая Гейз... Отвратительная До... Барахло... Которую выбросить не жаль... Мерзкая дура... эта мерзкая дура... знает всё... Она... она...»

Моя несчастная обвинительница остановилась, глотая свой яд. Потом она продолжала:

«Ты — чудовище. Гадкий обманщик. Прочь! Немедленно уходи из моего дома!»

Мне стало всё ясно, читатель. Я увидел свой дневник, который лежал под левой рукой Долорес. Она инженер и, конечно же, смогла найти подходящий инструмент, чтобы вскрыть «таинственный» ящик (чуть позднее я обнаружил, что она без затей вывернула его стамеской).

«Ты разбиваешь не только мою жизнь, но прежде всего свою, — сказал я спокойно. — Давай обсудим это дело, как культурные люди. Не сходи с ума. В этой записной книжке — наброски фантазии, которую я пишу для издательского дома сэра Гернсбека. Помнишь, я публиковался у него? Твое имя там случайно, подвернулось под перо. Потом я его изменю».

Слезы брызнули из глаз моей жены (в буквальном смысле). Она, конечно же, не поверила — слишком нелепым и скороспелым выглядело мое оправдание. Но я всё же держался за него, как за последнюю щепку в водовороте грядущих перемен.

«Ты подумай об этом. А я сделаю нам выпивку».

«Обманщик! — снова крикнула она. — Ты смеешь лгать мне в лицо. Ты не уходишь? Я уйду! И вызову полицию!»

Она порывисто смяла в кулаке незаконченное письмо и кинулась к выходу, по дороге лягнув меня каблуком. С силой хлопнула дверью. Потом заурчал мотор ее «седана». Я оставил пакеты с покупками, подошел к столу, забрал свой дневник и направился на кухню. Там я плеснул себе джина, тоник и лед добавлять не стал, выпил залпом и принялся вырывать из дневника страницу за страницей, тут же сжигая их в мойке. Покончив с ними, я пошел наверх, но в гостиной меня остановил требовательный звонок телефона.

«Говорит Джон, Джон Томсон, — сказал Джон Томсон, тот самый, который собирался навестить нас сегодня. — Мистер Гумберт, сэр, ваша жена попала в автокатастрофу на федеральном шоссе. Здесь много полиции. Мы едем к вам. Дождитесь, пожалуйста».

И в самом деле — не минуло и четверти часа, как у дома затормозил приметный «додж» шерифа, и на веранду поднялась целая процессия: сам шериф с помощником, чета Томсонов (Джоана прикрывала опухший нос платком) и местный семейный доктор, имеющий деловой вид. Шериф снял стетсон и сказал:

«Мистер Гумберт, я хочу выразить вам свое соболезнование. Миссис Гумберт не справилась с управлением. Мокрый асфальт, крутой поворот, случайная собака, большая скорость. Она врезалась в автоцистерну с ракетным топливом. Цистерна перевернулась. Топливо очень токсично, поэтому я прошу вас оставаться на месте и не предпринимать каких-либо действий без разрешения городских властей».

Вдовец, наделенный исключительным самообладанием, не рыдал и не рвался к месту гибели любимой жены. Он как будто малость пошатнулся и тут же присел на предупредительно подставленный стул. Его осмотрел врач, оставшийся довольным осмотром и немедленно выдавший пузырек с синенькими успокоительными пилюлями. Солнце было еще ослепительным, когда чуткие добрые Томпсоны уложили вдовца в постель.

«Знаешь, Джон, — сказал пьяный несчастный Гумберт Гумберт перед тем, как друзья оставили его наедине с горем, — скоро я улечу с Земли на Марс. Навсегда».

Часть II

1

Милостивые господа присяжные заседатели! Будьте терпеливы со мной! Позвольте мне отнять частичку вашего драгоценного времени на небольшую повесть о том, как я добрался до вожделенной красной планеты.

Мои худшие подозрения подтвердились: это было непросто. Чтобы попасть на военный корабль, требовалось завербоваться в американскую или русскую армию, но тогда я не принадлежал бы самому себе (и довольно незначительная часть офицеров попадает на планеты — большая их часть служит на орбитах). Пойти по пути рядового колониста — означало подписать кабальный контракт и испытать все тяго-

ты утомительного перелета и тяжелого труда на фронтире. Попытка влиться в научную экспедицию опять же лишала меня свободы выбора; кроме того, я давно не занимался исследовательской работой и вряд ли мог в этом смысле конкурировать на равных даже со свежеиспеченными выпускниками университетов. И в то же время мне следовало поторопиться. На Марсе разразилась кошмарная пандемия ветрянки, выкашивавшая обитателей красной планеты быстрее и надежнее, чем «черная смерть» выкашивала жителей средневековой Европы. Ло-Лита во время сеансов связи (теперь я мог разговаривать с моей душечкой намного дольше, без оглядки на внимательную Долорес) рассказывала мне ужасные вещи: «повелители воды» (так Ло-Лита называет потомков строителей каналов) вымирали целыми городами, среди них начался исход в пустыню, к оазисам песчаных королей, тысячелетнее перемирие было нарушено, и хотя «повелители» оказались лучше вооружены, наследникам королей отступать было некуда — они дрались яростно, до последнего воина. Мысли о том, что в этом кровавом хаосе гибнут истинные марселины, что под угрозой находится и моя nova, терзали меня ежедневно и еженощно. Я сильно сдал и даже внешне постарел так, что добряки Томсоны сочли мою меланхолию признаком трагических переживаний, связанных с гибелью Долорес. Джон, по-видимому, опасался, что я могу в приступе отчаяния покончить с собой, и старательно утешал меня, зазывая на всевозможные вечеринки и семейные пикники (иногда мне казалось, что он поделился бы со мной и своей Джоаной, если бы я изъявил такое желание). Но бедную супругу я не оплакивал даже на похоронах — воспоминания о миссис Гумберт вызывали лишь легкое чувство досады, какое бывает, когда вдруг всплывает из темных глубин Мнемосины эпизод детской оплошности, которую уже ни за что не исправить, но которую, слава богу, кроме тебя, никто и не помнит.

Итак, все законные пути попасть на Марс были для меня закрыты. Оставалось найти незаконный. Здравый смысл подсказывал мне, что среди капитанов рейсовых ракет, возящих на Марс почту и сельхозпродукты, наверняка отыщется недовольный своим статусом и жалованием, но как найти такого капитана, просиживая штаны в провинциальном Рамздэле? Я много раз перебирал в уме всевозможные варианты и вспомнил, что у меня есть один знакомец, который может помочь мне установить необходимые связи. На похоронах Долорес, обставленных с неожиданной пышностью (подготовкой занималась чета Томсонов, а основные расходы взяло на себя Североамериканское космическое агентство, искупавшее таким образом вину перед местными жителями за пролитый гептил), мы обменялись визитками с полковником Максимовичем — русским межпланетчиком, который, как выяснилось, знал мою супругу еще студенткой (возможно, и спал с ней, не удивлюсь). Максимович участвовал в интернациональном проекте — строительстве коммерческого морского старта у западного побережья, который, как планировалось, примет на себя второстепенные рейсы и этим снизит нагрузку на закупоренные от наплыва колонистов восточные ракетодромы. Я выяснил из газет, что строительство завершено, и попытался снестись с полковником. Он, однако, был в рейсе, и тогда мне пришла в голову одна из тех гениальных в своей простоте мыслей, которые способны изменить предначертанное судьбой. Я настроил тарелку Долорес на прямую связь с ракетой Максимовича, и к моей великой радости полковник отозвался.

Внимательный читатель, должно быть, уже заметил, что иногда я бываю дьявольски изощрен в достижении своей цели. Взявшись за полковника всерьез, я опутал его липкой паутиной взаимных обязательств. Максимович не мог удержаться от соблазнительной возможности использовать свободный от лимита времени и цензуры канал связи для

общения с Землей, для небольших поручений и решения бытовых вопросов. В Рамздэль стала наезжать его пухленькая жена Валечка с двумя пухленькими белоголовыми сыновьями-близнецами, которые наполняли сумрачное родовое гнездо семейства Гейз задорными воплями молодых индейцев, вышедших на тропу войны. Хотя эти посещения были мне в тягость, я утешал себя мыслью, что каждое из них приближает меня к заветному.

Должен сказать, что в тот период моего общения с Максимовичем я не давал ему понять или намеком почувствовать, что оно имеет корыстный подтекст. Исторический разговор между нами состоялся, когда полковник вернулся из рейса и заехал в Рамздэль, чтобы выразить мне свою благодарность. Мы пили джин, сидя в плетеных креслах на веранде, окутанные теплыми сумерками, красный глазок Марса взирал на нас с высоты, и тогда я признался Максимовичу, что после смерти любимой Долорес (о, коварный Гумберт Гумберт!) не могу найти себе места на Земле и хотел бы пуститься в межпланетное путешествие как вольный наездник равнин, стремящийся найти покой вдалеке от дома, который хранит светлые, но неизбывно печальные воспоминания (высокий стиль всегда претил мне и казался пошлым, однако здесь он был более чем уместен). Полковник расчувствовался (джин был хорош, а благодарность велика) и спросил, чем он может помочь. Тогда-то я и изложил ему свой выношенный в страданиях план. Максимович раздумывал недолго (мне даже показалось, что он был готов к чему-то подобному), после чего спросил: «Скажите, Гумберт, вы сумеете два месяца продержаться на кошачьей диете?»

Вот так, читатель, я стал корабельным котом. Максимович проявил фантастическую изощренность, оформив меня на эту должность (на межпланетных ракетах даже коты имеют должность) и зайдя в таможенную службу через черный ход. Разумеется, все расходы по этому предприятию я оплачивал из

своего кармана, а они были чудовищными — мне пришлось продать унаследованную от отца долю в европейских гостиницах, заложить дом и тарелку Долорес. Но я расставался с деньгами без малейшего сожаления, ведь меня с нетерпением ждала Ло-Лита, моя nova, мой волшебный свет и моя мечта.

2

На подготовку к рейсу ушло девять трудных месяцев. По рекомендации Максимовича я вступил в частное общество любителей межпланетных сообщений Шарлотта, где укрепил свое здоровье на специальных тренажерах и прослушал необходимый курс лекций по теории космического полета. Незадолго до старта я в последний раз вышел на связь с Ло-Литой и сообщил ей, что скоро мы увидимся. И хотя сильнейшие помехи, вызванные очередной магнитной бурей, не позволили различить все оттенки ее мелодичного голоса, моя душечка (она захотела говорить по-английски) проявила такой восторг, какой поэты метко называют «неземным».

Хорошо помню и ту ночь, когда мы с Максимовичем прибыли на старт. Огромная серебристая ракета, опоясанная гондолами бустеров и ярко освещенная прожекторами, казалась одним из столпов мироздания, подпирающих само небо. Массивная платформа старта надежно противостояла черным сильным волнам. Мы зашли к ней на моторной лодке с подветренной стороны, словно опасаясь запахом выдать свои нечистые намерения. Но подкупленный заранее сторож не заметил, какого кота привез с собой полковник, и вскоре я оказался в тесной капитанской каюте, в которой мне предстояло провести еще трое суток, пока Максимович оформлял все необходимые документы.

Гораздо хуже я помню сам межпланетный рейс. Реальность оказалась весьма далека от романтической белиберды, которой потчуют нас журналисты, пишущие по заказу космических

агентств. Сначала меня чуть не убили перегрузки — на спине образовался огромный багровый синяк, и кровь сочилась сквозь поры. Затем, после разгона, начался этап невесомости, всё плыло у меня перед глазами, я терял сознание, меня лихорадило и выворачивало так, будто бы я подхватил брюшной тиф. Я загадил своими выделениями каюту Максимовича, но он стоически и даже с юмором относился к этому, а чтобы отвлечь меня от сосредоточенности на болячках, устроил шахматный турнир между членами экипажа, из которого я вышел безусловным победителем, лишь дважды сведя партию к ничьей.

Кроме недомоганий и отвратительной кормежки (мне и впрямь пришлось питаться кошачьими консервами — лучшими из тех, какие смог найти Максимович, но от того не менее противными), меня терзала невозможность связаться с Ло-Литой. Иногда, в периоды болезненного помрачения рассудка, мне представлялись картины ужасного будущего — я прилетаю на Марс, брожу под белыми сводами космического порта Hilda, выискивая в толпе встречающих мою марселину, но вместо нее меня окружают мерзкие твари в уродливых австралийских масках, которые, утробно порыгивая, тянут ко мне щупальца, покрытые скользкой слизью. Нестерпимый ужас охватывал меня, и, плача навзрыд, я бился головой о переборки и визгливо требовал выпустить меня из ракеты в открытый космос до тех пор, пока корабельный лекарь не вкалывал мне лошадиную дозу снотворного, отправляя в блаженный мрак забытья.

Впрочем, к концу путешествия я освоился с космосом в мере достаточной, чтобы самостоятельно бриться, вести спокойные беседы, составлять шахматные этюды и даже подменять нашего радиста во время переговоров с Землей и орбитальными станциями. Мне даже стали доставлять определенное удовольствие плавные полеты через отсеки ракеты — от темного машинного отделения к носовой рубке и об-

ратно; они напоминали мне легкое безопорное парение, наполняющее иные детские сны. Скоро в иллюминаторы ракеты стал виден Марс — ржавый диск, покрытый строгой и знакомой до боли сетью каналов. Воображение тут же разыгралось не на шутку. Склизкие чудовища больше не являлись мне — наоборот, я старался представить себе истинную марселину, которую я спасу от одиночества в страшном умирающем мире и буду ласкать с опытом умудренного жизнью вдовца, иссыхающего от вожделения. Соблазнительные картины, рисуемые фантазией, так захватывали, что мне приходилось время от времени закрываться в гальюне, чтобы разрядить в кулак скопившееся напряжение.

Через шесть недель полета Максимович дал команду развернуть ракету и начать торможение. Для меня опять наступил плачевный период — от жизни в невесомости мышцы одрябли, и я с большим трудом преодолевал тяжесть перегрузок. К счастью, это продолжалось недолго, и вскоре ракета пришвартовалась к космическому причалу перевалочной базы Фобоса. Здесь снова пришлось раскошелиться — подпись чиновника колониальной службы на разрешении о планетарном захоронении издохшего в рейсе кота обошлась мне в целое состояние. Однако на Марс я спустился с относительным комфортом — в пустующем кресле пилота-стажера местного реактивного «челнока» (в отличие от чиновника экипаж взял с меня умеренно, как за трансатлантический перелет).

И вот я миновал последние тернии на пути к мечте и со скромным кожаным чемоданчиком ступил на землю Марса. Тренировки в межпланетном обществе Шарлотта (а нас там заставляли часами сидеть в барокамере) оправдали себя — лишь в первый момент, вдохнув разреженный холодный воздух чужого мира, я раскашлялся. А потом я сразу забыл о неудобствах вживания, потому что разглядел у ограждения летного поля ее — мою юную Ло-Литу.

3

Благожелательный читатель, наверное, сочтет, что, отправляясь на Марс, я не отдавал себе отчета, какое преступление против нравственности готовлюсь совершить. Но нет — всё это время, длинные месяцы подготовки и полета, я посматривал на обширную карту человеческих норм и видел, что моя извилистая дорожка упирается в границу территории, обозначенной tabou.

Как вы помните, я прилежно и досконально изучал историю Марса, первых контактов с его жителями и, безусловно, не мог пропустить полемику вокруг онтологической сущности марсиан. После первой экспедиции никто уже не держал марсиан за муравьев (ведь они обладали высоким искусством и науками), однако человечность за ними признавать не спешили. Известный немецкий антрополог Август Хирт обследовал десятки марсиан и даже сумел проникнуть в древние склепы, чтобы сравнить биометрические характеристики разных поколений. Он же и доказал, что при внешнем сходстве марсиане являются созданиями иной природы, отличающейся от природы землян в большей степени, чем африканская мартышка отличается от человека. Открытие Хирта тут же породило споры среди теологов: есть ли у марсиан бессмертная душа или они в этом смысле те же мартышки? Католические и православные миссионеры, прибывшие вскоре на Марс, не обнаружили признаков того, что марсианам когда-либо было дано Священное Писание, что когда-либо на красной планете свершилось таинство сотворения местного подобия Адама и Евы, что когда-либо марсиане познали первородный грех, что когда-либо прошли через искупительный подвиг Христа (культ Мэнни не в счет). А поскольку сами марсиане, несмотря на разнообразные уловки святых отцов, откровенно избегали разговоров на религиозные темы, был сделан вывод, что жители красной планеты не различают грех и благодать.

Православная церковь первой заявила о «бесовской» сути марсиан. Ватикан был терпимее в суждениях, но и Папа в конце концов признал, что марсиане — «недоразумные создания», стоящие хоть и выше животных, но ниже людей и ангелов, наподобие свиноголовых уродцев, явившихся св. Брендону. Что мне до всего этого, ведь я агностик и космист, не признающий религиозных догматов? И я легко, без колебаний и душевного волнения, преступил бы через них, если бы не соображения принципиально другого порядка. Своей буллой Папа приравнял половые связи с обитателями других планет к скотоложству, что сделало даже абстрактное влечение такого рода страшным грехом, достойным всеобщего осуждения. Колониальная администрация не стала дожидаться, когда философы, теологи и астробиологи доспорят о природе марсиан, а послушно скалькировала буллу в директиве, однозначно запрещающей интимные связи с «аборигенами». И хотя я уже нарушал закон, проникнув на космическую ракету под видом кота (полосатый щетинистый Г.Г.), мои дальнейшие действия навсегда убивали стенающего внутреннего моралиста, коего я всё еще сберегал как памятную безделушку, связывающую сквозь время с уютным теплом родного дома.

Сейчас, стоя перед моей душечкой, моей звездой, моей Ло-Литой, я разрывался между беснующимся счастьем и встревоженным шепотом моих альтер-эго. Логик во мне напоминал, что я в сущности почти ничего не знаю о марсианах, их быт и нравы записаны людьми, а те не свободны от аберраций в восприятии; кто гарантирует, не сочтет ли истинная марселина мои поползновения смертельно оскорбительными, а меня — отвратительным пришельцем, покушающимся на хрустальную чистоту принятых здесь отношений. Циник во мне артистически делал вид, будто бы совершенно не понимает, какого черта я поперся за миллионы верст, просадил наследство, если всегда можно найти живые ножны поближе и

помягче. Релактант во мне искренне недоумевал, зачем нужны все эти избыточные телодвижения, если они не приносят ничего, кроме страданий. Святоша во мне непрерывно брюзжал и, коверкая забористые латинские выражения, предрекал падение неба на землю и семь казней египетских, если я посмею ради звериного вожделения отринуть тех, из чьих чресл произрос. Господа присяжные заседатели, слушайте! Я должен был понять, что Ло-Лита уже оказалась чем-то совершенно отличным от той маленькой Марселины, которой я столь бесславно пытался овладеть на заре моей молодости. Я должен был знать (по знакам, которые мне подавало что-то внутри Ло-Литы), что у ожидаемого блаженства есть и вторая, изнаночная, сторона — скроенная из терзаний и ужаса. О, господа присяжные заседатели! Но мог ли я отступиться, когда вожделенная цель была в шаге от меня? И кто бы из вас отступился?

Ло-Лита провела узкой ладонью по своему молочно-белому лбу и сказала: «Эллио утара гео Талцетл». И все голоса во мне разом умолкли.

4

Мне не хватает слов, читатель, чтобы описать, какой я впервые увидел Ло-Литу. Еще работая с тарелкой Долорес, я вынашивал идею обучить мою далекую-близкую звезду методу побитной передачи изображения, чтобы получить ее портрет (пусть и схематический) и наслаждаться им в минуты уединения. Однако меня настолько захватывали наши разговоры сами по себе, что я так и не собрался воплотить свою необычную придумку в жизнь. И вот Ло-Лита стояла передо мной — живая и дышащая. Помогите же мне, музы, вырваться из темницы и вернуться в тот упоительный день!

Читатель, представь себе миниатюрную юную девушку с пушистым и словно невесомым нимбом светлых, почти белоснежных, волос (это будет просто — подобную девушку мож-

но встретить и на тротуарах Берна, и на бульварах Парижа). Теперь попробуй совершить перестановку, заменив девушку аналогичным изваянием из белого мрамора — такая замена даст тебе возможность увидеть холодные точеные черты Ло-Литы и ее необычную кожу. Затем попытайся вообразить ее движения (замечу, что это самое сложное) — они быстры и отрывисты, в них нет вкрадчивой предварительности наших жестов, обозначающих будущие изменения облика, которые инстинктивно угадываются любым достаточно взрослым человеком. А еще представь себе огромные изумительные глаза — темно-карие зрачки с чистопородно золотым отливом. Едва завидев Ло-Литу, я понял: не надо быть выдающимся антропологом или святым отцом, чтобы сразу признать ее чужеродную сущность — обо всём сказала ее невозможная на Земле пластика истинной марселины, которая, я уверен, отпугнула бы многих, но только не мою извращенную душу. Я ощутил притяжение, меня влекло к Ло-Лите с незримой, но мощной силой — так Солнце увлекает к себе залетевшую из надмирных далей комету, обжигая ее ледяное ядро, чтобы на короткое время она воссияла ярче самых ярких светил, внушая безотчетную тревогу сердцам.

«Здравствуй и славься, Ло-Лита», — сказал я по-английски и удивился тому, каким низким в марсианском воздухе стал мой голос.

Она протянула правую руку (на безымянном пальце я заметил большое кольцо с темным камнем в оправе) и коснулась моего плеча, будто бы хотела убедиться, что перед ней не иллюзия. Иной поэт тут написал бы, что в этот момент все чувства фантастически обострились (и кровь трепеща потекла по жилам) — но на самом деле я испытывал лишь тихое умиротворение сродни тому, которое приходит после напряженного дня, когда добираешься наконец до свежей постели и накрываешься одеялом с головой, отрезая свой микрокосм от пульсирующей суеты.

«Ты прекрасен, сын Земли, — ответила Ло-Лита (она тоже перешла на английский). — Я люблю тебя».

Читатель, мы не могли дольше испытывать себя — это было бы за пределами и человеческого, и марсианского терпения. Мы взялись за руки и пошли с летного поля космопорта Hilda, как два существа, которые давно познали друг друга, были когда-то неразлучны, затем ненадолго расстались и волею благосклонной судьбы встретились вновь. Ло-Лита привела меня в местный и весьма непритязательный отель «Last Resort» (я догадался, что она загодя сняла здесь номер). Всё так же не размыкая рук, мы поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж, вошли в бедную комнатку с одной огромной постелью (сразу вызывающей мысль о борделе), ключ повернулся в замке, и вот Ло-Лита уже в моих объятьях — о, моя трепещущая прелесть! Она почти сразу отстранилась и высвободилась, не дав мне хищно припасть к ее невинным устам темными мужскими челюстями.

«Ты никогда не был с дочерью Тумы?» — спросила Ло-Лита; она смотрела на меня снизу вверх (теперь близкая, близкая, близкая!), и на тонких блестящих губах ее играла одна из тех улыбок, которые позже много раз смущали меня: они придавали ее точеному холодному лицу неопределенный оттенок детскости, который совсем не ожидаешь увидеть в чертах величественной наследницы марсианских королей.

«Никогда», — ответил я с полной правдивостью.

Ло-Лита начала раздеваться. (Ох, я забыл рассказать, как она была одета — прочти же об этом здесь, мой дотошный друг). В первую очередь она скинула свои унты, отороченные серебристым мехом неизвестного мне зверя. Под ними я увидел белые носочки и чуть не заплакал от нежности — ведь марсиане не пользуются носками (это я знал из этнографической литературы), и получалось, что моя Ло-Лита подумала о том, как сделать мне приятное, маленькой деталью напомнив о Земле. Потом она взялась за свое необычное платье — оно

было сшито из цельного темно-красного куска материи, плотно облегающего тело моей душеньки у ее слабо развитой груди и в талии, а ниже — свободно опадающего до щиколоток. Я не видел никаких швов и пуговиц, ткань поднималась до глухого воротника, охватывающего шею наподобие браслета. Ло-Лита коснулась его пальцами, и ошейник в момент раскрылся, а платье упало к ногам. Она стояла передо мной обнаженная, будто Галатея перед Пигмалионом, и, как мифический скульптор, я был готов опуститься перед ней на колени и, обливаясь слезами, возблагодарить Афродиту за явленное мне чудо. Но Ло-Лита шагнула ко мне, вновь давая заключить себя в объятья. Теперь я мог обхватить свою марселину руками, и беглые кончики пальцев, скользя по гладкой коже, наткнулись на рудиментарные выступы у нее под лопатками, что вызвало во мне оргазматические спазмы. Меня мутило от вожделения, я страдал от тесноты одежд и вздохнул с облегчением, когда Ло-Лита с типично женской решительностью расстегнула пуговицы на моем пиджаке, а затем принялась за брюки.

Через секунду мы оказались на застеленной кровати. Я потерялся в едком, но здоровом зное, который словно летнее марево окружал Ло-Литу. Ах, пусть этот момент тянется-тянется, пусть она останется так, останется навеки... Когда Ло-Лита коснулась ртом жезла моей жизни, я перешел в некую плоскость бытия, где ничто не имело значения, кроме настоя счастья, вскипающего внутри моего тела. То, что началось со сладостного растяжения сокровенных корней, стало горячим зудом, который достиг состояния совершенной уверенности, надежности и безопасности. Глубокое жгучее наслаждение уже было на пути к предельной судороге, так что можно было замедлить ход, дабы растянуть блаженство. Материальность была благополучно отменена, перекрытая дивным вымыслом. Подразумеваемое солнце пульсировало в декоративном небе. Я смотрел на припавшую к моим чреслам Ло-Литу, на ее мраморную тонкую кожу в золотистой пыли, на Ло-Литу, существу-

ющую только за дымкой подвластного мне счастья, и солнце играло на ее губах. Малейшего нажима было бы достаточно, чтобы разразилась райская буря. Повисая над краем сладострастной бездны, я шептал что-то бессмысленно ласковое, а между тем моя ненасытная рука кралась вверх по ноге моей душеньки, массировала и медленно обхватывала, и ничто не могло помешать моему мускулистому большому пальцу добраться до горячей впадинки под чистым толстым холмиком. Вот так и только так — и в ответ с внезапно визгливой ноткой в голосе Ло-Лита воскликнула по-английски: «Ах, о'кей!» и стала корчиться, и извиваться, насаживаясь на палец, и запрокинула голову, и прикусила нижнюю губу, полуотворившись от меня, и мои стонущие уста, господа присяжные заседатели, издали практически звериный рык, пока я раздавливал об ее левую ягодицу последнее содрогание самого длительного восторга, когда-либо испытанного человеком или марсианином.

5

Я должен ступать осторожно. Я должен говорить тихо-тихо. Нехорошо было бы, ежели по моей вине ты, благосклонный читатель, безумно влюбишься в мою Ло-Литу. Будь я живописцем и случись так, что директор «Last Resort», вдруг потеряв рассудок, поручил бы мне изобразить фрески в холле его гостиницы, вот что я бы придумал (описываю лишь фрагменты).

Там было бы озеро. И красные скалы вокруг. Была бы беседка в белом цвету. Были бы каштаны, яблони, воскресное утро. Были бы наблюдения натуралистов: кошка следит за голубем, парение орла в вышине, пеликан заглатывает рыбу. Там был бы чернокожий мускулистый дикарь, несущий на руках пострадавшую в кораблекрушении хрупкую девочку с прелестными ягодицами (милая, это всего лишь игра!). Были бы всякие развлечения загородного пикника: разнообразные закуски и пузатые бутылки на скатерти, теннисные ракеты, зака-

тившийся мяч. Было бы солнце, окруженное фантастическим галом. Был бы огненный бутон огромной розы, раскрывающийся к свету, — как последний мазок кисти, как последнее движение, как еще одно содрогание, как еще один несдержанный вздох.

Я пишу всё это не для того, чтобы пережить прошлое снова среди нынешнего моего отчаяния, а для того, чтобы отделить райское от адского в странном, невозможном, а порой страшном мире истинных марселин. Чудовищное и чудесное сливались в одной невидимой точке — этот пункт хочется закрепить, но почему-то мне это не удается. Может быть, потому что и тогда, и теперь я осознавал частицей души, сколь низменны мои побуждения, сколь отвратительна моя мечта. Я верный пес природы. Я только следовал за природой, в которой находится место любым извращениям. Откуда же этот черный ужас, с которым я не в силах справиться?..

6

Тогда-то, в январе 1952-го года, начались наши долгие странствия по Марсу. Мы покинули «Last Resort» почти сразу — Ло-Лита избегала встреч с людьми, что можно объяснить: пандемия ветрянки продолжала бушевать, охватывая новые районы, лекарства от болезни не было, и моя душенька сильно рисковала (эгоистичный Г.Г. догадался об этом намного позже), приехав встречать меня на поле космопорта и снимая номер любви в гостинице. По той же причине она выбрала маршрут, лежащий далеко вне территорий, населенных колонистами, и только в самом начале нашего пути (просто не было иной возможности) мы останавливались в мотелях, отстроенных, казалось, по общему проекту — одинаковые коттеджи из местного красного кирпича.

На последние деньги я купил вездеходный полноприводный автомобиль русской модели «Витязь» и шесть ящиков

армейского пайка, и по дороге мы нуждались только в бензине и воде. Тут Ло-Лита проявила свое удивительное чутье — она безошибочно находила скрытые резервуары в заброшенных и ограбленных марсианских городах (без этих навыков обычный землянин умер бы от жажды, находясь прямо над источником чистейшей и вкуснейшей воды); она умела управлять многочисленными скрытыми механизмами, которые сотни лет обеспечивали марсиан комфортом, работая лишь на энергии солнца и ветра. Помню, как мы впервые остановились в доме на берегу высохшего моря. Он выглядел мрачным пыльным склепом, по углам валялись груды каких-то почерневших бумаг — словно хозяева перед уходом жгли библиотеку, но не успели завершить falò delle vanità. Однако стоило Ло-Лите пройтись по комнатам и пропеть что-то мелодичное на языке «повелителей воды», прибавив к словам тайного пароля сухие отрывистые щелчки пальцами, как дом ожил: серые стены и колонны приобрели прозрачность хрусталя; по специальным желобам потекла вода, даруя свежесть уставшим путникам; засветились анимированные картины, выполненные в духе старых импрессионистов. На специальном горячем столике Ло-Лита разогревала еду, а потом мы нежились в кровати, сотканной из силовых полей (еще одно марсианское техническое достижение, которое землянам пока не удалось воспроизвести).

Брошенные дома зачастую служили нам не только пристанищем для отдохновения измученных дорогой тел, но и убежищем от смертельной опасности. Когда начиналась песчаная буря и злые смерчи выходили на охоту, мы поспешно прятались за стенами, не выбирая размера и степени ухоженности постройки. Однажды укрытием от бури для нас стал настоящий замок с готическими башнями, наводящими на мысли о сумрачном творчестве По (мне даже подумалось при входе, что здесь наверняка имеется подвал-колодец, в котором замер от

ужаса несчастный узник, обреченный на долгую мучительную смерть). Ло-Лита привычно запустила обслуживающие механизмы, а потом я услышал крепнущий низкий вой.

«Что это?» — спросил я.

«Духовые орга́ны дворца, — сказала Ло-Лита безразлично. — Они поют от ветра во время бурь. Очень старая традиция».

Вой усиливался, в нем уже слышались какие-то голосовые переливы, но я не мог понять ни языка, ни отдельных фраз.

«О чем они поют?»

«О древних сражениях между повелителями воды и песчаными королями. О героях и победах. О долге и предательстве».

«О, мой свет, переведи мне, пожалуйста».

Страстно лобзая друг друга, мы легли на силовую кровать, и когда алчущая плоть получила удовлетворение, Ло-Лита начала свой перевод. Я услышал историю о войне, которая продолжалась сто марсианских лет и завершилась тысячелетним перемирием; о том, как строители каналов под знаменами Мэнни, северного инженера-аристократа, объединившего многочисленные племена для сооружения величественной ирригационной сети, дрались за контроль над оазисами и горными месторождениями, с начала времен принадлежащими разрозненным королевствам. «Повелители воды» шли в бой, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков. Короли противопоставляли им мужество, огнеметные бронеходы на лапах-колоннах и флотилии пустынных кораблей. В тот неистовый день я познал ярость и боль чужой планеты, которая ныне успокоилась, чтобы с тихим достоинством принять свою судьбу.

Наш извилистый путь лежал на восток — от темной низменности Syrtis Major Planum к предгорьям величайшего вулкана Olympus Mons (там располагалось «имение» Ло-Литы, унаследованное от отца, там же ее верные слуги построили пункт межпланетной связи). Ло-Лита не делилась своими

планами, а я не спрашивал ее об этом, наслаждаясь небольшой паузой, которые иногда благосклонно подбрасывает нам жизнь, чтобы дать освоиться и прочувствовать приближение нового будущего. Намного быстрее мы продвигались бы по бетонированному дну обмелевших каналов (в отдельных местах ширина рукотворных русел достигала сорока верст, и близкий марсианский горизонт создавал иллюзию нахождения в плоском и совершенно искусственном мире), но и здесь было слишком оживленно: мы не раз видели караваны из высоких усыпанных огнями грузовиков, которые громыхали сквозь мрак ночи мимо нашего запоздалого «Витязя». Берега каналов обросли мотелями, рынками и фермами — колонисты уверенно осваивали красную планету, превращая ее в подобие Дикого Запада. Я помню, как ребенком, еще в Европе, грезил над картой Северной Америки, воображая себя гордым поселенцем, который несет диким краснокожим цивилизацию в фургоне со всяким полезным скарбом. Какими же наивными и глупыми казались мне эти фантазии сегодня, когда я видел, как рушат по-шахматному аккуратные городки марсиан, как сносят изящные, похожие на гордых ферзей, часовые башенки, чтобы возвести на их месте убогие коробки коттеджей, пахнущие человеческим хлевом. Я видел гниющие под открытым небом пустынные корабли с поникшими изорванными парусами; умирающих от электрической жажды авиаптиц; горнопроходческие машины размером с «Титаник», которые остановились теперь уже навсегда. Что это как не пожирание одного вида другим в бесконечном процессе дарвиновского отбора? Где здесь найдется место для закона — божьего или человеческого?

Ло-Лита была равнодушна к тому, что я с болезненной тошнотой воспринимал как сдирание шкуры с изнасилованного и умерщвленного мира. Когда мы в молчании поглощали версты ржавых пустынь, она даже избегала смотреть в окна, сосредоточившись на своих руках или коленях. Если же я на-

чинал излагать ей свои мысли о том, что земляне могли бы с куда бóльшим уважением относиться к инопланетному наследию, Ло-Лита просила остановить автомобиль, и тут же ее быстрые ласковые руки и нежные губы брали меня в плен, принуждая раз за разом погружаться в бездну наслаждения (или воспарять к высотам удовольствия — что тебе привычнее, читатель?), забыв при этом о мимолетной горести на формальных поминках у чужих мне соседей.

Лишь однажды у меня получилось чуточку задеть ее внутренние струны: я захотел осмотреть брошенную насосную станцию — гигантское сооружение, на полверсты возвышающееся над руслом канала Nepenthes, сравнимое по масштабам и технической сложности с самыми современными чудесами земной индустрии — ракетодромами Канаверал и Тюра-Там. Мы ступили под величественную арку машинного зала, и при входе я увидел массивную бронзовую скульптуру, запечатлевшую стройного марсианина в воинственной ритуальной маске, держащего в далеко отставленной руке угасший факел. Ло-Лита вдруг остановилась, прижала ладони к груди и коротко поклонилась статуе. «Славься, Мэнни», — шепнула она. И я понял, что, даже несмотря на родовую вражду, в ее народе продолжает сохраняться дух почтения к памяти северного аристократа, сумевшего обернуть вспять неизбежное старение Вселенной.

Иной опытный психиатр, который сейчас изучает мой труд, несомненно очень хотел бы, чтобы Ло-Лита привела рассказчика к далекому тайному озеру, и одурманенный Гумберт нашел бы там gratificatio давнего позыва, а именно «избавление от подсознательного наваждения незавершенного детского романа с изначальной маленькой мисс Марселиной». Что ж, господин доктор, позвольте вам сказать, что не Ло-Лита, а я сам настоял на посещении такого местечка — когда мы по кольцевой дороге объезжали крупнейший оазис Clepsydra Fons, я увидел сверкание открытой воды и, повинуясь, скорее,

инстинкту, чем разуму, развернул машину. В действительности я уже и сам не понимал, зачем мне нужно туда, ведь к тому времени, когда мы добрались до этого миража, моя спутница уже подарила мне столько услад, что мечта о рае истинных марселин и тому подобном перестала быть глубинным порывом. И всё, конечно же, устроилось соответствующим образом. Населявшие оазис колонисты отмечали какой-то свой языческий праздник, берег был уставлен ярмарочными шатрами, между которыми мельтешили резвые дети и слонялись пьяные взрослые — что могло еще дальше отстоять от четких чар, от лазоревой обстановки и ручных обстоятельств моего детского приключения? В конце концов я нашел особый вид уединения в пещере, до которой всё же доносились вопли нескольких юнцов, купающихся в холодной воде; но было зябко, красный песок был неприятно зернистый и клейкий; Ло-Лита смотрела на меня со своей странной улыбкой, и (единственный раз!) я испытывал к ней не больше влечения, чем к выброшенному прибоем моржу. Однако мои ученые читатели, может быть, воспрянут духом, когда я объясню им, что даже если бы мы набрели где-нибудь на отзывчивый бережок, было бы поздно, ибо мое настоящее «избавление» произошло гораздо раньше — в тот миг, именно, когда Ло-Лита явилась ко мне на летном поле.

7

Ло-Лита, Ло-Лита, Ло-Лита. Свет мой, душа моя. Где ты сейчас, Ло-Лита? С кем ты сейчас? Жизнь моя, боль моя...

8

Теперь хочу убедительно попросить читателя не издеваться надо мной. И тебе и мне очень легко задним числом расшифровывать сбывшуюся судьбу; но пока она не складывается, никакая судьба не схожа с теми прямолинейными детективными романчиками, при чтении коих требуется всего

лишь не пропустить тот или иной путеводный намек. В юности мне даже попалась английская повесть такого рода: в ней наводящие мелочи были напечатаны курсивом. Но совсем не так действует Fatum, даже если и успеешь распознать с испугом его темные намеки и знаки.

Например, я могу поклясться, что до того, как мы достигли границ Mare Cimmerium никто из колонистов ни словом, ни жестом не выразил удивления по поводу того, что землянин путешествует с марсианкой. Я даже начал подозревать (к своему огромному облегчению), что нравы здесь проще, чем на Земле, и, возможно, я далеко не первый, кто вступает в связь с местной жительницей вопреки всяческим буллам и директивам. Тревога поселилась в моем сердце, когда во время одной из недолгих остановок у бензозаправки (дряхлое оборудование, старая вонючая цистерна, ручная помпа и флаг Британской империи на врытом в грунт столбе) мимо нас проехал вишневый вездеходный автомобиль «Як» — затемненные стекла не давали возможности в подробностях разглядеть того, кто сидел за рулем, но я иногда кожей ощущаю внешнее внимание, и в тот раз я тоже почуял, что водитель «Яка» смотрит на меня с прищуром оценщика.

Память всё чаще изменяет мне, господа присяжные заседатели, и я не могу вам сказать, с какого именно дня я уже знал достоверно, что этот «Як» не просто путешествует по Марсу, а следует точно за нами. Помню только, что перед тем произошло странное событие. Мы заночевали в очередном марсианском доме, и под утро я вышел по малой нужде в дичающий сад. Когда я закончил свои дела и собрался уходить, то заметил, что за ближайшим винным деревом стоит, бледно мерцая в слабом свете лун, человек, держащий перед лицом гротескную марсианскую маску. Он издал глухой хохоток и улепетнул; я же, шатаясь, вернулся к постели и тотчас заснул — и, как ни странно, мне до сих пор не ясно, была ли это действительность или продолжение беспокойного сна.

Однако на следующий день и на следующий тоже я наблюдал в боковом зеркальце за тем, как пылит трепеща по пустыне вишневый «Як», будто бы нацелившийся следовать по нашей колее. Тогда у меня и появилась догадка, что какой-то досужий хлопотун донес на меня в колониальную администрацию, и та выслала сыщика с заданием разузнать, что именно делает землянин Гумберт Гумберт в одном вездеходе с марсианской принцессой. Поначалу я решил попросту игнорировать нашего хладнокровного преследователя, но на второй день его вид начал не на штуку раздражать и злить меня. Мне нестерпимо захотелось выпить чего-нибудь покрепче воды; я остановился у старательского бара с идиотской вывеской «BarSoom» и, оставив Ло-Литу, зашел внутрь, попросив у хмурого общипанного хозяина чарку виски. Он налил мне какой-то бурды, я выпил и даже закашлялся от резкого отвратного духа, ударившего в нос. Немного очухавшись, я случайно взглянул в окно. Там я увидел нечто совсем неожиданное. Мужчина с широкой спиной, в короткополом французском плаще и коричневых брюках, слушал, что говорит ему Ло-Лита, высунувшаяся из нашего автомобиля. Затем он почесал щеку, кивнул, повернулся и пошел обратно к своей машине — вишневому «Яку», припаркованному совсем близко от нас. Я не успел разглядеть его лицо, заметил только брутально выступающий вперед подбородок да большие солнцезащитные очки. Ло-Лита изучала атлас Ловелловского ареографического общества, когда я вернулся к автомобилю.

«О чем тебя спрашивал этот негодяй, Ло-Лита?»

«Какой негодяй? Да, землянин. Спрашивал, есть ли у меня карта. Наверное, он заблудился».

Мы поехали дальше, и я сказал:

«Ло-Лита, этот господин едет за нами второй день. Я не знаю, что ему нужно, и мне это всё равно в данную минуту, но заклинаю тебя: будь осторожна. Я подозреваю, что это агент колониальной администрации, и он может потребовать отче-

та, куда и зачем мы направляемся. Он спрашивал тебя, куда мы едем?»

«Нет. Он не спрашивал, куда мы едем».

«И хорошо. О'кей. Надеюсь, он и впрямь заблудился».

В полном молчании мы продолжали катиться. Погоня исчезла.

Но уже на другой день, как боль рокового недуга, которая возвращается, когда слабеют морфий и надежда, вишневый «Як» вновь появился за нами. Оторваться и ускользнуть от него не было возможности — насколько хватало глаз, везде была ровная, как стол, красная пустыня. Темная ярость поднялась во мне. Я резко остановил «Витязя» и вылез. Сыщик затормозил в десятке саженей от нас. Я направился к нему — с блестящей идеей сдернуть с него очки и спросить, кто он такой и что ему от нас надо. Он немного попятился. Я больно стукнулся о камень и, пока разбирался со своими ногами, сыщик круто развернулся и укатил. Я постоял, переводя дух. На некоторое время преследователь оставил нас в покое. Однако воображение мое уже неслось аллюром, и я становился всё мрачнее, представляя себе, как сыщик, потерпевший фиаско, телеграфирует по факториям, заставам и бензозаправкам о маньяке на «Витязе», вступившем в противоестественную связь с марсианкой, как он по-свинячьему визгливым голосом (может ли быть какой-то иной голос у такого негодяя?) требует пресечь, арестовать, осудить, наказать.

Новая буря, словно в предзнаменование трагических перемен, застигла нас посреди дороги. Мы плотно закрыли окна, прижались друг к другу, но настойчивые ласки Ло-Литы слабо помогали мне; я провалился в тяжелую дрему, внутри которой вспышками проявлялись отдельные кошмарные кадры: в них преследователь с тяжелой челюстью и в светлом плаще виделся мне пронырливым Джеймсом Бондом — секретным агентом инквизиции, персонажем книжонок, экранизированных в Холливуде незадолго до моего отлета. От него было не

уйти, не скрыться, он стоял (а чаще бегал, паля и метая ножи) на страже морали, изводя любого, кто, по мнению кардинала М., отклонялся от догматической нормы.

Утром я проснулся, преисполненный решимости приобрести оружие — оно могло придать мне уверенность, что я смогу защитить мою Ло-Литу и себя от посягательств этого грязного визгливого существа, которое никогда не узнает, что такое настоящая любовь. Дикий Запад закипал в крови, и вздохнуть с облегчением я смог, только когда в придорожной сосисочной, построенной словоохотливым мистером Паркхиллом у пределов освоенного землянами пространства, мне удалось обменять автомобильную радиолу на восьмизарядный карманный пистолет с ореховой рукояткой.

9

Горячка убивает меня надежнее палача, строй мыслей рассыпается, руки дрожат, но я всё же закончу эту повесть. Осталось совсем немного — несколько страниц: самых печальных в моей исповеди. Приготовься, читатель, испить со мной горькую чашу правды.

Желая разорвать сеть судьбы, которая, как я смутно чувствовал, опутывала меня, я решил задержаться на лишнюю ночь в новом замке, встреченном нам на пути. Ло-Лита не возражала — к тому времени мы достигли с ней словно бы медиумического взаимопонимания (говорят, некоторые из марсиан умели читать мысли). Своим дивным пением она оживила механизмы дворца; исходящая паром минеральная вода немедленно наполнила круглый бассейн; и мы, как невинные дети природы, как Адам и Ева (хотя точнее будет сказать: как Адам и апокрифическая Лилит) нырнули в игривые потоки, нашли друг друга и жадно сцепились; моя душенька обхватила руками мою шею, а гибкими ногами — поясницу, открываясь на всю глубину своего зовущего лона перед моим неистовым в ожидании любовной схватки клинком. Сочувственный ангел

словно предупредил меня, что это последний раз, и я терзал мою звезду с длинной оттяжкой, втираясь в скользкую кожу ладонями, заставляя гортанно кричать, непонятно ругаться и царапать мои плечи узкими коготками. Две планеты, два мира, две эволюции сливались в нашем блаженном трении. Слезы покатились из глаз, смешиваясь, когда мы кончили дело. А потом я отнес мою сияющую Ло-Литу на силовую кровать, и она еще долго гладила меня щепотью пальцев, изучая и лаская каждый найденный бугорок, выступающую косточку или тайную впадинку. О, моя нежная прекрасная nova!

Ночью я встал, убедился, что Ло-Лита спит, и как был голый вышел из дворца. Снаружи царил настоящий холод, но внутренний жар согревал меня надежнее печки. Я приблизился к «Витязю», открыл дверцу, покопался в хламе, как бы небрежно сваленном на заднем диване, и вытащил замотанный в куртку пистолет. Развернул своего нового дружка (еще в школе мне рассказали, что пистолет есть фрейдистский символ центральной конечности), передернул затвор и без раздумий трижды выстрелил в Млечный Путь. Оружие сработало безотказно, где-то неподалеку обрушился шахматный домик, и я подумал: ежели секретный агент Бонд бродит вокруг, он теперь будет знать, что искомый маньяк Г.Г. вооружен и при случае окажет сопротивление. Восторг, сила, гордость захлестнули меня, и я даже не сразу заметил, что тряское возбуждение вновь наполнило мой жезл упругой пульсирующей жизнью. Я поспешил в замок, но Ло-Лита так сладко спала, уютно свернувшись в калачик на невидимых полях, что я не рискнул ее тревожить, решив взять причитающееся мне завтра. Как же я был глуп тогда!

Выспавшиеся и приободренные мы двинулись в дальнейший путь после полудня по местному времени, быстро выехав за пределы городка по хорошо сохранившейся дороге. Вишневый «Як» и его суровый водитель остались где-то позади. Настроение было столь радужным, что я сперва принялся насвистывать на мотив венского вальса, а потом начал увлеченно рассказывать Ло-Лите о том, как перебирался из Старого Света

в Новый и как обставлены наши трансатлантические корабли. Словно иллюстрацией к моим словам на линии горизонта возник широкий голубой парус. Я никогда до того не видел пустынный корабль в движении и ударил по тормозам, остановился, разинув рот.

«Миленький, быстрее езжай, пожалуйста», — вдруг попросила Ло-Лита почти без акцента.

Я удивился еще больше: до сих пор моя nova никогда не называла меня «миленьким» и никогда не просила с таким тихим отчаянием (даже когда взывала из небесных далей). На горизонте возник еще один парус, а следом еще один. Они быстро приближались.

«Я хочу рассмотреть корабли», — сказал я, поворотившись к Ло-Лите.

Она больше ничего не сказала — ни единого слова. В своем непредсказуемо-мгновенном движении она перегнулась через меня, дернула за ручку, открывая замок двери, затем так же мгновенно развернулась и с силой ударила пятками по моему лицу. Было ослепительно больно. Я вывалился из машины, ушибив еще плечо и колено. В тот же момент Ло-Лита захлопнула дверцу, колеса «Витязя» бешено крутанулись, выбрасывая тучу песка и мелких камней, и автомобиль умчался прочь. Оглушенный я даже не сразу сумел подняться — из носа тонкой струйкой текла кровь, и какое-то время я тупо наблюдал, как она капает на ржавый грунт пустыни.

Потом я всё-таки встал и увидел финальную сцену погони. «Витязю» не удалось отъехать далеко — пустынные корабли оказались шустрее: я насчитал их дюжину, и они взяли машину с Ло-Литой в кольцо. Я увидел, как моя душенька остановилась и вылезла наружу, склонившись и прижав руки к груди — как когда-то перед памятником инженеру Мэнни. С бортов голубых кораблей посыпались марсиане в воинственных масках из блестящего на солнце металла; в руках они сжимали нечто вроде длинных пик. Создалось впечатление, что они боятся подойти к Ло-Лите, несмотря на выражаемую ею покорность — будто

низкорослые дикари с Андаманских островов в присутствии белого колонизатора. Потом один из них ткнул своей пикой в ее сторону, блеснула короткая молния, и моя ослепительная звезда, моя волшебная марселина повалилась навзничь.

Я неистово закричал. Я побежал, припадая на ушибленную ногу. Я потрясал кулаками и выплевывал французские и американские ругательства. Я готов был голыми руками разорвать этих мелких уродцев на части. Но я не успел. Марсиане подхватили и поволокли безвольное тело моей душечки (с левой ее ноги съехала и свалилась унта, обнажив белый носочек), забросили ее на борт корабля, голубой парус надулся, и с шуршанием корабль стремительно заскользил прочь.

Когда я добрался до «Витязя», то не мог уже кричать — горло издавало только какие-то сиплые булькающие звуки. Марсиане выставили пики, не подпуская меня к себе. На плоских наконечниках играли ярко-синие электрические змейки.

«Почему? — сумел выговорить я. — Верните».

Вперед шагнул самый рослый из уродцев. Раскрашенная охрой маска венчала тонкую шею, под которой развевалась свободное одеяние из тончайшей желтой материи. На месте рта у маски была узкая прорезь, и через нее марсианин обратился ко мне, сильно коверкая слова; даже я понял, что язык песчаных королей ему не родной. Получалось, что передо мной находился представитель одного из народов, строивших каналы, — «повелитель воды».

«Это не твое дело, сын Земли». — «Это мое дело. Это моя женщина». — «Она не может быть твоей». «Почему?» — повторил я вопрос, сжимая кулаки. «Сколько тебе лет, сын Земли?» — «Достаточно». — «Сколько тебе лет?» — «Сорок два. Зачем твой вопрос?»

Марсианин вдруг утробно заухал, а за ним заухали и остальные. Я никогда до того не слышал, как смеются марсиане, но нутром догадался, что это именно смех. Я затравленно озирался, не понимая причины их веселья, а затем смех прекратился так же внезапно, как и зазвучал.

«Сорок два, — повторил марсианин. — Земных лет?»

«Да. Что это меняет?»

«Нас призвал твой брат, сын Земли. Он сказал, по вашим законам нельзя обманывать и обижать детей. Такие законы есть и у нас, сын Земли. Мы чтим детей. Отправляйся домой, сын Земли. Твои родители страдают без тебя. Да будет крепок твой дом, да будет свеж твой воздух, да будет прозрачна твоя вода».

Пятясь и покачивая пиками, марсиане начали отступать к своим кораблям.

«Где мой брат?! — вопросил я с отчаянием раненного в сердце. — Скажите мне, где он?»

Но меня не удостоили ответом. Впрочем, я в нем, признаться, и не нуждался.

10

Въедливый читатель поймет, что догадаться не составило большого труда. Агент Бонд был где-то поблизости, но в этой бесконечной мертвой пустыне он искал бы источник воды и нашел бы его только в одном месте.

Я сел за руль моего преданного «Витязя» и не спеша поехал обратно — в оставленный на полудне замок. Я увидел вишневый «Як» издали: подлый осквернитель чужого уединения, душитель мечты бросил его при входе в наше последнее с Ло-Литой любовное гнездышко.

Я был нацелен и сосредоточен. Я переложил пистолет в карман и широким шагом (куда только делась хромота?) направился к замку. Агент Бонд сидел на краю бассейна, в котором между отвратных пластов бурой грязи всё еще блестела вода. Он где-то отыскал обветшалое деревянное кресло, напоминающее трон с высокой спинкой; он был гол, а его одежда лежала сгорбленной кучей. Грубые глубокие борозды морщин покрывали лицо агента Бонда и его тело. Кожа приобрела зеленоватый оттенок. Он выглядел земноводным из чухонских болот. Он сухо покашливал в ладонь, как будто страдал от туберкулеза. Я догадался, чем болен агент Бонд. Он умирал от песчаной

горячки — опасного и заразного заболевания, которое убило многих колонистов. Но он еще верил, что сможет выжить. Если бы я подождал месяц, то получил бы его труп за скромную плату как самозваный родственник покойного. Но я не мог ждать. Я извлек своего дружка с ореховой рукоятью. Если агент Бонд был так хорош, как его представляют в Холливуде, он нашел бы в себе силы обезоружить меня — но реальность, как водится, далека от экранных пьес: он только слабо шевельнулся и посмотрел на меня тусклыми глазами.

«Ты здесь, — заявил агент Бонд высоким хриплым голосом. — Гумберт Гумберт. Прибыл в январе, космопорт Большого Сырта».

«Правильно, — отвечал я с холодной учтивостью. — Давайте-ка поболтаем до того, как начать».

Его левая щека дернулась. Он наконец понял, зачем я вернулся и отыскал его.

«Марситы взяли тварь, — сказал агент Бонд. — Учтите, Гумберт Гумберт, я вас спас. Чем разговоры разговаривать, дали бы лучше воды».

«Вы отняли у меня Ло-Литу, — сказал я. — А я люблю ее больше жизни».

«Вздор. Как можно любить тварь, которой тыща марсианских лет? Почти две тыщи на наши земные... Ха, она даже старше Христа».

«Что вы мелете?»

«Это правда, Гумберт Гумберт. Она из рода песчаный королей. Они там все... долгожители... Неплохо сохранилась, конечно... но повода влюбляться... не вижу...»

Он снова начал надсадно кашлять, горбясь и сплевывая мокроту в кулак.

«Попробуйте сосредоточиться, — сказал я холодно. — Через минуту вы умрете. Загробная жизнь, как говорят, может оказаться вечной мукой. Постарайтесь понять, что с вами происходит».

Я навел своего вороненого дружка на корчащегося змея. Видеть нашего мучителя затравленным, предвкушать, что ско-

ро он падет от моей пули — о, моя душенька, это было нестерпимой отрадой!

«Дурак, — сказал агент Бонд трезво и громко. — Сорок лет прожил, ума не нажил. Ты хоть понял, кто она? Ты хоть знаешь, куда она тебя везла?»

«Это не имеет значения».

«Еще как имеет. Ты ничего не знаешь, а судишь меня. Уйди, дурак, если не хочешь сесть надолго. Я вызвал подмогу. Мои друзья будут здесь с минуту на минуту...»

Я направил дружка чуть в сторону от ног агента и нажал на курок. Пистолет выстрелил. Пуля отскочила от плитки, оставив в ней изрядную лунку. Бонд громко чертыхнулся и поджал голые ступни.

«Сосредоточьтесь, — сказал я, — на мысли о своем предательстве...»

Агент Бонд всё же сумел показать себя. Рывком подавшись вперед, он в одно мгновение оказался рядом и навалился на меня всем телом. Я неопытен в борьбе такого рода, и он даже в болезненном состоянии сумел повалить меня на край бассейна, выкручивая руку с пистолетом. Кряхтя и возясь, он заплевал мне всё лицо. Но в конце концов я оказался сильнее и выстрелил ему в бок. Бонд сразу ослабил хватку и громко захрипел. Я выбрался из-под него, приподнялся на коленях, приставил дуло к его виску. Я спросил агента, хочет ли он сказать что-нибудь перед смертью. Он кашлянул, глядя в небо, которое быстро затягивала летящая в вышине красная пыль — первый признак надвигающейся бури.

«Отвратительно... — проговорил он с трудом. — Очень больно... Раскрыть тебе, разве?.. Слушай, Гумберт... Есть люди... они земляне... они собираются строить свой рейх... здесь... им нужен уран... чтобы ракеты свои... и оружие... а тварям нужны рабы... для рудников... преданные... чтобы не за страх... Ты-то особенный, Гумберт... редкий... радиоинженер... тебя б на рудники не послали... но всё равно раб... Очень больно, Гумберт... Прекращай наконец...»

Я выстрелил ему в грудь, метя в сердце, но, очевидно, по неопытности промахнулся. Агент Бонд прожил еще минуту.

«Вон отсюда, — сказал он. — Вон... Проваливай... Дурак...»

Я нетерпеливо выстрелил еще раз. Только тогда агент Бонд откинулся, и большой розовый пузырь образовался на его почерневших губах, дорос до величины детского мыльного шарика и лопнул.

Возможно, на минуту-другую я потерял связь с действительностью, но это отнюдь не походило на то потемнение рассудка, на которое обычно ссылаются закоренелые преступники; напротив, хочу подчеркнуть, что я ответственен за каждую пролитую каплю его крови; однако произошел некий временной сдвиг — я только что сидел рядом с умирающим агентом, а потом сразу оказался на ступенях каменной лестницы, ведущей из замка.

Всё, что за этим последовало, было довольно плоско. Меня охватил приступ отвратительной тошноты. После судорог рвоты, вывернувшей меня наизнанку, я сел отдохнуть на ступеньки. Отсюда открывался преотличный вид. Можно было разглядеть тонкую геометрию улиц, высокие башни, похожие на ферзей, и берег высохшего залива. Легчайшее облако пыли как бы раскрывало объятия навстречу более основательной темно-багровой туче. Кавалькада машин пылила по дороге, оглашая окрестности ревом сирен и нечленораздельными криками в мегафоны. Но уже начиналась песчаная буря. Сильный ветер резал лицо, слезились глаза. Орга́ны дворца завели тяжелую древнюю песнь, и в их вое и причитаниях мне слышалось твое имя. Ло-Лита. Ло-ли-та. Лолита. Свет звезды, видимой в первый раз. Моя nova. Мой свет. Любовь моя.

Я заканчиваю.

Я не знаю, где ты сейчас, Ло-Лита. Я не знаю, с кем ты сейчас. Но одно я знаю твердо. Ты бессмертна. Пройдут века, исчезнут каналы, бури сотрут города, но ты не угаснешь. Потому что никогда ржавчина марсианских песков не покроет золотой лик любви.

КОРАБЛЬ УРОДОВ

Корабль уродов,
Что ты готовишь мне?
Гибель в морской волне
Или свободу?

Борис Гребенщиков «Корабль уродов»

«Я прошу вас помнить, что Зона выполнит только самое заветное ваше желание, самое искреннее, самое глубокое. Самое выстраданное. Поэтому отнеситесь к предстоящему со всей серьезностью. Не надо шутить, не надо быть грубым, вообще не надо ничего показного. Никакие слова вам не помогут. Вам ничего не надо говорить. Вам нужно просто сосредоточиться и вспоминать свою жизнь. Когда человек вспоминает свою жизнь, он становится добрее. Вам нужно быть очень добрыми сейчас. И тогда счастье, которое вы обретете, не станет источником несчастья для других...»

Аркадий и Борис Стругацкие «Сталкер»

Из интервью, которое ведущий телевизионной программы «Взгляд» взял у доктора физико-математических наук Роберта Яковлевича Перельмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19.. год

— ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, Роберт Яковлевич, следует считать так называемую траекторию Перельмана?

— О нет! Это вовсе не открытие! Ведь для того, чтобы его сделать, не нужно никаких особенных заслуг или высшего образования. Необходимо всего лишь разбираться в небесной механике. А на втором курсе МГУ мы немного разбирались.

— Но тогда почему никто до вас этого не сделал?

— Самое смешное, что делали. Посмотрите у Войцеховского в «Истории Тунгусского Космического Тела». Первым рассчи-

тал траекторию какой-то школьник, первую статью на эту тему опубликовал студент, а назвали траекторию почему-то моим именем.

— Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы в таком случае пояснить нашим зрителям, что такое траектория Перельмана?

— Ну, это довольно просто. Существуют оптимальные с точки зрения энергетики траектории движения летательных аппаратов в пределах Солнечной системы. Я однажды прочитал популярную книгу Феликса Зигеля о Тунгусском Теле и задумался вот о чем. Мы знаем точное время взрыва над Подкаменной Тунгуской. По форме Тунгусского Кратера мы можем определить примерное направление движения Тела и угол его входа в атмосферу. Этого достаточно, чтобы провести простейший расчет и установить оптимальную траекторию, по которой двигалось Тунгусское Тело к Земле. И ответить таким образом на вопрос, откуда оно к нам прилетело. Если, конечно, исходить из предположения, что это был межпланетный корабль пришельцев.

— И вы сумели ответить на этот вопрос?

— Да, сумел. Но ответ был обескураживающим. Тунгусское Тело прилетело к нам с Венеры.

— Удивительно. Но ведь жизни на Венере нет?

— Да, это стало известно еще в начале шестидесятых. Потому и вызвало новые вопросы. В конце концов сошлись на том, что траектория Тела не имела никакого отношения к межпланетным полетам.

— То есть это был звездолет?

— Звездолет. Корабль из параллельной вселенной. Машина времени. Все версии допустимы.

— Ученые обычно ведут себя сдержанно, когда речь заходит о гипотезах. Но, очевидно, к Тунгусскому Телу это не относится?

— Безусловно. Научный мир был потрясен, когда из Тунгусского Кратера доставили первые артефакты. Эти предметы, их свойства переворачивали наши представления о

мире настолько, что никакая гипотеза их происхождения не казалась безумной. Однако заметьте: вплоть до середины семидесятых наравне с другими рассматривалась и гипотеза о естественной природе Тунгусского Тела. Считалось, что это такой аномальный метеорит.

— А теперь эта гипотеза не рассматривается?

— Нет, внутренняя структура Тела до его разрушения была явным образом упорядочена. Это доказано, и больше не обсуждается.

— Скажите, пожалуйста, Роберт Яковлевич, почему так долго о Кратере и Теле ходили только смутные слухи? Почему к изучению артефактов не допускались иностранные институты и организации?

— Режим секретности обусловлен рядом причин. Во-первых, как вы помните, в доперестроечные времена любое перспективное исследование связывалось с решением оборонных задач. Во-вторых, Кратер — весьма опасная зона для посещений, без соответствующей подготовки там легко погибнуть. В-третьих, артефактов не так уж и много. По объему и массе их, конечно же, больше, чем грунта с Луны у американцев, но всё равно — очень и очень мало. Поэтому артефакты представляют определенную ценность, и не хочется, чтобы они бесконтрольно расползались по миру. И не нужно думать, будто это наша национальная особенность. Попробуйте заказать у НАСА грамм реголита для исследований.

— Но теперь положение меняется в сторону большей открытости?

— На самом деле оно начало меняться еще десять лет назад. Уже тогда мы стали приглашать иностранных специалистов поработать в научном городке при Кратере, и многие наши ведущие сотрудники выезжали за рубеж с лекциями и докладами.

— И всё же рассказывают, что секреты остались. Якобы где-то хранятся останки инопланетных пришельцев, пилотов Тунгусского Тела.

— О! Я тоже об этом слышал. Западные уфологи любят задавать вопрос о пришельцах. Заверяю вас, все рассказы об Уроде — вымысел чистейшей воды.

— Об Уроде?

— Да, это уже наш профессиональный жаргон. Уродом называют гипотетического пилота Тунгусского Космического Тела. Словечко запустил, кажется, Ефремов... Дело в том, что нет никаких оснований считать Тунгусское Тело — пилотируемым объектом. Это мог быть беспилотный исследовательский зонд. Что вполне логично. Мы сами предпочитаем изучать соседние планеты с помощью зондов — почему наши «братья по разуму» должны поступать иначе?

— Значит, Урода не существует?

— По крайней мере, нам пока не удалось найти ничего похожего на останки инопланетного существа.

— Спасибо за ответ. Давайте вернемся к теме Кратера. Вы сказали, что это очень опасная зона?..

— Да. При падении и взрыве Тунгусского Тела выделилось значительное количество энергии, сопоставимое с энергией одновременного взрыва тысячи атомных бомб. Но не только это. Тело прямым образом воздействовало на метрику пространства-времени. В результате образовались аномальные зоны с парадоксальными физическими свойствами. Стационарные и нестационарные. С различными сроками жизни. Эволюционирующие. Попав в такую зону, человек с неизбежностью погибает. Об этом узнали еще до войны — Кулик потерял в Кратере всю свою экспедицию. Но подлинную опасность аномалий оценили, только когда приступили к глубокому изучению Кратера и его окрестностей.

— Известны ли попытки самовольного проникновения в Кратер?

— Да, такое периодически случается. Среди искателей — так мы называем людей, изучающих Кратер, — порой встречаются безответственные люди. Для предотвращения попыток несанкционированного проникновения организована надежная система охраны.

— У нас осталось немного времени, поэтому последний вопрос. Что может дать изучение артефактов и аномалий Тунгусского Кратера земной цивилизации? Как изменится наша жизнь?

— Наша жизнь уже изменилась. Насколько велико здесь влияние Кратера, судить, наверное, всё-таки не мне...

— Роберт Яковлевич, спасибо за то, что пришли к нам в студию.

1. Андрей Тяглов, 28 лет, холост, кооператор

Вообще-то официально я торгую персональными компьютерами. Очень доходное дело, кстати. Куда более доходное, чем просиживать штаны в лаборатории. Но я компьютерами не только торгую — я их, между прочим, собираю. Вот этими самыми ручками. Помню, когда первый «Спектрум» собрал и магнитофон с нему подключил, какой был восторг. Жалко не сохранилась та машинка — ушла на детали. Сейчас у меня выбор всё-таки побогаче. Есть «Поиски». Есть «двойки» белой сборки и «тройки» — красной. Матричные принтеры. Внешние накопители на жестком диске. Модемы, прошитые под нашу дряхлую телефонную сеть. Реальная фирма, короче. И по бумаге, и по жизни. А главное — «крыша» надежная есть в лице товарища Афганца, который блюдет мою безопасность пуще меня самого. Другие бандиты давно от меня отстали, а участковый и хмыри из ОБХСС обходят далекой стороной.

И тот день не предвещал беды. Приехал я на рынок к десяти, открыл ларек, протер тряпкой слепые мониторы, уселся в свое родное, продавленное и прожженное кресло и начал изображать утомленного жизнью частного предпринимателя.

Первым клиентом в четверть одиннадцатого заявился Бориска Дрын.

Дрын — это не погоняло, а фамилия. Погоняло как раз — Бориска. Вообще имя у него Иван, а почему его так другие искатели прозвали, судить не берусь, не знаю. Но закрепилось это сочетание намертво: Бориска Дрын.

Поздоровался он вежливо, и вроде от него даже не пахло. Значит, последний раз в «Стекляшку» он наведывался минимум двое суток назад. К походу готовится? Вроде не собирался. Послушаем, что скажет.

— Слышь, земеля, — сказал Бориска, — тут такое дело. Консультация нужна.

Глазки у него при этом бегали, что мне сразу не понравилось.

— По какому вопросу? — с безразличием в голосе спросил я. — Софт? Железо?

— Антрацит.

Я аж привстал.

— Ты чего ко мне приперся, придурок? — зашипел я на Бориску. — Знаешь же, что антрацитом не занимаюсь. Топай в «Искру».

Про себя подумал: эге, где ж это Дрын сумел антрацитом разжиться? Он ведь из искателей низшего разряда, в Институте токарем работал. Дальше двух километров за Вал не ходит — боится. И правильно боится. Только что в двухкилометровой зоне найти можно? Вату? Да, там полно ваты. Синий жемчуг? Да, иногда попадается. Янтарную крошку? Большая редкость. Но чтобы антрацит — никогда!

Интересное дело. Похоже, Дрын пустился в тяжкие — обобрал коллегу-искателя. Тогда недолго ему осталось. Найдут вскорости тушку с простреленной глупой башкой.

Что характерно, мне его совсем не жалко. Если таких тупарей-алкоголиков поменьше в стране будет, всем станет легче дышать.

— В «Искру» не могу, — застрадал Бориска. — Там меня не знают. Откажут. Или кинут.

Я снова угнездился в кресле и спросил с ленцой:

— А знаете ли вы, товарищ Дрын, что оборот фрагментов так называемого черного тела находится в ведении госструктур? А знаете ли вы, что нарушение правил разработки недр Тунгусского Кратера влечет за собой наказание в виде лишения свободы на

срок до пяти лет с конфискацией имущества, согласно статье сто шестьдесят семь, пункт три, Уголовного кодекса РСФСР?

Бориска помялся, но не ушел.

— Мне ведь только экспертизу, — продолжил он давить на слезу. — Чтоб не кинули...

Эх, говорила мне мама, не связывайся с «черным золотом»! Но поскольку других клиентов не было, а по рынку бродили сонные старушки, я решился:

— Хорошо, давай посмотрю. Но деньги вперед!

— Сколько?

— Сотня зелеными.

Бориска аж заскрипел.

— Маней нет... сейчас, — признался он.

— В долг экспертизу не проводим, — отрезал я.

Бориска постоял с минуту в нерешительности, глазки его продолжали бегать.

— Натурой расплачусь, земеля!

Я хмыкнул:

— Больно нужна мне твоя натура!

— Отдам антрацит.

Ни хрена себе! Значит, у этого придурка где-то припрятан запас. Играешь с огнем, искатель!

— Давай посмотрю, — согласился я.

Любопытство меня когда-нибудь погубит.

Бориска полез в карман своей задрипанной куртки, извлек черный блестящий обломок, размерами и формой напоминающий кленовый лист, с зазубренными краями. Складывалось впечатление, будто бы черное тело откуда-то отколупывали, пользуясь при этом не самым подходящим инструментом.

Я вышел из ларька, огляделся вокруг внимательно, никого и ничего подозрительного не заметил, принял обломок и вернулся внутрь.

— Иди, погуляй полчасика, — сказал я Бориске. — Потом приходи за ответом.

После чего заперся изнутри, задернул шторку на окошке и выставил табличку «Закрыто! Не стучать!».

Опытные искатели, бывшие лаборанты или научные работники Института, умеют определять чистоту черного тела без посторонней помощи, не бином Ньютона, в конце концов, но для таких кадров, как Бориска Дрын, это, конечно, великая наука.

Я снял с боковой полки один из мониторов и поставил его на лежащий на дощатом полу старый системный блок. Освободив таким образом оперативный простор, вытащил из сейфа сложенную простыню диаграммы масса-твердость, толстенный справочник по артефактам с грифом «Для служебного пользования», который прикарманил еще будучи аспирантом-целевиком, и программируемый калькулятор БЗ-21. Из ящика стола достал малый джентльменский набор эксперта: медицинские весы с набором гирек, импортный фонарик с регулировкой яркости, профессиональный фотоэкспонометр, спортивный секундомер, блокнот и авторучку. Разложил всё это богатство на освобожденной полке и приступил к работе.

Сначала я ощупал обломок. Убедился, что он греет руку, как и полагается настоящему черному телу. Значит, не подделка.

Взвесил обломок на весах. Он вытянул на двести граммов. Я занес результат в блокнот. Потом закрепил фотоэкспонометр и, меняя яркость направленного на него фонарика, записал показания. В результате получилась достаточно точная тарировочная кривая прибора. Разместил перед приемной головкой фотоэкспонометра обломок и снова включил фонарик. Меняя яркость, отследил изменение коэффициента поглощения. Занес результаты измерений в блокнот.

Теперь самое важное. Поставил фонарик на максимальную яркость и запустил секундомер. Когда стрелка фотоэкспонометра качнулась, нажал кнопку и посмотрел на циферблат. И присвистнул от удивления.

Схватил справочник, чтобы проверить самого себя. Нет, всё правильно! Память не подвела. Согласуясь с тарировкой,

пересчитал коэффициенты поглощения, отложил точки на графике, соединил и обнаружил прямую линию. Вот так да!

Дело в том, что свет проходит через черное тело с заметной задержкой — от трех с половиной до пяти секунд. Более «чистыми» и, соответственно, более ценными считаются те обломки, которые задерживают свет на большее время. Казалось бы, должно быть наоборот, но это вам не банальное стекло — это монолитная структура, которая вообще не имеет аналогов в нашей части Вселенной, а потому обладает совершенно фантастическими свойствами. И правильно, что наше... хм-м... государство взяло добычу черного тела под контроль, приравняв к золоту. Ибо в Кратере много загадочных артефактов, но черное тело — самое загадочное из них.

Так вот, обломок, который передал мне на «экспертизу» Бориска Дрын, пропускал свет с задержкой в семь секунд. В первый момент я решил, что врет секундомер. Но кривая поглощения, которая под моей рукой превратилась в прямую, свидетельствовала в пользу невероятной гипотезы: бывший токарь обнаружил настоящий Клондайк!

Пару минут я сидел в полной тишине, переваривая неожиданное открытие. Потом вскочил, побросал приборы в сейф, закрыл его на ключ, а обломок завернул в упаковочную бумагу и сунул в карман брюк. Вышел из ларька. Дрын терся неподалеку и сразу засеменил ко мне с надеждой в смурном взоре. Времени рассусоливать у меня не было, поэтому я сказал прямо:

— Значит, так, Бориска, это антрацит, без вопросов. Мне нужно кое-куда съездить и дополнительно проконсультироваться. Если мое предположение подтвердится, я беру всю партию. И этот фрагмент тоже оплачу. Сколько там у тебя?

— Четыре килограмма, — признался Дрын, ошалевший от свалившегося на него счастья.

— О'кей, — кивнул я. — По рукам. Никому ничего о сделке не говори. Вали пока домой. Встретимся в два часа у «Стекляшки». И не боись, оплачу по высшей ставке. И премию

сверху накину, чтоб выпил за мое здоровье. Слово, ты знаешь, я умею держать.

— Ага, ага. — Дрын облизнулся в предвкушении. — Ты, Андрюха, да, молодец, не замечен на кидалове.

Сейчас Бориска был больше всего похож на мой программируемый калькулятор — такой же сосредоточенный в подсчетах потенциальной выручки. Считай, считай. Толку-то? При умеренном образе жизни ему этих денег хватило бы на три года жизни без походов в Кратер, однако умеренность не входит в число достоинств бывшего токаря.

Больше с ним толковать было не о чем, я закрыл ларек и быстрым шагом направился к своей «девятке». Машина завелась с полуоборота, что не могло не радовать, — последнее время зажигание барахлит и карбюратор выпендривается. Я выехал с рынка на единственную приличную улицу в городе — улицу Ленина — и погнал в Институт, чертыхаясь на колдобинах.

Ванавара хиреет год от года, превращаясь из элитного научного городка в проходной двор. Раньше хоть начальство за фасадами и дорогами следило, а теперь всем на всё наплевать. Народ совсем свихнулся от бардака, очередей и отсутствия элементарных товаров, а потому работать никто уже не хочет, все только треплются о политике да клянут Горби почем зря. Помяните мое слово, если уж в середине лета на центральной улице города такие колдобины и лужи с грязью, то зимой тут совсем тухло станет, наплачемся. Куда только катится эта страна?..

Слава богу, был четверг, а значит, все интересующие меня лица должны были находиться на своих рабочих местах согласно штатному расписанию. Оставив машину на площадке перед главным корпусом, я обогнул памятник Кулику и вошел в вестибюль. И тут же столкнулся с тем, кто был мне нужен в первую очередь, — с руководителем Научно-исследовательского отдела по изучению квазитрансцендентных структур Львом Сергеевичем Сибирцевым.

Сибирцев стоял в вестибюле, весь такой вальяжный, высокий и седовласый, и беседовал с двумя стажерками.

Стажерки, некрасивые и одетые очень скромно даже по меркам Ванавары, внимали ему, открыв рты.

— Извините, девушки, — сказал я, подходя к Сибирцеву и сразу протягивая ему руку. — Добрый день, Лев Сергеевич.

Сибирцев посмотрел на выставленную руку, на меня, но деваться ему было некуда, и он вяло потряс мои пальцы. От колкости, впрочем, не удержался.

— Вот, товарищи стажеры, — сказал он, кривя рот, — посмотрите на дезертира. Оставил кафедру, коллег, науку — спрашивается, ради чего? Ради пошлого блеска злата. Ради личного благосостояния. Ради мещанских ценностей. Зачем наше государство давало ему образование? Зачем кормило, поило, одевало? Почему не сумело разглядеть ренегата, который при первой возможности перековался в бизнесмены и предал интересы научного сообщества? Больше того, этот человек обирает своих бывших коллег и учителей, продавая им по спекулятивной цене электронно-вычислительную технику и программное обеспечение.

Я выслушал тираду Сибирцева стоически. Сибирцев по своей привычке врал — врал нагло, в глаза, в присутствии посторонних. А что вы хотите от человека, девичья фамилия которого не Сибирцев, а Писунько?

Кстати, с Сибирцева я не взял до сих пор ни копейки. Хотя лично привез и установил у него в кабинете «тройку» персональной сборки из белых комплектующих.

— Лев Сергеевич, есть небольшая проблема, — сказал я вежливо, делая вид, будто речь в его тираде шла не обо мне, а о каком-то другом человеке.

— Что ж, — ответствовал Сибирцев горделиво и явно любуясь собой, — давайте обсудим вашу проблему, товарищ ренегат.

— Может быть, лучше будет обсудить ее у вас в кабинете? Речь идет о новом подклассе квазитрансцендентных структур.

— Что ж, — Сибирцев тряхнул седой гривой, — это достойная тема для обсуждения. Прошу покорно меня извинить, товарищи стажеры, но дела, дела... Труба зовет.

Вместе мы направились к нему на третий этаж. По дороге Сибирцев, как он всегда делал без свидетелей, принялся жаловаться: на этот раз — на новую версию «Лексикона», которую я ему устанавливал месяц назад. Мол, работает некорректно. Мол, пишешь нормальное письмо, а принтер выдает абракадабру. Я не стал комментировать его стенания, ибо знал, что дело здесь, конечно, не в «Лексиконе», а в холеных, но кривых руках.

Вошли в кабинет. Место работы Сибирцева всё еще выглядело внушительно. Высокий потолок, высокое окно, тяжелые шторы, письменный стол, длинный стол для совещаний с тяжелыми резными ножками, массивные деревянные стулья в два ряда, портреты легендарных искателей на стенах: Кулика, Янковского, Флоренского, Плеханова, Золотова, Гильзина и Гречко. Однако на всём этом, как на свежем покойнике, уже проступал трупный узор близящегося распада. Потертости и пятна на обивке стола, два оборванных кольца на карнизе, покрытые пылью пачки бумаг в углу, мухи, бегающие по портретам. Сибирцев, казалось, всего этого не замечает. Он сел в руководящее кресло, достал массивную бронзовую пепельницу, трубку и закурил.

— Лев Сергеевич, — обратился я, подсаживаясь ближе. — Что вы можете сказать о черном теле с задержкой прохождения в семь секунд?

Сибирцев посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Сверхчистое тело? Ось? — уточнил он. — Это миф!

— То есть в вашей богатой практике такие фрагменты не встречались?

— Эх, Андрюша. — Сибирцев мечтательно поднял взгляд к высокому потоку. — Это же тема моей докторской. А оппонентом у меня был сам Гильзин! Сам! Если бы у Гильзина имелся хоть один кусочек, самый маленький фрагментик из Оси, он стер бы меня в порошок. И мы с тобой сейчас не разговаривали бы. Но, к счастью, сверхчистого черного тела не существует. Это лишь домыслы, красивая гипотеза, тема для фантастической повести.

Я решил зайти с другой стороны:

— Но, может быть, впоследствии ваши лаборанты и находили фрагмент с пониженной пропускной способностью? Может быть, есть какой-то закрытый отчет?

Сибирцев посмотрел на меня снисходительно.

— Андрей, я тебя люблю и уважаю, но по этому вопросу ничем помочь не могу. Не было таких фрагментов.

— Тогда объясните мне, что это такое?

И с победным видом я вытащил из кармана и положил на стол антрацит, полученный от Бориски Дрына. Не смог отказать себе в удовольствии, пижон проклятый!

Сибирцев даже не изменился в лице. И голос его не дрогнул. Он посмотрел на обломок, равнодушно попыхивая трубкой.

— И что это такое?

М-да. Триумфальное настроение у меня сразу улетучилось. Старую гвардию ничем не прошибешь.

— То, чего не может быть, — процитировал я модную сказочку. — Черное тело с задержкой в семь секунд и линейной функцией по коэффициенту.

— Ты ошибся, Андрей!

— Хотите провести экспертизу в лаборатории?

— Даже не стану время тратить. Ты ошибся.

— Ну а если предположить, что нет? А если вы ошиблись? Институту нужны фрагменты сверхчистого тела?

Сибирцев вздохнул и принялся выбивать трубку в пепельницу.

— Андрей, — сказал он, — в запасниках Института черного тела более чем достаточно. На пятьдесят лет хватит. Мой тебе совет: продай его. Хотя нет, продажа ведь запрещена. Сдай в приемный пункт на Заимке. Только придется объяснить, откуда он у тебя. Ты же больше не числишься в искателях, и вход в Кратер тебе запрещен. А еще лучше — выброси его, закопай. Зачем тебе проблемы с ОБХСС? Или с КГБ?

— Мне всё ясно, — сказал я. — Оберегаем научную репутацию? В конце концов, почему бы и нет? Я вам не судья. Только

вот Гильзин был прав, а вы неправы. И всё это время, двадцать лет, вы сидели в мягком кресле, вкусно ели, сладко спали, но занимались полной ерундой — пустым теоретизированием, основанным на ложных предпосылках.

— Вон, — даже не повысив голоса, сказал Сибирцев. — Вон отсюда, мальчишка.

Я забрал обломок и покинул кабинет.

Итак, с Сибирцевым не получилось. Не знаю уже теперь, на что я рассчитывал, когда шел к нему. Мстительность не входит в число моих достоинств. А всё остальное — интеллигентские сопли.

После Сибирцева я отправился в административный корпус. Взмахнув на входе корочками пропуска, зашагал по длинному коридору, увешанному досками почета, фотографии на которых не менялись уже лет пять. Увидел на одном из пожелтевших снимков знакомую физиономию Бориски Дрына, подмигнул ей. А ведь он был когда-то приличным человеком, ударником социалистического труда, ударно ваял крепеж для испытательного стенда... Что с людьми перестройка и новое мышление сделали...

Добравшись до кабинета Шахмагонова, я постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь. Эдуард Шахмагонов восседал за письменным столом в большом кресле с кожаной обивкой, завезенном явно откуда-то из Германии. Вообще обстановка на рабочем месте заместителя секретаря комсомольской организации Института выгодно отличалась от обстановки в кабинете Сибирцева. Здесь стояла исключительно скромная, но современная импортная мебель, а «машинка», которой пользовался Эдуард, даже у меня, опытного железячника, вызывала обильное слюноотделение. Ибо на столе у него расположился редкий в наших широтах лэптоп от «Epson». Хорошо живет комсомол!

Шахмагонов был меня на два года младше и, хотя учился на том же факультете Красноярского университета, что и я, предпочел пойти не по науке, а по партийной линии. Он не стал заканчивать аспирантуру, сдавать минимумы и защищать

кандидатскую, а сразу попер в комсомольские работники. И вот теперь он заместитель секретаря, а я — простой советский кооператор. Впрочем, я ему не завидую — у них там, в организации, свои заморочки имеют место быть.

— Андрей? Рад тебя видеть. — Шахмагонов привстал и с улыбочкой мне поклонился; был он круглый, розовый и довольный жизнью. — Я как раз о тебе вспоминал. Так что богатым будешь, вот так. Кстати, о богатстве. Мы тут собираемся сетку в нашем корпусе провести. Чтобы, как говорит Михал Сергеич, углубить и расширить, а затем прийти к консенсусу, вот так. Думаем, у кого разместить заказ. Но выбор большой. Конкуренция — двигатель рыночной экономики, как ты знаешь. Если хочешь получить заказ, придется тебе постараться и убедить нас, что ты лучший из возможных кандидатов.

— Обсудим, — кивнул я. — Но сегодня по другому делу.

С Шахмагоновым играть в игры не стоило, поэтому я сразу извлек обломок и показал. Заметил при этом, что зазубренные края «поплыли» — скоро начнется неизбежное сворачивание.

— Антрацит? — удивился Эдуард. — Откуда у тебя? Ты ж вроде не замечен?

— Лучше, чем антрацит, — сказал я. — Это сверхчистое тело.

С полминуты Шахмагонов соображал, потешно наморщив лоб. Потом его радушная улыбка поблекла, и он спросил:

— Ошибки быть не может?

— Нет никакой ошибки. Чуешь, чем пахнет?

— Ой-ей, чем пахнет, Андрей. Ой-ей, чем пахнет!

Он вскочил и пробежался по кабинету.

— Это же... — Он застыл, а потом резко повернулся на каблуках, нависнув надо мной. — Ты можешь мне это оставить?

— Могу, если дашь гарантии.

Шахмагонов обежал стол и вернулся в кресло.

— Слушаю, — сказал он, положив свои пухлые ручки перед собой.

— Я открыл сверхчистое тело. Я хочу иметь постоянную долю.

— Ренту? Понятно. Кто будет добывать?

— Думаю, найдутся желающие.

— Согласен. Процент?

— Пятьдесят.

— Много. Даю пятнадцать.

— Тридцать.

Шахмагонов замотал головой:

— Ты не понимаешь, Андрей. Это не предмет для торга. Я даю тебе пятнадцать, потому что не могу дать больше. Серьезные люди меня спросят: при чем тут кооператор Тяглов? Что я им отвечу? Он мой друг? Пятнадцать — максимум. Именно потому что друг.

Тут пришла очередь заскрипеть мне. Но выбирать особо не приходилось, поэтому я сказал:

— Согласен.

Шахмагонов перешел к конкретике:

— Этот фрагмент забираю на экспертизу. Сколько еще антрацита на руках?

— Четыре килограмма. Но есть жила. Я в этом уверен. Труды Гильзина по Оси помнишь?

Шахмагонов аж зажмурился, как кот, унюхавший сметану. И снова одарил меня белозубой улыбкой:

— Вперед и с песней, Андрей! Добудь мне жилу!

Я ушел от него в приподнятом настроении. На самом деле я хотел двадцать процентов, но и пятнадцать — тоже неплохо. Можно будет забыть и о точке на рынке, и о компьютерах, и о товарище Афганце. Навсегда забыть. Сверхчистое черное тело из Оси — это шанс. Реальный шанс обрести свободу. И компетентные товарищи ведь не подкопаются. Ибо сверхчистого черного тела в природе не бывает, мне так доктор Сибирцев объяснил.

Я подъехал к «Стекляшке» без пяти минут два. Ожидал, что Бориска Дрын там уже трется в нетерпении и предвкушении. Однако, к удивлению своему, среди тусующихся возле магазина алкашей бывшего токаря не увидел.

«Стекляшка» — это вообще-то овощной магазин. А называется так, потому что это единственный магазин в Ванаваре со стеклянной витриной. С учетом нашего гнилого климата здесь лучше ставить глухие здания с ма-а-а-аленькими оконцами. В овощном магазине, конечно же, спиртные напитки не продаются и талоны на них не отовариваются. Однако все местные любители знают секрет. Достаточно войти в «Стекляшку», протянуть продавщице Маше червонец и сказать: «Вот деньги. Хочу товар!» — вы тут же получаете «товар», то бишь поллитра прозрачного, как слеза, самогона, который гонят на Заимке. Говорят, в столицах, в Москве и Питере, снабжением населения алкоголем занимаются таксисты, однако у нас всё проще и надежнее, не в столицах живем.

Я выбрался из машины и приблизился к алкашам:

— Здорово, мужики! Как настроение? Бориску кто-нибудь видел?

— Видели, — отозвались мужики. — Он нас сегодня угощает.

Я почувствовал себя так, будто у меня одним точным ударом вышибли землю из-под ног.

— Как угощает? У него ж денег не было...

— В долг взял у Машки. Говорит, Андрюха приедет — расплатится. Так что давай, Андрюха, плати!

— Блин! И где теперь этот урод?

— Успели накатить по двести, а тут пацаны Хозы прикатили. Сказали, разговор есть, и увезли.

Сердце у меня оборвалось. Если Хоза узнает, что я решил в антрацитовый бизнес влезть без вазелина, тут мне и каюк. Найдут к вечеру тушку с простреленной глупой башкой. Вот тебе и свобода!

Решение созрело быстро. Я бегом припустил к машине.

— Э, Андрюха, а платить?

— Пошли к черту! — огрызнулся я.

В это время дня Афганца можно было найти только в одном месте — в «Миссисипи», что на Привокзальной. В первом коо-

ративном ресторане города. Хотя какой там ресторан — одно название! Просто дощатый сарай, внутреннее убранство которого отличается от какой-нибудь пельменной разве что наличием стульев да рыболовной сетью, развешанной доморощенным дизайнером по стенам в качестве главного интерьерного украшения. Однако цены в ресторане кусались. Еще как кусались!

Афганец сидел с двумя своими бандитами на самом удобном месте — у дальней от окна стены и лицом к входной двери. Потягивал разливное пиво. Завидев меня, махнул рукой приглашающе. Я подошел.

— Привет, академик, — сказал Афганец. — Как идет бизнес?

— Плохо идет. — Я сел на свободный стул и отер пот с разгоряченного лба.

Обычно неподвижное лицо Афганца дрогнуло.

— Что за тема?

— Мне удалось найти уникальный артефакт, — сообщил я, собравшись с духом. — Точнее, не мне. Один из моих клиентов, искатель Бориска, нашел. Но Бориску забрали люди Хозы.

— Вот падла! — немедленно возбудился один из бандитов.

— Тихо! — осадил его Афганец. — Отсюда поподробнее, академик. Что за вещь?

— Антрацит.

Глаза Афганца превратились в щелки.

— Это бизнес Хозы, — процедил он. — Зачем ты полез в его бизнес? Приключений на задницу ищешь?

— В том-то и дело, что это не совсем антрацит, — сказал я, стараясь говорить и выглядеть спокойно. — Это новый артефакт. Только очень похожий на антрацит. Тебе любой ментовский эксперт скажет, что это не антрацит. У него другие характеристики. Извини, Николай, но ты хоть понимаешь, что это означает? Это означает, что на рынке появился новый артефакт, а Хоза тут же пытается прибрать его к рукам. А Бориска, между прочим, мой клиент, а не «Искры».

— Да, это серьезно, — согласился Афганец, поразмыслив. — Нехорошо поступил Хоза, неправильно. Не по-братски. Надо разбор устроить. Но если врешь, академик, я тебя лично прищучу! Кровью умоешься!

— Я всё понимаю, Николай. — Мне без труда удалось изобразить искренность. — Не враг же я самому себе. Но обидно, блин, когда реальные бабки уводят.

— Поехали в «Искру», — подытожил Афганец. — Сейчас только пару звонков сделаю.

Он поднялся, шагнул за ресторанную стойку, взял, не спрашивая разрешения, телефон и принялся накручивать диск. Никто и пикнуть не посмел — ибо «Миссисипи» крышевал тоже Афганец. Бандиты заулыбались, почесывая кулачищи.

Наконец собрались и поехали. Афганец сел за руль своего полноприводного «японца», а я пристроился в кильватер. На перекрестке между Ленина и Октябрьской Афганец притормозил, и к нему в машину запрыгнули еще трое. Как они там только размещают свои увесистые туши?

Штаб-квартира Хозы находилась на окраине, в двух шагах от Заимки. Хоза оккупировал целое здание, хотя и достаточно скромное на первый взгляд — серый двухэтажный корпус, в котором раньше располагалась городская санэпидстанция. Потом контора переехала ближе к центру, и здание поставили в план по сносу, но Хоза подмазал кого надо и после косметического ремонта открыл в нем офис (так и называл его по-модному — «офис») кооператива «Искра». Торговал кооператив всяким барахлом: вареной джинсой и пуховиками китайского производства, но на самом деле торговля служила лишь прикрытием теневой деятельности авторитета по кличке Хоза, одного из самых матерых рецидивистов Ванавары. С Афганцем у Хозы были сложные отношения. Хоза, конечно, понимал, что город целиком подмять под себя вряд ли получится, — всегда найдется ушлый пацанчик, который станет претендовать на свой кусок праздничного пирога, да и менты за уголовным авторитетом следили зорко, — но аппетиты росли не по дням, а по часам. И Хоза уже не

раз и не два вторгался на территорию, которую Афганец по праву первооткрывателя считал своей. Афганец отвечал взаимностью, подбирая всё, что плохо лежит. Раньше или позже это должно было закончиться войной за передел сфер влияния, однако уникальная способность Афганца договариваться даже с врагами позволяла криминальному миру Ванавары балансировать в состоянии не слишком устойчивого, но всё же равновесия.

Афганец остановил машину у центрального входа, над которым висел деревянный щит, украшенный грубой самодельной надписью большими красными буквами: «ИСКРА». Бандиты вылезли, а Афганец подошел ко мне и, наклонившись к окну, шепнул:

— Мы пойдем побеседуем, а ты здесь жди. Когда надо, позову.

О чем и как беседовали Хоза и Афганец битых полчаса, сказать не могу. И боюсь даже предположить. Но ровно через полчаса один из бандитов Афганца появился во дворе и позвал меня по имени. Я успел понервничать, а потому с тяжелым сердцем вылез из машины и вошел в здание.

Хоза совмещал «офис» со складом. Очевидно, для экономии. Длинные коридоры санэпидстанции были заставлены коробками с товаром, по углам громоздились кипы пуховиков. Всё это богатство охраняли совершенно угрюмые личности, с такими лучше не встречаться на узкой дорожке, но дисциплину они блюли и с лишних вопросов не задавали.

Наконец добрались до кабинета Хозы. Кабинет мало чем отличался от коридоров: те же коробки и кипы. Посреди завалов обнаружилось небольшое свободное пространство, в котором подручные Хозы разместили школьный письменный стол и пару колченогих стульев. Один стул занимал сам криминальный авторитет, на втором, закинув ногу на ногу, сидел Афганец. Всем остальным (а собралось человек десять) приходилось стоять.

Афганец улыбался во весь рот, и я счел это хорошим предзнаменованием. Хоза смотрел на меня зло, но его ужимки

не имели значения: демонстративная злоба была частью имиджа. А вообще главный криминальный авторитет города выглядел посредственно — маленький, плешивый, в тесном черном замызганном пиджаке.

— Так, академик, чего ты там плел насчет антрацита? — спросил Хоза, даже не удосужившись поздороваться.

Однако я сначала поздоровался, а потом ответил:

— Это не антрацит. Этот товар только похож на антрацит.

— Чего-то я не пойму, академик. Похож на антрацит? Это как?

— Параметры другие. Я сам проверял. Зуб даю, это новый товар.

Может быть, насчет «зуба» я загнул лишку — не люблю эту публику и их блатную лексику, вечно что-нибудь не то бряк-нешь. Впрочем, на мои слова никто не обратил внимания. Похоже, всё было обговорено еще до моего прихода.

— Слюшай, академик, — сказал Хоза, и по прорезавшему-ся акценту я понял, что он тоже нервничает, — если это новый товар, то другие деньги?

— Совершенно верно, — ответил я. — Другие деньги. Я даже не могу сказать, сколько он будет стоить. Первая партия точно уйдет по максимуму. Можно хоть аукцион объявлять. Тут вопрос такой: сколько мы готовы выставить на продажу? Всю партию? Или ее часть, чтобы удержать цену?..

Похоже, мои шалости на чужой территории показались Хозе не столь существенными с учетом сообщения о «новом товаре» — он даже не одернул меня по поводу «мы». Казалось, можно вздохнуть с облегчением. И тут Хоза меня ошарашил.

— Мы тут с Николаем потолковали, — авторитет кивнул на улыбающегося Афганца. — Нам нужна жила. И ты ее нам най-дешь.

Новость убила. Я даже отступил на полшага, но за спиной стоял один из бандитов.

— Все вопросы к Бориске, — быстро сказал я. — Он принес товар. Он его добыл. Его и спрашивайте, где и откуда.

— Николай, растолкуй фраеру, что почем, — распорядился Хоза, откидываясь на стуле и продолжая буравить меня злым взглядом.

Афганец, всё так же мило улыбаясь, повернулся ко мне и за пару минут обрисовал ситуацию. Из его рассказа следовало, что попал я по-крупному, как еще никогда не попадал. Лучше бы я признал, что сверхчистого черного тела не бывает, а образец, который принес мне Бориска Дрын, типичный антрацит. Нельзя сидеть на двух стульях — задница треснет.

Выяснилось следующее. Дрын ничего не добыл. Сидел без денег, в долг ему уже никто не давал, и собирался он в Кратер за ватой. Но тут прослышал, что на Заимку вернулись искатели — группа Димона.

Дмитрия Артюхина, более известного под погонялом Димон, я знал очень хорошо. Он был родом из Ванавары и старше меня на три года. При этом мы с ним когда-то учились на одном потоке в Красноярском университете и находились в дружеских отношениях. Вполне, кстати, объяснимое явление. Какое у них тут среднее образование — в Ванаваре? Название одно. Димон пытался поступить в универ, но не набрал проходной балл. Загремел в армию, отслужил в ВДВ, принимал участие в какой-то войсковой операции, за что получил орден. Вернулся и снова попер в ученые. Со второго раза у него получилось — приемная комиссия учла героические заслуги абитуриента и зачислила его вне конкурса. Однако физика аномальных структур — это вам не арифметика и даже не марксизм с ленинизмом, посложнее будет. Не сумел Димон одолеть великую нашу премудрость, вылетел с третьего курса за неуспеваемость. Но не отчаялся. Вернулся в Ванавару, устроился в топографическую службу Института, стал искателем — настоящим профессионалом, не чета всяким Борискам. Ходил в Кратер бессчетно. Добирался, говорят, до самого эпицентра, где только Флоренский побывал. А потом Димон вдруг уволился и стал на себя стараться. Его, конечно, участковый предупредил, но толку? Времена уже были не те: хочешь работай, хочешь живи

сам по себе. Димон выбрал второе. Ходил в Кратер всегда в компании и всегда — номером первым. Другие искатели его уважали и жизнь свою легко доверяли. Не все из них, правда, вернулись назад. Карты у Артюхина были хорошие, им лично составленные, лучшие карты, и чутье искательское имелось, однако кое-каких знаний не хватало, а расплачивались за это кореша. И вот четыре месяца назад ушел Димон за Вал с двумя старыми партнерами и — пропал. Думали уже, что закатилась счастливая звезда нашего топографа: угодил в клеть или в юлу и накрылся медным тазом вместе с командой. А вот поди ж ты, вернулся! И второго с третьим номеров привел. Где ж они пропадали столько времени?

Так или иначе, но мужики вернулись с товаром, продали пару фрагментов антрацита скупщику Хозы, и там же, на Заимке, взяли водку у какой-то клуши. Идиоты, что еще сказать? Нет сейчас приличной водки в Ванаваре, даже по талонам нет. И им тоже не водку продали, а разбавленный технический спирт. В который, похоже, был подмешан спирт метиловый. Эта чудовищная смесь скосила всех троих разом, и Дрын, который очень рассчитывал упасть им на хвост, застал только бездыханные тела. Но сообразил, что к чему, и товар пригреб. Заодно и карту у Димона вытащил — с дальним прицелом, очевидно.

— Что за карта? — спросил я.

Известие о смерти Димона и еще двух искателей меня почти не задело — и не такое в Ванаваре случалось и каждый день случается. Пусть земля будет пухом и прочее...

— А вот взгляни, академик, — предложил Хоза и расстелил на столе карту.

Я подошел. Одного взгляда мне хватило, чтобы оценить приобретение Хозы. Это была превосходная подробнейшая карта местности, охватывающая юго-восточную часть Кратера. Такие делала для Генштаба наша топографическая служба. На карте имелись пометки рукой Димона — я сразу опознал его почерк. Остальное тоже не вызывало вопросов. Покойный точно обозначил маршрут своей группы: от Вала до места и от места до Вала.

— Это невозможно, — сказал я.

— Что? — спросил Хоза.

— Что там? — спросил Афганец.

— Димон не мог здесь пройти, — объяснил я. — Это Южное озеро. И здесь Скучная Деревня. Гиблое место. Может, самое гиблое в Кратере. Туда даже вояки не суются.

— Но он прошел? — вкрадчиво осведомился Афганец, который встал и придвинулся сбоку. — И ты пройдешь.

— Нет, — сказал я. — Давно не стараюсь. Я там угроблюсь. Зачем вам это?

— Ты подумай, — сказал Афганец, и вкрадчивости в его голосе прибавилось. — Они же только что там прошли. Вчера вернулись. Значит, следы остались. Трава примятая, кострища, мусор. По натоптанному пройти легче.

— Я тебе следопыта дам, — пообещал со своей стороны Хоза. — Настоящего таежника.

— Вот-вот, — подхватил Афганец. — Да и ты, академик, искатель опытный. Я же знаю. Пять походов в Кратер. И ни одного трупа. Может, ты секрет какой знаешь?

Ага, так я и раскрыл тебе свои секреты.

— Не знаю, — сказал я. — Поход подготовки требует. Снаряжение, инструктаж участников, легенда.

— А может, по-быстрому? — настаивал Афганец.

Я хотел ему ответить, что по-быстрому только кошки родятся, но понял: ситуация к шуткам не располагает. Похоже, эти уголовники всерьез собираются отправить меня в Скучную Деревню. Что называется, не было печали.

— По-быстрому мы гробанемся. Все. Следопыт не поможет.

Наступило молчание.

— Что ж, — сказал Хоза, — не хочешь идти, значит? Тогда придется ответить.

— За что?

— За антрацит, который ты у Бориски взял. Не хочешь сказать, академик, где он?

Я оглянулся на Афганца, но тот не собирался за меня заступаться. Наоборот, стоял с самым независимым видом. И даже руки в карманы засунул. За что, спрашивается, я плачу ему двадцать процентов с выручки, делаю бесплатную экспертизу и сбываю самые редкие артефакты через его посредников?

На прямой вопрос Хозы надо было что-то отвечать. Но отвечать мне было нечего. Не скажешь же, что отдал фрагмент комсомольскому работнику Шахмагонову. На перо поставят мигом. Какой же я всё-таки дурак!

Главное в подобной ситуации — задавить собственный страх. Чтобы эти скоты не увидели, что я чего-то боюсь или чего-то скрываю.

— Хорошо, иду в Кратер, — произнес я медленно и, надеюсь, достаточно весомо. — Но за положительный результат не ручаюсь. Может, вернемся с новым товаром. Может, вообще не вернемся...

— Отлично, — сказал Афганец. — Собираемся прямо сейчас.

— Кто еще пойдет?

— От моих — Вован и Брынза. Кто от твоих, Хоза?

— Дерсу и Кривой пойдут. Хватит?

Я поразмыслил. Вован и Брынза были довольно тупыми бандитами, но других Афганец и предъявить не мог. Дерсу — таежник, следопыт с хорошей репутацией, не зря его так прозвали. Кривой — опытный искатель, охотник за «черным золотом», но без амбиций, тут Хоза правильно выбрал. Расчет стал мне ясен: Афганец и Хоза очень не хотят выпускать информацию о новой жиле за пределы узкого круга лиц — понимают, что если искатели прослышат, то начнется форменная лихорадка. В Кратер ломанут даже те, кто на Вал подниматься по жизни боится. Многие угробятся по дороге, но процент какой-то по трупам доберется и свое урвет. Через полгода рынок окажется завален сверхчистым антрацитом, и цена на него снизится до обычного уровня — то есть до сравнительно высокого, но ведь могла быть и выше, много выше! Очевидно, в мое отсутствие Афганец с Хозой прикинули, какую прибыль можно получить с дефицит-

ного товара, и договорились хоть временно стать монополистами. На самом деле в этой ситуации мне было совершенно без разницы, с кем идти в Кратер. Тут Афганец прав: если тропа Димона еще не заросла, то можно пройти и с дилетантами, а если заросла, то наличие в группе профессионала положение не изменит — всё равно кому-то придется пойти третьим или четвертым номером, прокладывая дорогу остальным.

И тут я допустил ошибку. Может, самую большую ошибку в своей жизни. Мне нужно было под любым предлогом заехать домой и хотя бы в первом приближении обсчитать район Скучной Деревни на предмет нестационарных аномалий с постоянной траекторией. Но я понадеялся на авось. Махнул рукой. Решил, что перетопчемся. К тому же не далее как вчера я выдал Наташке запасной ключ, она могла уже вернуться с работы, а втягивать ее в разборки и объясняться потом не было ни малейшего желания.

— Понадобится машина, — сказал я.

— Бери любую, — предложил Хоза.

— Тогда ваш грузовик...

Вот так и договорились, так и поехали — без долгих сборов и споров.

Легенду выбрали самую незатейливую: побросали в кузов удочки, свернутую сеть, палатки и котелки — типа рыбаки на рыбалку.

С этим у нас и просто, и сложно. Вроде бы в тайге живем, а значит, любой — охотник и рыбак. Но в Комитете тоже не дураки сидят: промышлять дичью или рыбой в непосредственной близости от Кратера допускается только по лицензии, но выдают ее неохотно, исключительно своим людям и по утвержденным в Москве спискам. Лицензии есть у всех вольных искателей, и у всех они липовые. Рылом никто из нас не вышел, чтобы в Москве одобрение получить. Вот и крутимся кто как. Если на ментов напорешься, это еще ничего — откупиться можно. С погранцами по-разному. Солдатам-срочникам легко втюхать, что лицензия у тебя не липовая, а самая что ни на есть

настоящая. С офицерами труднее: они злые как черти, сразу тащат в комендатуру, без разговоров. Но самое гиблое дело в наших краях нарваться на армейский патруль. Эти всего боятся, с «брони» не слезают, в проблемы не вникают, в положение не входят, а палят из всех стволов во всё, что движется.

Грузовик с народом неизбежно привлечет внимание. Не ментов, так вояк. Поэтому Афганец, больше всех заинтересованный в том, чтобы поход в Кратер состоялся без сучка без задоринки, отправился вместе с нами — на всякий пожарный случай.

Выехали засветло. Из специального снаряжения я потребовал себе полный спецкостюм искателя, армейский бинокль, намагниченную рамку, сотню гаек и антрацитовый компас. Необходимое обнаружилось на складе Хозы, что меня совсем не удивило. В грузовике расположились так: Брынза сел за руль, я в кабину рядом с ним, Вован, Дерсу и Кривой залезли в кузов. Афганец на «японце» поехал впереди, чем нас совершенно демаскировал, но я не стал возражать, потому что уже отчаялся сделать всё по правилам.

Пока ехали, я успел прикорнуть, что было немаловажно: день выдался длинный, а ходить в Кратер с красными глазами и зевая во весь рот — некошерно да и просто опасно.

Поход начался вроде бы удачно — патрули и секреты достались другим искателям. На весь путь, от Заимки до поворота на Южное озеро, у нас ушло семь часов, и нигде не застряли. Там выгрузились, поставили палатку. Я дал группе передохнуть и поднял с рассветом. Без лишних разговоров позавтракали натовскими пайками, потом я объявил построение, чтобы определить номера. Дерсу и Кривой были парни тертые и безропотно встали плечом к плечу, ожидая инструктажа и дальнейших распоряжений, а вот бандиты Афганца заартачились. Не привыкли они слушаться, а бить им морды, с учетом того, что оба при стволах, не больно-то хотелось. Потому я отвел Афганца в сторону и сказал ему вполголоса:

— Делай что хочешь, но эти уроды должны выполнять мои приказы. Иначе гробанемся еще на Валу.

Пришлось Афганцу провести внушение. В конце концов Вован и Брынза, хмурясь и ворча, присоединились к искателям Хозы, а рядом с ними встал и сам Афганец.

— Ты куда? — спросил я с досадой.

— Пойду с вами, — отозвался он. — Чего мне здесь сидеть? Разомнусь.

Эта идея мне не понравилась, но я знал, что Афганца не переубедить: если он чего решил, то хоть кол на голове теши. Ладно, назначу его третьим номером — из уважения к заслугам перед родиной.

— Значит, так, — начал я, заложив руки за спину и прохаживаясь вдоль импровизированного строя, — рассказываю для тех, кто идет в Кратер впервые. В тайге все вы бывали не раз, но тайга в Кратере — это не совсем тайга. Животных там нет, даже гнуса нет — не суется зверье и мошка за Вал ни при каких обстоятельствах. Боится. И правильно делает! И вам, господа мои товарищи, тоже нужно бояться. Потому что Кратер — это не только сокровищница, но и невидимые стражи, которые ее охраняют. Прошу прощения за пафос, но так оно и есть. Ловушки смертельные в Кратере на каждом шагу. Если бы они находились на одном месте, было бы еще ничего, но они эволюционируют, они перемещаются с места на место, они меняют конфигурацию. Сегодня, например, можно пройти по искательской тропе, а завтра она запечатана аномалией. Потому риск накрыться медным тазом есть всегда! Это я к чему? Это я к тому, чтобы вы не расслаблялись и помнили: от внимательности и опыта вашего проводника, в данном конкретном случае от моей внимательности и опыта, зависят ваши жизни. Я постараюсь, чтобы вы все вернулись из Кратера живыми и с товаром. Я и сам в этом заинтересован. Поскольку опыта работы с ловушками у меня больше, чем у вас всех вместе взятых, первым номером пойду я. Иерархия такая: первый номер — старший и самый ценный. И нечего ухмыляться, Вован! Если я вдруг гробанусь, шансы вернуться у вас резко понизятся. Вторым номером, мои контролером,

пойдет Кривой. Третьим — ты, Николай. Четвертым — Дерсу. Пятым — Брынза. Шестым — Владимир.

— Это чего? — тут же встрепенулся и обиделся Вован. — Чего это я шестеркой у вас?

— Каким сказали, таким и пойдешь! — приструнил бандита Афганец.

Я повернулся и подошел к Вовану. Встал близко-близко, чтобы видеть его наглые глаза.

— Слушай, Володя, — сказал я. — Объясню тебе персонально и по-простому. Там, за Валом, людские законы и понятия не действуют. Там, за Валом, инопланетная территория. Туда даже гнус не летает, забыл? Там наши расчеты и номера ничего не значат. И амбиции твои или мои ничего не значат. Для тех, кто идет в Кратер, есть только два варианта: гробануться или вернуться. И ценность твоя или моя только этими вариантами и определяются. Если ты не хочешь гробануться, значит, пойдешь под тем номером, какой я тебе назначил. А если боишься, лучше совсем не ходи. Оставайся здесь. Тачки покараулишь.

Внушение возымело действие. Вован по глупости своей врожденной больше не Кратера боялся, а того, что его сочтут трусом, а потому права качать перестал. Теперь я понимал Афганца: за его людьми нужен глаз да глаз.

— Диспозиция такая! — я повысил голос, чтобы всем было хорошо слышно. — Шестой номер идет впереди километр, затем его сменяет пятый номер. И так по очереди до третьего включительно. Впередиидущий подчиняется командам первого номера или второго, если первый выбывает. Остальные продвигаются след в след в десяти шагах от впередиидущего. Замыкают колонну первый и второй номера. Команды выполнять точно, быстро, беспрекословно. Напоминаю, что от этого зависит ваша жизнь!

Так и пошли. Закинули рюкзаки за спины, и Вован под мои окрики направился вперед, остальные пристроились сзади.

Бодро отмаршировали к Валу. Там Дерсу жестом указал мне на следы прохода: поломанные ветки, примятости в за-

рослях папоротника. Карта не обманула — группа Димона выходила из Кратера именно здесь.

По следам, как и ожидалось, идти было легко. Даже колючка была аккуратно перерезана и разведена. Я уже начал верить, что всё у нас пройдет тип-топ, хотя такие мысли перед Кратером надо гнать нещадно, — и вот тут, на Валу, за колючкой, меня вдруг пробило.

Я даже не понял, что именно произошло, но углубляться в Кратер резко расхотелось. Знаете, как это бывает? Словно бесформенная тень мелькнула на периферии зрения, и утро сразу потускнело, и воздух уплотнился, и навалилась слабость, как при похмелье.

— Всем номерам стоп! — громко приказал я.

Группа среагировала слаженно и почти без задержки. Только Вован, жертва аборта, сделал еще три шага и остановился, оглядываясь с недовольным видом. Пожалуй, хватит его баловать, пора демонстрацию устроить. Но пока мне было не до демонстраций.

Я осмотрелся, принюхался, прислушался. Утро занималось удивительно ясное для наших широт, легкий ветер был почти незаметен. Мы стояли на Валу, который поднимался тут выше среднего уровня, давая неплохой обзор.

Надо сказать, что Вал — это довольно сложное образование. Если бы Тунгусское Космическое Тело достигло земли в целости и сохранности, то были бы импакт, взрыв, возникновение астроблемы, то бишь симпатичного ударного кратера в лунном стиле. Но Тело взорвалось на высоте десяти километров, развалившись на сотни обломков, — мы изучаем результаты его падения уже полвека, но так и не пришли к единому мнению, сколько же было этих обломков на самом деле. Существуют разные модели, в том числе импортные, но раз в пять лет обнаруживаются большие залежи артефактов в тех местах, где до этого, казалось, ничего не было, и модели приходится пересматривать. Я одно время интересовался темой, но потом понял, что се-

рьезного гешефта на этом токовище не словишь, и... перестал интересоваться.

Так вот, из-за разрушения Тунгусского Тела образовалось несколько кратеров с различным строением: бороздообразные и округлые, с цокольным валом и насыпным валом — выброшенные слои грунта перемешались, потом началась эрозия, восстановление растительного покрова, и уже через десять лет после импакта определить границы того, что мы по привычке называем Кратером, не представлялось возможным. Но определили, потому что Кратер был и остается четко очерченной территорией, инопланетной язвой на Земле. И хотя незримая граница, которая отделяет область, где действуют иные физические законы, от нашего, привычного и скучного, мира, не имеет правильной геометрической формы, а в отдельных местах периметра преобладают рытвины и глубокие овраги, ее, эту границу, принято называть Валом — наверное, не в честь даже эллипсоидного вала астроблемы, а памятуя, что так с давних пор называется оборонительная земляная насыпь, защищающая Ойкумену от варваров-захватчиков.

Там, где мы стояли под косыми лучами вкрадчивого таежного солнца, наличествовал самый настоящий вал — высотой метров девять-десять, спрессованный из отброшенного чудовищным ударом грунта, поросший мхами и редкими соснами. К основанию вала примыкала сплошная черная полоса старых вывалов шириной с километр, потом шел молодой лес из елок и лиственниц, почти без подлеска, затем — папоротниковые джунгли с большими и словно выжженными проплешинами, явными следами стационарных аномалий. За долиной папоротников был различим изогнутый край Южного озера — заполненной водой малой астроблемы. Где-то дальше находится Скучная Деревня — место, о котором я только слышал, но рядом с которым никогда не бывал. Да и не сунулся бы, если бы не Хоза с Афганцем.

И вот не хотелось мне теперь спускаться с Вала, хотя и видел я отчетливо тропу Димона, а в воздухе ничего не чувство-

вал. Плохой всё-таки из меня искатель — так и не научился расшифровывать интуитивные позывы. Не Флоренский. И даже не Димон, покойся он с миром.

— Всем номерам! Тропу видите? Вперед!

И мы пошли по Валу вниз, в Кратер, хотя тревожное чувство близкой опасности не покидало, а продолжало усиливаться.

Полосу вывалов преодолели за час — тут продвигались осторожно, среди корней катастрофных выворотней, в перепутанных обугленных ветвях легко было споткнуться и переломать конечности. В лесу ускорили темп, но через каждые пятнадцать минут я останавливал группу, сверялся с картой, советовался с Кривым и давал новую указку.

Когда приблизились к стационарным аномалиям, я устроил демонстрацию для неофитов. Снял со связки десяток гаек и раскидал их, целясь в проплешины между папоротниками. Семь гаек ушли в «молоко», три попали в «яблочко». Грохнуло и полыхнуло внушительно. Прищурившись на отсветы, я оценил результат. Три аномальные зоны. Две суббарические, одна гипертермическая. А по-простому, по-искательски: пара мыльниц и единица скороварки.

Посмотрел на бандитов. Те, как ожидалось, стояли, открыв рты и пялясь туда, где после одномоментного выделения скрытой энергии всё еще трепетал и искрился воздух. А на самом деле — не совсем воздух, ибо внутри большинства аномалий нормального воздуха не бывает.

— Смотрите и запоминайте! — громко сказал я, привлекая общее внимание. — Это вам не из стволов друг в друга шмалять. И не на рысь охотиться. Эта штуки поведения и повадок не имеют. Они не ошибаются. Они не бывают усталыми. Они не бывают сытыми. Они тупо ждут, когда вы в них заползете, чтобы прихлопнуть быстро и надежно. Как вы думаете, почему среди старых искателей увечных совсем нет? Потому что из ловушки не выбраться. Нет такого искателя, который в ловушку попал и живым из Кратера ушел. Теперь всё ясно?

Похоже, на этот раз проняло даже Вована. Он побледнел, почти до зеленого оттенка, и сразу как-то осунулся. Догнал наконец, что идет первым номером, а значит, судьба гайки положена именно ему. Но тут я проявил милосердие, а точнее вспомнил о неписаных правилах похода и поменял впередиидущего.

— Пятый номер, Брынза, вперед, — объявил я. — Владимир, шестой номер, пропусти его. Поменяйтесь. Аккуратнее. С тропы не сходите. Двинулись!

Надо было видеть, какое облегчение нарисовалась на лице Вована и как перекосило рябую физиономию Брынзы. Но в Кратере их переживания ничего не значили. Потому что преимуществ друг перед другом они не получали. Как говорят опытные искатели: «Пятый номер и шестой — перерывчик небольшой». Если нарвемся на нестационарную аномалию с траекторией Вольфа-Маевского, медный таз неофитам гарантирован. Поэтому я и поставил Афганца третьим — лично для меня он слишком ценная фигура, чтобы двигать его под юлу или консерву.

— Вперед!

Номера поменялись и пошли. След группы Димона был еще виден, и к полудню мы без всяких проблем одолели две трети расстояния до отмеченных на карте крестиков. Здесь, на берегу Южного озера, я объявил привал и позволил Дерсу развести небольшой костер и вскипятить воду для растворимого кофе из натовского пайка. Студенческая привычка — оседать у озера.

Употребив кофе, новоиспеченные искатели повеселели. Зазвучали подколки, матерок, анекдоты.

Я всё еще продолжал озираться. Надеялся, что отляжет, но не отлегло.

Вытащил карту. Еще раз изучил. Потом поманил Кривого:

— Отойдем?

Отошли за ельник — он выглядел вполне безопасным, поскольку выходил к воде.

— Что думаешь? — спросил я. — Что-то такое висит в воздухе, но не понимаю что. Ты-то как Кратер ощущаешь?

— Не знаю. — Кривой пожал плечами, хмурясь. — Я номер второй.

— Авторитет тут качать не надо, да? — одернул я Кривого. — Тебе выводить группу, если что.

— Я б не пошел, — признался Кривой. — Это ж Скучная Деревня. Гроб на гробе. Если б Хоза не приказал, не пошел бы. Даже с тобой.

— Со мной? — Меня это заявление насторожило. — Я чем-то отличаюсь?

— Начистоту, академик! Ты в первых завидных. Говорят, слово знаешь. Жалеют, что в торгаши подался...

Блин! Три раза блин! Так и чуял, что народ когда-нибудь просечет фишку. Почему и ушел из искателей. Много походов без потерь — много вопросов по выходу.

— Ну ладно, — сказал я, постаравшись выглядеть невозмутимым. — Замнем для ясности. Идем мы по следу Димона, но я опасаюсь, что могут быть новые гробы. Ты-то чего-нибудь чуешь?

Кривой почесал затылок, как тот балбес, а потом вдруг выдал:

— Тропа странная.

Я насторожился:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Прямая. Не ходят так искатели. Кружат. Гайками провешивают. Курят подолгу. Бычков нет на тропе. Странно.

— Ну и? Соображения есть?

Вспомнив о вредной привычке, которую я не разделяю, Кривой достал пачку «беломора», вытащил папиросу, размял, прикусил и засмолил. Я терпеливо ждал, пока он завершит ритуал.

— Тропа из Кратера идет, — сообщил Кривой, задумчиво глядя в землю. — Шли по прямой. Гробы не искали. Натопали. Убегали, что ли?..

Убегали? Черт возьми, подумал я, а ведь, похоже, прав Кривой. Шерлок Холмс и доктор Ватсон, мать его в душу! Тропа,

которую группа Димона оставила, и в самом деле странная. Необычная тропа. Не обманула меня интуиция. Не ходят так искатели... Но и не убегали. Не похоже это на беготню. А на что похоже?.. На что?.. На указку — вот на что! Словно им кто-то направление давал в обход аномалий. А они шли — и шли быстро, словно боялись, что потеряют направление, что чудо кончится и тогда швах. А Димон еще успевал пометки на карту наносить — опытный был искатель, с мыслями о будущем.

— Загадка, — подытожил я вслух. — Не люблю загадок.

— Кто их любит? — философски отозвался Кривой.

— Ладно, — сказал я. — Ничего толкового мы сейчас всё равно не придумаем. Но тактику надо сменить. Тропа тропой, однако излишняя предосторожность не помешает.

Мы вернулись к группе. Дерсу уже всё прибрал. Афганец травил что-то веселое, разводя и сводя руки. Народу нравилось. Вован с Брынзой похохатывали.

— Кончай перекур, — сказал я. — Рюкзаки надеть, по номерам строиться. Дистанция между номерами — пять шагов.

Группа беспрекословно подчинилась. Я дал указку. Пошли. Хоть одно радует: авторитет признали и зауважали.

На этот раз темп я задал поскромнее. Продвигались прогулочным шагом. Я старался придерживаться тропы Димона, но всё чаще останавливал группу, чтобы выйти вперед и побросать гайки. Бросал и понизу, и вверх, но без толку — словно и впрямь аномалий здесь никаких не было и нет. Слишком легко и просто мы выходили на легендарную Скучную Деревню. Подозрительно легко выходили...

Держались берега озера. Миновали кедровый урман, потом снова пришлось проламываться сквозь папоротники, которые вымахали чуть ли не в человеческий рост. А потом Брынза вдруг остановился. Широко шагавший Вован едва не налетел на него, и оба замерли, таращась куда-то вперед.

— Стоп! — крикнул я и добавил для убедительности: — Стоять всем!

Бросился вперед и тоже замер.

Зрелище, конечно, было потрясающее. Впереди, за папоротниками, в одном месте берег озера сильно осыпался, обнажив красную спрессованную импактом глину, и из этой глины торчало выступом, похожим на нос атомной субмарины, черное гладкое... тело. Антрацита таких размеров я никогда раньше не видел. И сразу понял, что вытекает из увиденного. Гильзин был прав! Ось действительно существует! И вот, оказывается, где она прописалась — рядом со Скучной Деревней!

Но нужно было удостовериться. Нужно было узнать наверняка.

Я потащил из кармана антрацитовый компас. Трясущимися пальцами откинул стальную крышку. Опустил глаза. Микроскопическая капля черного тела, заключенная в этом примитивном приборе, вытянулась в стрелку, указывая туда, где торчал черный выступ. Сомнений не оставалось. Перед нами — Ось Гильзина!

Я потратил на эти простые действия секунд пятнадцать. И этих секунд хватило, чтобы всё пошло кувырком.

Номера, вместо того чтобы дожидаться терпеливо команды, сбились в кучу, а потом сорвались к берегу, радостно гогоча, матерясь и вопя на ходу: «Это ж антрацит, мужики, антрацит!» Даже Косой, несмотря на свой опыт, не удержался — пошлепал за остальными. Я в этот момент глянул влево, глянул вправо, увидел кучи грязного тряпья под деревьями и понял, что мы влипли по-настоящему. Я хотел крикнуть: «Стойте, идиоты!», но язык прилип к гортани. Всё равно ведь не успеваю, а так хоть какой-то шанс...

Первым захлебнулся диким воплем и утих навсегда Вован. Я стоял лицом к берегу и всё отчетливо видел. Бандит влетел прямиком в юлу. Его подхватило и плавно так, словно в замедленной съемке, завертело на месте. Обороты ускорялись, за две-три секунды юла разогналась, а потом ее слои сдвинулись друг относительно друга, и кровавые ошметки разлетелись широким веером. Юла тут же направилась в сторону Афганца. Он оглянулся на крик Вована, ничего не понимая и

ничего даже не успевая толком разглядеть, и юла сожрала его столь же быстро и беспощадно.

Дерсу среагировал-таки и прожил чуть дольше остальных. Он резко изменил направление и побежал, высоко задирая пятки, к ближайшим лиственницам, но не добежал, а вляпался в мыльницу — упал на бок, пополз, хрипя и сплевывая кровавые сгустки. В это время юла рвала Брынзу, а Косой наконец-таки замер в надежде, что его минует, но тут сверху ударила мухобойка, и от искателя осталось только округлое тлеющее пятно на таежной подстилке.

Я стоял, не дыша и ожидая своей участи. Расправа заняла времени не больше, чем мне понадобилось на то, чтобы достать антрацитовый компас и посмотреть на черную стрелку. Он, кстати, так и оставался в моей выставленной руке, и сейчас мне казалось, что прибор обжигает пальцы.

Дерсу продолжал ползти, кашляя и задыхаясь. Глазные яблоки у него лопнули — он ничего не видел и ничего, скорее всего, не соображал от боли, но полз и полз, сминая папоротник и оставляя на широких листьях след из пузырящейся крови. Он дополз до лиственницы и замер, уткнувшись головой в ствол.

Я ждал. Молча стоял и ждал. И как ни странно, почти не боялся. А чего бояться, когда смерть — вот она, рядом? В конце концов, все когда-нибудь умрем, а во мне нет чего-то такого особенно ценного. Ну всплакнет Наташка разок. И найдет себе другого кооператора.

Казалось, что юла подошла совсем близко. Остановилась в миллиметре от вытянутой руки с компасом. Проклятый гипермобиле! Но это, конечно, была иллюзия — юлу нельзя ни почувствовать, ни увидеть, ни услышать. Одна из самых смертоносных аномалий. За проход через нее приходится платить жизнями. Вот и я заплачу...

Минута истекала за минутой, но юла не торопилась превращать меня в кровавый фарш. И мухобойка, то бишь нестационарная супербарическая аномалия, куда-то запропастилась.

Я не знаю, сколько простоял в позе памятника самому глупому и жадному искателю на свете. Может быть, несколько минут, а может быть, несколько часов. Во всяком случае, к моменту, когда меня в первый раз ударило, я не чувствовал уже ни рук, ни ног.

Удар пришелся по затылку. Я упал и, кажется, потерял сознание.

Потом приподнялся на руках и пополз.

Трудно вспомнить, что я тогда испытывал. Вперед меня вело какое-то тупое упорство. Мир вокруг раскачивался и плыл, так бывает, когда переберешь дешевой водки. Казалось, что наступили сумерки — всё стало серым и плоским, как на старой фотографии. При этом у меня было ощущение, будто я ползу в крутую гору, вверх по склону, хотя, конечно, никакой там горы не было.

Потом меня ударило во второй раз. Я ткнулся носом в траву. Зарычал сам на себя и снова пополз в воображаемую гору.

Стемнело еще больше. Воздух уплотнился, словно в мухобойке. Дышать становилось всё труднее.

В какой-то момент у меня окончательно съехала крыша, я перестал контролировать себя и свои перемещения. Там бы я и подох, вляпавшись в одну из стационарных аномалий, но мне помогли. Я услышал голос, и голос этот звучал из моего прошлого...

Моя мама была городской жительницей в третьем поколении. Внучка ссыльных. Она совсем не знала народных колыбельных. А потому вместо колыбельной пела популярные песни своей молодости. Одно из самых ранних и самых ярких воспоминаний моего детства: я лежу в кровати, укрытый одеялом, за окном по-зимнему темно, мягко светит лампа, спрятанная под желтым абажуром, мама сидит рядом на стуле и тихонько поет.

Светит незнакомая звезда.
Снова мы оторваны от дома.
Снова между нами города,
Взлетные огни аэродромов...

Здесь у нас туманы и дожди.
Здесь у нас холодные рассветы.
Здесь на неизведанном пути
Ждут замысловатые сюжеты[2]...

В детстве у меня было очень пылкое воображение. Слушая маму, я всегда представлял себе какую-нибудь картинку — вымышленную, но продуманную до деталей. Вот и под песню «Надежда» мне виделось ночное шоссе, мокрый после дождя асфальт, свет фонарей, отражающийся в лужах, а где-то там, впереди, россыпи огней: то ли и впрямь преувеличенные фантазией «взлетные огни аэродромов», то ли незнакомые яркие созвездия. Зачем-то нужно было идти туда — к этим огням, и в своем воображении я шел к ним, пытаясь разобрать, что же это за огни такие, и, очевидно... засыпал.

И в тот момент, когда я корчился на земле Кратера, словно раздавленный хлопком ладони комар, мне вдруг явственно услышался тихий голос мамы: «Светит незнакомая звезда...» Возникало ощущение, что она здесь, рядом, а не умерла восемнадцать лет назад от сердечного приступа, а я снова стал маленьким мальчиком, но теперь мокрое ночное шоссе было не воображаемым, а самым настоящим — оно расстелилось под ногами, нужно было только идти по нему в сторону ярких чистых огней, которые горели впереди.

«Снова мы оторваны от дома...» Я пошел — уверенной, слегка пружинящей походкой, как обычно хожу в городе. И вот какая деталь: у меня и мысли больше не возникло, что нахожусь я в Кратере, что вокруг ловушки, что никогда никаких шоссе с фонарями на этой территории не было, что всё это бред и не может быть ничем, кроме бреда.

Так я и вышел — шаг за шагом по воображаемому шоссе, пока не уткнулся в колючую проволоку. Там, у покосившихся столбов, я слегка очухался. Мамина песня оборвалась на полуслове, а дурман развеялся. Было очень холодно, по-настоящему и обжигающе морозно. Я чувствовал себя так,

[2] Песня «Надежда» А.Пахмутовой на стихи Н.Добронравова

словно выбрался из бетономешалки: сильно болели мышцы груди, живота и спины, икры ног сводило от напряжения, меня тошнило, а в конце концов и вырвало прямо на снег.

Да, на снег. Я не сразу осознал, что стою в сугробе, а когда осознал, то не успел оценить эту мысль. В лицо мне ударил луч прожектора, и усиленный мегафоном голос требовательно произнес:

— Стоять на месте. Оружие на землю. Руки вверх.

И этот свет, и этот крик в буквальном смысле добили меня. В глазах потемнело, я упал и вырубился.

Наташка потом рассказывала, что меня привезли в госпиталь едва живого. Я был изможден и истощен, кожу покрывал странный темно-коричневый загар, воняло от меня, как от лесного козла.

Я провалялся в бреду почти три дня. И всё это время находился под наблюдением. Первым, кого я увидел, когда открыл глаза, был молодой человек с острыми чертами лица и холодными глазами, сидевший на табурете рядом с кроватью. Он читал какой-то журнал, но, заметив, что я проявляю признаки жизни, тут же отложил его в сторону:

— Андрей Михайлович? — обратился он ко мне. — Как вы себя чувствуете?

— Приветствую, — сказал я и удивился своему голосу: он был сухой, слабый, ломкий, чужой голос чужого человека. — Где я?

— Вы в военном госпитале, Андрей Михайлович, — охотно ответил молодой человек. — А я Никита Луньков. Капитан Министерства безопасности Российской Федерации.

Его слова меня озадачили.

— Какого Министерства безопасности? — переспросил я. — КГБ, что ли?

— Комитета Государственной Безопасности в том виде, в каком он функционировал при Советском Союзе, больше нет.

Эти слова озадачили меня еще больше.

— При Советском Союзе? Что значит — больше нет? Советского Союза больше нет?

— Видите ли, Андрей Михайлович, — сказал Луньков с улыбкой. — Вас не могли найти больше полугода. Сейчас февраль девяносто второго. За время вашего отсутствия Советский Союз прекратил существование. Отныне мы живем в Российской Федерации. И нам, то есть Министерству безопасности, очень хотелось бы узнать, где вы пропадали столько времени и что случилось с другими участниками похода в Кратер.

— Мне бы тоже хотелось знать... — прошептал я.

Луньков прищурился с хитрецой, придвинулся ближе и заговорщически понизил голос:

— Давайте поговорим, Андрей Михайлович. Думаю, вместе мы сумеет разгадать эту загадку...

2. Андрей Михайлович Тяглов, 32 года, женат, вольный искатель

Он проснулся и посмотрел на женщину, лежащую рядом. В слабом косом свете, бьющем сквозь щель между неплотно прикрытыми шторами, ее лицо показалось ему особенно отвратительным: глубокие темные впадины глазниц, выдающиеся скулы, приоткрытый рот. А еще — несвежее дыхание спящего человека. Даже непонятно становилось, как он мог когда-то ее любить, целовать эти глаза, этот тонкогубый рот...

Вчера опять был «разговор». И опять закончился грандиозным скандалом. Андрей давно взял за правило не поддаваться на провокации и умолкать, когда у благоверной начинал обещающе срываться голос. Но жена тогда же научилась заводить себя самостоятельно, без соучастия посторонних. Вот и вчера она прицепилась к какой-то его фразе или даже к интонации (сегодня утром он не сумел вспомнить, к какой именно) и понесла-понесла-понесла, всё более повышая тон, подпуская истерические нотки, бессвязно обвиняя Андрея во всех смертных грехах, выдуманных и реальных. Нервы тоже не железные, пару раз Андрей огрызнулся, и она окончательно разъярилась, да так что от ее крика зазвенели стекла в оконных рамах. Закончилось

это безобразие на традиционной и привычной фазе: Наталья схватила со стола пустую тарелку и со всей силы шваркнула ее об пол. Тарелка, разумеется, разлетелась осколками, и жена тут же бросилась за веником и совком, и потом еще где-то около получаса возилась на кухне, убираясь и бормоча бессмысленные ругательства. Дура! Он ушел в гостиную, чтобы не видеть и не слышать всего этого, включил телевизор, но по двум каналам, доступным в Ванаваре, передавали невнятные околополитические шоу о московских разборках между Ельциным, Примаковым и каким-то Лужковым. Смотреть их не было ни малейшего желания. Перечитывать старые книги — тем более. Андрей хотел было уже сходить до ближайшего ларька и взять бутылку нелицензированного плодово-ягодного, но тут позвонил Хоза...

Воспоминание о звонке Хозы подняло Андрея с кровати лучше всякого будильника. Он стряхнул с себя сонливость, как собака стряхивает воду со шкуры, — передернувшись всем телом и широко, с легким подвыванием, зевнув. После чего босо прошлепал в ванную комнату. Точнее сказать, в совмещенный санузел — откуда у нас ванные комнаты, не баре, чай?..

Некоторое время Тяглов с отвращением разглядывал свою мятую физиономию в зеркале. Выглядишь ты, брат, будем честны хотя бы перед самими собой, ничем не лучше жены, а местами даже хуже — там, где щетина пробивается. Борода и усы с юности росли у Андрея неравномерно, какими-то отвратительными клочьями, а потому он почти каждое утро тщательно брился, не оставляя мерзким волоскам ни малейшего шанса. Благо в последнее время в продаже появились западные станки, и можно было не опасаться фирменных порезов от «Спутника».

Андрей взял с полки крем и кисточку для бритья, начал намыливаться. И естественно, почти сразу мысли вернулись к недавнему скандалу.

Российским интеллигентам нельзя давать права на создание семьи, ожесточенно думал Андрей, намыливая щеки и подбородок. Надо, наоборот, запретить семью из интелли-

гентов под страхом смертной казни! Раз и навсегда! Потому что советско-российский интеллигент асоциален и опасен для общественных институтов. Ради так называемых «идеалов», не собственных даже, а вычитанных в книжках и плохо усвоенных, российский интеллигент готов уничтожать и в землю закапывать любые личные отношения. Придумали, понимаешь, себе максиму. Жизнь дает человеку три радости: дружбу, любовь и работу. Ну и славно, трам-пам-пам. А если приглядеться: где здесь место семье? Мы же все — одухотворенные, творчески озабоченные личности, нам же эта бытовая мелочевка неинтересна, наслаждаемся, понимаешь, крепкой, как спирт, дружбой, увлекательной, как программа «В мире животных», работой, многообразной, как роман Диккенса, любовью. И наши девушки были такие же, нам под стать: легко срывались, пренебрегали трудностями, слушали наши бездарные стишата, готовы были ночами просиживать в прокуренных комнатах, пить дешевый портвейн, закусывая килькой из банки и поганой колбасой. Они портили себе руки, зубы и желудки, быстро растрачивали свежесть и чистоту невинности — и с какого-то момента мы начинали смотреть на них с брезгливостью. Ведь мы — помните? — великие и одухотворенные, нас по жизни должна сопровождать вечно юная любовь. Она должна, эта любовь, черт возьми, прощать нам наши терзания и самокопания, прощать нам мелкие измены и большие запои, прощать нам наше неумение устроить быт. А вот теперь давайте остановимся и спросим: а чем мы заслужили такое к себе особое отношение? Чем? Тем, что прочитали много книжек? Так читать не только мы умеем. Тем, что двигаем прогресс? Какой там прогресс, извините, если горячую воду на всё лето отключают? Тем, что мы отличаемся какой-то особой духовностью, каким-то особым взглядом на будущее, каким-то особым чутьем взрослого и ответственного человека? Ага, как же... Отличаемся. Только в другую и не самую лучшую сторону. Любой студент Сорбонны даст вам сто очков вперед и по духовности, и по будущему, про ответственность лучше вообще молчать, ага. Недоучки амби-

циозные. Философии мировой не знаете, литературу нормальную не читаете, а туда же! Не за что вас любить, короче. Да и уважать не за что. Потому что нормальной бабе прежде всего нужна семья, а не попойки с расстроенной гитарой. Потому что если нормальной бабе не дать семью, вымрете вы все на хрен со своей духовностью и детей не оставите. А девушки ваши пойдут в кабинет не с комиссарами, а с богатыми иностранцами. Раз вы ни на что не способны, значит, придется брать инициативу в свои руки. От иностранцев хоть шерсти клок и колготки, а от вас — только разговоры о вашем долбаном величии.

И не думайте, джентльмены, будто бы я отделяю себя от вас, будто бы считаю, что я Каин и Манфред, а вы мелкие козявки и подлецы. Нет, я такой же, как вы, плоть от плоти, одной крови, тоже весь состою из цитат, за которыми прячу собственное миниатюрное убожество. А что вы хотели? Отец-то у меня из ваших. Не пролетарий. И не засекреченный академик. Театральный критик он был, блин. Второй на весь Красноярск, но считавший себя, конечно, первым. Ах, какой он был ревнивый! Ах, как он ненавидел своего удачливого соперника! Вот хоть убейте, сегодня не вспомню имя-отчество этого первого второго. И не потому, что склероз, а потому что интеллигент наш задрипанный никогда его по имени-отечеству не называл — только «тараканом усатым» и «обезьяной тугоухой». Верх интеллигентного отношения к коллеге, надо полагать... А как отец пил! Как он, бывало, надирался! В компании, конечно. С актерами второго состава, как обычно. До белой горячки пил. До чертей с рогами. Можно подумать, гулял на собственных похоронах. Так даже кочегары не пьют. Но мы ведь не кочегары, мы творческие одухотворенные личности, нам можно...

Или вот тоже цитата, думал Андрей, смывая с лица остатки пены. Великий Булгаков. «Мастер и Маргарита». Журнал «Москва». Все дела. «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!» Ну и что? Пришли? Предложили? Дали? Кто в результате пришел? Братки в малиновых пиджаках? Так эти

ребята ничего не дают, только отбирают. Может, государство? Так оно чихать на вас хотело с высокой кремлевской башни. Вы же зелень не производите, а нашему государству только зелень сегодня и нужна. Впрочем, Воланд говорил эти слова Маргарите. Забыли ведь, суки, что Маргарите, а не вам? Она была женщина видная, у нее хотя бы было что просить и было за что платить. А у вас что такое есть особенное? Может, рецензия на очередной пьяный утренник по Шатрову к красному дню календаря? Так ведь неактуально, господа мои товарищи. Другие времена, другие нравы! Развалили страну. Просрали. Думали, что без страны будет лучше, а оказалось, что без страны вы и не можете совсем, как детский сад не может без воспитателя. Вот и сидите на руинах, вымираете, бывшие, никому не нужные. И я такой же — бывший кандидат физико-математических наук, бывший научный сотрудник Института аномальной физики, бывший кооператор. А кто я текущий? Искатель доморощенный, терпила и смертник. Подохну завтра, никто не заметит. Нас и так слишком много развелось, интеллигентов!..

Скрипнув на петлях, открылась дверь. В ванную комнату вошла жена в застиранной ночной рубашке. Остановилась на пороге, прислонившись плечом к косяку. С минуту молчала, наблюдая, как Андрей чистит зубы. Потом он сполоснул лицо, повернулся, и она спросила:

— Опять в Кратер идешь?

— Не знаю, — хмуро отозвался Андрей. — На разговор иду, а там... как получится.

— Дурак, — сказала жена, но без надрыва в голосе. — Бездарность. Тряпка.

— Спасибо, — отозвался Андрей. — Я тебя тоже люблю, дорогая.

Жена обдала его презрительным взглядом. Он пожал плечами и протиснулся мимо нее в коридор. Быстро оделся и выскочил на улицу, не дожидаясь очередного скандала.

Было ветрено и сыро. Над Ванаварой летели низкие серые облака, иногда орошавшие грязный город холодной мо-

росью. Андрей поежился в куртке и зашагал, обходя лужи, к автобусной остановке. Его «девятка» давно сдохла и ржавела в гараже — ремонтировать ее он не пробовал: хороший автослесарь дорого стоит, проще было подержанную «тойоту» купить. Но и на это денег накопить не удавалось, слишком быстро менялись цены, а на артефакты неуклонно падал спрос: оптовые закупщики в России загибались один за другим, и вокруг совместных предприятий шла непонятная возня.

Вот и моя семья загибается, думал Тяглов. Фактически ее уже нет. Не семья, а тягостное сосуществование. Интересно, кто из нас первым не выдержит? Наверное, наш брак мог бы спасти ребенок. А что? Я никогда не был против. Только вот жена... Он вспомнил, как однажды собрался поговорить на эту тему всерьез. Но Наталья опять сорвалась, заголосила. Тебе, мол, зачем ребенок, искатель недоделанный? Чтобы сиротой его завтра сделать? Чтобы сдохнуть морально удовлетворенным? Да и не будет у тебя никогда ребенка! После того похода ни одна баба нормальная с тобой не ляжет — зачем ей уродов плодить? Поговорили...

Рейсовый автобус пришлось подождать. Наконец он подъехал, чадящий и заляпанный грязью по самые окна, и Андрей в толпе других страждущих с трудом протиснулся в полуоткрытую дверь.

Сдавленный со всех сторон вяло матерящимся народом, Тяглов уныло смотрел на проплывающий за окном безрадостный пейзаж. Мысли его опять вернулись к интеллигенции.

Не ожидали этого? — спрашивал он невидимых и вечно молчащих собеседников. Думали, что я-то, конкретный, самый умный, самый начитанный, самый грамотный, даже по-английски умею шпрехать — уж я-то не пропаду. А остальные пусть как хотят. Здоровая конкуренция. Естественный отбор. В социал-дарвинизме наше светлое будущее. Ошиблись? Самооценку опять завысили? Не пришло в голову, что в мутной воде реформ прежде всего тонут такие горделивые цветки, как вы?..

Или вот еще почему-то придумали, что если всё переименовать, то и действительность изменится. Разительно улучшится. Мэры, губернаторы, президенты вместо секретарей и председателей. Улицу Ленина — в улицу Зеленую. Дорогие коллеги, вам не кажется, что тут попахивает идеализмом? И не в смысле стремления к идеалам, а в смысле идеалистического мировоззрения? Чему вас в институте только учили на лекциях по марксистско-ленинской философии? Бытие определяет сознание, а не сознание бытие. Вы можете сколько угодно называть себя либералами и демократами, мэрами и президентами, всё равно у вас получатся совок и бардак. Потому что работать вы не умеете, не приучены. Потому что работать — это вам не восемь часов на стуле сидеть с перекурами и чаепитиями, с болтовней о литературном процессе и политической ситуации. Работать — это двенадцать часов, а то и четырнадцать за станком, за кульманом или в поле. Работать — это вкалывать до кровавых мозолей и головокружения, без скидок на происхождение и воспитание. Только так из банановых республик вырастают нормальные государства. Но работать вы не умеете, а потому так и помрете в совке и бардаке...

Автобус выпустил часть пассажиров на остановке у главного корпуса Института аномальной физики. Андрей посмотрел на серое здание, в котором провел несколько лет жизни, и мысли его несколько изменили направление.

Вот взять, например, вас, дорогие коллеги. Всё у вас было, полная государственная шея: приличная зарплата, премиальные, командировочные, любое оборудование, публикации в научных изданиях — только работать вы не умели и ненавидели тех, кто умеет. И тащили — всегда и всё тащили по своим углам. Словно крысы какие, ей богу. Если сделал Баркович матмодель апериодической деформации стационарных аномалий, то — не подойди к Барковичу! Он так и будет пустые статьи с общими фразами публиковать, а пожелаешь матмоделью попользоваться для своих целей — плати. И платили. Раньше, при Советах, платили услугами и дефицитом; теперь берет деньга-

ми. Будто бы деформации аномалий — его личная вотчина, и не государство, то бишь все мы, ему изыскания обеспечивали. И остальные такие же: Лачевский с теорией эволюции полей, Садовников с графиками накопления атомных трансмутаций, Фёдоров с одиннадцатимерными картами Кратера. Каждый по своему направлению — царь и бог, за два десятка лет даже при нашей производительности труда материалов на докторскую накопал, но докторами у нас почему-то одни величественные старики сидят, возвысившиеся еще в те полузабытые времена, когда Тунгусское Тело метеоритом считалось. А вам, коллеги мои бывшие, что мешало? Мелочность ваша — вот что. Которая со всей очевидностью проявилась, когда ваши уютные лаборатории и аудитории начали под склады сдавать, а вас попросили с вещами на выход. Вот тут вы потащили всё, что плохо лежало: от крепежа до старой мебели. Не побрезговали, не встали в позу нищих, но гордых, не вспомнили цитату из Булгакова. Точно так же вы и научное знание растаскивали по своим отделам и группам, а знание, между прочим, должно принадлежать всем, иначе это не знание, а бессмысленный набор закорючек на бумаге. Вот и доигрались. Никому вы теперь не нужны с вашими моделями, графиками, картами. И не думайте, что я как-то выделяю себя, коллеги. Не Каин и не Манфред, уже говорилось. Да и больших открытий, в отличие от вас, не сделал. Но зато я понял, как вас можно использовать. Жаль, государство не догадалось, а потому и мой опыт пропадет втуне. Остается только надеяться, что лет через сто в Кратер придут люди поумнее и побережливее нас с вами, переоткроют всё заново, и этот орешек окажется им по зубам...

Андрей вышел на кольцевой, переждал очередной пик дождевой мороси под козырьком остановки, приобщившись заодно к печатному слову: там же стоял лоток с газетами. Из местных изданий у торговца имелись «Ванаварская правда», которую с незапамятных времен кличут «варварской», и «Вестник аномальных явлений», посвященный близящейся годовщине падения Тунгусского Космического Тела.

Внимание привлекал огромный заголовок на титульной странице: «Вся правда об инопланетном звездолете!» Взыграло профессиональное любопытство, Тяглов приобрел «Вестник», быстро просмотрел десяток статей и сильно удивился. Раньше он почему-то считал, что «Вестник аномальных явлений» — научно-популярное издание, призванное рассказывать своим читателям о новейших изысканиях в Кратере. По-видимому, обмануло название. Полистав «Вестник», Андрей убедился, что если эта «желтая» газетенка и имеет отношение к популярному, то к научному — однозначно нет. Информация, изложенная в «Вестнике», только была похожа на правду, в действительности мало соотносясь с ней. Например, приводимые параметры Тунгусского Тела были до умиления точны, а вот интерпретации события давались самые чудовищные. Особенно Тяглова поразили глубокомысленные рассуждения и подсчеты одного из авторов, который ничтоже сумняшеся доказывал, что Тунгусское Тело было бомбой, управляемой с Венеры и нацеленной на Петербург. Дескать, разрушение столицы крупнейшей империи привело бы к мировой войне, в пламени которой сгорела бы Европа. Можно подумать, убийство эрцгерцога не привело... Кажется, такая гипотеза уже мелькала, но как фантастическое допущение в одном из романов, которые Андрей читал в детстве. Потом он занялся наукой и романы читать перестал. Может быть, зря. Тогда понимал бы, что кроме научной литературы существует еще и фантастическая. Уфологическая, так сказать.

Андрей хотел выбросить газету в гору мусора, скопившуюся рядом с автобусной остановкой, но передумал: решил подарить Хозе в качестве сувенира, интересно будет взглянуть на его реакцию.

Логово криминального авторитета за последние годы преобразилось. Здание, принадлежавшее некогда санэпидстанции, капитально отремонтировали, побелили и обнесли кованой чугунной оградой. Над центральным входом красовалась электронная панель с бегущей строкой: «Закрытое акци-

онерное общество “Искра-М”». Склад переехал в новенькую кирпичную пристройку, и хранились там теперь не китайские пуховики, а запчасти к импортным автомобилям.

Сам Хоза занимал огромный кабинет на втором этаже, оборудованный всем необходимым для офисной работы, а кроме того, превращенный в некое подобие музея. Авторитет позиционировал себя богатым коллекционером, собирающим редкие артефакты — новые законы позволяли таким собирателям легализоваться при условии опубликования полной описи коллекции. Теперь вольные искатели могли приходить к Хозе открыто, хотя самому тупому участковому было ясно, что на застекленных стеллажах в роскошном кабинете выставлена лишь ничтожная часть от общего объема товара, поступающего по криминальным каналам на Запад.

Тяглов вошел в здание «Искры-М», кивнул дюжему охраннику, скучавшему на проходной, и сразу направился на второй этаж. В приемной ему пришлось подождать несколько минут, после чего секретарь (Хоза не жаловал секретарш, здраво полагая, что баб в теневой бизнес допускать нельзя) пригласил Андрея в кабинет.

Криминальный авторитет восседал за огромным столом, опирающемся на массивные тумбы. Одет Хоза был по новой моде — в яркий малиновый пиджак, который висел на нем, как на вешалке. За спиной Хозы стоял шкаф, набитый «Трудами Института аномальной физики», издаваемыми раз в декаду. С каждым годом, правда, «Труды» становились всё тоньше и печатались на плохой бумаге. Это, по мнению Тяглова, точно и емко отражало ситуацию в современной российской науке: от расцвета к увяданию.

У Хозы сидели гости. Два благообразных лоснящихся джентльмена, очень похожие на откормленных поросят из «диснеевского» мультика. Иностранцы? Андрей ошибся — то были соотечественники, но, как оказалось, довольно необычные соотечественники.

— Здравствуй, Андрей Михайлович, — поприветствовал Хоза с улыбкой. — Хочу тебя познакомить с моими старыми добрыми друзьями.

Один из джентльменов приподнялся в кресле и подал руку.

— Даниил Евсеевич Стрижаков, — представился он. — Координатор московского отделения Международного уфологического общества.

Второй в точности повторил ритуал знакомства:

— Георгий Альбертович Локоть. Старший эксперт московского отделения Международного уфологического общества.

Понятно, подумал Тяглов с тоской, теперь еще и эти. Шуты гороховые.

Он помахал купленной на остановке газетой.

— Не ваше издание случайно?

Координатор Стрижаков взял газету и медленно пролистал ее.

— Нет, — заверил он. — Мы такой ерундой не занимаемся.

Мы занимаемся другой ерундой, мысленно продолжил за него Тяглов.

— Давно в Ванаваре? — поинтересовался он, забирая газету и пряча ее во внутренний карман куртки.

Старший эксперт Локоть кашлянул и оглянулся на Хозу. Тот молча улыбался.

— Я местный, — сообщил Локоть. — В Ванаваре уже три года работает наш исследовательский центр. А Даниил Евсеевич приехал с инспекцией, так сказать. Чтобы узнать о наших достижениях.

Интересное дело, подумал Тяглов. Уфологи, оказывается, здесь свой исследовательский центр создали, а я о нем ничего не знаю. Значит, такой он, этот центр...

Хоза дождался подходящего момента и взял инициативу в свои руки:

— Слушай, Андрей Михайлович, сюда. Мои друзья из Международного уфологического общества хотели бы заключить с нами долгосрочный контракт. Будешь опять стабильную

зарплату получать. Как в советские времена. — Он засмеялся. — Ну что, согласен?

Андрей сел в свободное кресло:

— А в чем будут заключаться мои обязанности?

— Как обычно, дорогой. Будешь людей в Кратер водить. Хороших людей. Моих друзей. Понимаешь, что это значит? Ты ведь наш лучший искатель. Только тебе могу друзей доверить.

Тяглов вздохнул, но перечить не стал.

— Гонорар?

— Пятьсот в месяц.

Это было унизительно: кооператором Андрей зарабатывал до пятьсот долларов в неделю. Но выбора у Тяглова не осталось: коготок увяз давно и прочно.

— Сколько походов в Кратер ожидается?

На этот вопрос ответил координатор Стрижаков:

— Мы хотели бы спланировать изучение аномальных явлений Кратера вместе с вами. Дело в том, что раньше уфологов не допускали в закрытую зону. Мы питались слухами, но теперь с вашей помощью наше общество надеется раскрыть тайны Кратера.

— Если бы это было так просто, — заметил Тяглов, — все тайны Кратера были бы давно раскрыты.

— Мы уверены, что сумеем продвинуться дальше Института аномальной физики, — сказал Стрижаков твердо.

— На чем основывается ваша уверенность?

— Всё дело в разнице подходов, — глубокомысленно изрек координатор. — Деятели науки слишком консервативны. Они не готовы признать, что в мире существуют подлинные чудеса. Они стремятся разложить любое чудо на составляющие, препарировать его. А чудо не терпит насилия над собой. Оно не дается, ускользает. Мы, уфологи, признаем право чуда на существование. Кратер — это чудо из чудес. Главное чудо Земли. А ученые обнесли его заборами с колючей проволокой, объявили своей вотчиной. И каких успехов они добились за эти годы? Установили, что Тунгусское Тело было космиче-

ским кораблем инопланетян? Но это уфологи знали с середины сороковых годов, когда инженер Казанцев опубликовал популярную статью «Взрыв над тайгой». Случай с Казанцевым далеко не первый и, думаю, не последний — уфологи смотрят на мир свободно, без предубеждения, они готовы принять даже ту гипотезу, которая кажется ученым безумной. И оказываются правы чаще, чем хотелось бы академикам. Потому что сам наш мир — чудо. Его не поверишь логарифмом, всегда останется непознанный и непознаваемый уголок.

У Тяглова нашлось бы что возразить Стрижакову, однако он этого делать не стал: какой смысл дискутировать с верующими? Он задал новый вопрос:

— Как вы собираетесь организовать работу в Кратере? Вы будете собирать артефакты? Или изучать аномалии?

— Возможно, мы будем собирать образцы, — уклончиво ответил координатор. — Но нас прежде всего интересуют проходы в глубь Кратера. Вы ведь покажете их нам?

— В глубь? — Андрей пожал плечами. — Кратер — это, конечно, чудо из чудес, но вы, надеюсь, помните о том, что это чрезвычайно опасное чудо? Соваться в глубь без подготовки — самоубийство.

— Для того ты и нужен, Андрей Михайлович, — снова вмешался Хоза. — Сегодня поведешь в пробную вылазку. Через второй блокпост. Я уже позвонил, договорился.

Тяглов медлил. Идея Хозы нравилась ему всё меньше и меньше. Уфологи терпеливо ждали.

— Ладно, — сказал наконец Андрей. — Проведу вылазку. На Вал и обратно. Но мне нужно три часа на подготовку.

— О'кей. — Координатор Стрижаков кивнул. — Где мы сможем встретиться с вами?

— Подъезжайте прямо к блокпосту. Вы знаете, где это?.. Вот и отлично.

На том и разошлись. Времени было в обрез, и Тяглов, не особо шифруясь, сел в автобус и доехал до вентиляторного завода. Пройдя на территорию, которая давно не охранялась,

Андрей сразу направился к приземистому зданию механического цеха — там обитал Бориска Дрын.

После трагической истории с Димоном жизнь искателя Бориски разительно переменилась: он бросил пить и ходить в Кратер, устроился в коммерческую фирму, приватизировавшую вентиляторный завод, получил в свое распоряжение станок с числовым программным управлением и начал реально работать, выдавая на-гора всевозможные скобяные изделия. Вольные искатели частенько наведывались к нему за «сюрикенами» — кругляшами из жестяного или цинкового листа, которые с недавних пор применялись для провешивания маршрута, заменив тяжелые гайки. Под тем же предлогом, за «сюрикенами», приходил к нему и Тяглов. Однако на самом деле он платил Бориске за другое. Токарь оказался идеальным сейфом. Директор коммерческой фирмы выделил Дрыну еще и каморку в подвале механического корпуса — она была устроена так, что когда Андрей спускался туда, его каждый раз охватывал легкий приступ клаустрофобии, будто бы он забирался внутрь батискафа или подводной лодки. Сходство дополняла тяжелая стальная дверь с вращающимся штурвалом замка. Дрын в прямом смысле жил в этой каморке, редко выбираясь наружу. Внутри стояли топчан, на котором Бориска спал, и сварной металлический стол, в котором он держал инструменты. Помимо инструментов, в том же столе прятался ноутбук «троечка», который принадлежал Тяглову и на жестком диске которого хранилась одна из двух существующих в природе копий универсальной физико-математической модели Кратера, написанной Андреем в период обучения в аспирантуре. Эти ноутбук и копию Тяглов не обменял бы на все деньги мира. А будучи разумным человеком, прекрасно понимал, что если информация о возможностях модели утечет в большой мир, ее автору слабо не покажется: сожрут за пять минут. Еще в конце восьмидесятых Андрей сообразил, что самый надежный способ сохранить тайну о модели — это никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не рассказы-

вать о ее существовании. Не знал о модели и Дрын, он просто получал ежемесячный гонорар за хранение ценной электронно-вычислительной техники. Обратиться к токарю с подобной просьбой тоже было риском, но риском допустимым с учетом того, что Андрей стал женатым человеком, а ноутбук в семье не может долго оставаться персональным компьютером — раньше или позже Наталья обнаружила бы заглубленную директорию и поинтересовалась бы, что там спрятано под паролем. В этом смысле Бориска был надежнее — он в вычислительной технике ничего не понимал, относясь к компьютерам и к их владельцам с уважительной опаской.

Дрын открыл на стук, повернув штурвал и пропустив Андрея в каморку.

— Здоро́во, земеля, — поприветствовал он.

— Здоро́во! — отозвался Тяглов. — Мне поработать надо.

— Нет проблем. — Бориска с самым благостным видом отодвинулся от сварного стола.

Андрей вытащил и раскрыл ноутбук. Пока загружалась операционная система, Тяглов осмотрелся. Отметил, что у Дрына появилось на стене новое украшение — яркий плакат с большегрудой длинноногой красоткой. Трезвый образ жизни явно и положительно сказывался на самочувствии токаря: он и девушками интересоваться начал.

— Твоя подруга? — спросил Андрей, кивая на плакат.

— Синди Кроуфорд, — важно доложил Бориска.

— Кто такая? Почему не знаю?

— Топ-модель... Слушай, земеля, — вдруг забеспокоился Дрын, — у тебя консультацию взять можно? Ты ж по бизнесу раньше был? У меня тут бабки образовались. В какие акции вложить посоветуешь? МММ тебе как?

— Никак, — отозвался Тяглов, усаживаясь за компьютер, запуская модель и вводя начальные параметры: временной интервал, географическую привязку и локализацию. — Прикинь, ты отдашь деньги, а взамен получишь непонятные бумажки. Стоит ли связываться?

— Это инвестиция, — заявил Дрын сурово. — Капиталовложение. Принесет прибыль. МММ ведь не просто так деньги берет, а вкладывает их в работу.

— Кто тебе такую глупость сказал? — Андрей поддерживал разговор по инерции, дожидаясь, пока пройдут первые итерации и можно будет ввести поправочные коэффициенты. — Какая там прибыль? Какая работа? Халявный сыр знаешь где бывает?

— Я не халявщик, — отозвался Дрын с достоинством. — Я партнер.

— Ну-ну, — сказал Тяглов. — Слушай, мне бы пару звонков сделать. Иди погуляй полчасика.

— Тока не по межгороду, — предупредил Дрын, поднимаясь с табуретки и придвигая Андрею старый телефонный аппарат.

— Само собой.

Когда дверь за Бориской закрылась, Тяглов помедлил, ругнулся матерно вполголоса и набрал номер.

— Слушаю, — отозвался на том конце провода сдержанный мужской голос.

— Это я, — сказал Тяглов.

— Неправильный ответ, — после короткой паузы произнес голос. — Как надо правильно?

— Это Наталья, — со вздохом поправился Андрей.

— Что скажешь, Наталья?

— Мне нужна информация. Стрижаков и Локоть. Международное уфологическое общество. О чем-нибудь говорит?

— Они уже вышли на тебя? — обрадовано уточнил собеседник. — Отлично! Ах, молодца! Короче, Наталья, ты у меня девушка умная, понятливая, так что слушай и запоминай. Эти двое к нам никакого отношения не имеют. Но очень нас интересуют. У них широкие заграничные связи и лапа в правительстве. Если они предложат тебе сотрудничество, соглашайся!

— Они просятся в поход.

— Понял тебя. Как пойдете?

— Через второй пост.

— О'кей, я подстрахую. Постарайся сделать так, чтобы они прониклись к тебе доверием. Если что-то сорвется, сразу звони мне. Ни пуха!

— К черту... — промямлил Андрей, но на том конце провода уже повесили трубку.

Тяглов еще посидел, подумал, наблюдая, как по темному экрану ноутбука бегут столбики многозначных чисел, отмеряющие количество итераций при приближении к результату, соответствующему граничным условиям задачи.

Наконец программа досчитала модель и вывела результаты на экран, пискнув встроенным в ноутбук динамиком. Андрей извлек потрепанную генштабовскую карту, которую всегда таскал при себе, и приложил к ней металлическую линейку, позаимствованную из набора инструментов Дрына. Шевеля губами, прикинул расклад на сегодня.

Второй блокпост. Главный научный тракт. «Дорога секретных физиков». Восточная часть Вала. Стационарные аномалии в прежней конфигурации. Ага, вот здесь у нас имеется такая загогулина. Супермобиле за регистрационным номером шестнадцать переместился на Вал. Гипермагнит за номером четыре сместился на двести метров севернее и вырастил новую псевдоподию. Объявилась ожидаемая нестационарная субтермическая аномалия — программа присвоила ей номер тысяча четыреста двадцать шесть. В последнем случае требовалась проверка на месте для уточнения переменных Лачевского, и Андрей решил обязательно сводить уфологов к субтермической аномалии — обновить привязку, уточнить переменные и устроить демонстрацию, чтобы знали, с кем имеют дело. Для этого к стандартному комплекту придется добавить нивелир и прикупить у Бориски набор «сюрикенов».

Так Тяглов и поступил. Выключив и спрятав ноутбук в ящик стола, он свистнул дремавшему в пустом цеху Дрыну, взял у него напрокат рюкзак, заплатил за полсотни «сюрикенов» и пешком добрался до железнодорожного вокзала. Там снова

пришлось платить — на этот раз бесфамильному дяде Грише, работавшему в багажном отделении и бравшему с искателей скромную мзду за бессрочное хранение инструментов и амуниции. О дяде Грише, неповоротливом и высоком, как пещерный медведь, поговаривали, будто бы он когда-то служил ментом, но попался под раздачу на взятке, после чего в органах восстановиться не сумел. Даже в дворники его не брали, и только начальник ванаварского вокзала смилостивился, сообразив, что бывший мент станет неплохим охранником. Поговаривали также, что дядя Гриша на самом деле продолжает работать на милицию, постукивая на борзеющих искателей, и Тяглов в это охотно верил, но от услуг не отказывался: в Ванаваре за последние годы так всё перепуталось, что и неясно было, кто за кем стоит и кто на кого трудится; теневая экономическая деятельность явно преобладала над облагаемой налогами.

— Снова в Кратер, искатель? — низким сипловатым голосом поинтересовался дядя Гриша, передавая Андрею тяжелый чемодан с сочинскими наклейками.

— Не угадал, — помотал головой Тяглов, который терпеть не мог подобных расспросов. — На рыбалку. Встретил старого друга. И захотелось.

— Счас же клева нету, — подначил дядя Гриша.

— На рыбалку не за клевом ходят, — резонно возразил Тяглов.

Из багажного отделения Андрей перешел в мужской туалет, натянул брезентовые штаны, куртку, сапоги и быстро переложил отобранные искательские инструменты из чемодана в рюкзак. Потом занес полегчавший чемодан к дяде Грише, а на стоянке перед вокзалом поймал незнакомого частника — автобусы до второго блокпоста не ходили.

По дороге Тяглов прикинул, всё ли сделал правильно. Кажется, серьезных ошибок он сегодня не допустил. Но в следующий раз нужно быть осторожнее — вычисления сделать заранее, а не нестись сломя голову на вокзал, выдавая прямую связь между двумя хранилищами. Расчет модели будет продолжаться дольше по времени, но это ничего — Дрын потерпит.

Однако когда частник привез Андрея к блокпосту внутренних войск МВД, перекрывавшему поворот на тракте, вольный искатель понял, что поторопился с выводами. Поперек тракта стоял бронетранспортер, вокруг которого прогуливались бойцы в камуфляже. Повернув голову направо, Тяглов увидел черный «БМВ» с московскими номерами, дверцы которого были распахнуты, а рядом, прямо в грязи и под присмотром напряженного автоматчика, лежали, раскинув ноги, давешние уфологи.

Андрей хотел было скомандовать водителю, чтобы тот разворачивал машину, но к ним уже шли двое в камуфляже, и еще один призывно махал рукой. Водитель в ужасе остановил машину. Через полминуты он и Тяглов раскоряками полулежали на капоте. После беглого обыска их поставили на ноги, и тут Андрею стала понятна причина неожиданного переполоха — от блокпоста к ним неспешно приближался высокий подтянутый офицер, на ходу теребивший свои роскошные чапаевские усы. Майор Пименов собственной персоной.

Майор Пименов, черт возьми! РУБОП. Приплыли. Осталось расслабиться и попробовать получить удовольствие...

— Ну что, Тяглов, здравствуй? — спросил Пименов, подойдя.

— Здравствуйте, товарищ майор, — отозвался Андрей неприязненно.

— Какой я тебе товарищ? — удивился Пименов. — В лучшем случае — гас-па-дин. В Кратер намылился, да? Искательствовать?

— Ничего не знаю, — наобум ляпнул Андрей. — Проезжал мимо. На рыбалку.

— С нивелиром? С «сюрикенами»? — Пименов широко ухмыльнулся, показав желтые от частого курения зубы. — А удочки где? Или хотя бы водка? Совсем ты обленился, Тяглов. Раньше, помню, не только удочки с собой брал, но и ведра. И даже рыбу живую прикупал. Обленился. Оборзел.

— Я рыбу не ем, — продолжал тянуть волынку Андрей. — А на озера выбираюсь красотой природы любоваться. Потому и

удочки перестал брать. Зачем они мне? А ордер на обыск у вас есть, господин майор?

— Мне ордер не нужен, — любезно объяснил Пименов. — Я провожу оперативные мероприятия по профилактике и предотвращению преступлений. Вон тех гавриков в луже видишь? Они уже дали признательные показания. На тебя, Тяглов.

— Это провокация, — заявил Андрей гордо. — Я вижу этих... э-э-э... гавриков в первый раз!

— Тогда откуда они тебя знают? — вкрадчиво поинтересовался Пименов, улыбка медленно сползала с его лица. — Фамилию? Имя? Отчество?

— Боюсь, что от вас, господин майор! — охотно объяснил Андрей; терять ему было нечего.

На самом деле ситуация только выглядела патовой. Пименов поставил шах и знал уже, зараза, как поставить мат. О методах его работы Тяглов был осведомлен — нормы уголовно-процессуального кодекса майор из РУБОПа соблюдал, только когда ему самому было выгодно. Поэтому Андрей от дальнейшего развития ситуации ничего хорошего не ждал: отмордуют по-быстрому, протащат через очную ставку с уфологами, заставят подписать признание... Сколько у нас там сейчас за попытку несанкционированного группового проникновения в Кратер? Лет пять?

Однако Тяглов снова ошибся в оценке ситуации. С армейской грунтовки, идущей в объезд Вала, на тракт вдруг влетел, ревя двигателем, «ЗИЛ-131». Заскрипели тормоза, из кузова посыпались горохом пограничники в зеленой форме и с автоматами наперевес. Они умело рассредоточились, заняв выгодные для стрельбы позиции. Рубоповцы, напротив, растерялись — ничего подобного они от мира явно не ожидали. А к Пименову уже шел по грязи высокий и сравнительно молодой человек в костюме-тройке и лакированных туфлях, будто бы только что вернувшийся со светского раута.

— Здравия желаю, товарищ майор, — сказал молодой человек, остановившись в паре метров. — Капитан Луньков. Федеральная служба контрразведки. Давайте поговорим?

— Контрразведка? — Пименов расставил ноги и набычился. — Контрразведка здесь не нужна. Дело ясное, как два пальца. Попытка несанкционированного проникновения на территорию Кратера. Подкуп должностных лиц. Рецидив после двух предупреждений.

— И всё-таки я настаиваю на разговоре.

— Ну хорошо. Говори, капитан.

— Пройдемте в помещение, — предложил Луньков. — Здесь не очень удобно.

Пименов сразу не пошел, а постоял с минуту, буравя капитана ФСК тяжелым взглядом и покачиваясь с носка на пятку. Потом кивнул и направился к блокпосту. Луньков подмигнул Тяглову с озорным весельем и последовал за майором.

Они вернулись через двадцать минут. Всё это время Андрей с водилой-частником простояли под моросящим дождем и под прицелами автоматов рубоповцев, которых в свою очередь держали на мушке хмурые пограничники. Не сказать, что Тяглову это доставляло удовольствие, однако уфологам приходилось еще хуже. Они тоже переоделись в модные туристические комбинезоны, но лежать в грязи вредно для здоровья. Их трясло от холода.

Вернувшийся Пименов был мрачнее тучи у него над головой, зато Луньков прямо-таки сиял.

— Этих отпустить, — приказал майор рубоповцам, кивнув на уфологов. — А тебе, Тяглов, выношу последнее предупреждение. Попадешься мне еще раз в двухкилометровой зоне, пеняй на себя. Сядешь надолго.

Андрей не стал комментировать, а сразу полез в машину. Даже рюкзак, выпотрошенный рубоповцами, не взял. Частник суетливо забрался в свое кресло и схватился за рычаг переключения скоростей.

— Ох и попал я из-за тебя, мужик, — причитал он.

— Не трясись, командир, — посоветовал Тяглов хмуро. — Выплачу компенсацию за моральный ущерб.

Развернулись и поехали. На трассе их догнал черный «БМВ» уфологов, принялся отчаянно сигналить, требуя внимания.

— Остановиться? — спросил водитель.

— Пошли они... — буркнул Тяглов.

Настроение, подпорченное еще утром, ухудшилось настолько, что Андрею стало на всё наплевать, а хотелось одного — быстро и безболезненно упиться до состояния риз.

Однако уфологи упорно настаивали на новой встрече. «БМВ» приблизился вплотную и, всё так же сигналя, попробовал обогнать и прижать. Нервы у частника опять не выдержали, и, резко тормознув, он остановил автомобиль.

Из «БМВ» выбрался эксперт Локоть, подошел, сунулся в окошко к Тяглову. Был он грязен и слегка побит, но присутствие духа, очевидно, не утратил.

— Ну что вам надо? — устало спросил Андрей. — Вы же сами всё видели. Дорога в Кратер мне теперь заказана. В качестве искателя я больше не пригожусь.

— Мы могли бы как-нибудь переубедить вас?

— Как? Я под колпаком у РУБОПа. Да и вы тоже. Не знаю, что там выясняла контрразведка, но приезжала она по ваши души. Даю бесплатный совет: сегодня же собирайтесь и проваливайте в Белокаменную.

— Это невозможно. У нас очень много дел в Ванаваре.

— Ваши проблемы. Решайте их сами. Без меня.

— И всё-таки мне кажется, мы будем сотрудничать, Андрей Михайлович, — сказал Локоть вкрадчиво. — Поймите, вы нам очень нужны! Мы готовы не только погасить ваш долг перед господином Гваришвили, но и принять в свои ряды полноправным членом общества.

От неожиданности Тяглов рассмеялся, а потом сразу захохотал в голос. Лицо эксперта вытянулось, он даже слегка отодвинулся.

— Ну вы сами... подумайте, — давясь от смеха и всхлипывая, предложил Тяглов. — Сами представьте... Я ж бывший на-

учный сотрудник, кандидат... а вы... а вы... уфологи! Чтоб я... и к вам?.. Идите вы с богом! Не смешите меня...

Локоть не спасовал и не обиделся:

— Ну хотя бы уделите нам пять минут вашего драгоценного времени, господин кандидат. И если сочтете, что продолжать наше знакомство бессмысленно, мы со всем почтением признаем ваш выбор.

— Черт с вами, — сдался Тяглов. — Дождись меня, командир, — обратился он к частнику.

Вместе с Локтем они перешли в «БМВ», на заднем диване которого дожидался Стрижаков — такой же грязный, как и его младший соратник. Когда все расселись, координатор поднял стекла и сказал:

— Я слышал весь разговор, Андрей Михайлович. И понимаю ваш скептицизм. В другой ситуации мы вряд ли рискнули бы на первом этапе знакомства доверить вам нашу тайну. Но выхода, как я понимаю, нет.

— Нужны мне ваши тайны, — проворчал Тяглов. — Оставьте их при себе.

— Вам понравится, — пообещал Стрижаков. — Андрей Михайлович, у нас есть Урод.

Тяглов не поверил своим ушам.

— Что вы сказали? — переспросил он.

— У нас есть Урод, — повторил Стрижаков. — Пилот Тунгусского Космического Тела. Ведь вы хотели бы взглянуть на него, Андрей Михайлович?

— Да, — согласие вырвалось непроизвольно, но Тяглов был слишком потрясен, чтобы отыгрывать назад. — Да, я хотел бы взглянуть на него.

— Значит, вы готовы сотрудничать, — с нажимом, без вопросительной интонации сказал Стрижаков.

— Э-э-э... готов.

— Тогда поехали.

— Урод здесь? — изумился Тяглов. — В Ванаваре?

— Поблизости, — уклончиво ответил координатор.

— Но почему здесь? Почему не в Москве?

— Потому что транспортировать его в Москву слишком опасно. Урод — это Урод. Не жемчуг, не вата, не антрацит. Настоящее чудо. Он должен оставаться здесь, рядом с Кратером.

— Надо бы водиле заплатить, — спохватился Тяглов. — Я ему компенсацию обещал.

— Одну минуту. — Локоть вылез и быстро расплатился с напуганным частником.

По дороге почти не разговаривали. Андрей переваривал услышанное, складывал и так и этак, всё больше убеждаясь, что его наверняка дурачат. А с другой стороны, чего еще ждать от людей, которые верят в сказки о пришельцах на «летающих тарелках»? И сами одурачены, и других дурачить научены.

При въезде в город Локоть остановил «БМВ», и Стрижаков снова повернулся к Тяглову:

— Извините, Андрей Михайлович, но мы вынуждены завязать вам глаза. Вы пока еще не член нашего общества, поэтому мы не можем всецело вам доверять.

— Конспираторы, — без воодушевления сказал Тяглов. — Масоны. Ладно, что с вами делать? Завязывайте.

Потом они ехали еще полчаса. По прибытии на место Стрижаков помог выбраться временно ослепленному Андрею из машины, провел его в какой-то гулкий холодный ангар с металлическим полом и придерживал, когда пришлось спускаться по винтовой лестнице. Наконец Тяглову развязали глаза, и он получил возможность осмотреться. И снова чуть не расхохотался.

Конспираторы! Масоны! Они, наверное, думали, что Андрей здесь никогда не бывал. Святая простота! Беглого взгляда Тяглову хватило, чтобы понять: он находится в пятом транспортном ангаре, некогда принадлежавшем Институту аномальной физики. Кстати, ангар расположен на краю научного полигона, который, в свою очередь, примыкает к Валу Кратера, то есть против воли Андрей оказался там, куда майор

Пименов запретил ему соваться под страхом ареста. Что ж, в этом есть своя ирония. Или знак судьбы...

— Он здесь, — зачем-то перейдя на шепот, сообщил координатор Стрижаков.

Локоть присел на корточки перед квадратным люком, вмонтированным в стену почти на уровне пола. Люк был закрыт на кодовый замок. Эксперт уверенно набрал код, потянул ручку, отворив узкую затененную нишу. Стрижаков включил яркий фонарик и жестом пригласил Андрея присоединяться. Тяглов тоже присел и замер, перестав дышать.

Внутри находился огромный и непропорциональный обломок антрацита, длиной метра полтора. Из этого обломка торчала... рука. Да, наверное, всё-таки рука — но не с пятью, а с четырьмя пальцами, противоестественно длинными и больше похожими на ястребиные когти. Еще из антрацита выступала часть черепа, и было видно: это не человеческий череп, а нечто продолговатое и снабженное костяным гребнем. Сначала Тяглову показалось, что и странная рука, и фантастический череп имеют такой же цвет, что и антрацит вокруг, но, приглядевшись, он понял: они несколько светлее и словно присыпаны пеплом от сгоревшей дотла бумаги.

— Можно? — спросил Андрей у Локтя.

— Конечно, — разрешил он.

Тяглов протянул руку и коснулся скрюченных когтей Урода. Они были теплыми — как и антрацит. Нет, это не подделка.

— Он... нормальный? Не разлагается?

— Признаков гниения не замечено. Он в антраците, как доисторическая муха в янтаре.

— Вот так оживают легенды, — пробормотал Андрей зачарованно.

— Ну, Урод, скорее мертв, чем жив, — отозвался координатор Стрижаков. — Но перед вами действительно легенда.

Тяглов выпрямился и посмотрел на координатора. Тот широко улыбался.

— Теперь вы верите?

— Постойте, — сказал Андрей. — Но почему?.. Ведь это, как легко догадаться, ваша самая святая тайна. Почему вы доверили ее мне? Постороннему человеку? Скептику?

— Мы доверили вам только часть тайны, — уточнил статус-кво Стрижаков. — Видите ли, мы кое-что знаем о вас, Андрей Михайлович. Мы знаем, например, что вы — единственный искатель, который ходил к Скучной Деревне и вернулся. Единственный искатель, переживший путешествие во времени. Единственный искатель, не потерявший за последние три года ни одного сопровождающего. Сколько раз вы ходили в Кратер? Шестьдесят четыре раза! По статистике, хотя бы два-три спутника должны были погибнуть. Но все — все! — вернулись невредимыми. Вы тоже живая легенда, Андрей Михайлович. Аномалия. Удивительно, что на вас еще не обратили внимание наши власти.

— Уже обратили, — проворчал Тяглов, которому категорически не понравилось, что заезжий уфолог знает о нем намного больше, чем он об уфологе. — Везет мне, да. Что тут аномального?

— Мы думаем, что везение тут ни при чем, — заявил Стрижаков, глядя на Андрея в упор. — Вы отмечены. Вы избранный. Вы выполняете миссию.

— Не понимаю, — нервно отмахнулся Тяглов.

— Видите ли, Андрей Михайлович, мы убеждены, что Кратер — это не просто вмятина в Земле и система физических аномалий. Мы считаем, что это своего рода новое Откровение.

— Вы сектанты, что ли? Типа Белого братства?

Стрижаков нахмурился.

— Не надо сравнивать нас с этими изуверами, — сказал он. — Попытаюсь объяснить. Давно доказано, что величайшие люди прошлого либо связывались с инопланетянами, либо сами являлись ими. Иисус Христос был, без сомнения, инопланетянином. Он принес землянам новую этику. Таким образом, мы можем предположить, что в космосе у нас есть друзья и доброжелатели. Они постоянно наблюдают за нами,

стремятся помочь, подтянуть до своего уровня. И время от времени они ставят перед нами масштабные задачи, правильное решение которых откроет новую эпоху в истории человечества. Одно только понимание того, что Тунгусское Тело было не метеоритом, а космическим кораблем, стимулировало развитие астрономии и космонавтики. Изучение артефактов продвинуло физику. Но в действительности Кратер — это зашифрованное послание, которое мы должны... нет, просто обязаны расшифровать! И вы, Андрей Михайлович, часть этого послания.

— То есть получается, что Урод — это новый Христос, а Тунгусская катастрофа — Второе Пришествие?

— Не так грубо и прямолинейно, Андрей Михайлович. Но в качестве аналогии подойдет. Я уже говорил: наши космические друзья постоянно наблюдают за нами. Они видят, что мы изменились за две тысячи лет, стали лучше представлять себе устройство окружающего мира. Знаем, что Земля круглая, что звезды — не гвоздики в твердом небосводе, а далекие солнца. Когда мы начали догадываться, что не одиноки во Вселенной, нам подбросили прямое и веское доказательство этому.

— Как вы предполагаете расшифровать послание инопланетян?

Стрижаков и тут не задержался с ответом:

— Вы как опытный искатель должны помнить, что черное тело обладает свойством регенерации...

— Не регенерации, — поморщился Тяглов. — Так только дилетанты говорят. Это свойство называется коалесценцией. Слияние капель вещества при соприкосновении. Обычная вода обладает таким же свойством.

— В самом деле? — удивился координатор. — Спасибо, Андрей Михайлович. Вот видите, мы обязательно сработаемся. И сообща расшифруем послание Кратера.

— У вас есть конкретный план?

— Разумеется! Если в самых общих чертах, то план состоит в том, чтобы дать всем частям черного тела слиться воедино. И тогда инопланетный корабль сам собой восстановится.

— Ничего у вас не получится! — резко заявил Тяглов.

— Почему? — в один голос и очень встревоженно спросили уфологи.

— Корабль не состоял из одного черного тела, — пояснил Тяглов. — Если бы это было так, то мы никогда не смогли бы доказать, что над Подкаменной Тунгуской действительно взорвался инопланетный звездолет. Сами знаете, хватает и других артефактов. Янтарная крошка. Малиновое желе. Вата. Но свойство коалесценции проявляет только черное тело. Хотите скажу, что произойдет, если удастся собрать черное тело, которое еще остается в Кратере, и то, которое расползлось по миру?

Уфологи переглянулись.

— Что?

— Ось Гильзина. Вариационный движитель. — Тяглов повеселел, увидев озадаченность на лощеных физиономиях. — Это, впрочем, гипотеза. Которая не подтверждена экспериментом. И вряд ли когда-нибудь будет подтверждена.

— Вы не могли бы рассказать подробнее? — жалобно попросил Локоть. — Чтобы мы поняли суть проблемы.

Вот теперь Андрей почувствовал себя в родной стихии.

— Баш на баш, — сказал он.— Услуга за услугу. Вы показали мне Урода. Я теперь знаю, что он есть. А я, так уж и быть, поведаю вам о теории Гильзина.

— В гостиницу? — живо предложил Локоть.

— Почему нет? — Тяглов пожал плечами. — Надеюсь, бар еще работает?

Путь до гостиницы «Советская» Андрей вновь провел с завязанными глазами — не выдавать же уфологам свой козырной секрет.

Привратник у входа встретил заляпанных грязью постояльцев неприветливо, но внутрь пропустил. Эксперт Локоть отвел Тяглова в бар, заказал выпивку и яичницу, а сам поднялся в номер к Стрижакову, чтобы привести себя в порядок.

Интерьер и ассортимент бара приятно удивили Андрея. Он не был здесь лет пять и по последнему визиту запомнил мрач-

ное помещение с низким потолком, голыми обшарпанными стенами, липкими столиками и зияющими пустыми полками за спиной кельнера. Теперь гостиничный бар было не узнать: стены спрятали за резными деревянными панелями, столики накрыли фирменными клеенками, полки заставили экзотическими импортными напитками. Имелось в наличии два сорта пива: светлое и темное. Подпортило впечатление только отношение персонала к клиентам, которое с советских времен нисколько не изменилось. Хотя посетителей в баре было немного, яичницу пришлось подождать. Принеся блюдо, официантка буквально швырнула его на столик. Сама яичница оказалась подгоревшей и отдавала машинным маслом. Однако Андрей так устал, что сил ругаться у него уже не осталось.

Минул час. Тяглов прикончил яичницу, выпил сто пятьдесят граммов «Распутина», взял кружку светлого пива. Уфологи заставляли себя ждать. Андрей слегка обеспокоился.

Еще через полчаса, приняв на грудь дополнительные сто граммов водки, Тяглов собрался навестить уфологов. Благо текст краткой лекции по основам теории вариационного движителя вчерне сложился.

Андрей подошел к кельнеру и намекнул, что отлучится буквально на пять минут, чтобы вернуться с «друзьями». Однако тот был непреклонен и потребовал оплатить угощение вперед. С тяжелым сердцем Тяглов раскошелился.

Потом вольный искатель некоторое время уговаривал девушку за регистрационной стойкой сообщить ему номер комнаты, в которой остановился москвич Даниил Евсеевич Стрижаков. Потом он долго поднимался на четвертый этаж гостиницы, поскольку лифт не работал. Потом он удивился, не обнаружив на этаже дежурной или дежурного. Потом он подошел к двери номера и постучал. Потом он увидел, что дверь номера открыта. Потом он толкнул ее и вошел внутрь. Потом он протрезвел.

Уфологи лежали на полу, раскинув руки. Локоть в маленьком коридорчике у двери, Стрижаков — в комнате. Оба были

мертвы. Давно и безнадежно. Восковая кожа, подсыхающие темно-красные лужи на ковролине, навсегда остановившийся взгляд. Закололи как свиней. Уфологи даже не успели переодеться в цивильное.

Тяглов попятился. Прикрыл за собой дверь. И быстро-быстро пошел по коридору, почти побежал. В голове у него билась одна мысль: за что? На улице он хватанул свежего воздуха открытым ртом и подумал: как же я теперь? Денег после бара почти не осталось — так, всякая мелочевка. По логике нужно было двигать домой: умыться, переодеться, обдумать расклад, прикинуть перспективы. Какие перспективы, к чертям собачьим? Драпать надо! И чем быстрее, тем лучше.

Он всё-таки направился к себе — пешком, постоянно оглядываясь вокруг. Но во дворе, не доходя трех десятков шагов до подъезда, остановился. Потому что увидел незнакомую и вызывающе синюю «Волгу». Будучи автолюбителем с большим стажем, он обращал внимание на чужие «тачки» и на то, кто и как их ставит, но эту машину не узнал. Внутри «Волги» сидел водитель, курил, пуская дым в приоткрытое окно. Тяглов не стал выяснять, кто там устроился на перекур. Развернулся и пошел по улице.

У ближайшего телефонного автомата он снова остановился, шагнул внутрь и, помедлив, всё-таки набрал домашний номер. Откликнулась жена:

— Алё.

— Ната, это я. Как ты?

— Всё нормально, дорогой. Когда будешь дома?

Она сказала это очень естественно. Ее голос не дрогнул. Но он всё понял. Он иногда называл ее «дорогая», но только в тех случаях, когда хотел обидеть или отвязаться, — она его «дорогим» не называла никогда.

— Спасибо, любимая, — сказал он вполне искренне. — Я вправду люблю тебя. Прости мою грубость. Мои оскорбления. Это ведь всё только слова. Эмоции. Прости и прощай.

Не дожидаясь ответа, Тяглов повесил трубку.

Так. Теперь-то куда? К Дрыну? Опасно. Засветишь ноутбук. На вокзал? Да, на вокзал. Самая прямая дорога. В чемодане лежит нормальная одежда. А дядя Гриша не подведет. Он знает. Он сам сидел...

До вокзала Андрей добрался, когда уже вечерело. Зарядил дождь — теперь уже настоящий, без дураков. Только брезентовый костюм и сапоги спасали от этой мокроты и сырости.

Тяглов не стал нигде задерживаться, а сразу спустился в багажное отделение.

— Ого, искатель, — поприветствовал дядя Гриша. — Быстро ты обернулся. Думал, сегодня не придешь...

— Дядь Гришь, ты не мог бы денег занять? — спросил Тяглов с порога, пытаясь изобразить некое подобие улыбки. — До Красноярска. Я тебе пришлю сразу. Если хочешь, с компенсацией. В тройном размере.

Дядя Гриша насупился.

— Тебя тут разыскивают, Андрей, — сообщил он. — Лично Пименов заходил. Чемодан твой реквизировал. По ордеру.

У Тяглова опустились плечи.

— Хотя бы позвонить от тебя можно? — спросил он.

— Хм, — замешкался дядя Гриша, а потом махнул рукой: — Звони, брат! — и придвинул телефон.

Андрей взял аппарат, набрал номер, дождался «Слушаю!» и сказал:

— Это Наталья. Я попал. Клиенты мертвы. Внимание на пятый транспортный ангар. Подвал. Кодовый замок. Я поехал. Целую в лобик.

Тяглов аккуратно положил трубку и отодвинул телефон.

— Знаешь, дядь Гриш, — сказал он, — иногда я думаю, что есть всё-таки высшая справедливость.

— Ты это к чему? — осторожно спросил дядя Гриша.

— К тому, что и мне пора. До встречи в новом дивном мире...

Тяглову стало вдруг так легко и просто, что он расстегнул брезентовую куртку и рубашку, обнажив грудь, и прямо

так, расхристанный, развернулся и стал подниматься по каменной лестнице в зал ожидания вокзала. А там уже, подкручивая чапаевские усы, к нему навстречу двигался майор Пименов в сопровождении двух патрульных милиционеров.

3. Эдуард Асланович Шахмагонов, старший консультант Фонда инновационной конверсии при Министерстве финансов Российской Федерации

После стремительного отъезда в столицу Эдуард Шахмагонов не собирался возвращаться на малую родину, но ЧИФ сказал: «Надо!» Значит, надо!

Поезд пришел в Ванавару рано утром, и Шахмагонов с некоторой опаской ступил на перрон, покрытый утрамбованным снегом. Дышалось здесь, конечно же, легче, чем в загазованной Москве, но было непривычно пусто, что внушало безотчетную тревогу.

Шахмагонова никто не встречал, а потому он, помахивая легким «дипломатом», сразу направился к зданию вокзала, которое за прошедшие семь лет практически не изменилось, оставаясь всё таким же серым и мрачным — символом завершившейся эпохи. Многие любят вспоминать комсомольскую молодость, совковый энтузиазм, гарантированную социалку, уличную безопасность и прочие прелести, но Шахмагонов был не из числа этих многих. Он терпеть не мог разговорчики о том, как тогда было хорошо и как сейчас плохо. Да, для большинства населения стало хуже, но зато честнее. Или вы думали, что добрый дедушка Брежнев будет жить вечно? И вечно вас будет с ложечки кормить и слюнявчик вытирать? А вы представьте, если бы он со своим старичьем дожил до первого системного кризиса — до беспрецедентно низких цен на нефть и до этой чудовищной денежной массы, которая накопилась в стране и которая еще в семидесятые превратилась в резаную бумагу? Представили? Так вот, было бы ровно то же самое, что и сейчас, с бардаком, нищетой и войнами — только еще и с ложью, что мы, дескать, самая

передовая страна и идем самой верной дорогой. Крыша не поехала бы от такого когнитивного диссонанса? Здесь, в Ванаваре, был хотя бы научный городок, почти утопия, со снабжением из Центра, но и он в восьмидесятые загибаться начал, и что-то не видно было желания у руководящих товарищей менять положение к лучшему, а одними мантрами о коммунизме, как известно, сыт не будешь. Младореформаторы — тоже, конечно, не сахар, но, по крайней мере, пытаются создать хоть какую-то работающую модель на ваших руинах. Да, некоторые из вас оказались лишними в рамках этой модели, но, если вдуматься, вы были лишними изначально, давным-давно вы стали лишними. Всех в светлое будущее не вытянешь, кто-то всегда упадет и помрет на обочине — что же из-за этого стоять на месте? Сильнейшие выживут, значит и держава устоит, вот так.

Размышляя подобным образом, Шахмагонов вступил в здание вокзала. Ему показалось, что здесь даже холоднее, чем снаружи. На полу скопились лужи от растаявшего снега, серые окурки, мерзко белели скомканные бумажки, от туалета тянуло застарелой вонью. В зале ожидания сидели какие-то подозрительные личности с внешностью бомжей. Шахмагонов поморщился.

Вот и подтверждение, думал он, поспешно проходя сквозь вокзал. Даже элементарный порядок навести не можете, хотя сами здесь живете и работаете. Кто должен за вас порядок наводить? Брежнев? Младореформаторы? Разруха, как говорится, в головах...

На площади перед вокзалом, заставленной сборными щитовыми киосками, Шахмагонов отыскал такси, плюхнулся на заднее сиденье и распорядился:

— В «Казарменную».

Таксист, ни слова не говоря, вдавил педаль газа. Только когда выехали на Ленина, Шахмагонов сообразил, что привычно назвал «Советскую» — «Казарменной», а водила его понял. Традиции, стало быть, не меняются. «Советская» была построена в начале семидесятых с привлечением польских

специалистов и считалась самой фешенебельной гостиницей Ванавары. Предполагалось, что в ней будут жить зарубежные физики, которых наконец-то начали допускать к изучению диковин Кратера. Однако физики почему-то предпочитали маленькую уютную гостиницу при Доме ученых, а в «Советской» селились командированные офицеры — из-за их постоянного присутствия ее и прозвали в народе «Казарменной». Зубоскалы из числа кухонной интеллигенции, конечно, хотели бы увидеть в этом прозвище нечто большее — глумление над советской властью, загнавшей всех в большую казарму, но Шахмагонов был уверен, что глумлением тут и не пахнет. Рылом не вышли, чтоб глумиться. Провинция-с, вот так.

Сама гостиница его тоже не удивила и не разочаровала. Что-то похожее он и ожидал здесь найти. Лет пять назад ее, очевидно, пытались ремонтировать, но потом бросили это бесперспективное занятие. В итоге номер «люкс», снятый Шахмагоновым, выглядел несколько экзотично для столичного жителя, успевшего привыкнуть к хорошему. Пара комнат, в первой — продавленные кресла, доисторический журнальный столик, покосившийся холодильник и неработающий телевизор, во второй — две застеленные кровати, неработающий напольный светильник с торшером и заколоченная гвоздями тумбочка. Но больше всего Шахмагонова поразили два раздельных санузла: в одном был унитаз, во втором — ванна и биде. Шахмагонов очень живо представил себе, как постоялец, воспользовавшись туалетом и путаясь в спадающих штанах, несется через комнаты, чтобы добраться до вожделенного биде. Воображаемая картинка Шахмагонова насмешила, и некоторое время он просто стоял и хихикал, разглядывая этот чудовищный гибрид совка и евроремонта.

Вытащив из «дипломата» малый набор путешественника, уложенный в компактный контейнер, Шахмагонов умылся, побрился, почистил зубы. Скептически осмотрев свой костюм, он стряхнул невидимые пылинки, присел на край кровати и достал сотовый телефон. Западная цивилизация добралась-

таки до Ванавары — сигнал здесь был довольно сильный и устойчивый. Прежде всего Шахмагонов позвонил в Институт и попросил Сибирцева. Ему ответили, что академик Сибирцев находится в отпуске по болезни. Пришлось покопаться в блокноте и перезвонить академику домой. Ответила дочь, кажется. Шахмагонов представился и попросил о немедленной встрече. Тогда трубку взял сам Сибирцев.

— Лев Сергеевич, здравствуйте! — громко и с радостной интонацией поприветствовал Шахмагонов. — Я снова с вами, вот так! Надо бы нам встретиться и поболтать.

— А, это ты, Эдик? — вяло отозвался Сибирцев. — Как там в столицах нашей родины?

— В столицах замечательно, вот так, — заверил Шахмагонов. — И я вам обязательно расскажу, что происходит сейчас в Академии. Но у меня есть важный разговор. Он касается черного тела. Такие фамилии, как Стрижаков и Локоть, вам о чем-нибудь говорят?

Наступила пауза.

— Кхе, — сказал Сибирцев. — Приезжай, Эдик. Я тут немного занят, но для тебя прервусь на полчасика.

Шахмагонов снова открыл «дипломат», проверил, на месте ли папка с документами, надел пальто, кашне, шляпу и спустился в холл. Девушка за стойкой регистрации вызвала ему такси.

Сибирцев жил в двух шагах от Института аномальной физики, в доме, который был специально построен для ведущих специалистов. Первый состав жильцов уже выбыл: кто на тот свет, кто — на преподавательскую работу в Красноярск. Второй состав, въехавший в дом всего-то лет пятнадцать назад, исхитрился приватизировать государственную площадь, и теперь, похоже, третьего состава не будет. Если когда-нибудь Институт вновь обретет славу и великолепие, его будущему руководству придется строить новый дом.

Академик встретил Шахмагонова, лежа под пледом на диване и надиктовывая некий текст некрасивой и скучно одетой стажерке с блокнотом. Письменный стол, за которым располо-

жилась стажерка, был точь-в-точь, как тот, что стоял когда-то в кабинете Сибирцева, и Шахмагонова даже охватило легкое чувство ностальгии, которое он, впрочем, подавил без малейшего труда. А вот академик, похоже, привычек не меняет.

Завидев московского гостя, Сибирцев махнул рукой и закончил фразу:

— ...Таким образом, можно считать доказанным, что существование сверхчистого черного тела является не более чем мифом, тиражируемым нечистоплотными дельцами от псевдонауки уфологии.

Отпустив девушку с блокнотом, Сибирцев предложил Шахмагонову садиться поближе.

— Смотрю я, Эдик, ты всё такой же розовый и довольный. У тебя какой-то вопрос?

Шахмагонов обратил внимание на то, как сдал за эти годы Сибирцев. Где горделивая осанка? Где надменный взгляд? Где прежняя напористость в голосе? Даже кожа посерела и покрылась каким-то неприятными на вид коричневыми пятнами. Время не красит людей — истина из разряда банальных, но вечно актуальных. Шахмагонов успел пожалеть академика, но приехал он сюда не для того, чтобы жалеть, а чтобы давить. ЧИФ оценил бы настрой.

— Так вы знаете Стрижакова и Локтя? — без обиняков спросил Шахмагонов.

— Да, что-то такое припоминаю. — Сибирцев возвел очи горе. — Я стал слаб уже на память, Эдик. Но, кажется, эти двое заходили ко мне несколько лет назад. И мы подписали какой-то контракт. Тебе у секретаря надо спросить. И у нашего бухгалтера. Все договоры должны храниться в архиве.

— У меня есть копия договора, — сообщил Шахмагонов и заметил, как Сибирцев беспокойно пошевелился под пледом. — Из него следует, что Международное уфологическое общество, членами которого являлись Стрижаков и Локоть, взяло на себя обязательство профинансировать капитальный ремонт помещений, принадлежащих Научно-исследовательскому от-

делу по изучению квазитрансцендентных структур, и поставить в отдел двенадцать единиц электронно-измерительной аппаратуры производства компании «Сименс» в обмен на... На что в обмен, Лев Сергеевич?

— А что там сказано в договоре? — слабеющим голосом поинтересовался Сибирцев и натянул плед до кончика носа.

— Сказано: в обмен на консультативные услуги, вот так. Я, честно говоря, не понимаю этого, Лев Сергеевич. Вы же всегда ненавидели уфологов? Считали уфологию лженаукой? И вдруг вы заключаете контракт на поставку оборудования стоимостью десятки тысяч долларов — и с кем? С уфологами? И в обмен на что? На консультации?

Сибирцев поморщился и, казалось, сейчас заплачет, но вместо этого он миролюбиво сказал:

— Ах, Эдик, ты, в сущности, еще такой молодой человек. Ты успешный человек. Ты теперь москвич. Наверняка получаешь больше академика. А нам здесь каково было? Каково нам было, когда инфляция началась? Когда фонды урезали? Когда на самоокупаемость предложили перейти? Когда все наши молодые ученые, наши будущие светила в бизнес подались? Как было работать в такой обстановке? Вот и хватались как утопающие за соломинку. В аренду помещения сдавали. Конференции безумные проводили. Немцев пустили. Но ведь вытащили Институт! Живет он. Даже вот памятник нашим корифеям, знаменитым искателям, удалось поставить. Не видел еще? Сходи посмотри. Разве этого мало?

— Всё бы хорошо, — Шахмагонов был непреклонен, — но есть нюанс, вот так. В Москве всплыла большая партия черного тела. Очень большая. И это партия из нашего Института. Как получилось, Лев Сергеевич, что институтский антрацит попал в руки нелегальных перекупщиков?

— А как ты определяешь, что это институтский антрацит? — Сибирцев говорил всё тише, и Шахмагонову пришлось наклониться над ним, чтобы разобрать отдельные слова.

— Вы меня изумляете, Лев Сергеевич, — сказал Шахмагонов. — Вы же прекрасно знаете, что образцы черного тела, предназначенные для лабораторных исследований, имеют определенные габариты и обрабатываются по ГОСТу, вот так. Вам акт экспертизы показать? Вся эта партия обработана у нас. Точнее, не у нас, а у вас, в вашем отделе, вот так.

— Да, хотелось бы взглянуть на акт, — оживился Сибирцев.

Шахмагонов невозмутимо открыл «дипломат», достал папку, а из нее — ксерокопию акта. Сибирцев вытащил откуда-то из-под пледа очки, напялил их на нос и некоторое время изучал акт, по-стариковски шевеля губами.

— Всё верно, — подытожил он, возвращая копию. — И что теперь, Эдик? Потащишь своего старого больного учителя в кутузку?

— Ну зачем же такие ужасы? — Шахмагонов щелкнул замками на «дипломате». — Ни я, ни мое руководство в этом не заинтересованы, вот так. Мы хотим только знать, где находится остальной антрацит?

— А что, его тоже украли? — изобразил смятение Сибирцев.

— Вот не надо этого, — с брезгливостью попросил Шахмагонов. — Не надо спектаклей. Нет у вас давно в сейфах ни одного образца черного тела. Разве что в институтском музее еще парочка завалялась. Так что, Лев Сергеевич, будет лучше, если вы назовете имя посредника. Кто вел переговоры? Кто осуществлял выемку? Кто обеспечивал транспортировку? Подозреваю, что это был один и тот же человек. Сотрудник института. Иначе вы спалились бы еще на стадии выемки, вот так. Кто?

— Ах, Эдик, — Сибирцев повозился, устраиваясь на своем диване, и почти отвернулся от гостя, — а ты ведь прекрасный аналитик. Зря ты ушел из Института. Сейчас карьеру сделал бы...

— Кто?!

— А ты его, наверное, и не помнишь. Был такой Андрюша Тяглов. Он всё и сделал. А я болел тогда. Первый инфаркт — не шутка.

— Понятно, — сказал Шахмагонов, поднимаясь. — Спасибо за информацию, Лев Сергеевич. Я еще буду где-то около недели в городе. Обязательно заскочу, вот так. Желаю вам побыстрее поправиться.

— Спасибо, Эдик. Ты настоящий добрый ученик.

Ага, подумал Шахмагонов, а ты — старая облезлая, но всё еще хитрющая лиса, вот так. Сдал Тяглова с потрохами и даже не поморщился. Но, кстати, логично — Андрей всегда был склонен к авантюрам. Еще аспирантом отличился. Где же он теперь, интересно? Жил он, по-моему, на Таежной? Значит, надо ехать на Таежную, вот так.

Шахмагонов мог бы, конечно, позвонить в отдел информационного обеспечения Фонда и затребовать полную справку о Тяглове, но ЧИФ отнесся бы к такому шагу хоть и с пониманием, но снисходительно: старший консультант солидной организации, а без посторонней помощи не может решить простую проблему, даже как-то странно. Точного адреса Шахмагонов не знал, но был у Тяглова пару раз и надеялся, что визуальная память подскажет.

Ему повезло: несмотря на прошедшие годы, он узнал и дом, и подъезд, и даже балкончик, на который они с Андреем выходили вдохнуть напоенного ароматами летнего воздуха, приняв перед тем по двести, — были ведь времена!

Шахмагонов поднялся на нужный этаж, позвонил, но дверь ему открыл вовсе не Тяглов, а какой-то незнакомый мужик в желтоватой майке, обвисших трениках и шлепанцах на босу ногу.

— Андрей здесь живет? — спросил Шахмагонов.

— Не, — ответил мужик. — Он здесь давно не живет.

В глубине квартиры заплакал младенец.

— Кто там? — В коридор вышла заспанная и растрепанная женщина в халате. — Вы кто? — спросила она гостя.

— Я бывший коллега Андрея Тяглова... И друг. Мы учились вместе в Красноярске. Он ведь здесь когда-то жил?

Женщина окинула его изучающим взглядом. Похоже, она рассчитывала, что «друг» Тяглова будет выглядеть как-то иначе.

— Ищите его у «Стекляшки», — сказала она. — Знаете, где это?

— Знаю, конечно. — Шахмагонов кивнул и улыбнулся. — Спасибо.

Короткий разговор его озадачил. Что же такое случилось с Тягловым, если его следует искать у «Стекляшки»? Неужто спился бывший искатель и кооператор? Что ж, всякое бывает, конечно. Шахмагонов и не такое в своей жизни видел: целые зубры ломались при столкновении с жестокой правдой реальности.

Но и у «Стекляшки» Тяглова не обнаружилось. Хотя мороз заметно кусался, рядом с самым популярным магазином Ванавары толпились синяки и бомжы. Бутылки без этикеток ходили по кругу, а в качестве закуски использовались классические плавленые сырки. После агрессивно энергичной московской жизни неспешный ритуал алконавтов вызывал даже умиление.

Шахмагонов ввинтился в толпу и провел блиц-опрос. Оказалось, что Тяглова с утра видели, но потом его забрал какой-то «хмырь из газеты» и увез угощаться в «Миссисипи».

— На Привокзальную? — уточнил Шахмагонов.

— Ты чё, мужик? Они давно в центр переехали.

Шахмагонов отправился в указанном направлении. Ресторан «Миссисипи» действительно перебрался ближе к центру, заняв первый этаж красного кирпичного здания Дома творческих работников. При входе соорудили деревянную веранду — очевидно, летом сюда выставляли столики для клиентов.

Шахмагонов прошел внутрь, энергично потопал, сбивая налипший на ботинки снег, с интересом осмотрелся. И был приятно удивлен. Из грязного сарая ресторан превратился во вполне сносное заведение: с люстрами, диванами, большой барной стойкой. Клиентов было немного, и Шахмагонов сразу догадался, где искать Тяглова. Махнув метрдотелю, он заглянул в отгороженный декоративной решеткой кабинет. Вокруг стола за графином водки собрались четверо. Во главе,

на диване, сидел Андрей Тяглов — тощий, осунувшийся, с характерными мешками под глазами, но всё еще узнаваемый. Остальных Шахмагонов ранее не встречал.

— Добрый день, — сказал московский гость. — Я могу к вам присоединиться?

— Нельзя, — отрезал бородач в белом пушистом свитере, сидевший по правую руку от Тяглова. — Мы тут не развлекаемся, а работаем.

— Вот-вот, — поддержал его плюгавый очкарик в старом костюме с засаленными рукавами, сидевший рядом с бородачом. — Нечего тут...

Третий незнакомец, заметно отличавшийся от остальных наличием гривы светлых и кудрявых волос, спадавших на плечи, промолчал, но посмотрел так зло, что Шахмагонову было впору пойти и удавиться.

Эдуард не растерялся. Он придвинул свободный стул, твердо уселся на него и расстегнул пальто.

— Я угощаю, парни, — пообещал он. — Не гоните меня, пожалуйста. Я только что с поезда и хотел бы поговорить со старым другом. С Андреем Тягловым, вот так.

Андрей наконец-то поднял на Шахмагонова тяжелый мутноватый взгляд. Был он, очевидно, подшофе, что несколько меняло планы.

— Ты кто? — спросил Тяглов.

— Это я, Эдик Шахмагонов. Помнишь такого?

— А! Точно! — Тяглов повернулся к собутыльникам. — Друзья мои. Перед вами Эдик Шахмагонов. Большой комсомольский работник. Куда ты пропал, Эдик? Давно тебя видно не было.

— Я теперь в Москве, вот так, — сообщил Шахмагонов.

— О! — обрадовался Тяглов. — Давайте выпьем за столицу!

Компания потянулась к стопкам. Налили и Шахмагонову. Он понял, что вписался.

Познакомились. Быстро выяснилось, что здесь действительно идет рабочий процесс, а именно: белый и пушистый боро-

дач по имени Игорь является корреспондентом еженедельной газеты «Вестник аномальных явлений», планирует написать книгу о Тунгусском Космическом Теле и Кратере, а потому собирает для нее материал, интервьюируя искателей и бывших сотрудников Института. На столе появился кассетный диктофон, что очень не понравилось Шахмагонову, — он решил от реплик воздерживаться и просто наблюдать за компанией.

— Я тут слышал, — говорил Игорь, — если антрацит весь в Кратере собрать, то чуть ли не конец света случится. Это правда?

— Может, и правда. — Тяглов пожал плечами, катая опустевшую стопку по столешнице. — Никто не знает, что произойдет...

— А откуда тогда уши торчат?

— Есть такая теория вариационного движителя. Академик Гильзин ее выдвинул. В шестидесятые. Тебе это точно нужно для книги?

— Чем больше информации, тем лучше, — уверенно заявил журналист.

— Ну смотри, — предупредил Тяглов. — Это довольно сложно. Короче, когда выяснили, что Тунгусское Тело — космический корабль, начали думать, как он двигался в пространстве. Сразу стало ясно, что известный нам реактивный принцип не подходит. Тогда нашли бы дюзы, емкости для хранения топлива. Предположили, что двигатель был атомным. Тоже не сходилось. Радиоактивный фон в Кратере не выделяется, он даже чуть ниже среднего по области. Потом из Кратера потащили антрацит, который демонстрировал очень странные характеристики. Если по-простому, то свойства антрацита таковы, что он мог сформироваться только во вселенной с иными физическими константами. Там даже скорость света другая. Но самое интересное, что обломки антрацита пребывают одновременно в двух вселенных: и здесь, и там.

— Как это? — изумился Игорь.

— Обычное дело. — Тяглов усмехнулся, но без веселья, устало. — Ты в курсе, что наша Вселенная имеет одиннад-

цать измерений? В рамках этих измерений в одном и том же объеме пространства может существовать бесконечное количество вселенных с разными физическими константами. Альтернативные миры, короче. И вот академик Гильзин предположил, что создатели Тунгусского Тела научились делать вариационный движитель. Фантастическое устройство. Оно изменяет структуру пространства-времени вокруг себя таким образом, чтобы получить константы, выгодные для быстрой транспортировки объектов.

— Здорово! — оценил Игорь. — Я даже понял. А какое отношение это имеет к концу света?

— Я еще не закончил. Теория Гильзина стала популярной. Но натолкнулась на серьезное препятствие. Никто не мог найти предсказанный теорией сверхчистый антрацит.

Шахмагонов остался невозмутим, хотя сердце его екнуло. Похоже, несмотря на свой образ жизни, Тяглов всё еще в деле.

— А что это такое? — спросил любознательный Игорь.

— Согласно теории, должен существовать сверхчистый антрацит, все свойства которого соответствуют параметрам той вселенной, откуда прибыл корабль. Из него должна была складываться главная ось корабля. А сам он походил на огромное веретено...

— Подожди, Андрюха, — встрял в разговор очкарик, которого звали Егор и который на поверку оказался театральным критиком. — Но ведь антрацитом весь Кратер завален, разве нет?

— Гильзин подсчитал, что простого антрацита в Кратере должно быть около тридцати тонн, а сверхчистого — десять тонн. То есть каждый четвертый обломок антрацита должен быть сверхчистым. Но такого не наблюдается. Поэтому теория Гильзина отвергнута прогрессивной наукой.

— Мне бы про конец света услышать, — напомнил Игорь.

Тяглов требовательно постучал стопкой. Ему тут же налили. Он выпил жадно, без тоста, занюхал рукавом.

— Гильзин утверждал, что вариационный движитель не мог работать без сочетания обычного и сверхчистого антра-

цита. Как бы вам попроще?.. Ну представьте себе электрогенератор. Для нормальной работы ему нужны ротор и статор. Вытащите ротор из статора, и они превратятся в бессмысленные куски железа. Тут точно так же. Обычный антрацит — статор, сверхчистый — ротор. И тот, и другой антрациты обладают свойством коалесценции. Они сливаются. При этом воссоздается внутренняя структура Оси. Теоретически, если собрать весь антрацит, Ось Гильзина восстановится, и тогда... — Тяглов замолчал и уставился на графин с водкой.

— Что — тогда?! — возопила компания.

— Э-э-э...

Тяглов замешкался, а Шахмагонов напрягся: ему почему-то показалось, что сейчас произойдет нечто важное. Но ничего не произошло.

Андрей вздохнул и попросил искательно:

— А может, еще по пятьдесят тяпнем?

Господи, подумал Шахмагонов, а ведь старость ни при чем. Сибирцев действительно стар, но Тяглов — моего возраста. А выглядит как совершенно опустившаяся личность. Ведь он был один из самых энергичных в отделе, вкалывал по-настоящему, стал предпринимателем, когда разрешили. А теперь кто он такой? Завсегдатай «Стекляшки», водочный консультант уфологической газеты — тьфу, мерзость! Лишним может стать каждый, ребята. И с этим придется смириться. Жаль? Нет, не жаль. Потому что если рубишь лес, не стоит печалиться о щепках, вот так. А рубить надо. Чтобы мозги ваши поменять. Чтобы совок вытравить из каждого. Чтобы и думать забыли о мифических благах, а шевелиться начали. Чтобы боялись не начальственного окрика, а судьбы щепки, вот так.

— Предлагаю выпить за науку! — оживился кудрявый, оказавшийся профессиональным художником со странным именем Леголас. — Ибо она не дает нам разувериться в чудесах!

Выпили за науку. Водка в графине закончилась, и Шахмагонов, как и обещал, заказал еще один и «что-нибудь поесть».

— Про чудеса не надо! — отдышавшись, сказал Тяглов. — Вот только не про чудеса. Мы, ученые, чудес не признаем. Мы любое чудо, значит, препарируем. И ставим чудо на службу человечеству. После чего оно чудом быть перестает... О чем это я?..

— Про конец света! — дружно напомнила компания.

— А! Ну да... — спохватился Тяглов. — Объясняю, и Эдик не даст соврать, что никто на самом деле не знает, какая фигня произойдет, если на Земле заработает Ось Гильзина. Может, она вообще не заработает, а взорвется. Да-да, это одно из возможных объяснений Тунгусской катастрофы. Лачевский, кажется, об этом писал. Внутреннюю структуру корабля можно реконструировать на основе предположения, что физические законы нашей Вселенной разительно отличаются от законов вселенной уродов — настолько разительно, что это вызвало взрывообразное разрушение Тунгусского Тела. Вот и будет вам конец света... А может быть и по-другому... — Андрей снова замолчал.

— Есть версии? — возбудился Игорь и передвинул диктофон поближе к Тяглову.

— Есть, — Тяглов совсем поскучнел. — Частные предположения. Например, вариационность допускает небольшие сдвиги в пространстве-времени. Наверное, Ось дает возможность сдвигать нас, всю нашу Землю или какой-то ее участок, назад во времени. Или вперед. Или позволит вообще изменить нашу реальность. Только мы этого не заметим.

— Что значит «изменить реальность»? И почему не заметим?

— Ну допустим, ты, Игорек, обнаружишь, что снова спишь с Олькой, а Марту и в глаза не видел.

Компания громко заржала. Шахмагонов вежливо улыбнулся шутке и, конечно, догадался, на какие обстоятельства личной жизни Игоря намекает Тяглов.

— Но это всё ерунда, — поправился Андрей. — Гипотезы. Мы ведь знаем, что сверхчистого тела не бывает.

Шахмагонов отметил про себя, что Тяглов выделил глумливой интонацией глагол «знаем». Но Андрея, похоже, пробило на разговор, и он понес уже сущую околесицу. М-да, плотное общение с уфологическими изданиями до добра не доведет. Вот так.

— Кроме того, — продолжал Тяглов, — чтобы управлять вариантами, генерируемые движителем, нужна воля. А Урод мертв. Без Урода ничего не получится.

— А Урод был? — удивился Игорь. — Мне рассказывали, что Урода никакого не существует. И Тунгусское Тело — это зонд.

Тяглов рассеянно осмотрелся вокруг, будто кого-то искал, потом снова сосредоточился на стопке.

— Был Урод, — сказал он твердо. — Был точно. Без него нельзя. И нам нельзя. Он хотя бы знал направление... А мы не знаем ни черта...

Всё, поплыл, подумал Шахмагонов. Логично было бы встать и уйти, но Тяглов оставался единственной ниточкой к партии черного тела, и ЧИФ такое поведение своего консультанта не оценил бы. Точнее, оценил бы, но на «двоечку».

— Так-так-так, — возбужденно сказал журналист Игорь. — Урод, воля, варианты реальности. Это же здорово! Ты не понимаешь разве, Андрюха? Если сложить один к одному, то получается, что твоя Ось — машина абсолютной власти!

— Ну ты, Игореха, загнул! — не сдержался театральный критик Егор.

— Это же тема! — радовался вдохновленный Игорь. — Машина власти! Самое то! Так и назову книгу. «Машина власти», — повторял он на разные лады. — Народу понравится! Давайте выпьем. За правильную тему!

— Всё это зряшно, — сказал художник Леголас, когда все выпили и закусили салатом «Цезарь». — Машина власти? Ну да, народу понравится. Народ власть не любит, но охотно поклоняется. Ибо где-то в глубине души каждый мечтает в эту власть влезть без мыла. Но разве для того нас рожали, чтобы власти поклоняться? И вообще это как-то очень страшно зву-

чит. Абсолютная власть. Вот я, например, свободный человек. И люблю свободу... А тут получается как-то уж совсем бесчестно. Бесчеловечно. Безнадежно. И обидно. Кто-то реальность так повернет, что я опять несвободным стану. А главное — и подозревать не буду, что несвободен. И радоваться буду, как мне хорошо в этой несвободе живется...

— Всё это философия, — заявил театральный критик Егор, поправляя сползающие очки. — Дурная, как любая философия. Нет и не может быть абсолютной власти. Как нет и не может быть абсолютной свободы. Всё определяют границы воображения. Для кого-то и ты, весь из себя художник-экспрессионист, недостаточно свободен. А из-за ограниченности воображения ваша пресловутая машина власти будет работать криво. Ну скажем, один считает, что мир правильно устроен, когда вокруг много водки и голых баб, а другой, наоборот, уверен, что идеалом может служить только аскетичный образ жизни, пост и постриг. И оба, заметьте, по-своему правы — и тот стиль поведения, и другой востребованы современной цивилизацией. Но дайте гуляке или аскету абсолютную власть, и... вы не узнаете нашу цивилизацию!

Трендят, подумал Шахмагонов неприязненно. Опять трендят. Да, это мы умеем — трендеть. Будто бы занятий получше нет. Ну конечно, у каждого масса идей, каждый знает, как нам обустроить Россию, надо потрендеть. Потому что удобно болтологией заниматься, о свободе-несвободе рассуждать, когда за тебя кто-то другой проблемы решает. Кто обеспечивает вам эту свободу, задумались хоть раз? Кто эти люди, которые не дают свободе обернуться кровавым хаосом? А если задумывались, то наверняка презрительно выпячивали губу: только грубые тупые мужланы служат прогнившему режиму клептократов — где им понять утонченность ваших натур? А они и понимать не будут. Потому что не вас они защищают от вашей свободы, которую вы путаете со вседозволенностью, а будущее, о котором вы и думать боитесь, вот так...

— Невесело всё это звучит, — покачал головой Леголас. — Где же тогда выход?

— Откуда и куда выход-то? — со смешком спросил Егор. — Вот что прежде всего понять надо. Откуда и куда. А не ломиться в запертые двери, набивая себе кровавые шишки. Может, хватит экспериментов? Народ не жалеете, хоть себя пожалейте.

— Так если идеи нет, то и будут шишки, — заметил журналист Игорь. — Должна же быть какая-то идея, которая всех сцементирует. И поведет.

— Откуда и куда поведет? — повторился Егор. — В светлое будущее? В царствие небесное? На землю обетованную? Было уже, проходили. А идея на самом деле есть. Универсальная. На все случаи жизни.

— Какая идея? — поднял голову Тяглов.

— А такая, — не заставил себя упрашивать театральный критик. — Есть малые народы, а есть большие. Исторически так сложилось. Малому народу достаточно просто жить себе на Земле и наслаждаться жизнью. Большой народ себе этого позволить не может. Слишком много людей, слишком много жаждущих славы, в том числе и посмертной. И всегда большой народ будет стремиться создать нечто величественное. Что-то такое, что переживет всех. Что-то такое, что будет привлекать внимание людей через тысячу или даже две тысячи лет. Как вы думаете, зачем древние построили такое количество пирамид? И ведь не только египтяне строили, а все подряд. Зачем? Археологи скажут, что это были ритуальные сооружения жречества. Уфологи скажут, что это памятники инопланетянам. А по мне, люди строили пирамиды, чтобы быть уверенными: нас не забудут. Никто не вечен. Жизнь скоротечна. Неужели так и пройдет от рождения до гроба в мелочной суете? Что останется после нас? Что не даст нам сгинуть во времени? Как сообщить будущему, что мы жили на этой планете? У каждого большого народа должна быть своя пирамида. И чем она величественнее, тем лучше. Большее внимание привлечет. У нас такая пирамида была, но сейчас она рассыпается. Надеюсь, рассыплется не до конца. Но в любом случае она нас переживет...

— Советский Союз, что ли, твоя пирамида? — с ехидцей подначил Игорь.

— Мимо, — отозвался Егор. — Наука была нашей пирамидой. Мы создали другую науку, отличную от той, которую породила Европа. Науку простых решений. Науку, сумевшую запустить спутник. Науку, взорвавшую атом. Науку, заглянувшую за измерения. Да, у нас мало нобелевских лауреатов, но это не значит, что мы хуже других, просто признание и справедливость часто расходятся друг с другом. Главным «чудом света» СССР была наука! Поэтому я преклоняюсь перед учеными, перед тобой, Андрей. Вам казалось, что вы удовлетворяете личное любопытство за государственный счет, а на самом деле вы созидали эпоху. И только благодаря вам нас всех, сирых и убогих, будут помнить даже в те времена, когда России не останется.

— Ага, — поддакнул Игорь, — как помнят арабских астрономов.

— Примерно так, — подтвердил Егор снисходительно. — Арабские астрономы назвали небо, а мы сделали его жилым.

— Иллюзии, — очень тихо и очень мрачно сказал Тяглов. — Ничего вы, дилетанты, не понимаете. Но иллюзии для собственного успокоения придумывать горазды. Сдохла наука. Еще до нашего рождения сдохла. Подергивается только. Гальванизируемый труп. Кто такой настоящий ученый? Думаете тот, кто с умным видом с кафедры вещает? Нет, настоящий ученый был Гильзин. Он мог и с кафедры повещать, а потом снять пиджак и пойти к станку. Или в Кратер. Так и двигают науку на самом деле. А мои, с позволения сказать, преподаватели настоящими учеными уже не были. Только и могли, что теориями заниматься, пустые статьи клепать. Чтобы руки испачкать, ни-ни. Так и сдохла наука.

— Никто и не отрицает, что всё плохо, — сказал Егор. — Знаю я, что в Институте делается. Сам здесь живу. С вами. Но есть ведь еще ученые. Есть настоящие искатели. Такие, как ты.

— Никакой я не ученый, — отозвался Тяглов. — И не искатель. Нечего тут обсуждать. Давайте лучше выпьем. Не чокаясь. Помянем египтян с их пирамидами!

Компания просидела в «Миссисипи» до вечера. Андрей хмелел на глазах, а Шахмагонов всё не мог улучить минутку и без свидетелей допросить бывшего коллегу. К Тунгусскому Телу не возвращались. Обсуждали всякую ерунду, но в конце концов начали расходиться. Первыми, покачиваясь и поддерживая друг друга, ушли критик Егор и художник Леголас. Через некоторое время вдруг озабоченно засобирался журналист Игорь. Чтобы Тяглов не надумал уйти с ним, Шахмагонов купил еще графинчик. Сам он чувствовал себя хотя и навеселе, но вполне адекватным — поскольку старался за народом не гнать.

Попрощавшись с журналистом, Эдуард перебрался на диван, поближе к Тяглову.

— Ты где обитаешь-то сейчас, Андрюха?

Тяглов посмотрел на него, не узнавая, но ответил:

— Да я всего полгода из колонии откинулся. Жена развелась заочно. По друзьям слоняюсь. У тебя можно переночевать?

Это был подарок судьбы.

— Конечно! — обрадовался Шахмагонов. — Поехали в гостиницу. У меня номер «люкс». По дороге возьмем и еще квакнем, вот так.

Он расплатился с официантом и вызвал такси. Чтобы Тяглов не заснул, Шахмагонов спросил у него:

— Так ты сидел, оказывается? За что, если не секрет?

— За чистосердечное признание, — ответил Тяглов. — Сам на себя всё написал. И сам во всём раскаялся. Так что суд проявил снисхождение. И жил я вполне сносно. В поселении. Зэка настоящих и не видел почти.

Шахмагонов насторожился:

— А в чем ты признался?

— В незаконном искательстве. В выносе артефактов. Еще сто девяносто первую пытались шить. Но тут я уперся рогом. Иначе светило совсем не по-детски.

Шахмагонов вздохнул с облегчением, но развивать тему пока не стал.

До гостиничного номера Тяглов добрался вполне нормально, а потом вдруг взъярился.

— Ты куда меня привел?! — пьяно заорал он на изумленного Шахмагонова. — Ты здесь был?! Ты чё, сука, задумал?!

Потом Тяглов разом обмяк, сел в кресло и натуральным образом разрыдался. Плакал он по-мужски неумело, размазывая слезы по лицу и подвывая.

— За что они их? — вопрошал Андрей в пространство. — За что? Они дураки были. Дураки. Обыкновенные дураки. Но ведь добра хотели. Для всех хотели, не для себя. Говорили, есть у нас в космосе друзья. И они нам помогут, если будет совсем плохо. Плохо нам, плохо. А друзей всё не видно. Нет никаких космических друзей и доброжелателей. Так что и смерть ваша ничего не изменила. Не могла изменить. Всё забрали, всё. Ничего не осталось. Ни модели, ничего. Пустота...

Тяглов закрыл лицо руками, и некоторое время плечи его сотрясались. Потом он успокоился и поднял глаза на Шахмагонова.

— Чего стоишь? Наливай!

Шахмагонов быстро открыл бутылку и наплескал водку в грязноватый гостиничный стакан. Тяглов застыл над стаканом и спросил твердо, словно трезвый:

— Чего тебе надо от меня, Эдик?

Шахмагонов понял, что настал момент истины. Если упустить его, Тяглов уйдет в глухую несознанку, и тогда правду из него клещами не вытащишь. Ведь чего с него взять? Опустившаяся личность. Имущества нет. Родственников нет. После отсидки. Жена развелась и, похоже, нашла свою настоящую половину.

— Из Института утек весь запас черного тела, — быстро сказал Шахмагонов. — По заданию правительства я разыскиваю его. Сибирцев утверждает, что изъятием антрацита занимался ты, вот так. Это правда?

Тяглов аж вскинулся.

— Ну, сука! — снова заорал он, потрясая воздетыми к потолку кулаками. — Всё простить не можешь, тварь?! Порву на тряпки падлу!

И снова весь запал вышел из него в одно мгновение, как воздух из проколотого шарика. Тяглов сел, глотнул водки и сказал севшим голосом:

— Врет твой академик. Я тогда старался под началом Хозы. Не до того мне было. Если кто и знает, куда запас ушел, то сам Хоза. К нему обращайся. Я не при делах...

— Всё понял, — сказал Шахмагонов. — Спасибо, Андрей.

— Можно я посплю? — рассеянно попросил Тяглов.

— Конечно, спи, — охотно разрешил Шахмагонов. — В соседней комнате есть кровать.

Тяглов, тяжело ступая, перешел, лег в одежде и ботинках на покрывало и через минуту уже храпел.

Шахмагонов спрятал початую бутылку в холодильник и постоял, соображая. Время было позднее, почти восемь часов, однако Хоза, если не в отъезде, должен находиться в офисе. Тянуть до утра не имело смысла, по Ванаваре наверняка поползти слухи о приезде московского гостя, а Хозу надо брать «тепленьким». И Шахмагонов отправился на Заимку.

Хотя стемнело, половина фонарей не работала, а вдоль дороги на Заимке лежали непролазные сугробы, Эдуард почти сразу нашел здание бывшей санэпидстанции. Его нынче украшало огромное светящееся табло с надписью «ООО “Искра-Модерн”». Ворота были заперты на замок, а по территории молча бегали большие черные собаки. Пришлось Шахмагонову поплясать на снегу в ожидании, пока охрана проснется и соизволит пустить его внутрь.

Ворота ему открыл бугай, лицо которого показалось Шахмагонову смутно знакомым. Московский гость напряг память:

— Дядя Гриша? Ты ли это?

— А ты кто? — не узнал Шахмагонова бывший хранитель багажного отделения.

— Да ты меня и не помнишь, наверное, — наигранно засмеялся Эдуард. — Вот моя визитка. Мне нужно срочно переговорить с Хасаном Сулеймановичем.

И снова пришлось подождать. Пока дядя Гриша ходил выяснять, готов ли Хоза к приему визитеров, Шахмагонов размышлял, что же должно было случиться в Ванаваре, если бывший милиционер сделался вдруг охранником у криминального авторитета. В Москве, конечно, и не такое встретишь, но Ванавара?.. Похоже, сюда доползла не только сотовая связь.

— Проходи, — пригласил дядя Гриша.

Шахмагонов поднялся на второй этаж. Хоза встретил его гостеприимно, с улыбкой. На нем был белоснежный и безупречно сидящий костюм от кутюр. И вообще он выглядел как современный преуспевающий бизнесмен.

— Проходи, друг, садись. Хоть ты и припозднился, но всё равно страшно рад тебя видеть. Как там в Москве?

Шахмагонов уселся и с иронией посмотрел на Хозу:

— Нормально в Москве.

— Я хотел у тебя спросить как старый друг у старого друга, — начал Хоза. — У нас тут ходят слухи, будто бы к лету рубль сильно упадет. Что говорят в столице?

— Может, упадет. Может, не упадет, — ушел от прямого ответа Шахмагонов. — В любом случае бабки лучше держать в баксах, вот так.

— Спасибо за совет, старый друг. — Хоза, не вставая, чуть поклонился.

— Тебе привет от Майрбека, — сказал Шахмагонов.

Улыбка на лице Хозы застыла.

— Что просил передать Майрбек? — с напряжением в голосе спросил он.

— Я же говорю: привет. И вопрос. Почему он ничего не знает о трехстах килограммах институтского антрацита?

Хоза не смог усидеть на месте. Он встал и прошелся по кабинету. Остановился вполоборота у застекленного стеллажа, в котором хранились кругляши черного тела с наклеенными

на них маленькими ярлычками, информирующими любознательного посетителя, где и когда был добыт тот или иной образец. Шахмагонов понял, что попал в точку.

— Зачем Майрбеку антрацит? — Вопрос с учетом ситуации прозвучал, пожалуй, резковато. — Он никогда им не интересовался.

— Теперь интересуется. В Москве многое изменилось, Хасан Сулейманович. А скоро изменится еще больше. И война не закончилась. Братья считают, что антрацит лучше золота. Ведь за презренный металл нельзя купить изотопы, а за антрацит — можно. Есть предложения, вот так.

Хорошо было видно, как Хозу корежит. Но Шахмагонов плевать хотел на чувства уголовника — его интересовали только каналы сбыта. ЧИФ был бы в восторге от комбинации, которую, между прочим, старшему консультанту удалось придумать за пять минут и буквально на пустом месте. Орден я, конечно, не получу, подумал Шахмагонов, но благодарность в приказе и премиальные — без вопросов. Он уже предвкушал, как придет в кабинет к ЧИФу и доложит результаты, и как ЧИФ сначала внимательно выслушает, а потом откроет сейф, вытащит пузатую бутылку старого дорогого коньяка и скажет: «За победу, камрад!» Всё-таки, несмотря на гнусь и грязь, в нашей жизни есть приятные моменты. И всегда будут, потому что...

Додумать мысль Шахмагонов не успел. Дверь распахнулась от сильного удара, почти слетела с петель, и в кабинет ввалились четверо в пятнистых комбинезонах и черных шапках-масках, натянутых на лица.

— Оставаться на местах! — рявкнул басовитый голос. — Работает ОМОН!

В один момент Шахмагонова подхватили сильные руки, поставили раком и обыскали.

— Этот чист...

— Ага, а тут у нас что? Ствол! Одна единица. Незаконное хранение оружия.

— Почему же незаконное? — пытался возражать Хоза. — Вполне законное. У меня разрешение есть.

— Молчать!

Следом за омоновцами в кабинет проникли двое в штатском. Оперативники, что ли? Шахмагонов посмотрел на них искоса и похолодел.

— Хасан Сулейманович Гваришвили, — громко отчеканил один из оперативников. — Вы арестованы по обвинению в убийстве граждан Стрижакова и Локтя. Вот ордер.

Криминальный авторитет вяло усмехнулся и выставил руки перед собой. Оперативник защелкнул браслеты наручников и под руку повел Хозу на выход. Арестованный не сопротивлялся.

— Смотрите, какие люди! — К Шахмагонову шел старый знакомец Никита Луньков. — Оставьте нас, — приказал он омоновцам. — Там, внизу дел полно.

Люди в камуфляже без звука один за другим покинули кабинет. Луньков плотно прикрыл за ними дверь и вернулся к столу.

— Ну что, Светлана, поговорим? — спросил он.

Шахмагонова передернуло. «Светлана»? Да, Светлана. Всё было ясно.

Старший консультант снова уселся в кресло и ответил:

— Давайте поговорим... товарищ Луньков.

4. Андрей Михайлович Тяглов, 45 лет, холост, безработный

В Кратер вошли на заре. Через второй блокпост внутренних войск.

Шлагбаум им открыл хмурый майор, при виде которого Тяглов встрепенулся:

— Это же Пименов!

— Точно, — отозвался Луньков. — Он самый. Тянет лямку боец.

— Не понимаю, — признался Тяглов. — Ты до подполковника дослужился, а он по-прежнему майор.

— Принципиальный чересчур. — Луньков осклабился. — Чуть мэра за решетку не засадил. Вот и служит теперь на Валу. Самое место — для принципиальных.

— Понятно, — пробормотал Андрей без всякого воодушевления.

Походную колонну Тяглов сформировал следующим образом. Впереди поставил пять «Синих птиц», то бишь грузовых автомобилей-амфибий повышенной проходимости «ЗиЛ-4906», затаренных черным телом по крышу кузова. Каждому водителю определил номер в порядке убывания, себя по привычке назначив первым. За «птицами» шел самоходный двадцатитонный кран «Crevo 200 EXC», созданный японскими конструкторами специально для работы на стесненных площадках и способный в случае чего форсировать среднюю по ширине речку. Замыкала шествие серийная полноприводная амфибия «Dutton S2», построенная на основе джипа «Сузуки». За ее руль сел подполковник Луньков, а сам Тяглов разместился на заднем сиденье, положив на колени ноутбук из линейки «Thinkpad» в титановом корпусе. Для связи между машинами использовались радиотелефоны ближнего радиуса действия с встроенными шифраторами разговора, мобильные телефоны отключили — Луньков подстраховывался, опасаясь перехвата.

Чем хорош Главный научный тракт? Прежде всего, тем, что это накатанная грунтовка, по которой в сухую погоду можно ехать, как по шоссе. Еще один немаловажный плюс — тракт и его обочины хорошо провешены, стоят желтые и красные указатели. Посмотрите направо: здесь имеет место супербарическая аномалия. Посмотрите налево: здесь имеет место субтермическая аномалия. Правда, интересно? От нестационарных аномалий тракт и указатели, разумеется, спасти не могут, но для этого здесь был он, Тяглов. И его модель.

— До отметки «сороковой километр» идем по тракту, — распорядился Андрей. — Держите дистанцию и скорость.

— Там точно всё чисто? — спросил Луньков.

Как вошли в Кратер, подполковник занервничал. Что понятно — всё-таки это был его первый поход за Вал. И последний.

— Трясешься, Никита? — не удержался от злорадной колкости Тяглов. — Не трясись. Доберемся без проблем.

Он взглянул на экран ноутбука. Там отображалась подробная карта местности, на которую программа выводила метки аномалий. Когда-то о подобном Андрей мог только мечтать...

Тяглов вспомнил, как впервые услышал от Лунькова, что универсальную физико-математическую модель Кратера удалось спасти. Что старенькая «тройка» со всем содержимым досталась экспертам ФСБ, но они так и не сумели разобраться в модели и в принципах формирования базы данных.

Сначала Андрей пришел в ярость. Накричал на Лунькова. «Дрын — твой стукач? И как ты его называл? Синди Кроуфорд?» Но Луньков сумел оправдаться. Объяснил, что фраера сгубила жадность. Оказывается, Бориска Дрын накупил акций МММ, заняв денег у пацанов Хозы, и прогорел, конечно. Чтобы вернуть долг, заметался, распродавая всё, что плохо на его вентиляторном заводе лежало. Продал и ноутбук. И ведь счастье на самом деле, что машинка досталась знающему человеку, и он не стал сразу форматировать жесткий диск, а проявил любопытство к содержимому.

Потом Андрей успокоился и не без иронии поинтересовался, почему хваленые эксперты госбезопасности не сумели разобраться в матмодели. «Там у тебя как-то всё накручено-перекручено, — признался Луньков. — Код не оптимизирован. Исходников нет. А стандарты программирования изменились, знаешь ли». — «Знаю-знаю, — сказал на это Тяглов. — Все пишут на Выжил-Бейсик. Совсем утратили культуру программирования!» Но в итоге он и сам провозился с программой больше двух лет, адаптируя ее под новые операционные системы. Что-то он за время отсидки успел прочно забыть, что-то оказалось утеряно навсегда. Так, рабочие материалы Барковича, несмотря на все усилия сослуживцев Лунькова, отыскать не удалось, и в итоге модель апериодических де-

формаций пришлось вставлять в изначальном виде, снабдив громоздкой программной надстройкой и эмулятором. Усилия окупились: теперь не надо было расшифровывать результат — он в явном виде накладывался на электронную карту.

Тяглов думал, что Луньков с коллегами печется о научном поиске, о том, чтобы у искателей Института аномальной физики был идеальный инструмент для выживания в Кратере. Однако довольно быстро выяснилось, что у подполковника другие планы.

Они заговорили об этом во время ужина в московском ресторане поблизости от ВДНХ.

«Твоя модель нужна для того, чтобы пройти к Скучной Деревне», — заявил тогда Луньков.

«Зачем? — удивился Тяглов. — Вам понадобилась Ось?»

«Да, мы собираемся изъять Ось, — признал подполковник. — Ведь это оружие, Андрей. Может быть, самое сильное оружие на планете. Пострашнее атомной бомбы. Если мы не изымем Ось, это сделают... другие».

«Кто это мы?»

«Патриоты России, разумеется».

«Понятно. — Тяглов хмыкнул. — И как вы собираетесь изымать ее, патриоты России? По кусочку отколупывать будете? Потом провозить через кордоны? И думаете, никто не заметит? В Ванаваре сейчас агентуры больше, чем жителей».

«Вот поэтому нам нужна трасса для тяжелой техники. И ты нам ее организуешь».

«Ты на самом деле веришь в эту бодягу? В то, что Ось — машина власти?»

«Я могу верить, а могу не верить. Главное, верят те, кто старше и опытнее меня».

После того разговора Тяглов записался в частный стрелковый клуб...

Изъять Ось. К такому походу они и готовились. Но пять дней назад всё изменилось. Руководство Лунькова сняли поголовно, кто-то там даже наложил на себя руки, и подполковник решил действовать прямо сейчас, чувствуя, наверное, что

скоро придет и его черед. Он придумал оригинальную схему: не изымать Ось, а восстановить ее на месте, завезя в Кратер весь собранный по крупицам антрацит. Экзотический транспорт Луньков добыл по каким-то одному ему известным каналам, а водителями взял подчиненных офицеров.

Когда Тяглов воспротивился самодеятельности, ему было прямо сказано: «Не рыпайся, Андрей, мы оба вляпались в дерьмо по самые уши. Не отмоешься. Надо рискнуть. Пан или пропал. Победителей не судят!»

И вот теперь они направлялись в Кратер, к Скучной Деревне, в надежде, что сделали правильный выбор. И только Тяглов из всей компании знал: надежды нет, потому что пройти к Оси со стороны Главного научного тракта нельзя. Точнее, можно, но без тяжелой техники.

— Как там? — спросил Луньков, напряженно следивший за дорогой.

— Всё нормально, — отозвался Тяглов. — Если модель не врет, то проход чист.

— А она может врать?

— Вообще-то мы ее сто раз поверяли на местности, если ты забыл. Но вероятность ошибки всегда присутствует. Всё-таки модель — это только приблизительное описание реального объекта. А вдруг мы попадем в зону «промаха»?

— И что тогда?

— Тогда гробанемся, накроемся медным тазом, откинем копыта, склеим ласты — выбирай, что нравится.

— Мне это совсем не нравится, — сообщил Луньков и нервно зевнул.

А ведь он по-настоящему боится, подумал Тяглов. Не такой уж вы крутой, товарищ подполковник, как прикидывались. Еще один бзик интеллигенции — придумали себе образ мужественных охранителей, настоящих патриотов, бесстрашных бойцов невидимого фронта, которые всё знают, всё ведают и оберегают нас от напастей внешнего мира. «Семнадцать мгновений весны», «Мертвый сезон», «ТАСС уполномочен

заявить». Иллюзия. Никакие они не охранители. Для них вы всегда были терпилами — разменными пешками на доске межведомственных интриг. На самом-то деле они только интриговать и умеют: подсиживать и прессовать, вербовать и перевербовывать, сливать и опускать. Цинизм, возведенный в принцип, вот их кредо. На основе которого, между прочим, формируется образ жизни. Для них ни наука ваша, ни культура не представляют самостоятельной ценности. Для них это инструменты по укреплению власти. И если ты хочешь заниматься настоящей наукой сегодня, то изволь, падло, сначала товарищам подполковникам объяснить, какой они с этого гешефт иметь будут. И если не будут, то какой смысл в твоей науке?.. Как же я их всех ненавижу!..

— Я много лет с тобой работаю, — сказал Луньков, — но так и не спросил, что тебя в искатели привело?

— Молодой был, — ответил Тяглов. — Глупый. Романтики хотелось. Подумать только: американцы на Луну летают, чтобы до других планет добраться, а у нас другая планета здесь, под боком. И позагадочнее Луны будет. В Ванавару многие тогда рвались. И далеко не всем посчастливилось. А может, наоборот, как раз тем, кто сюда не попал, и посчастливилось.

— Разочарован?

— Не то слово. Быстро понял, что и здесь то же самое, как везде. Такая же тоска. Такой же бардак. Поэтому из отдела ушел при первой возможности. Надоело.

— Не могу понять, как тебе всё-таки удалось сделать модель Кратера? Почему никто из твоих коллег до этого не додумался?

— Потому что все мы узкие специалисты. Бич современной науки — узкая специализация. Всё лежало на поверхности, но этого никто не захотел увидеть. Лишнюю работу на себя брать не привыкли. За нее премию не дадут, а вот покритиковать, выкатить на защите «черный шар» — всегда пожалуйста.

— А ты почему взял?

— Потому что злость одолевала. На начальство институтское. Хотелось доказать, что я их умнее. Тоже глупость, конечно.

— А как материалы добывал?

— По-разному. У Барковича проходил стажировку. Лачевскому оформлял докторскую диссертацию. С Федоровым делал совместный доклад на ежегодной конференции. А графики Садовникова просто украл.

— Взял и украл? — Луньков недоверчиво хохотнул.

— Взял и украл, — подтвердил Тяглов. — И мне даже не стыдно. Он потом всё равно в Америку эмигрировал. Зачем ему там графики трансмутаций?.. Ты даже себе представить не можешь, какой азарт меня охватил, когда я понял, что все эти теории сочетаются через элементарную функцию. Нужно было только не вникать, а прямо подставлять текущие значения в переменные. Когда первый раз обсчитал северный край Вала и увидел знакомые аномалии на своих местах, меня затрясло всего. Думал, вот сейчас переверну мир. Они по наитию в Кратер ходят, гайки с болтами кидают, гробятся там ежедневно, а я буду как умный ходить — по карте.

— Да-а-а, — протянул Луньков, — для меня это дремучий лес.

Наконец справа показался аккуратный столбик с надписью «40».

— Всем номерам — стоп! — скомандовал Тяглов в радиотелефон.

Он вылез из амфибии и осмотрелся. Всё-таки Кратер пугал даже его — опытного искателя. Ватная тишина, не нарушаемая перекличкой птиц или звоном насекомых, всегда вызывала безотчетную тревогу. Тяглов ступил на обочину, подышал полной грудью, как перед нырком в воду. Посмотрел направо — туда, где вздымалась зеленым горбом гора Фаррингтона. Посмотрел налево. Без труда различил легкое дрожание воздуха в тридцати метрах от тракта, между высоких стволов лиственниц — там притаилась молодая скороварка, появление которой предсказала модель. Потом вернулся и снова уселся за ноутбук. Начиналась настоящая работа.

— Номер семь, правая рука, на малой скорости сходи с тракта. Номер шесть, делай как седьмой. Держи дистанцию.

С картой было легко. Время от времени Тяглов приказывал колонне остановиться, проводил процедуру привязки к местности и давал новые ориентиры водителям. Луньков больше помалкивал — понимал, что искателю в деле лучше не мешать. Если не хочешь, конечно, гробануться или склеить ласты.

По прямой от Главного научного тракта до Скучной Деревни было всего шесть километров. Однако в Кратере редко ходят по прямой: местность здесь сильно пересеченная — целые поля катастрофных выворотней, скрытые под новым лесом, который успел преизрядно вымахать за сто лет. Поэтому продвигались, заметно петляя.

Аномалий было много, и чем дальше — тем больше. Десятки знатных искателей погибли на этом маршруте. А потом просто перестали сюда ходить.

Где-то здесь оборвался славный путь легендарного искателя Флоренского. Первый раз он пришел в Кратер в сорок девятом. Экспедицию благословил товарищ Сталин лично. До сих пор вольные искатели рассказывают страшные байки, будто бы экспедиция состояла исключительно из политзаключенных с расстрельными статьями, но Тяглов точно знал: никаких зэка там не было и в помине, специалисты — Янковский, Вронский и другие — добровольно пошли и, кстати, с большим энтузиазмом пошли, когда узнали, в чем суть проблемы. Энтузиазма в те времена было не занимать. И ведь дошли, без подготовки, без карт, до самого эпицентра! И вернулись с артефактами. И никого не потеряли по дороге, вот что удивительно!

Сейчас утверждают, что Флоренскому повезло: год, дескать, был такой исключительный, активность аномалий была низкая, — но это всё ерунда. Андрей давным-давно посчитал из любопытства сорок девятый на модели, а потом наложил маршрут Флоренского на полученную карту. Витиевато шла экспедиция, но красиво обходила все ловушки, словно чутье какое-то вело. А почему бы и нет? Чутье и вело. Флоренский был уникум, Кратер кожей чувствовал. Но Скучная Деревня его доконала.

Очень соблазнительно было к ней пройти. Флоренский полагал, что там находится приборный отсек Тунгусского Космического Тела. До сих пор работающий отсек. Потому и аномалий в районе Южного озера так много — их подпитывает энергия, запасенная в отсеке, словно в аккумуляторе. А еще Флоренский рассчитывал найти там Урода.

Готовился академик больше года и, наверное, прошел бы. И вернулся бы с триумфом. Но вляпался ногой в зародыш клети — редчайший, практически невозможный случай. Ногу отсекло по колено, и Флоренский истек кровью, прежде чем спутники дотащили его до тракта.

«Почему Скучная Деревня?» — спросил однажды Луньков.

«Черный искательский юмор, — ответил Тяглов. — Она очень даже нескучная. Это такое артефактное образование у Южного озера. Как будто гигантский ребенок кубики рассыпал. Ее со спутника засняли в начале семидесятых, но пройти не смогли».

«А мы как пройдем, если пройти нельзя?»

«А мы в Деревню не пойдем. Мы ее объедем по кривой. Только вот здесь придется в воду лезть. Сумеешь обеспечить амфибиями?»

«Обеспечу, не вопрос».

В воду действительно пришлось «лезть». Это был самый опасный участок во всем путешествии, поскольку требовалось не просто спуститься с берега в озеро, но и пролезть перед тем в узкую щель между двумя супермобиле. Тут-то и мог их настигнуть пресловутый «промах» матмодели — но, к счастью, обошлось.

На пятом часу похода Тяглов чувствовал себя выжатым лимоном. Перед последним рывком он снова объявил остановку и попил кофе из термоса.

— Мы в двух шагах, — сказал Луньков и возбужденно потер руки.

— Слушай, Никита, — обратился к нему Тяглов; он отдыхал, глядя на экран, — давно хочу тебя спросить: а что ты будешь делать, если Ось действительно подчинится? Что ты ей собираешься приказать?

Луньков повернулся и посмотрел с прищуром, знакомым до боли.

— Мы должны стать сильными.

— Патриоты России? Вы и так сильные. Куда уж сильнее?

— Сильными в глобальном смысле. Чтобы весь мир знал: мы лучше и сильнее их. Чтобы жили по нашим правилам, а не навязывали свои.

— Как-то всё это очень абстрактно. Конкретное что предлагаешь?

— Сверхспособности. Абсолютное здоровье. Физическое бессмертие. Комиксы американские видел? Вот, то самое.

— Для всех? — удивился Тяглов.

— Слишком жирно будет для всех, — твердо сказал Луньков. — Для настоящих людей. Для элиты. Зачем бомжу сверхспособности, подумай?

— А сортировать на бомжей и элиту будешь ты?

— Да. И не боюсь ответственности. Многое повидал, знаешь ли. И многих. Во всех видах и позах повидал. Справлюсь как-нибудь.

— Всё понятно, подполковник. — Тяглов с удовлетворением откинулся в кресле. — Тогда поехали. Седьмой номер, кончай перекур! Малым ходом вперед на двести метров.

Машины двинулись одна за другой — прямо в одну из псевдоподий гипермагнита, перекрывавшего проход к месту, где упала, зарывшись в глину, Ось корабля уродов. Тяглов знал, что сейчас произойдет, но всё равно зрелище впечатлило.

Магнитная аномалия действует не сразу. В нее успела втянуться вся колонна, а потом началось. Переднюю «Синюю птицу» сплющило разом, как будто ударом огромной кувалды. Вторую начало рвать по швам. Третья успела задымиться. Четвертую и пятую развернуло. Кран опрокинулся. А потом всё это сминаемое с оглушительным скрежетом железо потащило в центр аномалии, словно хищный кракен ухватил щупальцем жертву и утягивает ее на дно, чтобы устроить пиршество в ледяной темноте бездны.

— Что это?! Что?! — в ужасе закричал Луньков, вдавив педаль тормоза и умудрившись остановить машину в полуметре от кончика псевдоподии.

— Это, Никита, финиш, — спокойно сообщил Тяглов. — Не быть тебе фюрером всея Земли.

Луньков обернулся, и Тяглов выстрелил в его перекошенное и столь ненавидимое лицо. Голова подполковника откинулась, и он обмяк в кресле.

Андрей бросил пистолет на пол, закрыл ноутбук и аккуратно положил на диван.

Он был совершенно спокоен. Он собирался умереть сегодня, вместе с остальными, но не повезло. Значит, досмотрим спектакль до конца.

Тяглов вылез из амфибии и начал снимать с себя одежду. Разделся до трусов и медленно пошел вперед. Там еще что-то искрило, но Андрей знал, что это ненадолго. Гипермагнит, затягивая железо, сорвал верхний слой почвы, и теперь приходилось идти по горячей распаханной целине. Было даже удобно. Ближе к центру аномалии начали попадаться отдельные куски черного тела, но они уже меняли форму, словно плавились под невидимым жаром.

А потом центр аномалии взорвался. Полетели комья грязи и камни, поднялось облако пыли, и в ту же секунду взорвался берег озера. Два черных потока ринулись навстречу друг другу, слились, перевились, обдав застывшего Тяглова теплым ветром. И он увидел Ось.

Она встала вертикально — антрацитовый столб высотой десять метров. Казалось, столб бешено вращается, но Андрей быстро понял, что это иллюзия, — просто по черной поверхности пробегали тусклые искры, за которые и цеплялся усталый взгляд. Еще казалось, что Ось издает низкий вибрирующий звук, а может, это просто звенело в ушах от внутреннего напряжения.

Тяглов подошел к столбу вплотную и вытянул руку, чтобы прикоснуться к поверхности. Но у него не получилось — моно-

литная поверхность мягко подалась; приглашающее распахнулось отверстие, за которым тоже была чернота и... звезды?

Ну вот я перед тобой, думал Андрей Тяглов. Говорят, ты машина власти. Не знаю, может быть, и так. Тебе нужен пилот. Тебе нужен разумный человек с волей. Без него ты просто железяка. Статор без ротора. Но есть ли у меня воля? Вот у подполковника Лунькова была, но это была злая воля. А может быть, доброй воли вообще нет в природе?

Когда-то, в молодости, я думал, что знаю, как улучшить этот мир. Ведь я прочитал много умных книжек. Там же были ответы на все вопросы бытия. Бунин и Набоков. Борхес и Кортасар. Оруэлл и Хаксли. Аксенов и Ерофеев. Кафка и Стругацкие. О! Как мы зачитывались этими книжками! Как мы их раздирали на цитаты. А потом прикрывались цитатами, словно щитами.

Мы говорили себе: наши родители пели Галича на кухнях, а мы — на площадях. Мы очень гордились этим, будто бы оно одно делало нас членами какого-то особого клуба. Нет, не делало. Потому что не объединяло, не давало ни защиты, ни уверенности, что тот, кто стоит рядом, всегда поможет, всегда заступится. Попели на площадях и разошлись по домам — назад, к своим проблемам, которые всегда приходится решать в одиночку. Да поймите же вы наконец! Нормальный человек вполне может обойтись без ваших книг. И защитить себя сможет, и семью создаст нормальную. Кто вам сказал, что семья уродует человека? Кто такую чушь придумал? Да, семья — это муторно. Да, семья — это ограничение личной свободы. Но только семья способна дать заботу, когда вам тяжко и жить не хочется. Только мама всегда примет и всё простит. Только ребенок будет любить вас чисто и бескорыстно. И для того, чтобы нормальную семью создать, книжки читать необязательно. Достаточно быть взрослым человеком, который умеет любить сам и умеет принимать любовь своих близких.

Мы говорили себе: свобода — это осознанная необходимость. Вроде бы высказывание принадлежит Ленину. Который цитировал Энгельса. Который цитировал Маркса. Который ци-

тировал Гегеля. Который цитировал Аристотеля. Тоже, значит, были интеллигенты с любовью к книгам. А подумать? Кем она осознанная? Вами, что ли? Свободу мало осознать — за нее драться надо. И умирать, если придется. Но что-то не видно желающих драться и умирать. Наоборот, все только и ждут, когда гайки закрутят: если сами организовать жизнь не можем, пусть это сделает за нас кто-нибудь другой. А охотники порулить стадом найдутся. Уже нашлись. Но главная-то проблема даже не в этом, а в том, что вы только болтаете о свободе, но даже не знаете, как ею распорядиться. Путаете ее с отсутствием законов и ограничений, а потому и боитесь что-то там осознавать.

Мы говорили себе: то, что наиболее естественно, наименее всего подобает человеку. Демагогия. Ведь тогда оправданы любые извращения, любой сон разума оправдан. Ведь критерии естественности задает мораль, значит мы переступаем через мораль. А ради чего? Ради того, чтобы оправдать свое нежелание жить в мире с собственной природой? Ради того, чтобы давить естественные потребности, которые одни только и делают нас разносторонними, не похожими друг на друга? Так ведь и стоиков из нас не получилось, а получилась размазня, без рода и родины, с кашей в головах.

Мы говорили себе: нужно делать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать. А нужно ли делать добро из зла? Попробуйте сделать добро из концлагеря. Что предлагаете? Устроить парк развлечений? Может, санаторий? А может, всем будет намного легче, если сровнять концлагерь бульдозерами, а парк развлечений с санаторием построить в другом месте? Добро нужно делать из добра, оно есть всегда — даже в самую темную эпоху. Учитесь видеть его, находить его. А зло, наша тень, пусть знает свое место.

Мы говорили себе: счастье для всех даром, и пусть никто не уйдет обиженным. При этом прекрасно понимали: будут обиженные, никуда не денутся, нельзя всех счастьем наградить, всегда счастье будет за чей-то счет, — но мы отвернемся, отведем взгляд и пройдем мимо, счастливые. Да и зачем нам

счастье даром? Какой от него прок? Право на счастье нужно заработать, а иначе не счастье это будет, а скотство.

Я не знаю. Я запутался. Весь изошел на цитаты. Книги не научили меня главному — не научили воле. Не научили делать выбор и смиренно принимать на себя ответственность за последствия этого выбора.

И если вычеркнуть эту нелепую жизнь и переписать ее заново, то ничего не изменится. Опять останутся те же цитаты.

Я потерял всё, ради чего стоит жить. И сам потерялся...

Может, хоть следующему поколению повезет? Может, хоть они научатся любить по-настоящему, ненавидеть по-настоящему, давать и брать по-настоящему? Может, хоть они будут счастливы?..

Завидую женщинам. Если у них не получилось, они всегда могут родить — продолжиться в надежде на лучшее будущее. А я не могу. Урод, обделенный природой.

Но я хочу сына. Слышишь, Ось? Я хочу сына! Пусть у меня будет сын — мудрый и прощающий, как все дети мира.

Он будет маленький и хрупкий. Ясноглазый. Он будет лежать, укутавшись, на согретой постели в ожидании колыбельной. И я обязательно ему спою:

Светит незнакомая звезда.
Снова мы оторваны от дома...

ПРОСТРАНСТВО БУДУЩЕГО

ВЕРТЯЧКИ, ПОМАДКИ, ЧУШИКИ

1

Утро началось с неприятного сюрприза. Из Москвы позвонил директор и сообщил — было слышно, как он тяжело дышит в трубку, — что в интернат направляется комиссия из Министерства здравоохранения с внеплановой проверкой, а это значит: надо бросить все дела, обрядить детей в «парадку», рассадить живописно по комнатам, а волонтеров изгнать за ограду, чтобы не отсвечивали.

Звонок застал Людмилу Сергеевну в переполненном маршрутном автобусе, застрявшем в пробке на выезде из Города, и она вновь почувствовала себя старой дурой, которой на роду написано отвечать за проступки и ошибки других, ничего за это не получая, кроме новых проблем и расстроенных нервов.

Но делать нечего — не дожидаясь, пока «маршрутка» выберется из автомобильного затора на относительный простор пригородного шоссе, Людмила Сергеевна позвонила отцу Алексию, который числился лидером группы волонтеров, и с извинениями передала ему приказ директора, сопроводив уточняющими деталями, как то: какие именно вещи брать у кастелянши, как разделить детей, на что обратить особое внимание. Отец Алексий выслушал и заверил, что всё постарается организовать в лучшем виде — дескать, не беспокойтесь, Людмила Сергеевна, сделаем, не в первый раз.

Да уж, точно, раз был действительно не первый. Людмила Сергеевна терпеть не могла все эти проверки и комиссии, и прежде всего потому, что они пугали детей, оставляя стрессовый след дня на три, а в последнее время — из-за кризиса, что ли, или из-за очередной президентской кампании по борьбе с коррупцией? — проверки участились да еще стали

сопровождаться какими-то совершенно безумными лекциями: чиновники вообразили, что в их обязанности входит непосредственное донесение свежеиспеченных инструкций до работников интернатов. Никогда раньше такого не наблюдалось, а тут вдруг приспичило. Смысла в этом не было никакого, инструкции выглядели малокомпетентным бредом, но и отвертеться не получалось. Впрочем, Руфь Моисеевна из Госэпидемстанции, подруга Людмилы Сергеевны, уверяла, что у них творится примерно то же самое, а значит, это было проявлением не отдельного «головокружения», а общей политикой нашего развеселого государства.

Еще одна внеплановая проверка ничего не добавляла, однако Людмилу Сергеевну мучили нехорошие предчувствия. Поэтому по дороге она сделала дополнительно пять звонков, подняв завхоза, охрану, нянечек, дворника и столовую.

К моменту ее приезда интернат уже напоминал пчелиный улей, взбудораженный злонамеренным вторжением, но выучка у сотрудников была на высоте, и «потёмкиншен дорфе», как называла подобные мероприятия сама Людмила Сергеевна, подхватив забавное немецкое словосочетание от одного из своих институтских преподавателей, организовывалась быстро, в ритме вальса.

Только один человек игнорировал коловращение жизни. Это был, конечно, Вовчик — стажер, направленный факультетом на летнюю практику. Как обычно, он сидел в кабинете Людмилы Сергеевны, пил растворимый кофе и листал очередной глянцевый журнал. Как обычно, он позабыл поздороваться.

— Людмила Сергеевна, — радушно сказал Вовчик, — а вы знаете, что пишет мировая пресса по вопросу перспектив лечения синдрома Дауна?

— Здравствуйте, Владимир, — сказала Людмила Сергеевна, проходя к своему столу и первым делом включая компьютер. — Вам заняться нечем? Так я займу. У нас, между прочим, внеплановая проверка.

— Вы узко мыслите, Людмила Сергеевна! — безапелляционно заявил Вовчик. — Что значит какая-то проверка в сравнении с прогрессом? Просто тьфу и растереть! Вы только вдумайтесь! Британские ученые сделали шлем, который воздействует на мозг пациента электрическими микроразрядами и корректирует таким способом психический процесс. С его помощью можно будет лечить болезнь Альцгеймера, синдром Дауна и многое другое!

— Избавьте меня от антинаучных подробностей, Владимир! — резко отозвалась Людмила Сергеевна. — Что бы там ни сделали британские ученые, а вы сейчас встанете и проверите туалетные комнаты на этажах. Внесите свой вклад в прогресс!

— Эх, — вздохнул Вовчик с самым укоризненным видом и добавил, не удержался: — Людмила Сергеевна, вы же еще совсем молодая женщина. Тридцать восемь — разве возраст? А уже встаете на пути у прогрессивной молодежи...

Вовчик был нахал. Вовчик был невыносим. Вовчик никогда не забывал напомнить Людмиле Сергеевне, сколько ей стукнуло. Людмила Сергеевна не потерпела бы такого сотрудника и пары дней, но его прислали на стажировку не просто так, его прислали по мажорной линии, намекнув, что от успешного итога зависит очередной транш спонсорской помощи, а за очередную помощь Людмила Сергеевна могла продать родного отца... если бы, конечно, знала текущие координаты последнего. Однако малолетку следовало построить.

— Владимир! — Людмила Сергеевна повысила голос. — Неужели мне нужно повторять? Встал и пошел в туалеты!

— Меня уже нет, — Вовчик обезоруживающе улыбнулся. — Ужурчал.

Стажер ушел, а потом всё завертелось. Грянули звонки по трем телефонам сразу, набежали нянечки и волонтеры, началась ра-бо-та. На кухне пригорела овсянка, чёрт ее побери, посудомоечная машина третий день стоит и течет, чёрт ее побери совсем, Петрович в запое, этому сам чёрт не брат, набор бумажных цветов для яслей оказался китайским и бра-

кованным, шведскую железную дорогу, подарок спонсоров, Артемка с Игоряшей окончательно доломали, и теперь она имеет непрезентабельный вид, так выбросьте ее к чертям, спонсоры новую пришлют — и так далее, и тому подобное... В привычной суматохе Людмила Сергеевна даже не заметила, как в интернате появились посторонние, то есть министр со свитой.

Вообще-то до сего дня министр здравоохранения ни разу не посещал ее интернат, но Людмила Сергеевна, конечно же, узнала это круглое простоватое лицо зажиточного крестьянина, мелькавшее периодически в телевизоре.

Министр был вежлив и предупредителен, раздавал рукопожатия и источал улыбки — вообще вел себя не как назначенный член правительства, а как кандидат в депутаты в период предвыборной кампании. Помимо свиты из двоих безымянных референтов и четверых безликих охранников, министра сопровождали отец Алексий, сменивший ради такого случая потертые джинсы на отутюженную рясу, главврач Наталья, завхоз Слава и кастелянша Алевтина. В сопровождающие затесался и бездельник Вовчик, что было вполне предсказуемо.

Людмила Сергеевна сделала усилие, чтобы вернуться в реальность. Ей, конечно, пришла в голову мысль, что сопровождающие, за исключением Вовчика, вполне натасканы и могли бы ответить на любые вопросы министра, но она тут же прогнала ее — министр заслуживал, чтобы персональную экскурсию проводил директор, а уж если директора нет, то как минимум заместитель.

Маршрут стандартный: ясли, игровая, учебные комнаты, компьютерный класс, столовая, оранжерея, спортивный зал. Лекция тоже стандартная: Людмила Сергеевна рассказывала о том, как создавался интернат, о современных европейских методиках, взятых на вооружение врачами и педагогами, об успехах воспитанников интерната, о спонсорской помощи, о планах по расширению здания и улучшению качества жизни

детей. Кстати, дети на этот раз вели себя более чем прилично: хором здоровались, не галдели, и даже Артемка не визжал по своей привычке, а изображал пай-мальчика в слюнявчике.

Министр заскучал еще в игровой комнате, рассеянно кивал, даже зевнул, смущенно, как девушка, прикрывшись ладонью, потом его отвлекли звонком на мобильник и стало ясно, что министр прибыл сюда для «галочки», выполняет некую формальную процедуру и мало заинтересован в том, чтобы вникать в нужды интерната. Министр и сам подтвердил крепнущее подозрение, глубокомысленно произнеся: «Мда, вижу, у вас всё хорошо» — и как-то сразу заторопившись. Людмила Сергеевна тем не менее попыталась улучить минутку, чтобы изложить ему свои просьбы, и предложила спуститься в столовую, опробовать полдник, однако министр твердо отклонил предложение и чуть ли не бегом отправился на выход.

Сотрудники интерната проводили его до машины и не скрывали разочарования, когда министр уехал. Людмила Сергеевна, напротив, вздохнула с облегчением — дополнительного финансирования в период кризиса вряд ли дождешься, а вот наделать лишних проблем чиновники могут, им это привычно и даже доставляет удовольствие. Слышали такое понятие — «административный восторг»? То-то!..

Людмила Сергеевна поднялась к себе в кабинет, открыла дверь и в изумлении замерла на пороге. Потому что ее место за рабочим столом оказалось занято, и, увидев, кто там сидит, Людмила Сергеевна поняла, что визит министра был первым неприятным сюрпризом этого дня, но отнюдь не последним.

2

— Проходите, э-э-э... Людмила Сергеевна, — гостеприимно предложил незваный визитер, занявший ее кресло. — Нам есть о чем поговорить.

Людмила Сергеевна узнала его сразу: один из безымянных референтов министра. У него было узкое «кошачье» лицо, особенности которого подчеркивали старомодные, но

аккуратные бакенбарды — такое лицо запоминается с первого взгляда и навсегда. Одет референт был в строгий костюм офисного работника, но сидел этот костюм на нем так, что сразу становилось ясно: это вам не ширпотреб из магазина готового платья, его ваял дорогой кутюрье из модных, причем по персональной мерке — такие костюмы у нас могут позволить себе носить «в присутствии» должностные лица не ниже вице-губернатора.

Людмила Сергеевна вошла и прикрыла за собой дверь, теряясь в догадках, о чем сейчас пойдет речь. Впрочем, ничего хорошего она от «поговорить» не ожидала — ведь визитер даже не удосужился приподняться при ее появлении: либо манерам не обучен, либо демонстрирует превосходство перед серьезным наездом — и, скорее, второе, чем первое.

— Моя фамилия Архангельский, — представился визитер. — Михаил Архангельский. Я генерал-лейтенант.

Людмила Сергеевна изумилась еще больше. Вот на кого совсем не походил референт министра, так это на генерала — уж на военных она в свое время насмотрелась, ее отец был военным моряком. Наверное, Архангельский уловил ее скепсис, а потому сразу поправился:

— На самом деле, Людмила Сергеевна, я человек сугубо гражданский. Звание мне присвоили недавно, вне существующего регламента и только с одной целью — для обоснования статуса внутри иерархии. Мне, видите ли, подчинены определенные люди, ресурсы, и мое звание дает мне возможность командовать... э-э-э... определенными подразделениями...

— Хорошо, господин Архангельский, — без малейшей приязни сказала Людмила Сергеевна; не дождавшись, когда визитер освободит ее кресло, она присела на место отсутствующего Вовчика. — Вы гражданский генерал. Мне это понятно и в общем-то безразлично. Меня больше занимает другое: что вы здесь делаете?

Тут она заметила, что Архангельский ее не слушает. Он опустил взгляд и с выражением крайней сосредоточенности на узком лице рассматривал пачку платежек за месяц, скопившуюся у Людмилы Сергеевны на столе.

— Специализированный психоневрологический интернат для детей с синдромом Дауна, — прочитал Архангельский после небольшой заминки. — Имени кого? — спросил он неожиданно, чуть повысив голос.

— В каком смысле? — опешила Людмила Сергеевна.

— Ну обычно подобным учреждениям присваивают какие-нибудь имена. Скажем, храм во имя Святого Георгия Победоносца. Военная академия воздушно-космической обороны имени маршала Жукова. Интернат имени... э-э-э... Преподобного Сергия. Но можно присваивать и более современные, более знаковые имена. Например, интернат имени действующего президента или действующего премьер-министра. Как вы относитесь к такой идее? Это ведь наверняка способствовало бы финансированию и разным... э-э-э... преференциям?

Людмила Сергеевна мысленно выругалась.

Чёрт тебя побери! Да ты, сука, никак на идеологию меня проверяешь?! Как в старые времена?.. Реставраторы хреновы! Роялисты совковые! Комсомольцы, бр-р-р! Зачем вам идеологическая лояльность-то? Вы ж за двадцать лет внятную идеологию так и не придумали. Вся ваша так называемая идеология только и сводится к заброшенному либералами лозунгу «Обогащайтесь!». Да и какая может быть идеология у людей без идеалов, без стыда, без совести?..

Людмиле Сергеевне очень хотелось выставить гражданского генерала за дверь, но она остро понимала, что скорее выставят ее. Посему предпочла осторожный ответ:

— Государство обеспечивает интернат всем необходимым. Есть у нас и богатые спонсоры из числа российских промышленников, из благотворительных фондов. Мы ни в чем не нуждаемся.

Архангельский скептически хмыкнул.

— Ну-ну, — сказал он, откинувшись на спинку кресла. — А вот скажите мне, уважаемая Людмила Сергеевна, ведь дети, которые у вас живут и воспитываются — это ведь всё дети, от которых... э-э-э... отказались родители?

Новая тема, заданная Архангельским, казалась более безопасной, но Людмила Сергеевна уже поняла, что с гражданским генералом надо держать ухо востро.

— Да, у нас специализированный интернат, то есть на полном обеспечении государства. Понимаете, господин Архангельский, дети с синдромом Дауна появляются на свет чаще всего у женщин, которым за сорок. А если женщине за сорок, то это в большинстве случаев нежелательная беременность, ребенку придется расти в неблагополучной семье. Потому матери, когда узнают о синдроме, отказываются от прав.

Архангельский покивал. И задал новый вопрос:

— А как вы считаете, уважаемая Людмила Сергеевна, а нужно ли нам сохранять... э-э-э... жизнь этим детям? Ведь если матери от них отказались? А тут такой расход сил и средств...

Людмилу Сергеевну словно ожгло изнутри, мир покачнулся, и она ухватилась за подлокотник.

Они не сделают этого! Нет, они не сделают этого! Мы же цивилизованная страна, чёрт побери! Нас же осудят и эмбаргами закидают. А у них же у всех счета за границей, не посмеют... Чёрт, а если они втихую и через нас? Чтобы потом свалить, если всплывет? Чёрт, чёрт, чёрт! Не зря слухи ходили, ой не зря. Не зря Слава трепался под хмельком. Прокачивали они эту мысль, сволочи поганые, дарвинисты доморощенные. Всегда сначала прокачивают, общественное мнение замеряют, а потом всё равно делают по-своему. Думаете, я молчать буду в тряпочку? Думаете, позволю вам?.. Фиг вам, а не мои дети, ясно?! От мертвого осла уши, ясно? Никому не отдам, ясно?

— Я вас не понимаю, — заявила Людмила Сергеевна звенящим от плохо скрываемой ненависти голосом. —

Эвтаназия — это бесчеловечно. Мы ведь не изуверы? Не фашисты? Кроме того, синдром Дауна — это всего лишь незначительное генетическое отклонение. В легких случаях оно почти не мешает ни развитию, ни самореализации. При правильной организации воспитательного процесса дети с синдромом Дауна становятся полноценными личностями. Некоторые из них поступают в университеты, между прочим. И заканчивают. Из них получаются превосходные актеры. Слышали о Паскале Дюкене? А о Пабло Пинеда?.. Да, у нас в России есть пока проблемы. Дети с синдромом Дауна умирают чаще, чем в Европе или Штатах. Методику полноценной реабилитации мы только осваиваем. Действует программа «Маленькие ступени», одобренная и рекомендованная для внедрения Минобразования. Еще мы работаем с родителями. Эти дети как никакие другие нуждаются в родительской опеке. Тогда они здоровее и способнее к обучению, доказанный факт. При поддержке правительства Московской области запущен проект «Блистающий мир»...

Людмила Сергеевна снова сбилась и остановилась, потому что заметила: Архангельский со скучающим видом пропускает ее слова мимо ушей. Ей стало по-настоящему страшно.

Неужели всё решено? Чёрт, чёрт, чёрт! Но только через мой труп, слышите?! Только через мой труп!

— Очень интересно, — сказал Архангельский с неким оттенком одобрения в голосе. — Сразу видно, что вы разбираетесь в вопросе. Впрочем, если бы было иначе, то я здесь не сидел бы. Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос. Он будет личного характера, и я заранее извиняюсь, если задену ваши чувства. Вы трижды были замужем. Почему у вас нет детей?

Так ты и в мое личное дело залез, поганец?! И не постеснялся ведь признаться! Вот, значит, как? Может, и в белье мое заглянешь? Может, тебе рассказать, с кем я спала и сплю?..

Тут Людмила Сергеевна поняла, что ее снова понесло и уже заносит, и мысленно влепила себе пощечину. Хватит, дура набитая! Хватит бабской истерики. Тут анализ нужен, а

не бред больной души. Этот Архангельский появился здесь не для того, чтобы испытывать тебя на прочность и проверять на лояльность — да и кому может быть интересно, насколько ты прочна и лояльна? Здесь что-то другое, совсем другое...

— Я не могу иметь детей по медицинским показаниям, — сообщила Людмила Сергеевна сухо. — Хотя вас это совершенно не касается.

— Разумеется, не касается, — легко согласился Архангельский и примирительно улыбнулся. — Но объяснение получено. И мне важно было знать. А то всякое бывает. Всякие... э-э-э... извращения...

Он не закончил фразу, а Людмила Сергеевна предпочла промолчать.

— Теперь перейдем к делу, — объявил гражданский генерал, и его голос зазвенел торжественно. — Уважаемая Людмила Сергеевна, мы призываем вас на военную службу. Вы нужны России!

Людмила Сергеевна была так ошарашена — в который уже раз за этот короткий диалог — что снова взъярилась:

— Вы шутки пришли сюда шутить? Может, хватит? Мне работать, между прочим, надо!

Архангельский согнал улыбку с лица.

— Никаких шуток. У меня есть соответствующий документ. За подписью самого... э-э-э... министра обороны...

— Я не военнообязанная! — выпалила Людмила Сергеевна.

В голове у нее всё перепуталось, и билась одна только пустая мысль: «Эге, Людка, доигралась ты на старости лет!»

— В ситуации чрезвычайной и... э-э-э... экстраординарной... все мы становимся военнообязанными, — сказал Архангельский с непонятной интонацией. — А вы специалист, должны понимать.

— У нас что — война? — спросила Людмила Сергеевна резко.

— Пока еще нет, — ответил Архангельский. — И в наших с вами силах ее предотвратить.

Людмила Сергеевна почувствовала, что теряет связь с реальностью. Всё это было так... странно... и опасно...

— Прекратите говорить загадками, — потребовала она. — Или выметайтесь! Шуточек больше не потерплю.

— Какие уж тут шутки, — Архангельский тяжко вздохнул. — Всё очень серьезно, драгоценная Людмила Сергеевна. Но я не могу объясняться иначе. Речь идет о государственной тайне самого высокого уровня. И пока вы не подпишете соответствующий документ, мне придется говорить... э-э-э... обиняками.

— Не хочу знать никаких государственных тайн! — заявила Людмила Сергеевна. — Вам ясно? Поищите себе другого военнообязанного.

Ей очень хотелось добавить, куда Архангельский может засунуть свой «соответствующий документ», но она сдержалась — если гражданский генерал столь влиятелен, как на это намекает, он способен наделать проблем в будущем, скотина.

— Что ж, Людмила Сергеевна, — сказал Архангельский, глядя в сторону, — очень жаль, что у вас отсутствует чувство долга перед Родиной. Впрочем, сейчас это распространенное явление. Почему-то свободу у нас понимают как наличие прав при полном отсутствии обязательств. Понятие долга... э-э-э... девальвировано до уровня плинтуса. Даже если речь идет о деньгах... Ну хорошо, Родину вы спасать не желаете. А что скажете по поводу детей? У вас есть шанс спасти ребенка, который находится в трудном положении. В очень трудном. По-прежнему откажетесь, Людмила Сергеевна?

Он знал, чем ее зацепить, поганец! Как говорится, удар ниже пояса. Но отказаться она не могла. Какая всё-таки хитрая мразь этот Архангельский!.. Артемка, Игоряша, маленькие мои, как вы тут без меня?..

— Подробности будут? — спросила Людмила Сергеевна потерянно.

Гражданский генерал снова улыбался. С видом победителя.

— Только после того, как вы подпишете все необходимые документы...

— Давайте ваши бумажки. Но можно я сначала Ирине позвоню? Она у нас главная по воспитанию, отдыхает сейчас в Партените, это Крым. Придется ей прервать отпуск...

3

Архангельский дал на сборы пятнадцать минут. Заверил, что на «месте» есть всё, что нужно для жизни, а остальное привезут по первому требованию.

Людмиле Сергеевне понадобилось куда меньше времени. Она открыла сейф и извлекла на свет малый дорожный набор, заранее упакованный в плечевую кожаную сумку: базовый парфюм, маникюрный комплект, шампунь, кусок мыла, зубная паста и щетка к ней, купальник, пара сменного белья, дешевое вафельное полотенце, прокладки. Вроде всё. Теперь выключить компьютер, платежки спрятать в сейф, побросать канцелярию в ящики стола. Ну что, кабинет мой, до свидания, надеюсь, скоро увидимся!..

Окна в микроавтобусе были тонированы до абсолютной непрозрачности, водитель отделен шторкой, поэтому Людмила Сергеевна так и не узнала, куда ее привезли. По ощущениям ехали быстро, по времени — два часа. Поэтому решила, что «место» находится где-то под Москвой: или в области, или восточнее, в одном из исторических центров. Ей даже не дали перевести дух напоследок — в конце пути микроавтобус въехал в подземный гараж.

— Прошу вас, — дверцу открыл сам Архангельский, учтиво предложил руку, от которой Людмила Сергеевна отмахнулась.

— Ну, показывайте свою тюрьму, — сказала она ворчливо.

— Это вовсе не тюрьма.

Гражданский генерал подошел к массивной стальной двери, у которой столбом стоял скучающий охранник в строгом костюме. Нажал на притопленную кнопку, после чего дверь

плавно и бесшумно отъехала в сторону, а за ней обнаружилась обширная кабина грузового лифта.

— Как-то у вас всё это легкомысленно выглядит, — язвительно заметила Людмила Сергеевна, входя в лифт. — А где лазерные детекторы сетчатки? Где сенсорные панели и секретные коды?

— Поменьше смотрите голливудское кино, — миролюбиво посоветовал Архангельский. — Для надежной охраны электронные... э-э-э... устройства не нужны. Наоборот, они действуют расслабляюще на сотрудников. Те начинают наплевательски относиться к делу, совершают глупые ошибки...

— Но какие-то системы охраны у вас всё-таки есть?

Архангельский многозначительно промолчал.

Лифт спускался недолго — Людмила Сергеевна не успела сосчитать до пяти, как он уже остановился, и пришлось выходить в длинный скучный коридор с белыми стенами и светло-зеленым ковролином. У самого потолка висели миниатюрные камеры видеонаблюдения. Под прицелом их темных объективов Людмила Сергеевна невольно поежилась: ненавижу эти чёртовы штуки!

— Идемте, — поторопил Архангельский, аккуратно подхватывая Людмилу Сергеевну под локоть. — Я покажу вам жилой блок.

Поворот налево, какие-то двери без табличек, поворот направо, еще какие-то двери, и они попали в просторное круглое помещение, по обстановке напоминающее холл гостиницы среднего класса. В холле стояли диваны и журнальные столики офисного типа, чахлое мандариновое дерево в кашпо. Сюда сходились шесть коротких радиальных коридоров, заканчивающихся новыми дверями.

— Здесь вы будете жить, — объявил гражданский генерал.

— Где? — Людмила Сергеевна в растерянности огляделась.

— Выбирайте любую из комнат, — Архангельский помахал рукой. — Они все одинаково... э-э-э... комфортабельны и подготовлены для гостей.

— Я буду здесь жить одна? — не поверила Людмила Сергеевна.

— Да, — подтвердил гражданский генерал, не моргнув глазом. — Скажу вам больше, любезная Людмила Сергеевна. Пока вы находитесь здесь, вам запрещено вступать в контакты с кем-либо. Мобильная связь блокирована. Сетевой... э-э-э... трафик контролируется специальной программой и службой охраны. Вы не можете вести переписку, писать на форумы или в социальные сети. Обслуживающий персонал соответствующим образом проинструктирован. Извините, но таковы правила пребывания здесь.

Людмила Сергеевна уже успела привыкнуть к сюрпризам, но эта новость вновь ее смутила. Почему-то она полагала, что вся секретность ограничится подпиской о неразглашении и временным запретом на заграничные поездки. Людмиле Сергеевне очень захотелось высказать язвительное предположение, как в итоге расправляются здесь с работниками, завершившими выполнение сверхсекретного задания, но по выражению лица Архангельского она поняла, что сейчас тот не воспримет иронию, и если давить, то чего доброго подтвердит самые худшие опасения.

Поэтому Людмила Сергеевна позволила себе только одну ворчливую реплику: «Не тюрьма, значит, говорите?» — и с независимым видом пошла по радиальному коридорчику к двери с цифрой три.

— Я вас подожду здесь, — предупредил Архангельский. — У вас двадцать минут. Переодевайтесь в спецодежду и пойдем смотреть вашего... э-э-э... пациента.

Людмила Сергеевна захлопнула за собой дверь и минуту постояла, прижавшись к ней спиной. Подышала глубоко, пытаясь собраться с мыслями. Вытащила мобильник, убедилась, что сигнал отсутствует.

«Вот ведь сволочь! — подумала она о гражданском генерале. — Разбаловались, блин! Привыкли, что отказа им нигде нет. Будто им на роду написано, что они могут правила сочи-

нять и нам навязывать. Думаете, на вас управы не найдется? Ничего, скоро с Кирой познакомишься — посмотрю я на тебя, генерал!»

Отдышавшись, она осмотрелась. Комната как комната. Стандартный для наших широт полулюкс на двоих: большая кровать, два кресла, тумбочки, телевизор на стойке, холодильник, стенной шкаф, совмещенный санузел с душевой кабинкой. Не было одного и, наверное, самого главного — окна. Его здесь заменяла большая репродукция картины Шишкина «Утро в сосновом лесу». Еще одна глупость несусветная! Лучше бы наклеили фотообои с видами Чёрного моря, а смотреть на опостылевшее медвежье семейство не было ни малейшего желания: тот еще символ современной российской государственности!

На застеленной кровати лежала одежда. Людмила Сергеевна сбросила дорожную сумку и развернула пакет. Женский медицинский костюм: белый укороченный халат с центральной застежкой на пуговицах и отделкой по воротнику, манжетам и карманам, хлопчатобумажные голубенькие брюки на резинке — тот, кто выбирал этот комплект, ориентировался на сериалы типа «Скорая помощь». Людмила Сергеевна давно не носила медицинскую форму и подумала, что будет, наверное, выглядеть глупо. Но размер был подобран идеально и, переодевшись и одернув халат, она оценила результат: вроде неплохо, на твердую четверку. Только фонендоскопа на шее для полного счастья не хватает — многих, говорят, возбуждает...

Спецодежда настраивала на деловой лад. Злость угасла, панические мыслишки попрятались. Людмила Сергеевна тщательно вымыла руки, похмурилась на себя в зеркале и вернулась в круглый холл, где ее поджидал Архангельский.

— Вы превосходно выглядите, — сообщил он.

— Если это комплимент, — сказала Людмила Сергеевна, — то неуклюжий. Не будем терять время...

Им пришлось вернуться к лифту и спуститься еще на пару этажей вниз. Сооружение всё больше напоминало бункер, построенный на случай ядерной войны. Людмила Сергеевна тяжко вздохнула, думая о том, что и в дурном сне ей не могло привидеться подобное место — ярко выраженная клаустрофобия не проявлялась, но потолок всё равно чуть давил.

Новый коридор почти не отличался от коридора жилого блока, но имел много ответвлений, а на стены здесь была нанесена незнакомая маркировка — разноцветные линии и аббревиатуры: «МЭБ», «КБОР», «ФХЛ», «ОСН» и «ММХ». Архангельский шел впереди, уверенно сворачивая где надо, и наблюдательная Людмила Сергеевна быстро сообразила, что он придерживается синей линии. Наконец коридор закончился массивной стальной дверью, на которой синими буквами было написано: «КБОР». Здесь стоял цифровой замок, и возникла небольшая заминка — Архангельский набирал код.

— Прошу, — сказал гражданский генерал, открывая дверь и пропуская Людмилу Сергеевну вперед.

Она вошла и остановилась в изумлении на пороге. Перед ней открылся зал размером с крытый хоккейный стадион, только без трибун для болельщиков. Потолок здесь был необычайно высок, и в полумраке на самой верхотуре угадывались какие-то решетчатые конструкции, с них на длинных шнурах свисали прожекторы, ориентированные так, чтобы их лучи сходились в центре зала. В круге света стояла клетка — куб, сваренный из толстых металлических прутов и сразу притягивающий внимание. Внутри куба находился человек.

Это сюрреалистическое зрелище: огромный зал, свет прожекторов и клетка с человеком внутри — вызвало у Людмилы Сергеевны четкую ассоциацию. Она уже видела нечто подобное. Но не наяву, а в кино. «Молчание ягнят», конечно же! Клетка для зловещего маньяка-людоеда — доктора Лектора. Специально она не выбирала этот фильм, не любила триллеры, но как-то включила первый канал и поразилась: выходной вечер, прайм-тайм, и в полный рост показывают весьма от-

кровенную киноленту с извращенцами и расчлененкой — а как же дети?! Поэтому, наверное, и запомнилось...

Видя замешательство Людмилы Сергеевны, Архангельский сказал, как будто извинялся:

— Предпринятые меры... э-э-э... безопасности, быть может, покажутся излишними. Но когда вы узнаете суть, то поймете, что в этом деле нет ничего лишнего.

Людмила Сергеевна пропустила его слова мимо ушей. Медленно двинулась вперед. Заметил ее и сидящий в клетке. Точнее, он не сидел, а полулежал на достаточно просторной тахте. Но при виде гостей встал на ноги, выпрямился и прижался к прутьям.

Это был сравнительно молодой человек — лет двадцати пяти. С хорошо развитой мускулатурой, идеальной фигурой и чистой кожей. Длинные золотистые вьющиеся волосы копной спадали на плечи. Пропорции совершенного тела ничто не скрадывало, поскольку одет он был лишь в белые пляжные шорты. Молодой человек был прекрасен. Как бог. Как Аполлон...

Людмила Сергеевна шла к нему, не веря своим глазам. Даже расфуфыренные голливудские актеры не бывают... такими...

Молодой человек вдруг протянул к ней руки сквозь решетку.

— Мама? — спросил он недоверчиво, а потом без перехода радостно провозгласил: — Мама!

Людмила Сергеевна остановилась, словно налетев на невидимое препятствие. Остро запахло кислыми щами...

4

...В молодости она была совсем дурехой. Дура дурой. Даже стыдно вспоминать.

И была абсолютно уверена, что у нее будет четверо детей, не меньше. Лет с пяти была уверена — как начала соображать, откуда они берутся.

Пример перед глазами. У прабабки по материнской линии было аж двенадцать детей! Правда, до зрелого возраста дожила лишь половина из них. У бабки — пятеро! Вот мать «подкачала», ограничившись двумя, — но она стала уже городской жительницей, бросив родовой поселок под Кирсановым и уехав учиться в Ярославль; потом выскочила замуж за молодого военного моряка, и жизнь ее превратилась в череду переездов и многомесячных «кукований», как она сама называла тягучие периоды, когда крейсер отца уходил в очередной дальний поход; тут не до большой оравы детей.

Но Людочка знала: у нее всё будет по-другому — милый интеллигентный муж, квартира в Питере и большая-большая семья.

Не сбылось. Потому что дура. Потому что спешила. А поспешишь, как известно, людей насмешишь. Впрочем, тут было не до смеха.

Залетела она — кто бы мог подумать? — с первого же раза. В четырнадцать, блин, лет. Дело было в пионерском лагере имени Терешковой на южном побережье Финского залива, неподалеку от курортной Нарвы-Йыесу. Предметом обожания в те дни для нее стал Максим — плечистый пионервожатый, тоже еще совсем юный, с первого курса пединститута. При этом он казался таким взрослым, таким бывалым, таким... джентльменом. Девчонки в отряде повлюблялись в него сразу и ночами, лежа в кроватях, делились друг с другом впечатлениями, хвастались: а он на меня сегодня посмотрел, а он со мной говорил, а он сказал, что я лучше всех рисую, а он, а он... И Людочка твердо решила: вы можете трепаться сколько угодно, а он будет моим мужчиной! И добилась, дура, своего — незадолго до отъезда из лагеря, когда после песенного праздника и официальных посиделок у костра набралась храбрости и прямо ему сказала, что «хочет» — сейчас хочет, немедленно. Максим был подшофе, поэтому, видимо, и согласился. Они сбежали с детского токовища на пляж — перелезли через невысокую

ограду, Максим помог перебраться, джентльмен. И там, на пляже, на песчаном склоне, в зыбком теплом сумраке белой ночи, всё и случилось. Надо сказать, что Людочке не понравился первый опыт: Максим излишне торопился, песок был как наждак, неудобно, больно и стыдно. Когда закончилось, ее мужчина быстро оделся, присел рядом и вдруг начал многословно и плаксивым голосом объяснять, что это случайность, что он и не собирался ничего такого делать, что он очень просит никому не говорить об этом, потому что будут неприятности и не только у него, но и у нее. Она не знала, что ответить, а потому молча собралась и пошла к лагерю. Влюбленность разом схлынула. Вместо гордости, на которую Людочка рассчитывала, ощущалось только тягостное недоумение: неужели это всегда так и неужели у всех так? Видеть Максима она больше не хотела, и до самого отъезда в Кронштадт не увидела — наверное, он тоже ее избегал.

Вспомнить о любовнике всё же пришлось довольно скоро. Месячные у Людочки шли лет с двенадцати, и она уже умела за ними следить и справляться. А тут впервые — задержка! И не на пару дней. Через три недели она всё поняла. Поразмышляла еще неделю и поехала в Питер — искать. Найти не составило большого труда: она знала, что Максим учился в Герцена, знала, на каком факультете и на каком курсе, остальное — дело техники. Максим не стал отпираться, сразу сообразил, чем ситуация может обернуться, боялся только, что Людочка потащит его в ЗАГС, но это как раз не входило в ее планы. Она требовала одного: разобраться с беременностью, чтобы ее не было, не было, не было! Максим взял пару дней на решение проблемы, посовещался с приятелями и в итоге договорился с какой-то «бывшей акушеркой». Сам оплатил операцию, джентльмен чёртов... Людочке почти совсем не запомнился этот поход, не запомнила она и «акушерку». Но хорошо запомнилась квартира, где всё произошло — коммуналка на Марата с большим количеством комнат и высоченными, коричневыми от копоти потолками. Из кухни тянуло

запахом кислых щей — так противно, что Людочку вырвало на пол... Едва живая она вернулась в Кронштадт, хотела принять ванну, но тут по ногам потекла кровь, и Людочка упала в обморок. Очнулась уже в госпитале, рядом плакала мать, которая, конечно же, всё поняла.

Надо отдать матери должное: зная правду, она ни разу не попрекнула дочь, ни сживала ее со свету, как делают некоторые разочаровавшиеся в своих чадах родители, а для подозрительного отца, который, вот незадача, был в то время дома, придумала убедительную легенду.

Людочка, получившая столь болезненный и унизительный для самооценки опыт, твердо решила, что дети у нее, конечно, будут, но вступать в интимную связь она пока поостережется — до замужества. А поскольку план дальнейшей жизни сохранился практически в неизменном виде, то когда пришло время, она выбрала для продолжения обучения всё тот же Педагогический институт имени Герцена. Но не поступила, завалившись на сочинении. Зато прямо на приемной комиссии познакомилась с перспективным и очень интеллигентным аспирантом, за которого уже через пять месяцев выскочила замуж. Ну скажите, разве не дура? Какие еще доказательства вам нужны?

Аспиранта звали Евгений, и он считал себя гением. Некоторые основания у него для этого имелись. Он был первым в своем многочисленном деревенском роду, кто поступил в вуз, с успехом закончил его и двинулся дальше — к ослепительным высям науки. Поэтому по характеру Евгений был немного спесив. Отец не одобрил выбор дочери, при первой же встрече войдя с будущим зятем в жесткий клинч, на свадьбу не приехал и матери запретил. Из-за этого у родителей, кстати, случился по-настоящему серьезный конфликт, который затем перерос в непрерывную череду стычек, через три года завершившуюся разводом. Свадьбу же справили у Евгения в деревне, и это была единственная свадьба в жизни Людмилы, которая сопровождалась многодневной пьянкой с

соблюдением всех положенных ритуалов, включая мордобой и попытку похищения невесты.

Поскольку отец отлучил Людмилу от семьи, молодая пара поселилась в общаге. Помимо всего прочего, девушка очень рассчитывала, что супруг подтянет ее по некоторым предметам и поможет поступить в Герцена со второго раза. Но не тут-то было. Евгений быстро убедил ее, что сейчас это не ко времени, что он не знает, где окажется завтра, что сейчас для него самое важное — защитить диссертацию, выбить себе место на кафедре и встать в очередь на квартиру, и он будет очень ей благодарен, если она выбросит эту «блажь» из головы и поможет ему преодолеть все трудности. И Людмила согласилась. Она быстро превратилась в домработницу, кормила и обстирывала мужа, устроилась в том же общежитии уборщицей, чтобы добавлять к скудной стипендии свою трудовую копейку. И никогда не жаловалась. Потому что верила — всё будет хорошо: и диссертация будет, и дети будут, и квартира будет. Чистая наивная душа! Диссертацию Евгений защитил в срок и даже должность на кафедре получил без заметных проблем, а вот с жилплощадью не заладилось — в Россию пришел капитализм, отягощенный приватизацией, и все молодые ученые были поставлены перед фактом: на «халявные» квартиры можно не рассчитывать. Из общежития их попросили, и пришлось снимать комнату на Петроградке. Цены росли не по дням, а по часам, скудной зарплаты не хватало на самые элементарные вещи. Чтобы исправить ситуацию, Людмила вписалась на две работы сразу: уборщица и вахтер. Возвращалась в семейное гнездо только под вечер, и на ведение домашнего хозяйства уже не оставалось ни времени, ни сил. Евгений раздражался, поскольку привык к ежедневному чистому белью и полноценному трехразовому питанию. Через полгода и он начал куда-то пропадать, исчезая на двое-трое суток, и Людмила заподозрила неладное. На вопросы он отвечал, что как молодой специалист собой не располагает и вынужден кататься в командировки по области

за старших товарищей. А еще через два месяца объявил, что уходит навсегда. Оказалось, у него давний роман с молодой вдовой, у которой ко всем прочим достоинствам имеется большая квартира в центре. Людмила не стала устраивать из этого скандал и трагедию — ее уже начинало всерьез беспокоить, что, несмотря на многолетнюю интимную жизнь, так и не получается завести от Евгения ребенка. Ну и сам дурак! Ну и уходи к своей лахудре! Было немного обидно, что она так обманулась и потратила на этого самовлюбленного болвана последние годы молодости, но тут уж ничего не поделаешь.

Второй муж Людмилы по имени Олег был хирургом-травматологом — говорят, очень неплохим. С ним Людмила познакомилась в медицинском училище, в которое поступила сразу после развода. Решила резко поменять приоритеты и сочла, что если будет владеть начальным медицинским образованием, то это может пригодиться не только ей самой, но и ее детям. Олег читал будущим медсестрам курс по травматологии и сразу понравился Людмиле. Он был такой взрослый, импозантный и, представляете, девчонки, холостой! Людмила поднапряглась и довольно быстро вскружила ему голову. И когда Олег начал проявлять намерения, сразу объяснила, что хочет от него много-много детей. Что интересно, он тоже оказался слегка помешан на идее создания большой веселой семьи. Разумеется, не с кем попало, а с девушкой, которая может выносить и родить «качественное потомство». Еще в период знакомства он успел оценить фигуру и страстность Людмилы, но предложить пройти полноценное медицинское обследование постеснялся. Может быть, зря. Скорее всего, зря. Он попросил об этом только через год совместной жизни, когда убедился, что ни один из прогрессивных методов ускорения зачатия не помогает. Диагноз был страшен: развившееся после аборта воспаление органов малого таза оставило рубцы на фаллопиевых трубах — Людмила была стерильна, навсегда стерильна. Когда она ознакомилась с результатами обследования, в нос

вдруг ударил резкий запах кислых щей, и Людмилу вывернуло. Дрянь психосоматика. Олег сразу подал на развод.

От шока у Людмилы сорвало крышу. Она бросила училище и пустилась во все тяжкие: переспала с половиной Кронштадта, благо морякам нравятся легкодоступные женщины, любила повертеть хвостом и столкнуть мужиков в яростную драку, подцепила гонорею и ею же наградила команду крейсера «Руслан», за что ее били и чуть не убили, лечилась, едва не подсела на наркотики... Из этой клоаки ее вытащил младший брат Кирилл, который не только вырос и возмужал, но и сделал неплохую карьеру в ГРУ. Он нашел Людмилу в офицерской общаге, увел, положил в закрытую клинику, затем отправил в служебный санаторий. И только после того, как она слегка очухалась, поинтересовался, а что, собственно, случилось. Она разрыдалась и рассказала ему всё: и про Олега, и про беспощадный диагноз, и про то, что не может иметь детей. «Ну и дура! — сказал брат. — Если ты не можешь рожать, это не значит, что не можешь иметь. Записывай телефон!»

Он направил ее в Центр помощи семье и детям, где она и нашла свое призвание. Сначала это была чисто секретарская работа: набери документ в «Лексиконе», распечатай, принеси на подпись, сделай чай, сгоняй за пиццей. Но постепенно Людмила стала подниматься по карьерной лестнице, поскольку всегда была инициативна и не боялась брать на себя ответственность. Кроме того, она активно занималась самообразованием, ведь вопросы опеки и приемной семьи ее интересовали не на шутку. Посещала лекции ведущих психологов, выступавших в Центре, брала книги в библиотеке и прилежно штудировала их, приходила на тренинги. Сотрудницы Центра — а там были сплошь женщины — быстро привыкли к ее присутствию, периодически просили подменить их в пиковых ситуациях, а вскоре доверили сопровождение приемных родителей. На этой работе Людмила Сергеевна (именно там ее начали называть по имени-отчеству) обнаружила, что

ее случай не самый тяжкий и не самый бесперспективный — встречались и похлеще.

Были в работе и свои специфические, очень неприятные моменты. Ведь приходилось-то общаться не только со взрослыми, но и с детьми. Людмила Сергеевна ездила в интернаты, готовила досье на сирот, представляла их потенциальным опекунам. Прежде всего ее ужасали условия, в которых содержат детей. Сами дети выглядели дикими зверьками, совершенно асоциальными, не способными к нормальному общению. Приемные родители вызывали гнев, а иногда ярость — своим снобизмом, своим непременным желанием подобрать ребенка по вкусу, словно блюдо в ресторане: «А нельзя ли, чтобы был сиротка — до года, из профессорской семьи?» Поначалу всё это выводило Людмилу Сергеевну из себя, но постепенно она обрела мудрость опыта и научилась находить компромиссные слова и варианты. Дилетант на глазах превращался в профессионала. А педагогическое образование она всё-таки получила — заочно.

Людмила Сергеевна уже начала подумывать о том, чтобы взять официальную опеку над самым неприкаянным ребенком, но тут линия судьбы сломалась в очередной зигзаг. Третьего мужа звали Дмитрий, он был на два года младше ее и занимался бизнесом — держал несколько Интернет-магазинов, торговавших всякой всячиной. Познакомились они случайно в купе фирменного московского поезда: она ехала в столицу, чтобы подписать договор с дружественным Центром, он возвращался из Питера, где заключил контракт на организацию своего представительства. По зимнему времени вагон был практически пуст, в купе они были вдвоем и слово за слово — оказались на одном спальном месте. Как ни странно, короткий железнодорожный роман не завершился на перроне Ленинградского вокзала, а продолжился вечером в ресторане, ночью — в квартире Дмитрия, а через некоторое время — в ЗАГСе. Людмила Сергеевна переехала в Москву (что никого не удивило, в то время многие питерцы переезжали в

столицу) и устроилась на работу в дружественный Центр, где ее приняли с распростертыми объятьями. Два года Людмила Сергеевна чувствовала себя совершенно счастливой. Дмитрий был нежен и предупредителен, дарил цветы и водил по московским музеям, в отлучке звонил чуть ли не каждый час, интересовался ее мнением по любым вопросам. Он с самого начала знал, что у них с Людмилой Сергеевной никогда не будет биологических детей, но абсолютно не напрягался по этому поводу, согласившись, что можно и усыновить-удочерить столько, сколько захочется. Сегодня, вспоминая те тихие теплые годы, Людмила Сергеевна предполагала, что Дмитрий видел в ней прежде всего не жену и любовницу, а замену матери, которую потерял в детстве. Эдипов комплекс, обычное дело. Кончилось тоже, как обычно — то есть очень плохо.

В Интернет-бизнесе случился обвальный кризис. Акции посыпались, сетевые магазины закрывались один за другим или продавались за символический рубль. Дмитрий отчаянно пытался спасти положение, набрал кредиты, прогорел. Сорвался и ушел в запой. Тут из него вся грязь и поперла. На третий день Людмила Сергеевна попыталась сбежать из этого кошмара, но он жестоко избил ее и запер в комнате. Пьянка и побои продолжались и на четвертый день, и на пятый. Людмила Сергеевна была в шоке и думала, что не доживет до конца недели. На шестой день приехал младший брат, обеспокоенный ее отсутствием. Он настойчиво звонил в дверь, Людмила Сергеевна хотела закричать, но Дмитрий — откуда только прыть взялась у пьяни? — схватил ее и приставил к горлу нож. Людмила Сергеевна подавилась и разрыдалась. Потом она сидела в запертой комнате и подумывала о самоубийстве. Но выглянула в окно и увидела, что Кирилл никуда не ушел, курит на скамейке и разглядывает окна. Разведчик. Штирлиц родной. Он заметил ее, и чтобы показать брату, в какую беду попала, Людмила Сергеевна чиркнула себя пальцами по подбородку. Кирилл выбил дверь, отметелил и скрутил подонка. Хотел посадить по уголовной статье, но Людмила Сергеевна

уговорила до суда не доводить. Тогда прагматичный Кирилл выдвинул ультиматум: Дмитрий разводится, оставляет квартиру жене и уматывает из Москвы на все четыре стороны. Муж поскрипел, но согласился. Людмила Сергеевна опять осталась одна.

Жизнь потекла вялым чередом. Людмила Сергеевна больше не верила, что у нее когда-нибудь будет семья, готовая принять детей из интерната, а опыт подсказывал, что если она попытается взвалить дело воспитания на себя одну, приемышу будет только хуже. Оставалось немного — работать на других, помогать другим, убеждать других. Но однажды Людмила Сергеевна не выдержала. Случай был исключительный. Обеспеченная пара усыновила пятилетнего мальчика, а через месяц его вернула. Выяснилось, что они заказали дорогую экспертизу и обнаружили у малыша скрытый генетический дефект. Уж как орала на эту пару Людмила Сергеевна, как орала! «Бракованных детей не бывает, ясно вам?! Бракованных детей не бывает!» Думала потом, что уволят. Но ошиблась. Шеф Мария Петровна вызвала ее к себе и сказала: «Люда, тебе, похоже, иное нужно. Не подбирать, а растить, учить. У нас новый специнтернат для детей-даунов открывается. Много вакансий. Съезди, посмотри». Она поехала, посмотрела и осталась.

Теперь у нее были дети — две сотни детей! Но запах кислых щей иногда возвращался...

5

— Я требую объяснений, — сказала Людмила Сергеевна. — Простых ясных объяснений. Я с места не сдвинусь, пока их не услышу.

Они сидели в холле жилого блока. Архангельский принял непринужденную позу, закинув руки на спинку дивана и расстегнув пуговицы на пиджаке.

— Я всё расскажу, — пообещал он. — Но мне хотелось бы прежде узнать, а что вы... э-э-э... там увидели?

Людмила Сергеевна вздохнула.

— У мальчика синдром Дауна, без сомнения. Характерный эпикант, «монгольскую» складку, ни с чем не перепутаешь. Но...

— Что «но»?

— Так не бывает. Синдром Дауна проявляется обычно в комплексе признаков. Плоское лицо, брахицефалия, короткая шея. А мальчик... он идеален. По виду здоров как бык. Может быть, это всё же не синдром, а национальная особенность? Я не сильна в антропологии.

— Вы совершенно правы в своем диагнозе, уважаемая Людмила Сергеевна, — заверил Архангельский. — Что подтверждает вашу высокую... э-э-э... квалификацию. Вы с порога определили синдром, а это не всем дано. Очень рад, что мы не ошиблись в выборе. Генетический анализ подтверждает: кариотип вашего пациента содержит сорок семь хромосом. Но это не типичный синдром Дауна. Если я правильно понял наших экспертов, то можно сказать, что это аномальный синдром. То есть перед нами совершенно фантастический случай. И происхождение вашего пациента — тоже форменная фантастика. Признаюсь, когда мне впервые рассказали его историю, я подумал, меня разыгрывают. Хотя тот, кто ее рассказывал, совсем не склонен к розыгрышам... мягко говоря.

— Может, хватит говорить загадками? — требовательно спросила Людмила Сергеевна. — Со стороны это выглядит глупо, уж поверьте.

— О'кей, — гражданский генерал кивнул и улыбнулся чему-то своему. — Ваш пациент, любезная Людмила Сергеевна, не из нашего мира. Он пришелец.

Архангельский остановился, чтобы понаблюдать за реакцией собеседницы, но было похоже, что Людмила Сергеевна морально подготовилась к самым невероятным новостям. А может быть, решила, что это еще один тест на профпригодность. В любом случае она не выказала ни смятения, ни повышенной заинтересованности. Сидела и ждала продолжения.

— Его... э-э-э... космический корабль появился полгода назад на орбите, близкой к экваториальной, высотой порядка трехсот километров. Его сразу заметили американцы. Это понятно, у них система наблюдения за космическим пространством давно налажена. В НОРАД не зря свой хлеб с маслом едят. У нас, к сожалению, ничего подобного больше нет, а потому мы узнали о НЛО из агентурных источников. Сначала думали, что какой-то левый запуск проморгали. Китайский или иранский. Возбудились, конечно. Объект немаленький, значит где-то имеются и соответствующие средства... э-э-э... транспортировки. Потом подогнали спутник-шпион, разглядели НЛО вблизи и убедились: нет, ничего даже похожего на Земле не производят. Пока строили догадки, что это и откуда прилетело, произошло еще одно значимое событие — от НЛО отделился объект поменьше и направился к Земле. Теоретически с этой орбиты спускаемый аппарат — так называют меньший объект эксперты — никак не мог попасть на территорию России, по крайней мере в европейской ее части. Но уже в атмосфере он поменял траекторию, и упал, представьте, прямо у нас под боком — во Владимирской области. Такое вот странное везение. Хотя, может, и не везение... Так или иначе, нам удалось быстро локализовать место посадки и отыскать пилота. Он не ушел далеко, был сильно истощен — поплутал, замерз, потерял сознание. Этот пилот и есть ваш пациент...

Архангельский замолчал, давая Людмиле Сергеевне возможность собраться с мыслями и сформулировать вопросы. Но она была наготове:

— Надо думать, вы уже выяснили, откуда он прилетел?

Архангельский поразился. Очень странно видеть подобное самообладание в женщине, которая только что сбежала от собственного пациента. Одно из двух: то ли она не до конца поверила в услышанное, то ли до нее не доходит вся сенсационность доведенной информации.

— В общем да, — ответил он, — установили. Ваш пациент — не инопланетянин, не... э-э-э... гуманоид с «летающей тарелки», а человек. И генетически отличается от нормального человека только наличием этой самой сорок седьмой хромосомы... Еще одно — для человека он необычайно здоров. Хорошо развитая мускулатура. Превосходные зубы, без дефектов и дырок. Отличная иммунная система. Чистые лёгкие. Идеальное зрение. Нет ни деформаций костей, ни следов переломов. И при всём при этом он — даун. Представьте наше замешательство! Однако изучение спускаемого аппарата позволило нам ответить на один из главных вопросов. Ваш пациент не инопланетянин, он — пришелец из будущего.

Наконец-то ему удалось задеть ее за живое. Глаза Людмилы Сергеевны расширились, она заерзала, потом закинула ногу на ногу, обхватила коленку, сцепив пальцы в замок. Архангельский заинтересованно ждал. Умная женщина. Быстро сообразила. Даже жаль разочаровывать.

— Он... он... из будущего? — спросила Людмила Сергеевна; ее веки задрожали, а голос подсел, выдавая нешуточное внутреннее волнение. — Значит, он... он сказал... он назвал меня мамой... значит, он...

— Нет, Людмила Сергеевна, — Архангельский постарался ответить так, чтобы голос его прозвучал мягко и сочувственно. — Скорее всего, он не может быть вашим сыном или другим потомком. Он называет мамой любую женщину, какую видит. Существует... э-э-э... гипотеза, что до того как он попал сюда, ему приходилось иметь дело только с одной женщиной — со своей матерью.

— Как такое может быть? — теперь голос Людмилы Сергеевны предательски звенел, она не желала расставаться с внезапно вспыхнувшей надеждой. — Разве такое возможно? Он же из будущего! Откуда вы?.. — она запнулась, сообразив, видимо, что говорит ерунду.

— А кроме того, — сказал Архангельский с нажимом, — мы точно знаем, из какого времени он прибыл. Две тысячи сто двадцать шестой год от рождества Христова.

Людмила Сергеевна поникла. Главное было сказано.

— Да, мы тоже шокированы, — продолжил Архангельский. — Фантастическое здоровье, фантастическая техника, настоящая... э-э-э... машина времени и... даун. Его развитие находится на уровне пятилетнего ребенка, причем, скажем так, ребенка из неблагополучной семьи. При этом, заметьте, говорит по-русски чисто. Но как говорит? В его лексиконе много существительных, странных словечек, и совершенно отсутствуют глаголы. Из-за этого вашего пациента бывает очень трудно понять. Мы бьемся уже полгода, но куда больше информации получили от спускаемого аппарата...

— Но почему я?! — воскликнула Людмила Сергеевна. — Почему тогда выбрали меня?

— По ряду причин, — отозвался Архангельский. — Во-первых, из соображений ограничения... э-э-э... распространения информации. Ваш брат Кирилл руководил операцией по захвату пришельца. Отличный офицер! Он уже посвящен в эту тайну, а нам выгодно, чтобы о пришельце знало как можно меньше людей. Когда посвященные находятся в родственной связи, обеспечивать секретность легче. Во-вторых, вы и впрямь уникальный специалист по психологии несовершеннолетних даунов. Были, конечно, некоторые сомнения, уж извините, у вас нет профильного образования и публикаций, но Владимир Корзун заверил, что лучшего специалиста нам не найти. Опыт ценнее диплома.

Людмила Сергеевна снова вскинулась:

— Вовчик из ваших? Он тоже... посвященный?

— Зачем же его посвящать? — искренне удивился Архангельский. — Мы его попросили понаблюдать за вами в работе, вот и всё. Он дал блестящую характеристику.

— Ладно, хорошо, ладно...

Людмила Сергеевна вдруг закрыла глаза и начала энергично растирать виски кончиками пальцев, потом так же резко остановилась и деловито посмотрела на Архангельского. Словно и не было ничего: ни слепого бегства из карантинного блока, ни рождения безумной надежды, ни отчаянных попыток добиться «правильных» слов.

— Тогда давайте работать, — сказала Людмила Сергеевна. — Я так понимаю, вы пригласили меня для того, чтобы вытянуть из мальчика как можно больше информации о времени, из которого он прибыл?

— Совершенно верно. Мы использовали самые различные методики, включая... э-э-э... гипноз, но без значительного результата. Он говорит и порой весьма охотно говорит, но у нас не получается интерпретировать его слова. Возможно, у вас получится.

— Понятно. Как его зовут?

Архангельский одобрительно кивнул.

— Он называет себя Ася. Или Ась. Не видит разницы между этими именами. Странное имечко, но кто может сказать, какие имена будут давать в будущем?

— Пусть будет Ась. Мне нужно встретиться с его наблюдающим врачом и...

— Это невозможно, — отрезал Архангельский. — Контакты со специалистами вы будете поддерживать только через меня. Я ваш... э-э-э... посредник, прямые контакты исключены.

Людмила Сергеевна ожгла его злым взглядом.

— Вы понимаете, что связываете мне руки?

— Понимаю, — смиренно кивнул Архангельский. — Но ничего не могу поделать. Далеко не все наши эксперты знают правду о пришельце. Им и не нужно знать...

— Но это бред! Вы говорите, что мальчик — сплошная загадка. А может, разгадки у вас перед глазами, но вы их не видите? Кто вы по специальности?

— Я? Менеджер...

— Эффективный?

Архангельский тихо засмеялся. И жестом остановил гневную реплику, которая была готова сорваться с губ Людмилы Сергеевны.

— Я знаю, что это словосочетание имеет ныне негативный смысл. Но я действительно неплохой... э-э-э... управленец. Скажу без ложной скромности: я умею делать маленькие чудеса. За это и ценят.

— Очень за вас рада! — саркастически заявила Людмила Сергеевна. — Но я не делаю чудес. И не претендую на звание эффективнейшего менеджера года. Я буду делать свою работу. И буду делать ее хорошо. А ваша паранойя мешает делать ее хорошо.

— О-хо-хо, драгоценная Людмила Сергеевна, — Архангельский добавил снисходительную интонацию в свой голос. — Вы себя слышите? Мы сидим здесь и обсуждаем тайну, оглашение которой способно перевернуть мир. Говорю вполне серьезно — я лично просчитывал ближнесрочную перспективу на существующих... э-э-э... игровых моделях. Не хочу вас пугать, но последствия могут быть ужасны, вплоть до глобальной войны. Безумие не началось только потому, что наши американские коллеги на сто процентов уверены, что спускаемый аппарат Ася затонул где-то в Тихом океане. Еще они уверены, что мы ничего не знаем о корабле на орбите. Если произойдет хоть малейшая утечка... Тут лучше перебдеть, чем недобдеть... А верить никому сегодня нельзя. Даже на самом высоком уровне! Меркантильные все стали. Продадут и не поморщатся. Меня считают хорошим управленцем еще и за то, что я реально смотрю на вещи.

Архангельский видел, что его слова доходят до Людмилы Сергеевны. Пока не понятно, убедил ли он ее до конца, но первый протест был успешно подавлен. «Непросто с ней будет, — подумал он. — Но так даже интересней».

— Но тогда я не ручаюсь за результат! — сердито сказала Людмила Сергеевна после небольшой паузы.

— В таком деле никто не может ручаться за результат, — отозвался Архангельский. — Но мы ведь с вами постараемся, правда?

6

На самом деле ей было любопытно. Чертовски любопытно!

Она никогда не увлекалась фантастикой и не интересовалась разнообразными аномальными явлениями, вполне обоснованно считая и то, и другое видами модернового мошенничества. Но такое уж у нас сейчас время, что от всего этого безобразия никуда не денешься — достаточно пощелкать каналы на телевизоре и обязательно наткнешься на сериал о пришельцах из космоса, путешественниках во времени или призраках с полтергейстами. А самое отвратительное — те же самые персонажи пролезли в газеты и журналы, которые Людмила Сергеевна всё же периодически почитывала, чтобы быть в курсе новостей. Раньше под это отводились отдельные рубрики типа «Непознанное», но теперь компания фантастических существ появилась и в тех материалах, которые считаются респектабельными. Киноактеры, звезды шоу-бизнеса, политики и даже космонавты (?!) делились своими впечатлениями о встречах с пришельцами из иных миров, своими суевериями и приметами. Вместо нормальных ученых выступали какие-то смурные академики из самозваных академий, обещающие залить страну целебной водой и завалить вечными двигателями. Гороскопы теперь печатались буквально везде — даже обед следовало готовить по звездам. Площадку сезонных медицинских рекомендаций давно и навсегда заняла реклама шарлатанских лечебных средств. Там, где раньше можно было почитать о ближайших перспективах, всё чаще попадались статьи о грядущем и неизбежном «конце света». Людмила Сергеевна взирала на это с тихим ужасом, искрен-

не не понимая, что же такое случилось за последние годы, от чего вполне взрослые вменяемые люди вдруг увлеклись паранормальной белибердой, которая рассчитана в лучшем случае на подростков, верящих в Деда Мороза и хоббитов. Ведь чудес не бывает — она это знала точно. Людмила Сергеевна допускала, что где-то, возможно, существует Бог, который создал Вселенную, но при этом никак не могла признать, что у столь величественного конструктора есть хоть какой-то интерес ежесекундно наблюдать за нами, подмечать наши грешки и недостатки, чтобы потом когда-нибудь предъявить счет. То есть по сути Людмила Сергеевна была агностиком и испытывала четкую, на грани отвращения, идиосинкразию к любым чудесам. На самом деле наш мир — главное чудо, а все эти пришельцы и полтергейсты — слишком человеческое, чтобы быть правдой.

И вот ей предложили заняться чудесами. И цельное мировоззрение дало трещину. Можно было бы, конечно, продолжать держаться той линии, что Архангельский морочит ей голову и проводит какой-то эксперимент, но зачем ему придумывать небылицы? И сам этот мальчик по имени Ась... С первого же взгляда он производил впечатление чужого и... аномального, правильно сказал гражданский генерал. Значит, бывает. Значит, случается. Значит, сказки иногда становятся реальностью. Чёрт побери, и как теперь с этим жить?..

Впрочем, Людмила Сергеевна давно научилась бороться с неуверенностью и резкими поворотами судьбы. Иначе никогда не стала бы той, кем стала. Устранить диссонанс можно только одним способом — разобраться с аномалией, разложить ее на составляющие и вписать эти составляющие в картину мира, понятную и предсказуемую, несколько обновленную, но зато без трещин.

Хотя Архангельский резко усложнил задачу, введя ограничение на контакты с коллегами и нужными специалистами, Людмила Сергеевна была уверена, что сумеет разобраться и

без посторонней помощи. Двадцать лет приходится всё делать самой — и как-то ведь справляется!

Прежде всего она запросила доступную документацию по мальчику из будущего: медицинскую карту, результаты осмотров, тестов, анализов, экспертиз. Архангельский лично принес ей четыре пухлые папки ксерокопий, и Людмила Сергеевна потратила на них весь вечер и половину ночи.

По понятной причине больше всего ее заинтересовали материалы психологического обследования. Как и предупреждал гражданский генерал, Ась демонстрировал развитие, которое считается задержанным даже для ребенка с синдромом Дауна. Низкая речевая активность, бедная лексика, неоправданно частая замена названий предметов местоимениями. Диагностический анализ сделанных рисунков указывает на ассоциативную стадию мышления, которую испытуемый так и не преодолел. Классические тесты-рисунки «Моя семья», «Мой дом», «Мои любимые животные» привели к парадоксальному результату: психологу не удалось однозначно идентифицировать объекты, изображенные Асем, с предметами окружающего мира. Здесь Людмила Сергеевна сделала пометку: «Обратить особое внимание!» Преобладание красного и черного цветов выдавало, по мнению психолога, эмоциональное перенапряжение, подавленность и тревогу. Это мнение Людмила Сергеевна отбросила как несущественное, поскольку и так было ясно, что ребенок, находящийся в чуждой ему среде, будет испытывать подавленность и тревогу. Характер рисунков: бóльшая часть листа свободна, отсутствие доминирующих объектов, нечеткая штриховка, множество фигур, похожих на упрощенные изображения лиц без рта, — может свидетельствовать о том, что испытуемый долгое время находился под сильным давлением со стороны взрослых, из-за чего не ощущает себя личностью, боится контактов. Это косвенно подтверждается его панической реакцией на отдельных посетителей — скорее всего, они напоминают ему кого-то из прошлого в негативном контексте.

Людмила Сергеевна сделала пометку: «Может иметь значение!» В резюме психолог приходил к неутешительным выводам о невозможности быстрой социальной адаптации испытуемого и потратил несколько страниц на обоснование своего, довольно экзотического, диагноза — сочетание двух синдромов: генетического (Дауна) и фенотипического (Маугли). Здесь Людмила Сергеевна могла бы поспорить: воспитанные животными дети не умеют рисовать и вообще ведут себя своеобразно, а в случае Ася скорее следует говорить о длительной депривации, приведшей к одному из вариантов психического дизонтогенеза. При этом, однако, психолог с удивлением отмечал, что у испытуемого наблюдается явно выраженная тяга к словотворчеству, которая характерна для нормальных детей в возрасте от пяти лет. Тут Людмила Сергеевна поставила на полях три восклицательных знака, и ей стало окончательно ясно, что психологу не рассказали о необычном происхождении мальчика, вынудив спотыкаться на ровном месте.

Черновой план работы с Асем наметился сам собой. А потому остальные материалы Людмила Сергеевна пролистала без особой внимательности, тем более что в медицине с генетикой разбиралась слабовато. Мальчик из будущего действительно отличался удивительным здоровьем. Трудно представить, но ни синдром Дауна, ни дефицитарное развитие совсем не сказались на его физической форме. Не наблюдалось и известных для этого синдрома симптомов: ни нарушений в строении черепа, ни утолщения языка, ни дефектов ушной раковины, ни аномалий конечностей, ни главного бича — порока сердца. Эндокринологическое обследование не выявило каких-либо нарушений в функциях желез внутренней секреции. Анализ крови — снова всё в порядке, ни малейших намеков на лейкоз... Ага, ну хоть что-то! Основные дерматоглифические признаки налицо: simian lines, сгибательная складка на мизинце, трирадиус искажен. Но с этим-то как раз жить можно, как и с эпикантом, не мешает... Феномен

да и только! Приходится признать, что в будущем научатся лечить явные последствия этого генетического дефекта. Может, и неизбежное бесплодие мальчиков с синдромом Дауна тоже лечат? Интересно было бы проверить, как Ась в этом смысле... Но почему же вы, товарищи потомки, не научились лечить сам синдром? Это всё же проще, чем устранить дефекты, порождаемые болезнью, в том числе на клеточном уровне. Даже сегодня известны случаи мозаицизма, когда у вполне нормальных людей часть клеток несет сорок седьмую хромосому. Почему бы вам не добиться мозаицизма генетической коррекцией?.. И почему, несмотря на ваши ухищрения, мальчик находится на уровне дебила?.. Черт возьми, как не хватает специалиста под рукой! Сейчас бы сделать пару звонков в институт, отыскать, например, Ядвигу и прямо спросить, какие там у них имеются достижения на переднем крае науки — может, навела бы на идею...

Людмилу Сергеевну беспокоило что-то еще в представленных материалах, но она устала и никак не могла сосредоточиться, чтобы поймать за хвост ускользающую мысль. Решив, что утро вечера мудренее, она разделась, забралась под одеяло и мгновенно уснула. Сон, правда, был тревожный. Снились длинные мрачные коридоры с разноцветными линиями на стенах, которые, куда бы ни пошла Людмила Сергеевна, всегда приводили ее в одно место — в большое помещение, похожее на крытый хоккейный стадион, в центре которого стоял массивный гроб.

7

Утром — Людмила Сергеевна едва успела принять душ — заявился Архангельский. Он был гладко побрит, подтянут и выглажен, благоухал дорогим одеколоном. Его сопровождал молчаливый охранник, принесший завтрак в пяти пластиковых контейнерах: маринованный лосось, французская ветчина, немецкие сыры, разнообразные салатики в тарталетках, свежие фрукты и соки.

Людмила Сергеевна с удовольствием позавтракала. Бесцеремонный Архангельский не дал ей остаться в одиночестве и трепался без умолку, изложив в общих чертах, какую информацию Министерству обороны и ему персонально хотелось бы «выудить» из пришельца. Прежде всего — цель визита. Зачем он здесь? Почему для визита был выбран именно 2009 год, а не какой-то другой? Почему была выбрана Россия и Подмосковье? Не связан ли этот выбор с неким значимым событием, которое вот-вот должно произойти и которое будут помнить даже через сто лет? Какое средство использовалось для перемещения во времени? Есть ли на орбитальном корабле оружие?..

Людмила Сергеевна спокойно слушала этот бред, а когда закончила есть и промокнула губы салфеткой, подытожила:

— Вы слишком многого хотите, Михаил. Он же еще ребенок. Я думаю, он вообще не понимает, где и почему оказался. Может быть, он проник в вашу машину времени случайно. Вы, кстати, рассматривали такую возможность?

Архангельский ответил уклончиво:

— Да, у нас есть несколько... э-э-э... гипотез, объясняющих странности его прибытия сюда.

— Ну вот, нам будет куда проще работать, если вы изложите их все.

— Я бы этого не хотел, — признался Архангельский.

— Почему?

— Это может повлиять на вас. И вы начнете подгонять свои выводы под нравящуюся гипотезу. Коррекция результатов — одна из проблем научного поиска. Мне приходилось сталкиваться с подобным, поэтому я хотел бы, чтоб вы начали с чистого листа. Но в свое время я всё расскажу, честное слово.

Людмила Сергеевна пожала плечами:

— Что ж, пусть будет по-вашему.

Потом она переоделась в свой медицинский костюм, и они отправились на встречу с Асем.

— Вы ознакомились с документами? — спросил Архангельский по дороге.

— Разумеется.

— Что можете сказать?

— Я уже сказала. Не ждите от мальчика слишком многого.

Когда они вошли в карантинный блок, Ась сидел в клетке на полу и переставлял кубики Никитиных с разноцветными гранями. Сегодня Людмила Сергеевна получила возможность спокойно осмотреться и теперь заметила, что мальчик из будущего находится под непрерывным наблюдением — слева от входа у стены в полумраке был смонтирован пульт непонятного назначения, за которым разместилась парочка верзил. Они сидели неподвижно и издалека их можно было принять за манекены из ателье готовой одежды. Архангельский помахал, один из верзил ответил, и стало ясно, что они всё-таки живые люди.

Гражданский генерал остановился и пропустил Людмилу Сергеевну вперед.

— Что такое? — она обернулась. — Вы не идете?

— Я здесь останусь, — сказал Архангельский. — Он почему-то меня боится. Истерит с первой же встречи. Так что будет лучше, если я вас подожду. Послежу немного за работой. Парни откроют вам клетку. Учтите, после того, как вы войдете внутрь, и на всё время общения с пациентом дверь будет закрыта. Уж извините. Тут лучше перебдеть...

— ...Чем недобдеть, — поддразнила Людмила Сергеевна. — Ладно, открывайте вашу клетку.

Когда Ась заметил ее, то вскочил на ноги и снова, как в первый раз, прижался обнаженным телом к прутьям решетки.

— Мама! — радостно провозгласил он.

На лице Ася заиграла широкая, добродушная и беззащитная улыбка, которая лучше других примет указывала на синдром Дауна — за нее, а еще за мягкий характер их и называют «солнечными детьми».

— Здравствуй, Ась, — сказала Людмила Сергеевна, улыбаясь в ответ.

— Мама, меня Ась! — радостно провозгласил мальчик из будущего, что, по-видимому, следовало переводить как «Мама, меня зовут Ась».

Людмила Сергеевна подошла еще ближе и увидела наконец дверь — она находилась в торце клетки и была снабжена электронным замком, управляемым дистанционно.

— Заходите! — разрешил Архангельский за спиной. — Мы ее открыли.

И действительно дверь легко поддалась, и Людмиле Сергеевне ничего не оставалось, как войти и прикрыть ее за собой. Шагнула словно в клетку к хищному зверю. Но ведь это не зверь — это всего лишь молодой человек с психикой ребенка, задержавшегося в развитии.

— Там кыш, — сообщил Ась с тревогой на лице. — Кыш опасно. Кыш тьма. Бух-ты и тьма, — он выставил вперед руки и согнул пальцы, как будто силясь изобразить когтистые лапы. — Кыш опасно.

— Не бойся кыша, — твердо сказала Людмила Сергеевна. — Кыш там, а я здесь. Я защищу от кыша.

— Да, — сказал Ась и вновь заулыбался. — Мама добрая. Ась да.

Кроме тахты, в клетке наличествовали унитаз, рукомойник и две коробки с игрушками — весь интерьер. Нормальный ребенок здесь уже свихнулся бы и устроил бунт, но мальчик из будущего, похоже, воспринимал это убожество как должное.

Людмила Сергеевна присела на краешек тахты.

— Ты играешь в кубики? — поинтересовалась она.

— Ась да, — подтвердил мальчик из будущего. — Игра хорошо. Они цвет. Хорошо.

— Это хорошие кубики, Ась, я с тобой согласна. И игра с кубиками — это очень хорошо. А как ты играешь с кубиками?

Ась присел на корточки и принялся переворачивать кубики, пока не добился, чтобы все они оказались красной гранью вверх.

— Ась да, — сообщил он, закончив работу. — Цвет плохо. Кыш, — он опять изобразил когтистые лапы, после чего смешал кубики и начал переворачивать синей стороной. — Цвет добро. Дом. Ась да.

— У тебя очень хорошо получается играть с кубиками, Ась, — сказала Людмила Сергеевна. — Но кубики можно не только складывать по цвету. Из кубиков можно составлять фигуры. Смотри.

Она встала на колени рядом с Асем и быстро сложила классическую «ёлочку».

— Как ты думаешь, Ась, что это такое?

Мальчик из будущего минуту молчал, глядя на кубики.

— Ась нет, — сказал он. — Они не так.

Он смешал кубики и перевернул синими гранями вверх:

— Ась да. Игра хорошо. Мама хорошо.

С первого раза контакт установить не удалось. Но Людмила Сергеевна была терпелива. Поочередно она складывала одну фигуру Никитиных за другой, давая им названия и повторяя их на разные лады, чтобы Ась запомнил, какое из существительных соответствует конкретной фигуре. Однако мальчик из будущего упорно отказывался понимать ее, стараясь перевернуть кубики по-своему. Только одна из фигур вызвала у него восторг — «рыба». Ась захлопал в ладоши и закричал, указывая на нее:

— Раж! Раж! Ась да. Хорошо. Они ж-ж-ж. Пуск! Ась да.

Людмила Сергеевна хотела смешать кубики, но мальчик из будущего остановил ее. Он всё силился что-то объяснить ей, бормоча нелепицу, разводя и сводя руки, делая какие-то пассы, улыбка шире некуда, в глазах сияние, волосы разметались, а Людмила Сергеевна готова была заплакать — сердце ее щемило от жалости, помноженной на осознание собствен-

ного бессилия перед лицом страшной болезни, которую не научатся лечить даже через сто лет.

Потом мальчик из будущего устал и прилег на тахту.

— Ась да, мама, — бормотал он благодарно. — Раж да. Раж хорошо. Спасибо, мама.

Последние слова прозвучали четко и разумно — можно было подумать, что она и впрямь разговаривает с повзрослевшим сыном. С тем сыном, который у нее когда-то мог быть. Запахло кислыми щами. Людмила Сергеевна сумела подавить нахлынувшие чувства, это привычно, и сказала:

— Ты молодец, Ась. Я горжусь тобой. Конечно, рыбка останется. Я пока отлучусь, чтобы поработать. А ты изучай рыбку. Попробуй сложить такую же из других кубиков. Еще одну рыбку — из красных кубиков. Из красных кубиков. До свидания, Ась! Я вернусь, и мы придумаем новую игру.

Ее выпустили из клетки, и снаружи уже поджидал Архангельский. Он стоял в полумраке и беззвучно аплодировал.

— Хорошая работа! — одобрил он, когда Людмила Сергеевна подошла. — Теперь я вижу, что именно вас нам и не хватало. Что вы думаете по поводу этих слов — «Раж», «Кыш»? Они могут что-то означать? Или это... э-э-э... детские фантазии?

— Вы слишком торопитесь, Михаил, — упрекнула Людмила Сергеевна. — Мы только начали. И я могу сказать сразу, что быстро ничего не будет. У Ася нет даже зачатков абстрактно-логического мышления. Только — предметно-ассоциативное. Вы обратили внимание, что из всех фигур, которые я предложила, он опознал рыбу? Почему? Ведь она не похожа на настоящую рыбу настолько же, насколько символ ёлки не похож на настоящую ёлку. Понимаете? Возможно, мне совершенно случайно удалось угадать символ — не предмет, а символ, который Асю приходилось видеть очень часто в... прежней жизни. Или вы используете нечто подобное?

— Нет, — Архангельский задумчиво покачал головой. — Ничего похожего. Рыба, говорите? Рыба? Это ведь символ ранних христиан? — он потер шею. — Очень интересно!

— Это ваша интерпретация, вы включаете разум и логику, а Ась ничего подобного делать не умеет. Для него символ рыбы — это просто символ, который ассоциируется с определенной обстановкой. Он постоянно повторял слово «раж». Скорее всего, это слово ассоциируется у него с той же обстановкой. Чтобы понять, о чем он говорит, необходимо подетально реконструировать эту обстановку и убедиться в ее аутентичности. Задача, как вы понимаете, не из простых.

— Мда-а... — разочарованно произнес Архангельский. — Но у вас есть какие-то предложения?

— Всё очень просто, — сказала Людмила Сергеевна. — Считайте, что период изучения Ася закончился. Теперь мы будем его обучать.

8

Словообразование было коньком Людмилы Сергеевны.

Она считала его одним из лучших инструментов по развитию мышления у детей пяти-шести лет. Еще великий сказочник и педагог Корней Чуковский писал, что в необыкновенной способности детей к придумыванию новых слов выражаются зачатки творчества и очень важно не загубить их грубостью или непониманием. Продуманная игра в слова способствует не только сохранению творческой жилки, но и позволяет быстрее осуществить переход — от мышления, примитивно фиксирующего момент, к сложно организованному, позволяющему анализировать прошлое, планировать будущее и выявлять связи между предметами и явлениями.

Людмила Сергеевна и сама в детстве любила придумывать хитрые словечки, понятные только ей и обозначающие какую-то уникальную вещь. Самое смешное, что некоторыми из этих словечек она пользовалась до сих пор. Только один пример.

Как-то отец привез из Питера импортную зубную пасту — в советские времена это была большая редкость, и купил он ее в «Березке» на чек Внешторгбанка, оставшийся после приобретения финского холодильника. Паста поразила Людочку тем, что была разноцветной: на щетку выдавливалась не привычная белая колбаска, а сразу три: белая, красная и зеленая. Цвета были яркие, словно леденцовые. Когда Людочка впервые увидела их, у нее возникло непреодолимое желание лизнуть, что она и проделала. Вкус разочаровал: паста как паста, но чтобы как-то выделить эту пасту из общего ряда, она придумала ей название — «трипаста». Позднее экзотические зубные пасты стали частью жизни, и трудно представить, что совсем недавно многочисленные гигиенические средства, занимающие целые отделы в супермаркетах, были дефицитом, но словечко у Людмилы Сергеевны закрепилось, и мысленно она продолжала его использовать. Однажды по рассеянности даже ляпнула в магазине: «Дайте трипасту, пожалуйста», и, что характерно, продавщица ее поняла и выдала именно то, что требовалось.

Дети с синдромом Дауна в этом смысле мало чем отличаются от обычных детей. Главное — четко различать, где они ошибаются, неверно произнося общеупотребимые слова, а где комбинируют их, пытаясь создать собственную описательную систему. Людмила Сергеевна собиралась использовать один из наработанных вариантов многоуровневой методики стимуляции творческого начала так, чтобы Ась сумел со временем подобрать более понятные заменители к тем словам, которые сегодня использует. Тогда и станет ясно, что означают все эти «кыш» и «раж».

Однако для того чтобы успешно играть в словообразование, нужно было дать Асю новые впечатления. Он уже полгода сидел в клетке, а подобное ограничение свободы действует негативно даже на взрослых здоровых мужиков — что говорить о мальчике, навечно застрявшем в детстве?

На этой почве у Людмилы Сергеевны созрел конфликт с Архангельским. Она потребовала немедленно изменить условия содержания Ася, выводя его на прогулку как минимум два раза в день. Гражданский генерал, не вникая, заявил, что это невозможно. Людмила Сергеевна настаивала и утверждала, что без этого мальчик будет вариться в собственном соку и деградирует в еще большей степени. Архангельский напомнил, что мальчик прибыл из будущего, о котором мы ничего не знаем и сказать не можем, — вдруг он «поведет себя неадекватно», и кто будет отвечать? Людмила Сергеевна не придумала достойный контраргумент, но вечером, стоя в душевой кабинке и размышляя о минувшем дне, вдруг сообразила, что же ее насторожило в материалах комплексного медицинского обследования. Она тут же остановила воду, наскоро обтерлась и голышом выскочила в комнату, чтобы подтвердить догадку. Нашла расшифровку рентгеновских снимков, и прочитанное привело ее в ярость. В результате она никак не могла уснуть и насилу дождалась появления Архангельского.

— У него левая рука в трех местах сломана! — кричала она на обомлевшего генерала. — Что вы, сволочи, с ним делали?!

Архангельский, казалось, смутился, потом попытался оправдаться:

— Это еще до меня. В первой группе был один псих — полковник ФСБ. Он считал, что пришелец специально прикидывается... э-э-э... дебилом, чтобы ввести нас в заблуждение. Ну и применил к нему средства физического воздействия. Перестарался. Но мы исправили ситуацию. Полковник наказан за самоуправство.

Людмила Сергеевна не была уверена, что Архангельский сказал ей правду, но это теперь и не имело принципиального значения.

— И где вы его пытали? Прямо там? В карантинном блоке? И вы всерьез рассчитываете, что мальчик пойдет на расширенный контакт там, где его пытали? Да вы его запугали до

чертиков! Настоящие фашисты! Не удивлюсь, если окажется, что «кыш» означает палач!

На Архангельского ссора произвела впечатление, и он пообещал решить вопрос с прогулками.

На это у гражданского генерала ушла неделя. Пока суть да дело, Людмила Сергеевна занималась с Асем, пытаясь научить его складывать из кубиков осмысленные фигуры и работать с конструктором. Хотя визиты «мамы» доставляли мальчику из будущего большую радость, с обучением получалось не очень. Наконец Архангельский принес добрую весть: прогулки разрешены, но не на улице, а в крытой оранжерее, которая, оказывается, имеется на территории этого исследовательского комплекса.

И действительно, вскоре Людмила Сергеевна и Ась получили возможность посидеть спокойно в тени пальм, погулять по утоптанной дорожке среди кактусов и орхидей, полюбоваться на игру солнечного света в брызгах воды из оросительной системы. Первое время Ась просто не мог работать — живые растения приводили его в неописуемый восторг, он носился и заходился смехом. Постепенно всё же привык и изъявил желание узнать, как они называются:

— Ась да. Мама хорошо. Мама, кто зеленые?

Целых пять дней Людмила Сергеевна учила его правильно выговаривать: цве-ток, как-тус, де-ре-во, паль-ма, ки-па-рис, куст.

Однажды в беседе с Архангельским она высказала мнение, что, похоже, Ась никогда не видел такого разнообразия растительности, а если и видел, то это была какая-то другая растительность. Может быть, инопланетная? Но где в Солнечной системе еще существует жизнь?

Гражданский генерал не исключал подобной возможности:

— Эксперты считают, что наши потомки действительно смогут летать на другие планеты. И не только в пределах... э-э-э... Солнечной системы. Вы слышали о новейших откры-

тиях астрономии? Обнаружено множество планет у соседних звезд... Нет, не слышали? На некоторых из них может существовать жизнь, растительность. Я читал, что эта растительность не обязательно должна быть зеленой. Наоборот, зелень — редкость. Растения, как известно, поглощают наиболее энергетическую часть спектра, для Земли это синий и красный цвета, а зеленый отражается. А скажем, у планет в системах красных карликов, где интенсивность светового потока намного ниже, листья будут выглядеть черными. Представляете?

— С трудом, — призналась Людмила Сергеевна. — Честно говоря, я вообще не понимаю, как это сочетается: машина времени и полеты к звездам. Это ведь разные вещи?

— Эксперты полагают, что связанные вещи. Перемещения между звезд могут стать реальностью только при использовании технологии... э-э-э... моментальных прыжков в пространстве. Они называют это телепортацией. Но материальные объекты не могут перемещаться со скоростью выше световой без нарушения фундаментальных законов Вселенной. Например, нарушаются причинно-следственные связи. Возникает... э-э-э... парадокс, который разрешается в любую сторону... Если говорить упрощенно, то звездолет, использующий телепортацию, находится как бы везде одновременно. А значит, теоретически может вернуться назад даже раньше, чем отправился в путь. Потомки должны предусмотреть подобную возможность и как-то подстраховаться, но, наверное, и у них случаются сбои, поломки... Впрочем, вариант целенаправленной засылки Ася тоже не исключается. Из этого и будем исходить.

— Заинтриговали, — сказала Людмила Сергеевна. — Не пора ли и мне ознакомиться с отчетами ваших экспертов?

— Всему свое время, — сказал Архангельский непреклонно. — Вы же помните о проблеме корреляции результата?..

В оранжерее Людмила Сергеевна отказалась от игры с кубиками и вооружилась пачкой бумаги и цветными фломастерами. Начинать следовало с основ.

— Смотри, Ась, — говорила она, разложив чистые листы на складном столике. — Сейчас я нарисую во-он тот кактус, — старательно изображала кактус. — А вот пальма, — рядом появлялся рисунок пальмы. — А это я, — между пальмой и кактусом появлялась стилизованная человеческая фигурка. — А ты сможешь так? Попробуй нарисовать кактус и назвать его.

Мальчик из будущего смешно морщил лоб, но, кажется, понимал, что от него требуется. Он брал фломастер, неуверенно выводил овал, потом замирал. В сущности, ему оставалось только пририсовать колючки — маленькие черточки на овале, но это было за пределами его способностей к изображению натуры. А ведь рядом находился образец, созданный Людмилой Сергеевной.

Не дождавшись продолжения, она перехватывала инициативу и дорисовывала колючки. Ась наблюдал за процессом и восхищенно шептал:

— Кактус да, мама хорошо, игра хорошо. Кактус да. Мама, спасибо!

— Ась, — говорила Людмила Сергеевна осуждающе, — ты мог сам нарисовать кактус. Но не захотел этого делать. Почему? Ты ленишься? Ты хочешь, чтобы я рисовала за тебя кактус? Нет, ты должен сам нарисовать. Ты рисуешь! Теперь нарисуй пальму...

И всё повторялось.

За этими упражнениями Людмила Сергеевна впервые услышала странное словечко «чушики». После очередного фиаско Ась забрался на скамейку с ногами, весь сжался и выглядел таким несчастным, что его хотелось обнять и приласкать. Людмила Сергеевна, впрочем, сдержалась — не тот момент.

— Чушики нет, — пожаловался Ась, подтвердив свое расстройство по поводу отсутствия неведомых «чушиков» со-

ответствующей гримасой. — Чушики хорошо буду. Чушики надо. Игра лучше. Рисовать лучше.

Людмила Сергеевна озадачилась. С одной стороны, ее порадовало, что мальчик из будущего начал употреблять глагольные формы, с другой — он подкинул ей новую загадку, которая мешала двигаться дальше.

— Что такое чушики, Ась? — спросила она прямо. — Расскажи мне.

Ась повертел головой.

— Чушики, — повторил он. — Чушики надо.

И сделал руками несколько непонятных пассов.

— Ты можешь назвать чушики по-другому? Помнишь, что я говорила? Кактус — это кактус. Пальма — это пальма. Кактус и пальма — это растения. А что такое чушики? Растения?

— Нет. Чушики.

— Ладно. А ты можешь нарисовать чушики? — она придвинула к нему чистый листок бумаги и фломастер.

Ась вдруг заливисто рассмеялся. И сказал с интонацией, которая показалась Людмиле Сергеевне чуть ли не назидательной:

— Чушики рисовать нельзя. Чушики рисовать лучше.

Вернувшись вечером к себе в комнату, Людмила Сергеевна еще раз просмотрела изрядно замусоленный отчет психолога. «Чушики» присутствовали в ряду других слов, которые психолог считал сконструированными. Но психолог ошибся — Ась явно понимал значение этого слова и употреблял его применительно к ситуации, которая вызывала у него конкретную ассоциацию.

«Чушики»? Рисовать нельзя. Рисовать лучше. Что бы это значило? Может быть, это предмет, которым в будущем принято рисовать?

Лежа в кровати, Людмила Сергеевна попыталась отпустить свое воображение, на разные лады повторяя это странное словечко. Чушики. Чушь. Ерунда. Ерундовая вещь.

Ненужная вещь. Пустая вещь. Пустота... Нет, ничего не получается! Сплошная трипаста лезет!..

На следующий день Людмила Сергеевна заказала и принесла в оранжерею целый комплект для рисования, а также пластилин, аппликации и набор открыток с изображениями разных растений. Предметом для художественного осмысления вновь стал кактус. Сначала Людмила Сергеевна еще раз попросила Ася нарисовать кактус на бумаге, а когда тот заныл про «чушики», предложила ему свой инструментарий. Ась с интересом изучил кисточки и краски, помял в руках пластилин, разбросал веером фрагменты аппликаций, на открытках остановился.

— Кактус, — сказал он с детским восторгом, тыча в соответствующую картинку. — Кактус да. Хорошо. Рисовать хорошо.

— Это чушики? — спросила Людмила Сергеевна, сдерживая волнение.

Ась задумался, повертел открытку и так, и сяк. Было видно, что он очень хочет помочь «маме». В конце концов он отбросил открытку и с обидой сказал:

— Чушики нет. Чушики рисовать лучше.

Людмила Сергеевна была готова признать поражение. И тут мальчик из будущего выдал совсем уж несусветное:

— Чушики надо. Помадки надо. Вертячки надо. Вертячки, помадки, чушики, раж. Ась хорошо. Мама, Ась да?

Людмила Сергеевна растерялась. Вопрос «Мама, Ась да?» можно было перевести как просьбу что-то дать. Но откуда ей знать, чего именно просит мальчик из будущего?

Ась смотрел на нее с мольбой, и пришлось ответить так:

— Конечно же, Ась, я выполню твою просьбу. Ты получишь и вертячки, и помадки, и чушики. Получишь в будущем.

Людмила Сергеевна и сама заметила, насколько двусмысленно прозвучало ее последнее обещание.

9

Следующим утром Архангельский, как всегда энергичный и нетерпеливый, потребовал у нее устного отчета о проделанной работе.

Людмила Сергеевна описала свои проблемы.

— У меня сложилось впечатление, что в данном случае Ась говорит о реальных предметах. Если «раж» — это некий символ, а «кыш», скорее, обозначение для врага или неприятного человека, то «вертячки», «помадки», «чушики» — фрагменты чего-то большего и целого. Что это может быть за целое?

Гражданский генерал развел руками:

— Неприятный человек находится в затруднении. И даже в большем, чем вы.

— Я хотела бы взглянуть на спускаемый аппарат, в котором Ась прибыл на Землю. Он здесь?

Архангельский задержался с ответом.

— Нет, — признался он после паузы. — Спускаемым аппаратом занимаются специалисты из космической отрасли. В другом... э-э-э... исследовательском центре. К сожалению, у меня нет полномочий показывать вам спускаемый аппарат пришельца.

— Как мне это нравится! — сердито воскликнула Людмила Сергеевна. — Просто замечательно! Я должна реконструировать мир будущего без предметов из будущего. Как вы себе это представляете?

— Там нет ничего интересного, — заверил Архангельский, — для... э-э-э... гуманитария. Это небольшая капсула с местом для пилота и двигательным отсеком. Внутри — кресло и пульт. Всё. Даже иллюминатора нет...

— Компьютер? Никогда не поверю, что потомки будут летать в космос без компьютеров.

— Какой-то компьютер там есть, да. Вообще, как я понял из объяснений, компьютерная система интегрирована во все

элементы капсулы, даже в... э-э-э... жаропрочную обшивку. Но это совсем другой аппаратный уровень. Спецы даже не знают, как к нему подступиться. Тем более что капсула у нас в единственном экземпляре, и не хотелось бы допустить фатальную ошибку...

— Михаил, вы видели спускаемый аппарат? Своими глазами видели?

— Да, разумеется.

— Что-нибудь там вертелось? Светилось? Мигало? Какие-нибудь индикаторы? Стрелки? Осциллографы? Кнопки? Рычаги? Верньеры?

Людмиле Сергеевне показалось, что Архангельский смутился.

— Ну как вам описать?.. Там просто кресло. Из очень мягкого и гибкого материала. А рядом с ним тонкая металлическая доска. Закрепленная под углом. Как раз чтобы положить руки, если сидишь в кресле. Эту доску и назвали пультом, потому что другого объяснения ее присутствию внутри капсулы нет. Уверяю вас, драгоценная Людмила Сергеевна, внутреннее устройство капсулы вам ничего не даст. А вот проблемы сразу появятся...

— Какие проблемы? — с подозрением осведомилась Людмила Сергеевна.

— На меня тоже давят сверху, — пояснил Архангельский. — Ситуация очень непростая. Вы даже представить себе не можете, какой... э-э-э... муравейник разворошил ваш пациент своим появлением. Если я попрошу дополнительных полномочий сверх того, что у меня уже есть, это вызовет много вопросов. И не факт, что решение будет принято в мою пользу. Поэтому давайте работать в рамках заданных правил. Они могут нам нравиться или не нравиться, но это правила... «Вертячки», «помадки», «чушики»? Забавно...

10

Всё началось с кота. Как позднее выяснилось, кота звали Васька. Он был рыжий, бесстыжий и вороватый.

Людмила Сергеевна и не подозревала, что в комплексе обитает такой зверь, пока тот сам не появился в оранжерее, бесшумно подкравшись со стороны пожарного выхода и устроившись под мясистыми листьями алоэ — понаблюдать. Она и заметила-то его не сразу, а когда заметила, то прикинулась, будто не видит, чтобы не спугнуть. На душе сразу потеплело — хотя прошло всего две недели, как Архангельский вырвал ее из привычного круговорота жизни и поместил в эту комфортабельную тюрьму, Людмила Сергеевна уже ощущала тоску и томление. Рыжий кот напомнил ей, что вне этих стен всё еще есть большой и шумный мир. Вспомнился интернат — там при столовой кормилась целая стая разномастных кошек, и хотя каждый раз их присутствие вызывало ворчание у санитарного врача, Людмила Сергеевна строго следила, чтобы животных не обижали: кошки ей были куда более симпатичны, чем крысы. Вспомнились дети, прежде всего — проблемные. Саня вот-вот должен лечь на операцию. Олечка входит в возраст, и с ней нужно отдельно поговорить, объяснить, что к чему, и, желательно, не один раз. Артемка-непоседа опять что-нибудь учудил... Ирина, небось, с ног сбилась — вертится там за троих, от директора мало толку...

Тут благостное течение мыслей прервал истошный визг. Ась упал со скамьи на землю, обхватил Людмилу Сергеевну за ноги и непрерывно орал во всю силу своих идеальных легких.

Кота, разумеется, как ветром сдуло. Людмила Сергеевна сначала растерялась, но потом подняла Ася на ноги, отряхнула спортивный костюм, в котором его выводили в оранжерею, усадила, приобняв, на скамью. Ась орать перестал, но из глаз у него катились огромные слезы, он жмурился, всхлипывал и старался поплотнее прижаться к своей «маме». Что за чертовщина?

— Ась, что случилось? Ась, успокойся, пожалуйста. Ничего страшного не происходит. Я здесь, я с тобой.

— Там, там, там, — бормотал мальчик из будущего, трясясь всем телом. — Вертячки надо. Мама, вертячки да. Кыш там. Плохо, плохо там. Больно там. Кыш.

Людмила Сергеевна встрепенулась. Она поискала глазами Архангельского или кого-нибудь из охраны, но в оранжерее они с Асем были вдвоем.

— Где кыш, Ась? Где? Тут никого нет.

— Там! — мальчик из будущего, не глядя, ткнул в сторону алоэ, за которым только что прятался кот.

До Людмилы Сергеевны наконец дошло:

— Рыжий, что ли? Кот? Ась, это не кыш, это — кот! Обыкновенный котишка. Он нестрашный. Как в сказках: и днем, и ночью кот ученый всё ходит по цепи кругом...

— Это кыш, — упрямо заявил Ась, однако трястись постепенно перестал, с опаской оглянулся и чуть расслабился, убедившись, что кот сбежал. — Это кыш. Вертячки надо, мама. Чушики надо, мама. Кыш боль, плохо. Раж хорошо.

Чёрт возьми! Получается, кыш — это кот? Не может такого быть!.. А почему собственно не может? Что, если у них в будущем коты — это особо опасные хищники, которые нападают на людей? У нас вот до сих пор водится в лесах рысь, и лучше не встречаться с ей на узкой тропке — сожрет и не подавится. Или манул. Попробуй погладь манула!.. Допустим, в будущем кошки стали хитрыми и сильными врагами человека, а раж — рыба? — им как-то противостоит... Глупость, безумие, чертовщина, но... не глупостью ли и чертовщиной показался бы наш современный мир какому-нибудь средневековому монаху или викторианскому джентльмену? Бабы ходят в брюках и майках в обтяжку, мужики наносят татуировку на тело, прокалывают нос и уши, словно дикари какие. И это у нас — норма! Только вот с домашними животными никакой особой эволюции за последние столетия не произошло — как издевались над ними, так и издеваются. Хотя,

если вспомнить, те же кошки появились в Европе сравнительно недавно... Крестоносцы их завезли, кажется...

Людмила Сергеевна спохватилась, что за своими рассуждениями совсем забыла об Асе. Но и тот не подавал больше повода для беспокойства — пригрелся в объятиях и даже задремал. Маленький мой...

Архангельский был очень доволен представленным отчетом. Наконец-то прогресс!

— Это очень важная информация, — подытожил он, когда Людмила Сергеевна закончила рассказ об инциденте в оранжерее. — Значит, «кыш» — это кот или некое существо, похожее на кота? Как вы думаете, мне стоит... э-э-э... побриться? — он потрепал себя по бакенбарде. — Я знаю, что имеется определенное сходство. Наверное, поэтому ваш пациент меня и боится. Не так сильно, конечно, как рыжего Ваську, но всё же...

— Не стоит, — сказала Людмила Сергеевна. — Вам идет.

Архангельский внимательно посмотрел ей в глаза.

— Тем не менее попробовать стоит. Чем не пожертвуешь ради чистоты эксперимента? Посмотрим на его реакцию... Но мы до сих пор не выяснили, что подразумевается под «вертячками» и... э-э-э... «помадками», «чушиками».

— Тут я ничего сказать не могу. Всё это связано с «раж», но каким образом, не представляю.

— Как быстро мы можем рассчитывать на результат?

— Михаил! Я уже говорила и могу еще раз повторить: Ась — не машина, не робот, он просто напуганный ребенок. С ним нельзя выстраивать какие-то планы и форсировать процесс. Уже форсировали, и что в результате?..

Однако, вопреки пессимистическим ожиданиям Людмилы Сергеевны, ее метод начинал приносить действенные результаты. К примеру, слово «помадки» ей удалось «взять» довольно быстро.

Оно определенным образом указывало на нечто съедобное. С детства у Людмилы Сергеевны сохранилось теплое

воспоминание о посещении магазина «Восточные сладости» на Невском. Магазин считался одной из достопримечательностей Ленинграда, там всегда вилась очередь, и нужно было набраться терпения, чтобы выстоять и получить вожделенную коробку с маленькими кусочками счастья. Экзотические «лукум», «халва», «нуга», «козинаки», «пахлава» до сих пор звучали сладчайшей музыкой. Были в продаже и помадки — белые шарики, буквально таявшие во рту. Нечто съедобное...

Еще в первые дни Людмила Сергеевна выяснила, чем кормят Ася. Оказалось, что довольно примитивно — кашей: манной, гречневой, овсяной. На вопросы о скудности меню Архангельский объяснил, что мальчика пытались угощать более калорийной пищей, но добились только расстройства кишечника. Людмила Сергеевна восприняла эту информацию с изрядной долей скептицизма — наверняка кормили каким-нибудь шашлыком-машлыком — и вплотную занялась питанием Ася, это стало частью ее игры.

На дворе осень, а значит, прежде всего — ягоды и фрукты. Ась поначалу настороженно отнесся к яблокам, грушам и винограду — складывалось впечатление, что он не знает, как к ним подступиться. Пришлось нарезать, удалить косточки и в прямом смысле показать, что это можно есть, что это вкусно. Асю новая еда понравилась.

— Сладко, — говорил он, уплетая фруктовую мякоть, и похлопывал себя по животу: — Ему хорошо.

Людмила Сергеевна сразу пыталась добиться от Ася, как бы он назвал тот или иной фрукт. Но у мальчика из будущего не было своих вариантов. Он лишь старательно повторял то, что ему говорила «мама»:

— Яб-ло-ко. Ман-да-рин. А-пель-син. Ви-но-град. Вишня. Сладко. Ему хорошо.

Напрашивался вывод, что через сто лет свежие ягоды и фрукты будут практически недоступны.

Людмила Сергеевна решила, что идет по тупиковому пути. Но продолжала выписывать разные продукты, чтобы, как она выражалась, «побаловать маленького».

Однажды Людмила Сергеевна заказала сушеные бананы. Это было не совсем то, что нужно Асю, но тут сыграли роль ее собственные пристрастия. Вот захотелось сушеных бананов — мочи нет! Она обожала их с юности, в Питере пакетики с сушеными бананами можно было найти даже в самые голодные постперестроечные времена, но и сегодня, хотя вкусовые приоритеты заметно изменились, Людмила Сергеевна не отказывала себе в удовольствии перехватить брикет-другой, утолив на бегу голод и честно не понимая, почему вместо такого изысканного деликатеса люди предпочитают потреблять убогие «сникерсы».

Ась с любопытством и нетерпением ждал, когда «мама» откроет упаковку с новым лакомством, а, увидев содержимое, просто зашелся от восторга:

— Помадки да! Ась хорошо да. Мама, спасибо!

Протянул руку, схватил, засунул в рот и принялся жевать с самым блаженным видом.

Людмила Сергеевна опешила. Но это же было на поверхности, чёрт возьми! Он прилетел из космоса, а там используется космическая еда: брикеты, тубы, сублимированные продукты. Ни один ребенок в этом возрасте не сможет внятно описать космическую еду — не хватит ни понимания, ни словарного запаса. «Помадки»! Типичный пример словотворчества. И как же всё просто выглядит, когда знаешь ответ. Не удивлюсь, если и «вертячки» с «чушиками» из той же оперы...

Архангельский порадовался новому успеху Людмилы Сергеевны.

— Нам стоит заказать космическую еду в Королёве? — спросил он.

— Незачем, — отозвалась Людмила Сергеевна. — Ась с удовольствием ест и обычную. Постепенно привыкнет к более

жесткой пище. А сублимированные продукты ему теперь ни к чему — он же на Земле, а не в космосе.

— Логично, — согласился Архангельский. — Главное, что мы теперь знаем: «помадки» — это еда. Смешно...

— Что тут смешного?

— Я в детстве увлекался фантастикой. У отца была богатая библиотека с разным книжным... э-э-э... дефицитом. В советские времена хорошую приключенческую или фантастическую литературу было просто так не купить. Помните, наверное? Он сам-то ничего не читал, собирал для понтов, многие из партактива так делали. На одной полке — собрание сочинений Ленина и Фейербаха, на другой — Адамов, Вайнеры, Казанцев, Стругацкие. Отец не читал, зато я насладился в полной мере. Там много было книг о будущем. Авторы были уверены, что мы, в двадцать первом веке, все сплошь будем питаться исключительно концентратами. Слопал брикет или таблетку — и доволен. И вот двадцать первый век, а брикетами по-прежнему только космонавты питаются...

Следующим этапом стало освоение слова «чушики». И тоже всё получилось с необычайной легкостью. Поскольку Ась был ограничен в перемещениях, Людмиле Сергеевне пришла в голову идея показывать ему разные объекты на экране. Поэтому она заказала хороший ноутбук с высококонтрастной матрицей, а картинки для обучения «надергала» из Интернета. Принесла ноутбук в оранжерею и для начала вывела на экран всё тот же кактус. Ась наблюдал за ее манипуляциями с восторгом и вдруг заливисто засмеялся.

— Чушики да! Чушики да!

Потом он резко наклонился к ноутбуку и сильно ударил выставленными пальцами по дисплею. Ноутбук упал на землю, экран погас. Это напугало Ася. Он прижался к Людмиле Сергеевне и всё повторял:

— Чушики нет, мама? Чушики нет? Раж нет?

Пришлось его утешать.

— ...Я думаю, «чушики» — это устройство отображения информации, — сказала Людмила Сергеевна при следующей встрече с Архангельским. — Типа компьютерного дисплея, но более совершенное.

— Почему тогда «чушики»? — удивился гражданский генерал.

— Называется это устройство, скорее всего, по-другому, но дети имеют склонность называть вещи по-своему. Они экспериментируют с языком, пытаются проникнуть в смысл слов. Неужели вы в детстве никогда не придумывали слова?

— Не помню, — рассеянно отозвался Архангельский. — Скажите, Людмила, а можно каким-то образом узнать подробности? На каких принципах работают «чушики»? Какое... э-э-э... программное обеспечение используется? Последовательность действий в начале работы... Например, если дать вашему пациенту ноутбук, он сумеет на его основе показать, как это делать?

«Он что, издевается? — неприязненно подумала Людмила Сергеевна. — Любитель фантастики!»

— А вы, Михаил, можете прямо сейчас рассказать, как работает современный компьютер? — спросила она вслух. — Из каких элементов состоит? Какое программное обеспечение используется? Ну-ка, ну-ка...

Архангельский замешкался, но потом всё-таки начал объяснять — правда, без свойственного ему апломба:

— Компьютер — это вычислительная машина. Она содержит процессор, память, носители на дисках. Управление элементами осуществляет операционная система Виндоуз...

— Память? — ехидно переспросила Людмила Сергеевна. — Что за память?

— Э-э-э... оперативная. И постоянная. Две памяти, — ляпнул Архангельский.

— И как они работают?

— Э-э-э... двоичная система. Или восьмеричная? Память — это такой кристалл, который... Всё, сдаюсь! — он поднял руки.

— Вот видите, Михаил. Я не сомневаюсь, что вы прекрасно умеете работать на компьютере: пишете отчеты, составляете таблицы и графики, пользуетесь электронной почтой и Интернетом, играете в тетрис. Но как он работает, вы не знаете. Вам и незачем это знать. Думаю, если бы Ась был пилотом космического корабля, то и он не знал бы, как работает компьютер. Но Ась не был даже пилотом. Скажите, хоть раз в фантастике вам попадался вариант, когда к звездам летит человек, страдающий синдромом Дауна?

— Нет, не попадался.

— Что и требовалось доказать!

11

Если с «помадками» и «чушиками» разобраться удалось довольно быстро, то «вертячки» оказались куда более крепким орешком.

Во избежание повторения истории с ноутбуком Людмила Сергеевна вернулась к тому, с чего начинала — к рисованию. Ась обучался на радость быстро. Через некоторое время он уже детализировал рисунок и пользовался полной палитрой цветов, а не только красным и черным. Скоро Людмила Сергеевна смогла предъявить папку, в которой цвела целая оранжерея: кактусы, пальмы, орхидеи. А вот взгляните на картинки из серии «Мама и я»: мама, разумеется, большая и толстая, Ась — худенький, ниточный, но зато с огро-омной улыбкой.

Постепенно Людмила Сергеевна начала задавать более сложные темы. Однако решение часто ставило ее в тупик. Например, она рисовала дом, обычный условный домик с треугольной крышей и одним окном, а рядом — себя. Говорила при этом:

— Ась, это я, а это мой дом. Нарисуй себя и свой дом.

Ась старательно копировал картинку.

— Нет, Ась, ты нарисовал меня и мой дом. А я просила, чтобы ты нарисовал Ася и дом Ася.

Ась задумывался, потом рисовал окружность, перечеркивал его горизонтальной линией, а сверху, на дуге окружности, добавлял условную фигурку, которой обозначал себя: палка-палка-огуречик-вот-и-вышел-человечек.

— Что это, Ась? — спрашивала Людмила Сергеевна.

— Это дом Ася, мама, — вполне разумно отвечал мальчик из будущего.

— Но дом выглядит по-другому. У него должна быть крыша, окна. Где у твоего дома крыша?

— Это дом, мама. Ась в доме!

Видя, что Людмила Сергеевна отказывается его понимать, Ась начинал плакать и требовать «вертячки» и «чушики». «Помадки» в такие минуты он больше не просил, поскольку получал сушеные бананы по первому требованию.

Людмила Сергеевна терпеливо восстанавливала порядок и задавала новые наводящие вопросы:

— Твой дом круглый. Ты на нем стоишь. А где ты в нем сидишь? А где ты в нем спишь? Нарисуй.

Но Ась продолжал дублировать одну и ту же картинку: неровная окружность, горизонтальная линия, человечек на дуге.

В конце концов Людмила Сергеевна отчаялась что-либо понять в этом рисунке и переключилась на «раж».

— Ась, нарисуй, пожалуйста, раж.

Мальчик из будущего изображал вытянутые овалы, похожие на сигары и совсем не похожие на рыб. А рядом добавлял «дом» — окружность, перечеркнутую горизонтальной линией.

— Ась, а где здесь ты?

Теперь уже мальчик из будущего отказывался понимать Людмилу Сергеевну.

— Раж, — показывал он на сигары.

— Дом, — показывал он на перечеркнутую окружность.

— Х-м-м, — говорила на это Людмила Сергеевна. — А где здесь ты, Ась?

Всё повторялось. Мальчик из будущего делал новую иллюстрацию из цикла «Ась плюс дом», затем откладывал ее и

начинал кропотливую работу над еще одной репродукцией эпического полотна «Раж плюс дом». Людмила Сергеевна начинала сердиться — не столько на Ася, сколько на собственную глупость, — что немедленно вызывало у подопечного негативную реакцию и очередное требование выдать в пользование неведомые «вертячки».

Утомленная двумя днями такой безумной игры, Людмила Сергеевна попросила наконец нарисовать ей эти самые «вертячки». Сначала Ась отказался это делать, исчиркав страницу ломаными линиями. Тогда Людмила Сергеевна пошла на хитрость. Она изобразила человечка с собакой, указав:

— Это я, а это моя вертячка.

Ась несколько минут таращился на картинку, потом с таким же удивлением посмотрел на Людмилу Сергеевну:

— Мама, не вертячки. Нет вертячки.

— Это моя вертячка! А как выглядят твои вертячки, я не знаю! Ты хочешь свои вертячки? Нарисуй мне свои вертячки.

После некоторых раздумий Ась всё-таки выдал рисунок, который не был похож ни на что виденное ранее и который озадачил Людмилу Сергеевну еще больше.

В нижнем правом углу листка Ась аккуратно черным карандашом изобразил человечка с маленькими рожками, а всё остальное поле рисунка заняли зеленые путаные спирали — они накладывались друг на друга, перетекали друг в друга без какого-либо смысла или системы.

— Чёрт побери, — пробормотала Людмила Сергеевна. — Ась, это вертячки?

— Да, мама, вертячки, — отозвался Ась шепотом.

В тот день он больше не захотел рисовать.

Людмиле Сергеевне не терпелось обсудить с Архангельским новое открытие, но тот впервые не явился к завтраку. И к следующему тоже. Охрана соблюдала распорядок дня, но на все вопросы либо отвечала уклончиво: «Ждем распоряжений», либо совсем не отвечала. Через неделю Людмила Сергеевна уже готова была бегать по стенам и собиралась потребовать

выпустить ее отсюда, а если не выпустят, устроить скандал. Радовал только Ась — он интеллектуально взрослел, фразы строил всё более грамотно, рисовал всё более тщательно, учился аккуратно есть. К проблеме «вертячек» они по обоюдному согласию не возвращались.

В конце концов Архангельский появился — но не утром, как обычно, а вечером. Людмила Сергеевна его не узнала. Прежде всего гражданский генерал побрился — но снял не только бакенбарды, но всю шевелюру целиком. Кроме того, он выглядел обрюзгшим и предельно утомленным, под глазами обозначились мешки. Куда-то подевалась и его самоуверенная улыбка.

— Вот, выполнил обещание, — сказал он вместо приветствия, погладив свой голый череп. — Ась теперь не примет меня за «кыш».

— Что случилось? — в ужасе спросила Людмила Сергеевна.

— Так... проблемы, — ответил Архангельский. — Давай присядем, Людмила.

Они снова расположились в холле жилого блока, и гражданский генерал заказал себе чашку кофе покрепче.

— События ускоряются, — сообщил Архангельский, когда охранник ушел на кухню. — Американцы хотят снять корабль Ася с орбиты. Готовят к старту... э-э-э... шаттл «Атлантис». Внеочередная миссия. Якобы для ремонта телескопа «Хаббл». На самом деле они собираются подойти к кораблю, смонтировать на нем тормозные двигатели и парашютный блок. И сбросить на Землю в заранее рассчитанную точку. Запуск «Атлантиса» после новогодних праздников. Честно говоря, мы рассчитывали, что у них не хватит пороху. Хватило.

— И что это значит?

— Это значит, что и здесь мы упускаем стратегическое преимущество. У них будет корабль из будущего. У них будет технология из будущего. Возможно, у них будет оружие из будущего. А что у нас? Пустая капсула и Ась. Больше ничего. Мы даже не сумели получить хоть какую-то информацию из

будущего. «Вертячки», «помадки», «чушики». Премьер, поверишь ли, смеялся, когда увидел мой отчет. А потом стало не до смеха...

У Архангельского был такой потерянный вид, что Людмиле Сергеевне захотелось его хоть чем-то утешить. Тут она сообразила чем и, сказав: «Минутку», сбегала к себе в комнату. Вернулась с последним загадочным рисунком Ася, протянула.

— Что это? — спросил гражданский генерал, разглядывая спирали и маленького бесхвостого чертенка в углу.

— Пока не понимаю, — призналась Людмила Сергеевна. — Но именно так Ась изобразил «вертячки».

Архангельский глубоко задумался, потом губы его тронула улыбка.

— Люда, а ведь я знаю, что такое «вертячки»!

12

Его заявление грянуло, как гром с ясного неба.

— Вы?.. Как?..

— Присядь, — предложил Архангельский. — В двух словах не объяснишь.

Людмила Сергеевна выполнила его просьбу.

— Помнишь, я тебе рассказывал о том, что существует несколько гипотез, объясняющих все странности нашей ситуации? Помнишь? Хорошо. Мы, конечно, могли бы обратиться за консультацией по этому вопросу к ведущим... э-э-э... футурологам, к физикам или иным специалистам. В наших силах было оплатить даже нобелевских лауреатов. Но это неизбежно выдало бы нашу активность в определенном направлении. А заинтересованные лица умеют складывать один плюс один. Сегодня даже электронной почте нельзя доверять, чего уж говорить о людях, которые бОльшую часть времени проводят в зарубежных поездках. Поэтому я предложил другой путь. Более оригинальный и гораздо менее затратный, — Архангельский сделал эффектную паузу; всё-таки даже в самом плохом расположении духа он не упускал возможность

покрасоваться перед собеседником. — Мы объявили сетевой литературный конкурс. Там много таких конкурсов постоянно проводится, чуть ли не каждую неделю, наш не должен был привлечь внимание. Авторам было предложено написать научно-фантастический рассказ о мальчике из будущего, который попадает в наше время, но по каким-то причинам не может рассказать о своем мире. Кроме того, мы ввели еще одно допущение: мальчик одет в костюм, который изготовлен в будущем, а значит, обладает необычными свойствами. Авторы должны были показать это будущее читателям через мальчика и его костюм.

— Костюм? — переспросила Людмила Сергеевна. — Какой костюм?

Архангельский отмахнулся от вопроса и продолжил:

— В качестве призов посулили публикации в уважаемых журналах, три ноутбука и полностью оплаченную поездку в Эквадор на двоих. За месяц пришло четыре сотни рассказов. Это, кстати, не рекорд. Мне как инициатору затеи пришлось всё прочитать, — гражданский генерал криво усмехнулся. — Знаешь, когда-то я любил фантастику. Но это было... это было... чудовищно! Теперь я не уверен, что когда-нибудь снова смогу ее читать. Тем не менее несколько дельных идей всё же обнаружил. Одна из них меня особенно задела. Потому что автор объяснил всё. Ну или почти всё. Оказывается, существует модная в узких кругах теория... э-э-э... технологической сингулярности...

— Что?

— Да, именно так. Технологическая сингулярность. Речь идет о том, что эволюция и прогресс непрерывно ускоряются. Скажем, на то, чтобы одноклеточные организмы стали многоклеточными, ушло два миллиарда лет. А на то, чтобы многоклеточные организмы выбрались из океана на сушу и завоевали ее, ушло всего триста миллионов лет... э-э-э... палеозойская эра. Позднее появился разум, и теперь эволюция понеслась вскачь. Нашему виду всего лишь около трех мил-

лионов лет, но мы уже влияем на погоду, меняем очертания континентов, летаем в космос. А главное — мы запустили искусственную эволюцию, создав компьютеры и сети. И там тоже идет ускоряющийся процесс, который скоро завершится моментом сингулярности.

— Я этого не понимаю...

— Попытаюсь на пальцах. Если отложить периоды земной эволюции на графике от одного революционного скачка до другого, то получится функция, которая в двадцать первом веке стремится к бесконечности. Мы находимся на пороге нового революционного скачка, качественного перехода, сопоставимого по значимости с превращением одноклеточных существ в многоклеточные.

— Чем это грозит?

— Никто не знает. Возможно, новые революционные технологии сделают нас бессмертными. Возможно, убьют, и на наших костях появится какой-то новый вид... э-э-э... разумных существ. Одноклеточные не способны предсказать, как будет выглядеть мир многоклеточных. Но наш автор попытался. В фантастическом рассказе он уверял, что произойдет слияние биосферы и техносферы. Человек станет частью машины, а машина — частью человека. Это, конечно, будут костыли, но мы давно пользуемся костылями: автомобили, компьютеры, мобильники... Костыли будущего позволят нам окончательно расслабиться и получать удовольствие — всё неприятное, утомительное, скучное они возьмут на себя. И в этих условиях человечество неизбежно деградирует, ведь к развитию нас подталкивает именно дискомфорт. В том рассказе мальчик из будущего не умеет ни читать, ни писать, он даже изъясняется с трудом. А вот его костюм вполне готов к контакту... Практически наш случай...

— Какой костюм?! — повторила свой вопрос Людмила Сергеевна.

— Люда, ты же умная женщина. Неужели ты думаешь, что Ась сидел в спускаемом аппарате голым?

Людмила Сергеевна вспыхнула:

— Значит... вы мне лгали? Лгали всё это время? Есть костюм!

— Не лгал, — мягко сказал Архангельский. — Просто не донес некоторую часть... э-э-э... информации. Она могла помешать расследованию.

— Как она могла помешать?!

Архангельский пожал плечами.

— Ясно, — сказала Людмила Сергеевна. — И при чем тут «вертячки»?

Гражданский генерал показал ей листок с рисунком Ася, заложив пальцем маленького чертенка:

— Здесь Ась изобразил свой костюм.

13

Потом они еще долго спорили.

Когда шок миновал, Людмила Сергеевна начала соображать и сразу попыталась высмеять гипотезу Архангельского. Дескать, совсем спецслужбы до маразма дошли — верят сетевым фантастам! Но гражданского генерала было не пронять.

Тогда она потребовала показать ей костюм.

— Или он у вас там же, где спускаемый аппарат?

— Нет, он здесь. Точнее, не совсем здесь, а поблизости.

— Тогда идем!

Архангельский остался на диване.

— Видишь ли, Люда, у нас разные уровни допуска. Я в лабораторию костюма пройти могу, а ты, к сожалению, нет.

— Не морочьте мне голову! Вы здесь главный или кто?

— Надо мной есть и поглавнее.

— Понятно. Как он выглядит?

— Кто?

— Костюм, чёрт возьми!

— Ну как тебе сказать? Комбинезон с капюшоном. Ткань очень легкая и мягкая, не мнется. По цвету... э-э-э... металл с золотистым отливом. На заднице — клапан, как на некоторых

детских комбинезонах. Костюм довольно тщательно изучают. Спецы его резали и жгли всякими химикатами, но волокна через некоторое время самостоятельно восстанавливаются. В общем, продукт технологий, до которых нам далеко... А на капюшоне у него рожки... Да, именно так. Два правильных конуса из очень твердого материала с кристаллической структурой.

— Есть гипотезы, что это такое?

— Есть. Возможно, это нечто вроде усилителя интеллектуальных способностей. То есть когда Ась надевает костюм, он становится нормальным человеком. Костыли для дауна.

— Какая ересь! Ась практически нормален. Если бы ему дали инклюзивное образование, он был бы не хуже нас с вами. Он и сейчас очень быстро учится. Зачем ему костыли?

— Я не могу отвечать за людей будущего. Может, они ничего не знают об этом... э-э-э... как ты сказала?..

— Ин-клю-зив-ное образование.

— Да! Возможно, они ничего не знают о нем. Или отказались по каким-то причинам.

— Еще бóльшая ересь!

Архангельский развел руками:

— Всё, что могу.

— Вы пробовали надевать костюм на Ася? — Людмила Сергеевна сменила тему.

— Нет.

— Почему?

— Наверху сочли, что это преждевременно. Да и просто опасно.

— В чем вы видите опасность?

— А что, если Ась поведет себя агрессивно, когда станет самим собой? Что, если он использует какие-то нам неведомые приемы или... э-э-э... оружие? Что, если он вырвется на свободу? Вы смотрели фильм «Хищник»?

— Тоже, небось, фантастика? Нет, не смотрела. По-моему, это паранойя в чистом виде! Какие еще эксперименты вы проделывали с костюмом?

Архангельский не ответил, пряча глаза.

— Я слушаю! — настойчиво напомнила о себе Людмила Сергеевна. — Какие еще эксперименты проводились с костюмом?

— Мы надевали его на одного из наших... э-э-э... сотрудников. И не надо на меня так смотреть! Я не Берия! Он вызвался добровольно. Молодой ученый. Отчаянный. Он выжил!

— Понятно. Как это выглядело?

— Очень буднично выглядело. Надел и сразу упал. Не орал, не бился. Медики бросились. Зафиксировали потерю сознания. Привели в себя. Потом обнаружилось, что у него частичная амнезия: один год из своей жизни помнит, другой не помнит. Эксперты написали в заключении, что костюм имеет индивидуальную настройку. И решили больше не рисковать.

— И всё-таки надо попробовать! — Людмила Сергеевна почти умоляла. — Мы должны дать Асю шанс. Он просит об этом постоянно. К тому же, вам нужна информация о будущем, разве нет?

— Я не могу принимать решения подобного уровня, — отрезал Архангельский.

— А как же «Атлантис»? Американцы летят к кораблю, получают стратегическое преимущество — ваши слова? — а вы сидите тут на задницах, как последние... трусы! Что за мужики пошли? Боитесь мальчика? Чертовски умно!

Архангельский снова помрачнел.

— Я поговорю с руководством, — пообещал он.

На переговоры гражданский генерал потратил три месяца.

14

Архангельский пришел перед обедом и с цветами.

— Прошу, — сказал он, протягивая букет.

Людмила Сергеевна изумилась:

— С чего бы?

— Позволь поздравить тебя, Люда, с днем рождения. Я очень рад, что судьба свела меня с такой замечательной, красивой и умной женщиной... Ну и всё такое.

— Чёрт! — спохватилась Людмила Сергеевна. — А какое сегодня число?

— Пятое декабря. Суббота. По-моему, прекрасный день!

— Засиделась я в вашей тюрьме. С календаря сбилась. Не всякому уголовнику, между прочим, такой срок дают.

— У нас есть замечательный повод выбраться из этих мрачных стен, — объявил Архангельский. — Предлагаю отметить событие в ресторане. Ты не против?

— Михаил! Ты приглашаешь меня на свидание?

— Можно и так сказать. Я, кстати, в разводе, причем давно.

— Ну вот и познакомились, — сострила Людмила Сергеевна.

Оставив Архангельского дожидаться в холле, она вошла к себе в комнату. И только тут заметила, как ее трясет от волнения. А ведь еще несколько минут назад была совершенно спокойна и ни о чем таком не думала.

Всё познается в сравнении, моя дорогая! Как мало, оказывается, нужно человеку для счастья: букет цветов, немного внимания, немного свободы.

Открыв стенной шкаф, Людмила Сергеевна изучила содержимое и вздохнула. Надеть было решительно нечего! Ладно, джинсовый костюм он и в Африке — джинсовый костюм. В конце концов, у нас даже олигархи не брезгуют по ресторанам в джинсе ходить, а мы чем хуже?! Нет, мы даже лучше!

А бельё? Чёрт! Белья нормального совсем нет! То, что здесь выдавали в комплекте с медицинскими халатами, и носить-то стыдно! А из того, что она взяла с собой в малом дорожном наборе, остался купальник. Ладно, на бюстгальтер забьем, а трусики выглядят вполне приемлемо, некоторым даже нравится такой фасон.

Людмила Сергеевна переоделась. В качестве украшения — тонкая цепочка на шею и пара стареньких, но верных сережек. Полюбовалась на отражение в зеркале. И снова тяжко вздохнула. Выглядишь ты как швабра! За собой всё же надо

иногда присматривать. Волосы ни к чёрту не годятся. Завяжу-ка я их в хвост, всяко лучше будет...

Теперь косметичка. Немного крема и пудры на это изможденное лицо. Теперь тени, тушь, верхние ресницы, нижние ресницы. Тяжела ты, женская доля... Всё на скорую руку, а что делать?.. Теперь губы. Помада уже старая, а где здесь новую возьмешь? Людмила Сергеевна на секунду остановилась, соображая, как лучше: с контуром или без. Решила, что без контура — иначе косметика будет слишком явной, а этого не хотелось бы... Критически посмотрела на ногти. Лак давно слез — с тех пор, как она переселилась в исследовательский комплекс. Не стала восстанавливать, чтобы яркие капли на пальцах не привлекали внимания Ася. В косметичке запас лака наличествовал, но сейчас у Людмилы Сергеевны не было ни времени, ни желания делать маникюр: ходить потом и махать растопыренными когтями, как последняя дура, а завтра опять к Асю — большой ли в этом смысл?.. Теперь духи, по капле — на шею и на запястья... Итог? Не Мерлин Монро, конечно, но мы и не претендуем...

Что захватить с собой? Она посмотрела на полочку под зеркалом и улыбнулась. Отличная идея!.. Теперь — пора!

Архангельский встретил ее восхищенной улыбкой. Надеюсь, это искренне.

— Тебе тоже подарок, — сказала Людмила Сергеевна, протягивая маленькую пластилиновую фигурку. — Скоро Рождество, Новый год.

— Что это? — весело спросил гражданский генерал, принимая фигурку.

— Не узнал? Это я. Ась вылепил.

— Удивительно! Ведь осенью он даже... э-э-э... кубики складывать не умел. Чудеса инклюзивного образования!

— Потому что ребенку нужно внимание и забота. А вы его держите в клетке. Может, пора прекратить эту порочную практику? Дать ему нормальную комнату в жилом блоке, позволить общаться с людьми...

— Обрабатываешь меня? — Архангельский прищурился с хитрецой. — Это правильно, я не возражаю. Обрабатывай. Но ты же знаешь, что есть кое-кто поглавнее.

— Ну, на старших товарищей всегда можно свалить свою лень и безалаберность. Но что на это скажут сами старшие товарищи?

Архангельский посмеялся.

— Всё! Хватит о делах! — сказал он. — Пора кутить!

Они прошли по опостылевшему коридору, но на этот раз поехали не вниз, а вверх. У Людмилы Сергеевны даже дыхание перехватило. А бедный Ась здесь уже целый год сидит! Всё-таки какие сволочи!

В гараже ждал черный и элегантный «Фольксваген Гольф», и Архангельский предупредительно обогнал Людмилу Сергеевну, чтобы открыть дверцу. Сам сел в кресло водителя, и скоро они уже выезжали на шоссе.

— Чёрт возьми, — сказала Людмила Сергеевна, оглядываясь вокруг. — Вы уверены, что сейчас декабрь?

— Да, зима на этот раз припозднилась, — согласился Архангельский. — Снега как не было, так и нет. Глобальное потепление, надо думать.

Шоссе было на удивление гладким, хотя по виду — загородным: небоскребов не наблюдалось даже на горизонте, а ёлки кое-где стояли плотной мрачной стеной. В то же время на перекрестках имелись светофоры и будки регулировщиков, а отдельные роскошные здания и торговые центры создавали впечатление, будто находишься в типичной городской застройке, причем не в самом бедном квартале. Когда миновали школу верховой езды, до Людмилы Сергеевны начало доходить.

— Это же Рублёвка!

— Совершенно верно, — подтвердил Архангельский. — Она.

— Но почему здесь?

— А где бы ты хотела?

Людмила Сергеевна поразмыслила. Она имела смутное представление о том, где принято возводить закрытые объекты. Но память детства, проведенного в Кронштадте, подсказывала.

— Обычно секретные объекты строят вдали от населенных пунктов. Так, чтобы до них было трудно добраться. Байконур, Арзамас-шестнадцать...

— Нет такого правила, — отозвался Архангельский, следя за дорогой. — Всё зависит от величины объекта, от доступности необходимых ресурсов. В Советском Союзе еще ориентировались на... э-э-э... подлетное время вражеских ракет и на возможность десанта. Наш объект — Ась. Рублёвка в смысле сохранения его тайны не хуже любого другого места. Здесь наблюдение и охрана поставлены на широкую ногу, меры безопасности посильнее Арзамаса будут. И коммуникации, опять же, не столь растянуты — все, кто в курсе, в двух шагах.

— И не боятся? — лукаво спросила Людмила Сергеевна.

— Ты не поверишь, но большинство... э-э-э... «випов» — очень смелые люди. Некоторые даже отчаянно смелые.

— Отчаянно смелые, да, да, конечно. А провести эксперимент с костюмом Ася уже три месяца решиться не могут!

Архангельский чуть поморщился, как от внезапной зубной боли. Погладил свободной рукой ежик отросших волос.

— В этой ситуации слишком много... э-э-э... факторов риска. Не забывай, дело не только в Асе. Мы под дамокловым мечом ходим. И это не фигура речи.

Он замолчал, а потом свернул к зданию, которое, казалось, было целиком сделано из тонированного стекла — на фасаде красовалась светящаяся вывеска: «ДАЛИ». Припарковался.

— Это здесь. Кормят неплохо. До праздников еще далеко, поэтому должно быть свободно.

Гражданский генерал оказался прав: четыре зала ресторана, оформленные в классически-функциональном стиле, были пусты. Сели в отдельном кабинете у панорамного окна с видом на небольшой садик, разбитый на прилегающей тер-

ритории. Правда, смотреть там было особенно не на что — деревья давно облетели и поникли, детская площадка пуста, и даже вездесущие воробьи куда-то попрятались.

Официант принес меню, винную карту и праздничное настроение. Людмила Сергеевна посещала рестораны нечасто, на «корпоративы» и юбилеи, и совершенно не разбиралась в тонкостях этой кухни. Вот по схемам пятиразового питания в интернатах она могла бы отдельную лекцию прочитать, а здесь... Пусть выбирает завсегдатай!

Архангельский остановился на легком красном вине, выбрал к нему сыры, салаты, жаркое. Сначала, разумеется, принесли вино, дали ознакомиться с этикеткой, пробкой, продегустировать. Потом гражданский генерал жестом отпустил официанта и собственноручно разлил вино по бокалам.

— Я не умею произносить тосты, — сообщил он. — Поэтому просто скажу то, что думаю. В этой стране и даже на этой планете мало найдется людей, которые своим примером заставили меня по-новому взглянуть на жизнь и на некоторые... э-э-э... вещи, которые казались основополагающими. Ты, Люда, одна из них. Я ведь знаю о тебе всё. Уж извини, специфика профессии. И я восхищен тем, как ты сделала себя и как нашла свое призвание в помощи больным детям. Мало кто сегодня задумывается о детях, я вот до сих пор вообще не задумывался, а ведь, в сущности, дети — это наше будущее. И другого будущего у нас нет. От них зависит, что всё когда-нибудь станет иначе, по-другому. И если мы не будем дарить им добро, то кто подарит его нам через двадцать лет? С днем рождения, добрая светлая Людмила!

Они выпили. Людмила Сергеевна растрогалась. Она и представить не могла, что Архангельский способен на подобное. Значит, что-то человеческое в нем всё-таки осталось.

— Пока шеф занимается нашим главным блюдом, — сказал гражданский генерал, — я хочу сделать еще один маленький подарок.

Он покопался в кармане, вытащил мобильный телефон и, не глядя, ткнул в экран. Протянул телефон Людмиле Сергеевне — она осторожно поднесла его к уху.

— Людка, коза-егоза, ты на связи? — раздался далекий и родной голос.

— Кир?! Ты?! — Людмила Сергеевна чуть не задохнулась от нахлынувших эмоций. — Как ты? Где ты?

— Да всё нормально, Люд, — засмеялся брат. — Ты, смотрю, в своем репертуаре. Здесь я, поблизости. Хочу тебя поздравить с днюхой, пожелать четко, по-военному, успехов, здоровья, счастья в личной жизни.

— Спасибо.

— С меня большой-большой сувенир, — пообещал Кирилл. — Надеюсь, после новогодних увидимся, — голос его посерьезнел. — Учти, я в курсе ситуации. Наблюдаю тебя каждый день. Не удивляйся. Будешь по синему коридору проходить, сделай ручкой. Мне будет приятно. Если же проблемы, то ты знаешь, как мне показать. Всё, не могу долго говорить. Я тоже на службе. Целую в лобик.

Людмила Сергеевна в задумчивости вернула мобильник Архангельскому. Гражданский генерал тут же налил еще по бокалу.

— Ну вот видите, всё хорошо. Брат при деле. И в интернате вашем тоже порядок, я проверял недавно.

— Кира говорит, мы увидимся после новогодних праздников. Это возможно?

Архангельский, словно опытный дегустатор, покачал бокал, глядя сквозь вино на свет. Улыбка сошла с его лица.

— Увидитесь... И об этом я тоже хотел с тобой позднее поговорить. В подземелье нельзя — там уши и камеры. Поэтому хочу обсудить перспективы здесь. Они неутешительны. Проект, похоже, закроют.

Людмила Сергеевна встрепенулась:

— Что значит закроют? Как они могут закрыть?

— У американцев сдвинулись сроки, но своего они добьются. А наше дело растет, как снежный ком. В процесс вовлекается всё больше людей. Утечки неизбежны. Когда-нибудь нас спросят — я в широком смысле о нас — и нам придется отвечать. Мы, конечно, ответим, но нам не поверят. Давно уже не верят. Это самая простая модель... э-э-э... исхода и, пожалуй, самая верная. Руководство хочет, чтобы до того, как нас спросят, всё было подчищено.

У Людмилы Сергеевны оборвалось сердце.

— Нет, ничего страшного не произойдет, — торопливо заверил Архангельский, уловив, в каком раздрае она находится. — Своей работой с Асем ты убедила руководство, что он больше не опасен. Его поместят в обычный пансионат для совершеннолетних даунов. Кто-то из воспитателей будет в курсе и продолжит наблюдение... А хочешь, я поговорю, и тебя назначат этим воспитателем? Между прочим, идеальный вариант!

— А костюм? Спускаемый аппарат?

— Исследовательский комплекс перепрофилируют на новую задачу. Костюм и спускаемый аппарат, скорее всего, уничтожат. Чтобы... э-э-э... не оставлять улик. Потом сделают информационный вброс через прикормленных уфологов. Выдадут в желтые листки: дескать, во Владимирской области разбился НЛО, а труп инопланетного пришельца хранят в морозильной камере под Мавзолеем. Опошлят и дискредитируют тему так, что за нее ни одна разведка не возьмется. Даже если ты, например, после этого захочешь дать показания и предъявишь Ася в качестве доказательства, тебе никто не поверит. Отправят к тем же уфологам...

— Я этого не понимаю! — сказала Людмила Сергеевна, даже не сдерживая злость. — А тебе не кажется, Михаил, что это предательство? Чистое незамутненное предательство! А как же патриотизм, долг перед Родиной? Ты же сам мне вещал: «вы нужны России»...

— Иногда патриотизм в том, чтобы отступить.

— Не позорься! Вы не кутузовы, чёрт побери! И никогда ими не были! Обгадились и сдаете страну!

— Хватит! — рявкнул Архангельский.

Они замолчали. Официант принес горячее и поинтересовался, всё ли в порядке. Гражданский генерал с мрачным видом отослал его.

Прошло несколько минут. Людмила Сергеевна выпила свое вино и с ожесточением принялась за жаркое, не получая от процесса никакого удовольствия. Архангельский посидел, глядя в свою тарелку, потом сказал вполголоса:

— Люда, я попробую.

— Что? — Людмила Сергеевна оторвалась от еды.

— Но мне нужна... э-э-э... помощь. Мы сделаем это вдвоем. Я и ты.

— Что?

— Пан или пропал. Мы наденем костюм на Ася и попробуем вступить в контакт.

— Как?

— Будут праздничные каникулы. Почти две недели. Охрана и персонал запросятся на волю. Всем хочется к семьям. Обычно мы строго с ними, но на этот раз я проявлю гуманизм и отпущу по максимуму. Сам останусь в комплексе и пронесу костюм в карантинный блок. Мы сделаем это, Люда. Мы должны попытаться. Я и сам себе не прощу, если не попытаюсь.

Людмила Сергеевна привстала, наклонилась и поцеловала Архангельского в щеку. Потом спохватилась, взяла салфетку и вытерла отпечаток, оставленный губной помадой. Гражданский генерал задержал ее руку, и они встретились взглядами.

— Наливай! — распорядилась Людмила Сергеевна, почувствовав, что пауза затягивается.

Архангельский сразу повеселел. Они выпили еще по бокалу и поговорили о разных пустяках. Людмила Сергеевна решила, что гражданский генерал больше не захочет возвра-

щаться к острой теме, чтобы не испортить настроение вечера, но он вдруг снова заговорил о будущем — правда, совсем без надрыва, а даже в юмористическом ключе.

— ...Я ведь когда-то искренне мечтал об этом — увидеть будущее. Читал книжки и мечтал замерзнуть где-нибудь в снегах... э-э-э... Арктики, чтобы разморозиться лет через двести, увидеть коммунизм. Глупое желание, да? Но вот хотелось до боли душевной! Своими глазами увидеть звездолеты, самодвижущиеся дороги, ажурные дворцы, аэрокары, всяких роботов. Потом я подрос, но не слишком поумнел. Почему-то вообразил, что для путешествия в будущее не нужно ни машин времени, ни анабиоза во льдах — мы сами всё построим: и коммунизм, и дороги. И прятал голову от правды, как страус в песок. Не смел задать себе главный вопрос: какое общество будущего можно построить с этими уродами?.. Чем взрослее я становился и чем больше всё менялось, тем меньше я верил, что увижу когда-нибудь будущее, о котором грезил в детстве. Уроды остались уродами, иначе и быть не могло. И всё покатилось по наклонной. К сорока годам я перестал верить, что у России вообще есть хоть какое-то будущее. Ты же знаешь, я вхож в высокие кабинеты, и прекрасно вижу, что там происходит. У страны не может быть будущего, если ее руководство не заглядывает дальше, чем на полгода вперед. Если проблемы решаются по мере их поступления. Если проблемы вообще не решаются. Тяжело жить и работать, когда знаешь, что твоя деятельность ведет в пустоту. Руины империи. Последнее поколение. А дальше — только мрак и забвение... И вдруг — Ась! Как свет надежды. Я когда отчет первой группы прочитал, чуть до потолка не запрыгал. Русский! Наш! Из двадцать второго века! На космическом корабле! Ты же понимаешь, что это значит само по себе? Это значит, у нас есть будущее. Я всё-таки заглянул в него! И там есть Россия, русские, которые летают к звездам! Не всё, значит, потеряно. Еще поборемся! Я был счастлив, Люда... Я и сейчас невероятно счастлив. Даже если у нас с то-

бой не получится, даже если мой план сорвется или окажется, что мы ошибаемся, а костюм — это просто тряпка, даже в этом случае я буду удовлетворен. Потому что знаю: будущее есть, оно уже существует там, за горизонтом, а мы сегодня стоим у его истоков... Но ведь можно заглянуть еще дальше. И увидеть больше. Можно...

Жаркое доедено, первая бутылка вина опустела, и хмель чуть ударил в голову. Но времени было еще полно, и хотелось продолжения. В конце концов, она уже почти пять месяцев постится. Это невыносимо! Да и Миша был сегодня исключительно... э-э-э... куртуазен.

Архангельский понял Людмилу Сергеевну без слов. Заказал еще две бутылки красного — на вынос.

— Здесь есть апартаменты, — сообщил он, глядя прямо в глаза. — Нужно только пройти через двор. Посмотрим, как там устроено? Ты не против?

Людмила Сергеевна была не против. Что терять?..

15

Снова снился кошмар. Людмила Сергеевна находилась в маленькой и плохо освещенной комнате с низким потолком. Было томительно и страшно. Наверное, стоило поискать выход, но она опасалась сдвинуться с места, потому что чувствовала: в сумраке у стены прячется кто-то еще, кто-то жуткий — то ли зверь, то ли человек.

Вздрогнув, она проснулась. И сразу поняла, что Михаил не спит — дыхание бодрствующего человека. Повернулась на бок, лицом к лицу.

— О чем думаешь?

— О том, как ты прекрасна.

— Пошлый льстец!

— Может, и льстец, но не пошлый.

Даже в кромешной темноте она увидела, что он улыбается.

— А если серьезно?

Михаил помолчал, словно собираясь с силами.

— Я хочу заглянуть в будущее, — сказал он. — Очень хочу. Но и боюсь этого... Нет, я не трушу, я боюсь. Боюсь, что оно окажется совсем не таким, каким себе представляю... Есть разные образы будущего. И у каждого — свой образ. Мы иногда треплемся на эти темы... там... Бывают и совершенно безумные идеи. Создать новую аристократию, ввести крепостное право. Дескать, быдлу только это и поможет. Каждый, конечно, уже заранее видит себя дворянином с привилегиями. Кретины!.. Или вот геронтологией сейчас увлеклись. Невиданные бабки туда закачивают. Нашли себе любимую науку. Чувствуют, что время-то идет, а здоровья не прибавляется. Надеются спрыгнуть с колеса... Будущее может быть совсем другим. Недобрым. Запредельно жестоким. И если я увижу его таким, то уже ничего не смогу поделать. Ведь оно уже есть, существует. Будущее предписано. Ась — лучшее доказательство. А мы для этого будущего — мертвецы. Что могут сделать мертвецы?..

— Давай верить в лучшее, — Людмила Сергеевна протянула руку и коснулась его щеки. — Ась — милый добрый мальчик. Не думаю, что мы найдем в нем злодея.

— В том-то и дело, что зло и добро — понятия относительные. Представления о морали и нравственности меняются. И чаще, чем хотелось бы. Что-то уходит, что-то приходит... В юности я читал один рассказ... Да, фантастику. О будущем. Назывался рассказ «Чудовище». Американец написал, вряд ли ты его знаешь. Мне очень понравился этот рассказ. Но и напугал... История там такая. Прилетели инопланетяне на Землю. А Земля погибла в результате какого-то галактического катаклизма — одни скелеты валяются. Инопланетяне решили выяснить, что произошло, и начали оживлять покойников. Сначала — какого-то египетского фараона. Потом — алкаша из нашего времени. Потом — инженера из двадцать первого века. Потом они оживили представителя последнего поколения Земли. И он расправился с ними — быстро и беспощадно. Автор, конечно, сделал всё, чтобы читатель ненавидел ино-

планетян и сочувствовал последнему землянину. Всё замечательно, но, как говорится, осадок остался. Это было очень неприятно — думать, что существа всемогущие могут быть аморальны... Хотя точнее, наверное, сказать, что у них иная мораль, но от этого не становится легче... Будущее может быть жестоким... Что, если мы выпустим в мир чудовище?..

— Успокойся, Миша, — Людмила Сергеевна еще погладила Архангельского по щеке, потом спустила руку на грудь, на живот, ощущая, как отзывается его тело. — Любая мораль — это ведь и ограничитель, система табу, защитный механизм. Не убий, не навреди. Не делай другому того, чего не желаешь себе. И нужны эти ограничения, чтобы мы не вымерли, а наоборот, чтобы выжили и дали потомство, помогли ему повзрослеть и так далее, и так далее. И так далее. Что может измениться в этом смысле за сотню лет? Ась — молодой человек. С серьезным генетическим дефектом. Но он родился, вырос. Ему помогли вырасти. Получается, в будущем знакомая нам мораль еще действует. Там тоже не принято убивать просто так. Там тоже уважают инвалидов и людей с ограниченными способностями. Там тоже любят детей. Думаю, мы найдем общий язык. Я буду с тобой. А я умею.

— Умеешь, — прошептал Михаил, привлекая Людмилу Сергеевну к себе. — Еще как умеешь...

16

— Сегодня к нам придет Дед Мороз! — объявила Людмила Сергеевна.

— Ась любит деда! — радостно отозвался мальчик из будущего. — Ась хороший. Дед подарки Асю да?

— Не да, а даст! Конечно, даст подарки. Ты же хороший мальчик. Умный и послушный. Много подарков Дед Мороз принесет Асю.

Ась радостно захлопал в ладоши.

Игру в подготовку к визиту Деда Мороза Людмила Сергеевна придумала сама. Это напрашивалось. Хотя они с

Михаилом больше не обсуждали деталей их маленького заговора, когда она в присутствии свидетелей попросила его исполнить в новогоднюю ночь эту роль специально для мальчика из будущего, Архангельский сразу оценил замысел и дал согласие. Потом они вместе составили список необходимых покупок, к которому хитроумная Людмила Сергеевна добавила мешок, костюм Деда Мороза и костюм эльфа. Архангельский прочитал окончательный вариант списка, в глазах его мелькнула веселая искорка, и он исподтишка показал Людмиле Сергеевне большой палец.

Однако нужно было объяснить детали Асю. К счастью, теперь он схватывал новые идеи буквально на лету. Людмила Сергеевна продемонстрировала ему открытки с Дедом Морозом и Санта-Клаусом в окружении детей. Рассказала несколько историй из жизни этих персонажей. Спела пару песенок. Охрана притащила в оранжерею мохнатую елку, и целый день ушел на то, чтобы развесить игрушки, гирлянды и прочую мишуру. Восторгам Ася не было предела. Наблюдая за ним, Людмила Сергеевна даже подумала, что, если благодаря костюму к Асю вернется полноценное мышление и здравый смысл, ей будет жаль расстаться с непосредственным мальчуганом, к которому она успела привязаться. Впрочем, тут попахивало недостойным эгоизмом, и Людмила Сергеевна мысленно одернула себя.

Вечером тридцатого декабря Архангельский устроил импровизированный «корпоратив» для персонала. Привез ящик шампанского, несколько бутылок водки, разнообразную закуску. Компания устроилась прямо в холле жилого корпуса, и Людмиле Сергеевне невольно пришлось к ней присоединиться. Все быстро опьянели, повели себя свободно, если не сказать развязно, и посторонний человек никогда не догадался бы, что здесь пьянствуют не заурядные офисные работники, а сотрудники самого секретного исследовательского комплекса в стране. Один из охранников — кажется, по имени

Вадим — даже попытался клеиться к Людмиле Сергеевне, но Архангельский ревниво его оттер.

К шести вечера тридцать первого комплекс опустел. Людмила Сергеевна поиграла с Асем и уложила его спать в карантинном блоке, пообещав разбудить сразу, как появится Дед Мороз. Ее слегка знобило — общий мандраж давал о себе знать.

Она вернулась в комнату и около часа бессмысленно бродила по Интернету, перебирая новостные страницы. Сенсации не попались. Мир готовился встретить 2010 год. Беспорядки на границе с Латвией. Очередное нападение пиратов в Сомали. В Лондоне откроется выставка «Футурополис». В кинотеатрах с успехом идет очередной американский фильм о войне с инопланетянами. Мороз и снегопад в Москве. К запуску готовится космический шаттл... Неужели? Нет, это «Индевор». «Атлантис» полетит еще нескоро...

Интересно, думала Людмила Сергеевна, а если бы сейчас здесь появилось сообщение, что в Подмосковье объявился пришелец из будущего — многие бы поверили? А из тех, кто поверил, многие бы сочли, что речь идет о реальном событии, а не об очередном новогоднем шоу?..

Резкий стук в дверь заставил Людмилу Сергеевну вздрогнуть. Сердце отчаянно забилось.

— Кто там?

— Дед Мороз!

— Открыто.

В комнату ввалился Архангельский, выглядевший препотешно: в красной куртке Санта-Клауса поверх делового костюма, с туристическим рюкзаком и с пластмассовой маской Деда Мороза, которую он сдвинул на лоб.

— Удалось? — шепотом спросила Людмила Сергеевна.

Михаил кивнул. Снял и поставил на пол рюкзак. Покопался внутри и вытащил продолговатый черный предмет, похожий на большой фонарик.

— Электрошокер, — ответил он на немой вопрос Людмилы Сергеевны. — Разряд — больше миллиона вольт. На всякий пожарный случай. Пользоваться умеешь? Вот здесь красная кнопка, надо давить, этим концом ткнуть. Если эксперты правы, и костюм — это некая электротехническая система поддержания Ася, то его можно закоротить простым разрядом. Ась, возможно, пострадает, но не сильно, так что применять в случае чего не бойся. Пока спрячь.

Людмила Сергеевна взяла электрошокер и с некоторым трудом затолкала его в карман халата. С легкой горечью подумала, что мечтала совсем о другом подарке на этот Новый год.

— Время, — сказал Архангельский, посмотрев на часы. — У нас не больше сорока минут.

Людмила Сергеевна судорожно перевела дыхание и оглянулась вокруг — словно прощаясь с убогой обстановкой своей «тюрьмы».

— Идем, — сказала она, как в прорубь прыгнула.

Они направились в карантинный модуль. Охрану здесь Архангельский снял прежде всего, но только на новогоднюю ночь — к шести утра должна явиться смена. Впрочем, до утра им так и так не позволят экспериментировать с Асем. Нужно всё сделать быстро и четко, пока внешние наблюдатели не поднимут тревогу.

Ась проснулся от шума и прижался к прутьям решетки. Архангельский быстро сдвинул маску на лицо.

— Дед Мороз! — закричал Ась радостно. — Дед Мороз! Здесь Ась есть!

— Иду, иду, — отозвался Архангельский, он помахал Асю рукой, повернулся к Людмиле Сергеевне и дал последние инструкции. — Закрой клетку за мной. Не открывай, пока я сам не попрошу об этом. Только сам. Всё ясно?

— Ясно.

Людмила Сергеевна порывисто обняла его.

— Ну, с Богом, — сказал Архангельский, отстраняясь.

Он вдруг быстро перекрестился и вошел в клетку. Ась уже вился от нетерпения.

— Ну здравствуй, мальчик, — забасил гражданский генерал. — Как тебя зовут, мальчик?

— Ась!

— Ну здравствуй, Ась! Ты хороший мальчик? Правильный мальчик? Ты хорошо себя вел в этом году?

«Совсем не умеет играть Деда Мороза, — подумала Людмила Сергеевна с теплым чувством. — Дилетант».

Но Асю нравилось. Он хлопал в ладоши и пританцовывал.

— Ась хорошо, да. Ась подарки ждет. Дай подарки.

— Ты замечательный мальчик. Сейчас получишь свои подарки.

Архангельский начал потрошить мешок. На свет появились: настольный набор «Хоккей», большая модель космического шаттла, магнитная доска для рисования с набором трафаретов. Каждый новый подарок приводил Ася в неописуемый восторг. Наконец Архангельский извлек «костюм эльфа». Так Людмила Сергеевна впервые увидела вещь из будущего. Костюм не впечатлял — просто блестящий кусок материи, сшитый в подобие мешковатого комбинезона. В какой-то другой обстановке он выглядел бы неуместно, но на праздничном карнавале — самое то.

— Это костюм эльфа! — торжественно объявил Архангельский. — Его нужно надеть.

Ась отшатнулся. Светлая улыбка погасла.

— Вертячки, — сказал он. — Вертячки. Ась не хочет.

— Нужно надеть, — гражданский генерал был непреклонен. — Нужно, Ась. Ты же хороший мальчик? Ты же хочешь еще подарков от Деда Мороза? А Дед Мороз хочет, чтобы ты надел костюм.

Ась колебался. На лице его застыла странная гримаса. Казалось, он сейчас заплачет. Но вместо этого мальчик из будущего вытянул руки. Архангельский глянул на Людмилу Сергеевну, которая стояла рядом с клеткой, и помог ему

одеться: влезть в штанины, в рукава. Капюшон с рожками Ась напялил сам. И сам запахнулся.

Повисла пауза. Людмиле Сергеевне показалось, что еще немного, и она задохнется — возбуждение и страх душили ее, адреналин клокотал в крови.

Ась стоял, зажмурившись, а потом медленно открыл глаза. И Людмила Сергеевна отчетливо увидела, что в клетке рядом с Архангельским находится вовсе не хорошо ей знакомый «большой мальчик», а некто другой, чуждый. И взрослый. Изменилось всё: осанка, мимика, взгляд.

Дальнейшее произошло так быстро, что Людмила Сергеевна не смогла сложить отдельные моменты в цельную картину. Ась — нет, больше не Ась! — бросился на Архангельского и повалил его на пол. Затем начал бить по голове — сильно и расчетливо, с сокрушительной частотой отбойного молота. Маска Деда Мороза треснула, из-под нее полетели брызги крови. Гражданский генерал пытался сбросить нападавшего, но не получилось — тот умело оседлал его. Когда Архангельский перестал сопротивляться, человек из будущего сорвал с него маску, вытащил из шубы и, схватив за воротник костюма и поясной ремень, привалил к решетке.

— Заткнись, баба! — рявкнул он.

Только тут Людмила Сергеевна заметила, что непрерывно и тонко кричит. Она закашлялась и замолчала.

— Открой клетку! Быстро открой клетку! Я убью его!

Архангельский вяло шевелился, кровь из рассеченного лба заливала опухающее лицо.

— Открой! Убью!

Людмила Сергеевна сомнамбулой двинулась к пульту. Все наставления гражданского генерала вылетели у нее из головы. Ею двигало только одно желание — спасти Мишу, вытащить его из клетки, и пусть всё это закончится.

— Открой! Убью! — как заведенный, повторял человек из будущего.

Чудовище!

Она нажала нужную кнопку и разблокировала дверь. Потом повернулась и увидела самое страшное — человек из будущего уперся коленом в позвоночник Архангельскому и с нечеловеческой силой рванул его голову вверх и вбок. Ноги Миши конвульсивно задергались, потом он обмяк и замер. Кровь продолжала течь, но Людмила Сергеевна в ослепляющем ужасе поняла, что всё кончено — человек из будущего обманул ее.

Убийца не стал дожидаться, пока она придет в себя. Он прыгнул к выходу из клетки. Людмила Сергеевна и моргнуть не успела, как он схватил ее за шею и сжал пальцы.

— Баба, где я? Где я? Говори!

Людмила Сергеевна задыхалась, мир отдалялся, всё вокруг подернула кровавая дымка. Человек из будущего, видно, сообразил, что может переборщить, и ослабил хватку.

— Где я? Говори! Иначе убью!

Отдышавшись, Людмила Сергеевна выдавила из себя:

— Это исследовательский комплекс. Подземный.

— Страна — Россия? Какой год? Год какой?!

— Девятый. Две тысячи девятый.

Человек из будущего посмотрел в сторону, шевеля губами. Потом улыбнулся, но неприятно, зло.

— Значит, я еще не родился, — сказал он. — Оки. Электронные сети у вас есть?

— Есть. Интернет...

— Оки. Где моя капсула? Где моя капсула?! Говори, баба, убью!

— Я... я не знаю.

— Знаешь, сука! — человек из будущего вновь стиснул пальцами горло Людмилы Сергеевны, усилив нажим. — Говори!

— Королёв! — выпалила Людмила Сергеевна. — Город Королёв.

— Королёв? Это где? Там, где музей?

— Там космический центр.

Человек из будущего выпустил Людмилу Сергеевну, она потеряла равновесие и чуть не упала.

— Ты отведешь меня туда, баба! Слышишь? Иначе убью!

— Это далеко.

Он снова схватил ее, на этот раз — за плечо, больно сдавил.

— Отведешь! Пошевеливайся. Вперед! Иначе убью!

Людмила Сергеевна пошла. Ее шатало, как пьяную. Всё рухнуло. Всё потеряло смысл.

Но нужно было идти. Потому что Ась жив, он здесь, его надо спасти, избавить от этого чудовища.

Человек из будущего распахнул дверь, ведущую из карантинного блока, и подтолкнул Людмилу Сергеевну вперед.

— Где указатели? Говори!

— Синяя линия.

— Вперед!

Синий коридор. Кира говорил о синем коридоре. О синем коридоре. «Сделай ручкой. Мне будет приятно».

Когда они шли по коридору, Людмила Сергеевна подняла глаза на камеры видеонаблюдения и сделала короткий жест — чиркнула пальцами по подбородку.

17

О том, что в гараже должен быть охранник, она вспомнила уже в лифте. Человек из будущего чутко уловил изменения в ее настроении — настоящий дьявол!

— Там кто-то есть? Говори! Иначе убью!

— Охрана. Нам не выйти. Лучше сдайся.

— Ха! Баба! РАЖ не сдается!

Людмила Сергеевна вскинулась — на какое-то короткое безумное мгновение ей почудилось, что прежний Ась вернулся. Но нет — на нее с жестким прищуром смотрело чудовище.

Дверь лифта открылась. Человек из будущего вытолкнул Людмилу Сергеевну, а сам тенью скользнул вдоль стены. Охранник в гараже действительно присутствовал, но сидел

расслабленный на стуле и, похоже, был немного пьян. Он и сказать ничего не успел, не то что сделать — человек из будущего свалил его вместе со стулом и пяткой ударил по открытому горлу. Охранник захрипел, хватая воздух. Глаза у него закатились.

Убийца не задержался над ним, развернулся корпусом и в два прыжка подскочил к Людмиле Сергеевне.

— Вперед, баба! Вперед! Мне нужна капсула! Мне нужен Королёв!

В гараже стоял «фольксваген» Архангельского.

— Это автомобиль! — объявил человек из будущего с такой интонацией, будто сделал великое открытие. — Какая рухлядь! Вперед! Ты поведешь!

— Я... я... давно не водила. И тут ключи нужны.

— Убью, баба! Прямо сейчас убью! Ты видела, умею убивать!

— Без ключей она не откроется, не заведется!

Увлекая женщину за собой, человек из будущего бочком приблизился к машине, дернул дверцу. К изумлению Людмилы Сергеевны, дверца поддалась, а ключ торчал в замке зажигания. Миша, Миша, зачем ты ее так оставил? Наверное, были соображения? Думал о бегстве? Не узнаешь теперь, о чем ты думал...

Людмила Сергеевна увидела, что на приборной доске закреплена присоска с маленьким футляром, а в футляр за прозрачную пленку кто-то аккуратно поместил пластилиновую фигурку — «мама» для «мамы». Перед глазами всё поплыло от слез.

Человек из будущего грубо впихнул Людмилу Сергеевну в машину, на водительское место, а сам предусмотрительно разместился сзади:

— Вперед! Вперед, баба! Иначе убью!

У подъемных ворот возникла новая заминка. Надо было выйти и под строгим присмотром задействовать механизм подъемника. В открывшийся проем из мрака ночи

сразу полетели хлопья снега. Слышалась отдаленная канонада, словно во время войны — народ уже вовсю праздновал.

«Фольксваген» выехал на шоссе. Машина хорошо слушалась руля, но Людмила Сергеевна не водила больше года и едва не врезалась в ближайший забор. Пришлось резко тормозить и, пробуксовывая в сугробе, сдавать назад.

— Убью, баба! — грозился человек из будущего.

Людмилу Сергеевну перемкнуло. Страх сменился дикой злостью, что придало ей сил.

— Заткнись! Заткнись! Заткнись! — заорала она. — Ты от меня зависишь больше, чем я от тебя, ясно?

Убийца притих. Похоже, от удивления потерял дар речи.

— Мы поедем в Королёв. Но ты мне скажешь, зачем тебе капсула. И откуда ты свалился. Иначе сам поведешь. И делай, что хочешь.

— Оки, — сказал человек из будущего без прежнего нажима. — Но ты же ничего не поймешь, баба!

— Разберусь.

Людмила Сергеевна наконец справилась с управлением и погнала автомобиль по шоссе от Города. Куда угодно, только от Города.

— Куда мы едем?

— В Королёв. Тебе нужен Королёв? Получишь Королёв.

На самом деле она не знала, как добраться с Рублёвки до Королёва. Не знала и того, находится ли там спускаемый аппарат, ведь Архангельский ничего не сказал об этом. Она надеялась только на одно — чудовище раньше или позже устанет, утратит бдительность, и тогда можно будет воспользоваться электрошокером, который лежал в кармане халата. Необходимо вернуть Ася!

— Кто ты? — спросила Людмила Сергеевна.

Человек из будущего помолчал, потом ответил с оттенком самодовольства:

— Порфирий Соколов. Майор-ас Ракетной авиации имени Естествосвятого маршала Жукова. Второй полк, эскадрилья асов.

— Это... РАЖ?

— Догадлива. Да, это РАЖ.

— Ты искусственный интеллект?

— Нормальный я интеллект. Когда-то был такой же, как вы. Говорю, Соколов — моя фамилия. Понятно?

— Что ты здесь делаешь?

— Смешная баба! А ты не видишь, что я здесь делаю? Вы все идиоты, ничего не знаете. Откуда вам знать? У нас война, понятно? С внешними ублюдками — с кыш! Готовится атака на орбитальное транспортное кольцо, понятно? Нужно было донести инфу. Срочно. Но меня подбили при джампе, понятно? И теперь я среди вас, идиотов. Но — ничего! Ничего! — в голосе майора-аса зазвучало воодушевление. — Прорвусь! РАЖ не сдается! Через капсулу закачаю в сеть оператив. Умники меня найдут и сделают рекОв. Такое случалось раньше, с другими, понятно? Не раз случалось! Слышишь, баба? Не раз! Всё будет оки.

Над шоссе на низкой высоте прошел вертолет. Его вращающиеся лопасти подняли небольшую снежную бурю, и несколько секунд вокруг ничего не было видно.

— Тебя уже ищут,— заявила Людмила Сергеевна, напряженно следя за дорогой. — Лучше сдаться властям. Отсюда не вырваться. Если окажешь сопротивление, тебя убьют.

— Всё-таки ты дура, баба! — человек из будущего засмеялся. — Убьют не меня, а мясо!

В глазах потемнело от страшной догадки. Людмила Сергеевна ударила по тормозам.

— Что?! Что ты сказал?!

— Мясо. А ты как думала? Это мое четвертое мясо, понятно? Не привыкать. Реков, и сделают пятое.

— Он же человек!

— Какой он человек? — майор-ас глумливо хохотнул. — Г-М-О. Мясо. Мы их выпекаем пачками, понятно? Веди автомобиль, не стой!

ГМО. Генетически модифицированный организм.

«Мораль... — подумала Людмила Сергеевна с тоской. — Я и вправду дура-баба... Но какое всё-таки скотство это ваше будущее...»

Она вжала педаль газа, быстро набирая скорость на пустом шоссе. Бедный, бедный Ась. Снова взглянула на пластилиновую фигурку в футляре. И почувствовала прилив глухого ожесточения. Я его верну! А ты, Соколов, сдохнешь!

— Давай, баба, давай, — подбадривал ее майор-ас. — Ты-то естЕства, тебе умирать не хочется, я знаю.

Но проехали они еще не больше двух километров. Впереди был заслон из поставленных поперек трассы машин. За снегопадом угадывались проблесковые маячки и конус света от большого прожектора.

— Что это?! — человек из будущего сорвался на крик, яростно стиснул плечи Людмилы Сергеевны.

— Я не знаю, — морщась, ответила та. — Но дальше дороги нет.

Майор-ас помолчал. Потом снова засмеялся — тихо и зловеще.

— Придется разбираться. Всё будет оки, баба!

Он отпустил Людмилу Сергеевну и приоткрыл дверцу. Тут же хлопнул выстрел. Близко свистнула пуля.

— Прекратить огонь! — раздался усиленный мегафоном голос.

Людмила Сергеевна узнала его. Кир, Кира, брат! Ты увидел!

— Пришелец, слушайте меня внимательно, — продолжал Кирилл. — Мы знаем, кто вы. Мы знаем, откуда вы. Мы видели, на что вы способны. Но у вас нет ни единого шанса. Либо вы сдадитесь прямо сейчас, либо... у меня есть приказ стре-

лять на поражение. Выходите из машины с поднятыми руками. И без глупостей!

Людмила Сергеевна оглянулась. Человек из будущего сидел, откинувшись на диване, и криво улыбался. Капюшон закрывал ему лоб, нелепо торчали рожки. В этом человеке ничего не осталось от Ася, но всё же... это был Ась.

— РАЖ не сдается, — спокойно сказал майор-ас.

Людмила Сергеевна опустила руку в карман, нащупала холодную рукоятку электрошокера.

— Живи, баба! Наслаждайся. Недолго вам осталось.

Майор-ас вылез из салона, встал на шоссе. И объявил громко и отчетливо:

— РАЖ не сдается!

Хлопнул выстрел. Еще один. Пуля попала человеку из будущего в грудь, ударом его развернуло влево, он оступился и упал на колени. И тогда, невзирая на стрельбу и не чувствуя мороза, Людмила Сергеевна птицей ринулась из салона, выхватила электрошокер и воткнула его майору-асу в поясницу.

Электрошокер сработал, как и обещалось. Соколов зарычал и повалился лицом на обледенелый асфальт. Заливаясь слезами, ломая ногти, Людмила Сергеевна перевернула человека из будущего, приподняла, сдернула капюшон, освободив копну золотистых волос. Кровь выплеснулась из раны, запачкав костюм и халат.

Человек из будущего открыл глаза.

— Мама, Ась нет, — сказал он.

Людмила Сергеевна обняла его, прижала к себе из последних сил и закричала с отчаянным надрывом, как может кричать только мать:

— Маленький мой! Никому не отдам!

ТРАНСГАЛАКТИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС «НОВАЯ НАДЕЖДА»

Не жалко двуногих. Кому их возня
важна, антр ну суа ди?
Я также не нужен. Не жалко меня,
хоть пропадом я пропади.

Напрасно усталый страдающий брат
взывает о помощи днесь:
не жалко и брата. Он сам виноват,
впредь будет рождаться не здесь.

Михаил Щербаков «Автопародия»

Лука

Лука проснулся и понял, что он — бог.

Лука тихо засмеялся.

Воистину вопрос: почему ты так долго уходил от этого понимания, зачем старательно избегал его, даже в мыслях опасаясь шагнуть на территорию, которую сам же объявил запретной? Логика здесь отсутствует, прагматизмом и не пахнет — тогда что же? Эмоции? Страх?.. Возможно. Страх перед бременем, которое придется нести, признав себя богом... Но ведь деваться некуда, не так ли? Ты — бог. Трудно тебе или нет, никого не волнует. По большому счету не должно волновать и тебя. Не спрашиваем же мы, зачем рождаемся на свет мужчиной или женщиной. Ответ известен: так получилось! Но у тебя получилось родиться богом...

Лука повалялся в постели, привыкая к новому состоянию.

Было приятно сознавать, что он не просто какой-нибудь мечтательный бог на рисованном облаке с фрески Микеланджело, а бог деятельный, добрый, дарующий свет и жизнь. Не то что грубые мужланы с внешнего конуса!

Лука прекрасно помнил, как работать богом. Подбирается подходящая планета в зоне Златовласки. Размер имеет значение: у массивных твердых планет почти не бывает магнитного поля, которое защитит ростки жизни от бомбардировки заряженными частицами, но хуже того — низкая тектоническая активность, из-за чего биосфера просто задохнется в собственных выделениях, поглощаемых в нормальных условиях химическими реакциями на разломах. Лучше всего для жизни подходит сравнительно небольшая планета со спутником или двумя — большие приливы-отливы ускоряют естественную градацию биосферы. Если спутника нет, его можно подогнать от ближайшего гиганта — задачка как раз для мужланов с внешнего конуса. Еще лучше планета с ранней кислородной атмосферой, то есть протерозойский эон в разгаре, анаэробы считают себя вершиной эволюции, наивно мечтают жить долго и счастливо. Достаточно запустить к ним в компанию корректирующие микробные сообщества с развитой способностью к латеральному переносу генов, усилив набором хитромудрых вирусов, тут-то вам и свершится фанерозойская революция со всеми вытекающими. Впрочем, на Земле не было даже примитивных архей, и пришлось приложить известные усилия, формируя биохимическую среду...

Лука попытался остановиться. Мысль неслась скачками — он вспоминал быстрее, чем мог осмыслить. Так было неправильно, так было... недостойно бога, который, как известно, всеблаг и всеведущ.

Лука вскочил с постели, протанцевал по комнате, сильно ударяя себя ладонями по голым ляжкам. Замер в искривленной позе. Огляделся. Так не должен жить бог. Так не должен жить даже... даже... божественный минимум, осадок бога, облеченный в полинуклеотиды!.. Узкая конура. Окно, запечатанное стеклопакетом. Утренний свет, скрадываемый пылью. Груда пустых бутылок как эпитафия. Банка из-под кофе, набитая изломанными окурками, как... Как что?.. Как вершина? Как высшее достижение?.. Подумать только, банка с окурками и

есть вершина эволюции!.. Так не должно быть. Так невозможно. Так... абсурдно. Если бы ему, богу, кто-то сказал, что его кропотливая работа сведется к банке с окурками, что он, бог, сказал бы в ответ?.. И взялся бы за работу после ответа?..

Нет, нет... Нельзя отвлекаться на мелочи. Лука вернулся в кровать, вытянул ноги. Схватился за голову. Зажмурился. Надо сосредоточиться. Ты — бог. Это важно. Это самое главное. Что тебя тревожит, бог? Что не дает тебе признать величие сотворенного?.. Луке не хватало слов. Он не мог выразить желаемое словами. Все равно что пересказать Гегеля через хрестоматийное «Мама мыла раму». Но ведь ты давно знал, что бог? Так ведь? Так? Знал, знал! А лучше знала мама. Все видела, но все прощала. Мыла раму. Богу надо прощать, богу можно прощать... Потому что... бог! Ты быстро рос, схватывал на лету, читал с четырех лет. Вундеркинд. Маменькин сынок. Способности к химии, биологии и медицине начал проявлять с восьми. Не подумайте плохого! Мальчик был правильный, с девочками в доктора не играл, магниевые фокусы не устраивал. Однако вопросы о ДНК, матричной РНК, транспортной РНК, рибосомной РНК, ДНК-зависимых РНК-полимеразах, транскрипции, трансляции, комплементарной авторепродукции — а вы ведь, небось, проспали в школе? — к десяти годам щелкал быстрее семечек. Для него это была как веселая игра. Вырос бы гением биохимии, двинул бы какую-нибудь связанную науку вперед и доказал бы всем мужланам, что он бог... Либих, Бертло, Бутлеров, Мульдер, Пастер, Эйкман, Ивановский, Тимирязев, Опарин, Сангер, Филипс и все прочие — слепые котята, результат отложенной транскрипции. Потому что в финале — бог. И он же в начале начал...

Что-то пошло не так, да. Московский медицинский институт имени Сеченова. Почему туда? Для мальчика из глубинки — проще поступить, сделать карьеру и получить достойную практику. И кафедра соответствующая есть. И мама была всячески за. Всегда верила. Первый настоящий адепт. И последний... Он обманул ее доверие, ее веру. Поддался искушению,

словно амеба. А что делать? Такое было время — яркое, веселое, молодое. Хотелось всего и сразу. Только полные лошары могут в такое время шмотьем на Луже торговать — правильные пацаны фишку рубят и гребут капусту лопатой. Кто это говорил? Ясное дело, Ринат — он был любитель обосновывать. По-том, много позже, Лука понял, что Ринат присматривался к нему с первой встречи. И ведь было к чему присмотреться. Юное дарование, нелюдимый чудак, ботан ботаном — кто такого заподозрит? Но и подкатился не сразу — сначала прощупывал, искал слабые места, болевые точки, зависимости, склонности. Не зря у Рината в Казанском была кличка Мафиози: когда-нибудь дорос бы до натурального дона Корлеоне, если б не обнаглел сверх меры. Заловил он Луку на простом. Все ботаны ловятся на простом, будь ты хоть трижды бог. Тогда в широкой продаже появились первые серийные ноутбуки, называемые лэптопами, — «чудо враждебной техники», как говорили, завистливо посмеиваясь, однокурсники. Как-то Ринат принес в общагу свеженькую «четверку» белой сборки с дивным цветным дисплеем и, разумеется, продемонстрировал ее возможности же-лающим. Лука влюбился в изящную умную машинку с первого взгляда. «Где взять? Почем?» — серьезно поинтересовался он у Рината, чем вызвал взрыв гогота у коллег. «Тебе, черпак, не по карману, — ответствовал Мафиози, переждав всеобщее веселье. — Пять штук бакинских». Лука искренне расстроился: быстро раздобыть пять тысяч американских долларов студенту было нереально даже в Москве. Однако Ринат попозже пришел к нему в комнату и спросил, не чинясь: «Понравилась игрушка? Слушай, я ее могу прямо сейчас тебе отдать. Но придется отработать по полной, до цента. Я не альтруист». Лука удивился: «Как отработать? Где? Кем?» Ринат объяснил, что придется освоить профессию «дизайнера». Лука, конечно, слышал об этой новомодной профессии, но даже предположить не мог, что там такие «деньжищи» платят. «Я не умею», — признался Лука расстроенно. «Не умеешь? Научим!» — пообещал

Мафиози, загадочно улыбнувшись. С дальнейшей вербовкой Ринат тоже не спешил, охмуряя ботаника по полной программе, словно сутенер будущую проститутку: дал вволю натешиться «игрушкой», подбросил деньжат на покупку матричного принтера, зазвал на свои именины, познакомил с братвой. Лука, дубина стоеросовая, воспринимал подачки как должное, а когда узнал, что означает «дизайнер» на современном жаргоне, метаться было поздно. Ключевая беседа, кстати, запомнилась в мельчайших деталях, хотя Ринат слегка подпоил подопечного, чтобы тот воспринимал новые идеи в позитивном ключе. Таланты нелюдимого вундеркинда оказались востребованы на все пятьсот процентов. Ринат объяснил, что группа студентов-биохимиков из Московского и Казанского университетов придумала оригинальный метод синтеза наркотика триметилфентонила, известного в народе под названием «Белый китаец». Каналы сбыта и извлечения прибыли налажены, но конкретно Луки, понятное дело, это не касалось. Его основная задача сводилась к оптимизации технологии производства «Белого китайца», которая на текущий момент была громоздкой и нуждалась в дефицитных компонентах. Побочные задачи — участие в разработке новых «дизайнерских» наркотиков. Хотя Лука был подшофе и не знал в то время ни одной статьи Уголовного кодекса, он сообразил: Ринат предлагает заняться опаснейшим бизнесом. Лука замямлил, конечно, пытался отнекиваться, слезно пообещал вернуть лэптоп, принтер, деньги за обеды и выпивку. Ринат посуровел и напомнил, что юзаный комп на фиг никому не нужен, что братва не поймет, что Лука сам когда-то дал согласие поработать, а за базар надо отвечать. Смешно вспомнить!.. Хотя нет, не смешно — по правде говоря, до сих пор вздрагиваешь, вспоминая и свое тягучее бессилие, и оглушающую растерянность, и задавленный плачущий крик... Потом Ринат сменил интонацию и начал обосновывать. Дескать, не страдай херней, Лука, не распускай сопли. Тебе понравится. Ты ведь в науку пришел? Вот тебе наука — самая прогрессивная

на сегодня. И самая высокооплачиваемая. Или хочешь, как ваш профессор, личную библиотеку в метро распродавать, чтоб дотянуть до зарплаты?.. Государство запрещает наркотики? Карает за их распространение? Не ожидал, что ты про это скажешь! Какое тут государство, Лука? Сам подумай. Вот Советский Союз был государством. Там было не забалуешь. А тут в правительстве сплошное ворье и предатели сидят — при Сталине или Брежневе их шлепнули бы без некролога, а мы молиться должны? Да пошли они на три буквы со своей воровской демократизацией!.. И вообще, Лука, запрет на наркотики — это такая ловкая разводка для фраеров. Всего-то век назад героин, кокаин, морфин, опиум можно было в аптеке купить — и жили себе люди, лучше нас жили! Кока-кола, между прочим, была на кокаиновом сиропе, что особо рекламировалось. А потом вдруг оказалось, что наркотики вредны! Ну хорошо, допустим, вредны: вызывают привыкание, разжижают мозги, способствуют росту смертности. Но и алкоголь вреден, и табак — по тем же самым причинам. Тогда почему поганый «беломор» или паленую водку тебе спокойно продадут в первом же киоске? Объясни!.. Не можешь?.. Или вот марихуана. Давно доказано, что она куда полезнее алкоголя и привыкания не вызывает — и что? Почему пацану покурить нельзя, когда хочется?.. Открою тебе глаза, Лука, на правду: все государства в доле, а наркотики специально запретили, чтоб подсевший народ переплачивал втридорога. И чтоб доходы «черные» иметь. Слышал, небось, как ЦРУ колумбийских наркобаронов крышует? Вот и у нас теперь так же. А ты что думал, если ворье у власти?.. А мы, Лука, не такие. Мы — люди науки. И мы считаем, что если народу нужны наркотики, то мы их ему дадим, невзирая на!.. Завербовал. Деваться Луке было некуда, коготок увяз глубоко, да и не умел он тогда отказывать, если настойчиво всерьез просят.

Воспоминания о старых днях разбередили Луку. Ему нестерпимо захотелось курить. Он вновь вскочил с разворошенной постели, стал рыться в сброшенной на пол одежде, но

обнаружил только пустую пачку. Пришлось присмотреться к окуркам, набитым в банку из-под кофе. Во время запоев Лука курил чаще обычного, но без затяжки, просто вдыхая-выдыхая дым, из-за чего всегда оставались поистине королевские «бычки». Он выудил один, показавшийся самым пристойным, отыскал зажигалку, затаившуюся внутри тапки, прикурил, кашлянул. Окурок как вершина эволюции? Бог, ты не прав! Окурок как символ сконструированной эволюции — будет вернее. Представьте себе картину: природа создала эукариота Nicotiana L., которого мы называем табаком. По сути — сорняк сорняком, коих полно. Только вот в ходе мутаций сорняк обрел полезную способность — вырабатывать алкалоид никотин C10H14N2, убивающий насекомых-вредителей и вызывающий легкую эйфорию у человека за счет повышения уровня дофамина. Посему мы научились его культивировать, используя в качестве естественного инсектицида и для получения наркотического эффекта. Замечено, что наиболее устойчивый эффект вызывает именно курение, поскольку в табачном дыму, кроме никотина, содержатся дополнительные компоненты, подавляющие моноаминоксидазу, которая расщепляет дофамин. И вот мы сворачиваем высушенные и измельченные табачные листья в удобную трубочку, пристраиваем фильтр, чтобы удержать в нем часть вредных смол, — и курим. Теперь, внимание, вопрос: что такое выкуриваемая сигарета с точки зрения эволюционной теории? Очевидно, что это еще один психоактивный регулятор эмоциональных состояний высшего примата, вспомогательный механизм адаптации внутри сложных социальных систем с противоречивыми иерархическими связями и значительным информационным шумом. Проще говоря, заядлый курильщик давит никотином перманентный стресс, который при других обстоятельствах убил бы его быстрее рака легких. Интуитивно понятно, что если бы Nicotiana L. вырабатывал для борьбы с вредителями какой-то другой инсектицид, вызывающий у человека не наркотический эффект, а диарею, то вряд ли такое растение на-

чали бы активно культивировать. Вывод: через никотин табак получил эволюционное преимущество перед ближайшими родственниками, вписавшись как природный регулятор в социальную среду высших приматов. И только в этой среде он может существовать, как блин в масле, получив в свое распоряжение посевные площади и климатические зоны, которые для диких сородичей не доступны по определению. Думаете, побочное явление? Думаете, лишняя необязательная связь между автотрофами и гетеротрофа-ми? Думаете, ваш бог этого не предусмотрел? Не думайте! Я все предусмотрел. И дымящуюся палочку, которую вы держите в руках, небрежно стряхивая пепел, тоже. Если вас интересуют подробности, то сообщаю: психоактивные вещества мне понадобились как один из элементов глобальной регуляторно-метаболической сети, управляющей вашим сознанием и формирующей вашу культуру. И мне в общем-то безразлично, какую конкретную оболочку вы придадите никотину, главное — вы научились извлекать его из биосферы и включили регулятор, который я заботливо приготовил. И даже отказ от никотина с репрессиями против курильщиков на определенном этапе развития цивилизации — часть моего великого плана. Потому что вы входите в эру технонаркотиков, а они будут посильнее примитивного инсектицида, получаемого из сорняка.

Лука вытащил еще один окурок из банки, задымил. Кстати, о наркотической зависимости. Сказать, что работа на Мафиози тяготила Луку, значит ничего не сказать. Она его убивала. После лекций и практических занятий Лука ехал через весь город, сначала на метро, потом на автобусе, при этом все время пугливо оглядываясь, не следит ли кто за ним. Выйдя из автобуса, нужно было одолеть еще около километра по разбитым и грязным, словно после бомбежки, тротуарам, добраться до мрачного низкого дома с обшарпанными стенами, пройти фейсконтроль у одного из громил Рината, вечно торчащего в парадной, спуститься по скользкой лестнице в полутемный подвал, где студенты-биохимики развернули

импровизированную лабораторию и где Лука проводил по шесть-семь часов каждый вечер, за исключением воскресенья. Затем он возвращался в общежитие, преодолевая все ту же полосу препятствий, шарахаясь от любой тени и с замиранием ожидая окрика в спину: «Стоять! Руки за голову! Вы арестованы!» Конечно же, все это были глупые страхи, но они изматывали серьезнее самого путешествия на окраину умирающего мегаполиса. Не обретал Лука покоя и в общежитии — трепеща ждал решительного стука в дверь, просыпался от любых шагов в коридоре. Осунулся, похудел, зарос. Через три месяца такой жизни Лука почувствовал, что у него едет крыша, что он физически не может учиться, и впервые задумался о самоубийстве. Все кончилось почти так же быстро, как начиналось. Рината арестовали на Коломенской при передаче готовых ампул курьеру, о чем немедленно узнали на факультете. В тот день Лука в пригород не поехал, а сразу вернулся в общежитие и впервые за эти жуткие месяцы выспался: теперь от него ничего не зависело, и страх как рукой сняло. В университете начались аресты — студентов-химиков брали чуть ли не поголовно. Луке пришлось дожидаться своей очереди, но никто специально за ним не приехал — вызвали повесткой и задержали прямо в кабинете следователя после дачи признательных показаний. Юному дарованию светил серьезный срок как участнику преступной группировки. Спасла его мама. Пока Лука сидел в Лефортово, она уволилась с работы, заложила квартиру, сорвалась в столицу, наняла хорошего адвоката, дала кому надо на лапу и вытащила-таки сыночка с нар. По «делу химиков», потрясшему Москву и Казань, Лука проходил как свидетель и отделался легким испугом. Только вот жизнь его оказалась сломана раз и навсегда. Из института его мягко попросили, поскольку до проректора дошли слухи о том, что Лука — вовсе не свидетель. А тут как раз подоспел весенний призыв, и юное дарование отправилось служить в Псковскую область. Там он немного пообтесался и вернулся не таким чайником, каким уходил. Только вот мама за два

года совсем сникла — чтобы расплатиться с долгами, продала квартиру и перебралась в коммуналку; потом от переживаний у нее стала сдавать эндокринная система, обследование выявило диабет первого типа, а режим инъекций она соблюдать так и не научилась — сгорела за полгода, и Лука на дембель получил извещение о смерти. Возвращаться ему было некуда, и он вновь поехал в Москву. Столица быстро менялась и не походила больше на город, разрушенный ядерным взрывом. Масть держали не бандиты в кожаных куртках, а новые русские в малиновых пиджаках. Появились первые буржуа на подержанных иномарках и с кредитными картами. Шальные деньги валялись под ногами, и Лука без особого труда вписался в прекрасный новый мир. Бывший однокурсник Миха Синдаловский, закончивший институт с красным дипломом, открыл частную фирму, занимавшуюся анонимными экспресс-анализами, в основном на предмет венерических заболеваний. Лука напросился к нему лаборантом и вскоре зарабатывал вполне прилично: хватало и на съемный угол, и на маленькие радости жизни. Дефолт съел часть сбережений, но фирма Синдаловского росла, заказов становилось больше, и через полтора десятка лет Лука и вспомнить не мог, когда в последний раз по-настоящему бедствовал. Единственное — с семьей не сложилось. Были у него, конечно, девушки, и с одной из них прожил полноценных два года, но его нелюдимость, нежелание делать карьеру, периодические запои в конце концов отпугнули и самую стойкую...

Вся эта жизнь после армии, за пробирками и микроскопом, сегодня казалась длинным утомительным сном. И вот наконец Лука проснулся. Больше того, проснулся богом! Досмолив второй окурок, он почувствовал прилив вдохновения. Вы что же думали — бог всю жизнь будет над вашим говном корпеть? Нет, бог должен вернуться, чтобы рассказать, как все устроено на самом деле. Вы ведь запутались окончательно в своих теориях. Ламаркизм, жоффруизм, дарвинизм, номогенез, эпигенетическая теория эволюции, синтетическая теория эволюции

— лишь приближения к истине, робкие шажки. Вас можно понять, ведь наука оперирует сравнительным анализом, наблюдениями за повторяющимися явлениями, а эволюция у вас одна, не с чем сравнивать. Но вы глубоко ошибаетесь, когда полагаете, что появились благодаря случайности. Не отбор лежит в вашей биологической основе, а выбор. Даже так — ВЫБОР. Сами же давно посчитали, что вероятность случайного формирования последовательности простейшей ДНК скорее отрицательная — десять в минус трехсотшестидесятой степени, сумасшедшее число. Откуда же у вас возникла уверенность в случайности? Не желаете признавать очевидного? Так вот я вам скажу как бог-отец: случайным отбором управлять невозможно, а выбором — вполне. Потому что выбор суть информация, эволюция суть генерация и накопление информации, а уж информацией более или менее продвинутый разум распоряжаться умеет. Сами подумайте! Что такое живой организм — хоть бактерия, хоть человек? Бурдюк с химикалиями! Вы, конечно, можете придумывать великое множество красивых и труднопроизносимых терминов, описывающих, как вам думается, происходящие внутри биосферы процессы — один только рибулозобисфосфат карбоксилаза/оксигеназа чего стоит! — однако ваша природа от этого не изменится: бурдюк всегда остается бурдюком. И он, что самое главное, познаваем. Если за спиной у вас будет хотя бы три сотни лет бодрого развития геномики, то вы и сами удивитесь, насколько все просто и изящно устроено в вашем бурдюке. Да, возможно, он не оптимален с точки зрения протекания реакций и выведения говна, но я и не добивался оптимальности — мне было важнее, чтобы у вас появился разум и поперла культура. И он таки появился. И она таки поперла.

Хотите узнать, как было на Земле? Расскажу. Юная звезда, не разменявшая еще первый миллиард лет своего существования. Медленно остывающие планеты. Колоссальное количество разнообразных химических соединений, которые можно смешивать, добиваясь определенных реакций.

Сбрасываем на выбранную планету несколько комет для формирования гидросферы и несколько металлических астероидов для создания каталитических оазисов. Если все верно рассчитано, через сотню миллионов лет получаем водно-липидные коацерваты с рибозимами, обладающими репликационной способностью. И тут важно не упустить момент! Потому что рибозимный мир может существовать сколь угодно долго без развития, без разделения на автотрофов и гетеротрофов, с которого начинается длинный извилистый путь к сложным системам. Рибозимному миру необходимо дать генетический код на основе дезоксирибонуклеиновой кислоты, ДНК, причем код этот должен быть устойчив, универсален и обладать развитой сцепленностью не только через химические связи, но и на квантовом уровне через фононный захват. В такой молекуле можно закодировать все многообразие живых существ, которые будет способна породить биосфера, и, конечно же, вас, глупые дети мои. Впрочем, я не рассчитывал на млекопитающих, делая ставку на птиц, но такие тонкости не имеют принципиального значения, ведь конечной целью и вершиной эволюции для меня были вовсе не вы, а ваша культура, которая на заранее предсказанном этапе позволит овеществить информацию, зашифрованную внутри молекулярной последовательности. Там ведь спрятана не только программа построения живого из неживого, а целая цивилизация. Вы и сами уже знаете, что лишь трех процентов ДНК достаточно, чтобы сваять человека. Теперь спросите себя: для чего остальное? Вспомним наш пример с сигаретами. Для чего их делают? Всяко не для того, чтобы любоваться красивыми белыми палочками. И не для получения пепла. Правильный ответ: ради дыма. Вот и эукариотная ДНК, которая кажется вам переусложненной и избыточной настолько, что вы встревоженно бормочете о «Си-парадоксе» — надо же было придумать такое идиотское название! — на самом деле под завязку набита информацией, смысл которой проявится, лишь когда начнется ее прямая трансляция в ноосферу, лишь

когда пойдет дым. Кстати, геном табака сложнее и разнообразнее, чем геном человека. И как же прекрасна вершина моего творчества, моя любимица — амеба Polychaos dubium. Шестьсот семьдесят миллиардов спаренных оснований — в двести тридцать раз больше, чем у Homo sapiens, которого вы, хе-хе, считаете венцом моего творения. Вам просто повезло, что именно у вас после вымирания динозавров развилась хватательная кисть, иначе было бы иначе. В амебе, которая — раскрою великую тайну мироздания! — могла бы вообще без ДНК обходиться, я зашифровал... зашифровал... зашифровал...

Лука вдруг понял: он не способен вспомнить, что именно зашифровал внутри генома тупой амебы. Он был уверен, что там содержится нечто важное, в том числе ответ на вопрос, как и с какой целью он попал сюда — в тело безобразного волосатого гоминида, живущего в собственном дерьме. И самое ужасное — Лука даже не был в состоянии вспомнить элементарное: как называется пресловутая Polychaos dubium на языке богов. Он ударил себя раскрытой ладонью по лицу. Не помогло. Лука схватил банку, высыпал окурки на пол, подхватил один и снова засмолил, вдыхая вонючий дым. Он был противен самому себе, и отвращение росло. Конечно же, дело не в том, что он заключен в тюрьму чуждого тела — просто некогда он отказался от божественного предназначения, от великолепной миссии, которую определил для себя миллиарды лет назад. Запуская биохимическую эволюцию на планете Земля, Лука не предусмотрел, что бог окажется лишним для этих обезьян, что даже сам он не сумеет осознать ценность своей жизни и при малейшей возможности спустит ее в унитаз. Только мама, одна-единственная в целом свете, верила, что когда-нибудь он перевернет мир, и его измена предназначению убила ее.

Все должно быть совсем по-другому. Напыщенный идиот Крейг Вентер пять лет потратил на то, чтобы собрать искусственную ДНК Mycoplasma genitalium, состоящую всего-то из пятисот восьмидесяти тысяч оснований. Еще и выкинул

треть последовательности, сочтя генетическим «мусором». Его называют богом — ха-ха три раза! Ты, Лука, мог сделать это на десять лет раньше и за пару месяцев, потому что замена генома живой клетки — задачка для начинающих. Теперь Вентер, потратив кучу денег, научился синтезировать последовательность из миллиона пар Mycoplasma mycoides и записывать туда постороннюю информацию в виде нуклеотидных меток. Что он там понаписал? Разумеется, свое гордое имя и три напыщенно-глупые цитаты из местной классики: Джойс, Оппенгеймер, Фейнман. Тебе впору обидеться и потребовать компенсации за моральный ущерб, ведь это ровно то же самое, что портить старинный шедевр мазней дилетанта. Твоя миссия, Лука, была в том, чтобы показать: генетического «мусора» не бывает, любая живая тварь на планете несет в себе сжатую уникальную информацию, которая может быть дешифрована и усвоена. Ведь ради этого ты ее когда-то и записал... Но время упущено. Тебе не хватает ни знаний, ни опыта, ни статуса. Ты даже не можешь вспомнить элементарное. Бог проснулся слишком рано — не ко времени и не к месту...

Лука не заметил, как окурок догорел до фильтра и обжег пальцы. Оставаться здесь невыносимо. Больно. Противно. Тоскливо. Особенно теперь, когда ты знаешь о нереализованном шансе. Все-таки прежде всего ты — человек, землянин. А бог внутри будет только тяготить. Зачем жить? Зачем коптить небо? Где искать новую точку опоры? И нужно ли ее искать?..

Вдруг комната ярко осветилась и словно расширилась. Это из-за бегущих облаков выглянуло солнце, и прямые хлесткие лучи проникли сквозь оконное стекло. В живом сильном свете внутренний бардак смотрелся особенно убого. Глядя на пустые бутылки, рассыпанные по полу окурки, засохшую блевотину в углу, мятые простыни с желтыми пятнами, беспорядочно разбросанную одежду, Лука отчетливо осознал, что выбор сводится всего лишь к двум вариантам: либо он прямо сейчас собирается, спускается во двор, идет в ближайший магазин и закупается водкой так, чтобы не просыхать дня три-

четыре, либо... В конце-то концов хоть ты и человек, но ты бог. А богу полагается вести себя достойно. Ибо бог.

Лука рывком поднялся, шагнул к окну, навстречу свету. Повернул ручку, открывая стеклопакет. В комнату сразу хлынул холодный воздух, выдувая табачный дым и алкогольную вонь. Столь же решительно Лука взобрался на узкий подоконник, встал, глядя вниз. Четырнадцатый этаж. Значит, с гарантией. К самоубийству он уже был близок в девяносто третьем, на изломе своей судьбы, тогда не решился. Но стоит ли сегодня говорить о самоубийстве? Ведь он знает, что смерть — всего лишь возвращение в круговорот веществ, информация сохранится, бог проснется в другом и выполнит им же предначертанное. Исчезнет только нелепое создание, не сумевшее переступить через рефлексы и подняться до ослепительных высот истинного Творца. Ошибка эволюции, сбой божественной программы. Не жаль. Совсем не жаль. Таких было много. И всегда будет много. Бурдюки с химикалиями... Важнее, что когда-нибудь Крейг Вентер или ему подобные расшифруют древние метки. Когда-нибудь они прочтут имя бога. Его имя. ЛУКА.

Тихо улыбаясь своей последней мысли и раскинув руки, Лука шагнул в пропасть мегаполиса.

Ева

Ева пересекла дорогу.

И сразу остановилась у первых редких деревьев. Вдохнула глубоко, еще глубже, еще глубже — так, чтобы закружилась голова. Выдохнула.

С пятнадцати лет Ева ходила сюда почти ежедневно, в любой сезон и невзирая на погоду. Если по сторонним причинам ей не удавалось совершить вылазку, она начинала чувствовать растущую тревогу, словно здесь могла случиться какая-то страшная беда.

Ева начала раздеваться. Сняла куртку-пуловер, рубашку, бюстгальтер, джинсы, трусики. Сложила одежду в пакет,

спрятала в пустой норе под старой корягой. Присела, провела ладонями по мокрой после ночного дождя траве, стала умываться выпавшей водой: лицо, грудь, руки, подмышки, живот, лобок, бедра, колени, икры, ступни. Завершив необходимую процедуру, выпрямилась. Теперь она была готова к восприятию тонких хемообменных процессов. Кожа слегка зудела, особенно в интимных местах, но Ева знала, что это пройдет, как только она углубится в лес. Просто дорога была мощным источником загрязнения: углеводороды, оксид углерода, оксиды азота, бензапирен, альдегиды, сажа, формальдегид, ацетилен, метан, свинец, кадмий, сера, хлориды — дичайшая химическая смесь нарушала баланс на границе техногенной и биогенной сред за счет последней, что не могло не сказаться на воде и почвах.

Аккуратно обойдя поваленный, подгнивший и обсиженный многочисленными ксилофагами ствол погибшего в прошлом году столетнего тополя, Ева ступила под тень густых крон. Если честно, то местную флору лесом можно назвать лишь с серьезной натяжкой. Точнее, некогда здесь и впрямь был дремучий лес, как в сказке, но затем поблизости проложили дорогу, сделали водозабор, а позднее и сама столица растущими микрорайонами добралась до этих мест, завалив окрестности строительным хламом, превратив девственный пейзаж, помнивший последнее Великое оледенение, в сочетание городского двора и мусорной свалки. Позднее власти спохватились и объявили территорию природно-историческим парком, включив в него три близлежащих озера и долину реки Рудневки. Тут даже начали проводить детские экскурсионные туры с обязательным посещением «святых» родниковых источников. Экология района улучшилась, но мегаполис настойчиво отбирал свое: локальные биотопы стремительно изменялись, сложившиеся биоценозы разрушались или замещались, симбиотические связи рвались.

Однако как раз эти неизбежные процессы мало занимали Еву — она не принадлежала к числу так называемых «зеле-

ных», которые почему-то ценят бездушную органику выше разумной деятельности, и, более того, прекрасно знала, что с началом эпохи глобализации, явная граница которой примерно совпадает с первыми космическими полетами, говорить о естественной среде обитания больше не приходится — всепланетная биота становится зависимой от разумной воли цивилизации: проще говоря, стихия замещается планированием, эволюционный отбор — выбором ученого, дикие сорта — культивированными. Иначе нельзя, иначе над общественным прогрессом будут довлеть угрозы голода, пандемий, дефицита ресурсов. Едва сформировавшись, цивилизация начинает строить искусственную биосферу, которая вытесняет естественную вплоть до изменения биологической сути самого человека. И теперь уже природе приходится терпеть и приспосабливаться к потребностям вида, переросшего эволюцию.

Куда больше Еву интересовал рост информационного фонда биосферы, который вполне можно отследить даже на небольшом клочке придавленного городом леса. Если беспристрастно сравнивать биосферу с техносферой, то по критерию информационной емкости они практически сопоставимы: даже на современном уровне развития цивилизация, буквально вчера пережившая научно-техническую революцию, накопила информации на порядок больше, чем содержится в совокупном геноме всепланетной биоты. Кроме того, процесс появления и закрепления новой генетической информации идет намного медленнее процесса возникновения осмысленной информации в техносфере, и здесь биосфера имеет лишь одно несомненное преимущество: внутри генома информация может сохраняться миллиарды лет, передаваясь от поколения к поколению, от вида к виду, а вот за данные, накопленные человечеством, поручиться пока нельзя — что осталось от той же античности, кроме обрывков рукописей, изувеченных статуй и мертвых языков? Другое дело, когда начинаем сравнивать количество связей, по которым идет

информационный обмен между живыми существами. Если у человечества оно все же ограничено и может быть подсчитано, то в биосфере практически не поддается учету — даже оптимистичные оценки дают превосходство на двадцать порядков. И, самое важное, количество связей растет быстрее, чем в техносфере, в том числе и за счет разумной деятельности. Наука только приходит к осознанию масштабов увеличения информационной емкости биосферы при взаимодействии с техносферой: человек создает новые источники материально-энергетических ресурсов, провоцирует мутации, формирует ландшафтные зоны, которых никогда не было на Земле. Однажды количество перейдет в качество, и Ева с волнением ждала начала этого перехода, потому что тогда у нее появится много работы, которую в одиночку просто не выдюжить. Но где взять ассистентов? Где сослуживцы из Корпуса эко-коррекции? На эти тревожные вопросы она не могла найти ответы. И чувствовала себя Робинзоном — забытым на островке посреди бескрайнего океана. Только ее остров был обитаем и населен людоедами.

Ева шла к Черному озеру параллельно экскурсионным тропам. Хотя в парке были оборудованы специальные зоны для любителей шашлыков, все же многие местные упорно игнорировали их, забираясь в чащобу и разводя костры из ломаных сухих веток. Местных не останавливали даже прямые запреты властей, вводимые в пики летнего зноя, что находилось за пределами понимания Евы: ведь они здесь живут, именно им глотать едкий дым горящего леса, именно им много лет смотреть на черные проплешины там, где раньше зеленела трава и тянулись к солнцу вековые деревья. Вот и сегодня Ева наткнулась на следы вчерашнего пикника. Несколько кирпичей, положенных друг на друга. Остывшая зола между ними. Выроненные шашлычниками куски жирной маринованной свинины. Сломанный шампур. Десяток разнокалиберных бутылок. Смятые грязные салфетки. Пластиковые стаканчики и тарелки. Пустые полиэтиленовые пакеты. Окурки. Участники

пикника не подумали прибрать за собой, рассчитывая, очевидно, на смотрителей парка. Впрочем, смотрители ленились лазить в заросли, посему за экологический баланс вне троп приходилось отвечать Еве. Она легла ничком рядом с мусором, прижалась телом к траве и земле, окунула пальцы вытянутых рук в ближайшую лужу. Чтобы выжить в экстремальной обстановке, Робинзон использовал «дары природы». У Евы, лишенной доступа к оборудованию Корпуса эко-коррекции, тоже имелся подобный «дар» — ее собственное тело. Да, оно было неловким, хрупким, болезненным, однако упорный психофизический тренинг позволил превратить его в детектор, чутко реагирующий на весь спектр взаимодействий органики внутри биоты, включая сложные сигнальные системы.

Описать в человеческих словах и выражениях то, что ощущала Ева, подключаясь напрямую к биоте, невозможно, потому что на эти короткие секунды она словно бы сама превращалась в животное, которое не способно мыслить абстракциями и анализировать свое состояние, подчиняясь исключительно рефлексам. Лишь в последнее мгновение перед выходом ей изредка удавалось схватить просыпающимся сознанием сумбурную смесь впечатлений: оглушающий перестук сердец, нервное подергивание усиков, рывки ложноножек, мучительное деление клеточных ядер, сосущий изнуряющий голод, стремительное совокупление, тягучее движение к свету, последняя конвульсия. Потом включался разум, и Ева получала готовые инструкции к дальнейшей работе. Так и теперь, едва встав, она начала действовать. Разбросала кирпичи, собрала золу в один из брошенных пакетов, после чего высыпала ее под кусты дикой малины — отличное удобрение для рубусов. Затем вернулась к остаткам пикника и разбила все бутылки на мелкие осколки, часть из которых прикопала, задавая пространственную форму гифам будущего мицелия. Толстое стекло оставила на разбор сорокам и воронам. «Розочкой», сделанной из бутылочного горлышка, измельчила куски маринованной свинины, распределила полученный фарш вдоль

муравьиных путей. Окурки перебрала — размокшие закидывала в пакет, крепкие оставляла у корней деревьев, памятуя о воробьях, недавно научившихся обкладывать свои гнезда использованными сигаретными фильтрами, которые оказались прекрасным утеплителем и репеллентом, отпугивающим клещей. Обломки шампура воткнула в землю под красной рябиной — летом дешевое железо проржавеет, насытив поверхностный слой почвы своим оксидом, что защитит растение от клейстотециев мучнисторосяных грибов и от рябиновой моли, которая скоро выйдет из куколок и начнет откладывать яйца. Завершив утилизацию, Ева наполнила пакеты пластиковой одноразовой посудой, которую лесной биоценоз не способен усвоить, завязала и повесила на сук, намереваясь прихватить на обратном пути.

Ева не всегда понимала смысл своих действий. Ясно, что распределение мусора по стратам позволяет упорядочить и, соответственно, ускорить освоение антропогенного ресурса, что повышает информационную связность биоценоза. Но куда чаще Еве приходилось заниматься более странными делами: разорять гнезда или, наоборот, подсаживать выпавшего птенчика; охотиться на определенный вид жуков, поголовно истребляя их; горстями носить привозной песок с пляжей Белого озера в чащобу, закапывая его под кустарником. Будь у Евы под рукой накопительные базы данных эко-корректоров, она легким движением получила бы описание процедур с перечнем возможных результатов, но Робинзон полагается лишь на личный багаж знаний и на собственный нюх.

Когда это началось? Ева хорошо помнила, как ее жизнь разделилась на две части, которые с возрастом становятся все более неравными. Точнее будет сказать, что она совсем не помнила ту прошлую жизнь, словно в ее голове произошло полное замещение — одна личность стерлась до нуля, а другая навечно заняла ее место. Разумеется, Еве не составило труда узнать, что с ней было до замещения: мать во время возлияний с очередным дружком обожала перемывать ко-

сточки свекрови, а Ева была не глухая и умела сопоставлять информацию. Ее история могла бы стать сюжетной основой для сумрачного романа а-ля Достоевский, но вряд ли станет, будучи ужасно банальной в контексте эпохи. Мать Вера забеременела в возрасте семнадцати лет от парня, который учился в одном с ней классе. Парень был из приличной семьи, твердо постановил жениться и воспитывать ребенка. Старшие выступили против, но парень наплевал на вялый родительский протест. Более того, внезапная беременность подружки настроила его на такой лад, что он решил уйти в самостоятельные: снял квартиру для своей юной семьи в доме за МКАД и пошел вместо института в техникум поблизости. Естественно, загремел в армию. И, естественно, его там убили — на Первой Чеченской, при штурме Грозного. Наверное, в какой-нибудь святочной сказке родители отца раскаялись бы в содеянном разрыве, пригрели мать-одиночку и милую сиротку, но в реальности, как правило, бывает с точностью до наоборот. Свекровь скандально прогнала «прошмандовку» с похорон и велела никогда больше не звонить. Еву она считала «уродкой» и отказалась обсуждать будущее внучки даже с сотрудниками Центра помощи семье и детям, куда поначалу обратилась Вера. Через год дедушка и бабушка снялись вместе с дядей (у них, кроме отца Евы, был еще младший сын) из Москвы и эмигрировали в Израиль — понятно, что после такого даже слабые связи, через общих знакомых, прервались. Небольшую помощь оказывала бабушка по материнской линии, но и ее Ева отчего-то пугала, и она неоднократно намекала на то, чтобы сдать девочку в приют. Только Вера твердо стояла на сохранении семьи. Больше того, когда долги и проблемы начали зашкаливать, мать начала решать их кардинальным образом — настояла на переселении бабушки к себе на окраину, а квартиру в центре сдала каким-то иногородним бизнесменам. Поскольку теперь было кому сидеть с Евой, устроилась сразу на две работы: поварихой и уборщицей в офис юридической фирмы. Попытка была смелая и, воз-

можно, у матери получилось бы справиться, но судьба свела ее с младшим партнером фирмы, который не только был женат и, соответственно, имел семью, но и занимался самыми щекотливыми бандитскими делами. Понятно, что добром такая связь не могла кончиться. Мать рассказывала, бывало, собутыльникам о том, как во время кризиса девяносто восьмого года на злополучного любовника перевели «стрелку» по корпоративному долгу, и он прятался у нее на квартире от киллеров. В конце концов его вычислили и расстреляли прямо в подъезде, куда он вышел покурить. От всех этих переживаний бабушка слегла, а когда выздоровела, то решительно собралась и уехала к двоюродной сестре в Тверь. Жизнь Веры, так толком и не начавшись, покатилась под откос. Новую работу она не нашла да и не искала — доход с квартиры в центре позволял сводить концы с концами, а большего ей оказалось и не нужно. Зато плотно подсела на алкоголь — к такому времяпровождению ее невольно приучил покойный юрист-любовник, завсегдатай дорогих ресторанов, сам обожавший крепко выпить. Только вот денег на рестораны у матери никогда не хватало, посему она предпочитала пить на квартире или во дворе с такими же бездельниками. Разумеется, тут же потянулась бесконечная вереница мимолетных сожителей, ни один из которых даже не думал о том, чтобы стать для Евы отчимом. Впрочем, оно и к лучшему.

Такое сумрачное бытие, ныне полностью стершееся из памяти Евы, продолжалось до ее тринадцатилетия. В тот день Вера привычно пригласила приятелей со двора отметить торжественную дату. Начали с портвейна, продолжили водкой. Теплая погода позвала гульнуть, и компания, прихватив именинницу, отправилась на Белое озеро, где обильные возлияния продолжились. Мать набралась и отключилась, а собутыльникам было глубоко безразлично, что происходит с Евой. Девочка в купальнике бесцельно бродила по пляжу, перебирала камешки, познакомилась со смешной лохматой собачонкой, а потом отошла за кусты справить малую нужду

и только присела, спустив трусики, как ее подхватил какой-то вонючий и заросший по брови мужик. Зажав Еве рот, он потащил вяло сопротивляющуюся девочку в глубь леса, отыскал овражек, швырнул ее на дно и несколько раз сильно ударил обломком кирпича по голове. Обливаясь кровью, Ева потеряла сознание. Похититель изнасиловал беспомощного ребенка и снова ухватился за кирпич — ударил еще два раза с явным намерением добить, но тут его, к счастью, спугнула собака, прибежавшая посмотреть, куда делась новая подружка. На отчаянный лай собрались и взрослые. Еву отправили в реанимацию и вытянули-таки с того света. Только теперь в ее маленьком изломанном тельце жил совсем другой человек.

Когда девочка впервые пришла в себя после случившегося, на нее обрушилось целое цунами из чувств и воспоминаний. Она больше не была тринадцатилетней неприкаянной сиротой из пригорода — она была высшим офицером Корпуса эко-коррекции, членом Совета специалистов с правом голоса, харизматичным лидером, пользующимся заслуженным почетом среди обитателей внешнего конуса, несмотря на присущие последним нонконформизм и открытое презрение к любым формам иерархии. На ее счету было три десятка проектов биосферной оптимизации, которые она довела до завершения в качестве автора, конструктора и координатора. Она привыкла воспринимать себя уважаемым специалистом, каждое слово которого имеет вес. Она привыкла пользоваться высоким статусом и получать от мира соответствующие блага. Она привыкла к комфорту и технической поддержке, обеспечиваемой всей мощью высокого разума. И теперь она была шокирована тем, что оказалась вырвана из привычной, предсказуемой и послушной среды, кинута в чуждый мир, закована в хрупкую оболочку — без оборудования, без доступа к интерактивным базам данных, без опытных ассистентов и консультантов. Такое нужно было переварить, и некоторое время Ева оставалась в прострации, принятое врачами за проявление посттравматического синдрома. Потом она собрала

волю и признала, что ситуация экстраординарная. Во время трансгалактического рейса случилась серьезная катастрофа, иначе Ева помнила бы, как оказалась здесь. То есть была утеряна значительная часть информации, накапливаемой операционно-манипуляционной сетью при сопровождении индивидуальных трансформаций. Научным экспериментом подобное быть не может. Получается, Ядро спасало все, что могло спасти, не просчитывая последствия. И теперь от настоящей Евы остался лишь подпорченный слепок, который сохранили и транслировали с непонятной целью. Зачем? Лучше дали бы умереть!.. Впрочем, она недолго размышляла о смертельном исходе. Обитатели Ядра никогда не принимают глобальные решения, не согласовав их с Советом специалистов, — следовательно, та прежняя Ева голосовала за проект и, скорее всего, в нем участвовала. Значит, у нее были веские причины для того, чтобы оказаться здесь на положении Робинзона.

Хотя Ева лишилась части своей личности и не знала о сути проекта, запущенного Ядром, она оставалась практиком до мозга костей. И, когда ее выписали из больницы, начала осваиваться в новом мире. На изучение доставшегося ей тела, его биографии, местного языка, быта и пространства ушел почти год. К тому времени Ева уже могла вставать и без посторонней помощи перемещаться по квартире. Сбритые хирургами волосы отросли до плеч, скрыв шрамы. Бабушка приехала из Твери помогать матери выхаживать искалеченную девочку, но стала бояться внучки еще больше, интуитивно почувствовав, что после нанесенных травм ребенок стал другим. Поэтому когда Ева явно пошла на поправку, бабушка не стала задерживаться, и все вернулось на круги своя: в гости к матери опять зачастили собутыльники, на кухне зазвенели рюмки, в соседней комнате зазвучали громкие голоса, пьяные песни и сладострастные всхлипы. Ева равнодушно взирала на бедлам, ведь он почти не покушался на ее мир осознания себя. В сущности Вера была не самой плохой матерью — по утрам,

мучаясь похмельем, все же прибирала в доме, стирала белье, ходила в магазин и на рынок, следила за чистотой, одеждой и здоровьем Евы. Но девочка росла, офицер Корпуса экокоррекции набирал в ней силу, и конфликт был неизбежен. Как-то раз очередной любовник матери, возвращаясь ночью из туалета, перепутал двери комнат и вперся к Еве, причем не заметил разницы и сразу полез в кровать. Ему захотелось любовных утех, и он попытался взгромоздиться на девочку. Ева приняла бы его, но тут ее тело впервые сработало как диагностический детектор: мужчина нес в себе мутацию, способствующую развитию подострой некротизирующей энцефаломиопатии. В то время Ева еще не знала, как называется такое генетическое заболевание на местном языке, поэтому просто отреагировала на подсознательный сигнал опасности. Сработали боевые навыки офицера — бой-френд вдруг оказался на полу, а цепкие маленькие пальчики уже сдавливали горло, и острые колени упирались в грудь. Любовник забился, заорал, попытался сбросить девочку и получил сильнейший удар в пах. Все же он был массивнее и сильнее, поэтому сумел освободиться и с воем понесся по коридору, сшибая вешалки для одежды. Сказать, что мать была ошеломлена, значит ничего не сказать. Сначала она истерически наорала на Еву, потом на коленях просила прощения, потом напилась в одиночестве до алкогольного делирия, называемого «белочкой», потом демонстрировала злое отчуждение, потом опять просила прощения со слезами и заламыванием рук. Но визиты сомнительных друзей прервались — Вера начала выпивать вне квартиры, но и пропадать при этом на три-четыре дня. Еву это вполне устраивало: к тому времени она без особого труда освоила ноутбук, купленный матерью для интернет-общения, и впитывала местную культуру, как губка. И примерно тогда же Ева начала совершать свои вылазки в парковую зону, подключаясь к биоте.

Разумеется, и в лесу не обходилось без происшествий. Еву всегда удивляло трепетное отношение местных к обнажен-

ному телу. Можно подумать, сами они сотканы из воздуха и солнечного света. Ее несколько раз задерживала милиция, вызванная бдительными гражданами. За ней подглядывали вуайеристы. Как-то раз во время очередного контакта с биотой Еву похитила компания юных гопников, вообразивших, что шестнадцатилетняя девушка не способна себя защитить. Отвезли на дачу и собрались устроить веселую многодневную оргию. В принципе, Ева была не против, но по дороге провела морфологический и генетический анализы похитителей, обнаружила массу отклонений, вплоть до явной дегенеративности, и вместо оргии учинила побоище, благо гопники находились с ней в одной весовой категории и не отличались высокой скоростью реакции. Слухи о странном происшествии разнеслись по району, к Вере даже заявился участковый, но, глянув на Еву, немедленно ретировался. Ева продолжила свои вылазки как ни в чем не бывало. Местные стали ее бояться, а отдыхающие из других районов, случайно завидев во время прогулки, впадали в прострацию или громко высказывали неодобрение.

Впрочем, все это был лишь фон ее новой жизни, не заслуживающий долгого обсуждения. Самое важное происходило внутри. Ева потихоньку восстанавливала воспоминания о своей службе в Корпусе эко-коррекции. Перед внутренним взором проплывали причудливые пейзажи. Сверкал ледник. Прорастала колючками черная трава. В зеленом небе парили четырехкрылые птицы. Яростно бились рогатые бронированные животные. Перепрыгивали с ветки на ветку мелкие ящерицы с красными гребнями. Над пропастью вили ловчую сеть гигантские арахниды. Выныривала из темных вод плоская рыбина, похожая на остров. Иногда в снах Еве казалось, что она вернулась туда — в прекрасные миры, требующие ее внимания и заботы. Но потом наступало неизбежное пробуждение, и она раз за разом оказывалась в маленькой полутемной квартирке на окраине мегаполиса, задыхающегося в собственных миазмах. Ева свыклась с таким форматом существования, од-

нако ее продолжало беспокоить, что новые знания и умения, которые она приобретала почти каждый день, не приближали к пониманию произошедшего. И самое печальное — оставалось загадкой, когда и чем все это закончится.

Ева признала ограниченность своих возможностей. Тело, которое любезно предоставила ей местная биосфера, не способно решить сложнейшую совокупность задач, которые стоят перед эко-корректорами, превращающими дикие миры в оптимизированные многофункциональные системы, подчиненные разумной воле. Еве были нужны ассистенты — более развитые, более способные, более коммуникабельные. И связанные с ней узами общего происхождения. Очевидный способ заполучить таких ассистентов — родить их. И Ева начала искать партнеров. В основном это были случайные мужчины, некоторые совсем мальчишки, попадавшиеся ей в парковой зоне или окрестностях. Тело, превращенное в импровизированную лабораторию, помогало проводить беглый анализ генотипа и фенотипа кандидатов, выявляя негативные мутации и дефекты онтогенеза. Если кандидат в будущие отцы проходил проверку и не выказывал откровенного испуга или отвращения, Ева увлекала его за собой в укромное место посреди леса. Если вдруг выказывал, в дело шли половые аттрактанты, способные возбудить и мертвеца, — и все опять же заканчивалось на лесной подстилке. Промахов у Евы не случалось — каждый такой акт завершался оплодотворением и беременностью. Только вот до родов пока ни разу довести дело не удалось — на одиннадцатой неделе тело, тщательно изучив плод, отторгало его. Возможно, появись дети от случайных соитий на свет, они были бы вполне здоровы, однако Еве не нужны были просто здоровые дети — ей нужны были помощники, способные срастаться с биотой. Так продолжалось много лет, и Ева пока не отчаялась. У нее не было иной возможности переломить ситуацию, и она пользовалась тем, что дано, надеясь на счастливое совпадение.

Приблизившись к берегу Черного озера со стороны леса, Ева услышала голоса и встрепенулась. Пляжи находились южнее, на Белом озере, а здесь, среди неухоженных зарослей, было много тихих полянок, куда приходили отдыхающие, стремившиеся к уединению. Ева сделала еще несколько шагов и разобрала обрывок беседы:

— ...Кстати, по твоему случаю анекдот вспомнился. Звонок в техподдержку провайдера. Спрашивают: «Скажите, пожалуйста, я тут скачал файл из Интернета. Я с ним ознакомился и теперь хочу положить обратно. Как это сделать?» Техподдержка отвечает: «Вот из-за таких мудаков скоро в Интернете файлов совсем не останется!»

Послышался отрывистый смех, больше похожий на кашель.

— А если серьезно, — продолжил рассказчик анекдота, — советую тебе все же подумать о переходе на Убунту. Скоро продвинутый Какомицли появится, с ним даже чайник работать может. Винды задолбали нереально...

Двое. Мужчины. Почти идеальный вариант. Ева выскользнула сквозь кусты на свободное пространство. Парочка сидела прямо на траве, вытянув ноги. Рядом валялись бутылки с вином, расставлены бумажные тарелки с легкой закуской. Заметив движение, мужчины обернулись.

— Ух ты, черт! — пробормотал рассказчик анекдота.

Он тут же вскочил на ноги и оказался очень высоким. Таращился с изумлением на Еву. Но при этом не преминул оценить ее быстрым взглядом: лицо, грудь, бедра, лобок. Второго из собутыльников Ева раньше встречала: он был гораздо ниже и массивнее приятеля, а еще сутулился и вечно прятал руки в карманах брюк, словно мерз.

— Здравствуйте, милая женщина, — сказал высокий, обращаясь к Еве. — Тут нудистский пляж? А мы не знали, извините. Но вы нас не стесняйтесь — проходите, купайтесь. Чувствуйте себя, как... в джакузи.

Сутулящийся разразился кашляющим смехом. Отсмеявшись, посоветовал:

— Брось распинаться, Василий. Это Ева. Дурочка местная. Аутистка. И немая до кучи. Как вошла в возраст, бегает голая и всем дает. Нравится ей, наверное. Ее уже половина микрорайона перетрахала.

— Если красавица на хер бросается, будь осторожен — триппер возможен! — продекламировал высокий с непонятным выражением на лице, а сутулящийся вновь засмеялся-закашлялся.

Ева шагнула к высокому и, протянув руку, коснулась небритой щеки. Между ними проскочила невидимая искра. Высокий, почувствовав укол, отшатнулся. Ева провела анализ. Для горожанина удивительно здоровый тип. Возраст — тридцать пять лет. В хромосомном наборе нет значительных отклонений от нормы. Плоскостопие, гастрит, легкая близорукость, небольшой избыток веса — фенотипная ерунда. Значит, можно попробовать. Ева легла на траву и приглашающе раздвинула ноги.

— Гондоны есть? — хрипло спросил высокий у приятеля.

— Чего? И впрямь захотелось? — удивился тот. — Не. Откуда? Мы ж сюда не за этим. И не даст она с гондоном-то, проверено.

— Сам, что ли, проверял?

Сутулящийся хмыкнул, потер нос, но не ответил.

— Ладно, рискнем здоровьем. — Высокий начал расстегивать ремень на джинсах. — А ты отойди. Я при посторонних не могу.

— Ну ты вообще борзый, Василий! — прокомментировал приятель. — Сколько тебе надо-то?

— Минут за десять справлюсь. Вали давай...

Дожидаясь, пока высокий справится со штанами, Ева смотрела в небо. Погода здесь менялась очень быстро. С утра было облачно, потом ненадолго выглянуло солнце, сейчас низкие облака сгущались и клубились, обещая дождь. Биота предсказывала большее — настоящую бурю. Пусть грянет буря! Этот дикий мир созрел для нее.

Ант

Ант скучал.

Все ему было знакомо — до зубной боли и ломоты в суставах. Существует миллион способов обмануть любимое государство, но все эти способы выглядят наивной разводкой для того, кто знает, что главная и единственная ваша цель — обмануть любимое государство. В конкретном случае основная доля была уведена в офшор еще на начальной стадии поступления на счет, а субподрядчикам достались крохи, потому что на масштабном техническом проекте много не украдешь, иногда и работать надо.

Но вообще, признаем, получилось загляденье: сооружения и агрегаты подстанции находятся под землей с нижним уровнем минус двенадцать; применена новомодная элегазовая изоляция; релейная защита на микропроцессорах; цифровой регистратор нового поколения; управление автоматизировано до предела с выводом контрольных терминалов на носимые устройства; блеск и чистота — короче, двадцать первый век на отдельно взятом инновационном участке, везде бы так. Докапываться совершенно не хотелось, но Анту платили деньги как раз за то, чтобы докапывался. И он, конечно, знал, где копать.

Представитель монтажной организации юлил и заглядывал в глаза. На этот раз прислали какого-то неумеху из нового набора, блядь-менеджера. Не уважают, что ли? Или страх потеряли? Чтобы показать пижону, что почем, Ант начал с трансформаторов — демонстративно долго изучал спецификации, хотя и одного взгляда на натурпродукт было достаточно.

— Что это такое? — спросил Ант.

— Где? — вскинулся представитель.

Ант поигрался с планшеткой, вывел на экран искомую страницу техзадания.

— Трансформаторы какой фирмы должны стоять? «Тошиба»? А у вас что стоит?

Представитель заметно растерялся — начал тереть переносицу, выдавая себя с головой: значит, в курсе, хотя, вероятно, и не в доле. Нет, однозначно не уважают!

— «Тошиба» стоит? — на всякий случай уточнил представитель.

— Твою ж мать! — ругнулся Ант без энтузиазма и даже без особой злобы. — Я понимаю, Сте-пан... э-э-э... Андреевич?

— Андронович, — услужливо подсказал представитель.

— Да! Степан Андронович! Я понимаю, Степан Андронович, что лично у вас давно ничего не стоит, даже «Тошиба». Но какого хрена, объясните, вы пытаетесь выдать китайского производителя за японского?

Представитель монтажников смешался и выпалил совсем беспомощное:

— Как вы определяете? Там же иероглифы...

— Меньше в ящике светитесь, — серьезно посоветовал Ант. — Не нужно людей за идиотов держать. Английский иероглиф «Чайна» от английского иероглифа «Джапан» мы пока еще отличить способны.

У представителя задрожали губы. Он порывисто выхватил смартфон из поясного чехла и рванул из зала управления. Ант посмотрел на женщину-оператора в фирменном комбинезоне технопарка, которая сидела за мониторами и делала вид, будто бы полностью поглощена работой. Почувствовав на себе взгляд инспектора, она оторвалась от созерцания запутанных схем и робко улыбнулась.

Черт возьми, подумал Ант. Ведь ты когда-то мечтал об этом — о чистых светлых залах, о прорывных проектах, о современной технике, которая одним существованием пробуждает гордость инженера за сопричастность к большим и важным делам. «Это сделал я!» — так ты собирался сказать своим детям. А что теперь говорить? Что ты сделал?.. Ты вообще слишком много значения придавал технике, а о людях думал в последнюю очередь. Тебе казалось, что достаточно освободить творчество, наладить производство, преодолеть

косность и бюрократию, осадить зарвавшихся чинуш — и все наладится. Как в Германии, Штатах или в той же Японии... Карго-культ это называется. Модное словечко. Ты верил в духов машин, которые изменяют жизнь — всегда к лучшему. И, конечно, ты верил в самое прогрессивное государство, в котором творческий потенциал раскрывается в полной мере и за которым будущее. Радовался, что тебе повезло родиться в таком государстве. А как было не верить и не радоваться?.. Ты не учел и не мог, наверное, учесть, что люди всегда главнее машин, что человеческий фактор способен не только сдвигать горы, но и разрушать в мелкую пыль любые изящные концепции. Лучшее общество появляется не там, где много умных машин и великих энергий, а где у человека есть право выбора. Мы оказались не готовы к такому обществу. И вот результат — машины делать разучились, превратившись в сырьевой придаток к чужому могуществу. Потому что производство-то наладить можно так или иначе, а вот мозги вставить на место — задачка более сложная и в отдельных исторических ситуациях неразрешимая...

Представитель монтажников вернулся. По высокомерной ухмылке было видно, что он получил соответствующие инструкции и готов к дальнейшему бою. Что ж, посмотрим, мы ведь тоже не лыком шиты.

— Решение о замене трансформаторов имеет политический смысл! — заявил представитель с порога. — В настоящий момент Китайская Народная Республика является нашим стратегическим партнером, в то время как Япония продолжает угрожать национальной безопасности...

— Прекрасно! — перебил Ант. — Я вполне верю в справедливость и грамотность политического решения. И, разумеется, не могу его оспаривать. Но, помимо политического, замена имеет и технический смысл. Где она отражена в дополнениях к договорам подряда и субподряда? Где финансовая отчетность по сделке? Кто и когда ее обсуждал? Где протокол закупочной комиссии? Надеюсь, Степан Андронович, вы понимаете,

что японские трансформаторы несколько дороже китайских? В смете должно быть указано, на что пошли освободившиеся средства. Я не собираюсь вникать в детали — просто покажите мне, что в сделке нет коррупционной составляющей. Речь ведь идет ни много ни мало, а о трех миллиардах рублей бюджетных денег, и прежде чем поставить свою подпись на акте, я должен быть уверен, что ни одна копейка не потрачена впустую.

— Разве это входит в вашу компетенцию? — удивился представитель.

— Не входит, — признал Ант, — но, как я уже говорил, любое такое решение имеет и технический смысл. Если вы берете более дешевые китайские трансформаторы, то высвобождаете средства. Поскольку средства, выделенные на проект, освоены в полном объеме, то получается: где-то и что-то вы купили дороже, чем предусмотрено техзаданием и договором. И мне хотелось бы увидеть, какие еще изменения внесены в проект. Дайте мне документацию, а лучше — списком. Не хотелось бы самому искать — займет много времени...

Представитель явно не знал, как вести себя под нажимом инспектора, и решил оборзеть.

— Вам надо, — сказал он с гордым видом, — вы и ищите!

Что ж, на всякую хитрую задницу мы всегда найдем болт с резьбой на тринадцать.

— Ладно. — Ант опять потянулся к планшетке. — Будем искать. Вот, например, силовой кабель. Медный. Общая длина — четыре тысячи метров. Производство компании «Эй-Би-Би». Ценная вещь! Хотелось бы удостовериться, что все на месте, а кабель соответствует спецификации.

— Как это?

— Очень просто. Метод пошаговой проверки.

— Не слыхал о таком, — признался представитель.

— Вы не только услышите, — пообещал Ант, — но и увидите. Смотрите! — Он выставил ногу. — Я ношу сорок второй размер, то есть длина моей подошвы — двадцать семь санти-

метров. Андестенд? Берем кабель, вытягиваем, и я прохожу его по всей длине. Если в кабеле ровно четыре километра, то мне нужно будет сделать... — Ант вызвал на экран планшетки калькулятор и совершил молниеносный расчет. — Мне нужно будет сделать четырнадцать тысяч восемьсот пятнадцать шагов. Я не ошибся?..

— Позвольте! — вскинулся представитель. — Но ведь кабель проложен под землей!

Ант небрежно смахнул калькулятор с экрана и сказал, глумливо щерясь:

— Придется выкопать...

У представителя монтажников отвисла челюсть. Он снова вскочил и устремился к выходу, на бегу вытаскивая смартфон. Дверь еще не успела захлопнуться, а представитель уже орал в коридоре:

— Сумасшедший! Форменный псих!

Женщина-оператор за пультом откровенно веселилась, пряча смех ладонью. Ант подмигнул ей — хотя общее сумрачное настроение не улучшилось ни на гран, скуку развеять удалось. Он не любил прибегать к прямому шантажу, используя служебное положение, но менеджмент совсем разучился видеть края, и время от времени требовалось на эти края указать. Хотя по большому счету вся эта возня не имела никакого смысла — Ант знал, что подпишет акт и передаст его госкомиссии, принимая на свою душу очередной груз ответственности за чужие грехи. Нет, совсем о другом он мечтал когда-то. И чистота подземных залов, набитых высококлассной техникой, не искупает смерть мечты.

Запиликал мобильник. Ант открыл его, без удивления взглянул на номер входящего вызова.

— Хаюшки, Антон Васильевич, — послышался знакомый голос. — Мне тут на тебя жалуются. Есть проблемы?

— Добрый день, Константин Сергеевич, — отозвался Ант. — Никаких проблем. Я всего лишь хочу взглянуть на список отступлений от техзадания. У вас ведь такой список наверняка

есть? Кто возглавлял закупочную комиссию по объекту? Не ты ли, Константин Сергеевич?

— Слушай, Антон Васильевич, не шали там, пожалуйста. Если хочешь поговорить, давай поговорим. Поднимись. Я жду.

Ант тяжко вздохнул, сложил мобильник, сунул планшетку в чехол, поднялся из-за стола.

— Спасибо за компанию, — сказал он женщине-оператору. — Успехов в труде и обороне.

Константин и впрямь ждал Анта снаружи, прогуливался взад-вперед по асфальтированной подъездной дорожке, ведущей от надстройки подстанции к центральному шоссе технопарка. На обочине шоссе стоял мрачный, сплошь тонированный «Мерседес», 350-я модель, 2009 года выпуска. Заприметив Анта, давний приятель демонстративно раскрыл объятья, но когда тот подошел, просто подал руку. Константин был, как обычно, выбрит до синевы, подстрижен коротко, по-бандитски, благоухал дорогим мужским парфюмом. И, конечно, совсем не походил на того долговязого прыщавого студента, который пришел стажироваться на кафедру энергомашиностроительного факультета в начале девяностых.

— Смотри, как здесь красиво, — сказал Константин, после того как приятели обменялись рукопожатиями. — И погода задалась.

Погода и впрямь задалась. Обычно в середине апреля в Подмосковье еще ощущалось дыхание зимы, но в этом году весна пришла раньше, первые дожди отшумели, солнце припекло и высушило, подлесок и лес зазеленели, в воздухе умиротворяюще пахло прелыми листьями и разбухшей от талой воды землей. Дальше по шоссе можно было увидеть новостройку с торчащими над развороченным ландшафтом кранами — технопарк прирастал офисными и жилыми зданиями. Масштаб строительства впечатлял, но сказать, что это было «красиво» — нет, нельзя сказать.

Константин взял Анта под локоть и повлек с подъездной дорожки на боковую пешеходную тропинку среди деревьев,

выложенную плиткой. Ант по ходу отметил, что на укладке плитки явно сэкономили, наняв неопытных гастарбайтеров — местами она лежала вкривь и вкось, на стыках скопилась жирная грязь, и надо было следить, куда ступаешь, чтобы ненароком не споткнуться. «Все-таки у меня профессиональная деформация», — подумал Ант с раздражением.

— Чего тебе не хватает, Антон Васильевич? — спросил Константин. — К чему эти пошаговые проверки? Зачем тебе список модернизаций? Ты ж в системе, все должен понимать.

— Ты мне сам эту работу предложил, — напомнил Ант. — Еще когда в министерстве сидел. И я помню, как ты был убедителен: борьба с коррупцией, выжечь каленым железом, вернем патриотизм и дисциплину труда...

— Понимаешь, декларации — это одно, реальность — совсем другое...

— Спасибо, кэп!

— Не злись. Система потихоньку меняется. Ты ведь не хочешь революционных потрясений? У тебя, насколько мне помнится, прекрасная семья, две дочки растут, хорошая квартира на проспекте Мира, новый дом в Плесе и вроде даже какая-то недвижимость в Черногории намечается, нет? Зарплата тоже выше среднего, плюс премиальные. Хорошо устроился, короче. Вписался в рыночную экономику. Молодец! И согласись, что любые революционные потрясения тебе точно ни к чему. Злословить по поводу загнивающей стабильности можно сколько угодно, пока эта самая стабильность есть. И вот пока она есть, мы можем систему как-то дорабатывать, совершенствовать. Главная задача сейчас — сделать так, чтобы коррупция не разрушала страну, а, наоборот, приносила ей пользу.

Ант не поверил своим ушам.

— Коррупция? Пользу? Каким образом?

— Ну ты же наблюдаешь всю эту красоту! — Константин махнул в сторону новостройки, не осознавая, видимо, насколько двусмысленно прозвучали его слова. — Такие технопарки будут по всей стране. Современные, комфортабельные,

дворцы науки. Наш — первая ласточка. Да, приходится идти на компромиссы. Иначе просто не поймут. Тут дело даже не в финансовых схемах, которые налажены еще до нас, а в психологии. И в четком разграничении по принципу свой-чужой. Будешь выдрючиваться и играть в принципиального, решат, что крысятничаешь или подставу лепишь. В существование идеалистов давно никто не верит. И правильно делают: вымерли идеалисты, словно мамонты. Вот и приходится работать, как в декларациях, но с учетом реалий.

— А если у вас долбанет, как на Саяно-Шушенской? — саркастически поинтересовался Ант. — Когда расследование начнется, вы же все сразу изобразите из себя порядочных и обманутых, вообще как бы не при делах. И кто будет крайним? Не тот ли стрелочник, который поставил подпись под актом соответствия для Департамента и Госкомиссии?

Константин остановился и внимательно, глаза в глаза, посмотрел на Анта.

— Вот что тебя беспокоит... — произнес давний приятель с нескрываемым облегчением. — Успокойся! Во-первых, не долбанет. Зря, что ли, главным инженером японца зазвали? Во-вторых, самое главное, никто ничего расследовать не будет. Потому что о сдаче объекта доложено Самому. И он уже высказался одобрительно. Задница на пожарный случай прикрыта. Забей и подпиши акт. И вообще, Антон Васильевич, надо чаще встречаться! Как рутину со сдачей подстанции разгребем, так и приезжай. Накроем поляну, посидим, вспомним молодость. Если заскучаем, пригласим шлюх. У нас это поставлено на широкую ногу. Настоящий ученый не должен ни в чем себе отказывать!

Удивительно, подумал Ант, насколько они привыкли мерить других по себе. В сущности, тот же карго-культ, но обратный: они и впрямь не верят в существование идеалистов и полагают, будто бы иностранная наука — такие же танцы с бубнами, что и у них, а чужая техника слеплена из такого же навоза, что и у них. И, конечно, они убеждены, что законы миро-

здания можно подкупить застольем и шлюхами точно так же, как можно подкупить скромного инспектора Департамента технического надзора.

— Приеду, — пообещал Ант. — Только перечень замен на объекте все же представьте. Мне надо ясно понимать, под чем я подписываюсь.

Константин еще раз пристально взглянул на Анта.

— Правда, Антон Васильевич, не терзайся. Все будет пучком. Ты лучше вспомни, разве не это ли самое грезилось нам тогда, в девяностые, на кафедре, после ночных продувок? Да, мечты не всегда сбываются в точности, но так даже интереснее! Мы при хорошем деле, мы обеспеченные и полезные члены общества, у нас есть будущее, а остальное — чушь, пустяки. Кто о них вспомнит лет даже через десять?..

Ант, конечно, мог бы ответить. Примерно так. Мы грезили о другом, Костя. Ты либо забыл, либо перепутал. Мы приходили ночью в полутемный и заваленный железным хламом лабораторный зал, бегали вдоль стенда с протоколами в руках, перетаскивали с места на место тяжеленные щиты с ртутными барометрами, глохли от рева воздуходувки, задыхались в пыли и в пару гидротормоза, а потом с умиротворенными лицами пили дешевый портвейн в подсобке, нарезав на газете поганую колбасу, — мы делали все это, Костя, не для того, чтобы сегодня грызть друг друга за малый прайс. Мы делали все это, потому что нам ненадолго почудилось: мы разглядели иной мир, где ум, гордость и честность — равновеликие качества достойного человека, а не признаки маргинала; где не нужно быть суетливым жуликом, а достаточно лишь работать в полную силу; где мерилом успеха признают сделанное для других, а не для себя. И ведь он был рядом — этот мир. Он примерещился нам лучиком света, пробивающимся ранним утром сквозь щель над защитным кожухом стенда. И мы надеялись — нет! мы были убеждены! — что тот правильно устроенный мир будет принадлежать нам. И еще одно я помню точно: мы никогда не обсуждали, какие у нас будут зар-

платы, машины, квартиры, дачи — вещи представлялись нам приятным дополнением, неожиданным бонусом к успеху, который нас ждет. Что же такое случилось с нами, если мы так легко потеряли достойный ориентир и ушли по кривой дорожке в бурелом, где каждый сам за себя и норовит сожрать другого — не из-за голода даже, а из-за страха перед тем другим? Откуда вообще взялся этот страх? Кто нам его навязал?.. Вопрос риторический, Костя. Потому что куда больше я боюсь искать возможные ответы на него. Потому что догадываюсь: ответы будут столь жестокими, что после них хоть в петлю... Кстати, ты знаешь, Костя, что наша работа со стендом на кафедре не пошла прахом? «Сименс» ставит те самые выходные диффузоры, которые придумал наш шеф Виктор Саныч и прототип которых мы изготовили своими руками, на энергетические газовые турбины. Они работают, Костя! Однако не для нас с тобой и не для мира, призрачный образ которого мы разглядели среди танцующих в утреннем свете пылинок.

Ант мог бы ответить так, но давно уже привык к мысли, что не будет услышан. Поэтому он сказал о другом:

— Знаешь, Константин Сергеевич, во что я искренне верил в детстве?

Приятель демонстративно посмотрел на «ролекс». Ант синхронно качнул головой, показывая, что надолго не задержит.

— Так вот, в детстве я всей душой верил, что некогда на Земле разбился звездолет инопланетян. Что ученые отыскали его обломки, а среди них — капсулу с ребенком. И этого ребенка отдали на воспитание обыкновенной семейной паре... Моим родителям. Да, я верил, что они ненастоящие родители. И не потому что не любил их — просто в семье все было сложно, и в начальной школе я не успевал: поздно научился читать, плохо понимал арифметику. Вот и чувствовал себя чужим, лишним. И порой очень искренне желал, чтобы мои настоящие родители наконец прилетели с далекой звезды и забрали к себе. Потом я повзрослел и почти забыл о той грезе.

Но в последнее время мне все чаще кажется: все мы, осознанно или неосознанно, веруем, что нас случайно занесло сюда, на эту планету и в это время, что наша родина где-то в другом месте, а мы просто жертвы катастрофы, которые ждут спасателей и пытаются как-то устроиться и выжить.

— Тоже мнение, — сказал Константин со скучающим видом. — Мне пора, Антон Васильевич. Дела, дела...

Они попрощались. Настроение испорчено вконец, и Ант не вернулся на подстанцию. Он добрался до парковочной зоны технопарка, сел в свой внедорожник «Тойота Ленд крузер» 2006 года и покатил в Москву.

У поворота на МКАД он притормозил, пропуская встречные машины. Взгляд задержался на серебристом «Форде Фокус» с приметной росписью: вдоль борта шла изломанная красная стрела, напоминающая фирменную молнию Зевса или руну «зиг», но с наконечником. Броский символ. У Анта вдруг возникло явственное ощущение дежавю — он уже видел автомобиль с подобной росписью на трассе или в городе. Он попытался вспомнить, где и когда мог встретить такой «Форд», однако память упорно возвращала к разговору с Константином.

На самом деле все было гораздо хуже, чем он признался давнему приятелю. Разумеется, с десяти-одиннадцати лет Ант уже не верил в чудесную фантазию о том, что он инопланетный «принц», волею трагического случая занесенный на Землю. Однако чем дальше, тем больше Ант чувствовал, как отрывается от реальности. Такое «подвешенное» состояние находило на него приступами, и с каждым годом приступы становились все более затяжными и глубокими: Ант мог по три дня ходить, беседовать с людьми, выполнять рутинную работу, но при этом ему казалось, что все делается само собой, без каких-либо усилий с его стороны. Словно он смотрел скучноватый фильм, в котором когда-то сыграл эпизодическую роль, но воспоминания об этом сгладились, и теперь отдельные кадры не вызывали ничего, кроме недоумения

или, в отдельных случаях, стыда. Наверное, такое состояние было признаком нарастающего психоза. Наверное, стоило показаться врачу. Но Ант пошел бы к «мозгоправу» в самую последнюю очередь — и не потому, что боялся, а потому что каждое такое выпадение из реальности имело по завершении весьма необычные последствия: на несколько часов он начинал видеть несуществующее. Ткань реальности рвалась, и в прорехи становились различимы огромные великолепные конструкции, летящие среди звезд. Почему-то Ант ни разу не усомнился, что эти конструкции существуют, что они продолжают бессрочный космический рейс между галактиками, хотя и сам удивлялся такой своей убежденности. Поначалу, в молодости, он видел лишь элементы загадочных конструкций: зеркально блестящий радиатор колоссальных размеров; колыхающееся мелкоячеистое полотно; синий плазменный шар; прозрачная колонна с парящими внутри нее сложносоставными фигурами, похожими на оплавленные восковые свечи. В зрелом возрасте Ант научился различать намного больше: многокилометровый осевой цилиндр, обмотанный золотистой спиралью; ажурное пирамидальное нагромождение вспомогательных секций, сквозь которое просвечивают звезды; полые конусы полезной нагрузки, вложенные друг в друга по принципу матрешки и стабилизированные посредством неведомого силового поля.

Изучая начертательную геометрию на первом курсе Политеха, Ант пытался изобразить хотя бы общий приблизительный эскиз того, что подсмотрел в прорехах реальности, но у него не получилось — образы ускользали, не ложились на бумагу, грифель крошился под отчаянным нажимом. В итоге Ант прекратил бесплодные попытки, а листы ватмана, исчирканные пунктирными линиями, выбросил в мусорный контейнер. Он понял, что дело не в малом профессионализме — просто такого рода озарения не поддаются анализу. Может быть, получится в будущем, когда отрывочные видения обретут полноту единой картины, в которой каждый элемент бу-

дет связан с другими. И кусочки большого пазла встанут на предписанные места. Ант надеялся, что не придется ждать до глубокой старости, и даже собирался целенаправленно найти недостающее, погрузившись в смежные области. Он увлекся научной фантастикой. Нельзя сказать, что ранее чурался ее — наоборот, читал с большим удовольствием все, до чего мог дотянуться: Иван Ефремов, Станислав Лем, братья Стругацкие, Кир Булычев, Сергей Снегов и Владимир Савченко. Однако теперь занялся предметом всерьез, почти на профессиональном уровне, благо в середине девяностых попер настоящий вал из переводных книг. Ант даже посетил пару конференций, на которых собираются фантасты, надеясь хотя бы от них услышать, насколько близки его непредсказуемые озарения к литературным экзерсисам с раскованным воображением, но быстро разобрался, что фантасты — скучнейшие люди, которые не верят ни в Бога, ни в черта, ни в инопланетян, ни в звездолеты. Иногда можно было подумать, что они не верят даже в собственное существование. Ант перестал ездить на конференции и фантастику забросил.

Впрочем, небольшая польза от кратковременного увлечения жанровой литературой была — Ант попытался облечь свои видения в виде художественного текста. В то время он как раз учился в аспирантуре, занимался газодинамическим стендом и мог выкроить время на графоманию. За полгода Ант написал две сюжетно связанные повести. В них он рассказал о человеческой цивилизации, которая вышла на галактические просторы и столкнулась там с неведомым врагом, намного превосходящим ее по мощи. Понятное дело, тут же разразилась межзвездная война, человечество понесло потери, поставившие его на грань выживания. Чтобы спастись и сохранить свою культуру, уцелевшие строят на базе транспортного колониального корабля огромный ковчег и отправляются в полет к Туманности Андромеды, который продлится миллионы лет. Примечательно, что когда Ант заканчивал работу над повестями, он опять впал в «подвешенное» состоя-

ние и к нему сами собой пришли названия для почти готовых текстов: первую повесть он озаглавил «Трансгалактический экспресс», вторую — «Новая надежда». Потом Ант забросил файлы, набранные в «Лексиконе», и забыл о них настолько прочно, что при очередной глобальной чистке жесткого диска едва не стер вместе с заглубленной директорией. К счастью, спохватился и даже перечитал. Текст ему не понравился, показался вторичным по отношению к ранее усвоенной фантастике, а образы грандиозных космических конструкций, которые он лелеял много лет в своем воображении, выглядели блеклыми. Наверное, Ант никогда не решился бы опубликовать ученические повести, но тут родилась первая дочь, грянул экономический кризис, испытательную группу на кафедре разогнали в связи с сокращением штатов, и молодая семья, потеряв стабильный источник дохода, остро нуждалась в деньгах — Ант распечатал файлы и разослал их по издательствам. К его удивлению, одно из них откликнулось, предложив опубликовать оба текста в виде романа с условием, что на обложке вместо родной фамилии автора будет стоять «иноязычный» псевдоним: дескать, того требует непростая ситуация на книжно-издательском рынке. Так повести превратились в роман «Трансгалактический экспресс “Новая надежда”», а Антон Вишневский стал Антом Вишняком. Большого дохода и славы публикация не принесла — зато гонорар позволил продержаться полгода, пока Ант искал себе достойную работу в энергокомпаниях.

Позже он редко вспоминал о том эпизоде своей биографии, считая его «стыдным» — словно вынес на всеобщее обозрение нечто малоприглядное. Видения за изнанкой реальности, как и предшествующее им «подвешенное» состояние, сохранились, только теперь Ант ни говорить, ни писать об этом не хотел. Зато он стал различать больше подробностей, фрагменты пазла все увереннее вставали на нужные места. Он видел длинные «тараканьи» усы, протянувшиеся в бесконечность. Видел узкие полутемные технические коридоры,

по которым сновали уродливые машинки. Видел багровые сполохи за условной «кормой». Видел полет ромбовидного «шаттла» в пустоте между конусами полезной нагрузки. Видел сферический зал, заполненный серебристыми коробами в бахроме беспорядочных белесых нитей. Ант хотел бы увидеть создателей и хозяев этого комплекса конструкций — трансгалактического экспресса? — но искомый образ почему-то не давался: выглядело так, будто бы в огромных помещениях пусто, и космический комплекс — всего лишь механизм, созданный в незапамятные времена существами, которые давно исчезли, рассыпавшись в прах. А потом Ант в очередном прозрении понял, что между ним и гипотетическими создателями нет никакой разницы — именно он, Антон Вишневский или Ант Вишняк, был одним из конструкторов трансгалактического экспресса. Да, такая идея выглядела безумнее, чем детская фантазия об инопланетных родителях, однако в ней крылась высшая непознаваемая истина, которой он пока не решался коснуться даже на уровне абстрактных размышлений.

В то же время Ант получил назначение на новую газовую электростанцию, построенную компанией «Сименс» в пригороде Москвы, возглавил ремонтную бригаду, наконец-то начал получать солидную зарплату, взял кредит, купил квартиру, сделал ремонт, потом поменял квартиру на более престижную, снова взял кредит, сделал ремонт, объездил с семьей Европу, решился на вторую дочь, стал и.о. главного инженера, приобрел наконец приличную «тачку», нанял домработницу, вложился в строительный кооператив в Плесе, получил должность в Минэнерго, взял кредит, слетал с женой в Австралию, участвовал в расследовании аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, получил должность в Федеральной сетевой компании, отметил новоселье в Плесе, взял кредит, купил вторую «тачку» для жены... К сорока годам Ант имел все, чего только может пожелать среднестатистический российский технарь на госслужбе. Вписался в рыночную экономику. Молодец! Но чего-то не хватало. Он был не уверен, правильный ли избрал путь. Именно

об этом Ант и хотел рассказать Константину. Но... Все познается в сравнении, и Анту было с чем сравнивать. Что значит вся эта суета, кредиты, ремонты, «тачки» в сравнении с величественным движением среди звезд?..

Однажды Ант задумался о природе своих видений. Ясно было, что они не имеют отношения к норме. Но насколько уникально такое отклонение от нормы? Неужели он один в целом мире видит трансгалактический экспресс? Или среди людей есть еще — такие же? Ант пытался объяснить происходящее, отбрасывая совсем уж сверхъестественные варианты. И остановился на вычитанной еще во времена увлечения фантастикой гипотезе, гласившей, будто бы информация, усвоенная предками в ходе жизни, передается потомкам через генетическую память. Ант был далек от биологии и генетики, посему принял гипотезу на ура, ведь она объясняла почти все и давала надежду найти себе подобных. Может быть, и впрямь в доисторические времена на Землю прилетели создатели трансгалактического экспресса, спустились на ромбовидном «шаттле», и кто-то из них решил остаться, чтобы преподать местным дикарям основы великой межзвездной культуры? А что? Такая версия тоже имеет право на существование и даже всерьез обсуждается некоторыми учеными. Более глубоко изучить вопрос Ант не удосужился. Его воображение разыгралось почти как во времена молодости, и тогда он твердо решил отыскать себе подобных. Вдруг они сумели разглядеть и понять больше? Вдруг они сумеют дополнить его видения, реконструируя по-волшебному притягательный и немыслимо далекий мир трансгалактического экспресса?..

Ант разумно предположил, что вне зависимости от выбранной профессии такие, как он будут стремиться побольше узнать о достижениях в области космонавтики. Причем вряд ли то будут сотрудники ракетно-космической отрасли или космонавты — Ант достаточно проработал в госсекторе, чтобы прийти к горькому осознанию простой истины: в любой, самой романтичной, профессии, юношеский задор очень

быстро съедается рутиной, а меркантильность зрелости подавляет мечту. Себе подобных следовало искать среди фриков, изобретателей, моделистов-любителей, коллекционеров, восторженных дилетантов — тех, кто не привык сразу прикидывать массогабаритные характеристики, технологические возможности и экономическую целесообразность, когда речь заходит о «проектах века». И Ант без труда нашел такую компанию — они общались через сетевые форумы соответствующей тематики, горячо обсуждали строительство поселений на Луне, терраформирование Венеры и Марса, экспедиции к планетам-гигантам с изучением метановых морей Титана и подледного океана Европы, концепции межзвездных зондов и пилотируемых звездолетов. Среди них не было единства, как часто и случается в сообществах, связанных только интересами, — постоянно вспыхивали ссоры, всякий норовил поддеть товарища и выставить его на посмешище, периодически свирепствовал модератор, на время лишая особо злых оппонентов права доступа. Однако при всем бардаке это конкретное сообщество продолжало жить. Ант быстро догадался почему: в него входили люди не от мира сего, космические грезы возвышали их над обыденностью, заставляя более снисходительно смотреть на принятую обществом иерархию ценностей. Они жили будущим, а не унылым настоящим или непредсказуемым прошлым, что накладывало явный отпечаток на их мысли, высказывания, дела. Некоторые из них работали с детьми в качестве волонтеров-популяризаторов, организовывали тематические семинары и ракетные фестивали. И Ант с удовольствием влился в сообщество на правах любознательного неофита, задавал «идиотские» вопросы, встревал в дискуссии, получал необходимую порцию незлобивых обвинений в дилетантизме, много читал о теории и практике космических полетов. Искал и ждал оговорки, намека, эмоционального высказывания, из которого прямо следовало бы, что кто-то из новых товарищей видит время от времени трансгалактический экспресс.

«Черт возьми! — подумал Ант, стоя в традиционной «пробке» на Кутузовском проспекте. — Сегодня двенадцатое, значит, завтра "РакетФест" под Тверью». Он вытащил из чехла планшетку, подключился к Интернету и удостоверился: да, завтра, в субботу, очередной ракетный фестиваль, на который соберутся знакомые форумчане. Возвращаться домой в упадочном настроении не хотелось — Ант чувствовал: он не справится с эмоциями, сорвется на жене и дочках, что неизбежно закончится грандиозным скандалом. Поэтому он выбрал маршрут с учетом «пробок» и, свернув на Третье транспортное кольцо, поехал к Ленинградскому вокзалу. Там он оставил «Тойоту» на платной парковке и, шагая по перрону с билетом в кармане, наконец-то позвонил жене:

— Ира, извини, появлюсь завтра, к вечеру. Спецмероприятие.

— Знаю я твои спецмероприятия, козел! — зло откликнулась жена и швырнула трубку.

Электричка до Твери была битком, но Ант нашел себе место у двери, притулился и в блаженстве закрыл глаза. Сегодня он снимет гостиничный номер, поужинает в ресторане, хорошо выспится, а с утра поедет на рейсовом автобусе до дальней остановки, выйдет, отыщет поле, выбранное организаторами для «РакетФеста», будет стоять чуть в отдалении и смотреть, как, шипя пороховыми зарядами, взлетают в низкое небо модели ракет — от простых спортивных до сложных типа «Сатурна-5» или «Энергии». Руководитель запусков будет кричать, срывая голос. Дети из местного Дома молодежного творчества будут приседать и смеяться при каждом старте. Нахохлившиеся фрики с космических форумов будут деловито общаться. Именно там, в глуши и грязи, на богом забытом поле, прорастет новый мир — отличный от того, который уготовили нам всем Константин с причастными. Именно там проклюнется первое зерно следующего трансгалактического экспресса. Именно там Ант будет по-настоящему счастлив.

Люси

Люси злилась.

Ей нельзя было соглашаться на интервью. Тем более что сразу видно: Эльвиру обманули беспринципным образом. Сидевший перед Люси мужчина, с которым она предусмотрительно поздоровалась за руку, не был журналистом из глянцевого еженедельника «М-Сити». Он был частным детективом. Какая пошлость! Люси невольно покосилась на книжный стеллаж, занимавший целую стену рабочего кабинета. Надписи на корешках должны были производить особое впечатление на клиентов: «Тайная доктрина», «Великие Махатмы», «Астрология от “А” до “Я”», «Практика ясновидения», «Магия и гипноз», «Основы оккультной химии», «Волшебные карты Таро», «Биоэнергетическая защита и путь к самосознанию», «Православные чудеса и святыни», «Энциклопедия тибетской эзотерики». Однако на самом деле все суперобложки Эльвира распечатала на цветном принтере, а под ними скрывались собрания сочинений Агаты Кристи, Мэри Кларк, Сидни Шелдона, Александры Марининой, Дарьи Донцовой и Татьяны Устиновой. Бизнес-партнерша обожала «дамские» детективы, и Люси в свободные часы неоднократно приходилось выслушивать пересказы очередного «обалденного» сюжета. Сама Люси к детективам была равнодушна, как, впрочем, и к любой художественной литературе — писательские фантазии выглядели блеклыми на фоне того, с чем приходилось иметь дело каждый день.

— Зачем вы пришли? — строго спросила Люси у посетителя.

Тот чуть нахмурился, изображая непонимание.

— У меня назначено, — сообщил он. — Вы ведь Люсия Марковна, не так ли? Меня зовут Владимир. И я представляю интересы периодического издания. Если что-то не так, я прошу вас позвонить Эльвире Робертовне и...

— Врете вы все, Владимир, — сказала Люси. — Никакой вы не журналист. Вы — сотрудник частного детективного агент-

ства «Красная стрела». Кстати, странное название для агентства, не находите?

Посетитель выпрямился в кресле и положил руки на край стола. В глазах у него мелькнуло озорство. Он широко улыбнулся.

— У вас хорошие источники, Люсия Марковна. Хотя чему я удивляюсь? У любого дипломированного ясновидящего должны быть хорошие источники...

Люси обозлилась еще больше. Умом она понимала, что не нужно идти на поводу у первого попавшегося частного детектива, которые, как правило, бывают неплохими психологами, но чувства взыграли, и она выдала:

— Вот еще! У вас все на лбу написано!

Владимир улыбнулся шире, показав ровный ряд великолепных зубов. Почесал лоб, словно хотел стереть невидимую надпись.

— Вы хотите убедить меня в том, что определили мою профессиональную принадлежность благодаря своему дару?

— Я не собираюсь вас ни в чем убеждать! — гордо заявила Люси. — Вы не тот, за кого себя выдаете. И сами только что подтвердили это. До свидания!

Улыбка погасла.

— Вы всегда так обращаетесь с клиентами? — поинтересовался Владимир с холодком.

— Вы не клиент.

— Я оплатил час.

Люси потеряла дар речи. Значит, Эльвира опять взялась за старое. Договаривались же, блин! Еще в прошлый раз, будучи пойманной на использовании общего счета фирмы в личных целях — фактически на краже! — бизнес-партнерша клялась и божилась, что получилось случайно, что больше никогда не повторится, и все такое прочее. Выходит, опять облапошила! Натрепала с три короба о том, как важен этот визит: дескать, будет статья в модном еженедельнике, отличная бесплатная реклама, нельзя ударить в грязь лицом. А ты, словно дура,

развесила уши вместо того, чтобы взять Эльвиру за руку и прочитать, что там на самом деле...

— Итак? — Владимир побарабанил пальцами по столу, привлекая внимание. — Будем работать?

— Что вам нужно? — промямлила Люси.

— Вы же ясновидящая. Легко определите без подсказки. Или нет?

Каков наглец! С другой стороны, он прав — если она согласилась пустить свой дар в дело, нужно соответствовать.

— Давайте руку.

— Вы еще и хиромант, Люсия Марковна?

— Нет, ваши флексорные и папиллярные линии меня не интересуют. Достаточно любого пальца.

Похоже, теперь она и впрямь произвела впечатление. То ли еще будет, мистер Шерлок Холмс!

— Пожалуйста. — Владимир протянул руку, выставив вперед средний палец, что выглядело довольно по-хамски.

Люси коснулась его своими пальцами. Как обычно, на миг потемнело в глазах. Как обычно, к горлу подкатил тошнотворный комок. Как обычно, зачесалось в носу, и Люси подавила желание чихнуть.

— Что теперь? — спросил Владимир, внимательно наблюдавший за процедурой.

— Удивительно! — отозвалась Люси. — Вы и сами не знаете, зачем пришли ко мне... Вас послал шеф. Директор агентства «Красная стрела». Кирилл Александрович Потупа. Полковник госбезопасности в отставке. Тема «Психи». В рамках темы вы должны посещать экстрасенсов и составлять отчеты о способностях. С какой целью, лично вам директор не сообщил.

Владимир заметно напрягся. Лицо закаменело, пальцы сжались в кулаки. Люси вдруг испугалась. Может, не стоило его так огорошивать? Может, надо было сочинить какую-нибудь байку? Он удостоверился бы, что я полная дуреха, и спокойно ушел...

— Кто? Вам? Сказал? — раздельно произнес Владимир, глядя Люси в глаза прямо и твердо, как заправский следователь из кинофильма.

— Вы и сказали... Не в прямом смысле, конечно... — Люси замешкалась, не зная, как продолжать беседу. — Ваш палец... Точнее, ваш мозг... Он содержит определенную информацию... Ее можно извлечь через нервную систему... Примерно как данные с сервера по кабелю. Понимаете?

— Ложь! — воскликнул Владимир, заставив Люси сморгнуть и отвести взгляд. — Вам кто-то сливает информацию из агентства. Кто? Имя! Я не шучу. Будет плохо! Имя!

— Вы мне не верите, конечно, — робко признала Люси. — Но я могу доказать. Спросите о чем хотите. Вспомните любую интимную подробность из жизни, которую знаете только вы, и спросите меня о ней. И давайте руку...

— Нет! — Владимир быстро убрал руки со стола.

Он умный человек и, после того как преодолел шок, признал, что информацию по теме «Психи» сидящая перед ним девушка не могла получить никаким известным способом — разве что сам полковник Потупа предупредил ее о грядущем визите. Теперь Владимир прикидывает, не оказался ли участником изощренной комбинации, задуманной собственным шефом. Мистеру Холмсу можно посочувствовать.

Впрочем, Владимир быстро справился с собой, небрежным движением приспустил галстук и даже закинул ногу на ногу.

— Давайте лучше о вас поговорим, — предложил он.

Такое было против правил, но Люси сообразила, что лучше не перечить. Не надо было соглашаться на интервью. Не надо было начинать сеанс с частным детективом. Не надо было демонстрировать дар. Теперь-то что делать, когда все возможные ошибки совершены?

— Вы тоже ясновидящий? — попыталась она отшутиться.

— Возможно, — сказал Владимир. — К примеру, все, что написано у вас на сайте, — полная лажа. Вы с Эльвирой

Робертовной — не сестры и не внучки потомственной колдуньи. И обучение в Тибете вы тоже не проходили. На самом деле Эльвира Робертовна — классическая аферистка. По образованию бухгалтер, сидела за растрату, в колонии освоила мошеннические навыки. Во второй раз села за уличную лотерею — работала подставной. Вышла и занялась более безопасным делом — экстрасенсорикой. Сегодня за такое не сажают. Если вы ясновидящая, Люсия Марковна, неужели не разглядели в компаньонке лютую кидалу?

— Я знаю, что она сидела! — Люси вскинулась. — Но люди меняются. Исправляются. И я за ней слежу.

— Следите, значит? — Владимир скептически хмыкнул. — Ну-ну. Чем вы лучше-то, Люсия Марковна? Молодая женщина, незамужняя, а уже ступили на кривую криминальную дорожку. Вы ведь из благополучной семьи. Учились на физика. И вдруг — экстрасенс, ясновидящая, астрология от «а» до «я».

— Физфак мне ничего не дал! — выпалила Люси неожиданно для самой себя. — А здесь я помогаю людям. Это важнее!

Она приукрасила, конечно. В действительности она ушла с первого курса физического факультета, когда признала, что совершенно ничего не понимает в изучаемом материале. Если в старших классах дар помогал ей отвечать на самые трудные вопросы и решать самые трудные задачи — достаточно было незаметно прикоснуться к преподавателю или к отличнику Андрею, который делил с ней парту, — то в университете дар только мешал учиться. Причина проста: в школе Люси полагала, что отбывает повинность, посему не стеснялась брать готовые ответы у других, но от МГУ ждала знаний, а не подсказок, и вдруг выяснилось, что, обходя школьные премудрости с помощью своей необычной способности, она пропустила основы основ и впору возвращаться к учебникам за пятый класс. Было обидно и очень стыдно. И винить в своей беде некого. Впрочем, Люси недолго горевала, а занялась самообразова-

нием и сегодня, наверное, смогла бы поступить на физфак, не прибегая к дару.

Владимир поднялся и, разминаясь, прошелся по кабинету. Остановился у стеллажа, повел кончиками пальцев по корешкам.

— И как же вы помогаете людям? — спросил он. — Даете надежду? Обещаете вернуть любовь? Воскрешаете веру?

— Ничего подобного, — ответила Люси. — Мы ищем пропавших людей, иногда — потерянные вещи. Даем полезные советы по карьере и семейным отношениям.

— Предсказываете будущее?

— Нет.

— Почему же? Ведь это самое интересное. Пропавших людей и мы способны отыскать.

Все-таки Владимир — настоящий сыщик. Как легко он раскрутил ее на откровенность! Пользуется случаем, стервец! Люси могла предсказывать будущее — ненадолго, всего на пару дней. И для этого нужно было приложить определенные усилия: подержать человека за руку подольше, дать себе установку. Люси зареклась от таких экспериментов еще в детстве, когда случайно предсказала смерть родного дяди. Он был моряком дальнего плавания, вернулся из рейса, привез кучу подарков, жизнерадостно тискал племянницу, а когда уезжал и наклонился поцеловать ее в щеку, она спросила расстроенно: «Когда ты приедешь?» — и получила мгновенный страшный ответ. Дядя разбился на Ленинградке, попав в жуткую аварию из пяти машин, и это событие навсегда запечатлелось в памяти Люси. Одно хорошо — тогда она была слишком мала и не грызла себя, перебирая возможные варианты спасения любимого дяди: ведь могла бы спасти, и что же остановило?

— Нет, — повторила Люси. — Я не предсказываю будущее.

— Хорошо, поверим на слово. И как у вас это происходит? — продолжил Владимир импровизированный допрос. — Что вы чувствуете? Что видите?

— Вас не касается!

— Вот как? — Владимир резко повернулся на каблуках. Наклонил голову, словно разглядывал не девушку, сидящую за столом, а какую-то редкую птицу. — Поймите, Люсия Марковна, я злой и опасный человек. Я могу без труда разрушить ваш бизнес. Могу натравить на вас МВД и ФСБ. У меня там хватает должников, а они уж придумают, к чему прицепиться. Полагаю, будет достаточно вашей связи с уголовницей-рецидивисткой. Как вам такая перспектива? Нравится? Или будете отвечать на поставленные вопросы?

Люси должна была собрать злость и выставить наглеца за дверь, но вместо этого в ней что-то надломилось. Может быть, толчком к смене настроения стало непрошеное воспоминание о погибшем дяде. Из глаз брызнули слезы, и Люси зарыдала, прикрывшись рукой. Через секунду Владимир стоял рядом, совал белоснежный платок и говорил утешающе:

— Ну зачем же так, Люсия? Я ничего плохого не хочу. Только выяснить. Определиться. У меня час оплачен...

— Вот и засунь... свой час... себе в жопу... — невнятно отозвалась Люси, сморкаясь в платок.

Рыдания стихли. На лице Владимира вновь заиграла улыбка.

— Давайте не будем ссориться, — предложил он миролюбиво. — Я был не прав. Я опозорил честь российского офицера. Чем искупить?

— Отстаньте. — Люси вяло махнула рукой, вытащила зеркальце и принялась изучать последствия внезапного эмоционального извержения. — Тоже мне сыщик. Шерлок Холмс... Эркюль Пуаро...

— Комиссар Мегрэ? — услужливо подсказал Владимир.

— Какой из вас комиссар? — Люси покачала головой. — Недоразумение одно. Вот чего вы привязались? У меня дар! На самом деле дар. Не как у этих клоунов... в «Битве экстрасенсов». Я вижу прошлое людей. И настоящее. И связи людей друг с другом. Но не все, а конкретное — то, что нужно видеть.

— И как вы объясняете свою способность?

— Никак не объясняю. Я для того на физфак и поступила, чтоб разобраться...

Люси привела макияж в порядок, сложила и спрятала зеркальце в ящик стола. С удивлением обнаружила, что Владимир опять сидит напротив, причем упираясь грудью в край столешницы.

— Что сказали на физфаке?

— Что они могут там сказать?.. — Люси скомкала обслюнявленный платок.

— Люсия... Разрешите вас так называть?.. — дождавшись утвердительного кивка, Владимир продолжил: — Люсия, я отчетливо вижу, что у вас накопилось. Вы запутались, вы боитесь, вам тяжело. Поделитесь со мной. Клянусь, что не стану нигде распространяться о ваших проблемах. Мне это нужно, чтобы лучше понять вас. И, может быть, помочь...

И Люси прорвало. Она начала рассказывать и не могла остановиться. Все-таки частный детектив задел ее за живое, дернул нужную струну. Она рассказывала о том, как впервые открыла дар и как долго не подозревала, что это именно дар, а не умение, присущее любому. О том, как поразила отца, перечислив всех строителей в его бригаде по фамилии-имени-отчеству. О том, как напугала мать, невзначай поинтересовавшись, почему та собирается уволиться с работы. О том, как отыскала потерявшегося соседского деда — он страдал сенильной деменцией, пошел за папиросами в киоск и заблудился. О том, как помогла отличнику Андрею отбиться от школьной шайки, найдя на главаря хулиганов убойный компромат: тот оказался любовником местного авторитетного вора с педофильскими наклонностями. О том, как научилась использовать дар в учебе, получая готовые ответы от преподавателей. О том, как поступала в университет и едва не завалилась на математике, потому что сосед справа, к которому она как бы случайно прикоснулась обнаженной коленкой, оказался еще безграмотнее. О том, как поразила весь курс, вычислив «вольнослушателя», ворующего мобильники. О

том, как познакомилась с Эльвирой, торговавшей эзотерической литературой на Смотровой. О том, как решила покинуть университет, сильно озадачив семью, — дар и там помогал ей легко получать зачеты и отвечать на вопросы экзаменаторов (главное, вовремя коснуться рукой или коленкой), но Люси слишком хорошо видела, насколько отстает от самых тупых студентов. О том, как взялась за ум и проштудировала школьную программу на олимпиадном уровне. О том, как увлеклась квантовой физикой, пытаясь объяснить происхождение дара.

Владимир выслушал исповедь с трогательным участием, ни разу не перебив. Потом спросил, незаметно перейдя на ты:

— Значит, у тебя есть теория?

— Теория? Не знаю... — Люси покачала головой, глядя в стол. — Может быть... Ты знаком с квантовой физикой?

Владимир пожал плечами.

— Наслышан. Об этом много треплются, но...

— Тогда мне трудно будет объяснить.

— А ты попробуй! Сейчас расскажи, а потом я наведу справки.

Владимир смотрел с таким теплым расположением, что Люси не устояла. Хотя до сих пор не делилась своими догадками даже с Эльвирой, которая единственная была в курсе истории дара, тщательно скрываемой от посторонних. Люси внутренне собралась.

— Ты задумывался когда-нибудь, что такое человеческая воля?

— Воля — это способность к выбору.

— Правильно. Считается, человек сам совершает выбор, и для этого ему дана свобода воли. Но в том-то и дело, что свобода воли — иллюзия. В восьмидесятом году — представляешь, как давно? — американский физиолог Бенджамин Либет провел серию экспериментов и выяснил, что мы принимаем решения на миллисекунды позже, чем наш мозг. То есть этот орган фактически управляет нашим выбором, причем руководствуется какими-то своими соображениями, ко-

торые нам недоступны. А теперь попробуем заглянуть в суть вещей — до самого дна. Что такое мозг? Набор нейронов. Что такое нейроны? Живые клетки. Что такое живые клетки? Биохимические комплексы. Что такое биохимические комплексы? Взаимодействие органических макромолекул. Что такое макромолекулы? Сочетание молекул. Что такое молекулы? Сочетания атомов. Что определяет свойства вещества на атомном уровне? Электронные оболочки. Вот и получается, что работа нашего мозга, любые изменения в нем, которые и называются мышлением, и сама способность к выбору зависят от состояния электронов. Ты еще не потерял нить рассуждений?

— Пока все понятно, — легкомысленно заверил Владимир. — Человек — большой и глупый электрон. Но при чем тут твоя способность?

— Электрон — объект квантового мира. Собственно, по науке, электрон — дискретное отрицательное возмущение квантового поля в один квант заряда. А все кванты обладают свойством запутанности. Оно было открыто еще раньше, до войны, и впервые термин использовал Шредингер в письме Эйнштейну. Шредингер заявил, что кванты после взаимодействия друг с другом всегда несут на себе отпечаток этого взаимодействия. То есть твое поведение, психологические реакции или принятие решений определяются в конечном итоге не самими электронами, а запутанностями, которые рождаются вне нашего сознания, вне нашей памяти и опыта, на более глубоком фундаментальном уровне.

— Теперь я точно запутался! — признался Владимир. — А вывод-то какой, милая моя?

— Я могу каким-то образом считывать квантовые запутанности, — поникла Люси. — И преобразовывать в осмысленную информацию.

— Вот точно ты говоришь. Надо осмыслить!

Владимир снова забарабанил пальцами.

— Понимаешь, Володя, сам по себе мой дар не требует каких-то объяснений или обоснований. Ведь я им пользовалась, даже когда была безграмотной девчонкой. Но чем дальше я пытаюсь разобраться в физике явления, тем мне страшнее. Ведь получается, что весь мир пронизан квантовыми запутанностями. Они появились вместе с Большим взрывом. И если именно они формируют человеческую личность, то что такое личность? Может быть, мы все марионетки, а дергает за ниточки... кто? Бог?..

Люси внезапно сообразила, что в страстном желании изложить свою гипотезу невольно сболтнула лишнее. Если частный детектив всерьез начнет разбираться в теме, то может прийти к выводу, что для описания феномена телепатии вовсе не нужно прибегать к квантовой механике. А вот дар истинного ясновидения с возможностью угадывать будущее требует только такого обоснования. Люси незаметно скинула правую туфлю и осторожно ногой потянулась под столом к ноге Владимира. За годы учебы она отработала процедуру до автоматизма. Получилось и на этот раз, правда, с досадным исключением — не удалось сдержать рвущийся чих. Хорошо хоть платок был в руке... Нет, ничего тревожного. Владимир вовсе не собирается закапываться в учебники по современной физике. Он строит совершенно иные планы. Например, думает о том, как можно использовать ее дар в сыскном деле, и о том, как... Неужели? Люси покраснела и спряталась в платке.

— Мой час заканчивается, — сообщил Владимир, очнувшись от задумчивости. — Надо еще в агентство заглянуть. Но я обязательно вернусь, милая моя. Все это очень интересно. И важно! Твои координаты у меня есть. Мои пусть тоже будут у тебя. — Он протянул визитку, на которой была изображена красная стрела, больше похожая на стилизованную молнию. — Как и договаривались, я сохраню наш секрет... Может, вечером поужинаем? Сегодня пятница и вообще праздничный день.

— Не знаю, — Люси все еще прятала лицо в платке. — Так сразу? Я не готова...

— Подумай. Я позвоню ближе к шести. Не прощаюсь!

У двери Владимир остановился с таким видом, будто собирается что-то сказать, но вместо этого послал воздушный поцелуй и ретировался. Люси бросила платок и взяла визитку. Бывают же приятные встречи! Вот и на свидание пригласили. Интересно, как у них получится с Владимиром? У него богатое воображение. Стоило бы заглянуть в будущее... Но нет, нет, нельзя, опасно!

Люси подошла к стеллажу, на то место, где стоял Владимир. Провела, как и он, пальцами по корешкам. Может, он и впрямь сможет помочь? Все-таки частный детектив...

В последнее время Люси мучили кошмарные сны, которым она не находила объяснения и которые, как ей думалось, были связаны с даром. Люси снилось, будто бы она лежит обнаженная в длинной трубе, выкрашенной изнутри в идеальный белый цвет. При этом она напрягает все свои способности ясновидящей, чтобы услышать далекий зовущий голос, но вместо него приходит невнятное глухое ворчание. Затем по белой краске разбегаются ветвящиеся трещины, а из них вываливаются гроздья больших фиолетовых кристаллов с острыми гранями. Тут Люси обычно просыпалась и долго лежала с открытыми глазами, силясь вспомнить детали и понять, что означает такой странный сон... Надо рассказать о снах Владимиру. Пожалуй, прямо сегодня вечером. Он позвонит. Ближе к шести.

Люси сняла с полки «Практику ясновидения», открыла на случайной странице. Оказалось, что это роман Агаты Кристи «Десять негритят».

— Последний негритенок поглядел устало, — на память процитировала Люси английскую считалку. — Пошел повесился, и никого не стало...

На глаза снова навернулись слезы.

Марс

Марс не собирался на дачу.

Кто его позовет? В фирму устроился месяц назад, до конца испытательного срока еще пахать и пахать. Причем устроился не на постоянной основе, а на совместительство — подрабатывать к нищенской стипендии. Таких, как он, в спаянных общей работой коллективах обычно держат на расстоянии. Посему Марс наблюдал за подготовительной суетой в офисе отстраненно, примирившись со статусом чужого на этом празднике жизни.

Вообще народ здесь подобрался разношерстный. Фирма занималась торговлей «игрушками для взрослых» через Интернет, и популярность ее росла — традиционное народное ханжество отвращало потенциальных клиентов от секс-шопов, а тут можно заказать товар анонимно, с курьерской или почтовой доставкой. Поскольку основные производственные средства фирмы ограничивались офисом и складом с «игрушками», нужды в профильных специалистах не было — даже вечно сонный сисадмин не имел диплома, придя в фирму по рекомендации. Соответственно, структура управления складывалась по ходу жизни и отличалась простотой: совладелец-директор, совладелец-акционер, занимавшийся бухгалтерией, колл-центр, маркетинговый отдел, складской отдел, техподдержка, курьерская доставка. Наличный состав — двадцать пять человек, более чем достаточно. Однако совладельцы подумывали о росте и решили увеличить клиентуру за счет средств для повышения потенции и сексуальной привлекательности. Речь шла не о распиаренной «Виагре», рынок которой давно поделен, а о более экзотических средствах: парфюме с феромонами, китайских мазях и гелях, витаминных комплексах и сборах, вакуумных помпах, поясных экстендерах. Для работы над новым проектом и наняли Марса, который вообще-то учился в МГТУ имени Баумана и по будущей профессии имел весьма отдаленное отношение к

сексуальным аксессуарам, разве что на уровне обобщений в духе дедушки Фрейда. Причем совладельцы явно собирались сэкономить на студенте — его нанимали в маркетинговый отдел на полставки «менеджера по продажам», но, приступив к своим обязанностям, он узнал, что помимо написания разнообразных технических текстов и отчетов ему придется выполнять и постороннюю работу. К примеру, когда фирма закупала новинку, Марс должен был создать под нее отдельный сайт, на котором размещалась разная рекламная белиберда, включая рекомендации несуществующих сексологов. К сайту привинчивался форум, где коллеги из маркетингового отдела под разными никами изображали бурное обсуждение достоинств — только достоинств! — новинки. Если вдруг на сайт забредал какой-нибудь рассерженный покупатель, Марс должен был оперативно стереть его комменты и закрыть доступ. Схема простая до идиотизма, но действенная — за месяц Марс в этом убедился: продажи росли, как на дрожжах.

Он как раз ваял очередную страничку, настраивая бегущую строку, когда на край стола присел совладелец — акционер по имени Ринат. Обычно Ринат не лез в текучку, оставляя эту часть поля за директором, и внимание совладельца насторожило Марса.

— Слушай, студент, — сказал Ринат, покачивая ногой, — что-то я не усекаю. Все собираются на пьянку, все при деле, и только ты отлыниваешь.

— Э-э-э... — Марс растерялся. — А мне надо?

— Сегодня какой день?

— Пятница.

— Ага, тяпница. Не день недели, дата какая?

— Двенадцатое апреля.

— И?

— День космонавтики! — вспомнил Марс.

— Вот! Ты ведь у нас из Бауманки? Не спрашиваю за специальность, но ведь причастен к кораблям, которые бороздят? Значит, твой праздник! С тебя бухло. Олег отвечает за автобус

и дачу, Артем за закусь, Петр за музыку, Саша за мясо, а ты — за бухло. И поспешай, через сорок минут отчаливаем.

Марс заморгал.

— Меня не предупредили... И не пригласили...

— Детский сад! — провозгласил Ринат. — Не думал о тебе так плохо, студент. Лови момент, не жди приглашений. Иначе всю жизнь дизайнером просидишь! Короче, Склейкосовский, за углом, на перекрестке есть элитный ликероводочный магазин. Возьми пять бутылок хорошей водки, пять бутылок хорошего вискаря, две бутылки джина, две бутылки коньяку. Саша пьет только херес — возьми ему три бутылки. Получше бери, продавцы в зале тебе подскажут. И не жадничай, первая пьянка с коллективом — всегда проверка на вшивость. Как себя поставишь, так будут относиться.

Марс заскрипел. Даже приблизительный расчет давал сумасшедшую сумму в пятьсот долларов. Он попытался вспомнить, сколько денег у него на счету, но не смог — какие-то копейки. Видя его замешательство, Ринат засмеялся и протянул банковскую карточку, зажатую между пальцами.

— Держи. От фирмы. Я потом долг раскидаю по твоим зарплатам на полгода, чтоб не было тяжко...

В итоге хотя Марс настроился провести вечер дома над книгой, он оказался в салоне микроавтобуса с веселыми товарищами по работе. Сразу бросилось в глаза, что компания чисто мужская. Марс поинтересовался у Рината, куда подевалась женская часть коллектива.

— Мы не на корпоратив собрались, — пояснил тот небрежно. — Дружеские посиделки. Зачем нам бабы? Только лишние напряги. Скажу тебе откровенно, студент, служебные романы в фирме под негласным запретом. Портят деловой климат.

Первые бутылки открыли, едва отъехав от здания. Водка и виски полились рекой, благо тут же образовалась закуска: отвечавший за нее Артем распаковал сумку, извлекая хлеб, колбасу, сыр, шоколад и свежую зелень. Когда добрались до дачи в Бурцево, принадлежавшей родителям Олега, компания из-

рядно захмелела, но выглядела еще весьма энергичной. Саша тут же поволок к мангалам пластиковые ведра с маринованным мясом, Петр помог ему разжечь угли, Олег открыл дом и врубил электричество, Артем и Ринат накрывали на стол. Марсу тоже нашлось занятие — Олег поручил растопить камин.

Примерно через час все наконец расселись за столом, и Ринат поднял первый официальный тост: «За космонавтику! За Юрия Гагарина!» Компания с энтузиазмом подхватила. Никто из старших товарищей не был причастен к ракетно-космической отрасли, посему пришлось отдуваться Марсу — он вкратце рассказал о космодроме Восточный, о ракете «Ангара», корабле «Русь» и лунных планах. Тут же выяснилось, что в компании есть как минимум два человека, Артем и Петр, которые уверены, что американцы не летали на Луну, а сняли высадки в павильонах Голливуда. Марс терпеть не мог споры на эту тему и быстренько свел разговор к шутке: дескать, все вменяемые люди и так знают, что космонавтика — выдумка фантастов, а Земля покоится на трех китах. Параллельно всплыло, что Петр служил в войсках ПВО, в стартовом расчете, и разговор свернул на армейские воспоминания. Оказалось, что здесь все, кроме Рината и Марса, прошли армию, а Саша с Олегом еще и получили офицерские лычки в своих вузах. Разумеется, начали хвастаться. Саша рассказал, как писал курсовую по прицельному комплексу истребителей «Су». Олег поведал о службе в дивизионе, обслуживавшем самоходный миномет «Тюльпан». Петр добавил к его уморительным историям пару анекдотов из повседневной жизни морской пехоты. Артем тоже не остался в стороне, вспомнив о том, как охранял Большую безэховую камеру «Радиофизики» и ловил мародеров, покушавшихся на медный кабель.

— Знаете, мужики, — сказал Олег, когда собутыльники несколько утихомирились, — слушаю я вас и прихожу к выводу: случись большая война с пиндосами, мы их вынесли бы. В какой еще стране столько спецов по военной технике?.. И при

Советах вынесли бы, и сегодня вынесем — дай только повод! Предлагаю выпить за непобедимую легендарную Красную Армию! Стоя!

Все тут же вскочили и принялись шумно чокаться, расплескивая алкоголь на клеенку. Выпив, Ринат засобирался покурить. Марс направился за ним, слегка покачиваясь на поворотах. Они расположились в беседке рядом с домом. Начиналась ночь, и Ринат включил лампу.

— Ветрено сегодня, — сказал он, закуривая. — На юго-востоке области обещали настоящую бурю.

— Ага, — отозвался Марс.

— Слушай, студент, а вот ты как считаешь, вынесла бы доблестная Красная Армия американцев?

— Вряд ли. Они всегда были сильнее. Даже в наши лучшие времена.

— Я тоже так думаю. — Ринат покивал. — Болтуны. Военные, блядь, специалисты. А сами резиновыми членами торгуют. Причем, замечу, китайскими резиновыми членами!

Марс не знал, что и говорить. Сухой остаток дембельской болтовни Ринат описал точно, но если говорить о товарном ассортименте фирмы, то он, будучи акционером-соучредителем, отвечал за «резиновые члены» в первую очередь.

— Ты вроде вменяемый, студент, — сказал Ринат, прерывая неловкую паузу. — А мне хороший помощник нужен. Если сработаемся, на порядок больше получать будешь. В перспективе на два порядка.

— Я в бухгалтерском учете ни бум-бум, — предупредил Марс, который и представить не мог, что в фирме ворочают такими суммами.

— Там и не нужно бум-бумкать. Сейчас не время для деловых разговоров, но в понедельник перетрем. Пока держи подарочек. На двенадцатое апреля.

Ринат раздавил окурок в пепельнице, выставил вперед правую кисть ладонью вниз и сверху прихлопнул ее левой рукой. Когда убрал руку, Марс увидел, что соучредитель-акцио-

нер протягивает ему на кисти почтовую марку, и даже рисунок узнал: картина Андрея Соколова «Красный вечер» из цикла «Ждите нас, звезды!» В юности Марс увлекался филателией и, что закономерно, собирал тему «Космос».

— Что это? — спросил Марс.

— Почтовая марка, — ответил Ринат со смешком.

Тут Марс догадался:

— ЛСД?

— Совершенно верно. Lysergsäurediethylamid. Диэтиламид дэ-лизергиновой кислоты. Ты, небось, и произнести не сможешь?.. А я когда-то был химиком, Марс. И не самым плохим.

— Зачем мне?

— Ты должен попробовать, прежде чем обсуждать со мной вопросы карьеры. Не бойся, привыкания не вызывает. Психофизических нарушений тоже нет. Все чисто и благородно. Но ты почувствуй, ощути сам... По итогам поговорим.

Марс взял марку, и Ринат, не проронив больше ни слова, ушел в дом. Марс некоторое время изучал «подарочек». Марка ничем не отличалась от той, что хранилась в его старой коллекции, задвинутой в дальний угол шкафа, где накапливался всякий хлам. Выпуск 1967 года. Марочное название — «На планете красного Солнца». На заднем плане нарисованы огромный багровый шар и инверсионный след улетающего космического корабля, на переднем — нагромождения острых кристаллов, одно из которых похоже на экзотическое дерево. Марс вспомнил комментарий, сопровождавший описание картины Соколова в каком-то советском справочнике: «Пейзаж другой планеты, населенной невиданной кристаллической жизнью, озарен зловещим блеском красной звезды». Удивительная чушь! А ведь когда-то этот самый пейзаж будил воображение, звал ввысь, так сказать. Из-за подобных картинок Марс, может, и пошел в Бауманку. Только вот смысл, если за китайские резиновые члены платят больше и без задержек?..

Повинуясь неосознанному импульсу, Марс забросил марку на язык. Пососал. Ничего не почувствовал. «Ринат меня проверяет! — мелькнула мысль. — Идиотский тест на лояльность. А я купился, как лох!» Накатила обида. Все-таки вокруг исключительные мудаки! Он старается, пытается быть своим, а они шутки шутят. Марс выплюнул марку в пепельницу и закурил новую сигарету, чтобы успокоиться. На этот раз привкус табачного дыма показался особенно отвратным. Марса затошнило, и он торопливо загасил окурок. Из дома доносился гитарный перебор — похоже, Петр начинал концерт. Марс пригладил волосы и зашагал по дорожке, прислушиваясь к себе. Не уловив никаких сдвигов, кроме естественного опьянения, успокоился окончательно.

За столом ожидаемо пришлось выпить и закусить. Марс к тому времени был сыт и, выполнив положенную процедуру, отодвинулся от стола. Петр ударил по струнам и запел, начав с Высоцкого: «А у дельфина взрезано брюхо винтом! Выстрела в спину не ожидает никто!» За Высоцким последовал Макаревич, за Макаревичем — Гребенщиков, за Гребенщиковым — Цой, Шевчук, Щербаков, Медведев, Щербина, старые и новые песни. Петр иногда прерывался, чтобы дать отдохнуть пальцам и накатить очередную стопку, но исполнитель он был отличный, и народ подзуживал его на продолжение концерта. Под привычные аккорды Марс тихо поплыл и встрепенулся, лишь услышав незнакомую песню:

Луны ущербный лик встает из-за холмов,
В лесу продрогший фавн играет на сопелке.
Упившийся в соплю бухгалтер Иванов
Бредет сквозь лес к своей летающей тарелке.

Он не бухгалтер, нет, он чужеземный гость,
Застрявший навсегда среди российских весей,
Он космолет разбил, и здесь ему пришлось
Всерьез овладевать нужнейшей из профессий.

В колхозе «Путь Зари» нет мужика важней,
В колхозе у него участок и домина,
Машина «Жигули», курятник, шесть свиней,
Жена-ветеринар и прочая скотина.

Чего еще желать? Казалось бы, живи,
Работай, веселись, культурно развивайся,
Читай Декамерон, смотри цветной Ти-Ви,
А то в облдрамтеатр на выходной смотайся.

Но нет, грызет тоска инопланетный ум,
Обилие скота не радует, не греет.
Искусство и Ти-Ви не возбуждают дум...
Бухгалтер Иванов пьет водку и звереет.

Как волк голодный, он в полночный небосвод
Вперяет иногда тоскливые гляделки,
И, принявши стакан, потом другой, идет
К запрятанной в лесу летающей тарелке.

Укрытые от глаз ветвями и землей,
Останки корабля покоятся в овраге,
Куда упал со звезд когда-то наш герой,
Сломав хребет своей космической коняге.

И плачет Иванов, и воет, и рычит,
Пиная сапогом проклятую планету.
И, глядя на него, Вселенная молчит,
Лишь одинокий фавн играет тихо где-то[3]...

Марса перемкнуло. Сначала его бросило в жар, потом сразу в холод. Во рту появился отчетливый металлический привкус. Стены вокруг потекли воском, изогнулись, смыкаясь наверху в купол. Марс оказался внутри незнакомого и стерильно чистого помещения, наполненного мягким янтарным светом. Рядом сидели мертвецы, одетые весьма необычно —

[3] Стихи Вадима Степанцова

в облегающие костюмы, сотканные словно из тысяч обувных шнурков. Лица мертвецов были черны и казались противоестественно распухшими, глаза закатились.

Марс вскочил. Под ноги полетела посуда, разбилась бутылка. Но ничего этого он не заметил. Он бормотал, обгоняя мечущиеся мысли, перескакивал с фразы на фразу, проглатывал окончания, слова и предложения. Самым важным сейчас для него было высказаться, потому что это был его единственный и последний шанс. Потому что он тоже был мертв, его лицо тоже почернело и вздулось. Но он обязан донести информацию до живых, ведь смерть никогда не была препятствием для наблюдателя.

...Нас погубило высокомерие. И ложное чувство всемогущества. Мы полагали, что, если за спиной миллион лет цивилизации, нам доступно все знание Вселенной. Мы и впрямь считали себя самыми древними, самыми мудрыми. Но мы не разглядели очевидного. И платим за это чудовищную цену. Движение к Центру было неизбежным. Мы росли как раса, мы созидали культуру, мы видели свою миссию в оптимизации пространства, мы нуждались в новых энергиях и способах преобразования материи. И когда мы столкнулись с трансформерами, то решили, что перед нами всего лишь цивилизационные конкуренты, с которыми можно договориться. Они не шли на контакт, но мы были уверены, что сумеем преодолеть бойкот — хотя бы путем войны. Нам даже понравилось играть в войну: планировать глубокие рейды и атаки на ресурсные кластеры, конструировать армады беспилотных шершней, дестабилизировать звездные скопления. В слепоте своей самонадеянности мы полагали, что трансформеры похожи на нас, что они достаточно разумны и однажды признают наше превосходство. Как же мы ошибались! Потом явилась погибель. Она распространялась молниеносно — быстрее скорости света, что находилось за гранью понимания. Мы начали терять оптимизированные миры. Впервые в истории фронтир цивилизации поколебался и покатился назад — к Рукавам

Периферии. От погибели не было защиты. Если ее ростки проклевывались в планетной системе, единственным спасением была немедленная эвакуация. Тут-то и выяснилось, что мы не готовы к отступлению: наша технология не успевала реагировать на враждебную экспансию, не имеющую четкой направленности. Погибель могла захватить молодой оптимизированный мир, а могла ударить по старинным звездным ассоциациям, погружая их в хаос. Мы даже не сумели толком изучить ее — соприкосновение с погибелью неизбежно приводило к разрушению связности систем и к смерти исследователей. Была высказана гипотеза, что погибель — универсальное оружие массового поражения, запущенное трансформерами. Необходимость контакта с ними стала острой необходимостью. Разведывательная экспедиция из опытных наблюдателей отправилась к Центру. Она продолжалась две тысячи лет. Она разогналась до половины предельной скорости, что стало абсолютным рекордом. Она запустила сотни тысяч самореплицирующихся зондов. Она не обнаружила никаких следов трансформеров в древних мирах Балджа. Но не нашла там и какой-либо жизни на стандартной биохимической основе — только простейшие органические соединения, в которых так и не стартовали каталитические процессы. Мы разгадали тайну благодаря счастливой случайности. Один из зондов промахнулся мимо цели и затерялся в межзвездном пространстве. Его успели исключить из реестра доступных исследовательских средств, но квант-связисты экспедиции внезапно начали получать с него данные. Зонд сообщал о встречном планетоиде — миниатюрном блуждающем мире диаметром в тысячу километров, с корой из замерзшего водорода. Таких миров неисчислимое множество в Галактике, но они никогда не вызывали значительного интереса. Только вот найденный планетоид был окружен кольцами из зародышевых трансформеров. Данные зонда показались настолько важными, что мы изменили курс и начали сбрасывать скорость. На торможение нам понадобилось еще полтораста лет...

...Мне больно. Мне холодно. Мне страшно. Я знаю, что это лишь рефлексы тела — обременительного рудимента, за который зачем-то держится великая цивилизация. Но я так устал, что не могу противостоять смертной тоске. Не могу даже думать о родном Ядре... Рейдер разбит, превращен в груду неуправляемых обломков на вытянутой орбите — трансформеры будут рады использовать дефицитный ресурс, свалившийся буквально с неба. Впрочем, они не способны радоваться — даже наш примитивный зонд испытывает куда больше эмоций, чем эти болваны... Тварь здесь, она рядом. Она не способна к дыханию, но мне кажется, что я слышу, как она дышит за стенками эвакуационного «шаттла» — иллюзия, рожденная угасающим сознанием. Все наблюдатели мертвы, скоро и меня ждет та же участь. Погибель не оставляет вариантов, проверено. Один значимый плюс — мы познали тварь. Только вот в этом знании нет утешения...

...Мы начали изучать бродячий планетоид с расстояния в один парсек. Данные с потерянного зонда подтверждались. Аналогия оказалась ложной. Трансформеры не стремились к свету, не искали свободных дешевых энергий подобно нашей расе. Они предпочитали тьму, глубокий вакуум, температуры, близкие к абсолютному нулю, химически чистые элементы. Их эволюция началась в эпоху протозвезд и протогалактик, когда еще не было основы для современной жизни, растущей на остатках сверхновых. Если наши представления о темпах развития организованных систем верны, значит, трансформеры давным-давно достигли пика эволюции — для нас их деятельность сродни действию фундаментальных законов природы и неотличима от него...

...Поганая тварь мучает меня. Она шумно дышит и невнятно ворчит. Я знаю, что снаружи нет никакого движения, нет биологической активности в нашем понимании. Есть только однообразная равнина под звездным небом, усыпанная фиолетовыми кристаллами. Погибель. Тысячи миров сожраны ею: биосферы

уничтожены, ландшафты разрушены, связность прервана, и везде — бесконечные поля фиолетовых кристаллов. Неужели это и есть будущее Вселенной? Неужели наша участь — сгинуть в столкновении с бездушной машиной чуждой природы, являющей торжество энтропии? Мне больно. Я умираю...

...Чем ближе был планетоид, тем больше мы осознавали глубину своих заблуждений. Когда рейдер вышел на орбиту и отстрелил малые планетарные зонды, сомнений не оставалось ни у одного из наблюдателей: наша экспедиция построена на ошибках. Мы ошиблись, когда предположили, что трансформеры защищают принадлежащий им Центр от нашего вторжения. Мы ошиблись, когда сочли их похожими на себя. Мы ошиблись, думая, что погибель — всего лишь оружие. В действительности погибель была сутью и движущей силой противодействия. Погибель создавала трансформеров — подобно тому, как зараженный вирусом организм вырабатывает антитела. Погибель была формой разумной жизни, но настолько древней, что нам нелегко вообразить. Возможно, погибель зародилась в первые миллионы лет после Большого взрыва. Возможно, погибель была архитектором известной нам Вселенной. Возможно, погибель отказывает в праве на существование любой сложной органике. Возможно, нам никогда не найти средства для борьбы с погибелью, и наша цивилизация обречена...

...Погибель не дала наблюдателям времени на осмысление драматических истин — недра планетоида разверзлись, и в рейдер ударил испепеляющий фонтан из лавы и плазмы...

...Они всегда были сильнее. Даже в наши лучшие времена...

Марс очнулся в кромешной тьме. Было очень холодно. Он лежал на каких-то досках, а рядом ворочалось большое животное. Стараясь двигаться осторожно, Марс пошарил по карманам, нащупал зажигалку, чиркнул кремнем. В неверном

свете газового огонька он увидел огромную мохнатую морду и зубастую пасть. Пес сел на задние лапы, однако не проявлял враждебности. У Олега собаки точно не было. «Куда же меня занесло? — подумал Марс. — Все из-за мудака Рината. Какого хрена он дал мне марку с Соколовым?»

— Хорошая собачка, — успокаивающе произнес Марс. — Хорошая. Мы с тобой знакомы? Я, извини, не помню...

Пес зевнул.

— Как же тебя зовут? — спросил Марс. — Давай я буду звать тебя Зевс? Не знаю, почему, но мне кажется, тебя зовут Зевс.

Пес не возражал. Шумно дышал, вывалив язык. Вроде завилял хвостом. Зажигалка нагрелась так, что обожгла пальцы. Марс спешно погасил огонь. Встал на колени, оглядываясь и напрягая зрение. Наконец увидел источник света — где-то далеко раскачивалась под порывами ветра лампа, подвешенная на длинном проводе.

— Я пойду, Зевс? — спросил Марс. — Еще увидимся!

Пес снова не возражал. Лишь заскулил тихонько, когда Марс сделал первые неуверенные шаги к свету.

Софа

Со́фа опоздала.

Редчайший случай, однако директриса, возглавлявшая традиционное утреннее чаепитие, воспользовалась ситуацией, чтобы выказать неудовольствие. Интересно, она дома, с мужем и детьми, такая же стерва?

— Мы уже и не чаяли вас увидеть, София, — заявила директриса со змеиной улыбочкой. — Думали, вы на больничный ушли. А вы всего лишь подзадержались. Надеюсь, по уважительной причине?

Софа, конечно же, могла бы высказаться в том духе, что чаепитие, с которого начинался любой день, трудно отнести к

рабочему времени, но, конечно же, предпочла оставить свое мнение при себе.

— На шоссе пробка, — сообщила она и мысленно выругала себя за робость, прозвучавшую в оправдании. — Мне пришлось пешком...

— Всегда и везде пробка, — заявила директриса назидательно. — Вся Москва — одна большая пробка. Но, София, вы ведь не первый день в Москве? Могли бы уже научиться рассчитывать маршрут.

— Я останусь вечером, — покорно пролепетала Софа. — Компенсирую сверхурочной работой.

— Обязательно, София! — язвительно поддержала директриса. — Работы и впрямь очень много. Напоминаю, что вы еще не сдали квартальный отчет. А с нас требуют представить конкретные цифры по перераспределению фондов с начала года. Кроме того, пора писать концепцию по работе с инвалидами, иначе мы пролетим мимо программы Минобра. После обеда зайдет дьякон Михаил — с ним надо обсудить новую экспозицию читального зала, которую мы собираемся посвятить Храму Успения Пресвятой Богородицы... Да, и еще! Опять явились макулатурщики. Несут и несут свое старье. Можно подумать, у нас тут склад утиля! Там книг пятнадцать. Я посмотрела, всякая ерунда. Надо описать, внести в каталоги, определить возрастные ограничения. Все ясно?

— Да.

— Тогда приступайте!

Софа наконец-то смогла добраться до рабочего места. Пока никто не видит, в сердцах швырнула свою сумку на пол. Но тут же подобрала, украдкой оглянувшись на дверь. Уселась, включила компьютер. Пока загружалась операционная система, Софа горестно размышляла о том, где найти силы, чтобы избавиться от этого ужасающего комплекса гиперответственности, который становится чуть ли не ведущей частью ее натуры, вытесняя здравый смысл. Нельзя

давать на себе ездить! Нельзя брать больше, чем можешь тащить! Ведь так и свихнуться недолго! В последнее время Софе и впрямь становилось все тяжелее тянуть на себе дополнительную «общественную» нагрузку, которую взваливала на нее директриса. Другие сотрудницы библиотеки тоже ныли и жаловались, но Софе казалось, что она у мегеры на особом счету и та специально придумывает ей новые поручения, заставляя сидеть на работе до позднего вечера, а потом еще и брать недооформленные документы на выходные. Софа возвращалась домой совершенно разбитая, у нее не оставалось сил даже на то, чтобы посмотреть телевизор, — чего уж говорить о личной жизни? А ведь когда-то она мечтала совсем о другом: ей хотелось жить и работать среди книг, которые она ценила с детства; ей мнилось, что здесь она повстречает такого же книголюба, но более серьезного, солидного, умудренного жизненным опытом, не краеведа, коих всегда полно при библиотеках. Иногда ей даже представлялась фантастическая сцена. Открывается массивная дверь главного входа, и через порог переступает высокий статный мужчина — не обязательно красавец, просто симпатичный. В руках у него — пышный букет роз. Под восхищенно-завистливыми взглядами сотрудниц он идет прямо к Софе через читальный зал, останавливается, падает на колени и произносит тихо, но убедительно: «Прости, что заставил ждать. Я люблю тебя, Софа. И буду любить вечно». Даже будучи воображаемой, сцена признания выглядела предельно мелодраматичной, как в плохой пьесе середины девятнадцатого века. Случись нечто подобное в реальности, Софа немедленно выставила бы симпатягу с розами за дверь — но помечтать-то кто мешает? Тем более что за дверью можно продолжить знакомство... Так или иначе, быт скушал романтику и попросил добавки — Софа с ужасом обнаружила, что к тридцати годам у нее никого и ничего нет, кроме груды запыленных книг, бесконечных обязанностей,

черного кота по кличке Спок и маленькой комнатенки в квартире стареющих родителей. И самое ужасное — с этим ничего-ничего-ничего нельзя было поделать! Не размещать же в самом деле объявление на сайте знакомств — там ведь одни извращенцы и маньяки собираются!.. И ради чего такие жертвы? Ради чего гробить жизнь?..

Компьютер загрузился. Софа, преодолевая внутреннее сопротивление, открыла файл квартального отчета и несколько минут слепо разглядывала колонки чисел. Всегда одно и то же. Количество читателей на абонементе, количество читателей в зале, количество читателей, пользующихся интернет-терминалом, количество выданных книг, количество открытых мероприятий, количество экспозиций, перераспределение фондов в процентном отношении — и не дай бог числа не сойдутся! И ведь каждый раз требуют увеличения всех этих количеств. А где увеличение взять, если у каждого второго ридер или планшетка, на которые можно всю «Всемирку» залить, да еще свободное место останется? Кто пойдет работать на терминале в библиотеке, если сейчас через радиомодем можно хоть в пустыне к Интернету подключиться? Кому мы вообще нужны со своими фондами и экспозициями в двадцать первом веке?..

Впрочем, мысленные жалобы никак не помогали делу. Софа положила пальцы на клавиатуру. Очень быстро она втянулась в работу, пересчеты и сведение чисел овладели ее вниманием настолько, что она и не заметила, как наступило обеденное время. Сотрудницы библиотеки, как правило, ходили в кафе по соседству, но сегодня Софа решила остаться, благо успела сделать утром несколько бутербродов и догадалась прихватить йогурты из холодильника. Хотя она периодически и корила себя за ненормальный пиетет к книгам, которые, получается, отняли у нее большую и самую драгоценную часть жизни, но удержаться от того, чтобы взглянуть на принесенное «макулатурщиками», не

могла. Конечно же, там редко попадались уникальные издания, народ тащил преимущественно классику, которой и в основном фонде хватало, но все равно было интересно, что же опять прибило читательской волной к библиотечному берегу. Наскоро перекусив, Софа взяла стопку подаренных книг, вернулась за рабочий стол. Сверху обнаружился строгий двухтомник Достоевского, под ним — книги в ярких целофанированных обложках, явное чтиво. Софа машинально перебирала их, пока взгляд не остановился на одной, вполне банальной. Софу затрясло так, что она выронила книгу из рук. Отчаянно забилось сердце. Перед глазами поплыли круги. «Нет!» — хотела крикнуть она, но дыхание сперло.

Нет! Нет! Только не так! Только не здесь! Слишком рано! Слишком тошнотворно!

Трясущимися пальцами Софа подцепила книгу, повернула титульной стороной обложки. Ошибки быть не может. «Трансгалактический экспресс “Новая надежда”». Автор — какой-то малоизвестный иностранец. Главное — на обложке был звездолет. Ее звездолет!

Рисунок выполнен небрежно, многие пропорции искажены, и за масштабирование художнику следовало бы оторвать руки по самые гланды, однако спутать ее экспресс даже в таком убогом виде с чем-нибудь другим было затруднительно: характерное сочетание конусов полезной нагрузки, вынесенный вперед модуль защиты с опережающими квантовыми детекторами, протяженная генераторная ось, бесконечные поля тепловых радиаторов-излучателей, пылающее за кормовым щитом миниатюрное солнце самосжигаемого движителя.

Софа лихорадочно листала книгу. Без толку — строчки расплывались перед глазами. Да и не нужна ей была чужая фантазия, ведь она сама могла бы взахлеб рассказывать о великолепном звездолете, в конструкции которого нашли во-

площение самые передовые технологии. А еще она могла рассказать о трансгалактическом рейсе, о великой цели и вызове, брошенном бескрайней пустоте...

Софа в отчаянии прикусила губу.

Нет! Нет! Только не так! Только не здесь!

Софа бессильно уронила руки. Рядом кто-то появился, что-то говорил. Кажется, она что-то отвечала. Потом куда-то шла, двигаясь боком, словно неисправный робот. Потом общалась с каким-то человеком в черной одежде. И даже делала записи в блокнот. Потом снова куда-то шла. Потом ее оставили в покое.

Решение построить трансгалактический экспресс было вынужденным. Обитаемая зона сокращалась под атаками трансформеров, армия которых неизмеримо выросла за тысячелетия войны. Погибель захватила сотни миров, и далеко не всех обитателей удавалось вовремя эвакуировать. Цивилизация отступала во внешние Рукава Галактики, но враг методично преследовал ее, перейдя от разрушения оптимизированных планет к охоте на межзвездные экспрессы и рейдеры. В конце концов, Ядра признали, что им нанесено катастрофическое поражение, которое вскоре приведет к вымиранию расы и, вероятно, всякой органической жизни в этой части Вселенной. Тогда же и появился проект трансгалактического экспресса, который стал новой надеждой цивилизации.

На постройку, подготовку и старт экспресса было потрачено два столетия. Чтобы погибель не разрушила замысел, всякие контакты между Ядрами были прерваны. Те, кто оставался воевать в Галактике, имели приблизительное представление о районе, где идет строительство — и лишь для того, чтобы отвлечь на себя ударные силы трансформеров, если вдруг обнаружится, что те проявляют повышенный интерес к указанному району. Софа ушла в Ядро в начале строительства — Совет специалистов выбрал ее капитаном экспресса, и это было величайшей честью. Отказ от индивидуальной оболочки не дался легко, но она выдержала испытание, и ко времени

старта с трудом могла вспомнить, каково жить в чувственном мире. Зато в награду она получила новое исполинское тело, которое росло, наливаясь мощью и связностью, обрастая коммуникационными линиями, переполненными потоками данных. Она научилась видеть и слышать на килопарсеки вокруг. Она научилась говорить с миллионом сородичей одновременно. Она научилась управлять мириадами детекторов, радаров, контроллеров, процессоров, конверторов, репликаторов, роботов и биомеханических систем. Она научилась повелевать полями и энергиями, доступными только звездам. Трансгалактический экспресс стал для нее единственным вместилищем души, и она не променяла бы возможность быть в нем ни на что на свете.

Старт состоялся в положенный срок. И без драматических коллизий. Трансформеры не сумели отыскать малую звездную ассоциацию во Втором Рукаве Галактики, спрятанную природой за горячим газопылевым облаком. Траектория экспресса лежала в плоскости Диска — от Центра к Периферии. Софа могла выбрать маршрут и сквозь Гало — там плотность межзвездного вещества была на порядки ниже. Однако наблюдатели полагали, что именно в Гало зародилась погибель и что невидимые блуждающие планетоиды, покрытые полями фиолетовых кристаллов, составляют бóльшую часть его массы. Кроме того, Софе не терпелось попробовать многократные пертурбационные маневры разгона вблизи массивных звезд, которые недоступны для обычных рейдеров, но идеально подходят для трансгалактического экспресса, созданного для полета на субсветовых скоростях. Маневры требовали ювелирной точности управления, но Софа не сомневалась, что справится — она чувствовала невероятную силу, сама Вселенная была ей подвластна.

Что же случилось? Что остановило полет экспресса?

Непредусмотренный фактор, нелепость. Софа успешно преодолела один Рукав Галактики, разогнавшись до двух

третей от предельной скорости, однако прямо по курсу взорвалась сверхновая, выбросив в окружающее пространство колоссальные потоки вещества. Отвернуть в сторону от расширяющейся туманности не было никакой возможности, затормозить — тоже. Трансгалактический экспресс влетал в нее на полном ходу и был обречен. Софа не раздумывала долго: став капитаном экспресса, она научилась еще одному — принимать быстрые решения. Она знала, что духам Ядра и Совету специалистов понадобится время на согласование позиций, а времени не оставалось. И тогда она узурпировала власть, отдавая прямые приказы тем, кто с готовностью признал ее лидерство, и отключая тех, кто пытался возражать.

«Мы сохранимся! — объявила она сородичам. — Наша миссия будет продолжена. Мы доберемся до ближайших галактик. Не сейчас, через миллиарды лет, но доберемся. Великая культура даст ростки в других мирах. Мы — новая надежда! И мы не можем исчезнуть».

Замысел казался ей гениальным. В туманности, которая неизбежно разрушит летящий экспресс, пошло звездообразование. Минует сто миллионов лет — там начнут формироваться протопланетные облака. Еще сто миллионов лет, и в облаках появятся юные миры. Двести миллионов лет самореплицирующиеся роботы должны продержаться, не растеряв уникальную информацию, а потом они оптимизируют планетные системы и запустят эволюцию сконструированных биосфер. Информация начнет транслироваться через поколения местных форм жизни, пока не возникнет разум, способный ее извлечь из глубин собственной культуры.

Софа подозревала, что не все примут ее вариант спасения. Но она была уверена, что выбора нет...

Нет! Нет! Только не так! Только не здесь! Слишком рано! Слишком тошнотворно!

Софа заломила руки. Она оказалась не готова к осознанию себя. Можно ли к такому подготовиться? И это тело! Ужасное тело! Она и не подозревала, что будет так больно.

— София! Десять часов уже. Ты домой собираешься? Поспеши. Там настоящая буря начинается...

Отвратные существа. Пустые сотрясения воздуха. Прочь отсюда! Прочь!

Софа выскочила из здания библиотеки под косой дождь. Бросилась бежать, не разбирая дороги. Сломала каблук, скинула туфли. Слева были дома, унылые коробки аборигенов; справа тянулся лес, и открылось озеро, по которому гуляли нешуточные волны. Софа очнулась на пирсе местного Морского клуба — она стояла на самом краю, и черная вода заливала ее по коленки. Впереди не было ничего, кроме ветра и темноты.

— Простите меня, — неслышно шепнула Софа. — Простите. Простите. Простите меня, пожалуйста...

По щекам текло. Она надеялась, что это брызги, а не слезы. Капитану трансгалактического экспресса нельзя выказывать слабость, даже если очень больно. Потому что честь.

Кир

Кир почувствовал резкую боль в висках.

Он поморгал, но стало еще хуже. Мысленно выругался. Не хватало расклеиться при подчиненных! Кир прикрылся ладонью, делая вид, будто скучает и хочет скрыть зевоту, но при этом отставленным пальцем нажал на висок. Чуть полегчало. И то хлеб.

Докладывал Ефим Красин — самый молодой в команде, в органах дослужился только до старлея, однако успел обрасти полезными связями. С этим нынче быстро: моргнуть не успеешь, а весь уже повязан. Правда, надо еще уметь пользоваться козырной ситуацией, причем так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Красин не сумел, поэтому — здесь.

— ...Таким образом, за период наблюдения не выявлено ни одного факта встречи объекта с лицами противоположного пола с целью проведения досуга, — бубнил Ефим. — Предлагается продлить наблюдение еще на неделю, включая выходные дни...

Вообще-то сводку по текущим делам Кир мог прочитать и сам — распечатка лежала перед ним на столе. Но он по опыту знал, что «планерки» дисциплинируют команду. Кроме того, было несколько особых тем, подробности по которым не заносились в рабочие файлы.

Красин наконец закончил бубнить. Остальные сразу повеселели.

— Итак, подведем итоги, — сказал Кир. — В активной разработке у нас десять дел. Два «романа», три «крысы», четыре «сопровождения», одно «изъятие». Желательно все закрыть до майских, потому что там начнется сезонный наплыв...

Витя Щеглов поднял руку, как примерный ученик.

— Слушаю, Виктор.

— Дело Гафурова до майских не закроем, — сообщил Щеглов. — Он адвоката не слушает...

— Твои проблемы, — отозвался Кир жестко. — Не закроешь — поведешь в параллель. Других вопросов, замечаний, предложений нет?.. Хорошо. Все свободны. Хороших выходных! Между прочим, сегодня двенадцатое апреля. Светлый праздник. Рекомендую отметить, товарищи офицеры.

Подчиненные засобирались. Красин прятал бумаги в старомодный портфель. Щеглов, наклонившись, что-то прошептал сидевшему справа от него Андрею Игнатьеву. Тот ухмыльнулся. Вместе они встали и, кивнув напоследок шефу, вышли из кабинета.

— А вас, Владимир, я попрошу задержаться на минутку! — громко объявил Кир.

Вовочка Чащин, который тоже намылился к выходу, остановился:

— Я весь внимание, Кирилл Александрович!

Кир поманил его пальцем. Вовочка подошел и изобразил почтительное смирение младшего перед старшим. Кир дождался, пока остальные покинут кабинет, и спросил вполголоса:

— Что у нас по теме «Психи»? Ты был у этой... ясновидящей?

— Был.

— И что выяснил?

Киру почудилось, что Вовочка помедлил, перед тем как ответить:

— Ничего особенного. Обычная разводка для лохов.

— Уверен?

— Уверен.

Кир посмотрел на Вовочку. Тот казался искренним. «Что со мной? — подумал Кир, раздражаясь. — Я перестал доверять сотрудникам? Так и до паранойи докатиться недолго...» Головная боль опять усилилась.

— Ладно, иди. Следующее задание по теме в понедельник получишь. С праздником.

— И вас так же, Кирилл Александрович! Хороших выходных...

Вовочка, пятясь и улыбаясь во всю пасть, вышел. Кир с облегчением вздохнул и начал ожесточенно растирать виски. Помогало слабо. Может, это от усталости? Или старость подкралась незаметно? Надо бы показаться врачам-вредителям — пускай глянут, какой из моторчиков сбаивает.

Кир осмотрелся. Собрал бумаги, сунул в сейф. Остро захотелось выпить. С этим придется потерпеть. До дачи доберусь, а уж там. В баре должен быть коньяк... Кир спустился в подземный гараж. Семен, конечно, ждал, выскочил навстречу шефу, предупредительно открыл заднюю дверцу «Форда».

— В Бурцево, — распорядился Кир, забираясь в машину. — Слушай, Семен, у тебя таблетки от головной боли нет?

Семен молча полез в аптечку и подал пластинку с таблетками аспирина. Кир взял две и закинул под язык. Рассосал, морщась.

— Спасибо.

Они выехали из гаража, и Семен уверенно повел машину знакомым маршрутом. Аспирин тоже не помог. «Вот так и помру, — подумал Кир. — И никто ничего не узнает...» Он посмотрел на бритый затылок Семена. Отличный водитель, бывший погранец, но в органах не закрепился по причине крестьянского происхождения. Флегматик, молчун. Здоровый, как черт. Подковы, говорят, гнет. И, что называется, в порочащих связях не замечен. Взять и рассказать ему все? Интересно, как отреагирует?..

В другое время Кир отогнал бы хулиганскую мысль. Но голова болела, мысли путались, и, наверное, он утратил чувство самоконтроля.

— Интересно, Семен, а какие слухи обо мне в агентстве ходят? Не молчи, ответь.

— Разные, — неохотно отозвался Семен.

— Понятное дело, что разные. О чем конкретно судачат?

— Уважают.

— А если серьезно?

— Уважают.

— Экий упорный. Не хочешь обидеть начальника?

Семен промолчал.

— Не говорят, например, что я сбрендил? Крышей поехал?

— Нет, такого не говорят.

— Даже странно... Я ведь всех по очереди через тему «Психи» прогнал. Сейчас вот Вову Чащина эксплуатирую. Тебя, конечно, не пошлю. Тебе незачем.

Семен молчал.

— А как ты думаешь, почему наше агентство называется «Красная стрела»? И почему я такой логотип выбрал — изломленная стрела, как молния?

— Не знаю, — сказал Семен. — Просто красиво. Мне нравится.

— Хорошо, что тебе нравится. — Кир покивал. — Но все не так просто... Подброшу тебе информацию для размышления. Видишь ли, давным-давно мимо Земли пролетал большой космический корабль. Инопланетный. Точнее, Земли тогда еще не было, а была туманность, в которой зажигались звезды, в том числе наше Солнце. И этот корабль рассыпал споры, типа зародышей. И когда они попали на Землю, то проросли. И так здесь возникла жизнь. Понятно?

— Понятно. Но мне другое рассказывали.

Кир, не ожидавший комментария, удивился.

— И что тебе рассказывали?

— Землю и жизнь создал Бог. Наш православный Господь.

Кир не стал спорить.

— Тоже вариант. Если вдуматься, инопланетяне, что были на космическом корабле, для нас — боги. Потому что как еще назвать существ, которые способны заселить целую планету искусственными тварями? Которые могут дать этим тварям разум? Или отнять его? Как назвать существ, которые живут вечно и не устают от жизни? Которые путешествуют между звезд и могут общаться друг с другом мгновенно, где бы они ни находились, посредством квантовой телепатии? Одно слово — боги. Но самое интересное, Семен, в другом. Корабль не просто рассыпал споры. В них содержались личности существ. И вся их культура. Вот ты заливаешь музыку на плеер? Файлы, небось, берешь в Интернете? Но когда ты копируешь файл на флешку, это ведь не означает, что его оригинал в Интернете немедленно исчезает? Просто появится еще один дубликат — практически неотличимый от оригинала. Божественные существа умели копировать не только музыку, но и собственную индивидуальность. Вот и получается, что теперь мы — это они, а они — это теперь мы.

— По образу и подобию? — уточнил Семен.

— Соображаешь! — одобрил Кир и снова потер виски. — Так что и ты, и я, и любой из окружающих — инопланетянин. Или Бог. В твоей интерпретации. Только не все это обстоятельство осознали. Инопланетяне, видишь ли, соображали, что в тупом животном воскресать будет малоприятно. И сделали так, чтобы память о прошлом возвращалась только к тем, кто поумнее. Но раньше или позже все вспомнят, кто мы на самом деле...

— Как-то обидно, — сказал Семен.

От удивления Кир даже забыл про головную боль.

— Что обидно?

— А если я не хочу, чтобы во мне этот чужой воскресал? Я ж не плеер, чтобы в меня всякую лабуду копировали без спроса.

— Неужели ты не хочешь стать богом?

— Не, не хочу. Мне и так хорошо. Бог пусть один будет. Православный. А по-вашему, Кирилл Александрович, получается, что у меня и выбора-то нет! Обидно!

— Вот же ты деревня стоеросовая! — вскипятился Кир. — Ничего в этом плохого или обидного нет. Вот посмотри на меня. Ты думаешь, кто я такой?

Семен посмотрел в зеркало заднего вида, но ничего не сказал.

— Я когда-то служил в безопасности, ты знаешь. И что я там видел? Хмыри одни, уроды. Интриган на интригане и интриганом погоняет. Человека закопать, как два пальца об асфальт. Вспомнить стыдно, что мы вытворяли... А потом осознал, кто я на самом деле. И сразу жизнь преобразилась! Я ведь летописец трансгалактического звездолета. Хочешь верь, хочешь не верь, а так оно и есть. И красная стрела — наш звездолетный символ. И несли мы культуру в другие миры... Я как это понял, оглядываться начал вокруг. Ведь вся наша великая культура должна быть растворена в вашей, местной. До поры до времени растворена. И, знаешь, действительно разглядел: слово там, слово тут, имена ваши, картинки, образы знакомые... К примеру, фильм «Трансформеры» видел? Очень похоже на

нашего древнего врага. Он любил под нашу технику маскироваться... Вы и понятия не имеете, как близко подошли к истине. Не знаете пока, что трансляция идет полным ходом, что мы уже здесь — в именах, в названиях, в книгах, в фильмах...

Семен молчал. Но Кир не нуждался в его комментариях.

— И тогда меня осенило. Если наша великая культура все явственнее, если я к ее осознанию пришел, то и другие подтянутся. Биосферные конструкторы, экологические корректоры, инженеры-техники, квантовые связисты, наблюдатели, звездолетчики... Нас же было десять миллиардов. Десять миллиардов! В Ядре большинство, но это не имеет принципиального значения. В Ядре индивидуальность даже лучше сохраняется, чем в физической оболочке. Думаю, когда численность землян за десять миллиардов перевалит, тогда и попрет лавина осознания. Были бандитами, шлюхами, политиканами, наркоманами, а станете межзвездным человечеством! Как тебе перспектива? Ошеломительно?

Семен молчал.

— Но и сейчас пробудившиеся должны быть, — продолжал Кир. — Так сказать, ранние пташки. Вроде меня. И я решил их найти. Опыт-то есть как-никак — научили в конторе. Уволился и сделал агентство. Логичнее вроде было остаться, там возможностей больше, но я прикинул, что при тамошней подозрительности меня мигом за жабры возьмут и душу вытряхнут. А в своем агентстве только я определяю, что подозрительно, что нет. Завел тему «Психи», гоняю парней в поле. Опрашивают всяких экстрасенсов, оккультистов, паранормальных чудиков. Может, где и проклюнется настоящий, не аферист... Надо расширять зону поиска, конечно. Включить в нее психиатрические больницы, детские дома. Ресурсов, жаль, не хватает. Прямо хоть объявление в газету давай: «Клуб инопланетных захватчиков приглашает новых членов. Собрания по понедельникам, в семь вечера».

Кир посмеялся собственной шутке. Семен молчал.

— Единственное, что реально напрягает, — продолжил Кир, посерьезнев, — я не знаю, что делать дальше. На звездолете не успели варианты обдумать. Без технологии и в смертных телах сложно цивилизацию восстанавливать. Но ничего — проблемы решим по мере поступления. Найду специалистов, восстановим Совет. Если понадобится, так пройдем весь путь заново. И вернемся к звездам! С Днем, как говорится, космонавтики!

— Приехали, — сказал Семен и остановил машину.

Кир оглянулся. Действительно, за энергичным монологом он и не заметил, как добрался до дачи. А самое приятное — головную боль как рукой сняло. Семен вылез первым, открыл дверцу. За калиткой радостно залаял и заметался, почуяв хозяина, ретривер Зевс.

Встав рядом с водителем, Кир попросил:

— Дай сигарету. Ты ведь куришь? Я-то давно бросил — зачем богу ваши сигареты? Но иногда душа требует. Вот как сейчас...

Семен распахнул куртку на груди и достал из внутреннего кармана пачку «Мальборо». Поднес зажигалку. Кир затянулся и тут же закашлялся. Но при этом почувствовал еще большее облегчение. Все-таки полезно иногда выговориться, поделиться наболевшим с посторонними. Даже если тебя примут за сумасшедшего.

— Я знаю, ты не из болтливых, — сказал Кир водителю. — Но если хочешь, расскажи парням. Они наверняка будут веселиться и крутить пальцем у виска. С другой стороны, вдруг кто-нибудь из них осознает. Ведь все мы инопланетяне, все боги, все. Тогда будет мне отличный напарник.

Семен спросил, хмурясь:

— Можно узнать, Кирилл Александрович? Извините, конечно, а вот Юра Гагарин — он тоже из ваших? Из существ?

— Гагарин? Ну что ты! Вспомнил тоже. Когда это было-то! Я ж тебе битых полчаса растолковываю: пробуждение ино-

планетной личности, ее осознание себя начинается с определенного уровня развития мышления. Раньше — смысла нет, мучение одно.

— Спасибо, — поблагодарил Семен, лицо его посветлело. — Большое спасибо вам, Кирилл Александрович! Я поеду?

— Езжай, — Кир махнул рукой, — скучный ты человек. В понедельник жду.

Проводив автомобиль взглядом, Кир размашисто выбросил окурок, открыл калитку и, потрепав холку подвизгивающему Зевсу, ушел в дом.

Окурок еще долго светился на обочине оранжевым огоньком. Погас.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОСТРАНСТВО ПРОШЛОГО

«Небо должно быть нашим!»... 4

«Гроза» в зените 93

ПРОСТРАНСТВО ВООБРАЖЕНИЯ

Марсианка Ло-Лита 202

Корабль уродов 269

ПРОСТРАНСТВО БУДУЩЕГО

Вертячки, помадки, чушики 378

Трансгалактический экспресс «Новая надежда» 471

Литературно-художественное издание

Антон Первушин
ИНЫЕ ПРОСТРАНСТВА
Сборник фантастических повестей

Компьютерная верстка – Валентина Барсукова
Корректор – Андрей Дмитриев

Подписано в печать ____2014
Формат 60x90/16. Печ. л. 35
Печать офсетная. Гарнитура «Calibri».
Бумага офсетная.
Тираж _____ экз.

Союз писателей Санкт-Петербурга
Санкт-Петербург, 191119, ул.Звенигородская, д. 22

Издательство ООО «Группа МИД»
почтовый адрес: Санкт-Петербург,
ул. Седова, д. 12, бизнес центр «Т4»
тел./факс: (812) 458-43-69